

А. Архангельская (ред.)

Новое в русской и славянской фразеологии

НОВОЕ В РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

АЛЛА АРХАНГЕЛЬСКАЯ (гл. ред.)

OLOMOUČ 2020

К 80-летию профессора
Валерия Михайловича Мокиенко
и
70-летию профессора
Людмилы Ивановны Степановой

Recenzenti:

prof. Natalia Bragina, DrSc.
doc. PhDr. Jiří Gazda, CSc.

Redakční rada:

prof. Alla Arkhanhelska, DrSc.
Mgr. Mariia Dobrova, Ph.D.
prof. Ludmila Stěpanova, CSc.

Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky účelové podpoře na specifický vysokoškolský výzkum udělené Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR Univerzitě Palackého v Olomouci (IGA_FF_2020_013).

Neoprávněné užití tohoto díla je porušením autorských práv a může zakládat občanskoprávní, správněprávní popř. trestněprávní odpovědnost.

Hlavní editorka © Alla Arkhanhelska, 2020
© Univerzita Palackého v Olomouci, 2020

1. vydání

DOI: 10.5507/ff.20.24458892
ISBN 978-80-244-5889-2 (print)
ISBN 978-80-244-5890-8 (iPDF)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	10
ДУША ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕВРОПЫ (Л. Степанова, А. Архангельская).....	13
СЕРДЦЕ ОЛОМОУЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (А. Бирих, Х. Вальтер, М. Доброва, В. М. Мокиенко)	21
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ НАУЧНЫХ ТРУДОВ ПРОФ. Л. И. СТЕПАНОВОЙ	27
Новые процессы в современной русской и славянской фразеологии.....	49
НОВАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В НОВОЙ РОССИИ (С. Г. Шулежкова).....	50
ИСТОЧНИКИ НОВОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА (А. Бирих)	56
ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ В НОВОЙ СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ) (С. И. Георгиева)	63
ОСНОВНИ ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ ФРАЗЕОЛОГІЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ (Н. Ф. Венжинович).....	70
К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ КАТЕГОРИЙ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ И ИДИОМАТИЧНОСТИ В «НОВЫХ» ВАРИАНТАХ «СТАРЫХ» ФРАЗЕОМОДЕЛЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ С КОМПОНЕНТОМ ГРЫЗТЬ) (Е. В. Ничипорчик)	75
«СЛАДКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ»: НОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ СЛАДОСТИ (Е. К. Николаева).....	82
ДО ПИТАННЯ ПРО ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ ФРАЗЕОСЕМАНТИКИ (І. М. Полюжин).....	89
STARO IN NOVO V SLOVENSKI NAREČNI FRAZEOLGIJI: KAKO SE KADI, LAŽE, LEZE IN RIJE PO SLOVENSKO (V. Smole).....	94
СТЕРЕОТИПЫ ПОКОЛЕНИЯ Z В ВОСПРИЯТИИ ЛОКАЛЬНЫХ СИБИРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ (А. В. Михайлов, Т. В. Михайлова).....	101
SYNCHRÓNIA VO FRAZEOLÓGI V STARŠOM OBDOBÍ VÝVINU SLOVENČINY (J. Skladaná)	106

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ ФРАЗЕМ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: КАРТОННЫЙ ДОМИК (<i>HIŠKA IZ KART</i>) (<i>Э. Кржишник</i>)	110
ФРАЗЕОЛОШКИ НЕОЛОГИЗМИ (ВРЗ ПРИМЕРИ ОД МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК) (<i>Ј. Делова-Силјанова</i>)	117
Новое в русской и славянской фразеологии в зеркале лексикографии	123
НОВОЕ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ЗЕРКАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ (<i>В. М. Мокиенко</i>)	124
НОВА ФРАЗЕОЛОГИЈА В БЪЛГАРСКИЈ ЕЗИК (<i>Д. Г. Благоева</i>)	129
ЧЕШСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ НЕОЛОГИЈА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: ОТ СЛОВАРЯ К ТЕКСТУ (<i>Л. И. Даниленко</i>)	134
НОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА (<i>Е. В. Генералова</i>)	141
ЛЕКСИКОГРАФИЧНЕ ВІДТВОРЕННЯ ДИНАМІКИ ФРАЗЕОЛОГІЧНОГО ФОНДУ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРНОЇ МОВИ (<i>І. С. Гнатюк</i>)	146
Новые фразеологизмы в современном медиадискурсе	153
СЕТЕВОЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ <i>Я ЖЕ МАТЬ</i> КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА МАТЕРИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ (<i>И. П. Фаломкина</i>)	154
ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КРЫЛАТЫХ ФРАЗ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫРАЖЕНИЙ РОССИЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ) (<i>Л. Г. Ким</i>)	160
СМЫСЛОБРАЗОВАНИЕ И ЗНАКОПОРОЖДЕНИЕ ФРАЗЕМ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ (<i>Н. Н. Семененко</i>)	167
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СЕТЕВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (<i>Я. Тарса</i>)	172
SERWIS YOUTUBE JAKO ŹRÓDŁO NAJNOWSZEJ POLSKIEJ FRAZEMATYKI (<i>M. Rak</i>)	177
РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ИСХОДНОЙ СЕМАНТИКОЙ ПИЩИ В СОВРЕМЕННОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ ТРАВЕЛОГЕ (<i>Е. А. Юрина</i>)	181
Новые фразеологизмы в корпусах, современной публицистике и беллетристике	187
UPLATNENIE FRAZÉM A ICH MODIFIKÁCIE V PUBLICISTICKÝCH TEXTOCH (<i>D. Baláková</i>)	188
Z FRAZEOLÓGICKÝCH PODNETOV KORPUSU SLOVENSKÝCH TEXTOV DOSTUPNÝCH NA WEBE (NA PRÍKLADE <i>FIGY BOROVEJ</i>) (<i>V. Kováčová</i>)	195

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ФРАЗЕМ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (О. В. Тищенко)	201
СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРЕМИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (Е. В. Кишина)	206
РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В РЕЧИ ПОЛИТИКОВ (Я. А. Дударева)	211
ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ И ЧЕШСКИХ ПОЛИТИКОВ (Е. А. Рычева)	218
ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИИ РОМАНА ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»: СВОЕОБРАЗИЕ ДИСКУРСА – СИСТЕМА ФЕ (Т. Е. Аникина)	225
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ (Н. Райнохова)	230
Проблема границ современной славянской фразеологии.....	235
К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМАХ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (В. Хлебда)	236
КТО У НАС ОТДЫХАЕТ? (О КАТОЛИКАХ, БОЛЬШИХ, ЧЕМ ПАПА) (Б. Ю. Норман)	243
USTÁLENÉ PRIROVNANIE BEZ OFICIÁLNEHO STATUSU FRAZÉMY (М. Dobříková)	250
СТАРОЕ И НОВОЕ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ ПЬЯНСТВА (НА ПРИМЕРАХ ВЕНГЕРСКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ) (О. И. Федосов)	254
MINIMÁLNE FRAZEOLGIZOVANÉ KONŠTRUKCIE TYPU PREDLOŽKA + PODSTATNÉ MENO (Р. Ďurčo)	260
ТЕНДЕНЦИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (Н. Б. Корина)	265
СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: НЕКОТОРЫЕ НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ (А. В. Павлова)	270
CO ČEŠN, TO MUZIKANT? (Z. Vychodilová)	276
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ: ОТ СОСТАВНЫХ ТЕРМИНОВ, ЛОЗУНГОВ И ПРИЗЫВОВ К ФРАЗЕОЛОГИИ (Х. Вальтер)	284
Происхождение современных фразеологических неологизмов	289
ОТ ЗВЕЗДЫ ПЕРВОЙ ВЕЛИЧИНЫ К ПЕРВОЙ ЛЕДИ: СМЕНА РЕПЕРТУАРА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ (А. В. Рачковская)	290
НОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ: КАКИМ ОБРАЗОМ ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ ПОВЛИЯЛ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ? (Ж. Финк)	296

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: ВАРИАЦИИ ФОРМЫ (<i>Ш. Хайров</i>).....	301
ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОЛЬСКОЙ НОВОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (<i>Е. А. Невзорова</i>).....	308
VLIV ANGLIČTINY NA UTVÁŘENÍ NOVÝCH ČESKÝCH FRAZÉMŮ (<i>М. Копřивová</i>)	314
FRAZEOLÓGIA AKO ZRKADLO DOBY. REFLEXIA SPOLOČENSKEJ SITUÁCIE V SLOVENSKEJ A SLOVINSKEJ FRAZEOLÓGII (<i>С. Кмечовá</i>).....	319
'NOVIJI' FRAZEMI SA SASTAVNICOM 'GRBA' I 'GRBAV' U HRVATSKOM JEZIKU (<i>Н. Pintarić</i>)	324
РУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКЕ СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ КАК ПРИМЕР МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ (<i>А. В. Савченко</i>)	330
ŠPORTOVÉ FRAZÉMY V SLOVENSKÝCH MÉDIÁCH (<i>М. Јанковићовá</i>)	337
СЕМАНТИКА СТРАХА В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: ОБРАЗЫ И РЕАКЦИИ (<i>М. Л. Ковшова</i>).....	342

Трансформации фразеологических единиц в современной русской и славянской фразеологии 349

FRAZEOLÓGICKÉ BIBLIZMY V SÚČASNEJ RUSKEJ A SLOVENSKEJ REČI (<i>А. Arkhanhelska, V. Machek</i>).....	350
VNÍMÁNÍ BIBLICKÉ FRAZEOLÓGIE V ČESNÁCH A NA MORAVĚ V SOUČASNOSTI (<i>J. Šindelářová</i>).....	358
НОВОЕ – КАРНАВАЛИЗИРОВАННОЕ СТАРОЕ (В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВЫХ ФРАЗ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ) (<i>Л. П. Дядечко</i>).....	364
ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ В ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ ИДИОМ: ПАМЯТЬ ФОРМЫ ИДИОМЫ И ЕЕ УТРАТА (<i>П. С. Дронов</i>)	371
ФЕНОМЕН ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (<i>Л. П. Амири</i>)	376
АВТОРСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ФРАЗЕМИТЕ ВО МАКЕДОНСКИОТ АЗИК (ВРЗ МАТЕРИЈАЛ ОД СОЦИЈАЛНИТЕ МРЕЖИ) (<i>К. Велјановска, Б. Мирчевска-Бошева</i>).....	383
ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-МИФОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ- АНТРОПОНИМОМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (<i>И. Ю. Третьякова</i>)	389
MODIFIKACE ČESKÝCH FRAZÉMŮ ZAPOJENÍM ATRIBUTIVNÍHO ADJEKTIVA (PŘÍPAD PŘÍSLŮVEČNÝ/POVĚSTNÝ) (<i>Š. Uhrňák</i>)	395
ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (<i>Ж. Н. Жунусова</i>)	400

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ) (Т. Е. Недашкова, О. Ф. Загородняя)	406
ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ (О. В. Сахарова)	413
ПРОБЛЕМИ ЗІСТАВНОГО ВИВЧЕННЯ ФРАЗЕОЛОГІЧНОЇ ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТІ (В. О. Мешков).....	417
Современная паремиология, крылатика и афористика	423
ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ИСТОЧНИК НОВЫХ ИДИОМ (Н. В. Богданова-Бегларян)	424
ФИЛЬМОНИМЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ НОВОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (М. Моцаж-Клейндиенст)	429
МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА КАК НОВЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПАРЕМИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА (О. В. Радчук).....	435
«РУССКИЙ СТАНДАРТ», ИЛИ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПЕКТР КРЫЛАТОЙ ФРАЗЫ: ТЮТЧЕВ И СОВРЕМЕННЫЕ СМИ (Е. И. Селиверстова)	441
KDO JINĚMU JÁMU KOPÁ... TRANSFORMACE PŘÍSLOVÍ VE SLOVANSKÝCH JAZYCÍCH, NĚMČINĚ A MAĎARŠTINĚ (T. Tölgyesi)	446
ИНТЕРНЕТ-ЛОЗУНГИ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО РУССКОЙ СЕТЕВОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (Е. И. Зыкова)	451
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	457
АННОТАЦИЯ.....	492
SUMMARY	495
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	498

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник научных трудов «Новое в русской и славянской фразеологии», соавторами которого стали участникам международной конференции Slavofraz-2020, посвящен проблемам «живого как жизнь» и развивающегося в пространстве и времени языка, его «лавинообразной» и «многоликой» новой фразеологии, паремиологии, афористике, которая черпает «строительный материал» для своих многочисленных интерпретаций и обновлений из недр родного языка и активно осваивает иноязычные средства, стремительно изменяясь и обогащаясь под влиянием языковых и неязыковых стимулов. Тема «Новое в русской и славянской фразеологии» вызвала огромный интерес фразеологов со всего мира. В восьми ее главах представлено 69 исследование 72-ти ее участников из 16 стран: России, Беларуси, Украины, Польши, Словакии, Чехии, Словении, Македонии, Болгарии, Хорватии, Венгрии, Австрии, Германии, Великобритании, Казахстана, Тайваня. Новое понималось ее авторами как возникновение новых фразеологических единиц, как различного рода обновления инвариантов фразеологизмов и паремий с учетом фразеологического моделирования и как реактуализация элементов фразеологического фонда славянских языков в новых социальных условиях.

В 2020 году почетное право проведения Славофразы получила кафедра славистики Оломоуцкого университета. Международная конференция была задумана как чествование сразу двух юбиляров, двух СЛУЖИТЕЛЕЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МУЗЫ, судьба которых связана с Университетом им. Ф. Палацкого в Оломоуце: УЧИТЕЛЯ и его достойной УЧЕНИЦЫ. Участники конференции и соавторы сборника посвятили свои труды 80-летию профессора ВАЛЕРИЯ МИХАЙЛОВИЧА МОКИЕНКО и 70-летию профессора ЛЮДМИЛЫ ИВАНОВНЫ СТЕПАНОВОЙ. Их творческому сотрудничеству и настоящей, невероятно крепкой и трогательной профессиональной и человеческой дружбе уже более 50-ти лет. К сожалению, неизвестный доселе человечеству вирус COVID-19 коренным образом изменил не только нашу жизнь, но и формат проведения оломоуцкого «Славофразы». Он коснулся и председателя Оргкомитета конференции Людмилы Ивановны Степановой, за жизнь и здоровье которой на протяжении нескольких месяцев искренне и истово молилось все фразеологическое братство, ее друзья и родственники. К счастью, Людмила Ивановна в борьбе за жизнь победила, а нам удалось восстановить полный текст сборника, который она как председатель оргкомитета (не по-

дозревая, что книга будет посвящена и ей), крепко «держала в своих руках», идентифицировать всех ее участников и собрать воедино коллективный труд семидесяти двух исследователей новой фразеологии из Европы и всего мира.

Сборник «Новое в русской и славянской фразеологии» содержит 8 глав, авторы которых сосредоточились на характере и специфике новых процессов в современной славянской фразеологии, взаимодействии «старого» и «нового», «своего» и «чужого», общего и различного в их истоках, динамике и результатах, на вопросах границ и лексикографической фиксации новой фразеологии, преобразовательном потенциале устойчивых словесных комплексов (фразеологизмов, паремий, крылатых фраз, афоризмов и т. п.). Исследования выполнены на актуальном материале русского, украинского, польского, чешского, словацкого, болгарского, македонского и словенского языков, в большинстве – в сравнительном контексте с использованием современных медиа-, публицистических, беллетристических текстов, национальных языковых корпусов и подкорпусов, языковых фактов Интернета и сетевых коммуникаций с привлечением фактов других языков европейского ареала.

Объединенный библиографический список содержит систематизированный перечень использованной литературы и список сокращений источников изучаемого материала, частью которого стали и сокращенные обозначения национальных корпусов текстов. Несколько изданий одной книги в списке использованной литературы засвидетельствованы как отдельные позиции с учетом ссылок в текстах статей на разные издания и конкретные страницы. Учитывая огромное количество случаев использования электронных источников, отдельно в списке литературы они не выделены, а включены в тексты статей и примечания. Громоздкие ссылки на электронные источники в текстах отдельных статей и в списке литературы сокращены с использованием Службы сокращений URL-адресов (<https://cutt.ly/>).

Частью сборника стали библиография работ проф. Людмилы Ивановны Степановой, аннотации книги на русском и английском языке, а также сведения об авторах этого коллективного труда.

Организационный комитет искренне благодарит декана философского факультета Университета им. Ф. Палацкого в Оломоуце проф. *Зденека Пехала* и заведующего кафедрой славистики докт. *Милену Махалову* за моральную и финансовую поддержку издания этого коллективного труда (грант IGA_FF_2020_013). Огромная благодарность коллегам-фразеологам проф. *Александру Бириху*, проф. *Харри Вальтеру*, проф. *Дане Балаковой*, проф. *Олегу Федосову*, а также всем, оказавшим неоценимую помощь в восстановлении текста книги и упорядочении библиографии работ проф. Л. И. Степановой. Искренняя признательность рецензентам – доц. *Йиржи Газде* (Брно, Чешская Республика) и проф. *Наталии Георгиевне Брагиной* (Москва, Российская Федерация) за доброжелательное прочтение текста сборника, ценные советы и замечания. Отдельная благодарность нашим коллегам – доктору филологии

Ольге Чадаевой, аспирантам кафедры славистики Оломоуцкого университета *Магдалене Жалондиковой*, *Оксане Дунаевой* и *Виктору Вымазалу* за помощь в оформлении аннотаций, библиографического аппарата и системы приложений и *Михаэле Дадаковой* – за подготовку текста книги к публикации.

В Оломоуце 02.11.2020
Оргкомитет

ДУША ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕВРОПЫ

(К юбилею проф. Валерия Михайловича Мокиенко)

*Много дел у меня,
Эх, много дел у меня...*

Профессор кафедры славянской филологии Филологического факультета Санкт-Петербургского университета, почетный профессор университета Эрнста Морица Арндта в Грайфсвальде, почетный доктор Университета им. Палацкого в Оломоуце Валерий Михайлович Мокиенко родился 16 февраля 1940 г., накануне Великой Отечественной войны. Пережил голод, в младенчестве едва не погиб при обстреле. Вся его жизнь – пример таланта, труда, упорства и удачи. Он всегда умел определить цель и потом неумоимо идти к ее достижению. Поступив в 1959 г. на чешское отделение кафедры славянской филологии ЛГУ, он решил стать ученым и для этого начал усиленно заниматься ... спортом. Когда куратор группы Галина Алексеевна Лилич спросила студентов, что должен делать человек, чтобы стать ученым, он единственный ответил: «Нужно заниматься спортом». Ответом на ее недоуменный взгляд было: «Нужно стать сильным и выносливым, чтобы выдержать ту нагрузку, которая ожидает ученого».

А нагрузка ученого – профессора Мокиенко – огромна: им опубликовано 1220 работ!¹ среди которых 15 монографий, 45 учебников, более 40 словарей. Фразеология, которой Валерий Михайлович увлекся еще в студенческие годы, стала его любовью и частью его жизни. Нет сейчас в России и других славянских и неславянских странах фразеолога, который не знает трудов В. М. Мокиенко. Широта его научных интересов воистину впечатляет: это славистика (особенно русистика, украинистика, богемистика), этнолингвистика, сопоставительное языкознание и славянская диалектология, фразеология и ономастика, сопоставительная лексикология и фразеология славянских языков, транслятология, историко-этимологическая фразеология и паремимология, общая и славянская лексикография, лексикология и фразеогеография.

¹ См. ПРОФЕССОР ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ МОКИЕНКО (к 80-летию автора). Библиографический указатель научных трудов. Санкт-Петербург, 2020.

В 1976 г. Валерий Михайлович защитил докторскую диссертацию «Противоречия фразеологии и ее динамика», в которой были разработаны новые подходы к фразеологии: выявление динамического взаимодействия противоречивых свойств фразеологической системы, раскрытие механизма фразообразования с привлечением широких генетических и типологических параллелей. Именно в осознании и четкой формулировке противоречий фразеологии, пожалуй, заключается основная заслуга В. М. Мокиенко как теоретика этой науки. К наиболее существенным, кардинальным противоречиям в этой сфере ученый отнес *устойчивость – неустойчивость, моделируемость – немоделируемость, имплицитность – эксплицитность* и *образность – необразность*, из них с необходимостью вытекала еще одна важная оппозиция в сфере фразеологии: *синхрония – диахрония*. Позже эти идеи были отражены и развиты в книге «Славянская фразеология» (1980), выдержавшей несколько изданий. Раскрыть механизмы динамики славянских фразеологических систем позволил В. М. Мокиенко метод структурно-семантического моделирования, основанный на детализированном сопоставлении диалектной, славянской и неславянской европейской идиоматики. Сейчас этой методикой пользуются фразеологи всего мира.

Метод языкового сопоставления привел В. М. Мокиенко к славянской исторической фразеологии, где им сделано особенно много. На основе размышлений о происхождении поговорок возникли его книги «В глубь поговорки» (1975, 1989, 1999, 2005, 2008, 2010), «Образы русской речи» (1986, 1999, 2007, 2011, 2017), «Загадки русской фразеологии» (1990, 2005, 2007), «От Авося до Ятя» (1998, 2003). Этимологические комментарии содержат и «Русские фразеологизмы. Лингвострановедческий словарь» (1990, соавт. В. Ф. Фелицына), и словарь «Фразеологизмы в русской речи» (1997, соавт. А. М. Мелерович). Скрупулёзное изучение истории устойчивых оборотов позволило ученому выработать пять важных принципов этимологического анализа фразеологии: 1) тщательная фиксация всех вариантов фразеологизма и их лингво-географическое описание в пределах одного языка (с обязательным привлечением диалектного материала); 2) сопоставление собранного материала с языковыми фактами родственных и неродственных языков; 3) хронологическая характеристика конкретных фразеологизмов в различных языках и выявление наиболее древней фиксации; 4) привлечение культурных, этнографических, мифологических и т. п. фактов для расшифровки фразеологического этимона; 5) выявление на основе собранного материала исходного образа, лежащего в основе фразеологизма. Такое всестороннее рассмотрение устойчивых словосочетаний в их исторических и межъязыковых связях дало ему возможность опровергнуть многие существовавшие версии об исконности оборота, традиционно связывавшегося с русскими реалиями или, наоборот, продемонстрировать национальную специфику калькированного выражения.

Особенно увлеченно он занимается проблемами взаимодействия языка и культуры, раскрывая исторические корни славянской лексики и фразеологии. Ученик профессора Б. А. Ларина, В. М. Мокиенко неумоимо и последовательно воплощает в жизнь два основных принципа своего учителя: принцип лексикографической полноты описания и принцип полифонической семантизации Слова. Результатом историко-этимологических изысканий В. М. Мокиенко стал «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» (1998, 2001, 2005, 2007), содержащий этимологические версии около 6000 фразеологизмов, над которым он, вместе со своими учениками А. К. Бирихом и Л. И. Степановой, работает много лет. Нелегкий, но увлекательный труд составления словарей привлекал В. М. Мокиенко еще со студенческой скамьи, и сейчас мы видим впечатляющий результат его лексикографической деятельности.

В сотрудничестве с фразеологами России и разных стран Европы Валерий Михайлович создал поистине огромное количество фразеологических словарей, напр.: «Česko-ruský frazeologický slovník». Olomouc, 2002 (Соавт.: А. Wurm); «Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów». Jask, 2003 (Соавт.: W. Chlebda, S. Szuleżkowa); «Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы)». СПб.; М., 2005. (Соавт.: Х. Вальтер); «Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона. Около 5000 слов и выражений». М., 2005 (Соавт.: Х. Вальтер, Т. Г. Никитина); «Антипословицы русского народа». СПб., 2008 (Соавт.: Х. Вальтер); «Русско-немецкий словарь активных пословиц (с иноязычными параллелями и историко-культурологическими комментариями)». Greifswald – Szczecin, 2014 (Соавт.: Х. Вальтер, Е. Комаровска, К. Кусаль); «Крылатые слова басен Ивана Андреевича Крылова. Словарь». СПб., 2018. (Соавт.: К. П. Сидоренко) и многие другие. С присущей ему энергией и размахом он организовал расписывание древнейших и современных источников русской фразеологии и паремиологии. На основе этой картотеки уже изданы коллективные труды «Школьный словарь живых русских пословиц» (2002) и «Словарь русских пословиц» (2007).

Особо следует отметить изначально трехязычный словарь «Лепта библейской мудрости. Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов». Ружомберок – Грайфсвальд – Санкт-Петербург, 2012 (Соавт.: Д. Балакова, Х. Вальтер), который в результате возглавленной им коллективной работы фразеологов над международным проектом Bible and Christianity in Phraseology, целью которого было системное, комплексное и лингвистически последовательное сопоставление библейских выражений в русском, белорусском, украинском, словацком, немецком и английском языках, поиск общего и различного в сопоставляемом языковом пространстве и лингвокультурной перспективе, в 2014 году превратился в шестязычный словарь «Лепта библейской мудрости. Библейские крылатые выражения и афоризмы на русском, английском, белорусском, немецком, словацком и украинском языках». Моги-

лев, 2014. (Соавт.: Д. Балакова, Х. Вальтер, Н. Ф. Венжинович, М. С. Гutowская, Е. Е. Иванов, В. М. Мокиенко).

Он спас от забвения прекрасный словарь М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Своё и чужое» (переиздан В. М. Мокиенко в 1994 г. с его же предисловием и историко-этимологическими очерками) и словарь В. Флайшганса «Česká přísloví» (переиздан в издательстве Оломоуцкого университета к 100-летию юбилею его выхода в свет стараниями В. М. Мокиенко, Л. И. Степановой и директора издательства Ганы Дзиковой в 2013 г. с предисловием В. М. Мокиенко и комментариями издателей к переизданию словаря в соавторстве с Л. И. Степановой).

Огромное количество работ издано им на разных языках, многими из которых он владеет. Особое место среди языков многоязычной Славии принадлежит в его душе чешскому и украинскому. Чешский – язык, который вошел в его жизнь вместе в Галиной Алексеевной Лилич во время обучения в Ленинградском (Санкт-Петербургском) университете по специальностям «филолог-славист, переводчик с чешского языка, преподаватель русского языка и литературы». В «послужном списке» публикаций В. М. Мокиенко более полутора десятков работ, написанных на чешском языке, уже упоминаемый здесь «Русско-чешский фразеологический словарь», множество исследований, посвященных фразеологии чешского языка в историко-сопоставительном славянском и европейском контексте, а также учебники для русскоязычных студентов «Чешский язык: пособие по развитию речи» (два издания, 2010 и 2013., в соавторстве с Л. И. Степановой), третье «Говорим по-чешски: пособие по развитию речи» (в соавторстве с Л. Степановой и Я. Гулюшкиной, 2017), «Разговорный чешский в диалогах. Самоучитель» – в соавторстве с Я. Гулюшкиной, 2011). Нельзя не вспомнить и созданный им учебник «Русская фразеология для немцев» (соавт. Х. Вальтер, Т. Малински, Л. И. Степанова), изданный в Санкт-Петербурге в 2005 г. Не случайно имя Mokienko Valerij включено в авторитетный справочник «Kdo je kdo v dějinách české lingvistiky» (2008). Прибавим к этому звание почетного доктора Университета им. Палацкого в Оломоуце (2006) и тот факт, что за развитие научных контактов и успехи в славистике В. М. Мокиенко награжден почетными медалями Карлова университета в Праге (1985), университета им. Палацкого в Оломоуце (дважды, в 1996-м и 2000-м) и педагогического института Градец Кралове (1991).

С Украиной его связывает нечто большее, чем только язык: он родился в г. Керчь (Автономная республика Крым), с 1947 по 1956 гг. учился в мужской гимназии г. Измаил (Одесская область). Так он с детства впитал в себя и украинский язык, и украинскую культуру. Как-то в непринужденной беседе с Ю. Норманом Валерий Михайлович признался: когда в 1959 году он поступил учиться на филологический факультет Ленинградского университета, то звук «г» произносил на украинский, фрикативный манер и еще долго не мог от этого избавиться. Впоследствии, успешно преодолев этот произноси-

тельный недостаток, В. М. Мокиенко сохранил в душе искреннюю любовь и глубокую привязанность к украинскому языку, культуре и украинской фразеологии. В его арсенале – около двадцати работ, посвященных системному анализу украинской фразеологии и паремиологии, написанных на украинском языке и опубликованных в престижных изданиях Украины, доклады на многочисленных международных конгрессах украинистов в Киеве, Харькове, Одессе, где Валерий Михайлович акцентировал на значении украинского языка и украинской этнофразеологии для славистики, работы, посвященные лексикографическому наследию И. Франко и О. Горбача. Его имя включено в персоналии энциклопедического словаря украинского языка «Українська мова. Енциклопедія» (2000, 2005, 2007) и «Енциклопедію сучасної України». Воплощением его идеи и его стараний стало издание в Санкт-Петербурге учебника украинского языка для русскоязычных студентов «Українська мова: посібник з розвитку мовлення» (в соавторстве с А. Архангельской и Е. Левченко, 2012, 2017) и – по недосмотру пропущенного в издании полной библиографии его трудов – «Українсько-російського та російсько-українського словника відмінної лексики» (в соавторстве с А. Архангельской и Е. Левченко, Оломоуц 2015). Русский профессор с украинской фамилией В. М. Мокиенко, работая с 1995 г. в статусе приглашенного профессора в Институте славистики Эрнст – Моритц – Арндт-Университета в Грайфсвальде (Германия), в 1996 г. организовал на базе этого института кафедру украинистики и руководил ею и «Украиникумом» – научно-педагогическим форумом по исследованию и преподаванию украинского языка и культуры – до 2005 года. С 1996 года он – член ассоциации украинистов Германии. На немецком им опубликованы многочисленные статьи об украинском языке, украинской культуре и языковой ситуации в Украине на переломе тысячелетий. По его инициативе и при его соавторстве были созданы два учебника украинского языка для немецких студентов в серии «Украинские книги Грайфсвальда»: *Die heutige Ukraine in Texten. Lehrmaterial für das Greifswalder Ukrainicum*. Н. 1. Bd. 2 и *Die ukrainische Sprache in Vergangenheit und Gegenwart // Die Ukraine in Vergangenheit und Gegenwart. Aufsätze zu Geschichte, Sprache und Literatur*. Н. 1. Bd. 1. Greifswald: 2004.

Нельзя обойти вниманием и огромное немецкоязычное творческое наследие В. М. Мокиенко. Немецкий язык и его фразеология в историко-этимологическом, фразеографическом сопоставительном славянском контексте оставались и остаются одной из исследовательских доминант Юбиляра. Книга, объединившая все его работы, написанные на немецком, неожиданно для автора изданная в 2018 г. стараниями А. Мидера и Х. Вальтера (*Wo der Hund begraben liegt. Studien zur slawischen Parömiologie und Phraseologie von Valerij Michajlovič Mokienko*: Burlington – Greifswald, 2018) и торжественно врученная ему в мае 2018 года в Грайфсвальде, составила 308 страниц убористого типографского текста. Авторы Предисловия к изданию А. Мидер и Х. Вальтер

не случайно назвали его *Ehre, wem Ehre gebührt!* – *Кому честь, честь!*, а в заглавие книги включили фразу *Wo der Hund begraben liegt* – *Вот где собака зарыта*. Всем, кто знает Валерия Михайловича, известно, что он любит выбирать в качестве объектов своего исследования самые трудные, этимологически «темные», противоречивые и непонятные случаи и виртуозно их «решать».

Валерий Михайлович – блестящий и мудрый педагог. Число его учеников огромно. Под его руководством защищено более сотни кандидатских и около 20 докторских диссертаций, в их числе более 30 диссертаций по сопоставительной славянской и германской фразеологии и паремиологии. Проф. В. М. Мокиенко охотно и щедро делится своими знаниями с настоящими и будущими славистами. Его неоднократно приглашали в зарубежные университеты и другие учебные заведения для чтения лекций и ведения занятий по славистике. География его педагогической деятельности воистину впечатляет. Это Чехия (Карлов университет в Праге – 1976, 2004; Университет им. Палацкого в Оломоуце – 1979, 2004, 2007, 2016); Германия (Гамбургский университет – 1983; курсы русского языка в Тиммендорфер-Штранде – 1984, 1986, 1991, университет Манхайма – 1986, 1991, 1992; университет им. Гумбольдта – 1991, 2005; Свободный университет Берлина – 1990–1993; университет Йены – 2006), США (Дюкский университет, Северная Каролина; университеты в Джорджтауне, Вашингтоне; Тафтский в Бостоне – 1988; Иллинойский университет – 1989); Австрия (университеты Вены, Граца (в 1994–1995 гг. В. М. Мокиенко работал приглашенным профессором Института славистики), Зальцбурга, Клагенфурта и Инсбрука – 1990); Испания (университет в Барселоне), Италия (университеты Милана и Бари – 1997, 2001), Венгрия (Будапештский университет, 1997), Белоруссия (Могилевский университет – 2007).

Научному сообществу В. М. Мокиенко известен как ученый с широчайшим научным филологическим кругозором и энциклопедическими знаниями. Его выступления на научных конференциях и съездах славистов, МАПРЯЛ и РОПРЯЛ всегда вызывают живой интерес аудитории. Доклады Валерия Михайловича звучали, вызывая огромный интерес и дискуссии, на большинстве конгрессов славистов начиная с 1978 года (Загреб, Киев, Краков, Люблина, Минск и др.) и конгрессов МАПРЯЛ (Братислава, Москва, Прага, Регенсбург, Варна, Шанхай и др.), практически на всех международных конференциях по фразеологии и паремиологии – в Варшаве, Гданьске, Ополе, Граце, Париже, Щецине, Грайфсвальде, Оломоуце, Братиславе, Ружомберке, Москве, Пскове, Костроме, Магнитогорске, Санкт-Петербурге, Киеве, Одессе и др.

Валерий Михайлович уверен в плодотворности коллективной работы над большими проектами. Поэтому в 1977 г. он создал Фразеологический семинар при Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина, который стал международным центром по исследованию славянской фразеологии и паремиологии. Много десятков аспирантов, посещавших семинар, стали кандидатами наук, а многие уже защитили докторские диссертации в России,

Украине, Белоруссии, Чехии, Германии, стали профессорами, заведующими кафедр, деканами. Его участники, пропитанные корпоративной идеологией не хуже выпускников Гарварда, составляют некое «фразеологическое целое», во всем помогая и поддерживая друг друга. Семинар имеет свою страницу <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/>, на которой регулярно вывешивается информация о предстоящих конференциях, помещаются фразеологические новинки и другие ценные для фразеологов сведения. При этом слово «Мокиенко» здесь остается бессменным «паролем на вход».

Валерий Михайлович Мокиенко – поистине душа фразеологической Европы, неутомимый организатор и участник фразеологических конференций, живая сокровищница советов, щедро раздаваемых всем интересующимся фразеологией, «организатор всех наших побед». Это не только великий ученый, человек высочайшей эрудиции, «ходячая энциклопедия» для близких ему коллег и всех, кем он мгновенно «обрастает» в любой точке мира, приехав на конференцию, в университет для чтения блок-лекций или путешествуя по миру в рамках своей активной международной деятельности. К тому же он – замечательный человек с «непрофессорской» внешностью: добрый, интеллигентный, открытый, доброжелательный, умеющий увлечь идеей, зажечь задумкой, легко вдохновить на огромный труд, и одновременно – веселый собеседник с непревзойденным чувством юмора, автор стихов и здравиц, шуточных и лирических песен под гитару, без хорового исполнения которых не обходится ни одна конференция. Валерий Михайлович обладает удивительной способностью мгновенно переключать «языковой код»: секунда – и он уже поет на украинском, чешском, словацком, словенском, македонском, польском, болгарском, немецком...

Многогранность, цельность личности Валерия Михайловича Мокиенко, его незаурядные способности, блестящий ум и масштаб сделанного дают основание говорить о нём как о выдающемся ученом-филологе XX и XXI столетия, к которому как русскому человеку вполне применимо нерусское, но очень емкое **self-made man** – человек, сделавший себя сам, добившийся успеха, славы, признания и безмерного уважения коллег, утвердивший свое имя в европейской и мировой науке исключительно своим упорным каждодневным трудом и своими собственными силами. Свойственное ему объединяющее начало (искать общее в различном) стирает не только установленные некоторыми учеными призрачные границы национальных фразеологий и культур, но смягчает любые из них и устраняет реальные межгосударственные границы. Кажется, если бы каждый самоотверженно трудился, «Делал Дело» – по данным им же созданного словаря фразеологических синонимов – *пахал [работал] в поте лица, не жалея себя, как проклятый, как каторжный, без разгибу, до седьмого пота* так, как он, в мире стало бы меньше злобы, ненависти, конфликтов и братоубийственный войн.

В 2003 г. В. М. Мокиенко был избран председателем Фразеологической комиссии Международного комитета славистов, а с 2018 г. стал ее Почетным председателем. Фразеологическая комиссия, возглавляемая проф. В. М. Мокиенко, по праву считалась одним из наиболее активных центров славистических исследований в плееде 28 международных комиссий, отличаясь яркостью исследуемой проблематики, частотой и уровнем организованных ею конференций, и, что, наверное, наиболее важно для международного научного сотрудничества, – духом коллегиальности и особого «фразеологического братства», которому по-доброму завидовали и завидуют сегодня многие ученые. Этот дух обеспечивает постоянное и эффективное взаимодействие фразеологов-славистов всей многоязычной Европы. Под эгидой комиссии каждый год в разных странах проводятся международные фразеологические конференции под общим названием Slavofraz. В 2020 г. этой чести был удостоен Университет им. Палацкого в Оломоуце. Этот коллективный труд, соавторами которого стали участники оломоуцкого Славофразы-2020, посвящен славному юбилею Валерия Михайловича. Это – лишь малая капля в огромном море глубочайшей признательности Маэстро европейской фразеологии за его вклад в отечественную и мировую славистику, выражение искренних чувств к Юбилею.

Zlomte vaz, Mistře! Z poci i vodi Вам на многая i благая літа!

Л. Степанова, А. Архангельская

СЕРДЦЕ ОЛОМОУЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

(К юбилею проф. Людмилы Ивановны Степановой)

*Искусство, процедуры которого
остаются скрытыми,
нельзя передать с помощью предписаний,
ибо таковых не существует.
Оно может передаваться
только посредством личного примера,
от учителя к ученику*

М. Полани

Людмила Ивановна Степанова, будущий профессор, доктор филологических наук, основатель и бессменный руководитель Оломоуцкой фразеологической научной школы, ученый секретарь Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов, одна из ключевых фигур современной чешской славистики, родилась 9 апреля в небольшом шахтерском городе Каменске близ Ростова-на-Дону. Окончив в 1967 году Каменскую среднюю школу с золотой медалью, Людмила Ивановна поступает, пройдя по сложнейшему конкурсу и войдя в счастливую пятерку принятых абитуриентов, на чешское отделение Ленинградского государственного университета и сразу попадает в орбиту педагогической деятельности крупнейших языковедов – Г. А. Лилич, В. М. Мокиенко, А. В. Бондарко и многих других, оказавших на будущего ученого огромное влияние и вдохновивших ее навсегда связать свою судьбу с лингвистикой, и в первую очередь – с фразеологией.

Все годы обучения в университете Л. И. Степанова является участницей студенческого научного общества, выступая с докладами по активно ею разрабатываемой проблематике имен собственных, а в 1972 году с отличием защищает диплом на тему «Собственные имена в чешской фразеологии». После окончания университета Людмила Ивановна начинает работать переводчиком и преподавателем на кафедре иностранных языков Ленинградского института физкультуры и спорта, а с 1983 по 1985 г. преподает русский язык как иностранный в Ленинградской консерватории им. Римского-Корсакова. В 1978 году Л. И. Степанова поступает в заочную аспирантуру на кафедре славян-

ской филологии филологического факультета ЛГУ и оканчивает ее в 1985 году, блестяще защитив кандидатскую диссертацию по теме «Фразеологические единицы с именами собственными (на материале чешского языка)», в которой предложила многоаспектный анализ имен собственных в составе чешской фразеологии, продемонстрировав как прекрасное знание материала, так и филигранное владение методологическим аппаратом. После успешной защиты диссертации перспективного ученого приглашают преподавать на кафедре славянской филологии Ленинградского государственного университета, где Л. И. Степанова с 1985 по 1992 г. проходит путь от ассистента до доцента.

На кафедре славянских языков ЛГУ Людмила Ивановна Степанова не только активно включается в педагогическую работу и преподает множество дисциплин (теорию и практику перевода, грамматику, фонетику, лингвострановедение и мн. др.), но и становится одним из участников и полноправных соорганизаторов знаменитого Фразеологического семинара при Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина. Со свойственной ей инициативностью и энергичностью Л. И. Степанова вносит свою организаторскую и фразеологическую лепту не только в формирование плана, тактики и стратегии работы Семинара и «семинаристов» в те годы, но и в создание уникальной базы данных в виде сводной лексикографической картотеки, участие в создании которой также принимало значительное число участников и руководителей семинара: В. М. Мокиенко, А. К. Бирих, Е. К. Николаева, Е. И. Селиверстова, Е. И. Зыкова и многие-многие другие. Результатом стали сводные фразеологическая и паремиологическая картотеки Словарного кабинета им. Б. А. Ларина, являющиеся опорой и подспорьем в работе современных фразеологов и ставшие основой создания многих фразеологических и паремиологических словарей, в том числе двуязычных и многоязычных.

Любовь к фразеологии и традиции Петербургской фразеологической школы Людмила Ивановна привезла с собой и в Чехию. С 1992 года научная и педагогическая деятельность тогда доцента, а позже профессора Л. И. Степановой тесно связана с Оломоуцем и кафедрой славистики университета им. Ф. Палацкого, где под ее руководством сразу же возникает фразеологический семинар (в 2022 году ему исполняется 30 лет), постепенно, благодаря таланту основателя, «выросший» в научную школу. В Оломоуцком университете Людмила Ивановна Степанова успешно проходит процедуру habilitation, защитив в 2003 году докторскую диссертацию по специальности «Сравнительное славянское языкознание». Результаты диссертации были отражены в двух опубликованных научных монографиях «Очерки по истории чешской фразеологии» (2003) и «Česká a ruská frazeologie. Diachronní aspekty» (2004), посвященных проблематике фразеологических фондов русского и чешского языков с точки зрения происхождения фразеологизмов и степени их национального своеобразия. В 2012 году Людмила Ивановна становится профессором, получив профессорский диплом из рук Президента Чешской Республики.

Сфера исследовательских интересов профессора Л. И. Степановой поражает широтой научного кругозора и многообразием тем, связанных не только с изучением лексики и фразеологии. Особое место в творческом багаже Юбилера, конечно же, занимают исследования, посвященные историко-этимологическому аспекту изучения фразеологических единиц и демонстрирующие диахронический подход к фразеологии. Среди этих работ, продолжающих традиции Фразеологического семинара кафедры славянской филологии ЛГУ (СПбГУ) и часто созданных в соавторстве с ее представителями, в первую очередь необходимо отметить масштабные библиографические указатели: «История и этимология русских фразеологизмов (1825–1994)» (1994, соавт.: В. М. Мокиенко, А. К. Бирих), «Historie a etymologie českých rčení. Bibliografie pramenů» (1998), а также ставшие классикой и выдержавшие бесчисленное количество переизданий словари: «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» (1998, соавт.: В. М. Мокиенко, А. К. Бирих), «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» (2007, соавт.: В. М. Мокиенко, А. К. Бирих). Сюда же можно отнести и уже упоминавшиеся фундаментальные монографии «Очерки по истории чешской фразеологии» (2003) и «Česká a ruská frazeologie. Diachronní aspekty» (2004), в которых чешская и русская фразеология рассматривается с диахронической точки зрения, при этом основной задачей исследования является изучение ведущих тенденций развития фразеологических систем указанных языков с учетом их количественных и качественных показателей. Значительную ценность составляют и представленный в них глубокий анализ способов адаптации иностранных фразеологических заимствований, и определения степени иноязычного влияния на фразеологические системы русского и чешского языков, и проект историко-этимологического словаря чешской фразеологии.

Другой «полюс» научного интереса Юбилера составляют исследования современного состояния русского языка, ориентированные на изучение динамических процессов, в том числе неологических, в русском языке нашего времени и нашедшие свое отражение как в замечательной монографии «Současný ruský jazyk: triumf verbální svobody» (2011), в которой подробно и наглядно рассматриваются основные тенденции, свойственные русскому языку и языковой ситуации последних десятилетий (неологизация, жаргонизация, карнавализация и др.), так и в учебном пособии «Мир современного русского языка» (2019, соавт.: Л. Гиарский), в «Словаре русских неологизмов» (2018, соавт.: М. Доброва) и ряде статей, посвященных различным актуальным лексическим и фразеологическим проблемам и явлениям, вопросам новых языковедческих парадигм и мн. др.

Особенно много Людмилой Ивановной сделано в сфере сопоставительного исследования фразеологии (в первую очередь, чешского или русского языков, но не только), что находит свое отражение в просто не поддающихся перечислению работах. Среди них, например, «Учебное пособие по русско-

чешской фразеологии» (1989, соавт.: Р. И. Яранцев), «Русско-чешская фразеология (Свойства и качества характера)» (1992, соавт.: Р. И. Яранцев), «Русская фразеология для чехов» (1995, соавт.: В. М. Мокиенко, Т. Малински), «*Rusko-český frazeologický slovník*» (2007), «Русская фразеология для немцев» (2005, соавт.: Х. Вальтер, Т. Малински, В. М. Мокиенко), «Человек во фразеологической картине мира (в русско-чешском сопоставительном плане)» (2016, соавт.: А. Arkhanhelska, А. Poliščuk, N. Rajnochová, М. Svašková), «Русская фразеология для поляков» (2018, соавт.: Х. Вальтер, В. М. Мокиенко, Е. А. Невзорова-Кмеч) и многое-многое другое.

При этом, безусловно, одно из главных мест в творчестве профессора Л. И. Степановой занимает фразеография. Высочайшая «фразеографическая продуктивность» Юбилея подарила современной фразеологии значительное количество словарей, многие из которых выдержали несколько переизданий и стали фразеологической классикой, напр., «Словарь фразеологических синонимов русского языка» (1997, 2001, 2009, соавт.: А. К. Бирих, В. М. Мокиенко), «*Rusko-český frazeologický slovník*» (2007) и мн. др. Есть среди них и уникальные лексикографические издания. К таким, например, относятся созданные и изданные в соавторстве монументальные труды «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» (1998, 2001, соавт.: А. К. Бирих, В. М. Мокиенко) и «Русская фразеология. Историко-этимологический словарь» (2005, 2007, соавт.: А. К. Бирих, В. М. Мокиенко), представляющие собой первое наиболее полное (около 6000 языковых единиц) историко-этимологическое словарное описание русских фразеологизмов, пословиц, поговорок, крылатых выражений, перифраз и др. В словарях, построенных на основе разработанной В. М. Мокиенко методики структурно-семантического анализа, раскрывается исходный образ каждого фразеологизма или паремии на фоне широкого лингвокультурологического комментария, основанного на различных исторических фактах, народных обычаях и культурных реалиях. Еще одним уникальным фразеографическим трудом можно назвать первый в своем роде трехязычный словарь «*Rusko-česko-slovenský slovník frazeologických synonym*» (2014, соавт.: P. Fojtů, М. Jankovičová), включающий в себя свыше 7000 русских фразеологизмов (и такое же количество чешских и словацких эквивалентов!) и около 900 синонимических рядов, созданный с целью максимально полного описания фразеологической синонимии русского, чешского и словацкого языков. Безусловно, к таким же изданиям можно отнести и первый идеографический фразеологический словарь-тезаурус «*Člověk ve frazeologii. Rusko-česko-polský frazeologický slovník*» (2016, соавт.: М. Свашкова, Т. Архангельская).

Без деятельного участия и кропотливой работы Людмилы Ивановны мог бы остаться, как говорят чехи, *ležet ladem* и уникальный материал словаря чешских пословиц и поговорок Вацлава Флайшганса 1911 года, который был переиздан в виде солидного двухтомника «*Václav Flajšhans. Česká přísloví. Sbírka*

příslaví, průpovědi a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku» (Oloouc, 2013) с дополнениями и комментариями В. М. Мокиенко и Л. И. Степановой. Конечно, даже при беглом взгляде на список опубликованных трудов Людмилы Ивановны мы увидим, что сфера ее научных интересов очень широка и не ограничивается только фразеологией, но тем не менее – именно Фразеология становится главным объектом приложения талантов Юбиляра.

Профессор Л. И. Степанова – постоянный гость не только на крупнейших научных конференциях и симпозиумах, чьи доклады всегда ожидаются с интересом и вызывают большой отклик среди участников, но и в студенческих аудиториях европейских вузов, где она читала лекции и как приглашенный профессор (Германия, Бельгия, Россия, Польша и др.), и как сотрудник (параллельно с работой в Оломоуцком университете Людмила Ивановна какое-то время преподавала на философских факультетах словацких университетов в Ружомберке и Трнаве).

Безусловно, педагогическая деятельность играет в жизни Юбиляра особую роль. Людмила Ивановна – блестящий Учитель и потрясающий научный руководитель: за годы преподавания самого широкого круга предметов славистического цикла (русская и чешская фразеология, лексикология, переводоведение, стилистика, фонетика, реалии современной России и русской православной церкви, новые процессы в современном русском языке, спецсеминары для аспирантов и др.) и научного руководства проф. Л. И. Степанова вовлекла в сферу своих исследовательских интересов множество студентов и докторантов кафедры славистики университета им. Ф. Палацкого. За годы функционирования лексико-фразеологического семинара под чутким руководством Людмилы Ивановны защищено значительное количество студенческих работ и диссертаций на соискание ученой степени *philosophiae doctor* (Ph.D.) по различным проблемам фразеологии, лексикологии, семасиологии, неологии, переводоведению и др.

Профессором Л. И. Степановой и под ее руководством успешно реализовано и реализуется много грантовых проектов, посвященных самым разным проблемам современной лингвистики: когнитивным и культурологическим исследованиям (*Kognitivnaja kulturologia: cennostno-smyslovoe prostranstvo jazyka* (2009–2010)), изучению новой русской лексики и фразеологии (*Výzkum nové ruské slovní zásoby* (2010), *Výzkum neologizačních procesů v současné ruštině* (2016–2018)), исследованию фразеологической синонимии (*Výzkum rusko-česko-slovenské frazeologické synonymie* (2013–2014)) и фразеологической идеографии (*Člověk ve frazeologickém obraze světa (na materiálu ruštiny, češtiny a polštiny)* (2014–2016)). В данный момент творческий коллектив кафедры славистики университета им. Ф. Палацкого под руководством Людмилы Ивановны активно работает над грантовым проектом «*Diachronní analýza české frazeologie*» (2018–2021), посвященным разработке и созданию историко-этимологического словаря чешской фразеологии.

Благодаря Людмиле Ивановне, ее руководству, организаторским талантам и уникальным личным качествам каждые два года в рамках международной конференции «Оломоуцкие дни русистов» проводится фразеологическая секция, приглашение участвовать в которой принимают ученые из разных университетов и стран (Чехии, России, Польши, Бельгии, Беларуси, Болгарии, Хорватии, Франции, Латвии, Германии, Австрии, Словакии, Украины и др.), среди которых и крупнейшие фразеологи мира. Широта фразеологических научных интересов Юбиляра отражается и в предложенных ей темах, объединяющих выступления всех участников. Так, в последние годы лингвисты собирались с целью обсудить следующие фразеологические вопросы: «Диакроническое исследование русской фразеологии в контексте славянских и других европейских языков» (2003), «Актуальные проблемы фразеологии» (2005), «Русские и славянские пословицы в европейском контексте» (2007), «Фразеология и субстандарт» (2009), «Фразеология и Интернет» (2011), «Фразеология и культура» (2013), «Фразеология и неология» (2015), «История и этимология русских и славянских фразеологизмов» (2017).

Людмила Ивановна – автор многих учебных пособий (не только по фразеологии и лексикологии!), на которых выросло целое поколение студентов русистических специальностей Чехии и русских студентов-богемистов, постоянный редактор коллективных монографий и научных журналов, член диссертационных советов, оппонент и рецензент лингвистических работ по русистике, богемистике, славистике. Роль профессора Л. И. Степановой в чешской лингвистике и ее признание среди коллег столь высоки, что в 2019 году она была номинирована на престижную премию «Cena Milady Paulové», присуждаемой в Чешской Республике за вклад женщин-ученых в науку.

Перечисляя приведенные выше «статистические данные», касающиеся деятельности и творчества Юбиляра, мы рассматриваем так нелюбимые Людмилой Ивановной «формальные» показатели и атрибуты, но хотим отметить, что никакими наукометрическими показателями и индексом Хирша не измерить широты души, доброты, уникальных человеческих качеств и любви к своему делу, отличающих Людмилу Ивановну. Профессор Л. И. Степанова – не просто центр притяжения всей кафедры славистики, куда идут за консультациями и советами (и не только по фразеологии!) и где любого всегда ждет горячий чай, угощения и приглашение съездить «на дачку», разговоры обо всем на свете (и обязательно – о цветах, являющихся страстью Юбиляра), а настоящее сердце всей оломоуцкой фразеологии.

Коллеги, друзья и ученики поздравляют Людмилу Ивановну с юбилеем, желают ей крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов!

А. Бирих, Х. Вальтер, М. Доброва, В. М. Мокиенко

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

проф. Людмилы Ивановны Степановой

-
- 1978 1. Крылатые выражения с античными именами в русском и чешском языках. *Ruský jazyk*. 1978. N 6, с. 252–259.
-
- 1979 2. Каламбуры с именами собственными в чешской фразеологии. In: *Славянская филология*. 1979. Вып. IV, с. 123–127.
3. Рец. на кн.: Проблемы изучения словацкой фразеологии. In: *Вестник Ленинградского университета*. 1979. Сер. 2. Вып. 8, с. 114–116.
-
- 1983 4. *Никита Ильич Толстой: Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию*. Самарканд, 1983. 112 с. (Соавт. Бойцов С. А., Бояркин В. Д., Бушуй А. М. и др.).
-
- 1984 5. Пер.: Петр, Я. К. *Маркс, Ф. Энгельс и славянские языки*. / Пер. с чеш. М., 1984. 160 с. (Соавт. Мокиенко В. М.).
-
- 1985 6. *Фразеологические единицы с именами собственными (на материале чешского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Л., 1985. 16 с.
7. Рец. на кн.: З. Д. Попова, И. А. Стернин. Лексическая система языка. 1984. In: *Вестник Ленинградского университета*. 1985. Вып. 16, с. 122–124. (Соавт. Долгова И. А.)

-
- 1986**
8. Масленица в Ростов поехала. *Русская речь*. 1986. N 2, с. 117–119. (Соавт. Бояркин В. Д.)
 9. *Библиографический указатель. Вопросы терминологии по фразеологии, общему и прикладному языкознанию*. Самарканд, 1986. 256 с. (Соавт. Атаева Г. М., Агабабова Н. В., Беляева Л. В. и др.)
 10. *Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию. Профессор Галина Алексеевна Лилич*. Самарканд, 1986. 147 с. (Соавт. Атаева Г. М., Бирих А. К., Болотина Т. Т. и др.)
 11. Интернациональные фразеологизмы с именами собственными. In: *Filologické studie*. Praha, 1986. Вып. XIV, с. 207–215. (Соавт. Волков С. С.)
-
- 1987**
12. Функции имени собственного в составе фразеологической единицы. In: *Вестник Ленинградского университета*. 1987. Вып 2, с. 88–91.
 13. Рец. на кн.: Библиографический указатель по славянской филологии. In: *Вестник Ленинградского университета*. 1987. Вып.2, с. 110–111. (Соавт. Бирих А. К.)
 14. Словарь славянских фразеологических терминов. In: *Фразеологизм и его лексикографическая разработка. Материалы IV Международного симпозиума в рамках заседания Международной комиссии по проблемам славянской фразеологии: Тезисы докладов*. Минск, 1987, с. 138–141. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Николаева Е. К. и др.)
-
- 1988**
15. Имена собственные в толково-переводном словаре языка писателя. In: *Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии: Актуальные проблемы подготовки и издания словарей*. Москва, 1988, с. 175–176. (Соавт. Супрун В. И.)
 16. *Библиографический указатель по славянскому и общему языкознанию. Профессор Дмитриев Петр Андреевич*. Самарканд, 1988. 137 с. (Соавт. Аникина Т. Е., Атаева Г. М., Бирих А. К. и др.)
 17. Принципы составления «Русско-чешского словаря фразеологических синонимов». In: *Актуальные проблемы учебной лексикографии. Материалы общесоюзной конференции*. Москва, 1988. с. 8–9. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.)

-
- 1989**
18. K etymologii frazeologismů s vlastními jmény. *Naše řeč*. 1989. N 1, s. 20–28.
 19. Фразеологические единицы со значением «умереть» в русском и чешском языках. In: *Исследования по общей и дагестанской фразеологии*. 1989, с. 60–67. (Соавт. Бояркин В. Д.).
 20. *Учебное пособие по русско-чешской фразеологии*. М.: изд-во МГУ, 1989. 169 с. (Соавт. Яранцев Р. И.).
-
- 1990**
21. Лексикографическая разработка русской фразеологии и ее использование на уроках русского языка как иностранного. In: *Особенности преподавания иностранных языков в вузах искусств*. Л., 1990, с. 62–71.
-
- 1991**
22. В глубь поговорки. In: Бирих, А. и др. *Слово о русском языке. Книга для чтения для студентов-филологов*. 1991, с. 237–279.
 23. Особенности изучения русской фразеологии в чешской аудитории. In: *Учет родной культуры иностранных учащихся в процессе преподавания русского языка*. Волгоград, 1991, с. 90–99. (Соавт. Бирих А. К.).
 24. О сопоставительном изучении русской и чешской фразеологии. In: *Современные подходы к формированию профессиональных качеств учителя-русиста зарубежной школы: Тезисы докладов и сообщений III Международной конференции МАПРЯЛ*. Волгоград, 1991, с. 99–100. (Соавт. Бирих А. К.).
 25. О функционировании фразеологизмов библейского происхождения в русском и чешском языках. In: *Ядерно-периферийные отношения в области лексики и фразеологии. Республиканская межвузовская конференция 20–23 мая 1991 года*. Новгород, 1991, с. 218–220.
-
- 1992**
26. *Русско-чешская фразеология (Свойства и качества характера): Учебное пособие*. М.: Изд-во МГУ, 1992. 96 с. (Соавт. Яранцев Р. И.).
 27. Из словаря «История и этимология русских фразеологизмов» (Библиографический указатель литературы). Ред. В. М. Мокиенко. *Russistik*. 1992. N 2, с. 127–132. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.).

28. К проекту словаря библеизмов. In: *Проблемы фразеологии и фразеографии / Сопоставительная фразеология и двуязычная фразеография*. Махачкала, 1992, с. 154–155. (Соавт. Мокиенко В. М., Николаева Е. К.).
 29. «Открытие Америки» в славянских языках. <“El descubrimiento de America“ en las lenguas esclavas> In: *I. Jornadas Andaluzas de Eslavística*. Andalucía, 1992, с. 82–83. (Соавт. Мокиенко В. М., Николаева Е. К.).
 30. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Буквы А-Быстро. In: *Russian Philology. Occasional Papers*. 1992. N 11, с. 63–84. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.).
 31. Фразеологические единицы со значением «умереть» в русском и чешском языках (на материале ономастической фразеологии). In: *Исследования по семантике русского языка*. Кострома, 1992, с. 55–60. (Соавт. Бояркин В. Д.).
 32. Универсальное и национальное во фразеологических библеизмах. In: *Frazeológia vo vzdelávaní, vede a kultúre. Zborník materiálov z II. medzinárodnej frazeologickej konferencie*. Nitra, 1992, с. 35–39. (Соавт. Бирих А. К., Николаева Е. К.).
-
- 1993 33. К динамике чешских просторечных фразеологизмов. In: *Диалектические процессы во фразеологии*. Челябинск, 1993, с. 62–63.
 34. Фразеология в новом чешском словаре. *Rossica Olomucensia*. XXXI. Olomouc, 1993, с. 71–76.
 35. К юбилею академика Ларина. *Rossica Olomucensia*. XXXI. Olomouc, 1993, с. 85.
 36. Библеизмы в русском, чешском и словацком литературных языках. In: *Вестник С.-Петербург. университета*. 1993. Сер 2. Вып. 3, с. 51–59. (Соавт. Лилич Г. А., Мокиенко В. М.).
 37. Библеизмы в славянских языках. In: *XI Medzinárodný zjazd slavistov: Zborník resumé*. Bratislava, 1993, с. 677–678. (Соавт. Лилич Г. А., Мокиенко В. М.).
 38. Из фразеологии древних чешских рукописей. In: *Вопросы теории и истории языка*. СПб., 1993, с. 119–124.
 39. Русские идиомы (историко-этимологический словарь). In: *Zielsprache Russisch*. 1993. N 2, с. 33–44. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.).

40. *Материалы к этимологическому словарю русской фразеологии. Этимологии профессора В. М. Мокиенко.* СПб., Самарканд, 1993. 98 с. (Соавт. Бетехтина Е. Н., Бирих А. К., Бояркин В. Д. и др.).
 41. Некоторые вопросы перевода древних памятников на современный язык (Фразеология чешской «Хроники Далимила»). In: *Славянская филология.* 1993. Вып. VII, с. 97–105.
 42. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Буквы В-Д. In: *Russian Philology. Occasional Papers.* 1993. N 12, с. 75–111. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.).
-
- 1994**
43. Из истории чешской фразеологии. In: *Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии.* Псков, 1994, с. 91–92.
 44. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Буквы Е-И. In: *Russian Philology. Occasional Papers.* 1994. N 13, с. 123–160. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.).
 45. Фразеологизмы библейского происхождения в русском и чешском языках. In: *Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян: Материалы Международной библейской конференции 1990 года, посвященной 75-летию Русской библейской комиссии.* СПб., 1994, с. 132–136.
 46. Není grůš jako grůš. In: *Čeština doma a ve světě.* 1994. N 1, с. 45–48.
 47. Из истории чешской фразеологии. *Rossica Olomucensia. XXXII (za rok 1993).* Olomouc, 1994, с. 39–42.
 48. История и этимология русских фразеологизмов (библиографический указатель) (1825–1994). In: *München. Verlag Otto Sagner.* 1994. 273 С. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.).
Рец.: Аляхнович М. Овчинка стоит выделки, или откуда пошёл фразеологизм. *Russistik,* 1996, с. 108–113.
Добродомов И. Г. Новые справочники по истории фразеологии. *Русский язык в школе.* 1997. N 2, с. 114–115.
 49. Язык бизнеса и фразеология. *Rossica Ostraviensia. Lingua rossica in sphaera mercaturae.* Ostrava, 1994, с. 28–33.
-
- 1995**
50. К истории и этимологии русских фразеологизмов. In: *Национальные лексико-фразеологические фонды.* СПб., 1995, с. 115–121. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Сороколетов Ф. П.).

51. К динамике чешских фразеологизмов (семантическое поле «Пьянство»). In: *Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры*. Olomouc, 1995, с. 68–70.
52. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Буквы К-Н. In: *Russian Philology. Occasional Papers*. 1995. N 14, с. 87–170. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.).
53. Новые процессы в современном русском языке. *Cizí jazyky*. Praha, 1995. N 3–4, с. 41–42.
54. Новые процессы в современном русском языке. *Cizí jazyky*. Praha, 1995. N 5–6, с. 78–80.
55. *Русская фразеология для чехов*. Olomouc: vyd. Univerzity Palackého, 1995. 156 с. (Соавт.: Мокиенко В. М., Малински Т.).
Рец.: Pastyřík, S.: Jednička za skriptum. *Češtinář*. 1996/1997. N 5, с. 161–162.
Bozděchová, I.: Dvě práce frazeologické z dílny ruských bohemistů. *Naše řeč* V. 2000, с. 264–268.
56. Фразеосемантическое поле «Богатство» и «Бедность» в русском и чешском языках. *Rossica Ostraviensia. Lingua rossica in sphaera mercaturae*. Ostrava, 1995, с. 66–74.
57. К některým problémům současné české frazeologie. In: *Spisovná čeština a jazyková kultura*. Sborník z Olomoucké konference 23–27.8.1993. Praha, 1995, с. 348–351.
58. Фразеологические единицы с именами собственными античного происхождения. *Rossica Olomucensia. XXXIII (za rok 1994)*. Olomouc, 1995, с. 75–83.

1996

59. К vývoji jedné skupiny českých rčení (frazeosémantické pole „Opilství“). *Češtinář*. VI. N 4., Hradec Králové, 1996, с. 97–101.
60. К вопросу о библейских неологизмах. In: *Frazeologia a religia. Tezy referatów międzynarodowego sympozjum naukowego*. Opole, 1996, с. 26–27.
61. Ani zbla a houby s octem. O frazeologismech s významem „nedostat nic“. In: *Jazyk a jeho užívání. Sborník k životnímu jubileu profesora Oldřicha Uličného*. Praha, 1996, с. 81–86.
62. Материалы к историко-этимологическому словарю «Русские идиомы». In: *Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания*. Воронеж, 1996. Вып. 7, с. 127–139. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.).
63. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Буквы О-Р. In: *Russian Philology. Occasional Papers*. 1996. N 15, с. 73–175. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.).

64. Профессор Галина Алексеевна Лилич – юбиляр. *Opera Slavica. Slavistické Rozhledy*. Brno, 1996. N 4, с. 50–51.
65. Мерить на свой аршин (Из истории фразеологизмов). *Rossica Ostraviensia. Lingua rossica in sphaera mercaturae*. Ostrava, 1996, с. 167–172.
66. Роль компонентов в формировании семантики фразеологических единиц. In: Ред. Г. А. Лилич: *Проблемы фразеологической семантики*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996, с. 95–106.
67. Рец. на кн.: Новая монография о метонимии / Бирих, А.: Метонимия в современном русском языке. (Семантический и грамматический аспекты). München, 1995. *Opera Slavica. Slavistické Rozhledy*. 1996. N 4., Brno, с. 62–63.
-
- 1997 68. Архаизмы и историзмы в современном русском языке. In: *Historické aspekty při studiu současného ruského jazyka*. Brno, 1997, с. 44–47. (Соавт. Выходилова Зд.).
69. *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 350 с. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.)
Рец.: Fink, Ž.: А. Бирих, В. Мокиенко, Л. Степанова. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов-на-Дону, 1997. *Suvremena lingvistika*. 1998. Вып. 24, с. 97–98.
Рец.: Pastyřík, S.: Nový titul z dílny ruské frazeologické školy. *Opera Slavica. Slavistické Rozhledy*. IX. Brno, 1999. N 4, с. 63–64.
Рец.: М. Крино.: А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 350 с. *Russistik*. 1999. N 1–2, с. 78–80.
70. On the evolution of some Czech somatic idioms. In: *International Symposium europhras '97 September 2–5 1997. Liptovský Jan. „Phraseology and Paremiology“*. Theses. Bratislava, 1997, с. 45.
71. О новых явлениях в современном русском языке. In: K. Lepilová a kol.: *Transformace rusistického vzdělání (Alternativy výuky konce tisíciletí)*. Ostrava: Ostravská univerzita, 1997, с. 18–24.
72. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Буквы С-Т. In: *Russian Philology. Occasional Papers*. 1997. N 16, с. 100–150. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.).
73. К вопросу о библейских неологизмах. In: *Frazeologia a religia*. Warszawa, 1997, с. 137–143.
74. Пер.: В. Ржига. Крестьянин-барин. In: *Золото и солнце*. С.-Петербург: изд-во СПбГУ, 1997. 584 с., с. 200–208.

- 1998 75. Экспрессивы в составе фразеологических единиц. *Rossica Olomucensia. XXXV (za rok 1996)*. Olomouc, 1998, с. 65–69.
76. Архаизация компонентов и эволюция фразеологических единиц. In: *Историко-этимологическое изучение славянских фразеологических систем*. С.-Петербург: Конвенция, 1998, с. 55–75.
77. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. С.-Петербург: изд-во СПбГУ – Фолио-пресс, 1998. 704 с. (Соавт.: Бирих А. К., Мокиенко В. М.).
Рец.: Eckert, R.: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.: Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник, С.-Петербург 1998. 700 с. *Russian Linguistics* 25. 2001, с. 275–279.
Рец.: Татар, Б.: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. С.-Петербург: Фолио-пресс, 1998. 704 с. *Studia Slavica Hungarica*. 47, 2002, с. 207–209.
Рец.: Козырев В. А., Черняк В. Д. *Вселенная в алфавитном порядке. Очерки о словарях русского языка*. Санкт-Петербург: изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000, с. 130–131, 222.
Рец.: Ekaterina Guerbek. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. С.-Петербург: Фолио-пресс, 1998. 704 с. In: *Cadernos de fraseoloxğa galega*. Santiago de Compostela: Xunta de Galicia, 2005, с. 305–308.
Рец.: Károly Morvay. *Notas sobre fraseoloxía comparada*. In: *Cadernos de fraseoloxğa galega*. Santiago de Compostela: Xunta de Galicia, 2004, с. 161–165.
78. *Reálie ruské pravoslavné církve*. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 1998. 63 с. (Соавт. Выходилова Зд.).
Рец.: Flídrová, H.: *Netradiční skriptum z pera olomouckých rusistek*. In: *Bulletin ČAR*, 1999. N 13/A, с. 8.
Рец.: Sipko, J.; Stěpanova, L. – Vychodilová, Z.: *Reálie ruské pravoslavné církve. Opera slavica XI*. 2001. N 4, с. 56–57.
Рец.: Žaža, St.: Stěpanova, L. – Vychodilová, Z.: *Reálie ruské pravoslavné církve*. Univerzita Palackého, Filozofická fakulta, Olomouc 1998, 62 s. In: *SP FFBU A49*. 2001, с. 240–242.
79. Апостол Петр, или О границах фразеологических библеизмов. In: *Славистический сборник*. С.-Петербург, Изд-во СПбГУ, 1998, с. 208–215.

80. On the Problem of International Idioms in related Languages. In: *Europhras 95. Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt*. Hrsg. Wolfgang Eismann. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer, 1998, с. 765–771.
81. Нетрадиционные библеизмы в русском и чешском языках. *Rossica Olomucensia. XXXVI (za rok 1997)*. Olomouc, 1998, с. 239–245.
82. *Historie a etymologie českých rčení. Bibliografie pramenů*. Praha: Karolinum, 1998. 132 с.
Рец.: Pastyřík, S.: České frazeologické prameny lexikograficky (Czech Phraseological Sources lexikographically). *Češtinář*. 1999/2000, с. 36–37.
Рец.: Николаева, Е.: Новые историко-этимологические указатели по славянской фразеологии. In: *ЯЛИК. Информационный бюллетень*. 2000. N 39, с. 10.
Рец.: Blatná, R.: Ludmila Stěpanova: Historie a etymologie českých rčení. Bibliografie pramenů. Praha: Karolinum, 1998. 132 s. *Slovo a slovesnost*, 2000. N 61, с. 236–238.
Рец.: Bozděchová, I. Dvě práce frazeologické z dílny ruských bohemistů. Dvě práce frazeologické z dílny ruských bohemistů. *Naše řeč* 5. 2000, с. 264–268.
83. On the evolution of some Czech somatic idioms. In: *Europhras'97. Phraseology and Paremiology*. Bratislava, 1998, с. 338–341.
84. Z historie a současnosti českých rčení. In: *Pocta 650. výročí založení Univerzity Karlovy v Praze*. Praha, 1998, с. 279–283.
-
- 1999**
85. *Odborný slovník česko-ruský z oblasti ekonomické, politické a právní*. Praha: Linde Praha, 1999. 585 с. (Соавт. М. Csiriková, Е. Vysloužilová a kol.).
86. *Odborný slovník rusko-český z oblasti ekonomické, politické a právní*. Praha: Linde Praha, 1999. 517 с. (Соавт. М. Csiriková, Е. Vysloužilová a kol.).
87. Эх, дороги. In: *Informační bulletin ČAR*. 1998–1999. Вып. 12, с. 38–43.
88. Новое в русском и чешском языках. In: *I Славистические чтения памяти профессора П. А. Дмитриева и профессора Г. И. Сафронова. Материалы международной научной конференции 12–14 сентября 1999 г.* Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1999, с. 49–51. (Соавт. Махалова М.)
89. *Манна небесная* в русском и чешском языках. *Rossica Olomucensia. XXXVII (za rok 1998)*. Olomouc, 1999, с. 73–78.

90. О новом в русской лексике. In: *Reflexie aktuálneho výskumu ruského jazyka*. Nitra, 1999, с. 63–67.
91. Чешские фразеологизмы, связанные с военной деятельностью (диахронический аспект). In: *Славянская филология. Межвузовский сборник*. С.-Петербург, изд-во СПбГУ, 1999. Вып. VIII, с. 91–98.
92. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Буквы У-Я. In: *Russian Philology. Occasional Papers*. 1998–1999. N 17–18, с. 94–116. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.).
-
- 2000**
93. *Zeměpisné a politické reálie současného Ruska*. Olomouc, 2000. 63 с. (Соавт. Vychodilová Zd.).
Рец.: Žaža, St.: Ludmila Stěpanova – Zdeňka Vychodilová: Zeměpisné a politické reálie současného Ruska. Olomouc, 2000. 63 с. In: *SP FFBU A49*, 2001, с. 240–242.
Рец.: Flídrová, H.: Dvakrát z olomoucké rusistiky. *Opera Slavica X*, 2000. N 4, с. 50–51.
94. Проблема фразеологических заимствований. *Rossica Olomucensia. XXXVIII (za rok 1999)*. Olomouc, 2000, с. 415–426.
95. XV-е Оломоуцкие дни русистов. *Opera slavica X*. 2000. N 2, с. 42–44. (Соавт. Vysloužilová E., Vychodilová Zd., Pechal Zd., Flídrová H.).
96. Немецкие фразеологические заимствования в чешском языке. In: *Слово во времени и пространстве. К 60-летию профессора В. М. Мокиенко*. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 2000, с. 144–156.
97. Над проектом историко-этимологического словаря чешских фразеологизмов. In: *Frazeografia słowiańska. Teoria i praktyka, tradycje, terażniejszość, przyszłość. Tezy referatów międzynarodowej konferencji naukowej. Opole, 6–8 września 2000 r.* Opole, 2000, с. 122.
-
- 2001**
98. *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. 2-е изд., стереот. С.-Петербург: изд-во СПбГУ – Фолио-пресс, 2001. 704 с. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.).
99. Историческая фразеология чешского языка. In: *Кафедра славянской филологии. Учебные программы*. С.-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2001, с. 511–513.

100. Над проектом историко-этимологического словаря чешских фразеологизмов. In: *Frazeolografia słowiańska*. Opole, 2001, с. 155–161.
 101. Эволюция фразеологических единиц и неологизмы. In: *Słowo. Text. Czas VI. Nowa frazeologia w nowej Europie. Tezy referatów międzynarodowej Konferencji Naukowej*. Szczecin – Greifswald, 2001, с. 115–116.
 102. *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. М.: «Астрель» и «Аст», 2001. 495 с. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.)
 103. Значение компонента и его роль в формировании семантики анималистических фразеологизмов. *Rossica Olomucensia XXXIX (za rok 2000)*. Olomouc, 2001, с. 25–30.
-
- 2002**
104. Эволюция фразеологических единиц и неологизмы. In: *Słowo. Tekst. Czas VI. Nowa frazeologia w nowej Europie. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej*. Szczecin – Greifswald, 2002, с. 440–444.
 105. История чешской лексикографии. In: *Учебные программы по дополнительной специализации «Теория и практика лексикографии»*. СПб.: Филол. ф-т С.-Петерб. гос. ун-та, 2002, с. 42–44. (соавт. Лилич Г. А.).
 106. Фразеология Моления Даниила Заточника. In: *Слово. Фраза. Текст. Сборник научных статей к 60-летию М. А. Алексеенко*. М.: Азбуковник, 2002, с. 330–334.
 107. Ред.: V. Mokienko, A. Wurm. *Česko-ruský frazeologický slovník*. Olomouc, 2002.
 108. *Zeměpisné a politické reálie současného Ruska*. 2 изд. Olomouc, 2002. 69 с. (Соавт. Vychodilová Zd.).
 109. XVI. Olomoucké dny rusistů. *Opera Slavica XII*, 2002. Вып. 2, с. 48–54. (Соавт. Pechal Zd., Vychodilová Zd., Vysloužilová E., Zahradka M.).
 110. Универсальное и индивидуальное во фразеологической картине мира. *Rossica Olomucensia XL (za rok 2001)*. Olomouc, 2002, с. 361–370.
-
- 2003**
111. К фразеологии древнерусских памятников. In: *Русское слово в мировой культуре*. Прага – Оломоуц, 2003, с. 104–107.

112. О взаимодействии книжной и народной стихии во фразеологии. In: J. Mlacek, P. Ďurčo: *Frazeologické štúdie III*. Bratislava, 2003, с. 212–220.
113. *Realie ruské pravoslavné cirkve. 2. vyd.* Olomouc, 2003. 92 с. (Соавт. Vychodilová Zd.).
114. *Очерки по истории чешской фразеологии*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. 208 с.
115. Русские и чешские фразеологизмы с архаичными фонетико-морфологическими элементами. *Rossica Olomucensia XLI (za rok 2002)*. Olomouc, 2003, с. 37–42.
116. Рец. на кн.: Новый учебник русского языка для экономической сферы. / Csiriková, M. – Vysloužilová, E.: *Ruština v praxi*. Praha: Leda, 2002. 271 s. *Opera Slavica. Slavistické Rozhledy. XIII*. Brno, 2003. N 4, с. 63–64.
-
- 2004**
117. *Russische Phraseologie für Deutsche. Lehrmaterial für Studenten der Slawistik*. Greifswald, 2004. 92 с. (Соавт. V. Mokienko, T. Malinski, H. Walter).
118. Русские и чешские фразеологизмы с синтаксическими архаизмами. In: *Оломоуцко-Грацкие славистические чтения*. Olomouc, 2004, с. 77–82.
119. *Česká a ruská frazeologie: diachronní aspekty*. Olomouc, 2004. 300 с.
Рец.: Pastyřík, S.: *Olomoucká frazeologická monografie. Češtinář*, 2005/2006. N 4, с. 133–134.
Рец.: Sokolová, J.: *Česká a ruská frazeologie. Diachronní aspekty. Rossica Nitriensia*, 2006, с. 49–50.
Рец.: Skladaná, J.: *Stepanova, Ludmila: Česká a ruská frazeologie. Diachronní aspekty. Jazykovedný časopis*. 2008. N 1–2, с. 128–131.
120. Взаимодействие фразеологического и лексического фондов языка. In: Bartoszewskja и др.: *Frazeologia słowiańska i inne płaszczyny systemu językowego*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004, с. 133–139.
121. Диахронический анализ русской фразеологии: результаты и размышления. *Rossica Olomucensia XLII (za rok 2003)*. Olomouc, 2004. N 1, с. 37–42.
-
- 2005**
122. Frazémy a dějiny. In: *Verba et historia. Igoru Němcovi k 80. narozeninám*. Praha, 2005, с. 345–350.
123. Об Учителе. In: *Грани слова. Сб. научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокленко*. Москва: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2005, с. 11–15. (Соавт. Бирих А. К., Николаева Е. К.).

124. Принципы составления русско-чешского фразеологического словаря. In: *Грани слова. Сб. научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко*. Москва: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2005, с. 145–151.
 125. Frazeologie korespondence Zuzany Černínové z Harasova s jejím synem Humprechtem Janem Černínem z Chudenic. In: *Jazyky a jazykověda. Sborník k 65. narozeninám prof. PhDr. Františka Čermáka, DrSc.* Praha, 2005, с. 99–109.
 126. Язык церкви и фразеология. In: *Frazeologické štúdie IV*. Bratislava, 2005, с. 318–324.
 127. *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. М: Изд-во «Астрель» / «АСТ» / «Лукс», 2005. 928 с. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.).
 128. *Русская фразеология для немцев*. СПб.: «Златоуст», 2005. 224 с. (Соавт. Вальтер Х., Малински Т., Мокиенко В.).
 129. Принципы составления русско-чешского фразеологического словаря. In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky*. Brno: Ustav slavistiky FFMU, 2005, с. 101–106.
 130. *Zeměpisné a politické reálie současného Ruska*. 3 изд. Olomouc: Univerzita Palackého, 2005. 104 с. (Соавт. Vychodilová Zd.)
 131. Над переводом текстов из области туризма. *Rossica Olomucensia XLIII (za rok 2004)*. Olomouc, 2005, с. 85–94.
-
- 2006**
132. К истории функционирования одного латинского библеизма в русской речи. In: *Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры*. Тайбэй, 2006. N 9, с. 97–100.
 133. Словарь М. И. Михельсона «Русская мысль и речь» как источник для исторического изучения фразеологии. *Rossica Olomucensia XLIV (za rok 2005)*. Olomouc, 2006, с. 829–835.
 134. Чешская и русско-чешская неография. In: *Русская академическая неография (к 40-летию научного направления)*. СПб., 2006, с. 152–155.
 135. Рец. на кн.: Словарь хорватских компаративных фразеологизмов со славянскими параллелями: Željka Fink Arsovski i kol.: Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema, Zagreb: Knjigra 2006. 439 с. *Opera Slavica*. XVI. Brno, 2006. N 4, с. 70–72.

- 2007
136. К динамике фразеологической картины мира (по материалам словаря М. И. Михельсона «Русская мысль и речь»). In: *Frazeologia a jazykove obrazy sviata prežetomu wiewk6w*. Opole, 2007, с. 75–81.
137. Субстандартные элементы в современном русском языке и проблемы их перевода на чешский язык. In: *Frazeologické štúdie V. Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii*. Ružomberok, 2007, с. 201–221. (соавт. N. Rajnochová).
138. Новые выражения в современной русской беллетристике и проблемы их перевода на чешский язык (на материале романа Б. Акунина «Алтын-толобас»). In: *XI Kongress MAПPЯЛ «Mир русского слова и русское слово в мире». Современная чешская русистика (сборник чешской делегации)*. Ústí nad Orlicí: OFTIS, 2007, с. 41–47.
139. Фразеологические заимствования в русском и чешском языках: старое и новое. In: *Kritik und Phrase*. Wien: Praesens Verlag, 2007, с. 597–610.
140. *Rusko-český frazeologický slovník*. Olomouc, 2007, 880 с.
 Rec.: Milada Jankovičová; Stěpanova, L.: Rusko-český frazeologický slovník. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2008. 880 s. *Slavica Slovaca* 43, 2008. N 2, с. 176–178.
 Rec.: Zdeňka Vychodilová; Ludmila Stěpanova: Rusko-český frazeologický slovník. *Rossica Olomucensia. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii*. 2008. Вып. XLVII, N 2, с. 86–88.
 Rec.: Šindelářová, M.; Stěpanova, L.: Rusko-český frazeologický slovník. In: *Aspekty literárnovedné a jazykovedné II*. Ružomberok: Katolícka univerzita v Ružomberku Filozofická fakulta, 2009, с. 220–224.
 Rec.: Novotná, R.; Ludmila Stěpanova: Rusko-český frazeologický slovník. *Slovo a slovesnost* 70, 2009. N 3, с. 233–236.
141. Прагматическая функция русских и чешских фразеологических единиц в диахронии. In: Fink, Ž., Hrnjak A.: *Slavenska frazeologija i pragmatika*. Zagreb: KNJIGRA, 2007, с. 429–433.
142. Вариантность фразеологических единиц и историко-этимологическое толкование русской фразеологии. In: *Parémie národů slovanských III. Sborník příspěvků z mezinárodní konference konané v Ostravě ve dnech 21.-22.11.2006*. Ostrava: Ostravská univerzita, 2007, с. 81–85.
143. К понятию *общий жаргон* в современном русском языке. *Rossica Olomucensia XLV (za rok 2006)*. Olomouc, 2007, с. 79–86.

144. *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. Изд. 3-е, испр. доп. М: Изд-во «Астрель» / «АСТ» / «Хранитель», 2007. 928 с. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.).
145. Рец. на кн.: Новый учебник чешского языка. Л. И. Даниленко. Чеська мова. *Opera Slavica. Slavistické rozhledy*. XVII. Brno, 2007. N 2, с. 68–69.
-
- 2008**
146. Динамические процессы в интернациональной фразеологии. In: *Rossica Olomucensia XLVI–II. XIX. Olomoucké Dny Rusistů. Sborník příspěvků z mezinárodní konference*. Olomouc, 2008, с. 17–21.
147. Русская фразеология: Петербургская фразеологическая школа. In: Ed. Pospíšil, I.: *Slavistika dnes*. Kolektivní monografie. Brno: Masarykova univerzita, 2008, с. 161–168.
148. *Ruská frazeologie pro Čechy*. Olomouc: Vyd. UP, 2008. 259 с. (соавт. V. Mokienko)
149. Jazyk současné ruské mládeže. *Cizí jazyky* 51. 2007/2008. N 5, с. 154–156.
150. Наблюдения над языком современных российских газет. In: Ed. Pospíšil, I., Zelenka, M.: *Česká slavistika 2008*. Brno – Praha: ACADEMICUS, 2008, с. 267–275.
151. Эволюция фразеологических единиц и неологизмы. In: Mokienko, W., Walter, H.: *Komparacia systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Frazeologia*. Kolektivní monografie. Opole: Universität Greifswald – Uniwersytet Opolski, 2008, с. 169–172.
152. Русские с точки зрения межкультурной коммуникации. *Rossica Olomucensia*. 2008. Вып. XLVII, N 1, с. 75–81.
153. Русская фразеология сегодня. *Przegląd rusycystyczny*. 2008. N 4. (124), с. 40–49.
154. Lilič, Galina. In: Černý, J., Holeš, J.: *Kdo je kdo v dějinách české lingvistiky*. Praha: Libri, 2008, с. 391–392.
155. Mokienko, Valerij. In: Černý, J., Holeš, J.: *Kdo je kdo v dějinách české lingvistiky*. Praha: Libri, 2008, с. 435–437.
-
- 2009**
156. Alexander Bierich – einem unermüdlichen Kenner und Erforscher des Buches der Bücher – zum 50. Geburtstag. In: Walter, H., Mokienko, V.: *Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald: E.-M.-A.-Universität Greifswald, 2009, с. 6–7. (соавт. V. Mokienko, H. Walter).

157. К изучению сленга и арго в современном чешском языке (на материале «Словаря нелитературного чешского языка»). In: *Varietäten im Slavischen*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009, с. 299–309.
158. *Rusko-český odborný slovník z oblasti ekonomické, politické a právní*. Изд. 2-е, испр. доп. Praha: Linde, 2009. 369 с. (соавт. М. Csiriková и др.).
159. *Česko-ruský odborný slovník z oblasti ekonomické, politické a právní*. Изд. 2-е, испр. доп. Praha: Linde, 2009. 320 с. (соавт. М. Csiriková и др.).
160. Межкультурная коммуникация: коллективизм русских. In: *Dialog kultur V: Hradec Králové. Mezinárodní vědecká slavistická konference*. Ústí nad Orlicí: Oftis, 2009, с. 286–292. (Соавт. Алефиренко Н.).
161. Frazémy biblického pôvodu (na materiále slovenštiny, češtiny a ruštiny). In: *Aspekty literárnovedné a jazykovedné II*. Ružomberok: Katolícka univerzita v Ružomberku, Filozofická fakulta, 2009, с. 107–119.
162. К проблеме перевода крылатых выражений. In: *Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журнал РАН..* Москва – Магнитогорск – Новосибирск: Изд-во ООО «Аналитик»; 2009. Вып. 2 (24), с. 83–88.
163. Когнитивные аспекты лингвокультурологии. *Rossica Olomouciensis*. Olomouc: UP, 2009. Вып. XLVIII, N 2, с. 105–113. (Соавт. Алефиренко Н.).
164. Современная лингвокультурология: когнитивно-синергетические аспекты. In: *Príspevky k aktuálnym otázkám jazykovedné rusistiky*. 3. Brno: FF MU, 2009, с. 25–30. (Соавт. Алефиренко Н.).
165. *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. М.: «Астрель» и «Аст», 2009. 495 с. (Соавт. Бирих А. К., Мокиенко В. М.).
166. Новое в русской фразеологии. In: *Jazykovedná rusistika na prelomu generácií. Slavica Pragensia XL. AUC Philologica 3/2005*. Praha, 2009, с. 91–96.
167. Archaické prvky v českých a ruských frazémach. In: *Struktura, variety, funkce. Sborník k 70. narozeninám prof. Oldřicha Uličného. Slavica Pragensia. XLI*. Praha: Karolinum, 2009, с. 115–128.
168. Рец. на кн. Bierich, A.: *Russische Phraseologie des 18. Jahrhunderts. Entstehung, Semantik, Entwicklung*. In: *Aspekty literárnovedné a jazykovedné II*. Ružomberok: Katolícka univerzita v Ružomberku, 2009, с. 225–227. (соавт. N. Rajnochová).

169. Рец. на кн.: Монументальный труд о чешской и общей фразеологии. František Čermák: *Frazeologie a idiomatika: česká a obecná. Czech and general phraseology*. Praha: Karolinum, 2007. In: *Научно-информационный бюллетень ЯЛИК*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2009. N 79, с. 13–14.
-
- 2010**
170. «Добрые люди» в динамике русского и чешского языков. In: *Язык и культура. Материалы научной конференции*. Белгород, 2010, с. 26–30.
171. Семантические архаизмы и фразеологическая картина мира. In: *Фразеология и познание*. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010, с. 39–42.
172. *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. D. 4. Výrazy větné. / Hl. redakce: F. Čermák. Praha: Leda, 2009. (ruské ekvivalenty)
173. Ruská neverbální komunikace. In: *Odborová didaktika v přípravě a v dalším vzdělávání učitele mateřského jazyka a literatury. Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie*. Ružomberok: Katolícka univerzita, Filozofická fakulta, 2010, с. 413–418.
174. Динамика фразеологической картины мира. In: *Areálová slavistika a dnešní svět. Monografie z filologicko-areálových studií*. Ed. Ivo Pospíšil. Brno: TRIBUN EU, 2010, с. 231–238. (Соавт. Алефиренко Н.).
175. Проблемы эквивалентности субстандартных фразеологизмов в Русско-чешском фразеологическом словаре. In: *Мир русского слова*. 2010. N 3, с. 31–35.
176. *Профессор Валерий Михайлович Мокиенко. К 70-летию. [Библиографический указатель]* / Сост. А. К. Бирих, Е. К. Николаева, Л. И. Степанова. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010.
177. О Валерии Михайловиче Мокиенко. In: *Профессор Валерий Михайлович Мокиенко: К 70-летию. [Библиографический указатель]* / Сост. А. К. Бирих, Е. К. Николаева, Л. И. Степанова. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2010, с. 5–15. (Соавт. Бирих А. К., Николаева Е. К.).
178. *Чешский язык. Учебное пособие по развитию речи*. С.-Петербург: КАРО, 2010. 272 с. (Соавт. Мокиенко В. М.).
179. К 70-летию Валерия Михайловича Мокиенко. *Русский язык за рубежом*. 2010. N 1, с. 124–125. (Соавт. Бирих А. К., Ломакина О. В., Николаева Е. К.).

180. Крылатые выражения в новом чешском фразеологическом словаре. In: *И вновь продолжается бой...: сб. науч. ст., посвящённый юбилею д-ра филол. наук, проф. С. Г. Шулежковой*. Магнитогорск, 2010, с. 247–251.
181. О новых фразеологизмах в современном русском языке. In: *Słowo. Tekst. Czas. X. Szczecin – Greifswald: Komisja frazeologii słowiańskiej Międzynarodowego komitetu slawistów*. 2010, с. 90–94.
182. Рец. на кн.: Монументальный труд о чешской и общей фразеологии: František Čermák: *Frazeologie a idiomatika: česká a obecná. Czech and general phraseology*. Praha: Karolinum, 2007. In: *Phraseologie und Text*. Sankt-Peterburg – Greifswald, 2010, с. 194–197.
183. Перевод: Борживой Шарапатка, Иржи Урбан и кол.: *Органическое сельское хозяйство*. Olomouc: Bioinstitut, 2010. 402 с.

-
- 2011**
184. Фразеосемантическое поле «обман» в русском и чешском языках. In: *Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятые Жуковские чтения)*. Т. 1. Великий Новгород: Новгородский госуниверситет им. Ярослава Мудрого, 2011, с. 287–290.
 185. Изучение новой русской лексики и фразеологии. *Rossica Olomucensia*. 2011, Вып. L, N 1., 2011, с. 87–92.
 186. Метафора контейнера в русской и чешской фразеологии. In: *Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания*. Москва: Флинта: Наука, 2011, с. 173–179.
 187. Neologizmy v současné ruské próze a problémy jejich překladu do češtiny (na materiále paralelního česko-ruského korpusu). In: *Korpusová lingvistika 1. InterCorp*. Praha: UČNK, 2011, с. 56–63.
 188. *Realie současného Ruska*. Olomouc: UP, 2011. 89 с. (соавт. Zd. Vyčhodilová).
 189. Фразеологические неологизмы в прошлом и настоящем. *Rossica Olomucensia*. 2011. Вып. L, N 2, с. 175–179.
 190. *Современный русский язык: праздник вербальной свободы*. Olomouc: Vydavatelství UP, 2011. 189 с.
 Rec. Jiří Gazda. Праздник вербальной свободы. *Новая русистика. Международный журнал современной филологической и ареальной русистики*. 2011. Вып. VI, N 1, с. 88–92.
 Rec. Helena Flídrová. Праздник вербальной свободы. *Opera Slavica*. XXIII, 2/2013, s. 53–56.
 191. *Чешский язык. Учебное пособие по развитию речи*. Санкт-Петербург: КАРО, 2011. (Соавт. Мокиенко В. М.).

-
- 2012**
192. Игра и фразеологическая картина мира. In: *Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации»*. Симферополь, 2012. Вып. 64, N 2 (1), с. 121–126.
193. Новое в русском речевом этикете. In: *Słowo. Tekst. Czas XI – Frazeologia słowiańska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym*. Red. Mirosława Hordy, Walery Mokijenko, Tomasz Szutkowski, Harry Walter. Szczecin – Greifswald, 2012. s. 759–762.
194. Йозеф Добровский и современная фразеология. *Časopis FF brněnské univerzity Slavica Litteraria (SPFFBU), řada X. Česká slavistika 2012–2013. Josef Dobrovský a problémy současné slavistiky*. 2012. Вып. X 15, N 2, с. 95–100.
-
- 2013**
195. Komentáře editorů k reedici slovníku. In: *Václav Flajšhans. Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. D. 1–2. / Ed. Valerij Mokienko, Ludmila Stěpanova. Olomouc: UP, 2013, с. 17–58. (соавт. V. Mokienko).
196. Některé realie a míry v ruských a českých biblických frazémeh. In: *Die slawische Phraseologie und die Bibel. Slavjanskaja frazeologija i Biblija. Slovanská frazeológia a Biblia. Kollektivmonographie*. Greifswald: E.-M.-Arndt Universität Greifswald, 2013, с. 183–187.
197. Тенденции развития русской фразеологии (на фоне чешской). *Česká slavistika. Příspěvky k XV. mezinárodnímu sjezdu slavistů. Minsk 20.-27.8.2013. Slavia 82*. 2013. N 1–2, с. 203–212.
198. Фрагмент русской и чешской фразеологической картины мира: водная стихия In: *«Вода» в славянской фразеологии и паремииологии*. Коллективная монография. Ч. 1–2. / Ed.: Andras Zoltan, Oleg Fedoszov, Sabolč Janurik. Budapešt: TINTA, 2013, с. 587–592.
199. Frazеologické biblismy v češtině, slovenštině i ruštině. In: *Dynamika českého lexika a lexikologie*. Olomouc, 2013, с. 169–176.
200. *Realii ruskoj pravoslavnoj cerkvi*. 3-е изд. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013. 88 с. (соавт. Zd. Vychodilová).
201. Новое издание словаря Вацлава Флайшганса «Česká přísloví». In: *Rossica Olomucensia LIII 3. Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXII. Olomoucké dny rusistů 04.-06.09.2013*. Olomouc, 2013, с. 21–25.

202. Václav Flajšhans. *Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průpovědi a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. D. 1–2. / Ed. V. Mokienko, L. Stěpanova. Olomouc: UP, 2013. D. 1 – 1482 с. D. 2. 896+58 с. (соавт. V. Mokienko).
Рец. К. Lepilová. Reedice Českých přísloví Václava Flajšhans. *Opera Slavica. Slavistické rozhledy*. 2013. Вып. XXIII, s. 62–63.
-
- 2014**
203. *Rusko-česko-slovenský slovník frazeologických synonym*. Olomouc: Vydavatelství Univerzity Palackého v Olomouci, 2014. 394 с. (соавт. P. Fojtů, M. Jankovičová).
204. Фразеологизмы в современных русских детективных романах и проблемы их перевода на чешский язык. In: *Frazeologia a překlad*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, 2014, с. 133–139.
205. Новое издание словаря Вацлава Флайшганса «Česká přísloví». In: *Frazeologie a kultura*. Olomouc: UP, 2014, с. 25–39.
-
- 2015**
206. К проблемам русско-чешско-словацкой фразеологической синонимии. In: *Aktuální problémy současné slavistiky (jazyk – literatura – kultura – politika)*. Brno: Galium, 2015, с. 257–265.
207. Специфика фразеологического отражения свойств и качеств человека в языковой картине мира (на материале русского и чешского языков). In: *Dialog kultur VIII*. Hradec Králové: Gaudeamus, 2015, с. 177–182.
208. *Русская фразеология для немцев*. СПб.: «Златоуст», 2015. 232 с. (Соавт. Вальтер Х., Малински Т., Мокиенко В. М.).
-
- 2016**
209. Фразеология в речи современных политиков. In: *Германия – Россия: Вербальные и визуальные средства современного политического дискурса*. Коллективная монография. Greifswald, 2016, с. 12–17.
210. Отражение процессов глобализации в русской и чешской фразеологии. In: *Славяне и Центральная Европа*. Москва: ПОЛИМЕДИЯ, 2015, с. 91–97.
211. *Говорим по-чешски: Пособие по развитию речи*. Санкт-Петербург: KARO 2016. 176 с. (соавт. В. Мокиенко, Я. Гулуушкина).
212. *Образ человека во фразеологии. Člověk ve frazeologii. Rusko-česko-polský frazeologický slovník. Толковый словарь-тезаурус*. Olomouc, 2016. 264 с. (соавт. М. Свашкова, Т. Архангельская).

213. *Člověk ve frazeologickém obrazu světa (v rusko-českém srovnání). Человек во фразеологической картине мира (в русско-чешском сопоставительном плане)*. Kolektivní monografie. Olomouc: VUP, 2016. (соавт. А. Arkhanhelska, А. Poliščuk, N. Rajnochová, M. Svašková).
214. Изменение состава фразеологических неологизмов в новых словарях. In: *Sborník příspěvků z mezinárodní konference XXIII. Olomoucké dny rusistů 10.–11.9.2015, 2016*, с. 207–213.
-
- 2017**
215. Способы перевода русских фразеологизмов и крылатых слов на чешский язык. In: *Русский язык и культура в зеркале перевода. Мировое кино: вчера, сегодня, завтра*. Москва: МГУ им. Ломоносова, 2017. (электронная версия: <https://istina.msu.ru/collections/56774403/>).
216. Труд и безделье во фразеологической картине мира русских и чехов. In: *Aspekty literárnovedné a jazykové III*. Eds. Baláková, Dana – Kováčová, Viera. Ružomberok: 2017. s. 195–206.
217. К historickému studiu české a ruské frazeologie. *Bohemica Olomucensia*. Olomouc, 2016. Вып. VIII, N 2, с. 136–153.
218. Рец. на кн.: В. М. Мокиенко: Правильно ли мы говорим по-русски. Пословицы в современном русском языке. Москва: Центрполиграф, 2017. 316 с. *Rossica Olomucensia*. 2017. Вып. LVI. N 1, с. 87–89.
-
- 2018**
219. Отражение свойств и качеств человека во фразеологической картине мира (в русско-чешском сопоставительном плане). *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. 2018. Вып. 87, с. 316–324.
220. Věk člověka v ruském a českém frazeologickém obraze světa. In: *Slavofraz 2016: Phraseologie und (naive) Psychologie*. Hamburg: Dr. Kovač, 2018, с. 453–461.
221. *Русская фразеология для поляков*. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2018. 232 с. (соавт. Вальтер Х., Мокиенко В. М., Невзорова-Кмеч Е. А.).
222. К созданию историко-этимологического словаря чешской фразеологии. In: *Исследования русской и славянской фразеологии в диахронии и синхронии*. Olomouc: Univerzita Palackého, 2018, с. 21–30.
223. Современный русский субстандарт. *Bohemica Olomucensia*, 2018. Вып. 10, N 1, с. 186–195.

224. *Словарь русских неологизмов. Slovník ruských neologismů*. Olomouc: UP, 2018. 469 s. (соавт. М. Dobrova).
225. Динамика интернационального ядра русской фразеологии. In: *Актуальные проблемы и перспективы русистики*. Barcelona: Trialba Ediciones, 2018, с. 1537–1545.
226. Mezikulturní komunikace: Rusové v porovnání s Čechy. In: *Nová čeština doma a ve světě*. Praha: UK, 2018. N 2, s. 21–30.
227. Интернациональное ядро чешской и русской фразеологии. In: *Spisovná čeština a jazyková kultura*. Ed. Ondřej Bláha. Olomouc: VUP, 2018, s. 279–288.

-
- 2019**
228. Фразеологическая картина мира: синхрония и диахрония. In: *Acta Rossica Tyrnaviensis IV. Zborník štúdií Katedry rusistiky Filozofickej fakulty sv. Cyrila a Metoda v Trnave*. Brno: Tribun EU, 2019, с. 7–17.
229. Характеристика материального положения человека в русской и словацкой фразеологии. In: *Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры*. Белгород: ООО Эпицентр, 2019, с. 56–60. (соавт. С. Глярский).
230. Biblické frazémy v lexikálně-gramatickém systému současné ruštiny. In: *Trierer Studien zur Slavistik, Band 6. Sprachgeschichte und Sprachwandel im Slavischen*. Berlin: Peter Lang, 2019, с. 417–440.
231. Единицы измерения как источник загадочного в русской, чешской и словацкой фразеологии. In: *Percepčia nadprirodzena vo frazeológii / Red. M. Dobříková*. Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2019, с. 308–314. (Соавт. Л. Гаярски).
232. *Мир современного русского языка*. BRNO: TRIBUN EU, 2019. (соавт. Л. Гиарский).
233. *Чешский язык: Учебное пособие по развитию речи*. Санкт-Петербург: КАРО, 2019. 272 с. (соавт. В. М. Мокиенко).

-
- 2020**
234. Динамика библейского фонда русской и чешской фразеологии. In: *Język i pamięć / Pod redakcją W. Mokijenki i J. Tarsy*. Opole: Uniwersytet Opolski 2020, s. 597–605.
235. Рец. на кн. Алла Архангельська. *Femina cognita*. Українська жінка у слові й словнику. Київ: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2019. 444 с. *Slavia, Časopis pro slovanskou filologii* 2020, R. 89, č. 4. s. 460–464.

**Новые процессы
в современной русской
и славянской фразеологии**

НОВАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В НОВОЙ РОССИИ²

Светлана Григорьевна Шулежкова

Магнитогорск, Россия

Автор первого словаря русских фразеологических неологизмов 2-й половины XX – начала XXI столетия справедливо заметил: «... корпуса фразеологической неологии, который мог бы приказать “Остановись, мгновенье!” реально не существует. “Идеальных” неологизмов нет уже потому, что их оценка как неологизмов обусловлена многими факторами и субъективной оценкой носителей языка. Хронологические рамки, в которые пытается инкрустировать тот или иной оборот любой лексикограф, при более глубинном исследовании оказываются более широкими, чем представляется» [Мокиенко 2003: XXIV]. Действительно, множество устойчивых образований рождается в результате моделирования по образцам давно известных фразеологических единиц (ФЕ) либо как итог трансформации их структуры или их семантики за счёт метафоризации. Однако подобные обстоятельства не могут служить основанием для исключения возникших устойчивых оборотов из корпуса неологизмов.

Появление новых сверхсловных языковых единиц – естественный процесс для любого живого развивающегося языка. Уже во второй половине XX века отечественные лингвисты писали об «исключительно высокой “неогенности”» не только русского, но и других языков мира [Волков, Сенько 1983: 43]. Применительно к интересующему нас времени можно говорить о том, что неологический «бум» в последнюю треть прошлого – начале текущего столетия не только не стихает, но и проявляется с ещё большей интенсивностью. Как и в предшествующие периоды, обогащение и обновление русского фразеологического фонда происходит, во-первых, за счёт внутренних ресурсов, во-вторых – за счёт заимствований. Из всех причин, вызывающих появление

² Статья подготовлена в рамках научного проекта № 19-512-18005\19 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Болгарии.

ФЕ-неологизмов, главными являются две: 1) экстралингвистические (необходимость наименования новых предметов и явлений) и 2) внутриязыковые, связанные с желанием носителей языка дать новые образные (оценочные, эмоционально окрашенные) именованья предметам и явлениям, у которых уже есть названия. Как пишет редактор словаря неологизмов болгарского языка Эм. Пернишка, «Наи-често неологизмите представляват названия на явления, предмети или дейности, които са познати отскоро в обществената практика <...> Но нерядко такива лексикални средства възникват и за понятия, за които вече има названия в езика, т. е. появяват се като *синоними*, които означават известни понятия по други начин, обикновено за да се изрази отношение, да се предаде нюанс, да се уточни значението или просто за да се модернизира изказването...» [РНД 2010: 5]. В итоге формируются целые пласты фразеологизмов, служащие наименованиями новых общественно значимых явлений, событий или образных их характеристик, которые фактически становятся символами той или иной эпохи. Носители языка обычно реагируют на важные события, трагические или комические, на новые явления в любых сферах жизни общества меткими, образными словечками и выражениями, черпая «строительный материал» из недр родного языка или осваивая иноязычные языковые средства.

Последнюю треть XX в. и начало XXI в. в истории России можно назвать переломными. Страна на волне демократических реформ проходила мучительный путь прощания с социализмом и вступления в систему рыночных отношений. Характерная черта фразеологического корпуса этого времени – языковая раскованность, нарушение стилистических границ, стихийное проникновение в СМИ, в художественные тексты, в публицистику просторечных и жаргонных выражений, а в деловую, финансовую, экономическую и даже в бытовую – англицизмов. Условно данный отрезок времени можно разделить на три периода: 1) *перестройка*, идеологически подготовившая почву для *парада суверенитетов*; 2) *90-е годы*, пора крушения советских государственных структур и грабительской *ваучерной приватизации*; 3) *2000-е годы*, время укрепления государственности и относительной стабилизации экономики.

Неудавшаяся *перестройка*, нацеленная то ли на формирование *социализма с человеческим лицом*, то ли на *народный капитализм*, на деле привела к распаду СССР. В русском языке этот период запечатлелся ФЕ *архитектор перестройки*, *перестройка* (*гласность, демократия*), *прорабы перестройки* [БСКСВ 2000: 32, 367, 408]; горбачёвскими оборотами *прийти к консенсусу*, *Кто есть ху* [Мокиенко 2003: 49–50], *Кто опаздывает, того наказывает история* [БСКСВ, т. 1, 2008: 548–549] и *Процесс пошёл* [БСКСВ 2000: 410–411].

В *лихие 90-е*, с их бандитизмом и кровавыми *чеченскими войнами*, *террористическими актами*, были разорваны прежние экономические связи; за бесценок распродавались или путём *рейдерских захватов* присваивались государственные предприятия (в народе это процесс получил название *массовая*

прихватализация), а страна погружалась в хаос *дикого капитализма*. Началась массовая безработица, когда не хватало продуктов питания, опустели магазины, а некогда единый советский народ раскололся на бедных (*нищевродов*, осваивавших мусорные свалки, и *челночников, ларёчников* из бывших учителей и инженеров), с одной стороны, и преуспевающих полукриминальных *новых русских* [БСКСВ, т. 2, 2009: 98], *богатеньких буратино* [Шулежкова 2011: 56–57], *олигархов, банковских воротил* – с другой. Простые люди ассоциируют этот период с дефолтом 11 октября 1994 года, названным ФЕ *чёрный вторник* [БСКСВ 2000: 542]. Тогда все граждане России в одночасье лишились своих сбережений, и начался безудержный рост цен, а затем появилась и *финансовая пирамида* Мавроди с её неувыдаемым лозунгом *У МММ нет проблем!* В русском языке закрепились и рождённые в те тяжёлые годы обороты *чеченский синдром* [БСКСВ, т. 2, 2009: 550], *террорист-смертник, террористка-смертница, пояс шахида, ваххабитское учение, полевые командиры, бесланская трагедия*, а также доставшиеся участникам чеченских войн 90-х гг. от Афганской войны обороты *груз 200, груз 300, чёрный тюльпан, свинцовый груз*, которые раньше существовали полулегально.

Самые яркие события периода относительной стабилизации внутри страны также породили десятки ФЕ и КВ-неологизмов. Граждане возрождающейся России с восторгом наблюдали за успехами российских спортсменов на олимпиаде в Сочи в 2014 г. (*Вперёд, Россия!*); с возмущением и горечью реагировали на «*антитеррористическую операцию*» против мирного населения ДНР и ЛНР; ликовали по поводу возвращения в состав России Крыма (*Крым наш!*); с досадой узнавали об очередных *антирусских санкциях, чёрных и санкционных списках* и пр.

У каждого из перечисленных периодов в истории России есть свой, легко узнаваемый «языковой вкус», своеобразный набор ФЕ-неологизмов, символизирующих важнейшие изменения в жизни носителей русского языка определённого времени. Отметим только некоторые черты этих пластов. Так, в годы *перестройки*, помимо освоения жаргонных оборотов и заимствованных из американизированного варианта английского языка выражений, одним из любимых способов обновления фразеологического корпуса национального языка стало переосмысление богатейшего фонда советских лозунгов, призывов и идеологических штампов, сопровождавшееся разнообразными типами трансформаций, иногда граничащих с ёрничеством. См., например, *светлое прошлое* [Шулежкова 2011: 623–624]; *Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью* [БСКСВ, т. 1, 2008: 652]; *Власть и деньги – близнецы-братья* [БСКСВ, т. 2, 2009: 173]; *Невезучие всех стран, соединяйтесь!* [БСКСВ, т. 2, 2009: 259–260] и пр.

В *лихие 90-е* русский разговорный язык очень активно обогащался за счёт «*лагерной фени*». Так, например, общеупотребительными стали после одного из выступлений В. В. Путина обороты *мочить (террористов) в сортире*

[БСКСВ, т. 1, 2008: 636; Шулежкова 2011: 408], *мочиловка в сортире, в клозете; сортирная мочиловка* [НСЗ-90, т. 2 2014: 854–855]. Многочисленные ФЕ-жаргонизмы, наряду с грубо-просторечными выражениями, осевшими в общеупотребительном русском языке, описаны в словаре «Новая русская фразеология», отразившем фразеологические неологизмы, широко употреблявшиеся в 1990-е годы. В их числе оказались обороты *хипеш / хипши поднимать* [Мокиенко 2003: 136], *взять на храпок* [Там же: 138], *вагон и маленькая тележка* [Там же: 12], *гнать туфту* [Там же: 125], *на халяву* [Там же: 134–135] и многие др. В это же время в разговорном языке россиян, а также в СМИ довольно часто стали употребляться крылатые выражения (КВ), восходящие к блатному фольклору или к стилизованным под него произведениям. Часть из этих единиц уже попала в эптологические словари, в том числе строки из песенки неизвестного автора «Постой, паровоз!» *Кондуктор, нажми на тормоза* [Шулежкова 2003: 142–143, 2011: 334; БСКСВ, т. 2, 2008: 521–522] и *Постой, паровоз! Не стучите, колёса!* [Дядечко 2019: 367–368], а также фрагменты из песни В. Высоцкого «Банька по-белому» *А на левой груди – профиль Сталина (/ А на правой – Маринка в анфас)* [Шулежкова 2003: 13] и *Протопи ты мне баньку по-белому* [Там же: 270]. Обороты *Мурка в кожаной тужурке* и *Мурка, ты мой Мурёночек* (/ *Мурка, ты мой котёночек*) из знаменитой «Мурки», исполнявшейся и на эстрадных площадках, и в кинофильмах той поры, а также рефрен песни А. Розенбаума «Гоп-стоп» *Гоп-стоп, мы подошли из-за угла* ждут своего лексикографа. Как пишет В. М. Мокиенко, «Несомненно <...> две мощные стихии народной речи (разговорная и жаргонная. – С. Ш.) сливаются и активно проникают в литературный язык. Вот почему многие слова и выражения, квалифицируемые в специальных словарях как жаргонизмы <...> уже получают статус разговорного (чаще всего сниженного) употребления» [Мокиенко 2016а: 505]. О том, насколько активно жаргонизмы-неологизмы пополняют национальный русский язык в условиях цифровой культуры, пишет и болгарская исследовательница Д. Благоева в статье «Синонимия в компьютерном жаргоне русского и болгарского языков» [Благоева 2005].

Третий период, охватывающий два десятилетия XXI столетия, когда граждане России в полной мере осознали, что они живут в цифровой цивилизации, характеризуется усилившимся потоком заимствований из немецкого и французского языков, но прежде всего – из американизированного английского. Именно в этот период русский язык пополнился массой сверхсловных единиц, используемых в различных сферах жизни российского общества.

Обострение международной обстановки, необходимость обеспечивать обороноспособность страны вызвали к жизни десятки неологизмов военной тематики: наименования различных типов войн (*информационная война, гибридная война, гуманитарная война, санкционная война, торговая война, война компроматов*), названия видов оружия (*атмосферная пушка, беспилотная*

авиация, лазерное оружие, климатическое оружие, сверхзвуковое оружие, ночной охотник, грач-штурмовик, истребитель-бомбардировщик, самоходная пушка, белые лебеди и пр.), обозначения войсковых подразделений (*белые береты, чёрные береты, красные береты, голубые береты, оранжевые береты и пр.*).

Активизацию политической и дипломатической деятельности отразили обороты *народная дипломатия, стокгольмский синдром, минские соглашения, нормандский формат, санкционные списки, таможенный союз и пр.* ФЕ-неологизмы. События на Украине 2014 г. и последующая за ними гражданская война на юго-востоке *незалежной* обогатили русский язык выражениями *киевский майдан, революция достоинства, оранжевая революция, АТО (антитеррористическая операция), правый сектор, небесная сотня, одесская Хатынь, линия соприкосновения и пр.* (см. об этом более подробно: [Шулежкова 2015: 174–199]). Несколько ФЕ-неологизмов возникло в связи с присоединением Крыма к России (*крымская весна, вежливые люди, водная блокада, Крымский мост и пр.*; см. об этом более подробно [Шулежкова 2017: 254–266]). Значительная часть новых сверхсловных языковых единиц характеризует внутреннюю жизнь Российской Федерации (*демографическая яма, ипотечные каникулы, материнский капитал, болотная оппозиция, волонтёрское движение, национальные проекты, суррогатное материнство, прямая линия и пр.*). Другая часть представляет собой фрагменты синтетических произведений искусства, получившие статус крылатых (*батяня-комбат, девочка с Севера, Не смешите мои подковы, дотронуться сердцем и пр.*).

Внутренний пласт русских ФЕ-неологизмов 3-го периода свидетельствует о включённости российских граждан в мировую цифровую культуру с многообразием её технических возможностей (*бесимпульсный телефон, виртуальная реальность, вирусный маркетинг, высокие технологии, поисковая система, социальная сеть, электронная почта и т.д.* См. об этом более подробно [Chlebda 2017]).

Составители специализированных словарей неологизмов своеобразно относятся к новым сверхсловным языковым единицам. Они, как правило, скупо отражают этот богатейший фонд в неографических изданиях, особенно те пласты ФЕ, которые родились на национальной почве. Так, автор «Самого новейшего толкового словаря русского языка XXI века» Е. Н. Шагалова толкует в своей книге в основном заимствования из английского языка. Ею упомянуто только 15 ФЕ-неологизмов, и составляют они всего 1% от общего количества описанных автором языковых единиц [Шагалова 2011]. Справедливости ради следует сказать, что это беда не только российской неографии. Акцент на заимствованиях-англицизмах сделан и в богатейшем словаре новых слов, отражающем неологизмы, которые возникли в болгарском языке после 2000 года [РНД 2010]. Сверхсловные неологизмы в нём занимают лишь 15% от общего числа описанных единиц, и помещены они в словарных статьях, посвящённых одному из их компонентов. В России назрела необходимость

создания фразеологического словаря неологизмов второй половины XX – начала XXI столетия. Он стал бы весомым вкладом в реализацию части «проекта века», задуманного профессором С. Гайдой, – сопоставительному описанию «фразеологической неологии современной Славии» [Мокиенко 2003: XXVI].

ИСТОЧНИКИ НОВОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Александр Бирих
Трир, Германия

Особенностью словарного состава русского языка второй половины XX – начала XXI века является его стремительное пополнение новыми лексемами и фразеологическими оборотами, вызванное следующими причинами: а) политические, социальные и экономические изменения в обществе в этот период;³ б) участие в публичном дискурсе широких слоёв населения, обусловленное демократизацией общественной жизни; в) отмена цензуры (в том числе и языковой) и активное воздействие средств массовой информации на язык; г) возросшие контакты между русским и западноевропейскими языками и усиливающееся влияние американского варианта английского языка и т.д. Благодаря серии словарей, составленных в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге («Новые слова и значения» 60-х, 70-х, 80-х и 90-х гг. XX в.), а также таким словарям, как: «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» (2002, отв. ред. Г. Н. Складарская), «Новая русская фразеология» (2003, авт.: В. М. Мокиенко), «Словарь русских неологизмов» (2018, авт.: Л. Степанова, М. Доброва) и многим др., удалось создать большой фонд новой лексики и фразеологии, тщательно документирующий изменения в русском языке рассматриваемого периода. Значительную часть этого фонда составляют фразеологические неологизмы, под которыми понимаются «не зарегистрированные толковыми словарями современных

³ Ср.: «Распад СССР, коренная ломка социалистических устоев общества и резкая смена экономических, политических и идеологических ориентиров, возвращение и активизация религиозных догматов стали импульсом к созданию нового общественного дискурса и полной переориентации языка средств массовой информации» [Мокиенко 2018: 134].

литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые либо созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованы трансформацией известных прежде паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2003: XI]. Хотя фразеологическая неологика в последние годы изучается особенно интенсивно (ср., например, следующие работы: Mokijenko, Walter 2008; Степанова 2008; Николаева 2016; Баско 2016; Серебряк 2018 и др.), многие аспекты её изучения ещё не получили достаточного освещения. К числу таких аспектов относится и проблема источников новой русской фразеологии, которая подробно рассматривается в настоящей статье.

Анализ собранного материала позволил выявить несколько основных источников пополнения словарного состава русского языка фразеологическими неологизмами:

Профессиональные подъязыки. Среди фразеологизмов, восходящих к профессиональным подъязыкам, можно выделить следующие тематические группы:

- а) фразеологические обороты, связанные с экономической, финансовой и бизнес-деятельностью: *теневая экономика* 'подпольная или полулегальная организация хозяйственной жизни', *черный рынок* 'сфера нелегальной, незаконной, спекулятивной торговли дефицитными товарами', *белые воротнички* 'работники офисов, не занятые физическим трудом', *голубые фишки* 'первоклассные ценные бумаги крупных компаний с высокими доходами и выплачиваемыми дивидендами', *золотой парашют* 'значительное денежное пособие, выдаваемое работнику компании, фирмы, банка, которого увольняют по решению администрации' и т.д. Ср.:

При этом господин Скобелкин сообщал об активизации попыток обналичивания денег вне банковского сектора через неорганизованные торговые сети, рынки и крупные сетевые магазины из-за того, что «*теневая экономика* требует постоянной подпитки». (Андрей Репин, Нижний Новгород. В Кировской области ликвидированы три «обнальные» конторы с оборотом в миллиард рублей. Коммерсант, 27.05.2018).

Напомним, Юрий Агибалов получил «*золотой парашют*» во время кратковременной отставки: 15 сентября он тайно от общественности покинул занимаемую должность, а уже через два дня восстановился в ней (Андрей Прах, Воронеж. Воронежский губернатор признал ошибкой выплату заму 23 окладов. Коммерсант, 24.12.2018).

- б) фразеологизмы, восходящие к политической сфере: *вертикаль власти* 'централизованная форма управления государством, представляющая собой систему последовательного подчинения низших органов высшим', *делить портфели* 'распределять должностные места в правительстве,

парламенте, *голосовать ногами* 'отказываться от участия в выборах или каком-л. мероприятии и тем самым выражать протест, несогласие с чем-л.', *грязные технологии* 'методы предвыборной борьбы, противоречащие законодательству и моральным представлениям об этике политической борьбы', *двойные стандарты* 'крайне необъективный, противоречивый и конъюнктурный подход к решению острой проблемы, затрагивающей интересы противоборствующих сторон' и т.д. Ср.:

Я бы порекомендовал желающим выразить свой протест против несправедливых цен делать это более честным способом – *голосовать ногами* (Елена Аракелян. Рейтинг магазинных краж-2011: Больше, чем в России, воруют только в Индии. Комсомольская правда, 10.11.2011).

В ситуации с убийством саудовского журналиста Джамала Хашокджи США и другие страны Запада откровенно проявили *двойные стандарты*, заявил «РИА Новости» бывший глава военной разведки Чехии генерал-майор Андор Шандор (Бывший глава разведки Чехии заявил о двойных стандартах Запада к Эр-Рияду. Коммерсант, 20.10.2018).

- в) фразеологизмы, связанные по своему происхождению с областью техники, промышленности, строительства: *в ручном режиме* 'при постоянном вмешательстве руководителя в управление страной, регионом из-за неспособности системы функционировать самостоятельно', *настраиваться / настроиться на волну какую, чью, чего* 'приводить себя в состояние, наиболее благоприятное для возникновения определенного настроения', *закручивать / закрутить гайки* 'ужесточать порядок, повышать требования к кому-л., за (под) фасадом чего' под прикрытием чего-л. (обычно – красивых фраз, демагогии и т. п.' и т.д. Ср.:

Это не остановило рост цен на АЗС, и новые заявления дают понять, что теперь правительство намерено контролировать цены *в ручном режиме* («Роснефть» предлагает ограничить экспорт нефтепродуктов. Коммерсант, 31.05.2018).

Как выясняется, в этом плане власти *закручивать гайки* пока не собираются (Инна Деготькова. «Все счета россиян поставят под контроль 1 июля»: анализируем слух. Московский комсомолец, 26.06.2018).

- г) фразеологизмы из речи работников различных видов транспорта: *подушка безопасности* 'финансовые запасы, деньги для будущих затрат', *спускать / спустить на тормозах что* 'улаживать что-л. неприятное без шума и широкой огласки, постепенными действиями', *идти / прийти на автопилоте* 'двигаться, доверившись чувству интуиции, помогающему человеку добрать-

ся в нужное место (обычно в состоянии алкогольного опьянения)’, *разбор полетов* ‘строгое, детальное и пристрастное разбирательство; выяснение причин и обстоятельств какой-л. неудачи, банкротства и т.п.’ и т.д. Ср.:

При этом понятно, что *спустить на тормозах* столь резонансное преступление едва ли получится (Алексей Стейнерт, Игорь Надеждин. Ложись, двойка: ученик напал на школу в Подмосковье. Lenta.ru, 05.09.2017).

Затем направляем соответствующие сведения в прокуратуру и в управление лесами, где идет сейчас *разбор полетов* по этим вопросам (На совести «черных лесорубов» масса бед: от страшных лесных пожаров и сгоревших деревень до обмеления Байкала. Новая газета, 18.02.2018).

- д) фразеологизмы, восходящие к спортивной сфере: *игра в одни ворота* ‘поступки, действия, совершаемые в интересах лишь одной стороны’, *на грани фола* ‘очень рискованно, подвергаясь опасности быть наказанным’, *набирать / набрать очки* ‘заоевывать преимущества в чем-л.’ и т.д. Ср.:

Достигнутые с Россией договоренности в нефтегазовой сфере – это компромиссное решение, а не *игра в одни ворота* (Лукашенко отказался считать соглашения с Россией игрой в одни ворота. Lenta.ru, 20.04.2017).

Швыткин заметил, что Великобритания «на грани фола» с тех пор, как Мэй является премьером, а подобными обвинениями власти хотят отвлечь население страны от внутренних проблем (Раздел «Армия». Госдума о словах Мэй про защиту от «вторжения» России: у страха глаза велики. Gazeta.ru, 24.12.2018).

- е) фразеологизмы, связанные с медицинской сферой: *повышенное давление* ‘обострение отношений, конфликт’, *проверить на живость* ‘испытать кого-л. на честность, порядочность, надежность’, *получить вливание (инъекцию)* ‘подвергнуться наказанию, получить выговор’ и т.д. Ср.:

Молодой человек (или девушка), желая *проверить «на живость»* свою будущую «вторую половину», приводят его (ее), знакомиться с родителями (это подготовленные артисты), которые превращают знакомство в экстремальные смотрины с массой всяких испытаний (Анастасия Ниточкина. Родители приструнят молодых. Известия, 20.06.2012).

Разговорная речь, просторечие и жаргоны. В средствах массовой информации часто используются фразеологические неологизмы, имеющие разговорный, просторечный или жаргонный характер. К числу первых следуют отнести следующие обороты: *бежать впереди паровоза* ‘опережать естественный ход событий, действуя крайне поспешно, необдуманно’, *белый и пушистый* ‘по-

ложительный, лишенный недостатков, идеальный', в одном флаконе 'одновременно', в сухом остатке 'в итоге, в окончательном результате', в полном шоколаде 'превосходно, прекрасно; в прекрасном состоянии', ср.:

При этом он отметил, что «бежать впереди паровоза и куда-то торопиться – это просто не уважать людей, которые работают в театре» (Владимир Мединский: вопрос об отставке Владимира Кехмана не будут решать до окончания суда. Коммерсант, 16.09.2016).

Вдруг вы сейчас спокойный, белый и пушистый, а на борту вас посетит «белочка», и тогда проблем не оберешься (Анастасия Наумова. Это залет!. Lenta.ru, 24.01.2018).

А про то, что две трети денег за ее квартиру выплатил я – даже больше, ведь мы об ипотеке говорим – Наташа как бы забыла. Что в сухом остатке? Я на этой женщине женился, фактически ее обеспечил жильем и долгие годы содержал («Бабы мне не нужны, а изображать независимость – чушь». Lenta.ru, 26.02.2018).

Среди просторечных и жаргонных фразеологизмов особенно частотны следующие: *катить бочку на кого* 'резко критиковать кого-л, грубо придираяться к кому-л.', *отделять / отделить мух от котлет* 'не смешивать одно с другим', *закатывать / закатать в асфальт кого* 'жестоко расправляться с кем-л., уничтожать кого-л.', *для понта* 'с целью произвести впечатление', *по понятиям* 'в соответствии с нормами и законами преступного мира' и т.п. Ср.:

И для отечественного бизнеса, похоже, настает время, что называется, *отделить мух от котлет* и сделать наконец выбор: мы живем и работаем в России и для России или она просто территория, где удобно добывать «кэш», чтобы тратить или размещать его за пределами страны (Сергей Роганов. Мухи и котлеты. Известия, 30.05.2013).

Куда-то делись и записные моралисты Мизулина с Милоновым, готовые *закатать в асфальт* всех «кощунников», покушающихся на святое – традиционные ценности народа-богоносца (Ирина Петровская. Видеозапись скотоложества ТВ ставит в эфир раньше, чем передачу «Спокойной ночи, малыши!»). Новая газета, 27.10.2016).

Значительное число фразеологических единиц, первоначально употреблявшихся в жаргоне, постепенно, благодаря СМИ, переходит в разговорную речь. Примером таких сочетаний может послужить фразеологизм *забить стрелку* 'назначить время и место встречи' (первоначально 'назначить встречу бандитских группировок с целью выяснения отношений, обычно с применением огнестрельного оружия'), ср.:

Забить стрелку Евсюковой Антонова решила после уроков, на речке Аткаре, под мостом (Александр Ахтырко. Под Саратовом под-

ростки поставили одноклассницу на колени и заставили извиняться за красоту. Комсомольская правда, 23.11.2010).

Займствования. Одним из важных источников пополнения фразеологического фонда русского языка являются заимствования. В отличие от предыдущих языковых эпох, где преобладали заимствования из французского или немецкого языков, во второй половине XX и начале XXI века в русский язык активно проникают заимствования из американского варианта английского языка. Они используются преимущественно в текстах, касающихся политики, экономики, финансов, бизнеса, массовой культуры и т.п. Ср.: *политика большой дубинки* (англ. *the policy of big stick*) 'политика угроз и запугивания', *дорожная карта* (англ. *road map*) 'план действий, программа деятельности, определяющая стратегию развития будущего', *разыграть карту* (англ. *to play the card*) 'действуя по определённому плану, применяя те или иные способы, тактику, довести намеченное до конца, до нужного результата', *золотой парашют* (англ. *golden parachute*) 'разовое вознаграждение за привлечение особо полезного сотрудника', *отмывание грязных денег* (англ. *launderring of money*) 'легализация незаконно полученных доходов путем их инвестирования в промышленность, отчисления на благотворительные цели' и т.п. Широкое распространение в русском языке получили также выражения *раскачивать лодку* (англ. *to rock the boat*) 'обострять, усложнять какую-либо ситуацию', *жечь свечу с обоих концов* (англ. *to burn the candle at both ends*) 'делать что-л. очень интенсивно, не жалея времени и сил и не зная отдыха, что, в свою очередь, не всегда обеспечивает необходимый результат', *мыльная опера* (англ. *soap opera*) 'о многосерийной сентиментальной радио- или телепостановке (в США)', *наступить на те же грабли* (англ. *step on the same rake*) 'неоднократно совершать необдуманный, ошибочный поступок с неприятными последствиями для совершающего' и т.п. Последний фразеологизм употребляется в российской прессе особенно активно, ср., например, следующие контексты:

Стоит ли нам *наступить на грабли*, на которые уже наступили другие страны? (Заложники Парижа. Lenta.ru, 19.04.2016)

– Возвращаться к дипсовской практике, которая плохо закончилась, значит, второй раз *наступить на грабли*» (Николай Михалев. Чиновники готовят конкурента крупнейшим застройщикам столицы. РБК Дейли, 29.11.2012).

В результате участники рынка, при отсутствии опубликованного доклада ЦБ, продолжают *наступить на грабли*, наращивая объем исков и миллиардов на спекуляциях с ПФИ (Почему регулятор не регулирует? Московский комсомолец, 28.09.2017).

В некоторых случаях можно, по-видимому, исходить из влияния нескольких языков на заимствованные фразеологизмы. Выражение *дьявол в деталях* 'всё, что делается, должно быть сделано тщательно, со вниманием к деталям, так

как они важны' полностью соответствует английскому фразеологизму *the devil is in the details*, которое могло быть источником русского оборота. Однако в отличие от английского выражения оборот *дьявол в деталях* употребляется в русском языке также в формах *дьявол прячется в деталях* или *дьявол кроется в деталях*, что более соответствует немецкому фразеологизму *der Teufel steckt im Detail*. Ср.: Но хорошо известно, что *дьявол прячется в деталях* (Кириллов Александр. Форма меняется, а суть? Труд-7, 18.08.2001). В связи с этим нельзя исключить, что указанные формы возникли под влиянием немецкого оборота.

Сходной оказывается и история появления в русском языке фразеологизма *изобретать велосипед* 'придумывать то, что давно известно'. Характерно, что наряду с первым оборотом в русском языке почти одновременно появилось выражение *изобретать колесо* с тем же значением, ср.:

Если бы я был террористом, я бы не стал *изобретать колесо* – для перемещения взрывчатки или оружия гораздо проще использовать те преступные каналы, которые уже есть, тем более, что они уже доказали свою эффективность и надежность, – сказал он (Марк Завадский. Эксперт: «война с террором» отнимает слишком много сил у силовиков. РИА Новости, 02.11.2005).

Последний оборот полностью соответствует англ. *reinvent the wheel*, где *wheel* может означать *колесо* и намного реже *велосипед*. Аналогичное выражение существует и в немецком языке *das Rad neu erfinden*, где *Rad* также означает *колесо*, однако очень часто и *велосипед*. Вполне возможно, что на распространение фразеологизма *изобретать велосипед* повлияло именно немецкое выражение.

Влиянием немецкого языка следует объяснить и появление в русском языке оборота *ломать через колено что* 'резко, круто менять что-л., портить, калечить'. В справочнике «Новое в русской лексике. Словарные материалы 1989» это выражение объясняется следующим образом: «От свободного сочетания слов *ломать через колено* (палку, жердь)» [НРЛ-89: 146]. Однако этот фразеологизм давно известен в немецком языке – *etw. übers Knie brechen* 'быстро, наспех разделяться с каким-л. делом; действовать опрометчиво', который, по-видимому, и послужил основой этого фразеологического неологизма.

Сделанные наблюдения показывают, что фразеологическая неологика отражает многие процессы, которые наблюдаются в современном русском языке: влияние разговорных, просторечных и жаргонных единиц на литературный язык и, как следствие, его colloquialization, заимствование значительного числа новых фразеологизмов из английского и реже немецкого языков, что приводит к интернационализации фразеологического фонда русского языка и его сближению с общеевропейским. Все это делает фразеологические неологизмы интереснейшим материалом для научных изысканий.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ В НОВОЙ СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

(НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)⁴

Стефка Иванова Георгиева
Пловдив, Болгария

Эпоха конца 20 – начала 21 столетия отмечена цивилизационными изменениями и формированием глобального коммуникативного пространства. Глобальные перемены в России, Болгарии и в странах Восточной Европы ощутимо повлияли и на славянские языки. Сменились приоритеты в выборе языка для международных контактов: при решении экономических, политических проблем стал использоваться главным образом английский язык.

Во фразеологических фондах конкретных языков встречаются интернациональные и национальные элементы. Известно, что многие ФЕ появились в разных языках с одинаковой образностью, структурой, значением благодаря яркому образу фраземы. Например, *что-л. не по карману* (кому-л.) – (нешо) (не) ми е по джоба; *за кадром – зад кадър*; *нажать на все педали – натискам педалите*; *не мой* (его, ваш и пр.) *день – не е моят ден* и др. Среди инновационных фразем наблюдаем много общих ФЕ в русском и болгарском языках.

Процесс глобализации способствует внедрению интернациональных элементов. Например, в последние годы в наших языках очень активно стало использоваться словосочетание *черная пятница – черен петък*. В толковых словарях русского и болгарского языков прилагательное *черный* в сочетании со словом *пятница* не имеет значения ‘благоприятный период для покупателей, когда действуют максимальные скидки на многие предметы’ [МАС-1984: 667–668]. Это новое значение прилагательного *черный* для славянских языков.

⁴ Работа выполнена в рамках научного проекта КП-06-РУСИЯ-11 «Новая фразеология в новой Европе: русские и болгарские сверхсловные неологизмы в современном коммуникативном пространстве», получившего поддержку РФФИ и Национального научного фонда Болгарии.

В 1960 года устойчивое словосочетание *Black Friday* впервые появилось в Филадельфии. Этим термином служащие местной полиции называли пятницу после Дня благодарения из-за больших пробок на дорогах. Статистика показывает, что с каждым годом интерес к *черной пятнице* растет, последние годы этот день занимает первое место по продажам [Черная пятница 2017–8; Черен петък 2018].

Английское устойчивое словосочетание *Black Friday* (*черная пятница*) стало употребляться и в славянских языках. В наших странах оно вошло в обиход в последнее десятилетие, это связано как с активизацией международной экономической жизни, так и с активным использованием английского языка как средства массовой коммуникации. Данное устойчивое словосочетание было заимствовано из английского как в русский, так и в болгарский языки. В русском и в болгарском языках слово со свободным значением расширило свой диапазон, и теперь активно используются и словосочетания *черная неделя* – *черна седмица*, *черен уикенд*, *черен четвъртък* и др.

Многие социальные процессы являются общими для России и Болгарии, потому и наблюдаются соответствия между новыми ФЕ, рождёнными в обеих странах, несмотря на то, что они теперь входят в разные политические блоки. Например:

(*някой играе*) *любима роля* – любимая роль; *допирни точки* – точки соприкосновения; *черен списък* – черный список; *жълт светофар* – желтый свет; *осигурителен праг* – порог обеспечения; *висш пилотаж* – высший пилотаж; *тежка артилерия* – тяжелая артиллерия; *мокра поръчка* – мокрый заказ; *кървава баня* – кровавая баня; *броени дни* – считанные дни; *зад кадър* – за кадром; *отварям (нова) рана* – открыть (новую) рану; *гълтка въздух* – глоток воздуха; (*нещо*) (*не*) *ми е по джоба* – что-л. не по карману (кому-либо); *с гол задник* – с голым задом; *бойна готовност* – боевая готовность; *гореща точка* – горячая точка; (*не слагам*) *каруцата пред коня* – не ставить телегу/сани перед лошастью и др.

Данные соответствия можно разделить на две подгруппы:

1. ФЕ, которые совпадают на лексическом, грамматическом, семантическом уровнях и имеют одинаковую образную основу. Например:

втора ръка (*дрехи, коли и т.п.*) – вторые руки; *второ качество* – второй сорт; *бирено коремче* – пивной животик; *звездна двойка* – звездная пара; (*някой нещо прави*) *под масата* – делать (что-л.) под столом; *вижда се/не се вижда светлина в тунела* – виден свет в конце/в середине тоннеля; *настройвам се на друга вълна* – настраиваюсь на другую волну и др.

Анализ эксцерпированного материала показывает, что тождественные совпадения большой группы новых фразеологических моделей и образцов фразеоло-

гизмов во многих языках продиктованы активным процессом заимствования из английского языка. Важной особенностью этих новых фразеологических единиц является то, что они все (почти без исключения) являются кальками. Эти наблюдения, хотя и сделаны на ограниченном языковом корпусе, подтверждают одну из указанных уже исследователями характерную при фразеологическом заимствовании в славянских языках тенденцию – «почти абсолютное предпочтение калькирования прямому заимствованию, стремление к дословной передаче образа и структуры фразеологического источника средствами родного языка» [Мокиенко 1983: 193]. Калькирование имеет свои преимущества перед прямыми заимствованиями при передаче неродного фразеологического оборота, так как при помощи использования собственных языковых элементов дается возможность его адаптации и постепенного усвоения определенной лексико-фразеологической системой конкретного славянского языка [см. об этом подробнее применительно к русскому языку у Л. П. Крысина 2002]. Фраземы, которые имеют параллели в английском языке, тематически связаны с процессами глобализации, с идентичными явлениями внеязыковой действительности в славянских странах, прежде всего в экономике и общественной жизни, в спорте и в других сферах жизни: *осигурителен праг – порог обеспечения, прожиточный минимум; зад кадър – за кадром; правя нещо под масата* (только в болг.); *някой е във форма – быть в форме* и др. Положительной коннотацией отличаются семантически переосмысленные фраземы и соответствующие им кальки: *тежка артилерия – тяжелая артиллерия, висш пилотаж – высший пилотаж* и, наоборот, сильной негативной коннотацией характеризуются кальки-фраземы *черен списък – черный список; кървава баня – кровавая баня; мокра поръчка – мокрый заказ; перач на пари – отмыватель денег* и др. Данные заимствования относятся преимущественно к книжной фразеологии. В настоящее время они отличаются частотностью в употреблении и играют активную роль в обогащении фразеологических фондов обоих исследуемых языков.

2. ФЕ, которые имеют соответствия в русском и болгарском языках, но различаются лексическими элементами, грамматической формой либо образной основой. Например:

батарейки садятся – бушоните в главата запушват /на някого/; что-л. ласкает слух – гали ухото; в основе лежит что-л. – някой стои в дъното; требовать крови – искам главата на някого; расходятся как горячие пирожки – продава се като топъл хляб; цены запредельные – надуты цены; аппарат выключен/находится вне зоны сети – апаратът е изключен/намира се извън зоната на обхват; вишенка на торте – черешката на тортата и др.

Подобные устойчивые словосочетания демонстрируют тот факт, что при заимствовании язык приспособливает инородные элементы к своему националь-

ному видению, к образу, который близок конкретному этносу. Они связаны с общечеловеческой деятельностью, национальными ценностями, особенностями или способами членения и видения мира.

Употребление фразем мотивировано экспрессивной оценкой, которая характерна для ФЕ и создает эффект большей выразительности в тексте. С точки зрения образности и выразительности среди рассмотренных новых фразем выделяется группа экспрессивно нейтральных сочетаний, которые содержат смысловой перенос (метафору) хотя бы одного из компонентов. Эти единицы сходны с терминологическими фраземами, например:

държавен глава – глава государства; отварям/затварям глава – открывать/закрывать новую главу (в каком-л. деле); на дневен ред съм – на повестке дня; среща на високо равнище – встреча на высшем уровне и др.

Всемирная встреча на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУИО+10 или WSIS+10) в декабре 2015 г. подвела итоги 10 лет развития подходов к управлению Интернетом с момента принятия Тунисской повестки дня (Пульс кибермира, вып. 1, 2016).

Неубедителната сегашна позиция на ГЕРБ спрямо *държавния глава* обърка тези десни... «Новинар», 2006; Пора обезвредить прикремлевских провокаторов. Открытое обращение Г. А. Зюганова к *главе государства* (Сайт КППФ, 18.02.2018).

Среди новых фразем выделяется и группа единиц, которые отличаются своей подчеркнутой экспрессивностью. К ней относятся уже указанные выше сочетания, которые вызывают в сознании людей яркую образную картину, связанную с разными видами деятельности людей. Этот образ лежит в основе мотивированности (внутренней формы), а также в основе семантической трансформации. Повышенная экспрессивность обеспечивает и яркую эмоциональную коннотацию, проявляющуюся при коммуникации.

Интерес представляет и внешняя, формальная организация ФЕ, синтаксические модели новых устойчивых словосочетаний. Встречаются модели разной грамматической структуры: Прил. + Сущ. (*черен списък – черный список; бяла държава, мокра поръчка – мокрый заказ, мокрое дело; броени дни – считанные дни, последняя карта, подмоченная репутация*), Предлог + Сущ. (*под масата, зад кадър – за кадром; под колпаком*), Сущ. + Сущ. (*гълтка въздух – глоток воздуха, запас прочности, вопрос времени, буква закона*), Сущ. + Предлог + Сущ. (*перач на пари, стената на плача, глава на месте у кого, дело на мази*), Глагол + Сущ. (*вдигам летвата, врътвам кранчето, обръщам чашката; закрутить гайки, сделать акцент на чём, делать кассу, брать барьер, брать волю*), ФЕ с усложненной структурой (*вижда се светлина в тунела – видеть свет в конце туннеля; среща на високо равнище – встреча на высшем уровне*), ФЕ с дефектной морфологической парадигмой (*ней сърце – употребляется для обозначения радостного, приподнятого настроения по модели ряда фра-*

зем с морфологическими ограничениями, что продиктовано конкретностью и сильной эмоциональностью этого типа единиц) и др. Наблюдения над иллюстративным материалом показывают, что преобладают устойчивые словосочетания; поговорки, крылатые слова и другие сложные структуры встречаются редко.

Гораздо большее место среди ФЕ-неологизмов занимают процессуальные фраземы. Глагольные компоненты в них весьма разнообразны по семантике:

говоря – говорить, виждам – видеть, имам – иметь, минавам – проходить, отварям – открывать, давам – давать, слагам – складывать, продавам – продавать, вися – висеть, обръщам – обращать, паля – жечь, пия – пить, търча – бежать, ловя – ловить, настройвам се, пръсвам се – разбегаться, рассыпаться и др.

Данные ФЕ касаются разных сфер деятельности человека, его морального и психического состояния, отношения к кому-л. или к чему-л., т. е. это фраземы, которые обозначают разные действия, состояния, изменения как процесс, например:

дать задний ход / идти на попятную – давам на заден ход; хлопнуть рюмку – обръщам чашката; чувствовать откуда дует ветер – усещам откъде духа вятърът; объявить войну кому-л. – обявявам война на някого; перекрывать кран – врътвам кранчета на нещо; стоять в очередях – висим на опашки; лишать иммунитета кого-л. – свалям имунитета на някого; отдавать последний кусок хлеба – давам залъка си; играть по правилам – играя според правилата; соблюдать правила – спазвам правилата; аист прилетел – щъркелът долетя; готов в ложке воды утопить кого-л. – (някого) с плюнка ще удава; показать желтую карточку – показаха ни жълт картон; показать красную карточку – показаха ни червен картон и др.

У них общая образная основа, метафоризация и фразеологическая трансформация в обоих языках прошли в одном и том же направлении, а для нас это языковые знаки, называющие и одновременно характеризующие одни и те же процессы, явления внеязыковой действительности. Например, болг. *едри/дребни риби* (чаще во мн. ч.), 'большой/небольшой начальник' – рус. *большая шишка*. Прозрачная образность и мотивация данных ФЕ наделяют их негативной коннотацией с оттенком пренебрежительности со стороны говорящего. Тематически связан, в известном смысле, с подобной серией фразем и фразеологический неологизм (*делать что-л. под столом – (правя нещо) под масата* – 'тайком, без обсуждения делать что-л.'). В данном случае предложно-именная конструкция с первоначальным локативным значением преобразовалась в результате метафоризации в адвербиальную, которая характеризует способ действия. Представление о процессе, совершенном тайком, связывается в сознании говорящего с незаконным и, следовательно, предосудительным

действием. *Объявить войну кому-л.* – *обявявам война на някого* – терминологическое словосочетание с военной тематикой, которое используется часто как фразеологизм, характеризующий эмоционально насыщенную атмосферу с конфликтными ситуациями, столкновением интересов и разных точек зрения. Более нейтральное эмоционально-образное содержание имеют фраземы *стучаться/постучаться в дверь* – *чукам на нечия врата* ‘пробовать получить поддержку от кого-л.’; *разыгрывать спектакль* – *разигравам спектакъл* ‘притворяться’; *битва не на жизнь, а на смерть* – *битка на живот и смърт* ‘решительная схватка’; *подставить плечо кому-л.* – *давам рамо на някого* ‘помочь кому-л.’; *давать задний ход* – *дадоха на заден ход* ‘отступить’ и др. Фразеологические неологизмы другой группы имеют семантические соответствия в сравниваемых языках, но актуализируют разные образы, например: *пересадить обезьяну на чужие плечи* – *прехвърлям топката на някого* ‘перебросить проблемы на кого-л.’; *вытащить из грязи кого-л.* – *вадя каруцата от калта* ‘помогать в критической ситуации’ и др.

Иллюстративный материал выявляет преимущественное совпадение новой фразеологии в русском и болгарском языках на лексическом, структурном и семантическом уровнях. Самая частотная в обоих языках модель Прил. + Сущ. с взаимодействием фразеологических компонентов на семантическом уровне: *синяя птица* – *синята птица*, *мокрый заказ* – *мокра поръчка*, *красная баня* – *кървава баня*, *вторые руки (одежда, машины и т.п.)* – *втора ръка* и др.

И если в предыдущие десятилетия многие из причин общего в лексическом и фразеологическом составе русского и болгарского языков можно было объяснить взаимовлиянием, то последние совпадения свидетельствуют скорее всего о заимствованиях из одного источника, преимущественно из английского языка.

Большая часть словосочетаний, связанных со спортом, техникой, строительством и т. д. и в болгарском языке, и в русском развили вторичные, метафорические значения и, получив статус фразем, активно употребляются не только в специализированных текстах, но и в текстах разной тематики. Но есть и случаи, когда отдельные единицы, например, в болгарском языке развили метафорическое значение, а в русском языке имеют, скорее всего, прямое, номинативное значение и употребляются только в соответствующих тематических текстах: *показаха ни червен картон* – ‘лишить права действовать’; *забиха си автогол* – *забихь автогол* ‘кто-л. сам себе мешает в действиях’; *централен нападател* ‘главное действующее лицо’ и др. [Георгиева 2006: 295–299].

И болгарский, и русский языки в последние десятилетия (конец XX – начало XXI вв.) обогатились множеством новых устойчивых единиц. Этому способствует интернет-коммуникация, СМИ, налаживание культурных и научных связей между людьми, живущими в разных странах и др., что создает условия для появления общих неологизмов в разных языках. Влияние оказывает и активное использование английского языка в мировом масштабе.

Анализ материала позволяет сделать следующие выводы.

Глобализация социальных, политических и культурных процессов, обмен интеллектуальными знаниями и техническими достижениями ведут к взаимопроникновению языковых единиц, к формированию не только сходных, но и общих пластов в языках Европы, в том числе в русском и болгарском языках. А каждое время отмечено своими фразеологическими единицами, которые отражают самые характерные его черты.

ОСНОВНІ ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ ФРАЗЕОЛОГІЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ

Наталія Федорівна Венжинович
Ужгород, Україна

Фразеологія як мовознавча наука вже виробила достатньо чіткі теоретичні позиції. У рамках фразеології як науки виокремлено такі основні напрямки: діалектна, порівняльна, зіставна, історична фразеологія; фразеотворення; фразеографія; граматична, семантична, стилістична характеристика фразеологізмів тощо. В сучасному мовознавстві в усіх цих галузях ведуться активні дослідження.

Ми ставимо собі за мету розглянути основні тенденції розвитку діалектної фразеології української мови на сучасному етапі.

Новий етап вивчення діалектної фразеології (90-ті роки ХХ – поч. ХХІ ст.) ознаменований появою дисертаційних досліджень з описом окремих говорів: карпатських (В. Лавер) східностепових (Т. Грица), поліських (Г. Доброльожа), лемківських (Г. Ступінська), східнословобожанських і східностепових (Р. Міняйло), західноподільських (Н. Коваленко), гуцульських (М. Олійник), верхньонаддністрянських (Н. Романюк), центральнослобожанських (О. Плетнева).

За останні роки збільшилась кількість діалектних фразеографічних праць. Опубліковано словники гуцульських, бойківських, буковинських, наддністрянських говірок. Окрім цього, з'явилися й такі фразеографічні джерела, що репрезентують лише частину ареалу, наприклад, низка словників М. Лесюка, М. Негрича, Ю. Піпаша, Б. Галаса та ін. Різні за ареалом, обсягом, широтою та деталізацією опису, усі вони об'єднані прагненням авторів вичерпно й точно паспортизувати, семантизувати й схарактеризувати фразеологічні одиниці обраного діалектного простору.

Нині опубліковано праці, в яких розглянуто теоретичні питання української діалектної фразеології, що висвітлюють її у різних аспектах і напрямках, зокрема в ономасіологічному аспекті (А. Івченко); з погляду активних мовних процесів у межах окремого діалектного масиву (І. Мілева, Р. Міняйло, Н. Романюк, В. Пачева); структурно-семантичного моделювання говіркових

фразеологізмів (Т. Грица, А. Івченко, Н. Коваленко, М. Олійник, О. Плетнева, В. Ужченко); системних відношень в ареальній фразеології (Н. Бабич, В. Лавер, І. Матвійас, М. Олійник); установлення культурно-національного компонента ареальних фразеологічних одиниць (Л. Мельник, Р. Міняйло, Є. Отін). Окремо зосереджено увагу на розмежуванні фразеологізмів національної, літературної і діалектної макросистем, яке здійснили І. Матвійас, Л. Ройзензон, Л. Івашко, Б. Ларін та ін.

Поняття *фразеологія діалекту* значно ширше, ніж *діалектна фразеологія*, оскільки до фразеології діалекту належать усі фразеологічні одиниці, які функціонують у мовленні діалектоносіїв [Коваленко 2001; Олійник 2002]. Значна частина мовознавців, маючи на увазі фразеологію діалекту, називає її діалектною фразеологією, що призводить до сплутування цих понять, хоча перше і них значно ширше, ніж друге, оскільки поширюється на власне діалектні фразеологічні одиниці і загальноживані літературні фразеологічні одиниці.

М. Алефіренко виокремлює фразеологічні варіанти та називає їх тими видами фразем, які, характеризуючись відносною тотожністю фразеологічних значень й етимологічних образів, розрізняються окремими компонентами, що надає їм певної стилістично-експресивної забарвленості. Варіанти фразеологізмів слід відрізнити від фразеологічних синонімів зі спільними лексичними компонентами, оскільки такі фразеологічні одиниці виражають близькі фразеологічні значення, однак їх внутрішні форми, етимологічні образи й експресивно-стилістичні властивості не збігаються [Алефіренко 2007: 802]. Саме ці дефініції і розмежування мають безпосередній стосунок до визначення поняття «діалектна фразеологія». Зазначене поняття охоплює фразеологізми, що виступають у мові як єдині, неподільні й цілісні за значенням одиниці, функціонування яких обмежується лише певною територією [Дехтярьова 2011].

Окремі матеріали з діалектної фразеології увійшли в «Атлас української мови» [АУМ 1988]. Ареали діалектних фразеологічних одиниць у той час ще не були визначені, тому С. Бевзенко зазначив, що «слід широко розгорнути монографічне дослідження діалектних фразеологізмів окремих територій, а також створити регіональні фразеологічні словники, що дасть можливість виявити багатства діалектної фразеології» [Бевзенко 1974: 16].

Метою дисертаційного дослідження Г. Ступінської [Ступінська 2000] став опис фразеологічних одиниць лемківського говору. У праці розглянуто діалектні ознаки лемківських фразеологічних одиниць, їх становлення та розвиток. Сконцентровано увагу на характеристиці акцентуаційних, фонетичних, морфологічних та лексичних особливостей лемківських фразеологізмів. Унікальним є те, що в цій науковій праці проаналізовано акцентуаційні особливості фразеологізмів.

М. Олійник [Олійник 2002] досліджує діалектну фразеологію гуцульських говірок, де розглядає стан і напрямки розвитку української діалектної фразеології, описує суть, статус й ономазіологічні функції фразеологічних оди-

ниць. Дослідниця доходить висновку, що продуктивніше не диференціювати матеріал, зіставляючи літературне й діалектне, а вивчати діалектні явища як систему, тобто синтагматичні, парадигматичні, внутрішньофразеологічні та фразеотворчі відношення.

Н. Романюк [Романюк 2002], досліджуючи фразеологію верхньонаддністрянських говірок нижньої течії річки Бистриці, уперше здійснила спробу комплексного діахронно-синхронного аналізу діалектних фразеологічних одиниць, описала особливості, причини і способи їх структурних і семантичних трансформацій. У науковій розвідці описано теоретичні засади вивчення фразеологізмів. Серед основних проблем вивчення діалектної фразеології авторка називає такі: необхідність вироблення чіткої схеми систематизації діалектних фразеологічних одиниць та їх структурного впорядкування, оскільки різні за походженням, експресивно-стилістичним забарвленням, способом вираження, структурою, широтою функціонального та стильового використання діалектні фразеологічні одиниці вимагають диференційованого підходу до їх вивчення.

І. Мілева [Мілева 2005] у своєму монографічному дослідженні вперше здійснила аналіз особливостей становлення й функціонування евфемістичних і дисфемістичних ареальних фразеологічних одиниць. Зазначимо, що аналіз ареальних фразеологічних одиниць проводився в зіставленні з фіксаціями інших діалектних словників української й іноземних мов, що уможливило виявлення типових асоціацій та опис культурно-національної специфіки фразеології сходу України. Серед продуктивних способів фразеотворення ареальних евфемістичних і дисфемістичних фразем дослідниця називає метафору, метонімію, каламбур.

Основним методом дослідження діалектної фразеології останніх років став метод структурно-семантичного моделювання, який особливо ефективно використовують А. Івченко, М. Олійник, Н. Коваленко. Це дало змогу виявити фразеотворчі відношення у сфері діалектної фразеології, основні способи мотивації, визначити додаткові семи в значенні фразеологізмів [Дехтярьова 2011].

В. Чабаненко стверджує, що «місцеві фразеологізми органічно входять до системи експресивних засобів діалектного мовлення і є вдячним матеріалом для дослідження соціолінгвістичних та психолінгвістичних основ говіркової мовленнєвої виразності, для дослідження естетичної, емотивної та волюнтаривної функції живого народного мовлення, для дослідження стильової диференціації цього мовлення» [Чабаненко 1978: 105].

Своєрідний підсумок у вивченні діалектної фразеології української мови зроблено у монографії В. Ужченка [Ужченко 2003], де автор здійснив огляд діалектної фразеології за останні 30 років, показав стан вивчення фразеології новітніх говірок сходу України, активні ареальні процеси, виокремив культурологічні аспекти означеної проблеми.

І попри безперечні її напрацювання і здобутки, констатуємо, що діалектна фразеологія потребує подальшого дослідження. Важливо встановити обсяг і межі української діалектної фразеології, виявити її основний корпус в українській мові, визначити основні напрямки й шляхи розвитку.

Важливим завданням нині вважаємо вивчення фразеологічного багатства у художніх творах письменників, зокрема й закарпатських. Діалектна фразеологія у мові художніх творів є надзвичайно виразною, адже саме їх тексти актуалізують словникові надбання української традиційної фразеології та служать засобом фіксації багатьох мовних явищ, поширених лише на території певного регіону, допомагають виявити загальнонародне та місцеве, з'ясувати семантичні та граматичні особливості власне діалектних фразем. На думку В. Папіш, «розвиток фразеологічної науки потребує розширення об'єктів дослідження, зокрема фразеологічного фонду, почерпнутого з художніх творів регіональних авторів, які є не лише здчими літературної мови у своєму краї, але й водночас носіями живого говіркового мовлення» [Папіш 2004: 3].

Саме художній текст виступає певною моделлю світу і «є невичерпним джерелом інформації про культурно-історичний досвід народу, конденсатом культурної пам'яті (традиції), яка відклалася у свідомості народу. Саме фразеологічний рівень художнього твору є тим акумулятивним центром, який здійснює широкий зв'язок мовних явищ з культурою певного етносоціуму. Оскільки у фразеологічних одиницях найповніше відображається специфіка світобачення і культури, саме тут постає людина з її емоціями, почуттями, внутрішнім світом» [Євтушина 2005: 39].

Фразеологізми яскраво зображають особливості народного мислення, їх культуру, звичаї, збагачують літературну мову новими виражальними засобами. Дослідження національної та культурної своєрідності фразеологічних одиниць свідчить, що саме фразеологія мови художніх текстів є носієм різноманітної країнознавчої, етнокультурної інформації. Будь-яка фразема, на думку В. Маслової, – «це текст, тобто зберігач культурної інформації. Саме текст безпосередньо має зв'язок з культурою, бо він пронизаний безліччю культурних кодів, саме текст зберігає інформацію про історію, етнографію, національну психологію, національну поведінку, тобто про все, що складає зміст культури» [Маслова 2001: 87].

Індивідуально-художній стиль письменника становить систему мовних засобів, яка постає в результаті відбору і творчого використання насамперед лексичних реалій національної мови не тільки для вираження певного змісту, але й для естетичного впливу на читача. Категорія індивідуального формується сукупністю мовних одиниць, які мають значне смислове навантаження (культурологічне, історіософське, філософське тощо), зумовлене контекстним оточенням, сюжетними лініями, емоційно-експресивним наповненням. До таких одиниць належать і фразеологізми [Морараш 2011: 312].

Саме через призму авторського художньо-образного світобачення виступають фразеологізми в художніх текстах. Вони є органічним елементом у мові творів. Стійкі звороти – активний образотворчий чинник авторської оповіді. Через них письменник передає ставлення до зображуваних подій, акцентує смислову та стильову позиції мовних засобів. За допомогою фразеологізмів краще розкриваються читачеві внутрішній світ, настрій, світогляд персонажів тощо. Стилiстичне використання фразеологізмів письменниками – творчий процес. Фразеологізми в художніх текстах – одне з невичерпних джерел посилення експресивності, поглиблення логізації викладу, тому вони набувають особливої естетичної значущості [Здiховська 2010: 40].

Вивчення діалектної фразеології є актуальним, оскільки вона є «засобом відображення в мові національної специфіки, носієм елементів, що у значній різноманітності і повноті характеризують етнічну картину світу» [Кононенко 2000: 52].

Фразеологічне багатство української мови у творах письменників використовується як результат творчого, розширеного й ускладненого відтворення індивідуально-авторської трансформації, що спрямоване на пошуки найкращого втілення думки.

Перспективу подальших досліджень убачаємо в студіюванні невичерпного фразеологічного багатства, наявного у творах, зокрема й закарпатських письменників І. Чендея, П. Скунця, Д. Кешелі, М. Дочинця та інших майстрів художнього слова.

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ КАТЕГОРИЙ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ И ИДИОМАТИЧНОСТИ В «НОВЫХ» ВАРИАНТАХ «СТАРЫХ» ФРАЗЕОМОДЕЛЕЙ

(НА МАТЕРИАЛЕ УСТОЙЧИВЫХ СОЧЕТАНИЙ С КОМПОНЕНТОМ *ГРЫЗТЬ*)

Елена Владимировна Ничипорчик
Гомель, Беларусь

Проблема, которая обнаруживается при исследовании процессов идиоматизации,⁵ связанных с реализацией семантического потенциала слова *грызть* в русском языке, заключается в следующем. Во-первых, выделяется ряд идиоматичных сочетаний с условно левым актантом при глаголе *грызть*, которые не фиксируются фразеологическими словарями, однако некоторые из этих сочетаний опознаются носителями языка как устойчивые. Во-вторых, есть ряд идиоматичных сочетаний с условно правым актантом при глаголе *грызть*, фиксируемых фразеологическими словарями, но в большинстве своем характеризующихся ограниченной сферой употребления, и наконец, есть новообразованные идиоматичные сочетания с условно правым актантом при глаголе *грызть*, отличающиеся от аналогичных по семантике единичных новаций высокой частотностью. Интересно выяснить, какого рода когнитивные структуры легли в основу идиоматизации во всех названных случаях и в каком из отношений проявляется категория воспроизводимости в каждом из случаев.

⁵ Вслед за М. Копотевым и Т. Стековой, идиоматизацию понимаем как «процесс конвенциализации речевого потока языковым сообществом» [Копотев, Стекова 2016]. М. Копотев, Т. Стекова пишут, что идиоматизация может привести и к образованию фразеологизма, и к созданию грамматического правила, и к возникновению множества переходных, полуоформленных языковых единиц, размывающих границы между языковыми уровнями [Копотев, Стекова 2016].

Идиоматичные сочетания глагола *грызть* с условно левым актантом, реализующим значение грамматического субъекта, – это сочетания типа *тоска / досада / совесть / сомнение / мысль / ... грызет*. Такого рода сочетания квалифицируются как серийные коллокации и во фразеологических словарях отсутствуют. Объяснить это можно тем, что идиоматичность⁶ в коллокациях, как считают А. Баранов и Д. Добровольский, является слабой, отражающей регулярные тропеические преобразования [Баранов, Добровольский 2008: 59–60]. Кроме того, представленная в серийных коллокациях сочетаемость является «групповой», то есть такой, при которой, по мысли М. Копыленко, З. Поповой, воспроизводится не каждое сочетание с глаголом, взятое в отдельности, а сочетаемость глагола с ограниченной группой лексем [Копыленко, Попова 1978: 12].

Рядовые носители языка, которым неведомы тонкости лингвистического анализа, считают выражения *совесть грызет*, *тоска грызет* устойчивыми сочетаниями, то есть воспринимают их как единицы, обладающие «индивидуальной» воспроизводимостью (в терминологии М. Копыленко, З. Поповой [Там же: 14–15]). О закреплении в узусе выражения *совесть грызет*⁷ свидетельствуют частотные фиксации этого выражения в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ], а также в интернет-пространстве (в названиях статей, видеороликов и т.п.). Сигналом «когнитивной укорененности» (см. «cognitive entrenchment» [Langacker 1987, Blumenthal-Dramé 2012], а также [Добровольский, Пёппель 2016]) другого частотного в НКРЯ сочетания *тоска грызет* в качестве самостоятельной единицы языка является фиксация этого выражения создателями электронного ресурса Фразеология.ру [СФР]. Получается, что среди серийных коллокаций могут быть как когнитивно укорененные, так и когнитивно не укорененные сочетания. Таким образом, граница между «индивидуальной» и «групповой» воспроизводимостью оказывается стертой, более того, не имеющей принципиального значения в процессе речепродуцирования. Для лингвиста, тем не менее, важно, что воспроизводимость может обладать разной субстанциональной природой.

Если понимать воспроизводимость максимально широко, то есть в том ключе, в котором говорил о языковой природе сочетаний с разной степенью прочности, переменности компонентов И. Аничков [Аничков 1997], так, как

⁶ Под идиоматичностью понимаем проявляющуюся в разной степени содержательную и формальную слитность дискретного знака, такую категорию, которая обуславливается, по А. Баранову и Д. Добровольскому, рядом взаимосвязанных факторов: перинтерпретацией (пересмысленностью), усложнением способа указания на денотат и непрозрачностью [Там же: 30–33].

⁷ Полагаем, что такое восприятие сформировано не без влияния канонического фразеологизма *угрызения совести*, в чем мы убеждаемся при обращении к «народным» дефинициям выражения *совесть грызет* (см. *совесть грызет* в [Модные-слова.рф 2019]); подробнее об этом в [Ничипорчик 2019: 73].

понимается сегодня воспроизводимость представителями подходов к изучению языка, которые сформировались под влиянием и в противовес революционным идеям Н. Хомского,⁸ то анализируемые нами серийные коллокации являются примером воспроизводимости семантико-синтаксической модели, значение которой описывается в синкретичных – лексико-грамматических – категориях. Своеобразие анализируемой семантико-синтаксической модели (ее можно назвать идиоматической – обусловленной «сбойной» ассоциацией) заключается в том, что она возникла путем пересечения, наложения друг на друга двух семантико-синтаксических моделей: 'живое существо и совершаемое им деструктивное действие' и 'чувство и оказываемое им деструктивное воздействие'. Неслучайно в «Экспериментальном синтаксическом словаре» Л. Бабенко такие семантико-синтаксические модели определяются как образные (воплощающие два фрейма) и их описание совмещает два типа представления семантики: некомпозициональное и композициональное: 'человек испытывает отрицательную эмоцию, тяжелое, мучительное чувство, уподобляемое физической боли, дискомфорту от отрицательного воздействия живого существа или предмета' [Бабенко 2002: 298].

Исследовательский конструкт, называемый моделью, живет в сознании носителя языка в виде ассоциативно-вербальных связей, принадлежащих той или иной предметной области. В этих латентных ассоциативно-вербальных связях и воплощается «дотекстовое бытие языковых сочетаемостей»,⁹ детерминированных разного рода ограничениями. Объективация ассоциативно-вербальной связи когнитивно укорененной языковой единицей представляет точечную, или индивидуальную, воспроизводимость. Объективация семейных, представляющих один тип ограничений, ассоциативно-вербальных связей когнитивно не укорененными языковыми единицами представляет матричную, или групповую, воспроизводимость. Любая замкнутая ассоциативно-вербальная связь (по М. Копыленко, З. Поповой, «вырожденная групповая связь» [Там же: 12]), представленная в когнитивно укорененной языковой единице, зиждется на матричной воспроизводимости того или иного типа и при контаминации с иными ассоциативно-вербальными связями может лечь в основу новой модели, нового правила сочетаемости.

Примером когнитивно укорененных языковых единиц, воплощающих в речи точечную, или индивидуальную, воспроизводимость, являются фиксируемые фразеологическими словарями идиоматичные сочетания с формально правым актантом, реализующим в матричной грамматической модели с глаголом *грызть* объектную семантику. Обозначаемые такими фразеологизмами ситуации объединяет представление о преодолении некоторых трудностей,

⁸ Речь идет прежде всего о грамматике конструкций Ч. Филлмора и его последователей [Fillmore, Kay 1993; 1999] и др.; радикальной грамматике конструкций [Croft 2002] и др.

⁹ Так определяется воспроизводимость М. Копыленко и З. Поповой [Там же: 14–15].

проявлении усилия, одержимости в достижении желаемого, в том числе и в деструктивном воздействии, оказываемом на кого-либо: *грызть гранит науки* – ‘упорно, настойчиво учиться, овладевать знаниями’ [Федоров 2008: 160]; *грызть зубы* (диал.) – ‘страстно желать, стремиться получить что-либо’ [БСРП: 260]; *грызть зубы* (диал.) – ‘испытывать злобу по отношению к кому-либо, быть готовым причинить неприятности кому-либо’ [БСРП: 260]; *грызть камни* (прост.) – ‘прилагать все усилия для того, чтобы достичь чего-либо’ [БСРП: 273]; *грызть окна* – ‘то же, что стоять под окном’ [БСРП: 462]; *грызть глаза* (диал.) – ‘упрекать кого-либо в чём-либо’ [БСРП: 122]; *грызть бамбук* (жарг.) – ‘не получить ожидаемого, остаться ни с чем’ [БСРП: 27] и др.

Механизмы образования такого рода единиц связываются с расширением локальных связей глагола *грызть*. Хотя образование каждого из устойчивых сочетаний имеет свою внутреннюю форму, однако, как и в случае с серийными коллокациями, и здесь можно усматривать некоторую общность в схематизации опыта и его категоризации. Во всех сочетаниях наблюдается несоответствие выбора лексемы, представляющей позицию объектного актанта, стандартным моделям сочетаемости лексемы *грызть*. Анализ фразеологизмов в общей системе языковых единиц позволяет выявить закономерности денотативных сбоев и приходиться к выводу о существовании густой сети взаимосвязей в семиотическом пространстве. С одной стороны, среди этих окказиональных актантов мы находим наименования объектов повышенной прочности *гранит, камни*, объясняющей выбор «сбойного» (‘не того’) объекта воздействия, обозначаемого глаголом *грызть*. С другой стороны, мы находим массу иного рода переключек, объясняющих выбор чужеродных в семантико-синтаксическом отношении компонентов с объектными отношениями при глаголе *грызть*: *грызть глаза*, ср. *сказать в глаза, говорить за глаза* – общность по компоненту *глаза*, семантическая переключка по элементу семантической структуры ‘оказание речевого воздействия на партнера’; *грызть зубы*, ср. *стиснуть зубы* – общность по компоненту *зубы*, семантическая близость проявляется по семантическому признаку ‘напряжение’; *грызть окна*, ср. *стоять под окном* – общность по компоненту *окно*, семантическое тождество ‘просить подаяние’; *грызть бамбук*, ср. *кусать локти* – семантическая близость компонентов *грызть* и *кусать*, связующим семантическим признаком является ‘досадовать’. Как видим, одни ассоциативно-вербальные связи очень близкие, другие – далекие, однако все они «живут» в сознании носителей языка и бесконечно пересекаются, накладываются, обнаруживая общность по тому или иному компоненту, тому или иному семантическому признаку в рамках одной и той же грамматической конструкции или в чем-то схожих грамматических конструкций.

Сочетания, образованные со сбоем в семантико-синтаксической модели и прошедшие этап узуализации, оставляют след в памяти языкового коллектива в виде атипичной ассоциативно-вербальной связи. Этот след в свою

очередь, как было уже отмечено выше, может дать рефлексии на размыкание сочетаемости по одному из компонентов с полным или частичным сохранением значения. В этом случае начинается «обратный процесс» в жизни фразеологизмов, проявляющийся в разрушении их внешней целостности. Варианты новой сочетаемости, появление которых детерминировано нахождением новых референтов для известного игрового способа выражения определенного смысла, могут оказаться образованиями по случаю, а могут и получить путевку жизнь при повторении в устах иных людей.

Так, в контекстах, приведенных ниже, угадываются трансформы фразеологизма *грызть гранит науки*, восходящего к известному выражению Л. Троцкого:

*И вот засел я за эту литературу и начал упорно **грызть немолдыми уже зубами «гранит» радионауки** (Минеев. Пять лет на острове Врангеля 1936);*

***Грызть гранит свадебной науки** в первый раз пришло около двадцати человек – в основном это сами невесты, их мамы и подружки (Комсомольская правда, 09.07.2010).*

Данные трансформы так и останутся окказиональными вариантами узуально-го фразеологизма, тем более что расширение, а вернее, конкретизация референциального поля происходит в рамках заданной ассоциативно-вербальной связи.

В то же время явно воспроизводимыми, а не творимыми становятся входящие в спортивный узус выражения *грызть землю (зубами)* (в дискурсах на футбольную тематику – 53 фиксации в газетном корпусе НКРЯ) и *грызть лед (зубами)* (в дискурсах о хоккее – 25 фиксаций в газетном корпусе НКРЯ) со значением ‘добиваться чего-либо, прилагая большие усилия’:

*«Мидтьюлланд», получивший реальный шанс выбить фаворита, на своем поле будет **грызть землю зубами**, и «Манчестеру» придется *о* как непросто! (РБК Daily, 27.08.2008);*

*Надеюсь, новички «Томи» будут **грызть землю**, чтобы завоевать возможность сыграть хотя бы переходные игры за право остаться в элите нашего футбола (Советский спорт, 02.04.2012);*

*Это был не тот матч, в котором стоило форсировать **нагрузку и грызть лед зубами** (Советский спорт, 21.04.2008); **Зубами грызли лед**, значит, есть у команды настоящий характер (Комсомольская правда, 20.10.2009).*

О закреплении новой метафорической (идиоматической) модели в сознании носителей языка свидетельствует фиксация в текстах НКРЯ сочетаний глагола *грызть* с другими наименованиями объектов профессиональной деятельности, в том числе и не спортивной:

*Эти команды будут играть дома при поддержке своих болельщиков, и будут **грызть газон** в каждом матче* (Советский спорт, 13.10.2011);

*Не дай бог, подобное случится в чемпионате России... Уже вижу мутные глаза Ролана Гусева, **грызущего вратарскую стойку** Овчинникова* (Гооооол! 21.03.2006);

*Археологи всего мира в ярости **грызут черенки своих лопат и ручки кисточек*** (Комсомольская правда, 22.11.2012);

*Да останься он без обеих рук, **он зубами грыз бы клавиши**, и они бы у него звучали!* (Рекемчук. Мальчики. «Юность» 1970).

Трудно определить, какой из новообразованных фразеологизмов: «футбольный» или «хоккейный» – появился ранее. Возможно, импульсом к формированию новой сочетаемостной модели с ограничениями по компоненту, представляющему объекты профессиональной деятельности человека, нового открытого ряда серийных коллокаций стало то, что в русском языке до вхождения этих выражений в узус уже бытовали устойчивые глагольные сочетания с компонентом *земля*, аналогичные или достаточно близкие по семантике обороту *грызть землю: землю роет* (прост.) – ‘о человеке, развивающем кипучую деятельность, проявляющем активность для достижения какой-либо цели’ [БСРП: 252]; *драть землю под собой* (диал.) – ‘злобствовать, бурно проявлять свое недовольство’ [БСРП: 232]. Кроме того, несмотря на то что в доступных нам фразеологических словарях русского языка выражение *грызть землю* не обнаружено,¹⁰ полагаем, что это выражение все же знакомо носителям языка. В текстах НКРЯ отмечаются немногочисленные употребления этого выражения в значении ‘прилагать значительные усилия для достижения желаемого’:

*«Напиши ему, что мы буквально **грызем землю**, но земля твердая». Так оно и было: усилия всех, кто боролся за его свободу, не приводили ни к чему* (Катаян. Лиля Брик 1999);

*Понял, почему думающие рабочие шли в революцию, и я бы пошел. Не за богатство, за интеллигентный труд. **Землю бы грыз**, чтобы выбиться* (Амосов. Голоса времен 1999).

Квалифицируют данный оборот как устойчивый и рядовые носители языка. На одном из форумов на вопрос *Что значит фразеологизм «грызть землю»?* пользователь, со ссылкой на фразеологический словарь (какой словарь – не указано), определяет значение этого выражения следующим образом: ‘стараться достичь что-то, прилагая много усилий и преодолевая множество сложностей’ (Otvet.mail.ru 2010).

¹⁰ Эквивалентное ему белорусское выражение *зямку грызці* фиксируется во фразеологическом словаре И. Лепешева; одно из значений этого фразеологизма – ‘прикладывать все усилия для осуществления чего-нибудь’ [Лепешаў 1993: 291].

Как видим, проблема отнесения идиоматичных образований, в том числе серийных, воплощающих определенную модель переосмысления, к фразеологии, не является проблемой языкового сознания: для рядового носителя языка воспроизводимым является все то, что знакомо; это – проблема словаря, лексикографической практики.

При широком понимании идиоматизации любой повтор сочетаемости относится к сфере воспроизводимого, хотя при этом воспроизводимость может проявляться в разных своих субстанциональных свойствах – быть точечной и матричной, осознаваемой и механической.

Одним из частных путей образования устойчивого идиоматичного сочетания с точки зрения лингвиста является расширение синтагматики слова по совмещенным «старым» семантико-синтаксическим моделям с закреплением в сознании носителей языка речевого фрагмента в качестве готовой единицы номинации и формированием новой семантико-синтаксической модели – идиоматической модели. С точки зрения носителей языка – это образование по аналогии, актуализация знакомых ассоциативно-вербальных связей при установке на игровое, нестандартное выражение смысла. Регулярность использования в речи нового выражения оказывается показателем создания новой замкнутой ассоциативно-вербальной связи, то есть показателем приобретения выражением статуса фразеологизма – воспроизводимой единицы с денотативным сбоем, превращенным в новое правило ограниченного сочетания.

«СЛАДКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ»: НОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ, ОБОЗНАЧАЮЩИМИ СЛАДОСТИ

Елена Каировна Николаева
Санкт-Петербург, Россия

В 2001 г. в Щецине состоялась конференция «Новая фразеология в новой Европе», на которой фразеологи из разных стран обсуждали проблемы европейской фразеологической неологии конца XX столетия. Конечно, тот взрыв, те языковые изменения, которые пережил русский язык (и шире – восточнославянские языки) в то время вряд ли сопоставимы с изменениями последнего двадцатилетия. Тем не менее новые фразеологизмы продолжают рождаться, входить в речь и требовать своего осмысления, описания и анализа. В рамках этой работы ограничимся описанием одной группы тесно связанных между собой фразеологических единиц (ФЕ), компоненты которых содержат семантику «сладоности».

На упомянутой конференции в 2001 г. проф. С. Г. Шулежкова выступила с докладом «От сладкой жизни к сладкой парочке (крылатые выражения-неологизмы с компонентом *сладкий* в современном русском языке)» [Шулежкова 2002: 328–338], показав рождение нового фразеологизма (*сладкая парочка*) в новых социальных условиях и продемонстрировав на примере крылатых выражений с компонентом *сладкий*, что каждому времени соответствуют свои фразеологизмы. В данной работе мы попытаемся продолжить затронутую ею тему, показав, какие фразеологизмы со «сладкими» компонентами появились в языке 20 лет спустя и как они отражают изменившуюся российскую действительность.

Рекламное выражение *сладкая парочка*, описанное С. Г. Шулежковой, оказалось не однодневкой (как часто происходит с подобными выражениями, которые живут в речи, пока жива реклама, их породившая), а прочно вошло в фонд русской фразеологии со значениями: 1) 'ведущая богемный образ жиз-

ни неразлучная пара (супругов, влюбленных), обычно достаточно известных широкой публике»; 2) 'пара деловых партнеров, друзей, чья деятельность или способ существования, поведение оценивается иронически или осуждается'. Доказательством этого может служить недавно вышедший роман Марины Серовой с одноименным названием «Сладкая парочка» (Москва: ЭКСМО, 2019), равно как и примеры из Национального корпуса русского языка (ранее это выражение не встречалось в НКРЯ):

А дети действительно разобраны на органы или отправлены в публичные дома? и это все устроила сладкая парочка Демидов-Ескевич, причем один из них сейчас прибудет сюда (М. Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая, 2015).

В заключение своего доклада С. Г. Шулежкова отмечает, что в русском языке, наряду с метафорой пространственной, антропоморфной, растительной и т. п., «существует и метафора «вкусовая», которая способна принимать участие в формировании особой «культурной идеи», порождающей новые языковые единицы» [Шулежкова 2002: 333]. Тем самым она как бы предсказала интерес фразеологов к гастрономическому (кулинарному) коду, который выразился в появлении целого ряда работ на эту тему во втором десятилетии XXI в. (см. работы [Юрина 2013; Ковшова 2013; Березович 2007; Николаева 2006, 2019]) и рождение в 2015 (1 т.), 2017 г (2 т.) нового словаря – «Словаря русской пищевой метафоры» [СРПМ] под редакцией Е. А. Юриной, комплексно отражающего несомненно важный фрагмент образной системы носителя русского языка.

В этом словаре описаны не только широко используемые в современной речевой практике образные слова (метафоры), но и устойчивые сравнения, идиомы, пословицы, в которых нашли отражение кулинарные (пищевые) образы, элементы гастрономического кода. Материалы словаря позволяют получить полное представление о том, как образно отражается мир в зеркале русской пищевой метафоры и какие гастрономические образы, свойственные русской культуре, закрепились в нашем языке и нашей речи. В разделе «Сладости» описаны метафоры и представлены устойчивые обороты с компонентами: *сахар, мед, варенье, десерт, желе, карамель(ка), конфетка, сироп, торт, шоколад*. К фразеологическим неологизмам последнего тридцатилетия можно отнести лишь ФЕ *все в шоколаде*, возникший примерно в то же время (вторая половина 90-х гг.), что и *сладкая парочка*. В 2006 г. мы писали об этом компоненте ФЕ, показав на достаточно представительном материале, что в начале XXI в. сформировалось 2 выражения с компонентом *шоколад*: **все в шоколаде** – 'все отлично, замечательно' (фр. синонимы: *все в ажуре, все путем*); **кто-л. в шоколаде** – '1) о преуспевающем, довольном жизнью человеке; 2) о ком-л., удачно вышедшем из какого сложного положения, оказавшемся в выигрышной позиции' (*Сынок в шоколаде* (о сыне президента Башкирии

Муртазы Рахимова) – (<https://cutt.ly/Hgixw5u>); *Земфира в шоколаде* (интервью с певицей Земфирой) – ([hat is already a cutt.ly link.](#)) [Николаева 2006: 69].

Чуть позднее И. Т. Вепрева, анализируя контексты употреблений устойчивых выражений, включающих предложно-падежное сочетание *в шоколаде*, отмечает следующие их переносные значения: 1. 'О роскошной, наполненной радостями красивой жизни'. 2. 'О превосходном положении дел'. 3. 'О внешнем виде человека, намеренно демонстрирующего богатство, благополучие, независимость'. 4. 'О человеке, который находится вне подозрений, создает впечатление непричастности к чему-л.' [Вепрева 2007: 78].

Из всех фразеологизмов с компонентом *шоколад* наиболее раннюю словарную фиксацию получило выражение *все в шоколаде* в Большом словаре русского жаргона [БСРЖ 2000: 699], и авторы «Словаря русской пищевой метафоры» описывают его, видимо, по этому словарю, поэтому представляют в статье «Шоколад» только единицу *все в шоколаде*, сохраняя словарную помету *Жарг. мол.* Представляется, что этот фразеологизм давно пережил свое жаргонное прошлое и вошел в разговорный стиль литературного языка. Он встречается даже в произведениях лауреата Нобелевской премии Светланы Алексиевич:

Я их не понимаю, но я их люблю! Шла по жизни одна... в одиночку... в шоколаде не была... и мне есть за что себя любить! Без репетиторов, без денег и протекции я поступила в МГУ (Светлана Алексиевич. Время second-hand. «Дружба народов», 2013).

Кроме того, все выражения с этой лексемой вряд ли восходят к значению слова *шоколад*, относящемуся к жаргону гомосексуалистов ('испражнения') [БСРЖ 2000: 699]. Они построены на метафоре, на типовом образном представлении, описанном, в частности, и в Словаре пищевой метафоры: 2. Шоколад, имеющий приятный вкус, высокую пищевую ценность и денежную стоимость, образно ассоциируется с комфортом, благополучием, материальным изобилием [СРПМ 2015: 337].

В конце 90-х гг., а в большей степени в так называемые «нулевые» годы шоколад стал одним из маркеров новой идеологии российской жизни, именуемой *гламур*. Он был признан, как пишет И. Т. Вепрева, «одним из ключевых символов современного шика и стоит в таком однородном ряду, как *шоколад, меха, брильянты, шампанское*» [Вепрева 2007: 77].

В настоящее время шоколад как вкусный, полезный для здоровья (борется со стрессом, с сердечными заболеваниями и т. п.), содержащий гормон радости остается одним из самых популярных рекламных продуктов, где (т. е. в рекламе) выступает как символ современной сладкой жизни, как носитель признака «нечто приятное, роскошное», а потому эта лексема продолжает рождать новые образные единицы.

Для повышения экспрессии, интенсификации признака в ФЕ *все в шоколаде* часто вводится компонент *полный*:

А они в клетке, чистенькие и **в полном шоколаде** (Юлия Набокова, Лунатики, 2018).

В обычное время его лексикон состоял из двух выражений: «по барабану», выражавшем неприятие, и «**в полном шоколаде**», обозначавшем довольство существующей ситуацией (Валерия Вербинина, Поезд на Солнечный берег, 2012).

Твари смердящие **в полном шоколаде**, праведники в нищете (Виктор Шендерович, «Текущий момент» и другие пьесы, 2012).

На базе подобных употреблений в настоящее время рождается еще одна ФЕ с этим компонентом – **полный шоколад**:

1) О чём-л. приятном, доставляющем удовольствие; полном порядке в делах. *Французы имеют такую адаптацию: им соревноваться на равнине или даже в Оберхофе и Рупольдинге – полный шоколад* (<https://cutt.ly/zgh7ULf>);

Ведь в то время не только технологические, но и финансовые исследования самых авторитетных аналитиков демонстрировали «**полный шоколад**» – огромный потенциал рынка, растущее количество клиентов. Чем закончилась эта эпопея для тех компаний, которые купились на эти исследования, тоже известно, тысячи обанкротившихся фирм, в том числе и в России (Здоровый скептицизм: иногда лучше поверить интуиции, чем маркетологу. «Промышленное обозрение», 23.09.2003);

Интерлакен: Шоколадный и полный шоколад (о соблазнах Бернского кантона Швейцарии) (<https://cutt.ly/Lgh7OWi>).

Встречается эта ФЕ и в названиях различных учреждений: кондитерской – «Полный шоколад», компании – ООО «Полный шоколад» (торговля хлебобулочными изделиями).

«Сладкая» тема нашла выражение еще в одном обороте – *шоколадная медалька* ‘что-либо приятное, награда за какие-либо действия’: Народ, голосуем активнее! Поможем Тыкарю выиграть шоколадную медальку! (<https://mydocx.ru/8-76225.html>). Это выражение зафиксировано в указанной работе (см. интернет-ссылку) как встречающееся в социальных сетях, однако нам не удалось обнаружить других контекстов его употребления. Возможно, формирование ФЕ только начинается.

Количество выражений со «сладким» компонентом продолжает расти. В последние несколько лет можно наблюдать появление нового выражения, входящего в этот ряд, а именно, *что / кто [уже]не торт*. Оно очень широко представлено в речи:

... у того же Льюиса Хэмилтона автомобиль в этом году был **совсем «не торт»** (Щедрая душа. Как «Феррари» помогает Хэмилтону превзойти Шумахера.Sportbox.RU, 07 ноября в 16:03).

Конечно, Пашинян *уже «не торт»*, что был на баррикадах, когда призывал немедленно разорвать отношения с ЕАЭС и ОДКБ, но главного пацан так и не понял (<https://cutt.ly/4gh7DSk>).

1 часть – шедевр. Блэйд просто эталонный, классные драки, спецэффекты, актеры. 2 часть – *уже не торт*. 3 часть – лучше бы не смотрел. Какой-то унылый аттракцион (Интернет-форум, обсуждение трилогии «Блэйд»).

А никто там не едет, потому что поверху ехать там некуда: с одной стороны парк, с другой – пустырь, внизу метро, а автобусы либо заканчиваются на Коломенской, либо идут на ЗИЛ, который *уже не торт*. (Интернет-Форум: Ура! Платные парковки внутри бульварного кольца, 2013).

Если в первых приведенных примерах авторы заключают это выражение в кавычки, подчеркивая его переносное значение, то в последующих оно употребляется как вполне сформировавшийся фразеологизм с определенным значением: 'что/кто, качество которого понизилось со временем, изменилось в худшую сторону'. Уже появляются контексты, где начинается языковая игра с этим фразеологизмом на базе буквализации прямого значения компонента ФЕ *торт*. Замечательный пример находим в материале, опубликованном Д. Бурлаковой в газете «Московский Комсомолец» № 26397 от 29 ноября 2013 г. под заголовком «Хлеб уже не торт: Чем вызвана ностальгия по вкусу советских хлебобулочных изделий?», в котором обыгрывается кулинарная общность тортов и хлеба. Кроме выражения *уже не торт* в интернете можно встретить антонимичную фразу *еще торт*, под которой следует понимать, что объект еще не утратил былую славу и все еще остается таким же желаемым или выглядит все так же аппетитно: *Десять лет, а всё ещё торт!* (о компьютерной игре) (<https://cutt.ly/ggh7Нру>).

Скорее всего, это выражение обязано своим происхождением созвучию с куда более традиционной фразой *уже не то(т)*, которая применяется ко всему, что изменяется со временем. Человек, особенно с возрастом, часто начинает пессимистически смотреть на изменения в обществе, в окружающем его мире, начинает испытывать тоску по ушедшему миру его юности, что нашло отражение и в языке: *нонеча не то, что давеча; куда катится мир; да, были люди в наше время; мир уже не тот; и вечность прежде была поосновательнее*. В этот же ряд попадает и фразеологический неологизм *уже не торт*.

Появление его в языке в настоящее время неслучайно: в современном российском обществе как никогда раньше сильна ностальгия по ушедшему советскому времени, что выражается в некоторых социальных явлениях, и даже поддерживается государством. Одно из доказательств этого – рекламные приемы. Вспомним хотя бы «тот самый чай, тот самый вкус», а также «тот самый кетчуп» или «тот самый вкус детства» (о бисквитном торте «Чародей-

ка», Настоящая тушенка. Советский ГОСТ. Рецепт 1978 года). Причем, «тот самый» присутствует даже в названии продукта: ТОТ САМЫЙ ЧАЙ ИНДИЙСКИЙ (для марки чая используется более мелкий шрифт) (<https://cutt.ly/1gh7JNw>).

Кстати, выражение *тот самый* также может претендовать на звание фразеологического неологизма: «А заваренная жидкость разочаровала. Нет, на цвет это был „тот самый“ – густой, темный. Но запах и вкус далеко был не „тот самый“. Излишняя терпкость, присущая пережженным переспевшим листьям чая, послевкусие – горечь, бархатистого медово-розового оттенка не было и в помине» (https://otzovik.com/review_209756.html).

Разбираемое нами выражение *что/кто уже не торт* обязано своим существованием этим же настроениям в обществе и языковой игре «*тот – торт*». Но, представляется, что не только.

Крайне любопытно, что в Словаре русской пищевой метафоры [СРПМ 2015: 334] выделяются следующие образные значения, связанные с компонентом *торт*: 1) О социальном явлении, включающем несколько составляющих его частей, подобно слоям торта. 2) Об обильно украшенных зданиях, строениях. 3) О чем-л. приукрашенном, показном. Как можно видеть, лексема *торт*, по мнению авторов словаря, не имеет метафорического значения 'не-что хорошее, качественное, привлекательное', хотя оно, на наш взгляд, все же ощущается во фразеологизме *уже не торт*. Все же торт – это праздничное десертное блюдо, вкусное и сладкое. А семантика сладости во фразеологии связана в основном с чем-то приятным, хорошим (конечно, если сладость не чрезмерна), ср. фразеологизмы с компонентами *мёд*, *сахар*, *конфетка*. Кроме того, если мы обратимся к другим ФЕ со «сладкими» компонентами, то увидим, что устойчивые сравнения с отрицанием образуются по определенной структурно-семантической модели: из устойчивого сравнения благодаря высокой интенсивности признака 'приятный, доставляющий удовольствие' рождается метафора с тем же значением, на основе которой уже формируется новый фразеологизм (дезидентифицирующее сравнение): как сахар – сахар – не сахар; как мёд – мёд – не мёд [Николаева 2019]. И хотя это образное значение не отмечено в словаре пищевой метафоры, оно несомненно присутствует в семантике выражения *уже не торт* (не такой хороший, вкусный, интересный и т. п.). Если это выражение продолжит свою жизнь в языке, что покажет время, то его можно будет добавить в словарную статью «Шоколад» (с новым образным значением) Словаря русской пищевой метафоры.

Перефразируя вышеупомянутую статью С. Г. Шулежковой «От сладкой жизни к сладкой парочке», наши наблюдения можно обобщить под условным названием «От шоколада к торту», причем (несмотря на близость вкусовых качеств этих сладостей) как компоненты ФЕ они отражают разные умонастроения, разные состояния общества: переход от господствующей с конца 1990-х годов до конца «нулевых» культуры гламура к ностальгии по ушедшему

времени, вызванной неудовлетворенностью настоящим в последнее десятилетие. Так на новом витке развития общества происходит дальнейшее развитие «сладкой» тематики во фразеологии, и новые фразеологизмы отражают новую картину мира современного россиянина.

ДО ПИТАННЯ ПРО ТЕНДЕНЦІЇ РОЗВИТКУ ФРАЗЕОСЕМАНТИКИ

Іван Михайлович Полюжин
Ужгород, Україна

Розширення простору для дослідження всієї культурно-національної специфіки фразем відбувається нині за рахунок залучення системи еталонів і стереотипів, які простежуються у самосвідомості кожної лінгвокультурної спільноти та її ціннісній орієнтації. Прислів'я й приказки, інші фольклорні та архаїчні записи, історико-культурні тексти, магічні й ритуальні дії та їх опис почали розглядатися як культурно забарвлені фразеологічні знаки, з якими співвідносяться мовні ідентифікатори. Так сформувався напрям, що «орієнтує дослідника на розгляд співвідношення і зв'язку мови та духовної культури, мови й народної творчості, їхньої взаємозалежності й різних типів кореспонденції» [Толстой 1983: 182]. Пошуки у межах цього лінгвістичного напрямку зосереджуються на культурно-національній інтерпретації мовного знака взагалі та фразеологічної одиниці зокрема із виходом у простір опису особливостей народної мудрості, притаманних кожному етносу. Водночас робляться спроби тлумачення фразем як одиниць, які є носіями набутого досвіду й історичного світорозуміння певного народу [Успенский 1982; Ужченко 2004].

Базовими поняттями в етнолінгвістичних дослідженнях слугують такі, як *культура, етнос, світобачення, світорозуміння, стереотип, еталон*.

Проведені дотепер дослідження переконливо довели, що переважна більшість фразеологічних одиниць наділена культурно-національною своєрідністю. Їх походження й уживання всередині будь-якої мовної спільноти, що співвідноситься з її культурою, визначає самоусвідомлення як окремої особистості, так і національної ідентичності всього народу. Вплив культури на формування й функціонування фразем вивчається в межах таких наук, як етнолінгвістика, лінгвокультурологія і контрастивна лінгвістика. Зауважимо, що поняття *культура* включає в себе не тільки певний рівень розвитку людського суспільства, а є складним багаторівневим утворенням, яке вбирає в себе і усвідомлювані й неусвідомлювані пласти пізнання [Петренко, Митина 1997: 105].

Як етнолінгвістика, так і лінгвокультурологія пов'язані з вивченням пізнавальних аспектів фразем, що стосуються взаємодії мови й культури. Різниця полягає в тому, що етнолінгвістика спрямована на категорію певного етносу й на реконструкцію його культури за даними текстів, що збереглися, звичаїв, ритуалів і т. ін., із яких отримується «екстралінгвальна (культурна) інформація» [Толстой, Толстая 1993].

Етнолінгвістика – це той напрям у мовознавстві, який «орієнтує дослідника на розгляд співвідношення і зв'язок мови та духовної культури, мови й народного менталітету, мови й народної творчості, їхньої взаємозалежності й різноманітної кореспонденції» [Толстой 1983: 182]. Основні завдання етнолінгвістики зводяться до відновлення за даними мови відображення в ній культурних, народно-психологічних і міфологічних уявлень у їхній діахронній репрезентації. Окрім того, важливо наголосити, що етнолінгвістика слугує й підґрунтям для лінгвокультурології, яка досліджує перш за все сучасні комунікативні процеси і зв'язок наявних мовних висловів із нинішнім менталітетом народу. У межах лінгвокультурології вивчається здатність фраземи відображати сучасну культурну самосвідомість народу, яка є основою його менталітету, й виражати її у процесах актуального вживання фразем у дискурсах різних типів.

У завдання лінгвокультурологічного дослідження фразем нині входить:

- 1) виявлення способів репрезентації культурно забарвлених складників фразеологічних знаків і встановлення їхнього співвідношення з тим чи іншим кодом культури, до якого вони належать;
- 2) уточнення на цій основі поняття культурної конотації, суттю якої є результат інтерпретації носіями мови тих чи інших складників мовних знаків відповідно до «мови» культури;
- 3) започаткування типології культурної конотації з урахуванням лексико-синтаксичних способів її вираження знаком як за даними аналізу концептуального змісту мовного знака, а саме – його денотативного й сигніфікативного аспектів, так і за когнітивним характером тієї інтерпретації, яка поєднує значення мовного знака з його культурним змістом [Телия 1999а: 17].

Головною метою лінгвокультурологічного вивчення фразеологічного складу є виявлення лінгвальної компетенції представників сучасного етносу на основі результатів опису культурних конотацій, наявних у концептуальному змісті мовних знаків. Унаслідок цього культурні конотації стають носіями відомостей про культурно-мовну самосвідомість як частину загальнокультурного менталітету певного народу.

Ключовою в сучасній лінгвістиці є ідея антропоцентричності мови, тобто перенесення інтересів дослідника з об'єктів пізнання на суб'єкт. У ній домінують дослідницькі вектори «людина в мові» та «мова в людині». У наш час

уже недостатньо зосереджувати увагу дослідників лише на виявленні різних характеристик мовної системи. Мова все частіше розглядається як продукт культури, як її важливий складник й умова існування, як чинник формування культурних кодів [див. напр., Савченко 2013]. Так виникла нова макролінгвістична проблематика вивчення мови, суспільства, культури, особистості, інтерес до якої був започаткований ще у працях українських і зарубіжних дослідників, див. напр. Л. Г. Скрипник [1973]; В. М. Мокієнко [2004] та ін.

Одним із сучасних напрямів дослідження фразеологічних одиниць є вивчення їхньої культурної специфіки, зумовленої тісним зв'язком їх із народом. Водночас потрібно завжди пам'ятати, що мова – жива система, що є предметом постійних оновлень. Наприклад, фразеологічні одиниці можуть втрачати зв'язок із джерелом виникнення і, як наслідок, важливий «інструмент» дослідження мовної картини світу буде втрачений. Тому з погляду діакронії лінгвокультурологічний аналіз на сучасному етапі стає невід'ємною частиною різнобічного вивчення фразеології.

Важливо наголосити й на декількох проблемах культурологічного аналізу, до яких належать: нерозробленість самого поняття *мова культури*, інструментів, що дають змогу працювати з ним, аналізувати його значущі одиниці; невивченість тих механізмів культурно-мовної компетенції, відповідно до яких відбувається усвідомлення образу в контексті культури. Розв'язання цих проблем можливе шляхом застосування образів-еталонів, у яких суб'єкт порівняння наділений розумінням певних якостей. Дослідники при цьому стверджують, що мовні вислови цього типу виконують подвійну функцію: з одного боку, вони слугують засобом емпірично пізнавальної діяльності, а з іншого, – оцінювання в образах-еталонах, які безпосередньо стосуються умов життя носіїв певної мови, їхньої культури, звичаїв і традицій.

Для повнішого уявлення про культуру народів нині широко використовується сучасний метод когнітивного аналізу, що базується в найзагальнішому розумінні на сукупності наук про пізнання – набутті, зберіганні, перетворенні й використанні знання. Однією з основних операцій когнітивного методу є категоризація, тобто підведення явища, об'єкта, процесу і т. ін. під певну рубрику досвіду, категорію і визнання його членом цієї категорії, проте в ширшому розумінні – процес виокремлення самих категорій, розчленування зовнішнього і внутрішнього світу людини, упорядкована репрезентація різноманітних явищ через зведення їх до меншої кількості розрядів або об'єднань, а також результат класифікаційної (таксономічної) діяльності.

Вибравши найяскравіші прислів'я, які можуть зустрічатися в різних варіантах і формах, проілюструємо своєрідну сукупність правил поведінки, звичаїв, переконань і т. ін., а також ставлення до життя, характерне для носіїв мов. Конституентами цього кодексу є, зокрема, такі:

- 1) потрібно оцінювати людину відповідно до її реальних дій і заслуг – *a bird may be known by its song*;
- 2) людям властиво заплющувати очі на власні недоліки – *the cat shuts its eyes when stealing cream*;
- 3) власні інтереси перевищують інтереси інших – *each bird loves to hear himself*;
- 4) ватажок у невеликому місті – головна персона – *a cock is valiant on his own dunghill*;
- 5) молоде покоління мимовільно переймає досвід старших – *as the old cock crows, so doth the young*;
- 6) людині властива недалекоглядність – *the cow knows not what her tail is worth until she has lost it*;
- 7) хитрість приховує небезпеку – *when the fox preaches then beware your geese*;
- 8) завжди можна покарати невинуватого – *if you want to pretence to whip a dog, say that it ate a frying pan*;
- 9) праця й досвід добре прислужаться – *it is dogged that does it*;
- 10) окремі недоліки не применшують заслуг – *a good horse cannot be of bad colour*;
- 11) важливість свободи – *a nightingale will not sing in a cage*;
- 12) знаходячись у певному товаристві, ми мимоволі переймаємо манеру його поведінки, з вовками жити – по-вовчому вити – *he that lies down with dogs must rise up with fleas*.

Підсумовуючи сказане зазначимо, що в англійській фразеології простежується тенденція висловлювати досить об'єктивне ставлення до особистості, яку оцінюють за вчинками і не позбавляють прихильності навіть тоді, коли у її поведінці мають місце незначні «відхилення» від загальноновизнаних правил. Праця і свобода – те, до чого англійці найбільш прагнуть. Людська природа, на їх думку, така, що передбачити все неможливо, тому людям властиво заплющувати очі на власні хиби й прорахунки. До хитрощів англійці ставляться несхвально.

Для англійської культури одним із найважливіших джерел мудрості і предметом національної гордості є Вільям Шекспір. За кількістю фразем, що збагатили англійську мову, шекспіризми займають друге місце після Біблії. До них належать: *very like a whale* – ‘дуже подібний на кита’, що закріплює іронічну конотацію й означає ‘так я вам і повірив; ну, звичайно! як би не так’; *scotch the snake, not kill it (Macbeth)* – ‘поранити змію, але не вбити її’.

Персоніфікацією англійського духу є бульдог, символ чіткості й твердості сили волі, а також безрозсудної хоробрості. Саме ці приховані смисли закла-

дені в епітеті *'bulldog breed'* – 'бульдожа порода', найкращим утіленням якої можна вважати Уїнстона Черчілля під час Другої світової війни.

У ХХ ст. Р. Кіплінг поповнив фразеологічний склад англійської мови фразою *'the tail wags the dog'* – 'хвіст крутить собакою', що є українським аналогом *яйця курку не вчать*. Інколи наявні в мові фраземи набувають другого дихання і водночас додаткових емоційно-оцінних конотацій через їх використання відомими авторами в текстах художніх творів. Так, фразема *as mad as a March hare* – 'божевільний; той, хто з'їхав з глузду, не в своєму розумі, очманілий, ексцентричний, із заскоком' – *божевільний як березневий кіт* – із початковим натяком на збуджений стан тварини в період весняного парування. Порівняння вислову *'grin like a Cheshire cat'* – 'усміхатися як чеширський кіт' спочатку стосувалося форми особливого сиру, що вироблявся у графстві Чешир і нагадував морду kota, що посміхається. Проте завдяки книзі Льюїса Керрола «Аліса у країні чудес» ці вислови набули особливої популярності і тепер асоціюються у носіїв мови в основному з образами певного джерела.

Національні вірування й забобони, що пояснюють широкий вибір анімалістичних образів, визначаються домінантним розвитком вівчарства, що набуло значного поширення у зв'язку з появою мануфактурного виробництва в середньовічній Англії. Усе це стимулювало появу найбільшої кількості фразем, утворених із участю зоосемічних компонентів порівняно з іншими назвами тварин в англійській мові, наприклад: *as a sheep among the shearers* – 'як вівця, що віддає себе на заколення'; *as well be hanged (або hung) for as heep as for a lamb* – *сім бід – один одвіт; двом смертям не бути, а одну не минути*; *a black sheep* – 'паршива вівця, ганьба в сім'ї, негідник; людина, яка негативно впливає на інших'; *it is a small flock that has not a black sheep* – *у сім'ї не без вирока*; *lose the sheep for a ha'porth (або half-pennyworth) of tar* – 'зіпсувати або втратити що-небудь цінне через дріб'язкову економію'; *lost sheep* – *заблудла вівця*; 'людина, що збилася з правильного шляху'; *Neptune's sheep* – 'баранці (на морі)'; *one scabbed sheep infects the whole flock* – *паршива вівця псує все стадо*; *separate the sheep from the goats* – 'відокремити овець від козлиць, відрізнити важливе від другорядного'; *a sheep among the wolves* – *овечка серед вовків* (про довірливу людину, що опинилася серед небезпечних людей); *sheep that have no shepherd* – 'безпомічний, непорядкований натовп'.

Проведене дослідження стійких висловів, у яких відтворено внутрішній і зовнішній світ людини, а також найбільш універсальні життєві ситуації, дає підставу для висновку про те, що фразеологічна картина світу попри її об'єктивність і цілісність не є дзеркальним відображенням світу, а його інтерпретацією, яка нині видозмінюється в різних мовах, підтверджуючи тим самим думку про основну роль, яку відіграє національно-специфічне світобачення і світорозуміння навколишньої дійсності у їхніх діахронно-дивергентних процесах розвитку.

STARO IN NOVO V SLOVENSKI NAREČNI FRAZELOGIJI: KAKO SE KADI, LAŽE, LEZE IN PIJE PO SLOVENSKO

Vera Smole
Ljubljana, Slovenija

S študenti smo leta 2012¹¹ v več krajih na slovenskem govornem območju začeli preverjati rabo primerjalnih frazemov za negativne človekove dejavnosti, lastnosti in stanja pri treh generacijah govorcev (1. generacija 15–20 let¹² – rojena v letih 1992–1998, 2. generacija 30–40 let, rojena v letih 1960–1968 in 3. generacija nad 50 let, rojena od 1928–1952) v 20 slovenskih narečnih krajevnih govorih. Za izhodišče smo vzeli nabor slovenskih knjižnih¹³ primerjalnih frazemov kot ustreznic hrvaškim v delu Željke Fink-Arsovski in njenih sodelavk za posamezne jezike, tj. *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema* [HSRPF 2006].¹⁴ Iz te zbirke v tem prispevku predstavljamo narečne frazeme¹⁵ dvajsetim izhodiščnim knjižnim.

Pomensko se obravnavani frazemi nanašajo na nekatere negativne človekove dejavnosti, kot so kajenje (1), laganje (1), počasno obnašanje (1), pitje alkoholnih pijač (3+6) in posledično stanje slednjega, pijanost (8). To so:

¹¹ Nekatere terenske raziskave oziroma seminarske naloge so bile opravljene tudi v letih 2013 (štiri), 2014 (dve), dve pa že prej (2007 in 2010) v okviru diplomskih nalog.

¹² Najstnike smo izbrali z namenom, da bi dobili tudi čim več slengizmov.

¹³ Govoriti o slovenskih knjižnih frazemih je težko, saj referenčnega frazeološkega slovarja ni; *Kebrov Slovar slovenskih frazemov* [SSF 2011] je sicer obsežna frazeološka zbirka, tudi s podanimi etimologijami in ustrezniciami v drugih slovanskih in deloma evropskih jezikih, ni pa kodificirana. Prav tako ni jasno, ali vsi tu izhodiščni frazemi res knjižni oziroma ali kakšen med njimi ne pripada kateri od neknjižnih zvrsti.

¹⁴ Slovenske frazeološke ustreznice je prispevala Erika Kržišnik.

¹⁵ Pod pojmom narečni frazemi so mišljeni vsi frazemi, ki se pojavljajo v narečnih govorih ne glede na podobnost s knjižnimi.

kaditi kot Turek, lagati, kot pes teče, lesti (hoditi) kot polž, piti kot goba, piti kot krava, piti kot žolna, napiti se <ga> kot čep, napiti se <ga> kot klada, napiti se <ga> kot krava, napiti se <ga> kot svinja, napiti se <ga> kot živina, napiti se <ga> kot žolna, pijan kot čep (veha), pijan kot dila, pijan kot klada, pijan kot krava, pijan kot mavra, pijan kot svinja, pijan kot živina, pijan kot žolna.

Ti, za raziskavo izhodiščni frazemi so bili osnova vodenega pogovora študenta in informatorja; vendar niso bili vnaprej podani, ampak je bil povedan kak drug primer, spraševalo pa se je na način: npr. Kako bi rekli za nekoga, ki je zelo pijan? Šele potem, ko je informator po spominu povedal tiste, ki jih rabi, se je preverjalo, ali bi uporabil tudi kakega od drugih frazemov z istim ali podobnim pomenom iz našega nabora.

Frazemi so bili zbrani v dvajsetih narečnih govorih sodelujočih študentov, zato je mreža raziskovalnih točk naključna, vsebuje pa vsaj po en govor iz vsake od sedmin narečnih skupin; za boljšo prostorsko uravnoteženost smo dodali še Bovec in Prevalje, kjer sta bili narejeni raziskavi vseh slovenskih primerjalnih frazemov v HSRPF 2006 za diplomsko nalogo, vendar z manjšo generacijsko opredeljenostjo rabe¹⁶ kot v seminarskih nalogah. Mreža točk¹⁷ je naslednja: 1–1 Bovec*, 1–2 Vogrsko, 1–3 Puče, 2–1 Mirke, 3–1 Lesce, 3–2 Medvode, 3–3 Selca, 4–1 Turjak, 4–2 Ribnica, 4–3 Mačji Dol, 4–5 Mirna Peč, 4–6 Brusnice, 4–7 Gabrje, 5–1 Loka pri Zidanem Mostu, 5–2 Migojnice, 5–3 Teharje, 5–4 Grobelno, 6–1 Vidonci, 6–2 Murska Sobota, 7–1 Prevalje*. Tako omejeno število krajev in informatorjev¹⁸ seveda ne more zajeti vseh narečnih frazemov, povsem zadovoljivo pa pokaže živost ter deloma prostorsko in generacijsko razširjenost posamičnega izhodiščnega frazema.

Pri obravnavi narečnih frazemov bomo skladno s temo simpozija posebej izpostavili morebitne medgeneracijske razlike v rabi posamičnih (narečnih) frazemov, zanimala pa nas bo tudi prostorska razširjenost in z njo povezana živost določenega frazema. Zaradi prostorske omejenosti bodo tudi narečni frazemi, ki se sicer pojavljajo v glasoslovno različnih oblikah, navedeni le v poknjženi obliki z ohranjenimi narečnimi leksemi, ki jim v pomenskem oklepaju sledi knjižna ustreznica. Poenoten je tudi primerjalni veznik, ki ima več narečnih različic: ko (ku, kə), kakor (kokor), kako (kak), tako kot (tak/tək kak) itd.

¹⁶ Točki sta označeni z *, ker imamo za Bovec oziroma okoliške vasi zapis rabe pri 2. in 3. generaciji, za Prevalje so informatorji iz različnih generacij, generacija je navedena le pri tistih, kjer gre za izrazito rabo ali samo pri mlajši ali samo pri (naj)starejši; brez oznak navedeni frazemi naj bi bili torej splošno rabljeni.

¹⁷ V nadaljevanju bo navedena samo številka kraja, pri čemer prva pomeni narečno skupino: 1 primorsko, 2 rovtarsko, 3 gorenjsko 4 dolensko, 5 štajersko, 6 panonsko in 7 koroško, druga pa številko kraja v tej narečni skupini; narečja znotraj njih nimajo številke. Številke 1, 2 ali 3 v oklepaju pomenijo generacije.

¹⁸ Najpogosteje je bil vodeno intervjuvan po en informator za vsako generacijo, le v nekaterih primerih po več. Z enim od njih je bil v vsakem kraju narejen tudi posnetek vodenega pogovora s stavčno rabljenimi frazemi.

- 1.1 PF *kaditi kot Turek* v pomenu 'veliko, pogosto kaditi' je med vsemi obravnavanimi frazemi najbolj razširjen – prostorsko in generacijsko. Mladi v A-delu rabijo tudi slengizem (iz hrvaškega jezika) *pušiti* 'kaditi', drugačen je lahko tudi C-del (*pušiti kot Turek* 2–1, 4–6, 6–2; *pušiti kot konj, cigo* 'cigan' 2–1). Srednja in starejša generacija pozna v A-delu tudi germanizem *ravhati* (2–1 (3), 3–3 (2)); pri njej sta znana tudi frazema *kaditi kot (kamniški) vlak, lokomotiva* (1–2, 3–2), ki se nanašata še na parni vlak. Naveden je bil še PF *kaditi kot ravfnik/g 'dimnik'* (3–3 (3), 4–5 (1), 5–3 (2)).
- 1.2 PF *lagati, kot pes teče (leti, beži* v istem pomenu) v pomenu 'veliko, pogosto lagati' in s pomenskim odtenkom 'hitro se zlagati' skoraj enakovredno konkurira krajša različica *lagati kot pes*,¹⁹ in sicer lahko v istem ali sosednjih govorih ne glede na generacijo. Zapisana nista bila le v dveh krajih: v 1–3 ni frazema, v 6–1 pa imajo le frazem *lagati kot cigan*; ta je pri vseh generacijah kot v 6–1 prisoten še v 4–5, pri prvi v 4–6, 5–3, pri drugi in tretji v 4–7 in samo pri tretji v 6–2.²⁰ Drugi navedeni PF so še: *lagati ko sraka* (4–5 (3), 5–2 (3)),²¹ *lagati ko prasec* (1–2 (1)),²² *lagati kot zlodej* (1–1*), *lagati kot Tominec*²³ (4–6 (3)), *lagati, da se kar kadi* (3–2 (3)), <toliko> *lagati, da sam sebi verjame (verje)* (2–1 (2, 3), 3–3 (3), 6–1 (2, 3)), *lagati, ko bi kolce 'kole' lomil* (4–2 (2)).
- 1.3 PF *lesti (hoditi) kot polž*, v pomenu 'počasi se premikati' ima v narečjih ob stalni sestavini *polž* v C-delu v A-delu še glagole: *iti* (1–2 (3), 5–2 (1, 2), 6–1 (1, 2, 3), 6–2 (2, 3)), *premikati se, vleči se* (2–1 (1), 3–2 (2), 3–3 (2), 5–4 (2), 6–1 (2, 3)), *plaziti se* (6–2 (1)), *biti* (1–2 (2), 1–3 (2, 3)). Frazem je podobno kot PF 2.1 razširjen tako prostorsko kot generacijsko; naveden ni le v 4–1, v 5–4 pa le pri drugi generaciji; v obeh krajih poznajo PF *počasen kot polž*, po katerem se ni spraševalo.²⁴ Drugi zapisani frazemi so še: *iti kot drapa* 'cunja' (4–6 (3)), *hoditi ko želva* (5–3 (1)) ter štirje šaljivi:²⁵ *tega bi bilo za po smrt poslati* (?), *temu bi morali noge predstavljati* (6–1 (3)), *biti cepljen proti brzini* (5–1 (3)) in *žljajfati 'zavirati' v hrib* (1–2 (1)).
- 1.4 *piti kot ...* 'piti veliko alkoholnih pijač'
- 1.4.1 PF *piti kot goba* v narečjih ni med najpogostejšimi (9 krajev) (1–2, 3–1, 3–2, 4–1, 4–3, 4–5, 4–7, 5–2, 5–4), *piti kot suha goba* v 4–1 (3), *piti kot spužva*

¹⁹ Verjetno je *pes* tu le v vlogi intenzifikatorja; v slovenskih narečjih je zelo pogost.

²⁰ S kulturološkega vidika je zanimivo, da so to kraji v bližini romskih naselij.

²¹ Bolj pogost je sicer PF *krade kot sraka*.

²² Za nekoga, ki zelo grdo, nesramno laže.

²³ Osebno ime, verjetno hišno, nosilec ni več živ.

²⁴ Prav tako se ni spraševalo po frazemu v istem pomenu *vleči se kot megla*, navedenem v petih krajih.

²⁵ Navedeni so v knjižnem prevodu.

v 1–2 (3), 5–2 (3) in *piti, kot da imaš gobo v riti* (5–1 (3)); prvi generaciji je skoraj neznan – vse tri generacije ga poznajo le v 4–2.

1.4.2 Za PF *piti kot krava*²⁶ lahko rečemo, da mu raba iz generacije v generacijo upada (6 : 9 : 11), čeprav je prostorsko precej razširjen; vsaj v eni generaciji je znan v 15 narečnih govorih. A-del *piti* se lahko z nekoliko spremenjenim pomenskim odtenkom zamenja z *lokati* (6–1 (1, 2)), *zalivati se* (6–1 (2)), *žlejpati* (6–1 (3)), v istem govoru se kot C-del pojavi tudi *tele*.

1.4.3 PF *piti kot žolna* v pomenu 'piti veliko alkoholnih pijač' spada med prostorsko in generacijsko precej rabljene frazeme (17 krajev); zapisan ni le v treh krajih (1–3, 2–1, 5–2), v enem pa ga pozna le starejša generacija (3–3).

Drugi v narečjih zapisani frazemi v pomenu 'piti veliko alkoholnih pijač' so še: *piti kot žaba*,²⁷ vendar tudi (1–2) ali samo (1–3), ko gre za brezalkoholne pijače, *piti kot Podgorec* 'prebivalci vasi pod Gorjanci' (4–6 (1)), *piti kot svinja* (6–2 (1)), *piti kot živad* (5–4 (2)), *piti kot pivnik* (3–1 (3)), *vlivati noter kot v prazen buč šod* (1–2 (3)), *tako piti, da se bo utopil kdo* (4–6 (3)).

1.5 *napiti se <ga>*²⁸ *kot ...* 'popiti veliko alkoholnih pijač'

1.5.1 PF *napiti se <ga> kot čep* spada med prostorsko manj razširjene frazeme (5 krajev) in glede na generacijsko rabo zastarevajoče: 1–2 (3), 3–1 (2, 3), 4–2 (1, 2, 3), 4–7 (3), 5–2 (3)).

1.5.2 PF *napiti se <ga> kot klada* spada med prostorsko srednje pogoste frazeme (11 krajev) brez generacijske zamejitve rabe 3–1 (1, 2, 3), 3–2 (3), 4–2 (2, 3), 4–3 (1, 2, 3), 4–5 (1, 2), 4–7 (2, 3), 5–1 (3), 5–3 (2, 3), 5–4 (3), 6–2 (1), 4–1 (3). V tem pomenu se v 4–1 (3) rabi frazem *obležati kot klada*.

1.5.3 PF *napiti se <ga> kot krava* spada med prostorsko zelo razširjene frazeme (17 krajev), prav tako brez generacijskih omejitev rabe: 1–1* (2, 3), 1–2 (1, 2, 3), 2–1 (2), 3–1 (1, 2, 3), 3–2 (1, 3), 4–1 (1, 2), 4–2 (2, 3), 4–6 (3, 1), 4–3 (1, 2, 3), 4–5 (2, 3), 4–7 (3), 5–1 (1, 2, 3), 5–2 (3), 5–3 (1), (2, 3), 6–2 (2, 3), 7–1*. V C-delu se lahko pojavita še *vol* 1–2 (3) in *tele* 6–1 (2, 3).

1.5.4 PF *napiti se <ga> kot svinja* je med srednje rabljenimi frazemi (9 krajev) brez generacijske zamejitve 1–2 (1), 1–3 (1, 2), 2–1 (3), 3–1 (1, 2), 14–2 (3),²⁹ 4–5 (1, 2), 4–6 (3), 6–1 (2), 6–2 (2, 3). Sem lahko uvrstimo še frazem, ki ima v C-delu moško obliko *prasec* (1–2 (2)).

²⁶ V 4–6 (1) s pomenskim odtenkom 'grdo se obnašati pri pitju'.

²⁷ Po tem frazemu se ni spraševalo.

²⁸ A-del se lahko v različnih govorih z manjšimi pomenskimi odtenki v smeri stopnjevanja zamenjuje z glagoli: *nacukati, naliti, načreti, nadevati, nalidžati* 'naliti' ... *se <ga>*, česar v nadaljevanju ne bomo posebej izpostavljali.

²⁹ V zasebni rabi, npr. žena možu, sicer pa imajo frazem za zelo grd.

- 1.5.5** PF *napiti se <ga> kot živina*³⁰ je zapisan le v dveh krajih (4–2 (2, 3), 6–2 (1, 2)) in še v treh s podobnim leksemom *žival*³¹ (2–1, (1), 3–1 (1, 2, 3), 4–5 (2), 4–7 (3)), je pa brez generacijske zamejitve.
- 1.5.6** PF *napiti se <ga> kot žolna* spada med srednje razširjene frazeme (11 krajev) brez generacijske zamejitve 1–3 (1), 3–1 (1, 2, 3), 4–1 (2), 4–2 (1, 2, 3), 4–5 (1, 2, 3), 4–6 (3), 4–7 (3), 5–1 (1, 2, 3), 6–1 (1), 6–2 (2, 3), 7–1*.

Drugi zapisani frazemi z različno zapolnitvijo C-dela so: a) povezani s frazomom *piti kot ...: napiti se <ga> kot mavra* (1–2 (2), 2–1 (3)), *goba* (5–1) – podobno tekočino vsrkava *čevljev* (6–2 (2)); b) s poimenovanjem za žival: *opica* (2–1 Mirke (2)), *kamela* (1–2 (1)), *pes* (5–2 (2)); c) s poimenovanjem za trd, negiben predmet: *mina* (4–6 (3)), *macola* (3–2 (1)), *aksa* 'os' (5–1 (3)); č) s poimenovanjem za večjo posodo za tekočine: *kanta* (3–2 (1), 4–3 (2), 4–5 (1), 4–6 (1, 2), 4–7 (1, 2), ki glede na generacijsko rabo spada med mlajše frazeme z možnostjo tudi prostorskega širjenja.

1.6 *pijan*³² kot ... 'zelo pijan'

- 1.6.1** PF *pijan kot čep (veha)*³³ je prostorsko veliko bolj razširjen (15 krajev) kot *napiti se <ga> kot čep* (5 krajev), raba pri mlajši generaciji je že opazno upadla, za vzhodni del dolenjskega območja pa to velja tudi za srednjo generacijo (1–1* (2, 3), 1–2 (2, 3), 2–1 (3), 3–1 (3), 3–2 (2), 3–3 (2, 3), 4–1 (2, 3), 4–2 (1, 2, 3), 4–3 (1, 2, 3), 4–5 (3), 4–6 (3), 4–7 (3), 5–1 (3), 5–2 (2, 3), 5–4 (2, 3)).
- 1.6.2** PF *pijan kot dila* je bil zapisan le enkrat, in to pri starejši generaciji (4–2).³⁴
- 1.6.3** PF *pijan kot klada* spada med prostorsko precej razširjene frazeme (13 krajev) brez generacijskih zamejitev rabe (2–1 (3), 3–1 (1, 2, 3), 3–2 (2, 3), 4–1 (2), 4–2 (2, 3), 4–3 (1, 2, 3), 4–5 (1, 2), 5–1 (1, 2, 3), 5–2 (2), 4–7 (3), 5–3 (2, 3), 6–2 (1); pridružimo mu lahko še frazem s sestavino *klaftra* 'dol. nekaj več kot meter dolgo naklano deblo' (4–3 (1)).
- 1.6.4** PF *pijan kot krava*, je prostorsko zelo razširjen; zapisan ni bil le v 4–3, v 1–3 pa z opombo, da je rabljen zelo redko; generacijsko raba ni omejena (1–1* (2, 3), 1–2 (1, 2), 1–3 (2), 2–1 (1), 3–1 (1, 2, 3), 3–2 (1, 3), 3–3 (2), 4–1 (1, 2), 4–2 (2, 3), 4–5 (2, 3), 4–6 (1, 3), 4–7 (2, 3), 5–1 (1, 2, 3), 5–2 (1, 3), 5–3 (1, 2, 3), 5–4 (1, 2, 3), 6–1 (2, 3), 6–2 (2, 3), 7–1*). V C-delu se pojavita še *tele* (6–1 (2, 3)) in *bik* (2–1 (1)).

³⁰ V pomenu goveja živina.

³¹ Kot ponekod *živad* v pomenu (goveja) živina.

³² Namesto pridevnika pijan so bili zapisani še naslednji: *krgan* 'pijan', *poln*, *nažgan*, *naklajen* 'naložen, napolnjen', *pribasan* 'napolnjen', *nalit*, *trd*, *gotov*.

³³ *Veha* se pojavi samo enkrat, in sicer v 4–3 le pri 3. generaciji.

³⁴ Frazem pomeni tudi 'biti pasiven, počasi se odzivati'.

- 1.6.5** PF *pijan kot mavra* spada med srednje rabljene frazeme (10 krajev) z nekoliko večjo rabo pri starejši generaciji (v 4 krajih ga rabi le ta) (1–2 (2, 3), 3–1 (1, 2, 3), 3–2 (1, 3), 3–3 (3), 4–1 (3), 4–2 (1, 2, 3), 4–5 (1, 2, 3), 4–6 (3), 4–7 (1, 2, 3), 5–4 (3), pri čemer velja opozoriti, da pomen leksema *mavra* ni vedno znan; tudi etimologija ne (prim. SSF geslo *mavra*).
- 1.6.6** PF *pijan kot svinja* spada med prostorsko srednje razširjene frazeme (11 krajev) brez generacijske omejitve rabe 1–2 (1), 1–3 (1), 3–1 (1, 2, 3), 3–2 (2), 4–2 (3), 4–5 (1, 2, 3), 5–3 (1, 2, 3), 6–1 (2, 3), 6–2 (1, 2, 3), v istem pomenu tudi *svine* v 7–1* in *grd kot svinja* v 4–1 (3). Frazem ima v C-delu lahko tudi moško obliko *prasec* (1–2 (2)) in *prašič* 5–3 (2).
- 1.6.7** PF *pijan kot živina* je redek (4–2 (2, 3), 6–2 (1, 2)), enako s sestavino *žival* (3–1 (2), 4–5 (2), 4–7 (2, 3)).
- 1.6.8** PF *pijan kot žolna* je prostorsko srednje razširjen frazem (9 krajev) brez generacijske omejitve rabe (3–1 (1, 2, 3), 3–2 (3), 4–1 (2), 4–2 (1, 2, 3), 4–5 (1, 2, 3), 4–6 (3), 4–7 (2, 3), 6–1 (1), 7–1*).

Drugi zapisani frazemi so še: a) s C-delom za žival: *kamela* (1–2 (1)), *mamba* 4–6 (1), *opica*, *veverica*, *žaba* (vse 2–1 (1)), *somar* 'osel' (6–1 (2)), *magarac* 'hr. osel' 4–6 (2), *pes* 5–2 (2); b) s C-delom za predmet: *čik* (1–2 (3)), *kanta* (3–2 (1), 4–6 (1)), *mina* (1–3 (3), 4–6 (1)), *klada* (4–7 (2)), *batina* 'debela palica' (4–6 (2)), *lodrica* 'sod' (1–3 (3)), *avijon* 4–2 (1)), *drevo*, *metla* (6–1 (1)), *dež*, *traverza*, *motika*, *klajbas*, *marela* (vse 6–1 (2)); c) s C-delom za poklic: *žandar* (6–2 (1)). Med njimi jih je velik delež v rabi le pri prvi generaciji, kar lahko pripišemo nestabilni slengovski tvorbi, nekaj pa jih pripada le po enemu informatorju, kar bi govorilo za individualnost rabe (ali frazema ali morda le primere).

5-stopenjska lestvica prostorske razširjenosti posameznega izhodiščnega frazema v kombinaciji z generacijsko rabo da naslednje rezultate:

- 1) zelo razširjeni (v 17 do 20 krajih) in rabljeni pri vseh generacijah so frazemi: *kaditi kot Turek*, *lagati*, *kot pes teče* (*leti*, *beži*) skupaj s *lagati kot pes*, *lesti* (*hoditi ...*) *kot polž*, *piti kot žolna*, *napiti se <ga> kot krava*, *pijan kot krava*;
- 2) precej razširjen (v 13 krajih) in rabljen pri vseh generacijah je frazem *pijan kot klada*;
- 3) precej razširjen (v 13 do 15 krajih) z upadanjem rabe v 2. in 3. generaciji je frazem: *piti kot krava*, skoraj neznana 1. generaciji pa frazema *piti kot goba* (*spužva*) in *pijan kot čep* (*veha*);
- 4) srednje razširjeni (v 9 do 11 krajih) in rabljeni pri vseh generacijah so frazemi: *napiti se <ga> kot klada*, *napiti se <ga> kot svinja*, *napiti se <ga> kot žolna*, *pijan kot svinja* (*prasec*, *prašič*, *svine*), *pijan kot žolna*;
- 5) srednje razširjen (10) z upadanjem rabe v 2. in 3. generaciji je frazem *pijan kot mavra*;

- 6) slabo razširjen (5) in rabljen pri vseh generacijah je frazem *napiti se <ga> kot živina (žival)*;
- 7) slabo razširjen (5) in skoraj neznan 1. generaciji je frazem *napiti se <ga> kot čep*, slabo razširjen (5) in prevladujoč pri 2. generaciji pa frazem *pijan kot živina (žival)*;
- 8) zelo slabo razširjen (1) in rabljen samo pri 3. generaciji je frazem *pijan kot dila* 'deska'.

СТЕРЕОТИПЫ ПОКОЛЕНИЯ Z В ВОСПРИЯТИИ ЛОКАЛЬНЫХ СИБИРСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ³⁵

Алексей Валерианович Михайлов
Татьяна Витальевна Михайлова
Красноярск, Россия

В данной работе авторы исходят из предположения, что в восприятии и воспроизведении не только лексики, но и фразеологического фонда, в том числе и локального, в менталитете и речи разных поколений возможны различия, обусловленные динамикой общественных и политических процессов, культурными подвижками, изменениями в экономических условиях [Федоров 1980; Васильева 2013: 161–162]. В небольшом ряде ассоциативных экспериментов анализируется то, как интерпретируют современные молодые люди, преимущественно поколения Z (рождения конца 1990-х – начала 2000-х гг.), несколько характерных выражений-сибиризмов.

В эксперименте участвовали в общей сложности около 100 студентов обоих полов (примерно равное количество), почти все из которых оказались сибиряками по происхождению (г. Красноярск и другие города и селения Красноярского края, Иркутская область и города и населенные пункты этой области, представители Хакасии, Кемеровской области). Работа проводилась без указания персональных данных, письменные ассоциации предоставлены анонимно. Общие подходы к методикам эксперимента близки к тому, что описаны, например, в [Иванова 2013: 116–122]. Варианты толкования предъявленной в условиях ассоциативного эксперимента фразеологической единицы (предлагалось индивидуально, спонтанно, в условиях изоляции от гаджетов и вмешательства соседей, в письменном виде зафиксировать свои

³⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00492 А.

личные представления на листе бумаги за короткое время, до 5 минут), которые предложены современными студентами сибирского вуза, гуманитариями и «технарями», представлены ниже.

Анализируются реакции на фразеологические единицы (*похоже, ты с моря Лаптевых; ноги, как у колчаковского солдата; не у шубы рукав; тямю нет(у) у кого-л.*). Выбор фразеологизмов обусловлен простой причиной: авторы в своей речевой практике столкнулись с противоположным толкованием значения известных им оборотов. В рамках данной работы наложено ограничение на объем, именно поэтому авторы взяли для анализа восприятия немного фразеологических единиц, каждая из которых имеет своеобразие происхождения, будучи, несомненно, сибиризмами.

1. Оборот *похоже, ты с моря Лаптевых* [тебе] трудно понять что-л. [по причине недостаточного уровня образованности, культуры, неосвоенности норм цивилизации] возник предположительно в среде студенческой молодежи сибирских городов, прежде всего Красноярска (по причине географической отнесенности гидронима *море Лаптевых* к северу этого региона). При этом он противоположен по своему смыслу нарочитой грубости молодых «суперменов» конца 1950-х – начала 1960-х с их свитерами «под Хемингуэя», речью (ср. из песни Ю. Визбора – *Они в городах не блещут манерами аристократов...*)

Этот оборот характеризует своеобразную молодежную субкультуру 1950-х гг., в которой, как всегда у интеллектуальной молодежи, большое положительное значение имеет сообразительность, быстрота реакции, умение сориентироваться в непонятной ситуации. Ср. явное преобладание негативного оценочного компонента в семантике современных сленгизмов *тормозить* ('соображать, думать медленно'), *тормоз* 'медленно думающий человек', *тормозной* 'то же', *спать на ходу* 'медленно думать'.

ФЕ *с моря Лаптевых*, по наблюдениям авторов данной работы, не отражена в лексикографических изданиях по фразеологии Сибири, не получила толкования в отдельных научных статьях.

Ниже представлен спектр толкований выражения *Похоже, ты с моря Лаптевых*: 'море Лаптевых – часть Северного Ледовитого океана, значит, это холодный человек по отношению к чему-то', 'капризная, холодная', 'человек замерз', 'холодный, отрешенный от всего', 'он не недалекий, он просто не отсюда, «другой»', 'не понимает проблем вокруг себя, не знает правильного ответа', 'невнимательный, несобранный человек', 'неуклюжий'. Молодые люди в половине случаев улавливают семантику непонимания, отчуждения от реалий: 'адресовано глупому, неуклюжему человеку', 'указание на непонятливость, недалекость', '[человек] не обдумывает, что говорит и как', 'ведет себя странно, нелогично', 'отмороженный [не придерживающийся правил]', 'не от мира сего, деревенский человек', 'прибывший издалека, простой', 'не похож на других', 'отсталый, непродвинутый', 'ему мягко намекают, что человек мешкает, тормозит'.

Таким образом, коллективное бессознательное отражает суть единицы, хотя и с известными вариациями, через 60 лет после ее зарождения.

2. Оборот *ноги, как у колчаковского солдата* в исходном значении появился во время Гражданской войны 1918–1920-х гг., когда в Сибири шли боевые действия «красных» и «белых», и солдаты частей, подчинявшихся адмиралу А. В. Колчаку, а затем и все «белые» не имели возможности сменить обувь, белье, помыться, привести себя в порядок, а их ноги и ногти на них после длительной непрерывной носки сапог выглядели, мягко говоря, неэстетично. Оборот имел семантику ‘грязные, прелые [ноги], с грязными и длинными ногтями’. ФЕ не зарегистрирована в доступных авторам статьи лексикографических источниках.

Скорее всего, данная единица родилась в речи людей, вынужденных принимать на постой солдат «белых» частей во время боевых действий или после них. Негативный оттенок единицы мог иметь место еще и по причине возможных симпатий к «красным» со стороны наблюдающих, а также реальных и потенциальных неудобств от становящихся на постой озлобленных солдат и офицеров «белой» армии на фоне неизбежных во время войны экспроприаций и притеснений.

Молодые люди толкуют выражение так: ‘ноги и ногти, не испачканные работой, тяжелой жизнью и проблемами, человек не копался в грязи’, ‘неженка, его ногти не испачканы грязью’, ‘руки загребушие’, ‘неправильно что-то делает’, ‘чистые, аккуратные ногти’, ‘чистые, чисто белые, аккуратные’, ‘не знающие работы’, ‘с ногами или ногтями у тебя совсем плохо, или какие-то проблемы, или наоборот – ногти белые без следов грязи’, ‘Колчак опрятный человек, предпочитает чистую работу’, ‘крепко держится за свою жизнь, живучий’, ‘опрятный, чистоплотный человек’, ‘человек, которого интересуют личные потребности, на общественные у него нет времени’, ‘его ноги не знают настоящий крестьянский и рабочий труд’, ‘чистые, ухоженные, но не в том случае, когда это реально нужно, ибо чистые ноги и ногти у солдата – это весьма странно’, ‘человек, который способен преодолевать большие расстояния’, ‘мужественный вид’, ‘Колчак великий военачальник, политический деятель, его солдаты отличались чистоплотностью, стойкостью’, ‘человек стоек эмоционально, физически, интеллектуально’, ‘качественно и чисто ведет бизнес’.

Встречается все же близкое к исходному толкование: ‘ассоциация с опрятным человеком’ – но буквально в 6 сериях ассоциаций из примерно 100, т. е. пренебрежимо мало. Ложную услугу молодым носителям языка, видимо, оказывают при толковании последние 30–35 лет коренного пересмотра советских представлений об участниках противостояния во время Гражданской войны: положительно оцениваемые ранее «красные» в настоящее время воспринимаются негативно, и наоборот, «белые» и один из их руководителей А. В. Колчак, как и те солдаты и офицеры, которые воевали под его командованием, обладают однозначно позитивной коннотацией. На это повлияла и тро-

гательная история отношений Колчака с А. В. Тимиревой [странным образом ее сложная судьба связана с Енисейской Сибирью, где она была в ссылке в г. Енисейске с 1949 г. – А.М., Т.М.], воспетая в кинематографе (х/ф «Адмиралъ», 2008), и массив постсоветской художественной и nonfiction-литературы.

Временная дистанция от возникновения единицы до ее восприятия современными студентами – примерно 100 лет.

3. Распространенный на всей территории русских говоров фразеологизм *не у шубы рукав* в словаре В. И. Даля (при форме также и *не к шубе рукав* [Даль 2000]) толкуется как 'некстати' (примерно такое же толкование предлагает и [Федоров 1983; Галуза 2013] – 'ирон. о неготовности к чему-л.'). Эта единица, кроме традиционного толкования большинством испытуемых, толкуется в трети случаев еще и так: 'не поранься', 'не просто так', 'что-то не так', 'не далеко', 'ты не очень хорош, не такой, как рукав шубы', 'неправильно', 'безрукавка', 'не дорогой'. Как видим, семантика неуместности, неготовности воспринимается вполне адекватно при очевидном незнакомстве с технологиями изготовления шубных изделий. Интересно отметить, что распространенные во всем русском ареале ФЕ воспринимаются с меньшим поколенческим разрывом.

4. Фразеологический оборот *тяму нет (нету)* у кого-либо 'нет ума' [Федоров 1983; Кирпикова 2009; Даль 2000]. Исследователями отмечается его повсеместное распространение в восточнославянском ареале, а также на территориях вторичного заселения. Отмечены и западнославянские лексемы с этим корнем ментального освоения и производными от него (в словаре М. Фасмера), параллели в тюркских языках отмечены Г. Е. Корниловым (1984). Данная единица воспринята почти всеми испытуемыми (90%) адекватно ее восприятию в традиционной возрастной среде, при этом есть любопытные вариации: 'проблем нет', 'нет смысла', 'нет терпения', 'чего-то нет', 'нет желания, вдохновения', 'нет разговора', 'нет темы для разговора', 'скука', 'отсутствие производственных средств', 'пусто', 'сил нет', 'нет времени', 'отсутствие высокого интеллекта'.

5. Авторы решили исследовать еще один сибиризм – ФЕ *на сто рядов / на десять рядов* 'много раз, несколько раз' [Федоров 1983]. Эта ФЕ толкуется адекватно участниками эксперимента в 90% случаев, но добавляется также семантика и сочетаемость «проверки» и «контроля» – 'выполненное и проверенное множество раз', но все же есть несколько отличных толкований: 'наживо сделать', 'полностью', 'долго', 'огромная территория', 'выражение уверенности', 'много места'. Данное фрагментарное исследование, конечно же, не претендуя на обобщения, указывает на межпоколенческие лакуны и актуальные связи. Разница в понимании и употреблении ФЕ обусловлена не только динамикой единиц, но и локальными особенностями развития лексической системы [Галуза 2013: 41; Кобелева 2012].

В свою очередь, причины, да и сами связи и их прерывания, должны быть предметом дальнейших исследований. Можно говорить о «свежести» вос-

приятия и бóльшем сохранении преемственности для ФЕ из более раннего фонда устойчивых образований.

Успешный опыт словарей, учитывающих новый узус, характер порождающего культурного контекста, может помочь в лексикографическом осмыслении многослойной жизни устойчивых единиц, ср. [СРН 2018; Белоусова 1992; Бирих, Мокиенко, Степанова 1998; Кирпикова, Шенкевец 2009; Мокиенко, Никитина 2018]. Исследование фразеологических единиц и их бытования и сохранения в пассивном словаре носителей языка может дать много сведений для умозаключений о структуре языкового пространства и закономерностях его развития.

SYNCHRÓNIA VO FRAZEOLÓGII V STARŠOM OBDOBÍ VÝVINU SLOVENČINY

Jana Skladaná
Trnava, Slovensko

Podľa všeobecnej definície pojmov „synchronia“ a „diachronia“ predstavuje synchronia spôsob opisu jazyka založený na poznaní súčasného stavu daného jazyka, obchádzajúci diachroniu, t.j. vývin, ktorým jazyk dospel k súčasnému stavu. Výhodou synchronie je to, že má k dispozícii známe a overiteľné fakty, a môže tak spoľahlivejšie skúmať javy daného jazyka. Nedostatkom je zanedbávanie všeobecne uznávaného faktu, že jazyk je historicko-spoločenský jav, pre ktorý je charakteristický vývin [EJ 1993: 429]. Synchronia môže skúmať aj minulé stavy jazyka, zisťujúc, čo bolo aktuálne dostupné a prítomné ich používateľom v istom období [EŠC 2002: 471]. Jazyková synchronia je stav časovej koexistencie prvkov a vzťahov jazykovej sústavy. Synchronný stav jazyka možno skúmať aj v niektorom z jeho minulých vývinových období, v našom prípade napr. synchronný stav slovenčiny v 16.–18. storočí [Ondruš, Sabol 1981: 7]. Diachronia je metóda skúmania a opisu jazyka z historického hľadiska [EJ 1993: 113].

Vo frazeológii je téma synchronie a diachronie v podstate staronová. Pokiaľ ide o slovenskú frazeológiu, synchronna frazeológia predstavovala dlhé obdobie základné teoreticko-metodologické východisko vo frazeologickom výskume. Frazeologické spojenie sa chápalo predovšetkým z hľadiska jeho súčasného fungovania. V synchronnej frazeológii je pre frazému charakteristická rozčlenenosť formy a celostný frazeologický význam, to značí, že frazéma predstavuje slovné spojenie obsahujúce najmenej dve zložky, dva komponenty, ale môže mať aj podobu zloženého súvetia (napr. pri paremiologických útvaroch, ako je príslovie *Aká matka, taká Katka; aký otec, taký syn*). Významy týchto zložiek sa zvyčajne odlišujú od pôvodných, priamych významov jednotlivých zložiek.

Na prvý pohľad to vyzerá veľmi jednoducho. V skutočnosti však majú jednotliví synchronní frazeológovia osobitný prístup k frazeológii. Rozdiel jednotlivých prístupov ku skúmaniu frazém sa prejavuje predovšetkým v odlišnom chápaní základ-

ných vlastností frazém a v odlišnej hierarchizácii týchto vlastností, alebo v celkom odlišnom teoretickom či metodologickom skúmaní frazém. Frazeologické výskumy sa zväčša upriamili na tzv. funkčnú frazeológiu. Obchádzal sa druhý dôležitý rozmer výskumu frazeológie, diachrónny prístup k jej problematike [Skladaná 2005: 339]. Výrazný prelom v teórii i metodológii frazeológie z hľadiska súčasného stavu i z hľadiska celkového vývinu jazyka predstavuje koncepcia ruského frazeológa V. M. Mokijenka, ktorý predložil teóriu piatich protirečení (antinómii); ustálenosť – neustálenosť, modelovosť – nemodelovosť, implicitnosť – explicitnosť, obraznosť – neobraznosť, diachrónia – synchrónia, pričom posledné protirečenie je všeobecným rámcom na chápanie všetkých predchádzajúcich protirečení [Мокиенко 1980]. V slovenskej frazeológii upozornil na priekopnícke dielo V. M. Mokijenka J. Mlacek [Mlacek 1983], čím vniesol do synchrónneho výskumu u nás originálny pohľad.

V práci chceme na konkrétnych príkladoch upozorniť na to, že synchróniu možno zaznamenať aj v staršom období vývinu nášho jazyka. Niektoré sémantické transformácie sa uskutočnili už v tomto období.

Význam spojení pochádzajúcich z Biblie alebo z iných oblastí sa veľmi často výrazne mení, zovšeobecňuje sa a prestáva mať náboženský význam. Známe biblické spojenie *Blahoslavení chudobní duchom* nájdeme v Novom zákone v Evanjeliu podľa Matúša v pôvodnom znení „Blahoslavení chudobní v duchu, lebo ich je nebeské kráľovstvo“ [Matúš 5, 3]. V Biblii spojenia *chudobní v duchu*, *chudobní duchom* označujú tých, ktorí nelipnú neviazane na pozemských bohatstvách a vo svojich pomínutelných starostiach a biedach sa s dôverou obracajú na Boha, od ktorého očakávajú svoju spásu. Jedine takí sú schopní prijať nebeské kráľovstvo. V tomto zmysle sú teda blahoslavení, teda hodní úcty, zasluhujúci si úctu, chválu, vážnosť.

Pôvodný význam biblického spojenia *chudobný duchom*, resp. *chudobný v duchu* a i. z výroku „Blahoslavení chudobní v duchu, lebo ich je nebeské kráľovstvo“, označujúci jednoduchých, morálne bezúhonných ľudí, je doložený v starších textoch zo 16. – 18. storočia. Príklady sú doložené v Historickom slovníku slovenského jazyka [HSSJ 1991, 1992, 1994, 1995, 2000, 2005, 2008]. Napr. *Blahoslavený chudý duchem, nebo jejich jest království nebeské* (1730); *Každý člověk duchem má chudobný býti, jak po časném putování žádá nebe vzíti* (1755). Z tohto obdobia je už však doložený aj súčasný prenesený význam, teda človek duševne obmedzený, napr. *ludia natoliko tesného a chudobného ducha nebudú, aby títo príčiny pochopili* (1778). V súčasnosti prevláda práve tento prenesený význam, pravda, s výnimkou náboženských textov, teda človek v ironickom povzdychu voči druhému o nezákernom, naivnom a jeho absurdnom, nevhodnom výroku, čine a pod. S hlúpymi a naivnými ľuďmi treba mať trpezlivosť a nemožno sa preto na nich hnevať; je to, bohužiaľ, len hlupák a jeho hlúposť mu nemožno vyčítať.

Ďalší prípad sémantickej transformácie je výraz *krst*, vo frazeológii je známe spojenie *Krst ohňom*. Krst chápeme v tradičnom náboženskom zmysle ako kresťanský obrad prijatia dieťaťa alebo dospelého do cirkvi ponorením kršteného (krstenca) do vody alebo poliatím na čelo (podľa Ježiša Krista, zakladateľa kresťanského nábožen-

stva). Pri krste dostávajú krstenci krstné meno. V súčasných slovníkoch slovenského jazyka sa nachádzajú okrem tohto základného významu aj ďalšie významy. Ide o obrad udelenia mena novému technickému dielu, stavbe alebo nejakej pozoruhodnej veci alebo tvora, napr. *krst lode, krst mesta, krst jaguára v ZOO*. Ďalším významom je prijímanie, uvádzanie do kolektívu, začínanie činnosti, napr. *podstúpiť krst nováčika*. Takisto frekventovaný je význam slávnostné uvedenie nového umeleckého alebo vedeckého diela na verejnosti, ako synonymum sa často používa aj výraz *prezentácia*.

Vo viacerých slovníkoch sa uvádza ustálené frazeologické spojenie *krst ohňom*, prípadne spojenie *prejsť krstom*, čo znamená prvý samostatný prejav adepta v profesijne zaťažkávajúcej situácii. Vyskytuje sa aj spojenie *prejsť krstom krvi a ohňa* s podobným významom 'zoceliť sa, zosilniť v boji'. Z jednotlivých významov výrazu *krst* sa nám ukázalo, že okrem základného cirkevného významu kresťanský obrad prijatia dieťaťa alebo dospelého do cirkvi rozmanitým spôsobom sa vyskytujú ďalšie, takisto pomerne frekventované významy. Slovná zásoba každého jazyka, teda aj nášho, sa mení, pribúdajú nové významy. Viacvýznamovosť slov je v každom jazyku častým a typickým javom. V prípade slova *krst* zaznamenávame vznik nového významu už v staršom období vývinu nášho jazyka, a to v 18. storočí. Tento doklad zachytáva *Historický slovník slovenského jazyka*, ktorý pri hesle *krst* uvádza ako druhý význam za základným cirkevným významom význam 'akt prijatia do cechu alebo inej organizácie'. Ide o doklad: (*plátenníci*) *kdy po prve se svym tovarom sem prichazeji a od tak nazvaného krstu skrz privilegium, aby v tej veci excedovali a vystupovali*.

Spojenie *nielen chlebom je človek živý* prebehlo takisto svojím vývinom. Chlieb ako našu základnú každodennú potravinu, upečenú obyčajne z kysnutého cesta, poznáme od nepamäti. Už u Hebrejcov, ale aj u iných starovekých národov bol chlieb hlavnou potravou. V Biblii, ako aj v súčasnom období, má chlieb často symbolický význam. Ako potrava pre telo, teda nevyhnutnosť telesného života, je zároveň obrazom potravy duchovnej, nevyhnutnej pre život človeka ako duchovnej bytosti. Keď po štyridsiatich dňoch pôstu v púšti Ježiš vyhladoval, pristupuje k nemu púštník a hovorí, aby premenil kamene na chleby. Ježiš mu odpovedá citátom z Deuteronomia: „Pokoril ťa (Pán) a dal ti hladovať, potom ťa krmil mannou, ktorú si nepoznal ani ty, ani tvoji otcovia, aby ti ukázal, že človek nežije len z chleba, ale že človek môže byť živý aj zo všetkého, čo vychádza z Božích úst“ [Dt 8, 3]. Ježiš odmieta urobiť zázrak: „Nielen z chleba žije človek, ale z každého slova, ktoré vychádza z Božích úst“ [Mt 4, 4]. Z týchto výrokov vyplýva, že slovo Božie je pre človeka práve také nevyhnutné ako chlieb. Nestačí uspokojenie hmotných potrieb, sú aj ďalšie potreby nevyhnutné na to, aby bol človek skutočne človekom: dôstojnosť, sloboda, krása, láska.

V staršom období vývinu nášho jazyka viaceré tieto spojenia sa vzťahujú na náboženské chápanie, napr. *Ne s samým chlebom živ jest človek, ale s každým slovom, které pochází z úst Božích* (1756), *Nie na samem chlebe, to jest na samých jedlách, mese, rybách a jiných jedlách žije človek, ale na každém slove, které vychází z úst Božích* (1757). Až zo štúrovského obdobia je doklad s preneseným významom, nie

náboženským. *Nie na samom chlebe žiť má človek, ale aj na slove* (1843). Výrazom *slovo* sa tu myslí potreba vzdelania, kultúry a pod. V súčasnom období sa úplne vytráca náboženský pôvod tohto spojenia. Význam spojenia *Nielen chlebom je človek živý* sa vysvetľuje tak, že v živote je potrebné mať popri práci aj rozptýlenie, odpočinok, zábavu a pod. V živote nie je dobré myslieť len na peniaze a materiálne ciele. Pôvodný význam potreby viery, božieho slova sa zovšeobecnil na význam duchovných potrieb vôbec.

Vývinový proces frazém treba skúmať jednak od ich samého vzniku, jednak v istej etape ich vývinu, a to všetko v celkovej kontinuite a vývinovej perspektíve. Jazyk si vždy zachováva kontinuitu so svojim predchádzajúcim stavom. Súčasný stav treba vidieť ako výsledok predchádzajúceho vývinu. Nové vo frazeológii môže byť aj na úrovni synchronie v staršom období.

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ ФРАЗЕМ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: КАРТОЧНЫЙ ДОМИК (*HIŠICA IZ KART*)

Эрика Кржишник
Любляна, Словения

Исследование диминутивности в словенских фразеологических единицах (ФЕ) [Kržišnik, Jakop: в печати] показало, что из разных способов диминутивности, среди которых выделяются: словообразовательная, напр., глагольная ФЕ *stopicati na mestu* (мяться на месте), синтаксически выраженная, напр., *imeti kaj v malem prstu* (букв. иметь что-то в мизинце, т. е. быть мастером, экспертом) и двойная, или комбинированная, напр., *raztrgati na drobne koščke* (разорвать на мелкие кусочки) – во фразеологии наиболее часто встречается словообразовательная с именным компонентом. В результате сопоставительного анализа словарного и корпусного материала было установлено, что существующие типы ФЕ с диминутивным компонентом, несколько огрубляя, можно свести к двум основным группам: диминутивный компонент может быть инвариантным (единственно возможным) или вариативным, заменяемым недиминутивом. При этом были отмечены две явные тенденции. Для нашей работы существенна первая, которая выделяет группу ФЕ с инвариантным диминутивом, мотивирующая основа которых описывает маленькие и/или милые объекты, напр., *kot milni mehurček* (как мыльный пузырь), *oči skočijo iz jamic kоти* (глаза вылезли из орбит у кого). Выяснилось, что из этой тенденции выбивается ФЕ *hišica iz kart* (карточный домик), которая в последние 20–30 лет начала употребляться также и с недиминутивным компонентом *hiša iz kart* (карточный дом). Причем это единственная ФЕ, нарушающая данную тенденцию.

Как показывает сопоставительный межъязыковой анализ, размер конструкции, похожей на домик, лежащей в основе мотивирующего свободного словосочетания данной ФЕ, не так однозначен. Мотивирующая основа – это

игра на ловкость с игральными картами, довольно известная и в словенском языковом пространстве, однако в словенских словарях нет описания этого значения,³⁶ поэтому приведем описание из немецкого словаря Duden (2006), словарная статья *Kartenhaus*: «1. aus Spielkarten aufgebautes Häuschen, das beim kleinsten Aufstoß od. Luftzug in sich zusammenfällt». Внимание: игра названа *Kartenhaus* (недимиутив), в то время как в описании используется *Häuschen* (димиутив).

Hišica iz kart (домик из карт) в современном словенском языке выступает в двух ФЕ: сравнительной глагольной *sesuti/sesuvati se* (*podreti/podirati se, porušiti/rušiti se*) *kot hišica/hiša iz kart* (рассыпаться как карточный домик), 1-е значение 'очень быстро, неожиданно рассыпаться (развалиться ...)', напр.,

Njun dom se je dobesedno sesul kot hišica iz kart, precej uničenih je bilo tudi nekaj avtomobilov ob bližnjem blokovskem naselju – Их дом рассыпался как карточный домик, повреждено было также несколько автомобилей,

2-е значение 'очень быстро, неожиданно перестать существовать, исчезнуть', напр.,

Njuno umirjeno življenje se sesuje kot hišica iz kart, ko Anniejin mož umre za levketijo – Их спокойная жизнь рассыпалась как карточный домик, когда Аннин муж умер от лейкемии;

и именной *hišica iz kart* 'что-то непрочное, ненадежное; что-то хрупкое, нереальное', напр.,

Imeli smo tudi zelo poudarjeno tendenco neke finančne poglobitve v smislu ustvarjanja konglomeratov in holdingov, ki so se ne samo pri nas pokazali za hiše iz kart – У нас была выделена тенденция своего рода финансового углубления в виде создания конгломератов и холдингов, которая не только у нас оказалась карточным домиком.

В словарях *hišica iz kart* как фразеологическая единица была зафиксирована в SSKJ (1970–1991), крупнейшем словенском толковом словаре XX-го века, во втором томе (1975) во фразеологическом гнезде словарной статьи *karta*² как именная ФЕ со значением 'что-то хрупкое, нереальное', а также в SSKJ2 (2004, второе дополненное и частично переработанное издание). В HSRPF (2006, словарные статьи *kuća* и *kula*) словенская глагольная сопоставительная ФЕ приведена только с димиутивом *hišica*. И только во фразеологическом словаре SSF (2011) обе ФЕ приведены с компонентами *hišica* и *hiša*, но дан только один пример употребления с компонентом *hiša*, полное словарное описание есть

³⁶ Даже SSF 2011, в котором есть раздел «Происхождение ФЕ», не упоминает о составлении домика из карт как о карточной игре, т.е. как о свободном словосочетании, которое могло стать мотивирующей основой для ФЕ, констатируется лишь то, что ФЕ основывается на том факте, что домик, составленный из карт, может быстро и неожиданно разрушиться.

только у варианта с диминутивом. Таким образом, вариантам с диминутивом приписана доминирующая роль. При этом, однако, следует отметить, что сочетание с недиминутивом *hiša* как единственный вариант ФЕ приведено еще в 1960 во Фразеологическом словаре на пяти языках [Pavlica 1960: 132–133, словарная статья *hiša*], как один из пяти фразеологических эквивалентов: *To je hiša iz kart*³⁷ – *Das ist ein Kartenhaus* – *C'est une maison de carton (un château de carte* – *It's a house made of cards (a castle in the air)*.

Как же объяснить тот факт, что крупнейший словарь,³⁸ который хоть и является общим словарным источником, но тем не менее описывает большую часть фразеологического материала в отдельном фразеологическом гнезде, 15 лет спустя приводит только недиминутивный вариант? Просмотр картотеки словарных статей *hišica* и *hiša* показал, что для *hišica iz kart* было выписано 5 примеров с фразеологическим значением, 3 – из публицистических, 2 – из художественных и 1 – из научного текста; для статьи *hiša* выписано три примера, один из них без библиографического источника, второй – перевод художественного текста, а третий – из упомянутого словаря Й. Павлицы. В материале для статьи *hišica* есть еще один нефразеологический пример, относящийся к 1967 г.: «*Hišica iz kart /настольная игра/*», обозначающий вышеупомянутую игру на ловкость. Такое соотношение материала, а также концептуальное представление о размере строения, которое можно соорудить из (игральных) карт, диктовали составителям словарей выбор только диминутивного варианта. То, что к примеру недиминутивного варианта *hiša iz kart* в словаре Павлицы следует относиться осторожно, доказывает также то, что, во-первых, приведен хорватский (тогда это был еще сербохорватский) вариант *kuća od karata*, хотя, судя по материалу словарей, можно заключить, что более старым является вариант *kula od karata* (напр., [Juranić 1972: 363], он, как и SSKJ, приводит сочетание только в словарной статье *karta*, но, к сожалению, без словенского эквивалента), а во-вторых, в качестве английского эквивалента приводится необычная форма ФЕ *a house made of cards*. Очевидно, Павлицу интересовало не столько состояние выражения словенском языке, сколько переводные эквиваленты (интересовали и сбивали!) – ни в одном из языков, приведенных в словаре (см. выше), в этой ФЕ не содержится диминутивного компонента.

³⁷ В словаре обычно не дается пояснения значений, а только эквиваленты перевода, однако же в данном случае при словенском варианте в скобках приведено толкование значения (*krhka zadeva* – *хрупкая вещь*).

³⁸ В заключительном слове в пятом томе словаря (1991) сказано, что SSKJ «был составлен на основе обширного языкового материала, выписанного из около шести тысяч печатных единиц, большая часть которых была создана во второй половине нашего [т.е. 20-го, прим. Э. К.] века; значительное количество относится также к 19-му веку, особенно его последней трети (классики)». Весь материал расписан на 6 миллионах картотечных карточек, которые в отсканированной форме доступны в Институте словенского языка при Словенской академии наук и искусств.

Второй источник – это корпуса. Мы сопоставили данные об употреблении обоих вариантов в трех словенских электронных корпусах (все три находятся на [NKSJ: <https://www.clarin.si/noske/>]): Gigafida 2.0 (дедуплицированный) – далее GF, корпус, вычищенный в сторону большей литературности, точнее стандартизованности включенных текстов (1990–2018); Janes (v1.0), корпус текстов социальных сетей (блогов, форумов, твитов, комментариев к новостям и т.п.) и slWaC (v2.1, 2014), корпус словенского интернета (т.е. всего, что можно найти в зоне домен .si). Заданы были следующие синтаксические условия поиска:

- ▶ [word!="kot" & word!="kakor"] [lemma="hišica" & word="h.*"] [word="iz"] [word="kart"] – (также и с *hiša*) для именной ФЕ;
- ▶ [word="kot" | word="kakor"] [lemma="hišica" & word="h.*"] [word="iz"] [word="kart"] – (также и с *hiša*) для компаративной ФЕ.

Так мы получили следующие результаты.³⁹

Табл. 1: Число появлений именной и компаративной ФЕ

Корпус	Размер корпуса ⁴⁰	Именная ФЕ	Именная ФЕ	Компаративная ФЕ	Компаративная ФЕ	Итого	Итого
		hišica	hiša	hišica	hiša	hišica	hiša
GF	1.105.200.611	84	67	378	256	462	323
Janes	189.756.109	51	36	91	47	142	83
slWaC	749.372.269	76	44	251	111	327	155

Как видно из таблицы 1, как именная, так и компаративная ФЕ в обоих вариантах используется достаточно часто. Отмечается явная большая частотность появления компаративной ФЕ во всех трех корпусах, как с диминутивным, так и с недиминутивным компонентом.

³⁹ Отсеяны все примеры употребления сочетания с большой буквы, поскольку среди них имена собственные (названия сериалов, фильмов, песен, спектаклей и т.п.) настолько преобладают, так что незначительное число ФЕ, которые могут встречаться в начале предложения, можно списать со счетов. Ср. в GF *hišica* во фразеологическом значении встречается 5 раз, *hiša* 3 раза; в Janes 5 раз *hišica*, 3 раза *hiša*, в slWaC 3 раза *hišica*, 1 раз *hiša*; форма с *kot/kakor* никогда не встречается в начале предложения.

⁴⁰ Приведено число найденных результатов без знаков препинания.

Табл. 2: Относительная частота употребления именной и компаративной ФЕ в трех словенских корпусах

Корпус	Размер корпуса ⁴¹	Именная ФЕ	Именная ФЕ	Компаративная ФЕ	Компаративная ФЕ	Итого	Итого
		hišica	hiša	hišica	hiša	hišica	hiša
GF2.0	1.105.200.611	0,06	0,05	0,28	0,19	0,35	0,24
Janes	189.756.109	0,20	0,14	0,36	0,19	0,56	0,33
slWaC	749.372.269	0,08	0,05	0,28	0,12	0,36	0,17

Относительная частота употребления в таблице 2, в которой представлено число появлений обеих ФЕ и их вариантов на миллион примеров, отчетливо показывает разницу между употреблением диминутивного и недиминутивного варианта, особенно в двух функционально и стилистически профилированных корпусах, GF – в сторону стандартизированного языка, а Janes – в сторону большей разговорности (и устной речи). Как и можно было предположить, употребительность ФЕ в таких текстах, как блоги, твиты, комментарии, в целом выше, чем в других функциональных стилях, напр., научных текстах или газетных новостях, это касается также и ФЕ, о которой идет речь. Более значимой представляется информация, что частотность ФЕ в slWaC – являющемся корпусом всех интернет-текстов – гораздо ближе к частотности употребления в корпусе GF, чем в корпусе Janes.

Относительно соотношения диминутивного и недиминутивного варианта прежде всего следует отметить, что вариант с диминутивным компонентом более частотен во всех корпусах, их соотношение в корпусе GF 1,5 : 1 в пользу варианта *hišica*, в корпусе Janes 1,7 : 1 и в slWaC 2 : 1. И вновь удивляет результат корпуса slWaC, который демонстрирует относительно более частотное употребление диминутива *hišica*, чем другие два корпуса.

По данным корпусов, в словенском языке до сих пор основным для обеих ФЕ является вариант с диминутивом. Поскольку, как показывают словари, этот вариант является также первичным, а недиминутивный вариант относится к более поздним, то для начала можно исходить из утверждения, что для нас, словенцев, денотат *hišica/hiša iz kart* скорее является маленьким. Поскольку сопоставление форм этой ФЕ в других языках ставит под вопрос такое словенское восприятие денотата, которое проистекает, вероятно, из предположения, что то, что можно составить из игральные карты, может быть только (т. е. объективно) маленьким, приведем ответ одного из носителей языка на вопрос, как обстоит дело с размером *hišica/hiša iz kart*.⁴² Ответ звучит так:

⁴¹ Приведено число найденных результатов без знаков препинания.

⁴² Вопрос был задан Т. Эрьявцу, который изначально не является ни словенистом, ни лингвистом, но в Словении он один из главных разработчиков и составителей текстовых корпусов. Пользуясь случаем, выражаю ему огромную благодарность за помощь и консультации по работе с корпусными данными.

«Интересно также, является ли эта *hišica* (домик) действительно диминутивом, поскольку это на самом деле *домик* [...], из карт в действительности сложно сделать дом, и поскольку это исходная, первичная ФЕ, его сложно назвать диминутивом». Т. е. если предмет маленький, то он маленький, не будучи при этом обозначенным уменьшительным названием. Ответ, разумеется, касается того, как мы воспринимаем размер и измерение и как это восприятие отражается в языке. Не углубляясь далее, можно сказать, что мы имеем дело с концептуальным и, вероятно, также культурологически обусловленным восприятием измерения.

Описанное выше звучит, вероятно, несколько нерационально, однако относительно данной ФЕ позиция словенского по сравнению с соседними языками также особая.

Ни в одном из них в данной ФЕ нет диминутива, даже в качестве альтернативной формы: итал. *crollare come un castello di carte*.⁴³ нем. *einstürzen/zusammenfallen/zusammenstürzen wie ein Kartenhaus*, венгер. *összedől, mint a kártyavár*, хорв. *srušiti se kao kula/kuća od karata*. Поскольку это сочетание как ФЕ или часть ФЕ присутствует практически во всех европейских языках, то для решения того, насколько особую позицию в этом плане занимает словенский, необходимо провести сопоставительный анализ с другими языками, как родственными, так и генетически и географически более отдаленными. Сопоставление поможет также выяснить, почему вариант с недиминутивом появился у нас как раз в последние 20–30 лет.

Каков же размер *hišica/hiša iz kart* в разных языках? В двух компаративных словарях ФЕ, составленных Ж. Финк Арсовски с коллегами, а именно HSRPF (2006) и HRGRPF (2016), находим формы данной компаративной ФЕ на 17 языках. Поскольку объем статьи ограничен, не будем приводить всех единиц, приведем только шкалу, которую формирует используемый в них компонент, размер которого нас интересует. Складывается 4-х уровневая шкала: 1. 'большое, аккуратное здание' появляется в этой ФЕ в романских языках, напр., (франц.) *s'effondrer (s'écrouler) comme un château de cartes*;⁴⁴ и некоторых славянских языках, напр., (мак.) *се срушило (ке се сруши) ко кула од карти*; 2. 'здание, предназначенное прежде всего для проживания людей' (недиминутив) представлено в ФЕ в германских языках, напр., (швед.) *rasa som ett korthus*; 3. 'маленькое здание' (диминутив) в славянских языках, напр., (польск.) *rozpadło się (rozpadnie się) jak domek z kart*; и 4. обозначение 'очень маленького здания' появляется только как вариантный компонент, напр., (чеш.) *sesypalo se (sesype se i sl.) jako domek (domeček) z karet*.

⁴³ Не углубляясь в этимологию, скажем, что lat. *castello* является на самом деле диминутивом от *castrum* 'крепость, замок'.

⁴⁴ Варианты в этой части мы приводим в той форме, в какой они приведены в упомянутых словарях.

В некоторых славянских языках из-за вариативности компонента можно говорить о переходе между двумя группами. В словаре HSRPF (2006) отражаются два перехода: между группой 1 и 2 в хорватском *srušilo se (srušit će se) kao kula (kuća) od karata*, между группой 3 и 4, помимо уже упомянутого чешского, еще и в украинском (*розсипалося (розсиплеться) як картковий (іграшковий) будинок (будиночок)*).

Как видно из всего приведенного выше, описание в словаре 2006 года в словенском языке можно дополнить вариативным компонентом для обеих ФЕ, именной и компаративной, и запись ФЕ теперь выглядела бы так: *zruši se (zrušilo se je, zrušilo se bo, sesuje se, sesulo se je, sesulo se bo) kot hišica (hiša) iz kart*. Таким образом мы получаем переход между 2 и 3 группой. По-видимому, словенский – не единственный язык, в котором в последнее время появился вариант этой ФЕ с недиминутивом. Если судить по Хорватско-русскому фразеологическому словарю [HRFR 2011: 151], в русском языке также, помимо исходной ФЕ *карточный домик*, в последнее время появился вариант с недиминутивным компонентом *карточный дом*. Соотношение между старым и новым вариантом в словенском мы представили в этой работе, проиллюстрировав данными из словарей и корпусов, теперь предстоит ответить на вопрос, как обстоит дело в русском языке.

Анализ состояния в других языках показал, что, во-первых, словенский язык со своей диминутивной формой *hišica* в ФЕ *hišica iz kart* как исходной формой этой ФЕ (или части ФЕ, поскольку речь идет об использовании в именной и компаративной глагольной ФЕ) лишь присоединяется ко многим другим славянским языкам. Во-вторых, что также очевидно, вариантная недиминутивная форма *hiša iz kart* возникла под влиянием английского как глобального языка в настоящее время.⁴⁵ Существенно отметить, что недиминутивная форма до сих пор не является преобладающей, при этом важно отметить тот факт, что сопоставление материалов трех корпусов показывает, что диминутивный вариант преобладает как раз в словенском интернет-корпусе slWaC.

⁴⁵ Нечто подобное в последнее время происходит с ФЕ *Pandorina skrinjica* (*ящик Пандоры*).

ФРАЗЕОЛОШКИ НЕОЛОГИЗМИ (ВРЗ ПРИМЕРИ ОД МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК)

Јасминка Делова-Силјанова
Скопје, Македонија

Како што се менува времето, а со него и животниот стил, се менува и зборовниот фонд на јазикот. Во денешното време на јазици и компјутерска техника ова влијание се пројавува и во областа на фразеологијата. Како што покажуваат некои проучувања, сè повеќе кај нас се појавуваат нови зборови, старите изрази и пословици се губат или се менуваат. На преломот меѓу 20 и 21 век како последица на политичките, економските и технолошките промени доаѓа до промена и на зборовниот фонд и до појава на неологизмите. Неологизмот е лексичка единица која во однос на останатите единици од зборовниот фонд на јазикот е обележана како нова и тоа од аспект на појавувањето и од аспект на функцијата [Martincová 1998: 17].

Неологизмите се појавуваат од потребата да се именуваат новите предмети, појави и од потребата да се заменат веќе постоечките изрази со поточни или попрецизни изрази. Се појавуваат во сите комуникациски сфери и нивоа на народниот јазик. Тие настануваат со преземање или со ново образување, веќе употребуваните зборови добиваат ново значење или пак некои тесно стручни изрази добиваат пошироко значење.

Настанувањето на новото именување може да биде реакција на потребата да се означи новонастаната појава или може да биде израз со кој на нов начин се именуваат веќе познати појави. Се работи за настанување на израз со цел подобро да се долови именувањето на веќе позната реалност. Таквото настанување на нова фразама е, пред сè, поради потребата да се создаде ново поизразено, поекспресивно фразеолошко означување зашто, според Стракова, експресивноста во фразеологијата брзо застарува.

Во јазикот секогаш ќе бидат актуелни фразеолошки иновации на одреден временски пресек како израз на динамиката во дијахрониски пресек на јазикот. Со оглед на високата мобилност на жителите во последните години, во народ-

ниот јазик навлегуваат и елементи на културни и народни традиции на друг етникум. Периодот по осамостојувањето на Република Македонија донесе со себе во голема мера промени во лексичкиот систем на земјата. Таа се отвори кон светот и се сретна со многу информации и неопходност да се именуваат новите појави и реалности или да се оживеат некои долго неупотребувани јазични средства. Времето на глобалните промени носи со себе многу неологизми и општествени промени што се одразуваат или пресликуваат и во фразеологијата. На тој начин фраземите значително учествуваат во создавањето на новата јазична слика.

Оттаму, фразеолошките неологизми можеме да ги дефинираме како фразеолошки единици што се одбележуваат со основни карактеристики на фраземите (составени од повеќе зборови, постојаност, експресивност), но од страна на говорителите се чувствуваат како нови појави.

Зацврстувањето на нов израз е поврзано со многу стапици. Од една страна со брзото застарување и губење, односно краткиот живот на јазичната слика; од друга страна тоа е определување на временскиот миг на појавување на нова единица.

Дефинирањето на поимот фразеолошки неологизам е малку посложено прашање кое зависи од дефиницијата на неологизмите. Еден од критериумите е (не)присуството во речниците, елементот на новитет или времето кога настанале. Од друга страна, за фразеолошки неологизми се сметаат токму оние фраземи што не се регистрирани во речниците.

Една од поделбите на фразеолошките неологизми е според нивната семантика и функција и тоа во две групи [Мокиенко 2003]:

- **функционално-семантички** неологизми – оваа група настанала врз основа на потребата да се именуваат нови појави и факти – *црна дупка, перење мозоци, одлив на мозоци, сваровски судство, студена војна, кадифена револуција*;
- **функционално-стилистички** неологизми – тие не означуваат нови појави, туку произлегуваат само од потребата да се именуваат на нов начин, со други јазични средства стари факти и појави – *зад затворени врати, политика на цврста рака, држи чекор со времето, во добра кондиција/форма, брзи прсти*.

Фразеолошките неологизми најчесто се одраз на општествените промени и прилики и реагираат на актуелните проблеми во разни области од општествениот живот, меѓународните односи, економските промени и др. Најмногу нови фраземи настануваат во јазикот на публицистиката со оглед на тоа што овие медиуми први реагираат на какви и да се промени или политички случувања. Значи, фразеолошките неологизми се употребуваат, пред сè, во публицистиката и во медиумите, одредена група на ваквите нови фраземи се употребува во говорниот јазик, а посебно во говорот на младите. Расте бројот

на сленгови фраземи, посебно во говорот на ново настанатите и раширените групи по интерес и општествени групи. Со растот на преводи од странските јазици се појавуваат и мноштво нови, калкирани фраземи врзани за одредени професионални средини. Поретко се јавуваат фразеолошки неологизми во белетристиката.

Во врска со општествено-историскиот контекст постојано се менува и обликот и фреквенцијата на новите фраземи. Некои од тие фраземи што настанале во одреден период од општествениот живот се користат и денес, додека други поретко и се само белег на одреден период. Карактеристично за ваквите фраземи е што тие тешко може да се најдат во фразеолошките речници. Во продолжение ќе разгледаме како настанале две нови фраземи во македонскиот јазик.

Сваровски судство. Потребата одредени појави или конкретни ситуации во општеството да се именуваат е почетокот на настанувањето на новите фраземи. Тие нови изрази постепено ги прифаќаат и останатите говорители на јазикот и со нивно повторување изразот станува обележје за цела една низа ситуации или состојби како почетниот настан. Со оглед на тоа дека новите фраземи се оние изрази во јазикот што го одразуваат времето во кое живееме, токму преку новите фраземи ја доловуваме состојбата и насоката кон која се движи општеството.

Следната реченица што е извлечена од еден интернет-портал најдобро го објаснува и значењето на фраземата во зародиш:

Пр. 1.: Тешко е со два збора да се даде дефиниција која што прецизно ќе отслика некоја општествена состојба, или состојба на умот. Како на пример Стокхолмски синдром. Или Фројдовска грешка. Или Сизифова работа. и Македонија на светот му даде дефиниција за партизирана и корумпирана правда – Сваровски судство.⁴⁶

Во периодот на последните десетина години во Република Македонија се случуваат многу превирања во политиката. Кога една политичка гарнитура е подолго време на власт се инкорпорира во сите структури на владеењето со земјата и потребна е јака опозиција за да може работите да не излезат од контрола. Во одреден наплив на разни афери за несоодветно, корумпирано и нефункционално политичко управување, настанува изразот *сваровски судство* кој е создаден по еден прислушкуван разговор на судијка со шеф на разузнавачка служба во која таа за своја колешка судијка кажува дека добивала многу подароци – накит од марката „Сваровски“ за возврат да дојде до повисока функција. Оттогаш оваа фраза *сваровски судство* станува синоним за нефункционирањето на правната држава во Македонија.

⁴⁶ <https://sdk.mk/index.php/makedonija/sudijkata-od-bombite-lalichik-se-izzema-od-sudenetona-latas/#more>

Времето ќе покаже дали овој израз ќе заземе цврста позиција во македонскиот фразеолошки свет, но денес е доста актуелен. Политичките превирање не престануваат, а оваа фраза уште сега има неколку модификации и трансформации што е уште еден доказ дека народот е активен во изнаоѓањето на начини да ги именува нештата, состојбите во кои се наоѓа. Ако изразот *сваровски судство* е синоним за корумпираност во судството, се појавува варијанта, за којашто веруваме дека ќе остане само оказионализам, а тоа е *Каџарска судство*, односно презимето на судијката како синоним за стил на водење на судските спорови каде нема објективност и каде се пресудува во интерес на страната на која судијката ѝе наклонета, политички или било како.

Друга варијанта во низата се јавува и *Луј Витон судство* поврзано со еден случај каде парите за подмитување биле ставени во торба од марката „Луј Витон“, случајот сè уште нема разврска, но повторно, времето ќе покаже што ќе се случува со овој израз.

Пр. 2: *Власта разочарана од т.н. „Сваровски судство“, опозицијата од, како тие го нарекуваат сегашното, „Луј Витон судство“. Заеднички именител им е неефикасноста, коруптивноста и подложноста на политичко влијание.*⁴⁷

Одреден слој фраземи настануваат и од изразувањето на политичарите или од јазикот на рекламите. Ако таквата, на почетокот авторска метафора навлезе во општата свест на народот, тогаш од неа станува фразама. Втората нова фразама што ја извлековме од македонските интернет-портали е *разумен компромис*. Тоа е израз на поранешниот претседател на Република Македонија, Ѓорге Иванов, во периодот од пред десетина години со кој требало да ги објасни преговорите со соседната држава околу промената на името на Македонија. Многу дебати и реакции предизвика овој израз во обид да се разбере што сакал да каже. Неговото објаснување било: „...„Тоа е разумен компромис, не можам да ви објаснувам, сфатете го!“ – да ви кажам искрено, уште ми одсвонуваат во ушите инстант легендарните зборови на Претседателот...“ (<https://okno.mk/node/7271>).

Во многу обиди да се разбере што навистина значи овој израз, покрај решение прифатливо за обете страни, се доаѓа до заклучокот дека разумен компромис е: „кога двајца треба да поделат нешто меѓу себе, ама во исто време и двајцата мора да веруваат дека добиле повеќе од другиот.“ [id].

Овој израз што може да функционира како фразама во зародиш бидејќи е навлезен во колективната свест на народот и веќе се употребува и во други контексти што сакаат да го доловат ова значење – да се направи компромис, но да биде разумен, каква контрадикторност!

Неколку години подоцна името на Претседателот е повторно поврзано со оваа фраза во наслов на текст:

⁴⁷ <https://www.slobodenpecat.mk/veting-na-svarovskii-luj-viton-sudstvoto/>

Пр. 3.: *Што може Иванов: Оставката е разумен компромис.*⁴⁸

Неколку години подоцна изразот *разумен компромис* е повторно искористен во контекст на политичките активности на сега актуелниот претседател на Македонија, Стево Пендаровски, како пример извлековме повторно наслов на статија:

Пр. 4.: *Пендаровски ќе бара „разумен компромис“ од Макрон!*⁴⁹

И за овој израз, времето ќе покаже колку ќе опстане и ќе се користи и надвор од новинарските статии.

Анализата на новиот фразеолошки материјал потврдува дека фразеологијата е динамична област од јазикот. Иако нови фразеолошки единици има многу помалку отколку самостојни лексички единици, сепак во рамките на фразеологијата доаѓа до интересни процеси што укажуваат на сите карактеристики на фраземите во целост. Основната карактеристика на фраземите е сликовитоста, а токму преку новите фраземи ги согледуваме предизвиците пред кои стоиме во денешните општествено-политички прилики. Примерите што ги разгледавме отсликуваат реалност која покажува дека имаме уште долг пат да изодиме за нештата да се поправат за да можеме да се надеваме на подобра иднина.

Со оглед на тоа што динамичноста на фразеологијата се огледува и во обликот на бројните варијанти и актуелизации кои настануваат врз основа на постарите фраземи, останува надежта дека ќе се појават нови имиња што фраземите со негативна конотација ќе ги модифицираат во успешни приказни.

⁴⁸ <https://vistinomer.mk/shto-mozhe-ivanov-ostavkata-e-razumen-kompromis/>

⁴⁹ <https://www.slobodenpecat.mk/pendarovski-ke-bara-razumen-kompromis-od-makron/>

**Новое в русской
и славянской фразеологии
в зеркале лексикографии**

НОВОЕ В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ В ЗЕРКАЛЕ ЛЕКСИКОГРАФИИ⁵⁰

Валерий Михайлович Мокиенко
Санкт-Петербург, Россия

Для нас, фразеологов, нет ничего более нового, чем древнее, как мир, мудрое библейское изречение: *Ничто не ново под солнцем*. Ведь уже в Ветхом Завете так пророчески и сказано о фразеологических неологизмах: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и *нет ничего нового под солнцем*. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл 1, 9–10). Во всех европейских языках *гласом велиим*, т.е. ветхозаветным, нас предупреждают:

Nihil novi sub sole (лат.); *Nulla di nuovo sotto la cappa del sole* (ит.); *Il n'y a rien de nouveau sous le soleil* (фр.); *Es gibt nichts Neues unter der Sonne* (нем.); *Ніщо не нове під сонцем* (укр.); *Nic nowego pod słońcem* (польск.); *Nic nového pod sluncem* (чеш.) и т.д.

Итак, следует ли искать новое? Или нужно послушать Священное Писание, констатирующее, что такие поиски бессмысленны?

Не будем торопиться с выводами, ибо наши славянские языки дают достаточно надёжного материала в пользу как первой, так и второй констатации.

Так, существуют неопровержимые доказательства того, что новое под нашим фразеологическим солнцем существует. Более того – такие доказательства не просто аргументируются лингвистическими теориями, но уже облечены Л. И. Степановой и М. Добровой в самую надёжную словарную плоть – в «Словарь русских неологизмов. Slovník ruských neologismů» [СРН 2018].

В самом деле: блуждая по свежим страницам этого новейшего справочника по русской неологике на фоне чешской, невозможно догматично следовать ветхозаветному афоризму. Вслушайтесь, пожалуйста, в благозвучную русскую

⁵⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии».

идиоматику последних десятилетий, выловленную авторами этого словаря из сетевых и медиальных неводо́в современной русской речи:

[полный] абзац, не айс, мозговая атака, запасной аэродром, ночная бабочка, кошмарить бабушку, под балдой, по барабану, белый и пушистый, прошиито в биосе, бляха-муха, бобик сдох, танцевать с бубном, разливать по булькам, богатынький Буратино, Вася Пупкин, забивать гвозди айфоном, незакрытый геиштальт, отрастить дзен, жаба душит, есть кефир вилкой, топтать кнопки, кукурузу охранять, из меха чебурашки, скинуть на мыло, Нигерия в снегу, накрыть поляну, запастись попкорном, разбор полётов, мочить в сортире, отбросить тапочки, средняя температура по больнице, искать пятый угол в круглой комнате, просечь фишку, зелёные человечки, быть в шоколаде, наивный чукотский юноша, по ящику и др.

Согласитесь: вряд ли кто будет возражать, что все эти выражения новые. Новые, хотя и пришедшие в русский язык из разных источников. На первый взгляд, доказательств их новизны не требуется. Но лингвистам мало «бездоказательного доказательства» с первого взгляда. Профессиональный лингвист, обозревая предложенный мною список фразеологических неологизмов, тут же засыплет нас вполне логичными скептическими вопросами:

- А что такое новые слова и фразеологизмы?
- А с какого хронологического рубежа вы начинаете их описание?
- А почему именно за 20–30–40 лет, а не за последнюю пятилетку?
- А не описываете ли вы варианты уже давно известных слов и фразеологизмов, выдавая их за неологизм?
- А не окказионализмы ли или индивидуально созданные словосочетания и есть те языковые единицы, которые вы считаете неологизмами? ...

Лингвисты разных стран по-разному отвечают на эти вопросы, ибо традиции подхода к неологике вообще и к фразеологической неологике в частности во многом отличаются даже в славянском фразеологическом мире [Frazeologia 2008]. Недавно, на конференции в Гомеле, я попытался ответить на эти вопросы, вооружившись как собственным опытом исследования славянской фразеологической неологике [Мокиенко 2000, 2001, 2002, 2003], так и достаточно чётким определением термина неологизма представителями русской академической неографии [Мокиенко 2019]. Они справедливо следуют за дефиницией Н. З. Котеловой и авторами академических выпусков ежегодников «Новые слова и значения» и основанных на них «десятилетников»: «*Неологизмы* – слова, значения слов или сочетания слов, появившиеся в определённый период в каком-либо языке или использованные один раз (окказионализмы) в каком-либо тексте или акте речи. Принадлежность слов к неологизмам (напр., *приватизация, чёрный ящик, луноход*) является свойством относительным и историчным» [РЯ/Э 1997: 262–263].

Это определение кажется диалектичным и допускает широкие интерпретации термина *неологизм* и в хронологическом плане (слова, «появившиеся в определённый период в каком-либо языке») и в функциональном («использованные один раз в каком-либо тексте или акте речи»). Не случайно оговаривается и относительность, и историческая обусловленность понятия *неологизм*. Практически же авторы академических словарей неологистики исходили, начиная с 60-х гг. прошлого века, из прагматического принципа: всё, что не регистрировалось академическими и толковыми нормативными словарями, интерпретировалось и описывалось как *неологика*.

Этот принцип был удобен и достаточно чётко до конца «лихих 90-х», когда в русский литературный язык массово хлынули жаргонизмы, разговорно-просторечная лексика и фразеология и заимствования. Вот почему словарь неологистики этого десятилетия насчитывает более 4000 языковых единиц и вмещается в 3 внушительных тома [ср. Мокиенко 2016а].

Принимая такую дефиницию, следует, пожалуй, внести в неё **хронологическую коррекцию**. Ведь первые академические словари русской неологистики появились в советскую эпоху, когда каждое слово, написанное писателями или журналистами, просеивалось сквозь фильтры «правильности и культуры речи» и подвергалось известным цензурным ограничениям. Вот почему в толковые словари русского языка не попадали многие слова и выражения, реально бытовавшие в русской разговорной речи, а тем более – в просторечии, жаргоне и диалектах. Отсюда – известные дискуссии по поводу того, действительно ли такие, давно известные, языковые единицы являются новыми лишь потому, что они были отсеяны составителями академических словарей, строго придерживающимися литературной нормы?

Так, например, в академические словари русской неологистики 50–80 гг. прошлого века составители включили грубо-просторечный оборот *разинуть варежку* ‘открыть рот (от изумления, испуга, негодования и т.д.)’, сопроводив его комментарием: «В народной речи *открыть варежку* – ‘стать невнимательным, зазеваться’» [СНС 50–80: 118; НРЛ-80: 36]. В соответствии с принятой ими концепцией неологистики этот фразеологизм был отнесён к новым на том основании, что его в это время впервые употребили писатели и журналисты:

В антракте заметила парня... Подошла к нему и вежливо говорит: «Мужчина, извините, обращаюсь к вам, но к этому вынуждают чрезвычайные обстоятельства, короче, подперло». Парень сначала *открыл варежку* и никак захлопнуть не может. А потом в себя пришёл (С. Родионов, Допрос).

Мать, кажется, я наткнулся на что-то новое. Наш старик начальник *разинет варежку* (С. Высоцкий, Среда обитания).

Выражение хотя и квалифицируется современными словарями как неологизм, но на самом деле давно уже известно русским говорам: костром. *от-*

крыть варежку; открывать/ открыть (раскрывать/ раскрыть, разевать/ разинуть) варежку ‘начинать говорить, кричать’ [СРНГ 33: 338]; костром., яросл. *разинуть варегу*; вят. *пялить варегу*; влад. *заткнуть варегу, варежку распушить*; арх. *во всю варежку кричать*. Слова *варежка, варега* здесь омонимичны лексемам, обозначающим предмет зимней одежды, и связаны с древним обозначением рта и губ: праслав. **varga* ‘нарост, опухоль’, ‘вздутие’. Ср. укр. *варга, ворга* ‘губа’, ‘подбородок, борода’, укр. диал. *варги* ‘губы’, ‘грибы’, пол. *warge* ‘губа’, словацк. *varga* ‘морда (коровы, коня)’, с.-х. *vrganu*, словен. *vrganu*, венг. *vargánua* ‘гриб’, исланд. *vör* ‘губы’, фарерск. *vørr* ‘губы’. Фразеологизм образован по очень активной модели, характеризующей начало говорения или умолкание в живой речи: *разевать рот, заткнуть рот*, перм. *драть (открыть, отворить) ад*, брян. *жерело открыть*, новг. *разинуть ляму* и т. п. Таким образом, в основе выражения лежит диалектное слово *варежка, варега* ‘рот’. Вытесненное из активного речевого обихода более употребительным словом *варежка* ‘предмет зимней одежды’, это слово в составе фразеологизма выглядит алогизмом и потому кажется особо экспрессивным и оригинальным [Мокиенко 1998: 85–92]. Позднейшие диалектные и жаргонные варианты этого выражения подтверждают предложенную этимологию [СРФ/ИЭС 1998: 67].

Такого рода примеры (а их в современной неографии и общей лексикографии немало) вынуждают нас уточнять хронологически рамки тех фразеологизмов, которые следует квалифицировать как неологизмы. Такая задача встала перед нами при составлении «Словаря русских фразеологических неологизмов (80-е гг. XX в. – 2020-г. XXI в.)» в рамках научного проекта РФФИ № 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии». Естественно, мы учитываем при его составлении опыт лексикографирования отечественной неологистики и более раннего периода (он отражен «десятилетниками» 50–60-х и 70-х гг.). Но тем не менее, прежде всего 80-е годы стали хронологической вехой нашего словаря, ибо именно в этот период русский язык исподволь начал отражать тенденции, приведшие к перестройке и постперестроечному периоду в русском обществе. Конечно, можно было бы «поднять планку» хронологии такого описания ещё выше – например, с начала 90-х годов, однако тогда мы бы упустили важные имплицитные языковые процессы, приведшие к качественному изменению русского словарного состава и фразеологии.

Эту планку, между прочим, подняли наши оломоуцкие коллеги, Л. И. Степанова и М. С. Доброва, сосредоточив внимание прежде всего на «лавинообразной неологизации рубежа XX–XXI веков», т. е. русскую новую лексику и фразеологию 1991–2018 годов [СРН 2018: 3]. Это объясняется адресатом словаря – авторы представляют русскую неологистику чешским филологам, нередко оторванным от живой русской речи последних десятилетий. Тем не менее, внимательно вглядываясь во фразеологический словник этого оригинального словаря, составленного Л. И. Степановой и М. Добровой, мы обнаружим в нём

гораздо более раннюю хронологическую «дальнобойность», чем ими заявлено. Вот конкретные фиксации названных выше фразеологизмов из неологических словарей их предшественников и также включаемые в наш словарь:

ПОЛНЫЙ АБЗАЦ. *Жрр.* 1. О чём-л. очень хорошем, высшего качества, красивом, вызывающем восхищение. 2. Ирон. О чём-л., вызывающем крайнее недоумение, удивление. МН; НРЛ-88: 269.

Жизнь нынешняя – полный блеск. Full pizazz. *Полный абзац!* Самый страшный вывод нынешнего столетия – мысль о том, что человечество смертно. А. Вознесенский. На виртуальном ветру (НКРЯ).

МОЗГОВАЯ АТАКА. *Публ.* Об интенсивном коллективном обдумывании, обсуждении какой-л. проблемы как способе поиска и принятия оптимальных решений. < Калька с англ. *brain storming*. НРЛ-78: 126; НСЗ-80: 474; СНС 50–80.

НОЧНАЯ БАБОЧКА. *Публ. Актуализ.* О проститутке. < Выражение употреблялось уже в середине XIX в., напр., в романе В. Крестовского «Петербургские трущобы» (1864–1866): «аляповато одетая девица из породы ночных бабочек», но его употребление актуализировалось. НСЗ-80, 545; СПРЯ-04, 11.

БЛЯХА-МУХА. *Пск. Бран. Эвфем.* Выражение досады, недовольства, разочарования. ПОС 2: 53 (Выпуск словаря датируется 1973 годом).

ВЕРТЕТЬ (КРУТИТЬ, ВЕРТАНУТЬ, КРУТАНУТЬ) ДИНАМО. *Жарг.* 1. Делать (сделать) какое-то выгодное дело на основе обмана, мошенничества, жульничества. В Петроградском районе двое мошенников, пообещав простодушным девушкам джинсы и взяв у них 400 рублей, скрылись. – Это у них называется «крутанули динамо», – усмехается Андрушевич (Ленинградская правда, 6.9.1980).

Последний оборот, отражённый русскими словарями неологички 80-х гг., кстати, в жаргонных источниках зафиксирован в 5 значениях уже с послевоенного периода [БСРЖ 2000: 159].

Я привожу эти примеры более ранней «дальнобойности», чем заявлено Л. И. Степановой и М. Добровой, не в укор составителям, а в подтверждение обоснованности той хронологической «планки», которую мы выбрали для своего словаря. Они ещё раз убедительно свидетельствуют о «переходимости» хронологических границ неологизмов – в том числе и фразеологических. И здесь принцип полноты лексикографического описания, сформулированный в своё время Б. А. Лариным [Мокиенко 1999], заставляет нас избрать словарный максимум, а не дифференциальный минимум. Зеркало новой русской фразеологии – как и любой европейской – хронологически многомерно, и мы с нашими соавторами и коллегами стараемся в нём увидеть не только наше недавнее фразеологическое прошлое, но и (надеюсь, счастливое) неологическое Будущее. Неологическое Будущее под ветхозаветным и вечным солнцем.

НОВА ФРАЗЕОЛОГИЯ В БЪЛГАРСКИЯ ЕЗИК⁵¹

Диана Георгиева Благоева
София, България

Основен фактор за обогатяването на фразеологичния фонд на българския език в съвременния период е комуникативно-прагматичната необходимост от обновяване на езиковите средства, чрез които се извършва експресивно-оценъчно (пре)назоваване на нови или придобили актуалност явления от динамично променящия се и глобализиращ се свят. Комуникативните сфери, в които най-широко се пораждаат и функционират нови фразеологизми от началото на 21. век насам, са разговорната реч, медийният и политическият дискурс [Кювлиева 2005; Георгиева 2011а, 2011б]. Езикът на медиите е не само източник за популяризиране и установяване в по-широката речева практика на неофразеологизми с разговорен или жаргонен характер, но и генератор на нова фразеология, главно на експресивно-конотативни устойчиви съчетания, отразяващи актуални явления от различни сфери на обществения живот (*дебели вратове, данъчна секира, депутатски кюфтета, къщи за тъщи*). Медийното дискурсивно пространство е посредник за разпространяването и налагането на редица нови фразеологични единици, възникнали (на домашна почва или чрез калкиране от други езици) в политическата реч (*гласувам с краката си, наказателен вот, политически труп, политическа метла*). Рекламата като вид медиатекст също е продуктивна област за пораждаване на фразеологични иновации (*на една ръка разстояние, вдигам самолета*) [Бонджолова 2015: 168].

Известна роля за разширяването на състава на общоупотребимата фразеология в българския език има също вътрешното заемане. Източник на нова фразеология е най-вече младежкият жаргон, откъдето водят началото си някои подчертано експресивни нови фразеологизми, разпространили употребата

⁵¹ Публикацията е част от изпълнението на Националната научна програма «Културно-историческо наследство, национална памет и обществено развитие», финансирана от Министерството на образованието и науката на Република България.

си и в разговорната реч, като *цепя мрака* <с *фенерче*> и *къртия мивки* ‘предизвиквам смайване, учудване с някаква своя (обикн. глупава, странна) проява’, *вертикална локва* ‘човек без цели и мечти’ др. «Донор» на нова фразеология, макар и в много по-ограничена степен, е също така криминалното арго (*изтича му пясъкът* ‘време е някой да бъде ликвидиран, убит’, *пускам завесата* ‘скривам се след престъпление или неподходящо действие’) [Армянов 2011].

Разширяването и обогатяването на фразеологичния фонд протича не само чрез фразеобразуване на домашна почва, но и чрез трансфер на фразеологични единици от други езици. Това става преди всичко по пътя на калкирането. В разглеждания период нови фразеологични калки и полукалки навлизат най-вече от английски (в неговия американски вариант): *подреждаме си къщичката* ‘въвежда се ред в някаква област’ (от англ. *put one's house in order*), *перфектната буря* ‘поредица от събития, които довеждат до сериозни сътресения в някаква област’ (от англ. *the perfect storm*), *имам пеперуди в стомаха* ‘изпитвам приятно вълнение, възбуда обикн. поради любовно увлечение’ (от англ. *have butterflies in your stomach*), *дигитален (цифров) номад* ‘човек, който живее и пътува далеч от мястото, където работи, като изпълнява служебните си задължения отдалечено, с помощта на съвременните телекомуникационни технологии’ (от англ. *digital nomad*) и др.

Неофразеологизацията в съвременния български език се основава на следните езикови механизми:

Фразеологизиране на свободни словосъчетания. Този механизъм, определян като репродуктивен или копирен, се свежда до преосмислянето на съществуващ в езика прототипен израз с конкретно значение, който не е експресивно или оценъчно маркиран, като залегналият в основата на свободното съчетание образ се активира с нова, експресивна комплексна семантика [Калдиева-Захариева 2013: 61]. Чрез семантичен пренос на прототипно свободно словосъчетание възникват например следните нови фразеологизми: *обръщам палачинката* ‘променям някакво положение, състояние’, *избивам (изтрепвам) рибата* ‘смайвам, удивлявам с някакво свое действие или постъпка’, *клатя стола на някого* ‘застрашавам служебното положение на някого’, *врътвам кранчето* ‘спирам финансирането’, *слагам във фризера* ‘преустановявам за известно време някаква дейност’, *зареждам акумулаторите* ‘възстановявам физическите и психическите си сили’, *изваждам на тезгяха* ‘предлагам за публична продажба, приватизация’, *развъртявам метлата* ‘извършвам уволнение на кадри по политически причини’. Преносът се извършва най-често по пътя на метафоризацията. Активират се метафори от сферата на **спорта** (*прехвърлям топката, разигравам топката, тупам топката*), **медицината** (*от една кръвна група сме* ‘имаме еднакви възгледи, интереси’), **технологиите** (*препълва ми се харддискът* ‘затормозявам се от много информация и задачи’) и др. В по-редки случаи се наблюдава метонимичен пренос: *скъсвам джоба* ‘обеднявам’.

Фразеологизиране на терминологични съчетания. Нови фразеологични единици възникват също чрез метафорично или метонимично преосмисляне на многосъставни термини. Този процес се основава върху деспециализация и детерминологизация на съответните термини и преминава през няколко етапа: употреба на прототипното терминологично съчетание в нетипичен контекст, преосмисляне и развитие на ново преносно значение, закрепване на новото фразеологично значение в езиковата система, възможни стилистични промени [Никулина 2004].

В съвременния период основни източници за фразеологизиране на терминологични съчетания в българския език са следните специални сфери: **спорт** (*финална права* с ново фразеологично значение 'завършек, край на някакво събитие, явление', *лятящ старт* 'започване на някаква дейност, работа с възможности за бързо навлизане в нея и напредък поради определени предварителни преимущества', *къса <резервна> скамейка* 'недостатъчен брой квалифицирани специалисти, подходящи за определена важна функция или за заемане на важен пост', *дълга <резервна> скамейка* 'достатъчен брой квалифицирани специалисти, подходящи за определена важна функция или за заемане на важен пост'), **медицина** (*шокова терапия* 'радикални реформи, насочени към бързо излизане от кризисна ситуация'), **химия** (*<цялата> Менделеева таблица* 'съвкупност от химически вещества и съединения, намиращи се някъде в голямо количество'), **компютърни технологии** (*бета версия* 'копие, повторение на някакъв оригинал') и др.

Фразеологизиране на прецедентни феномени. В разглеждания период основа за образуване на нови фразеологизми стават рекламни слогани, оригинални изрази на съвременни публични личности, в по-ограничена степен също заглавия на литературни произведения и филми. Необходима предпоставка за фразеологизирането на такива прототипи е те да са добили широка популярност и да са многократно възпроизвеждани като цитати в речевата практика.

В резултат от популяризирането на атрактивни и запомнящи се рекламни текстове и визуални елементи възникват и се разпространят в речта експресивни изрази, които проявяват устойчивост и повече или по-малко трайно навлизат в неофразеологичното пространство на езика. Тенденции за установяване показват и следните нови фразеологизми, произлизащите от рекламни образи и слогани: *вдигам самолета*, *простата ми алармира*, *и един мармот завива шоколад*, *пресъхнал ми е кладенецът* и др. В по-редки случаи рекламните текстове мотивират възникването и на фразеосхеми като *ето това ... чаках* [Бонджолова 2015: 167].

Фразеологизират се също цитати от изказвания на известни личности от съвременното българско общество – политици, журналисти, спортни дейци и др. Като пример може да се посочат добилите популярност през последните години фрази: *духам супата*, *сменям си чипа*, *постна пица*, *добре облечени*

бизнесмени и пр. Всяка една от тях вече е надхвърлила рамките на идиолектното и оказионалното и показва (в различна степен) устойчивост и възпроизводимост в речта.

В съвременния период фразеологизирането на прецедентни феномени като библионими и филмоними е рядкост в българския език. За потенциална фразеологизация може да се говори при израза *дебна отвсякъде*, свързан със заглавието на игралния филм «Светът е голям и спасение дебне отвсякъде» (2008 г.) с режисьор Стефан Командарев, създаден по едноименния роман (2007 г.) на Илия Троянов. В езика на медиите това заглавие често бива възпроизвеждано като цитат и става обект на езикова игра чрез разнообразни формални трансформации [Парзулова 2015]. По пътя на аналогията в ролята на субект при глагола в съчетанието *дебна отвсякъде* все по-често биват употребявани положително конотирани съществителни имена като *щастие*, *успехът*, *любовта*, *чудеса*, *въдъхновение*, *откровение*, *бонуси*, *празници*, *забавления*. Разширяването на подобни нетипични употреби е предпоставка за възможното постепенно утвърждаване на ново метафорично значение на разглеждания израз.

Самостоятелно фразеологизиране. При самостоятелното конструиране на нови фразеологизми се създава оригинален израз с комплексно, фразеологично значение, без опора върху съществуващ в езика прототип [Калдиева-Захариева 2013: 61]. Експресията се поражда от необичайността и изразителността на образа, който изгражда вътрешната форма на фразеологизма, и се постига чрез различни похвати: метафора (*звездна болест* ‘поведение на известна личност с нереално високо самомнение’), парадокс (*изправям на нокти някого* ‘силно изнервям или ядосвам някого’, *ще видя нещо през крив макарон* (ирон.) ‘никога няма да видя или да постигна нещо’, *махам си главата* (жарг.) ‘препивам с алкохол’, хипербола (*на една боя разстояние* ‘при разминаване на превозни средства – в много голяма близост’) и др. С подчертана експресия се отличават неофразеологизмите, в чийто лексикален състав присъства дума, специално създадена за конструиране на фразеологичния израз. Такива са фразеологичните единици *чупя тъпомера* (*глупомера*) ‘проявявам много голяма глупост, тъпота’, *счувам кифломера* ‘имам прекалено повърхностно и претенциозно поведение’, в структурата на които присъстват съответно квазинеологизмите *тъпомер*, *глупомер*, *кифломер*.

Семантична неофразеологизация. В съвременния период семантичен развой при фразеологични единици от утвърдения речников състав се наблюдава относително рядко. Като пример може да се посочи нововъзникналото значение ‘наркотик (кокаин или хероин)’ при познатия фразеологизъм *бяла смърт* с първоначално значение ‘смърт, причинена от замръзване’.

Фразеологична деривация. Някои нововъзникнали фразеологизми стават основа за образуване на други фразеологични единици чрез различни фразеограматически и структурни трансформации. Така например на базата

на глаголните неофразеологизми *пера пари* и *промивам мозъци* в български възникват съответно именните фразеологизми *перач на пари*, *пералня за пари*; *промивач на мозъци* [Благоева 2008: 152].

Вариране на фразеологични единици от утвърдения речников състав. Периферно явление в неофразеологизацията е структурното трансформиране на съществуващи фразеологизми, в резултат на което възникват нови фразеологични варианти. Така например чрез замяна на лексикален елемент в състава на утвърдена фразеологична единица са образувани следните нови фразеологични варианти: *удрям (уцелвам) бингото* ‘сполучвам, успявам в нещо’ от *удрям (уцелвам) шестцица* <от *тотото*>.

Част от неофразеологизмите възникват за оценъчно назоваване на (сравнително) нови за съответното общество явления и ситуации, като в повечето случаи изразяваната оценъчност е с негативен знак [Кювлиева 2005]. Други от нововъзникналите фразеологизми изразяват добре позната в езика семантика, но с активиране на по-различни, оригинални, необичайни образи. По този начин се разнообразяват експресивно-оценъчните езикови средства и се разширява фразеологичната синонимия или фразеологичното вариране в езика. Така например новонавлезлият израз *офисен планктон* ‘персонал, изпълняващ стандартни, нетворчески функции’ (калка от английски) актуализира значението на познатото устойчиво съчетание *канцеларски плъх* чрез нова, свежа образност. Срв. също *слагам си ципа на устата* ‘мълча, не говоря за нещо’ (наред с познатите синоними *затварям си (зашивам си, стискам си, събирам си, свивам си) устата*).

Създаването на нова фразеология е резултат от лингвокреативната дейност на езиковата общност и отразява свойственото за тази общност световъзприемане на явленията и реалиите от съвременния свят.

ЧЕШСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ НЕОЛОГИЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ: ОТ СЛОВАРЯ К ТЕКСТУ

Людмила Ивановна Даниленко

Киев, Украина

В 1998 г. и 2004 г. чешская лексикография пополнилась двумя словарями неологизмов, которые на сегодняшний день являются важными лингвистическими источниками, позволяющими оценить развитие чешского языка двадцать лет спустя. Львиную долю в этих книгах занимала лексика. Разумеется, именно в лексике неологические явления проявляются наиболее динамично, являясь основным источником пополнения и развития словарного фонда языка. В этом смысле фразеология лексике уступает, поскольку она – прежде всего продукт речевого творчества, который сложно поддается фиксации. Тем не менее в названных словарях содержалось немало нового фразеологического материала. Цель нашего исследования заключалась в том, чтобы проанализировать динамику развития новой фразеологии: какие из этих единиц в современном чешском языке получили статус активных фразеологизмов, а какие остались в маргинальной зоне и почему. Важно отметить, что сделать правильный и точный вывод относительно узуализации того или иного фразеологизма сложно, поскольку закономерности, согласно которым язык отбирает во фразеологический фонд новые единицы (равно как и актуализирует старые), пока еще недостаточно изучены. Поэтому в основу нашего исследования была положена информация статистического характера. Методом сплошной выборки из словарей неологизмов был составлен список 112 новых фразеологических единиц, которые распределились по четырем тематическим группам: политика (*přátelé starých pořádků, převlékání kabátů, dvoukariérové manželství, sarajevský atentát, bílé přilby, cesta/ návrat do Evropy*); экономика (*bílé zboží, dlouhé peníze, prát/vyprat/ propírat špinavé peníze, neviditelná ruka trhu*); социальная сфера (*být moje/tvoje krevní skupina, na klíč, únik mozků, světlo na konci tunelu, dívat se na někoho/něco brýlemi něčeho, hodit někomu lano*); спорт (*být na něčí straně hřiště, gól do šatny, gól do vlastní branky, červená karta*) и др.

Деривационной базой для фразеологических неологизмов послужили как внутренние семантические и грамматические ресурсы чешского языка, так и заимствования в форме калек и полукалек.

Рассмотрение семантики новых фразеологизмов, чешских по своему происхождению, связано с выявлением того образа, который лежит в основе значения новой идиомы, служит мотивирующим основанием значения фразеологизма. Примерами таких единиц, семантика которых отсылает к историческим и национально-культурным реалиям, служат выражения *hra na chytrou horákyni*, *rodinné stříbro*, *rodinné zlato*, *restituční tečka*, *sarajevský atentát*, *listopadová/ něžná/ plyšová/ sametová revoluce*, *být to právě sametové*.

Довольно большую группу составляют единицы, являющиеся результатом семантической неологизации, в частности, за счет терминологических сочетаний: *červená karta* 'выражение недоверия', *žlutá karta* 'сигнал предупреждения', *míč je na něčí straně (hřiště)* 'подошла чья-либо очередь действовать', *měnit/ převléknout dres* 'менять/ поменять политическую силу, убеждения', *běh na dlouhou trať*, *běh na delší trať* 'бесконечная тяжелая деятельность, требующая выносливости', *mít svou latku* 'иметь свою мерку к кому, чему-либо', *každý (jede) po svém prkně* 'отвечать сам за себя, действовать в своих интересах' – выражения, пополнившие современную политическую риторику из области спорта (футбола, легкой атлетики, серфинга и пр.), *nosič vody* 'исполнитель каждодневной рутинной работы'. Такие семантические неологизмы, в отличие от неологизмов-новообразований, представляют собой «внутренние заимствования» – результат миграции языковых средств из одних сфер языка в другие.

Традиционным способом освоения иноязычных фразеологизмов чешским языком являются кальки и полукальки, главным образом из английского языка: *praní špinavých peněz* < money laundering, *balík akcií* 'пакет акций' < block of shares, *balík zákonů* 'пакет законов' < англ. package deal, *být in* < to be in 'быть модным', *být out* < to be out 'быть немодным, вне тренда', *být cool* < to be cool 'быть современным, разг. крутым', *být můj/ tvůj šálek čaje* < one's cup of tea 'быть приятным для кого-то, соответствовать взглядам, привычкам'.

Некоторые примеры показывают, что фразеологический неологизм можно лишь условно назвать новым образованием, поскольку его появление в языке – результат трансформации оборота одного грамматического типа в другой, ср.: (*mušet*) *utáhnout si/ utahovat si opasek/ řemen/ pásek* [SČFI/VV1 2009: 596] < *utahování opasků* 'затягивание ремней', *házet/ přehazovat něco jako horký brambor* [SČFI/P 1983: 51] < *horký brambor* 'горячая, сложная проблема'. В этом смысле фразеологические неологизмы можно считать фразеологией словарных инвариантов.

Чтобы определить степень употребительности новых фразеологизмов в современном чешском языке, мы обратились к двум корпусам Чешского национального корпуса: syn2000 и syn2015. Именно эти два корпуса были избраны для сравнения по нескольким причинам. Во-первых, они одинаковы по

количеству письменных текстов – 100 миллионов текстовых слов и включают одинаково репрезентативные письменные тексты – беллетристику, публицистику, специальную литературу. Во-вторых, корпус syn2000, первый синхронный корпус чешского языка, охватил письменные тексты с 1990 по 1999 годы, а syn2015 – соответственно 2010–2014 гг., причем не повторяя тексты предыдущих лет. Шкала оценки новизны и актуальности фразеологических неологизмов основана, таким образом, на темпоральной характеристике.

Результаты нашего анализа свидетельствуют о том, что произвольно выделенные тридцать фразеологических неологизмов по параметру употребительности расположились в такой последовательности:

být v pohodě, třešinka/ třešnička na dortu, na zelené louce, být cool, být můj/ tvůj šálek čaje/ kávy, být ořezávátko, dělat/ hrát mrtvého brouka, utahování opasků, obchod s bílým masem, mít někoho na lopatě, horký brambor, návrat do Evropy, oc(i)tnout se v hledáčku někoho/něčeho, hlídací pes demokracie, dělat vlny, být ve vatě, mít drajv, pěna dní, syndrom prázdného hnízda, převlékač kabátů, cesta do Evropy, sarajevský atentát, mít svou laťku, jízdní řád, utržené sluchátko, utřít si nos židlí, hra na chytrou horákyňi, jet po svém prkně, zadupávat (něco) do koberce, gól do vlastní branky.

Как можно судить из приведенного списка, частота употребления нового фразеологизма зависит от его социальной направленности. Безусловным подтверждением этого тезиса служит первое выражение *být v pohodě* ‘быть в полном порядке, без проблем’. Слово *pohoda* от обозначений погодных явлений в древнечешском языке до номинации общего позитивного физического и душевного состояния, состояния комфорта, удовольствия, спокойствия и счастья в современном языке нарастило такие масштабные семантико-стилистические коннотации, что приобрело статус ключевого концепта в чешской лингвокультуре [подробнее см. Даниленко 2019: 262–281]. Трудно себе представить любую социальную реалию – коллективную или индивидуальную, – которая бы не рекламировала, не желала или не культивировала то, что называют словом *pohoda*. Это и *čajovna V pohodě, penzion V pohodě, důchodci v pohodě, hlídání dětí v pohodě, dieta v pohodě, škola v pohodě, angličtina v pohodě, zahrada v pohodě, Certifikát POHODA; Relaxujte v pohodě po celý den* и т. п.

Новые устойчивые выражения с компонентом *pohoda* впервые были зафиксированы в словаре новых слов и значений «Co v slovníčích nenajdete» (1994): *být v pohodě, je to v pohodě, zvládnout něco v pohodě* в значении ‘быть спокойным, быть в порядке, осуществить что-либо при благоприятных обстоятельствах’ [Sochová, Poštolková 1994: 133]. Здесь же имеется и новый дериват *pohodový* ‘спокойный, уравновешенный, удобный, беззаботный, легкий, приятный, комфортный, неспешный, неторопливый’ (прежде для выражения оттенков этого же значения в чешском языке использовали слово *pohodlný*): *pohodový život, pohodová hudba, pohodové lidé*. Продолжая развивать свой деривационный по-

тенциал, слово *pohoda* образовало новые слова: *pohodář*, *pohodářka*, *pohodářský*, *pohodovka*, *pohodička*, *pohodník*, *pohodlnický*, *pohodlnictví*, *pohodovost* и др. Если корпус syn2000 фиксирует 431 употреблений фразеологизма *být v pohodě*, то syn2015 – 2 431, и это самый частотный показатель в нашем списке. К этому следует добавить, что в корпусах разговорной речи практически отсутствуют фразеологические неологизмы, зато выражение *být v pohodě* наращивает свою употребительность: корпус Oral 2006 имеет 272 контекста, Oral v1 (версия 2017 г.) – 1544 контекста. Таким образом, лексико-фразеологические средства отразили «факт высокого прагматического рейтинга» [Вальтер, Мокиенко 2005а: 6] понятия *pohoda* в чешском обществе. Подтверждением этого суждения служат слова чешского автора: «Češi milují pohodu. <...> Dovedou být velmi loajální, zavázaní a dokonce i hluboce oddaní své pohodě. Každý, kdo by od nich žádal loajalitu, by jim nejprve musel zaručit pohodu» [Kuras 1999: 19] (Чехи любят покой <...> Они умеют быть очень лояльными, обязанными и даже глубоко преданными своему покою. Каждый, кто желал бы от них лояльности, прежде всего должен им гарантировать покой).

Высокий неологический потенциал реализовал фразеологизм *třešinka/ třešnička na dortu*. Его появление в чешской публицистике относят ко второй половине 90-х годов XX в., авторство приписывают президенту В. Клаусу [Just 2003: 175], ср. *klausovská třešinka na dortu* [Martincová 1998: 311], хотя не исключено влияние английского языка *cherry on the cake* [SČFI/ VV 2009: 912]. Приведем один из примеров: «... Bral jsem jako možnost vyzkoušet vůz představující onu třešničku na dortu, kterou ochutnáte nebo vychutnáte, ale víte, že není pro vás běžnou stravou» [syn2000]. Важно отметить, что образ черешни как символа изобильной жизни, чего-то особенного и исключительного не был вполне новым для чешской лингвокультуры. Так, сборник Фр. Л. Челаковского приводит чешскую поговорку *S velikými pány není dobře třešni jísti* [Čelakovský 1949: 393], ср. поговорку с противоположным значением *S pány třešně jídat* «дружить с богатыми» [SS]Č III: 313].

Современное образное выражение *třešinka/ třešnička na dortu* можно считать семантическим вариантом словарной единицы *vybrat/ vybírat z něčeho rozinky/ hrozinky* ‘получить самое лучшее’ [SČFI/VS2 1994: 31]. Изюминка как мотивирующий образ фразеологизмов известен, в частности, и восточнославянским языкам: укр. *бути родзинкою чогось*, рус. *придавать/ придать изюминку чему-то*, который по одной из версий происходит из поговорки *He дорог квас, дорога изюминка в квас* [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 270]. Менее частотным для чешского языка является вариант *šlehačka na dortu* (корпус syn2000 фиксирует 13 единиц, корпус syn2015 – 8), ср. рус. *снимать сливки с чего-либо*.

Позитивную динамику в современном чешском языке проявили заимствования из английского языка *být můj/ tvůj šálek čaje/ kávy* и *být cool*. Первое выражение сначала вошло в употребление с типично английским компонентом

tea ‘чай’. Его использование стремительно набирало такие темпы, что потребовалось специальное разъяснение значения в популярной радиопередаче «Slovo nad zlato» («Слово дороже золота»): «Angličané říkají “*To není můj šálek čaje*” a myslí tím “*To není obor, kterému se věnuji a kterému rozumím*”» (Англичане говорят “*To není můj šálek čaje*” и понимают это, как «Это не та область, которой я занимаюсь и в которой разбираюсь»). Со временем пользователи чешского языка заменили компонент *čaj* на более распространенную в чешском быту реалию *káva* ‘кофе’: корпус syn2015 содержит в 8 раз больше контекстов, чем корпус syn2000, причем данный фразеологизм уже приобрел и рекламный статус, ср. *Nejlepší café bar/kavárna: Můj šálek kávy, Praha 8* [syn2015]. Второе неологическое заимствование – *být cool* – в современном языке активно употребляется не только в письменной речи, напр.: «*Ona byla tím, kdo riskuje, kdo je cool, kdo je okouzlující*» [syn2015], но и в устной речи, ср.: «...to víš dyby byl skipas zadarmo tak by to bylo cool ale tam bude strašně narváno» [Oral v1].

Исследование показало, что актуальность некоторых новых фразеологизмов органичена временными рамками. В конце 90-х лет, когда Чехия готовилась вступить в ЕС, фразеологизм *cesta do Evropy* ‘дорога в Европу’ был довольно востребованым: в корпусе syn2000 он представлен 45 контекстами, а в корпусе syn2015 – лишь тремя контекстами (напр., «*Po listopadu 1989 se u nás zrodil slogan o «cestě do Evropy» a ta cesta nebyla představována jako jednoduchá procházka*» [syn2015]). То же самое можно говорить о фразеологизме *návrat do Evropy* ‘возвращение в Европу’: соответственно 42 и 14 контекстов. Или *sarajevský atentát*. Его первичное значение было мотивировано историческими событиями начала XX в.: покушением на австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда, которое привело к началу первой мировой войны. Возрождению в современной чешской публицистике способствовала деятельность президента Вацлава Клауса, которому во время пребывания с государственным визитом в Сараево в ноябре 1997 г. были предъявлены обвинения в незаконном спонсировании его политической силы (ODS). Употребление этого фразеологизма в большинстве случаев оформлено кавычками, напр.: «*Výraz «sarajevský atentát» sice po pádu vlády v roce 1997 vymysleli novináři, ale Klaus si jej osvojil a hojně používal. Jan Ruml a Ivan Pilip tak dostali v ODS nálepku pučistů*» [syn2015]. Отдаляясь от данного исторического события, свою коммуникативную ценность терял и фразеологизм *sarajevský atentát*: в корпусе syn2000 находим 13 примеров употребления, а в корпусе syn2015 – всего лишь три. Такие «частотные качели» могут означать, что выражения *cesta do Evropy*, *návrat do Evropy*, *sarajevský atentát*, *hlídací pes demokracie* и т. п. являются хронологическими маркерами и постепенно переходят в архив исторических текстов, поскольку не характеризуют общество по признаку актуального настоящего.

Среди новых фразеологизмов, зафиксированных в словаре неологизмов, интересную трансформацию отмечаем у выражения *hra na chytrou horákyni* ‘неоднозначная позиция при осуществлении политики’. Данное выражение

возникло как аллюзия на сказку классика чешской литературы XIX в. Б. Немцовой «О хитрой горянке» (O chytré horákyni), ср.: «Tady není místo pro *hru na chytrou horákyni*, která přijede – nepřijede, oděná – neoděná, s darem – bez daru» (Lidové noviny, 1993). До 2015 г. широкого распространения это выражение не получило, однако семантическое качество образа хитрой горянки было реализовано во фразеологическом варианте *úkol pro chytrou horákyni*, ср.: «Zadání proto vypadalo jako *úkol pro chytrou horákyni*. Dát zemím, směřujícím k demokracii garance, že nezůstanou bez spojenců (přitom je nevztít za členy) a současně dát jejich někdejšímu patronovi záruky, že nejde o spiknutí proti němu tedy záruky – nezáruky pro společenství – nespojenectví» [syn2000]. Важно подчеркнуть, что и фразеологизм *úkol pro chytrou horákyni* остался на периферии чешской фразеологической неологии: корпус syn2015 ни одного примера не фиксирует, что, очевидно, связано с принадлежностью в современном языке слова *horákyně* к диалектам.

Принято считать, что закреплению фразеологических неологизмов в языке способствуют такие их характеристики, как устойчивость и образность. Пример выражения *být v pohodě* параметр «устойчивость» вполне подтверждает. Дополнить этот ряд могут обороты *na zelené louce*, *být cool*, *být můj/ tvůj šálek čaje*, *nebýt ořezávátko, dělat/ hrát mrtvého brouka* и др. Однако признак «образность», как показала статистика, не всегда содействует активному вхождению в язык новых фразеологизмов. Слабую узуализацию проявили фразеологические неологизмы *syndrom prázdného hnízda* ‘психологические трудности, связанные с уходом детей из родного дома’, *jízdní řád* ‘дорожная карта’, *být ve vatě* ‘быть хорошо обеспеченным финансами’ и др. Низкую частотность имеет фразеологизм *jet po svém prkně, každý (jede) po svém prkně* ‘действовать в своих, эгоистических интересах’: два контекста предлагает корпус syn2000 и ни одного контекста – корпус syn2015. Например: «V těchto gründerských časech, kdy tak mnozí z nás propadli víře, že *nejet každý po svém prkně* je zbytečným utrácením volného času» [syn2000]. В этом же ряду стоит экспрессивный оборот *utřít si nos židlí* ‘поступать, действовать смешно и бессмысленно’, который представляет интерес тем, что не зафиксирован ни в одном словаре неологизмов. По данным корпуса syn2000, первая фиксация этого фразеологизма относится к 1991 г. Приведем несколько контекстов, из которых явствует, что выражение связано с актерской профессиональной средой и, вероятно, поэтому пока не вышло на более широкую коммуникативную сцену: «Přitom tentokrát zašli opravdu daleko – ke kabaretním skečům německého klauna Karla Valentina (1881), kde je humor typu *«utřel si nos židlí»* základním výrazovým prostředkem» [syn2000]; «Na malém jevišti, ještě zmenšeném vestavěnou hospodou, kraluje obtížně popsatelná herecká chemie, založená na přesném načasování, drobných posunech v intonacích, nenápadných gestech či grimasách. K siláckému vytloukání legrace, kdy si účinkující takřikajíc *«utírají nos židlí»* [syn v8]; «Měla smysl pro chytrý humor, ne pro ten, kdy se takzvané *utírá nos židlí*» [syn2015].

И в конечном итоге анализ материала показал, что пользователи не освоили фразеологический неологизм *zadupávat (něco) do koberce* 'намеренно уклоняться от какого-либо вопроса, игнорировать его', возможно, вследствие распространенного варианта *zamést něco pod koberec* [SČFI/ VS1 1994: 331].

Оценивая фразеологическую неологию, следует, по-видимому, констатировать, что первичную и ведущую роль в неологических процессах играет темпоральное значение. Степень узуализации не является постоянной величиной для анализируемых устойчивых выражений и со временем будет меняться вследствие различного социального запроса на их употребление – изменчивости политического, экономического, культурного контекста, влияния иностранных языков и отношения к нему языка-реципиента. «Принимающая» сторона возьмет у «отдающей» то, что ей нужно и в том объеме, какой ей требуется, не нарушая равновесия «своего» и не позволяя «отдающей» стороне доминировать или влиять на внутреннюю языковую ситуацию. Расширенное исследование в этом направлении позволит обосновать связь между новыми явлениями в языке и их прагматической обусловленностью. Важно также отметить, что выявить с определенностью истинные причины формирования фразеологических неологизмов только в рамках лингвистики невозможно. Чаще всего эти причины носят экстралингвистический характер. Здесь может оказаться важной актуальность общественных явлений, которые характеризуют фразеологические неологизмы, интернационализация языка, культурно-исторический контекст.

НОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА⁵²

Елена Владимировна Генералова
Санкт-Петербург, Россия

Лексика как самый подвижный и чувствительный уровень языка быстрее всего реагирует на изменения в жизни общества и конкретного человека. Постоянно обновляясь, словарный состав языка утрачивает старые слова и фразеологизмы и обогащается новыми. Толковая лексикография как центральная область лексикографии любого языка, с одной стороны, стремится зафиксировать современное состояние языка, с другой стороны, заведомо отстает от него, даже в случае, если речь идет о создаваемом в электронном виде словаре. Но проблема не только в этом естественном отставании лексикографии от языка (связанном со спецификой лексикографической работы и рядом технических экстралингвистических моментов), но и в нерешенности комплекса лингвистических методологических вопросов относительно включения новой фразеологии в толковые словари и ее интерпретации в таких словарях.

Цель настоящей статьи – исследование словарного представления новой фразеологии в толковой лексикографии русского языка: проанализированы материалы академических [БАС-3; Ожегов, Шведова 2006] и экспериментальных [Скляревская 2019], а также ориентированных на широкого пользователя [Кузнецов 1998; Ефремова 2000] толковых словарей современного русского языка.

Прежде всего требует определения понятие фразеологизма-неологизма. Традиционно под неологизмами понимаются новые слова и выражения, появившиеся в языке в определенный исторический период (или один раз в определенном тексте) и не входящие в этот период в ядро литературного языка. Для неологии «актуален фактор времени – те слова, которые для одного синхронного среза являются новыми, на другом синхронном срезе могут

⁵² Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-012-00214 «Человек и общество в зеркале новой русской фразеологии».

оказаться нейтрально-актуальными, а другие слова того же периода – уже устаревшими и ушедшими из языка» [Бурыкин 2016: 13]. В этой связи при использовании понятия «неологизм» важно определение исторического периода, по отношению к которому языковая единица (в данном случае фразеологизм) выделяется как новация. В русской академической неологической лексикографии, созданной на основе концепции Ю. С. Сорокина, Н. З. Котеловой и Т. Н. Буцевой, принят отчасти формальный, однако четкий и однозначный, основанный на факте лексикографической фиксации критерий выделения неологизмов в языке: новым считается слово или фразеологическая единица, не зарегистрированные в словарях предыдущего периода [Котелова 1988].

Придерживаясь этого подхода, под новой фразеологией понимаем устойчивые выражения, не зафиксированные толковыми и фразеологическими словарями предыдущего периода. С другой стороны, в отношении поиска нового материала возможна и апелляция к неографии, фиксирующей актуальное состояние лексико-фразеологического фонда, и к немногим существующим на современный момент изданным не в России словарям фразеологизмов-неологизмов русского языка [Мокиенко 2003; Stepanova, Dobrova 2018].

Проблема фразеологических новаций в толковых словарях современного русского языка – это прежде всего вопросы формирования словника и интерпретации этого словарного материала.

Что касается формирования словника, новые фразеологические единицы, хотя и в меньшей степени, чем новые слова и новые значения, но традиционно фиксируются толковыми словарями. Однако очевидно, что это представление не является системным и полным и не претендует на таковое. Частично новейшие фразеологизмы, действительно, могут быть обнаружены в толковых словарях русского языка, выходящих в последние десятилетия. Так, в многотомном продолжающемся академическом «Словаре русского языка» под ред. К. С. Горбачевича, А. С. Герда [БАС-3] зафиксированы, например, такие обороты, как *в полном ажуре*, *быть на нуле* (не отмеченные толковыми словарями русского языка предыдущего периода), но отсутствуют такие уже известные в современном языке фразеологические единицы, как *запасной аэродром*, *чудеса арифметики*, *броситься на амбразуру*, *пролететь мимо кассы*. В толково-словообразовательном словаре Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2000] новейшие фразеологизмы зафиксированы также далеко не в полном объеме: отсутствуют, например, фразеологизмы *не ах*, *полный абзац*, (*кто*) *и в Африке (кто)* и др. В планирующемся к изданию и имеющем пилотный выпуск первых двух томов «Словаре русского языка XXI в.» под редакцией Г. Н. Скляревской [Скляревская 2019], ориентированном на максимально полный охват актуальной лексики, новации (в том числе, фразеологические) присутствуют в большей степени, причем различаются фразеологизмы (*сказал а*, *говори и б*) и устойчивые сочетания (*банановая республика*, *крутить баранку*). Но цель полной фиксации фразеологизмов-неологизмов также не

ставится этим словарем (отсутствуют выражения *испанский стыд*, *черт-те что* и *сбоку бантик* и др.).

Как правило, основные сложности при формировании словника толкового словаря вызывает включение а) жаргонизмов, б) составных терминов, в) перифразов, г) предложно-падежных сочетаний. Включение жаргонной фразеологии дискуссионно в целом в связи с проблемой отношения толковой лексикографии к этому пласту лексики, вопрос включения составных терминов и перифразов непосредственно связан с «широким» и «узким» пониманием фразеологии (паремии традиционно не включаются в толковые словари в качестве вокабульных единиц, в лучшем случае – как иллюстрации). А выделение и интерпретация устойчивых предложно-падежных сочетаний – скорее техническая лексикографическая проблема.

Должен ли пласт жаргонной лексики и фразеологии, имеющий все возрастающий удельный вес в современном русском языке, фиксироваться толковыми словарями русского языка и, если да, то в какой мере, – один из насущных вопросов современной толковой лексикографии. Исследователи справедливо выделяют две стороны проблемы: теоретическую и практическую. С теоретической точки зрения нельзя не признать все более усиливающуюся струю жаргона в современном речевом употреблении. В практическом же отношении встает конкретная лексикографическая «задача описания языковой системы такой, какой она есть» [Мокиенко, Никитина 2019а: 185]. Лингвисты в очередной раз пытаются ответить на вопрос, что является предметом описания толкового словаря современного языка. Редакторы БАС-3 пришли к выводу о размывании на настоящем этапе границ литературного языка (в связи с чем слово *литературный* было убрано из заглавия словаря) и о чрезвычайной теоретической сложности определения самого понятия «современный русский язык»: «Приступая к Проекту очередного академического словаря современного русского языка, следует прежде всего отказаться от стремления определить понятие «современный русский язык». В определении понятия «современный русский язык» вряд ли возможно достичь не только какого-л. прогресса, но и даже рабочего компромисса» [Герд 1995: 73]. Авторы новаторского проекта «Словарь русского языка XXI в.», разработка концепции которого принадлежит Г. Н. Складаревой, определяют предмет описания словаря как живой язык, где под живым языком в данном случае понимается видимый и слышимый язык, то есть современный русский язык в его реальном функционировании, включающий разнообразные лексические разряды, в том числе те, которые ранее не описывались в толковых словарях (терминология, жаргон, разговорно-сниженная лексика и т. п.) [Складаревская 2004: 7–8].

Таким образом, хотя в теоретическом отношении современные лексикографы, как кажется, считают научно обоснованной позицию объективного описания наличествующего языкового материала, в том числе жаргонизмов и сниженной лексики, в практическом отношении эта позиция не находит по-

следовательного воплощения. Нерешенность теоретических вопросов затрудняет выработку принципов практического представления этого лексического материала: «Зыбкость границ между современным жаргоном, просторечием и разговорной речью делает жаргон весьма субъективизированным и лабильным материалом лексикографирования, что очень осложняет как отбор жаргонных лексем и фразем, так и их комплексную словарную обработку» [Мокиенко, Никитина 2019а: 186].

Академические словари, в том числе и БАС-3, по-прежнему с большой осторожностью включают грубо-просторечный и жаргонный материал: например, в БАС-3 зафиксированы устойчивые сочетания *зашибать (заколачивать) бабки, в полном ажуре, выйти в ноль*, но отсутствуют выражения *стоять на атаке, по барабану, под кайфом, под балдой, с дуба рухнуть* и т.п. В «Словаре русского языка XXI в.» жаргонизмы представлены шире: есть и вышеуказанные, и выражения *в полном ажуре, пинать балду* и др., но словник, конечно, не является исчерпывающим в этом отношении.

Терминологические сочетания особенно широко включаются в «Словарь русского языка XXI в.», и авторский коллектив постулирует это как одну из особенностей, выделяющих проект в ряду других толковых словарей. В словаре выделяются собственно термины, сопровождаемые соответствующей пометой, указывающей на сферу употребления (*база данных* (информ.), *вестибулярный аппарат* (анат.)) и коллокации (*континентальный завтрак, бактериологическое оружие*). Но в целом толковая лексикография фиксирует фразеологические инновации в области терминологии и коллокаций в весьма ограниченном объеме.

В небольшой степени словари фиксируют и перифразы, которые при этом являются значительной частью современной фразеологии (напр., перифраз *ночная бабочка* 'о проститутке' зафиксирован почти во всех толковых словарях современного русского языка, кроме БАС-3 (где на слово *бабочка* дана отсылка выражения к прилагательному *ночной*, но в статье *ночной* выражение *ночная бабочка* отсутствует [БАС 12: 601]), а перифраз *однорукий бандит* 'об игральном автомате с одним рычагом' отсутствует во всех выше перечисленных словарях, кроме «Словаря русского языка XXI века».

Показ предложно-падежных сочетаний, застывших в какой-либо форме и имеющих единую семантику (*до лампочки, без дураков, с лету, в кайф* и т. д.), как было сказано, в большей степени проблема лексикографической техники. В БАС-3 эти сочетания описываются как фразеологизмы. В «Словаре русского языка XXI в.» под ред. Г. Н. Складневской имеет место принципиально другая лексикографическая подача таких сочетаний: все такие выражения подаются как отдельные вокабулы с собственными словарными статьями (например, *без просыпу, под балдой*).

Часто интерпретация одних и тех же языковых фактов не совпадает в разных лексикографических изданиях, и это совершенно естественный научный

факт с учетом «живости» языкового материала, существования жаргона преимущественно в устной форме. Например, сложной является дифференциация слов и устойчивых словосочетаний: единицы, интерпретируемые в некоторых словарях как фразеологизмы (*развести / разводить баланду* ‘болтать / сболтнуть пустое, намеренно долгими разговорами отвлекать чье-л. внимание’, *устроить бенц* ‘вынести выговор, устроить скандал’, *в полном ажуре* ‘в порядке’), в других не рассматриваются как устойчивые сочетания, при этом для одного из компонентов устойчивого сочетания приводится, как правило, переносное значение (*баланда* ‘разговор, болтовня, не заслуживающие внимания, вздор, чепуха’, *бенц* ‘скандал, выговор, наказание’, *ажур* ‘идеальный порядок’).

В толковых словарях фразеология не иллюстрируется и сопровождается минимальными стилистическими пометами, хотя изучение стилистики новейшей фразеологии – интересное поле для исследования, т.к. фразеология «компенсирует эффект неологичности за счет новых ресурсов экспрессивности, перезарядкой коннотатов, расширением стилистической нюансировки» [Вальтер 2011: 19].

Таким образом, новейшая фразеология, активно формирующаяся в русском языке в настоящее время, отчасти получает свою фиксацию в толковых словарях современного русского языка, но далеко не полную и весьма лаконичную с точки зрения интерпретации. В этом отношении, как кажется, очень актуально создание специального словаря фразеологизмов-неологизмов, по возможности наиболее полно фиксирующего новую фразеологию русского языка во всем ее многообразии: и новейшую идиоматику (*на голубом глазу*), включая многочисленные заимствования (*в одном флаконе*), и жаргонизмы (*сто-пятьсот*), и перифразы (*голубые береты*), и устойчивые сравнения (*как умная Маша*), и новые паремии (*Бесплатный сыр бывает только в мышеловке*), предлагающего максимально подробное описание этого языкового материала и демонстрирующего за счет иллюстраций функционирование фразеологических новаций в современном русском языке.

ЛЕКСИКОГРАФІЧНЕ ВІДТВОРЕННЯ ДИНАМІКИ ФРАЗЕОЛОГІЧНОГО ФОНДУ СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРНОЇ МОВИ

Ірина Святославівна Гнатюк
Київ, Україна

Динамічні процеси в сучасній українській літературній мові протягом останніх десятиліть зумовили появу значної кількості фразеологічних одиниць, що потребують упорядкування та належного лексикографічного опису. Як відомо, динаміка фразеологічного фонду виразно простежується в зіставленні лексикографічних описів ФО у відносно обмежені періоди функціонування мови, тобто за фразеологічними й тлумачними словниками певних епох.

Лексикографи Інституту української мови НАН України уклали тлумачний «Словник української мови» в 11 томах: Додатковий том обсягом понад 180 друк. аркушів, у якому зафіксовано 35 тис. лексем та неосемантизмів, відсутніх у «Словнику української мови» в 11-ти томах. Підготовлений словник, як це видно з його назви, є Додатковим томом академічного тлумачного «Словника української мови» в 11 томах (Київ, 1970 – 1980; далі – СУМ), створеного в 50 – 70-х роках ХХ ст., оскільки він зафіксував різницю в реєстрах обох лексиконів і в такий спосіб показав динаміку лексичного фонду української мови, тобто виявив те нове, що з'явилося в мові впродовж 30-ти років: з 80-х років ХХ століття до першого десятиліття ХХІ ст. Поряд із лексикою, у Додатковому томі подано близько 1000 фразеологізмів, відсутніх у СУМі. Зауважимо, що свого часу СУМ зафіксував понад 12 тисяч фразеологічних зворотів. «Фразеологічний словник української мови» в 2-х кн. (Київ 1993), що його було укладено на тій самій джерельній базі, що й СУМ, систематизував понад 9 тис. ФО, поклавши в основу т. зв. вузьке розуміння фразеологізму. Десятьма роками пізніше дещо осучаснений і відшліфований варіант академічного «Словника фразеологізмів української мови» подав лексикографічний опис 7992 фразем української мови. Саме з цими лексикографічними працями маємо намір зі-

ставити фразеологічний ресурс Додаткового тому, щоб окреслити шляхи розвитку сучасної української фразеології.

Насамперед зауважимо, що Додатковий том укладено на новій джерельній основі, якою стали художні тексти, газети і журнали, довідкова і навчальна література, історичні, етнографічні та фольклористичні праці, фольклорні збірки. З кінця 80-х років ХХ ст. у відділі лексикології та лексикографії почали формувати картотеку нових надходжень, яка поповнювалася матеріалами сучасних творів різних стилів, а також тими, насамперед, художньо-публіцистичними джерелами, які раніше були недоступні з ідеологічних міркувань. Так у картотеці нових надходжень опрацьовано тексти М. Грушевського, В. Винниченка, В. Підмогильного, Б. Лепкого, Б. Антоненка-Давидовича, Б.-І. Антонича, І. Багряного, В. Барки, Є. Маланюка, О. Ольжича, Т. Осьмачки, У. Самчука та ін. Саме тому можемо говорити не лише про нову, а й про актуалізовану фразеологію. До актуалізованих фразем відносимо також ті, що їх зафіксовано в «Словарі української мови» за ред. Бориса Грінченка, але не виокремлено як самостійні лексико-семантичні одиниці. Це стало однією з причин того, що вони не увійшли ні до «Словника української мови» в 11 т., ні до названих академічних фразеологічних словників, наприклад, **дядькова хата** «в'язниця [СУМ-12, 2: 513], **гусей підпускати** 'розпускати плітки', **кулика вбити** 'спіткнутися', **шпака вбити** 'промахнутися', **шпака удрати** 'задрімати', **мишей топтати** 'ходити без діла', **накритися мов лисиця хвостом** 'невдало приховати свій вчинок' [Гуцуляк 2014: 52].

До актуалізованих відносимо фразеологізми, вжиті у творах В. Винниченка, М. Грушевського, М. Хвильового, В. Підмогильного, такі, наприклад, як: **для бізиру** розм. 'для годиться', **зломити перо** *кого, яке* 'перестати писати, займатися письменницькою чи журналістською діяльністю', **не жменею кашу їсть**, **спідтишка мішки рве** 'хто-н. меткий, розумний' (– *Хто кого? – роздумливо перепитав Юхим. – Як тобі сказати? Вона дівка ... одно слово ... молодець... О!... Він тоже [теж]... не жменею кашу їсть... Тихенький собі, а спідтишка мішки рве.* В. Винниченко, Краса і сила), **ні сюди Микита, ні туди Микита** 'бездіяльний, ледачий чоловік' (– *Правильно: ні сюди Микита, ні туди Микита... Це участь інтелігенції!... М. Хвильовий, Сині етюди*), **донині Микита** 'давно збитий з пантелику, не досить розумний', **як отче наш**, зі сл. знати, розказувати 'дуже добре, впевнено', **завела сорока про Якова** 'хто-н. сказав щось незрозуміле, плутане' (*Напевне, від трупового духу заморока пройшла. – Згарбаємо – не писне! Юхим хвилюється: – Завела сорока про Якова. Ти ділом говори.* М. Хвильовий, Сині етюди) та ін.

Щодо функціонально-стилістичного забарвлення новочасних фразеологізмів, спостерігаємо одиниці **фольклорні, розмовні, книжні**.

Прикладами фольклорних фразеологізмів можуть бути ФО: **вустами чийми мед пити** 'ужив. для схвальної оцінки чийх-н. слів', **як на Меланчине весілля зі сл.** наготувати, наварити 'дуже велику кількість', **як Мамай погуляв**

‘про великий безлад, цілковите спустошення, **калиновий міст**’ (1) молоді роки, пора молодості; 2) спогади про щось близьке й дороге’. Калиновий міст у піснях виступає символом молодості, розквіту. Значення вислову створюється епітетом «калиновий», а компонент «міст» вносить значення ‘те, що з’єднує’, ‘проміжок життя’, ‘пора молодості’.

Фразеологізми фольклорного походження образно можна означити фразеологізмом з **бабусиною скрині** ‘старовинний, дещо забутий, але цінний’. З-поміж розмовних фразеологізмів спостерігаємо активізацію жаргонних компонентів **іти/прийти пішкарусом, приїхати (прибути на пішкарусі)** ‘пішки’, **сісти в бест** ‘сховатися від переслідування, вичікуючи зміни обставин’, **сісти на голку** ‘стати наркоманом’.

Основними джерелами запозичень нових фразеологізмів книжного походження стали Біблія, антична художня творчість. Це такі одиниці, як **від альфи до омеги** ‘від початку до кінця’ (*Стіл Юрія Федоровича був поза рамками опису; усе там було впереміш – від альфи до омеги* А. Содомора, Під чужою тінню, 2000, 191) [СУМ-12, 1: 16], **голос (заст. глас) волаючого в пустелі**, *книжн.* ‘думки, заклики, що лишаються без уваги, не викликають очікуваної дії’ (*Чи став чутнішим глас волаючого в пустелі в епоху гласності? Перець, 1989, №20, 4*) [СУМ-12, 1: 229, 237]. На відміну від фразеологічних словників, у загальномовному тлумачному словникові лексичні варіанти **голос / глас** розміщено на своїх абеткових місцях, тобто ФО **голос волаючого в пустелі** і **глас волаючого в пустелі** подано як два окремих фразеологізми; **глитнути горя з повної чаші** ‘настраждатися, зазнати біди, лиха’. *Хто глитнув горя з повної чаші так, як упиваються ним на Україні? Ніхто* (О. Довженко, Україна в огні, 1990, 231) [СУМ-12, 1: 230]. Зафіксований як самостійний фразеологізм вислів **глитнути горя з повної чаші** розглядаємо як лексико-граматичне дериваційне утворення усталеного вислову біблійного походження **випити / випивати гірку (повну) [чашу] [до краю (до дна)]** ‘ззнати повною мірою багато горя, страждань, клопоту, неприємностей; настраждатися’ [СФУМ 2003: 79], де дієслівний компонент **випити** замінено оказіональною формою **глитнути**, що є дієсловом однократної дії. У фразеографічній практиці попередніх років такі випадки кваліфікували як оказіональні (принагідні) вживання фразеологізмів, їх різноманітні контамінації, «що становлять відхилення щодо форми від норми у мовленнєвому вживанні», які не прийнято було подавати в словнику. Натомість при основній формі «дається широка мережа дериватів – похідних фразеологічних утворень» [СФУМ 2003: 7–8]. Як бачимо, дериват подано не при основній формі, а як самостійну фразеологічну одиницю.

СУМ-12 містить лексикографічний опис ФО біблійного походження *Кайнова душа, Кайнова печать, Мученицький вінець, Направляти на путь істини, Наставляти / наставити на добру (святую) путь, Наставляти / наставити на путь істини, Обтрусити / обтрушувати порошок (прах) [минулого] від (із) ніг своїх (наших)*. Як самостійну лексикографовано ФО *влити в дряхлі вени (що) –*

«обновити, повернути до життя. *Саме військово-промисловий комплекс, котрий виснажив і знекровив економіку, може тепер влити в її дряхлі вени воєндолари, здатні задовольнити всі наші потреби в імпортованих товарах* (Віче, 1993, № 3, 47)» [СУМ-12, 1 2017: 176], яку можна розглядати як алюзію ФО біблійного походження *влити нове вино в старі міхи*, тобто 'не можна створювати щось нове, не порвавши зі старим' [Коваль 2001: 169–170].

Найбільш кількісну групу становлять т. зв. соціальні фразеологізми, «які відбивають соціальні відносини, тобто пов'язані зі стосунками людей у суспільстві, породжені умовами суспільного життя, певного ладу, зумовлені розшаруванням суспільства» [Ужченко, Ужченко 2007: 220].

Динаміка соціальних фразеологізмів виразно простежується у порівнянні лексикографічних праць. Так, соціальні фразеологізми, зафіксовані укладеним у кінці XIX – на поч. XX ст. «Словарем української мови» за редакцією Бориса Грінченка, пов'язані з тогочасними реаліями життя, господарювання, соціальних відносин, не представлені академічними двотомником і одностомником другої половини XX – початку XXI ст. Додатковий том «Словника української мови» в 11 т. подає фразеологію новітньої доби, яка відсутня в попередніх фразеологічних кодексах. Це звороти, пов'язані з професійно-термінологічною сферою. «Фах людини, галузь виробництва, в якій вона працює, неминуче зумовлює активізацію у її мові професійних слів і висловів, конче необхідних під час виробничого процесу. ...Вийшовши за межі вузького професійного вжитку, термінологічні вислови стають вдячним матеріалом збагачення словесно-образних засобів загальнонародної мови, невичерпним фондом поповнення фразеології» [Скрипник 1973: 159].

Особливо помітними є переосмислені вислови театральньо-мистецької сфери на зразок: *виходити (вибитися) на перші ролі, під фанеру, кіно і німці*; циркового мистецтва – *зійти з арени, ходити по ниточці*; фразеологізми, пов'язані з рибальством: *рибка клюнула, як карась у вершю*; морською сферою: *сім футів під кілем, легкої води під кілем, на плаву, хапатися за рятувальний круг*.

Набули переносного значення і влилися у фразеологічний фонд мови звороти, популярні в спортивних колах: *вести гру, виходити з гри, виходити на фінішну пряму, грати в одній команді, тримати планку, піднімати планку*.

Традиційно виразною є група фразеологізмів, що постала на ґрунті висловів картярської гри: *битий козир, гнути козиря, гра з відкритими козирями, і в дамках, кидати останнього козиря*; пов'язана з іграми, розвагами: *стінка на стінку, грати в піжмурки, грати у піддавки*, а також з військовою справою – *передній фронт*.

Продуктивною для творення ФО виявилася сфера родинних стосунків, материнства, дитинства: *годувати з ложечки, мамин синочок, мамин смоктунчик, менший брат, старший брат, як брат із сестрою*.

З-поміж інновацій виокремлюємо ФО, пов'язані з фінансово-торгівельними відносинами, як-от: *баш на баш, копійка – красна ціна*, медичною сфе-

рою – *головний біль, шокова терапія*, журналістським фахом – *гострити перо, смажені факти*, адміністративно-правовою сферою – *від дзвінка до дзвінка, на килим, підводити під одну графу, подвійний стандарт, злодій у законі*; психологією – *друге я*, комунікаціями – *зіпсований телефон*, транспортом – *поїзд уже пішов*, будівельною справою – *під ключ*.

Як цілком слушно зауважує В. Д. Ужченко, «фраземи завжди постають там, де відчувається потреба в образному, емоційному та експресивному зображенні реалій, а формуються на основі відшарувань численних, переважно активних вільних прототипів різних життєвих сфер, у тому числі й соціальних та соціально-побутових. Хронологічний зріз їх семантики й структури наочно засвідчує живу динаміку безперервно обновлюваних вторинних мовних знаків, із яких лише деякі зафіксовані лексико- чи фразеографічними зібраннями» [Ужченко, Ужченко 2007: 227].

Якщо ж охарактеризувати основні процеси, які є визначальними для розвитку фразеологічного фонду сучасної української мови, то їх коротко можна означити трьома термінами: **деривація, трансформація, актуалізація**.

Фразеологічна деривація (фразеотворча видозмінюваність одиниць), творення похідних ФО на базі вже наявних ідіом, паремій унаслідок лінгвістичних чи екстралінгвістичних факторів через модифікацію в семантиці, граматичному оформленні та структурі – процес досить активний у сучасній українській мові. Особливістю лексикографування фразеологічних дериватів є їхня відокремленість від вихідної форми і набуття статусу самостійної фразеологічної одиниці.

Раніше фразеографи хоч і намагалися відобразити досить активний у мові процес фразеотворчої видозмінюваності одиниць, усе ж відмовлялися від подання індивідуально-авторських трансформацій, розцінюючи їх як відхилення від норми в мовленнєвому вживанні. Отже, великий і безцінний для дослідників мови письменників матеріал залишився поза межами великих фразеологічних словників академічного типу. Нині активною стає тенденція лексикографування поряд із традиційними трансформованих фразеологізмів. Ця тенденція простежується і в аналізованому Додатковому томі «Словника української мови» в 11 томах.

Активним інноваційним процесом, пов'язаним із динамікою як лексичної, так і фразеологічної систем сучасної української літературної мови є актуалізація мовних одиниць, яка передбачає лексикографічне, семантичне й функціональне оновлення соціально значущих лексико-фразеологічних ресурсів відповідно до ментальних вимог суспільства в конкретний культурно-історичний період. Актуалізовані фразеологічні одиниці становлять вагомий пласт фразеології сучасної української літературної мови.

Маємо всі підстави говорити про два типи змін у фразеології – історичні, об'єктивні, зумовлені самою специфікою існування мови, та індивідуально-авторські, оказіональні, суб'єктивні, спричинені намаганням оновити образність

традиційних усталених виразів, посилити їх експресивність, прилаштовуючи до контексту. Хронологічні зрізи загальномовної фразеології, фразеології певних семантико-тематичних груп ілюструють безперервні еволюційні процеси в заміні концептосфер, у їх структурі, семантиці та стилістичному перегрупуванні. Поряд з історичною змінністю фразеологізмам притаманна також гнучкість індивідуально-авторського вживання. Вона спричинена системою художньо-зображувальних засобів автора, сюжетними лініями, сценами тощо.

Отже, динамічні процеси у сфері української фразеології зводяться до змін структурних, семантичних, функціональних, які взаємно переплітаються, вивторюючи сучасну національно-фразеологічну мовну картину світу. Відтворити цю картину адекватно, оптимально, з найбільшою повнотою – завдання лексикографів.

**Новые фразеологизмы
в современном
медиадискурсе**

СЕТЕВОЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМ Я ЖЕ МАТЬ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ НЕГАТИВНОГО ОБРАЗА МАТЕРИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ⁵³

Ирина Павловна Фаломкина
Кемерово, Россия

В последние годы большой популярностью в сети Интернет и на телевидении пользуется выражение *Я же мать!*: поисковая система Google по запросу «я же мать» выдает около 200 миллионов результатов, сообщество «Яжемать!» в популярной социальной сети Вконтакте имеет около полутора миллионов подписчиков, хештег #яжемать в Инстаграме объединяет 600 000 публикаций.

Материалом нашего исследования послужили заголовки и описание видеороликов в популярном видеохостинге Youtube. Отметим, что мы обращались только к тем текстам, которые содержат оборот *Я же мать*, представляющий собой форму самостоятельного предложения.

На основе анализа минимальных контекстов, в составе которых функционирует устойчивое выражение *Я же мать*, мы пытаемся показать, что в интернет-пространстве сегодня формируется резко негативный образ матери, отличный от традиционного.

Проблеме лингвистической интерпретации единицы *я же мать* посвящено несколько работ, в которых исследователи отмечают специфичность этого образования [Альбрехт 2019; Башкирцева, Дедковская 2019].

Во-первых, *я же мать* функционирует в интернет-пространстве как простое предложение. Вслед за О. А. Башкирцевой и Д. М. Дедковской [Башкирцева, Дедковская 2019], мы полагаем, что выражение *Я же мать* можно отнести к синтаксическим фразеологизмам, а конкретно к предложениям

⁵³ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №20-412-420004/20 р_а «Лингвистический мониторинг социальной напряженности в Кузбассе».

фразеологизированной структуры, которые «организуются компонентами двух типов – постоянными и переменными (свободными)» [Величко 2015: 8]. Постоянные компоненты образуют структурную рамку и формируют значение структуры, переменные компоненты лексически свободны и представлены знаменательными словами.

Фразеологизированная структура – «это синтаксическая структура, модель, по которой можно построить (используя различное лексическое наполнение) неограниченное количество высказываний, имеющих одно типовое значение, но разное конкретное содержание» [Величко 2015: 12]. По модели «личное местоимение + усилительная частица *же* (*ж*) + существительное в именительном падеже» в русском языке образуется целый ряд высказываний: *Я же мать! Он же ребенок! Я же бабка! Ты же мать! Я же отец! Я же батя! Она же мать! Они же дети!* и т. д. При этом возможны варианты пунктуационного оформления оборота (с восклицательным знаком или без).

Предложение «Я же мать!» – это не констатация факта материнства, как следует из суммы значений компонентов этого выражения, его произносят женщины определенного типа: одни оправдывают свое неадекватное поведение наличием ребенка, считают, что им все должны, другие подвергают своего ребенка опасности, плохо воспитывают детей. «Кто-то из говорящих на русском языке назначил такую форму предложения «ответственной» за смысл «мать, нарушающая социально приемлемые правила поведения в пользу/в оправдание поступков себя или своего ребенка» и номинализовал целую ситуацию, а другие говорящие это подхватили» [Альбрехт 2019: 21]. Типовое значение для оборотов, построенных по схеме «местоимение + усилительная частица *же* + существительное в именительном падеже», следующее: они произносятся в том случае, когда человек пытается оправдать свое или чужое поведение статусом (мать, отец, ребенок). Исследователи отмечают, что эти конструкции «обладают оценочным значением, они содержат выражение пренебрежительного отношения говорящего к ситуации. Оценка носит имплицитный характер, пожалуй, единственным языковым средством, косвенно на нее указывающим, является частица *же*. Скорее всего, эти высказывания произносятся с определенной интонацией, выражающей иронию, неодобрительное отношение» [Башкирцева, Дедковская 2019: 136].

В названии нашей статьи мы использовали термин «сетевой фразеологизм», который применяется к устойчивым выражениям, функционирующим преимущественно в сети Интернет [Кротова 2017].

Во-вторых, все чаще единица *яжемать* употребляется без знака «решетка», изменяется по числам и падежам как существительное третьего склонения, в предложении является подлежащим, обстоятельством или определением, способно выступать в роли мотивирующего для образования новых слов: *Это чисто яжематеринское; Как бы ни звучало по яжематерински, но вы в первую очередь ответственны за ребенка* (youtube.com). Отметим варианты графиче-

ского оформления: слово может быть написано прописными или заглавными буквами, в кавычках и без. Встречаются также тексты, где *я же мать* записано в три слова, но при этом употребляется как склоняемое, а в отдельных случаях как несклоняемое существительное: *Мамы Жгут! Я ЖЕ МАТЬ устроили разборки* (youtube.com). Чувствуя специфичность образования анализируемой единицы, носители языка нередко заключают ее в кавычки [Башкирцева, Дедковская 2019: 135].

О. А. Башкирцева и Д. М. Дедковская полагают, что именно фразеологичность выражения *Я же мать!* способствовала слиянию элементов предложения в одно слово [Там же: 136].

Еще одним фактором, содействующим сращению предикативной единицы в целое, стало использование анализируемого выражения в функции хештега: *#ЯЖЕМАТЬ. Почему оголтелые мамочки раздражают общество?* youtube.com. В сети встречаются примеры, когда слово с решеткой употребляется как склоняемое существительное: *УГРОЗЫ #ЯЖЕМАТЕРИ* – подобные случаи представляют собой промежуточный этап на пути превращения хештега в слово.

В-третьих, слово *яжемать* в Интернете представлено как часть мема, который рассматривается в исследовательской литературе как особый жанр интернет-коммуникации [Часовский 2015], носитель культурной и социальной информации [Канашина 2013]. По мнению М. А. Кронгауза, в тот момент, когда мем исчерпывает свой креативный потенциал, он может либо исчезнуть, либо превратиться в явление языка и коммуникации – стать сетевым фразеологизмом [Кронгауз 2013].

Цель нашего исследования – проследить роль устойчивого выражения *Я же мать* в создании негативного образа матери в интернет-пространстве.

Первое, что видит пользователь Интернета, открывая любой видеохостинг, – это заголовок, лаконичный, но в то же время броский, несущий какую-то минимальную информацию о содержании ролика. Однако требования к размеру заголовка не всегда дают возможность включить в его состав содержательный компонент, в этом случае важную роль играет описание видео, которое следует сразу под заголовком.

Помимо того, что заголовок выполняет информативную, номинативную функцию, одной из функций заголовка является «вербализация оценки, предшествующей восприятию текста» [Передриенко 2015: 206].

А. В. Величко отмечает, что синтаксические фразеологизмы часто используются в качестве заголовков, потому что, с одной стороны, они не выходят за пределы литературной нормы, а с другой – обладают богатыми смысловыми возможностями и эмоциональностью. Авторская оценка в этом случае дополнительно мотивирует читателя познакомиться со статьей [Величко 2015: 12–13].

Выделим составляющие образа матери в заголовках и описаниях видеороликов, содержащих устойчивое выражение *Я же мать*.

1. Поведение матери не соответствует общепринятым нормам, создает проблемы для «нормальных» людей:

Я ЖЕ МАТЬ! #2

Неадекватные мамы на скейтпарках, хабалистые посетительницы такси и невоспитанные быдло женщины, кричащие Я ЖЕ МАТЬ!

Я ЖЕ МАТЬ! ВАШИ ИСТОРИИ. ЧАСТЬ 1 II OLYA GRACE

#яжемать частенько портят жизнь окружающим и скандалят не по детски (youtube.com).

2. От неприемлемого поведения этих матерей страдают в первую очередь самые незащищенные слои населения:

Я ЖЕ МАТЬ! или «НЕНАВИЖУ ПЕНСИОНЕРОВ всей душой»

Я могу детей обсерать я же мать твоюма я же мать

Ненормальная женщина на кинулась на детей которые играли в футбол (youtube.com).

3. Она представляет опасность для собственного ребенка:

Я же мать! – горе-мамаши из Сочи напоила ребенка пивом (Мужское / Женское – Я же мать. Выпуск от 29.05.2018).

27-летняя Татьяна Осипова из Челябинска уже полгода отстаивает свое право воспитывать дочерей Анастасию и Екатерину. Родственники Татьяны утверждают, что ее нужно срочно лишить родительских прав за злоупотребление алкоголем и жестокое обращение с детьми. Татьяна же считает, что родня, в семье которой она жила с 14 лет как рабыня, теперь пытается отобрать у нее детей и сделать из них бесплатную рабочую силу. В студии программы «Мужское / Женское» пытаются понять, почему все ополчились на Татьяну и ее сожителя, как они на самом деле относятся к собственным детям и как на эти семейные обстоятельства смотрят органы опеки (Я же мать! Самые шокирующие гипотезы (15.05.2019)).

В 624-ом выпуске #СамыеШокирующиеГипотезы: • Как агрессивное поведение родителей влияет на психику ребенка? • Чем опасна зависимость молодых мам от социальных сетей? • Кто охотится за детскими снимками? • Откуда взялись новые требования к материнству? (youtube.com).

4. Ей все должны. Но при этом женщина-мать пренебрежительно относится к чужой собственности:

Я же мать

Дело обстояло так женщина **попросила бесплатно провести** ее пару остановок, аргументируя тем что была в поликлинике и там не было терминала чтобы снять деньги. На следующей остановке водитель остановился открыл двери и долго не ехал, женщина отреагировала так: подбежала к нему и **начала орать** вы что ждете пока я выйду!!! (youtube.com).

5. Сам факт рождения ребенка меняет женщину в худшую сторону:

Я ЖЕ МАТЬ! Когда-то они были обычными девушками, но потом родили и стали чудовищами. Они – ЯЖЕМАТЕРИ

Дело «Я ж мать, я ж жена» (Модный приговор. Выпуск от 07.11.2017).

Жанна Туркина просит спасти свою дочь Елизавету Бочарову, которая в 25 лет заперлась дома и **превратилась из яркой интересной девушки в унылую домохозяйку** в растянутых спортивных костюмах. «В нашем последнем разговоре, – рассказывает Жанна, – она сказала, что ей неинтересно жить. Я пытаюсь ее развеселить, но не получается, и ваша программа – последняя надежда! До замужества **она была самая веселая, самая счастливая, а теперь – серая, унылая, безрадостная мышь!**» (youtube.com).

6. Статус матери – это основание для претензий к окружающим:

Однажды в России: Я же Мать! Я рожала!

Ну я же мать вы должны меня понять

В данном видеоролике указывают **нынешних молодых и одиноких мам** (youtube.com).

Подавляющее число контекстов, в которых функционирует фразеологизм *Я же мать!*, имеют негативную окраску. При этом используются различные способы выражения оценки.

Среди графических средств выражения оценочного значения можно назвать употребление большого числа восклицательных знаков (*Я же мать!!!*), написание слов заглавными буквами (*Я ЖЕ МАТЬ!*), включение в текст смайлов.

На словообразовательном уровне оценка выражается через аффиксы. По отношению к матерям часто применяется существительное *мамаша* с суффиксом *-ш(а)*, имеющим пренебрежительный, иронический характер.

Один из наиболее продуктивных способов выражение негативной оценки – использование лексических средств. Особенно ярко оценочное значение выражается именем прилагательным: **неадекватные мамаша/родители, хабилистые посетительницы, невоспитанные женщины, унылая домохо-**

зьяйка, *агрессивное поведение, жестокое обращение, ненормальная женщина* и т.д.

Негативная оценка актуализируется с помощью имен существительных (*хамство, чудовище*), в том числе инвективных (*быдло, мразь*).

Среди глаголов, отражающих отрицательную оценку, отметим следующие: *унижать, обсерать, орать, испортить, скандалить, насрать, ненавидеть, портить*. Некоторые глаголы приобретают отрицательную оценку в контексте: *напоила ребенка пивом*.

В отдельных случаях мы не найдем явной оценочной лексики в заголовках, как в следующем примере: *Я же мать! – Приколы Майнкрафт машинима* (youtube.com). Но зрители понимают, что в ролике будут показаны какие-то забавные истории о «неадекватной матери».

Как мы уже отмечали, в самом синтаксическом фразеологизме «Я же мать» оценка выражена имплицитно, но в контекстах, в которых употребляется это выражение, широко используется оценочная лексика, способствующая формированию негативного образа матери. При этом образ матери неоднозначен: это и гиперпекающая мать, игнорирующая интересы других людей, и безалаберная мать, плохо выполняющая свои функции.

ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КРЫЛАТЫХ ФРАЗ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

(НА МАТЕРИАЛЕ ВЫРАЖЕНИЙ РОССИЙСКИХ ЧИНОВНИКОВ)⁵⁴

Лидия Густовна Ким

Кемерово, Россия

Непосредственным объектом исследования в данном разделе выступают крылатые фразы (мемы) из выступлений российских чиновников и их интерпретация и трансформация в интернет-комментариях пользователей соцсетей. Такие фразы, как *Денег нет, но вы держитесь*; *Макарошки везде стоят одинаково*; *Государство не просило вас рожать*; *Помойте пол в больнице и повесьте занавески*, вызвали широкий общественный резонанс и получили веер интерпретаций в интернет-пространстве.

Основной аспект рассмотрения очерченного объекта – интерпретационный в его адресатоцентрическом преломлении [Ким 2013: 33–86]. Проблематика предлагаемого исследования обусловлена противоречием, которое заключается в несоответствии, с одной стороны, **единственности** формы фразы как реализации коммуникативного замысла автора, предполагающего единообразие результатов рецептивной деятельности адресата, а с другой – реальной **множественностью** вариантов интерпретации этой фразы в комментариях адресатов. В процессе исследования обсуждаются следующие вопросы: почему подобные фразы чиновников получают широкую интерпретацию пользователями соцсетей и становятся мемами; почему интенциональный замысел автора, воплощенный в языковом выражении, не соответствует его реализации в процессе рецептивно-интерпретационной деятельности адресата; как осуществляется преобразование диктумно-модусного содержания исходного контекста автора в контекст адресата; каковы механизмы формаль-

⁵⁴ Раздел подготовлен при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-012-00202 «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ»).

но-семантической модификации фразы, произнесенной автором, во фразу, транслируемую в интернет-комментариях.

Интерпретационное функционирование этих и подобных фраз в интернет-среде обусловлено как экстралингвистическими, так и лингвистическими факторами. К числу **экстралингвистических** мы относим прежде всего специфику интернет-пространства и особенности виртуальной коммуникации. Стремительное развитие Интернета приводит к тому, что происходит модификация привычных форматов коммуникации, их адаптивное преобразование с расширением сферы своего существования за счет Сети, изменение сознания личности в Интернете, формирование нового, сетевого образа жизни и мышления [Дускаева 2013; Трофимова 2009]. О важности и значимости изучения языка интернет-общения свидетельствуют многочисленные исследования последних десятилетий [Баркович 2016; Колокольцова, Лутовинова 2016]. Исследователи обозначают такие особенности интернет-коммуникации, как виртуальность, диалогичность, интерактивность, нелинейность, незавершенность, способность к преобразованию информации [Клушина, Смирнова, Касперова, Иванова, Барышева 2018]. Современное пространство Интернета, его многочисленные новостные порталы и сайты – это во многом политизированная среда, где формируются группы «своих» и «чужих». Адресат является активным участником коммуникации, дописывает, моделирует, трансформирует исходный авторский медиатекст в соответствии со своими информационными запросами. Публикация-репортаж любой, казалось бы, неполитической тематики может стать площадкой для дискуссий о российской власти, политическом устройстве общества, положении России в мире, вскрывая поляризацию мнений, выражая резко негативные и / или позитивные оценки и суждения. Такая политизированная среда ряда интернет-порталов и сайтов задает импульс реализации политического потенциала, в сущности, каждого, в том числе неполитического текста, превращая его в площадку политических дискуссий [Голев, Ким 2014].

Интернет-среда порождает формирование собственных жанров – **интернет-комментариев**. Этот жанр развивает сюжет главного материала, подчиняясь законам Интернета, раздвигая и усложняя сюжет с помощью вплетения в него мыслей читателя, причудливо форматируя исходный текст, уже без авторского участия [Митягина 2012: 190]. Интернет-комментарии часто актуализируют отношение народа к чиновничье-бюрократическим структурам общества, оценивая его достаточно негативно.

Следовательно, высказывания политических деятелей, руководителей администрации и чиновников, попадая в политизированное интернет-пространство, становятся доступны широкой читательской аудитории, привлекая ее внимания и становясь предметом тиражирования, дальнейшей трансляции и обсуждения в комментариях пользователей социальных сетей, на различных сайтах и порталах.

Лингвистические факторы, обуславливающие интерпретационное функционирование рассматриваемых фраз, – это смена адресата, преобразование контекста и реализация потенциальных смыслов фразы. Следствием этого является реализация конфликтогенного потенциала высказывания и разворачивание коммуникации по конфликтному сценарию.

Рассмотрим последовательно влияние каждого из указанных факторов.

Смена адресата. Каждое из высказываний политических деятелей, руководителей государственных структур произносится в конкретной коммуникативной ситуации при обращении к **конкретному адресату**. Однако, благодаря Интернету, это высказывание, растиражированное пользователями социальных сетей, в достаточно короткий срок меняет адресата – адресат становится **массовым, неконкретизированным**. Так, фраза Д. А. Медведева была произнесена во время его визита в Крым и адресована пенсионерке Анне Буяновой, которая пожаловалась на размер своей пенсии и отсутствие индексации. В ответ премьер-министр сказал, что *«индексации нигде нет, просто денег нет сейчас. Найдем деньги, сделаем индексацию. Вы держитесь здесь, вам всего доброго, хорошего настроения и здоровья»*. Видеоролик с этой фразой выложили в Интернет 23 мая 2016 года, и в течение двух недель он набрал почти 3,5 миллиона просмотров. Ролик приобрел популярность, в Рунете на него отреагировали тысячами шуток. Фраза Д. А. Медведева породила мем *Денег нет, но вы держитесь*. Стала мемом и фраза *Макарошки всегда стоят одинаково*, произнесенная саратовской чиновницей Натальей Соколовой во время спора с депутатом Николаем Бондаренко о прожиточном минимуме. Выражение *Государство не просило их вас рожать* было произнесено директором Департамента молодежной политики Свердловской области Ольгой Глацких во время встречи со школьниками.

Смена адресата в каждом случае обуславливает реализацию потенциально конфликтогенных смыслов этих и подобных высказываний. Конфликтогенное разворачивание коммуникации определяется изначально делением общества на «своих» и «чужих». В данном случае мы имеем сложившееся в общественном сознании негласное противопоставление «чиновников» и «народа». При этом первые воспринимаются как «чужие», и практически любые речи представителей административно-чиновничьего аппарата воспринимаются людьми как направленные против народа. Особенно если речь идет о реализации социальной политики.

Изменение контекста. Каждое высказывание произносится автором в определенном контексте. Так, фраза *Хотите есть – заводите огороды* – это скомпилированный фрагмент из высказываний министра социально-демографической и семейной политики Самарской области Марины Антимоновой:

«Считаете, что государство должно всех содержать? А где отец ребёнка? Есть программы переподготовки и занятости для мамочек в декретном и т.д. Чтоб детей плохими продуктами не кормить, наше поколение сады и огороды разводило. Если хочешь ребёнка, всегда найдёшь решение!».

А высказывание *Занавески повесьте, полы помойте* является фрагментом речи замглавы Владимирской области Марины Чекуновой, которая посетила полуразрушенную больницу и посоветовала врачам вымыть полы и повесить занавески. *«Проблемы обсудим, но посмотрите на себя. Занавески повесьте, полы помойте, бахилы ваши где?»* – сказала чиновница (<https://newsland.com>).

В процессе функционирования подобных высказываний в Интернете они проходят следующие этапы взаимодействия с контекстом: фраза «в своем» контексте – фраза вне контекста – фраза «в чужом» контексте. Пользователи соцсетей актуализируют отдельные высказывания в составе контекста, далее они «вырезают» фразу из контекста, в составе которого она изначально находилась, а затем помещают в иной контекст. Перемещение фразы из одного контекста в другой обуславливает изменение ее диктумно-модусного содержания.

Перемещение фразы в «чужой» контекст позволяет актуализировать реализованные читателями смыслы. Как правило, интенциональный замысел чиновников – авторов подобных высказываний – заключается в том, чтобы честно сказать о невозможности решить конкретную социальную проблему (государство не имеет возможности повысить пенсии, провести капитальный ремонт всех больниц, реализовать молодежные программы). Неудачная вербализация этого замысла детерминирует обратный перлокутивный эффект.

Рассмотрим интернет-комментарии как реакцию читателей на новостную статью «Чиновница во Владимирской области посоветовала «помыть полы» в ветхой больнице», размещенную на портале Newsland 12 января 2019 г. (<https://newsland.com>). Данный новостной материал получил 2855 просмотров и 37 комментариев. Комментарии читателей отчетливо показывают политизированность и идеологическое расслоение общества, готовность вступить в дискуссию по конкретному поводу, которая затем приобретает остро политический размах. Начинается дискуссия с обсуждения конкретной ситуации в конкретной больнице и обсуждения вопроса, нужно ли медперсоналу навести порядок (помыть пол) в больнице. Причем автор инициального комментария Андрейка41, в сущности, разделяет позицию чиновника – медперсонал больницы должен содержать ее в надлежащем состоянии, поскольку государство выделяет средства на содержание медицинских учреждений.

Андрейка41

В какой части она...не права? Если деньги выделяются на содержание.

Далее дискуссия приобретает остро социальный и политический характер, направленный на критику реформы здравоохранения, властных структур, президента и чиновников:

Ян Янов

Видимо Путин выделил денег столько, что даже помывку не оплатит, а не то что ремонт. Или уже чинуши-путинцы разворовали деньги. Но сколько не мой полы в больнице, состояние не улучшиться и оборудование не появится.

Андрейка 41 продолжает дискуссию, аргументируя свою позицию и продолжая анализ конкретной ситуации в конкретной больнице:

Андрейка41

Видно доктора и сёстры уж очень там обленились. Пока я вижу именно только это.

К обсуждению подключаются другие участники дискуссии, и обсуждение постепенно приобретает иронический и эмоционально-оценочный модус:

Взгляд из деревни

Оптимизация медицины и подразумевает что хирург он же дворник и сантехник. Видимо план по оптимизации не читали. Так что права Чекунова.

Как обычно, в дискуссию вступает более осведомленный участник, который пытается изложить конкретную информацию и конкретные факты, но и он в итоге переходит к оценочно-ироничным суждениям:

Майкл Сноуден

Напомним, с жалобами на состояние больницы в Струнино к президенту России Путину местные жители обратились во время прямой линии в июне прошлого года. После этого глава государства дал поручение министерству здравоохранения РФ и властям Владимирской области отремонтировать здание райбольницы и детской поликлиники в городе Струнино и оснастить больницу современным оборудованием. Но, помыть полы – это же дешево...

Участники дискуссии, суждения и оценки которых постепенно приобретают все более масштабный характер, показывают, что ситуация в конкретной больнице и предложения чиновников по ее решению, это типичная ситуация в стране и типичные действия чиновников, а следовательно, проблема не в конкретном чиновнике, а в неэффективной системе государственного управления в целом:

андрей пудов

Чекунова ничем НЕ отличается от других чиновников от Кремля, до самых до окраин. Лет несколько назад Медведев на оборонном предприятии сделал замечание, что рабочие одеты не в фирменный прикид, «как на западе», а в камуфляж с военных складов. Это везде! Технологическая деградация прёт как вода в половодье, но главное это помыть,

покрасить, протереть пыль, повесить занавески, убрать посторонние наклейки...таков уровень руководства всей страны.

Сергей Шапцев

И ЕН опосля мытья полов ко мне в БРЮХО грязными руками ползет???Будьте Вы прокляты, антихристы крямлевские!!!До седьмого колена....

Далее дискуссия переходит к обсуждению принципов управления государством.

Называйте меня просто Ильич

О чём галдёж, пацаны, значит не только ПАВАРИХА способна управлять государством и нами всеми, но и ПАЛАМОЙКА.

Ажерес

Не надо передергивать- В. И. Ленин имел ввиду, что кухарка должна иметь право и возможность выучиться и руководить по уровню образования, в том числе и государством, «кухарка», как образ-представитель, и, кстати, что за высокомерие по отношению к важной профессии Повар-большинство чиновников-управленцев, ничем толком не владеют, гвоздя вбить не могут, и никогда не брали на себя ответственность за конкретное дело.

И после подобных высказываний о некомпетентности чиновников дискуссия завершается призывом к смене власти в стране:

nav 66

Правильно, не надо полы мыть в больнице, надо власть менять. Вы в двух словах изложили концепцию власти. Хватило бы и одного – «кухарка»!!!! Словом «кухарка» нынче обозначают всё – символ веры (как антагонизм) и своё место в мироздании (по противопоставлению), всё плохое в других и тем намекают на всё хорошее в себе (?), ну а главное – свои претензии на власть... Своего предъявить нечего – нет положительных примеров успешного управленца с «управленческим» образованием. Да, правильно – речь идёт именно об образовании и социальном слое – образованцах. Но здесь легко посчитать – поскольку кухарок в правительстве никогда не было, все обвинения кухаркам – поклёп.

Таким образом, высказывания российских чиновников в процессе их интерпретационного функционирования в интернет-среде становятся крылатыми выражениями, мемами, поскольку интернет-пространство с его открытостью, доступностью для участия представителей различных социальных групп, имеющих разные представления и мнения, способностью к тиражированию информации – это та площадка, на которой реализуется новый тип коммуникации и формируются новые коммуникативные жанры – интернет-комментарии. Интернет-комментарии позволяют увидеть закономерное несоответствие интенционального за-

мысла автора – представителя чиновничьих структур – и реализации этого замысла в процессе рецептивно-интерпретационной деятельности адресата. Интерпретационное функционирование подобных фраз чиновников в интернет-среде обусловлено как экстралингвистическими, так и лингвистическими факторами.

СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ И ЗНАКОПОРОЖДЕНИЕ ФРАЗЕМ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Семененко Наталия Николаевна

Старый Оскол, Россия

Проблемы фразеологической неологии носят комплексный лингвокультурологический характер, поскольку сам по себе фразеологический знак в силу косвенно-производного характера номинации несёт многослойную информацию, а план содержания фраземы в любом случае представляет собой смысловое содержание как взаимодействие собственно закреплённого значения, внутренней формы и этимона. Фактором актуальности при этом выступает необходимость чёткого и последовательного разграничения самого материала, поскольку «состав фразеологических неологизмов весьма разнороден, здесь особо ощущается смешение «своего» и «чужого» и волна вульгаризации, вздымаемая жаргоном и просторечием» [Мокиенко 2012а: 61].

Кроме того, оценочный характер фразеологического значения нагружает смысловое пространство фраземы ценностно обусловленными, модальными и эмоционально-экспрессивными компонентами семантики. Все эти особенности позволяют трактовать фразему как знак (либо, в случае с фразеологическими высказываниями, как текст) культуры. Но это же свойство фраземы способствует развитию дискуссии и в принципиальном методологическом фокусе изучения неофразеологизации, поскольку бесспорная культурологическая ориентированность семантического анализа фразеологической семантики в последние десятилетия обретает новый исследовательский фокус в связи с активизацией изысканий в области таких смежных лингвистических наук, как дискурсивная лингвистика и лингвосинергетика, что позволяет существенно расширить методический инструментарий анализа, не выходя при этом за границы стратегической задачи фразеологии – описания взаимопревращений собственно языкового и лингвокультурного содержания фразеологического знака. Вместе с тем, важнейшая задача в изучении процессов неологизации в современной фразеологии обусловлена проблемой собственно

лингвистической интерпретации данного явления, поскольку, как отмечает Х. Вальтер, «нередко на неологические явления смотрят как на чисто социальные феномены, подменяя лингвистический анализ общими социолингвистическими, политологическими или культурологическими интерпретациями» [Вальтер 2008: 28].

Ещё один аспект дискуссии относительно принципиальных позиций в определении тех или иных единиц как неофразем связан с определённой дуальностью в понимании самого термина, обусловленной таким новым явлением, как хештег, в связи с чем ряд исследователей, изучающих язык современных соцсетей, под неофраземой понимает в том числе и «новые фразеологические единицы, появившиеся в языке в последние десятилетия и еще не попавшие в словари. Основными критериями для выделения таких неофразем является их сложная структура (два и более элементов, записанных, как правило, слитно в формате хештега), устойчивость, воспроизводимость и наличие целостного переносного значения» [Глазкова, Родина 2016: 45]. Ряд изменений самой структуры современного информационного пространства существенно повлиял на нюансы фразеосемиозиса,⁵⁵ что делает в высшей степени актуальным вопрос не только собственно статуса неофраземы, но и понимания, что рассматривать фразеологическую единицу в отрыве от контекста её употребления в наше время практически невозможно.

Фразеологическая неологизация – процесс непрерывный и детерминированный событийным планом культуры в эпоху глобального информационного пространства, когда фактически каждое значимое в общественно-политической жизни событие становится источником слово- и фразотворчества, поскольку устойчивая единица – универсальный дискурсивный топик, обеспечивающий интертекстуальный потенциал конкретного медиатекста. Кроме того, сам характер языка современных медиа в высшей степени располагает к нарочито прецедентному характеру речи, когда важно не столько привлечение внимания к содержанию статьи за счёт «кричащего» или даже скандального характера заголовка или других значимых элементов текста, сколько демонстрация культурологической и лингвокультурологической компетенции автора текста, косвенно подтверждающая правомерность его выводов и оценок. Действительно, прецедентные единицы языка, даже вновь образованные и откровенно окказиональные, являются эффективным инструментом речевой манипуляции массовым сознанием, поскольку практически всё, что носит прецедентный характер, автоматически относится сознанием человека к области уже неоднократно прошедшего проверку общественным мнением, кругом повторяющихся типических событий и традиционно наблюдаемых проявлений человеческой природы – то есть области того, что мы традиционно именуем «фондом житейской мудрости». Таким образом, разного рода транс-

⁵⁵ Об этом процессе на примере интернет-дискурса см. [Доброва 2019: 228–235].

формации и аллюзии с использованием фраземы как прецедента на сегодня являются уже повсеместно используемым способом актуализации содержания текста и средством интертекстуальной «отсылки» от одного текста к другому в пределах локального дискурса.

Обилие в современном общественно-политическом дискурсе разного рода прецедентных ссылок на фразеологический фонд языка порождает ряд правомерных вопросов о границах смысло- и знакообразования во фразеологии, поскольку определённое «размывание» границ собственно неофразеологизации и трансформации фразем обусловлено именно высокой скоростью смены актуальных тем обсуждения. Поскольку фразеологический фонд наиболее чутко реагирует на изменения в социуме, то и процесс становления и развития фразеологического фонда в русле общих тенденций производства фразеологизмов путём заимствования или на базе свободных словосочетаний обнаруживается преимущественно в тематических сферах политики и экономики [Гаярски, Степанова 2019: 59; Григоренко 2009: 28], которые характеризуются высокой степенью смены актуального фокуса в нацеленности на конкретные события. Соответственно, условия знакообразования как такового, когда неофразама должна «устояться» в определённом балансе внутренней формы и закреплённого значения, меняются в корне – слишком быстрая смена событий, актуальных буквально для всего населения планеты, слишком сильна тенденция обобщения разнородных событий для осмысления их роли в глобальных процессах, кроме того, постоянно «уплотняется» ассоциативная сеть восприятия события как некоего закономерного проявления сферы интересов групп людей. По итогу, век фразеологического новообразования недолог именно потому, что высока сиюминутная актуальность его функционирования. С другой стороны, сама скорость узуализации фраземы, обусловленная ключевой ролью медиатекста в информационном поле современного носителя языка, неизбежно влияет на ускорение перехода неофразама в статус прецедентного феномена, в результате чего она, в свою очередь, становится источником тех или иных речевых трансформов. В подобной ситуации потенциал трансформов куда выше, а способы их реализации в речи, при всём стремлении к креативу, в определённой степени ограничены необходимостью сохранения хотя бы минимального баланса форм исходной и трансформированной, хотя достаточно часто мы обнаруживаем в тексте буквально только намёк на исходную форму.

Например, в статье Тимура Никитина, размещённой на странице интернет-издания «На Линии» (<https://www.nalin.ru/obshhestvennoe-doverie-iz-probirki-7022>), функцию текстообразующего топика выполняет заголовок «Общественное доверие из пробирки», в котором мы видим взаимодействие двух прецедентных «энергий» – актуальное клише *общественное доверие* получает смысловое расширение за счёт аллюзии к единице *дети/люди из пробирки*, которая, в свою очередь, относится к актуальному фонду языка и может быть квалифицирована как неофразама. Сама природа заголовка как струк-

турного элемента публицистического текста позволяет ему реализовывать функции мини-текста, а прецедентная форма только усиливает эту функцию. Автономная семантика заголовка может быть представлена как смысловое единство (1) внутренней формы структурообразующей фраземы – ‘нечто, искусственно выведенное в процессе опыта с определёнными веществами’ и внутренней формой публицистического клише – ‘оказание доверия группой людей кому-либо/чему-либо’ (причём определяющим является первый, поскольку сама грамматическая структура единицы очевидно указывает на его событийную первичность); (2) значения структурообразующей фраземы – ‘искусственно созданная ситуация, истинное содержание которой подменяется нужным кому-то для определённых целей’ и значения публицистического клише – ‘прагматическая установка большинства, которую необходимо учитывать в действиях’. В итоге собственно смысловая нагрузка заголовка достаточно мотивирована и целостна, что и позволяет ему выступать в качестве своеобразного мини-текста при основном тексте.

В самом тексте клише *общественное доверие* репрезентировано в функции прямой номинации в составе официального названия общественного органа при президенте: *Национальный совет общественного доверия при Президенте Республики Казахстан* (далее – *Национальный совет*) является консультативно-совещательным органом при Президенте Республики Казахстан, но, в процессе авторского рассуждения, именно фактор *доверия* подвергается критической оценке: *Дальше – хуже. Речь о самом завлекательном и драматическом слове в названии нового органа. О слове «доверие». Было бы точнее и вернее назвать совет советом государственного доверия.* Поскольку тема собственно процесса формирования чего-либо «в пробирке» в тексте прямо не номинирована, именно это перефразирование *общественного доверия* в *государственное доверие* и выражает генеральную мысль о сути манипуляции, оставляя читателю определённый простор для додумывания, при этом с вектора этого додумывания не даёт сбиться именно заголовок.

На приведённом примере мы видим, как неофразаема определённым образом семантизируется в дискурсивных условиях. Современный контекст употребления неофраземы с компонентом *из пробирки* достаточно широк: мы встречали такие варианты, как *дети/люди/инвалиды из пробирки* – в публицистическом контексте, *скелет из пробирки* (Д. Донцова) – в художественном контексте, *языки из пробирки* и *сады в пробирке* – в научно-популярном контексте. При этом, при всей первичности образа *дети из пробирки*, нельзя не учитывать и превалирования грамматической функции предлога в данной единице.

Мы полагаем, что в вопрос статуса данной фраземы определённую ясность может внести когнитивно-дискурсивный подход, поскольку «в современном языке коммуникативно и прагматически значимая фрейм-структура обычно вербализуется неофразами. Полученная таким образом неофразаема являет-

ся вербальным аналогом фрейма, который обычно имеет форму пропозиции или набора пропозиций» [Алефиренко 2011: 13]. Действительно, как мы уже могли убедиться на выше приведённом примере, «привязка» фразеологического фрейма к конкретной ситуации весьма вариативна и, в определённом смысле, позволяет фраземе выступать в качестве универсального дискурсивного топика, «запускающего» механизм смыслообразования, в то время как её собственно языковое содержание в определённой степени оказывается дискурсивно обусловленным. Данная обусловленность определена фрактальной природой фразеомуупотребления, поскольку в условиях практически любого контекста фразема в силу своей типизирующе-оценочной функции способна формировать локальные смысловые пространства при условии тех или иных нюансов совпадения/несовпадения оценки событий автором и читателем, либо автором и его потенциальными оппонентами. Соответственно, наблюдаемая нами трансформация выходит за пределы собственно стилистического приёма, посредством которого заголовок формирует «ярлык» текста и, кроме прочего, свидетельствует о взаимовлиянии процессов знако- и смыслообразования в современном фразефонде.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ СЕТЕВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Ядвига Тарса
Ополе, Польша

Максим Кронгауз в изданном в 2013 году *«Самоучителе Олбанского»* утверждает, что книгу о русском языке в Интернете надо было написать лет на 5–7 раньше, потому что за эти годы много изменилось. Однако он отмечает также преимущество позднего написания – больше видно и понятно. То, «что считалось основными тенденциями, оказалось модой, игрой, чем-то недолговечным и случайным, а какие-то вроде бы случайные вещи оказались основными тенденциями» [Кронгауз 2013: 8]. Сегодня можно спросить, что изменилось за 30 лет существования Рунета (в 1990 г. был создан первый узел сети ФИДО и этот год считается датой рождения Интернета в России)? Можно заметить, что общение в Сети стало так же естественным, как и в реальном мире, а в результате большой активности интернет-пользователей в виртуальном мире образовался новый тип культуры – киберкультура. По-моему, киберкультура – это вид массовой культуры, основанный на виртуальной реальности и использующий ее для проявления творческих возможностей индивидов и социальных группировок. Другими словами, киберкультура – это результат креативного использования технических возможностей компьютеров и сети Интернет. Творческий подход интернет-пользователей к языку привел к новому способу общения, возникновению сетевых фразеологизмов – устойчивых словосочетаний, источником которых является Интернет (мемы, демотиваторы, любительские видеоролики, жаргон падонков и т. п.), а также выражения, происходящие из речи известных лиц, популярных фильмов, литературных произведений, фразеологизовавшиеся в Интернете.

«Интернет активизирует внимание пользователей к тем языковым средствам, которыми он пользуется. Кроме того, виртуальные личности становятся творцами новых вербальных и невербальных средств высказывания и общения, творят не только само виртуальное пространство, но и язык, на котором этот социум общается» [Виноградова 2004: 66]. Интернет-пользо-

ватели с самого начала существования виртуального мира играли с формой и значением слова. В Фидонете творчески к языку относились кашченицы – члены сетевой субкультуры, высказывания которых отличались насмешкой над собеседником, провоцированием еврейской тематикой, большим числом задаваемых вопросов. Им принадлежат устойчивые словосочетания *зочем вы травите пейсателя* и *аицкий сотона*, а также фонетическое записывание слов, которое у них позаимствовали падонки. Выражение *аицкая сотона* появилось в феврале 2002 года как название вымышленной музыкальной группы. Скоро выражение это получило популярность в жаргоне падонков, где оно перешло в мужской род (*аицкий сотона*) и означает высокую положительную оценку. По мнению автора статьи, *5 мемов, которые помнят только олдфаги*, это выражение, вместе с мемами *Превед медведь*, *Йа Креведко*, *Ктулху Фхтагн*, *олбанский язык* уже вышло из употребления в Интернете. Однако *аицкий сотона* не забыт. В 2018 году в социальной сети Author.Today (<https://author.today>) М. В. Булух опубликовал цикл романов фэнтези *Грязные Игры*, состоящий из трех книг: *Аицкий нуб*, *Аицкий Хай* и *Аицкий Сотона*. Пользователь Петро Залуца в комментарии к стихотворению *Красное колесо* (Тютчев и мужик), на сайте Литпром 10 января 2020 года написал: *С кавера реально ржал. Афтор аицкий сотона. Ггг* (<http://litprom.ru/thread77494.html>). Под текстом *Каролинский жнец* (*Carolina Reaper*) *самый острый перец. Мини обзор в мире можно прочитать комментарий, написанный пользователем prohuk 10 января 2020 г. – Автор – аицкий сотона. Этот эксперимент наверное покруче чем Илья Мечников над собой совершил. Снимаю шляпу* (<https://mysku.ru/blog/ebay/78062.html>).

В 2004 году впервые появилось выражение *учи албанский*, которое очень быстро распространилось в Сети. Это одно из многих и в начале XXI века популярных выражений, происходящих из жаргона падонков. Члены интернетовской субкультуры, или как они сами себя определяли, контркультуры, внесли многое в язык интернет-пользователей. Пик популярности олбанского языка пришелся на начало XXI века. Тогда в Рунете можно было найти любительские словари этого жаргона, а устойчивые выражения падонков

аффттар жжот, креатифф зачотный; смеялсо всем офисом; аффттар жжот нипадецки; пеши исчо!; аффттар, пеши исчо!; жжош сцукко; офигеть, дайте две; респект и уважуха; аффттар выпей йаду, в Бабруйск, животное!; убей сибя с расбегу; убей сибя с расбегу апстену вымазанную йадом; убей сибя ап стенку; креатифф гавно, аффттар мудака; слив защиттан; киса ку-ку, ты с каково города

и т.п. были частыми комментариями, употреблялись блогерами и авторами демотиваторов, мемов и фотожаб. Популярность этого жаргона была вызвана его игровым характером, фонетическим записыванием слов. Как считает Н. Б. Мечковская, «одно из самых значительных проявлений повышенной

метаязыковой рефлексии в Рунете связано с самостоятельным (не на филфаках, а в чатах) осознанием относительной раздельности звучания и письма. Русскоязычные „чатляне” радостно открыли для себя, что школьные муки с выбором буквы *А* или *О* в безударном слоге, *И* или *Ы* после *Ц* и т.п. – напрасны, потому что выбор не влияет на звучание; что *яд* и *йад* произносятся одинаково; что *пруцца* ближе к реальному звучанию, чем *прутся*, и т.д.» [Мечковская 2006: 173]. Мода на фонетическое записывание слов относительно быстро прошла, но некоторые из фразеологизмов жаргона падонков прочно вошли в язык интернет-пользователей. Они позволяют в сжатой форме прокомментировать прочитанное или увиденное в Сети. Приведем несколько примеров: Пользователь GMFP написал 3 января 2020 года краткую рецензию на книгу С. А. Аркова *Темная рать* в стиле жаргона падонков. В ней появился и эрратив *адназначна* и устойчивое словосочетание *в мемориз* и фразеологизм *аффттар жжет*:

Порадовал Арьков, в натуре, порадовал! Это просто праздник какой-то! Искренне хохотал, тыщу лет не читал ничего подобного. Впрочем, школота, беременные женщины и альтернативно одаренные, не оценят юмор, скажут что это низко, мерзко и излишне натуралистично. А мы их без гнева и без страха пошлем интеллигентно нахуй. Дабы не испортили впечатление от реально смешной книги, в отличие от многочисленных и безуспешных потуг всяких бездарей-графоманов. Аффттар жжет, в мемориз, адназначна! (<http://book.lib.rus.ec/polka/show/all/2100420>).

Под фильмом с одним из номеров «Уральских пельменей» появились комментарии: *Я армянка, и просто балдею от „армянина” Ромы. Ржунемогу! Браво!»; «восьмой раз смотрю, ржунемогу))))))))* (<https://www.youtube.com/watch?v=E-5WqGGkJmmY>). Кажется, что из богатого в начале XXI века списка фразеологизмов жаргона падонков в активном употреблении остались названные *аффттар жжет*; *ржунемогу*; а также *аффттар*, *пиши еще*; *респект* и *уважуха*.

«Кто сейчас не знает слово „мем”? Мемы постоянно создаются, форсируются и забываются. Сейчас „Мистер Дудец”, потом „Дратуги”, потом еще что-то. А ведь были времена, когда мемы не штамповались на конвейере, когда их помнили дольше чем сейчас, когда их было не так много, но они были более... Веселыми чтоли?» (5 мемов, которые помнят только олдфаги). Многие сетевые фразеологизмы происходят из креолизованных текстов (мемов и демотиваторов) и медиафайлов. Одним из самых первых, если не самым первым был фразеологизм *Превед медвед*, который появился в феврале 2006 года. Его источником была картинка Джона Лурье, на которой изображены люди, занимающиеся сексом на лесной полянке, и медведь, стоящий на задних лапах и говорящий им *Surprise!* Автором слова *превед* был 27-летний тогда Роман Яценко (ник: Lobzz), которому показалось, что оно больше подходит

(Жан 2006). *Превед медвед* часто появлялся в блогах, разного рода фотожабах и демотиваторах, а стал он выходить из моды в начале 2009 года.

По мнению Максима Кронгауза, «средняя продолжительность жизни мема в интернете – 1 месяц» [Лебедева 2016]. Действительно, кто еще помнит выражения *ломай меня полностью; пошел вон, противный; Дверь запили!* и т.п. Однако есть и такие, которые не выходят из моды, а интернет-пользователи употребляют их в своих высказываниях, используют в мемах. Примером может быть мем *будет весело, говорили они*. На сайте netlore.ru можно прочитать, что фраза *It will be fun, they said* возникла не позже 2009 года и что она применяется к странным картинкам. «Одна из наиболее распространенных картинок – персонаж, известный как прачечный викинг, молодой человек, плывущий в тазу по затопленной прачечной. Надпись гласила: „Мне сказали: «постирай, будет прикольно», – они сказали”. Макрос подразумевает, что персонажа спровоцировали на некое необдуманное действие, приведшее к неожиданному печальному результату».⁵⁶ Можно сказать, что инвариант этого фразеологизма состоит из двух частей: первая это – *сделай что-то, говорили они*, а вторая – *будет весело, говорили они*. Примерами других сетевых фразеологизмов, прочно вошедших в лексикон интернет-пользователей, которые были вербальной частью демотиваторов или мемом, могут быть: *Капитан Очевидность; сильная, независимая женщина; это неловкое чувство; то чувство, когда; кто-то / что-то 80 lvl*.

К сетевым фразеологизмам можно отнести и выражения, происходящие из речи известных лиц, из популярных фильмов, литературных произведений, фразеологизовавшиеся в Интернете. Интернет является для них своего рода катализатором, ускоряющим их распространение и запоминание. Трудно определить, какое из такого рода выражений стало первым сетевым крылатым выражением. М. Щигарева считает, что это были слова, прозвучавшие в выпуске *День радио* мультфильма «Масяня» от 2001 года: *пойдем-ка, покурим-ка* [Щигарева 2019]. Большую их часть составляют высказывания интернет-пользователей, напр. *сдам жилой гараж; мопед (мотороллер) не мой, я просто разместил объяву; горизонт завален*. Не менее часто крылатыми становятся фразы политиков или выражения, возникшие в связи с их деятельностью: *веселый гном; партия жуликов и воров; денег нет, но вы держитесь*. Они окрылились, потому что вызывали сильные эмоции и повторялись многими интернет-пользователями в блогах, комментариях и демотиваторах.

Тридцать лет Рунета – это и мало, и много. Мало, потому что это небольшой отрезок времени. Много, так как уже можно заметить некоторые тенденции развития языка интернет-общения. Сетевыми фразеологизмами становятся те выражения, которые состоят из небольшого числа компонентов и легко поддаются модификации, они являются сгустком мыслей, заменяю-

⁵⁶ <http://www.netlore.ru/it-will-be-fun>

щим длинные высказывания. Часть из них является интернационализмами – они популярны в разных сегментах Интернета. Конечно, еще трудно судить, как долго они будут употребляться интернет-пользователями, но среди них есть такие, которые воспроизводятся в разных жанрах интернет-дискурса уже свыше двадцати лет, а это в тридцатилетней истории Рунета солидное время.

SERWIS YOUTUBE JAKO ŹRÓDŁO NAJNOWSZEJ POLSKIEJ FRAZEMATYKI

Maciej Rak
Kraków, Polska

Andrzej Maria Lewicki i Anna Pajdzińska [2010], omawiając źródła polskiej frazeologii, wskazali: 1) doświadczenia życia w bardziej lub mniej odległych epokach (po części dotyczą tego książka i słownik Agnieszki Piel [2016, 2018]); 2) Biblię (frazeologię biblijną na materiale polszczyzny ogólnej szczegółowo omówili Anna M. Komornicka [1994], Jan Godyń [1995] i Stanisław Koziara [np. 2001, 2009], z kolei gwarowy materiał był podstawą prac Emila Popławskiego [np. 2014]); 3) mitologię grecką i rzymską (tą tematyką zajmuje się Magdalena Puda-Blokesz [np. 2014, 2015]); 4) przysłowia (frazeologizmy pochodzące z przysłów były przedmiotem rozważań m.in. Juliana Krzyżanowskiego [np. 1975]); 5) zapożyczenia z innych języków (ten temat w polskim językoznawstwie jest właściwie nadal zaniedbany, pojedyncze artykuły nie mogą bowiem rekompensować całościowego opracowania monograficznego); 6) zapożyczenia wewnątrzjęzykowe, z socjolektalnych i gwarowych odmian polszczyzny (tu sprawę komplikuje płynne przejście: frazeologia gwarowa → frazeologia potoczna → frazeologia polszczyzny ogólnej, z powodu którego trudno czasem ustalić, jakie jest pochodzenie konkretnego frazeologizmu).

Frazeologię wywodzącą się z folkloru omawiali Jan S. Bystrzeński [1921, 1933: 226–236], J. Krzyżanowski [1947, 1969–1978, 1980] i Maciej Rak [2008, Rak 2018], z kolei nową frazeologię publicystyczną scharakteryzowali w osobnych artykułach i wspólnie Gabriela Dziamska-Lenart i Piotr Fliciński [np. 2016]. Nadal jednak w polskiej leksykografii brakuje takiego dzieła, jak *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь* [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005].

Szczególnie miejsce we współczesnej komunikacji językowej zajmuje internet, o czym pisało i pisze wielu badaczy [np. Godzic 2000; Golus 2004; Grzenia 2006 – ostatni, piąty dodruk tej książki był w 2012 r.; Panek 2016 – tu znajdziemy w miarę aktualną bibliografię prac dotyczących języka internetu]. Jedną z jego cech jest wielość kanałów komunikacyjnych, wśród których znajduje się serwis YouTube (dalej:

YT). Polską wersję językową YT uruchomiono 19 VI 2007 r., jednak od samego początku, czyli od 15 II 2005 r. polscy użytkownicy umieszczali w tym serwisie filmiki. W polszczyźnie potocznej można już zauważyć specyfikację znaczeniową słów *film* i *filmik*, przy czym *filmikiem* określa się krótką, amatorską formę filmową nagraną za pomocą telefonu komórkowego lub kamery i umieszczoną w internecie, najczęściej na YT, Facebooku lub Instagramie, zwykle w celach rozrywkowych, czyli – jak mówi młodzież – *dla fanu*. Najszerzy zasięg ma YT, zapoznanie się z jego zasobami nie wymaga bowiem zakładania konta ani logowania. Niektóre filmiki mają miliony wyświetleń. Tak wielka rzesza oglądających sprawia, że fragmenty wypowiedzi (celowe bądź przypadkowe) ich bohaterów zyskują czasem status frazemów – są odtwarzane w określonym kształcie i znaczeniu. Dokładniej rzecz ujmując, jednostki te to skrzydlate słowa, są bowiem obrazowe, barwne i aluzyjne, znane dość szerokiej grupie osób, a ich autorstwo lub okoliczności powstania można ustalić przez sięgnięcie do YT bądź szerzej do internetu. Jeśli idzie o terminologię, najtrafniejszy jest tu jednak zaproponowany przez Wojciecha Chlebdę (1991) *frazem*, który obejmuje swoim zakresem wszystkie wielowyrzowe jednostki odtwarzane z pamięci, w tym oczywiście także skrzydlate słowa.

W tej krótkiej pracy omówię 7 frazemów, które niewątpliwie wzięły swój początek z filmików umieszczonych na YT.

Ale urwał. 9. I. 2010 r. pojawił się na YT filmik *Ale urwał*⁵⁷ nagrany na ulicy Janusza Kusocińskiego w Szczecinie, na którym zderzają się auta wjeżdżające na oblodzoną górkę. Jeden z obserwatorów zareagował na to słowami *ale urwał*, które weszły już do polszczyzny potocznej. Notuje je internetowy *Miejski słownik slangu i mowy potocznej* (miejski.pl) w znaczeniu ‘*ale urwał* – mówi się, gdy ktoś coś dosłownie urwie, zgniecie, połamie lub po prostu popsuje’. Frazem ten znajdziemy też na bardzo wielu memach, nazwano nim górkę w Szczecinie, z której ześlizgiwały się samochody, był również inspiracją dla piosenki „Ale urwał song”⁵⁸. Na dziesięciolecie filmiku na portalach i w gazetach internetowych (Wirtualna Polska,⁵⁹ „Gazeta Szczecińska”,⁶⁰ „Gazeta Wyborcza”,⁶¹ „Super Express”) pojawiły się o nim wzmianki, a nawet quiz „*Ale urwał!*” – *co wiesz o hicie Internetu ze Szczecina?*,⁶² w którym jedno z pytań dotyczyło stopnia nachylenia jezdni na ul. J. Kusocińskiego. Frazem ten stał

⁵⁷ <https://www.youtube.com/watch?v=IBFz7G2YfgI&t=33s>

⁵⁸ <http://www.smog.pl/ale-urwal-song-boskie-33984/#>

⁵⁹ <https://tech.wp.pl/ale-urwal-ma-juz-10-lat-okragla-rocznica-na-polskim-youtube-6465878614173313a>

⁶⁰ <https://gs24.pl/ale-urwal-10-rocznica-najwiekszego-hitu-internetu-ze-szczecina-jak-zmienilo-sie-to-miejsce-wideo/ar/c1-14704637>

⁶¹ <https://szczecin.wyborcza.pl/szczecin/1,34939,21221056,ulica-ale-urwal-jak-nazywa-sie-ona-naprawde-rozstrzygniecie.html>

⁶² <https://www.se.pl/szczecin/ale-urwal-ale-to-bylo-dobre-hit-internetu-ze-szczecina-obchodzikielne-urodziny-jak-teraz-wyglada-to-miejsce-wideo-aa-XBdz-Arqq-fnsB.html>

się także częścią tytułu książki Andrzeja Bubrowieckiego [2010] adresowanej do uczniów; rzecz jasna, mamy tu do czynienia z chwytem marketingowym nastawionym na młodszych konsumentów.

Koniec imprezy. Nie ma takiego bicia. Filmik, który na YT jest znany pod tytułami: *Nie ma takiego bicia, czyli niezapomniana 18, Ale osiemnastka* i *Niezapomniana osiemnastka*, został opublikowany na początku 2010 r. i od razu usunięty, ale jednak jego kopie są powielane. Najstarsza pochodzi z 22 VIII 2010 r. *Koniec imprezy* i *Nie ma takiego bicia* to formuły, wypowiedziane w złości przez ojca osiemnastolatka, którego na urodzinach koleżdy biją pasem. Według ojca robią to zbyt brutalnie, dlatego wybuch on słowami: *EEE, synek, synek, bo jak ja cię pierdolnę, to cię krew zaleje! Koniec imprezy! Nie ma takiego bicia!* Ostatnie dwa wypowiedzenia weszły już do polszczyzny potocznej zwłaszcza tych osób, które aktywnie korzystają z internetu. O popularności wymienionych formuł świadczą bardzo liczne memy, a także wykorzystanie np. w tytule artykułu publicystycznego opublikowanego w tygodniku „Wprost” – *Koniec imprezy* [Skrzydłowska-Kalukin 2019].

Jestem Hardcorem. Z bohaterem filmiku *Jestem Hardcorem* dziesięć lat po publikacji, czyli w 2019 r. wywiad przeprowadziła satyryczna telewizja internetowa Pal Hajs TV.⁶³ Konrad jest mieszkańcem Buska-Zdroju i to tam na jeden z bloków wspinał się po piorunochronie, na co zareagowała wychylająca się z okna bardzo zdenerwowana kobieta, krzyżąc, że urwał jej kabel od internetu. Fraza *Jestem Hardcorem* przeszła już do polszczyzny potocznej zwłaszcza młodych ludzi i została zanotowana w *Miejskim słowniku slangu* w znaczeniu ‘używane podczas wykonywania ekstremalnych lub ekstremalnie głupich czynności (np. chodzenie po piorunochronach, skakanie z wysokich budynków), najczęściej używane ironicznie’.⁶⁴ Co ciekawe, najczęściej *hardkor* jest pisany dużą literą i przez *k* (oryginalna, właściwa pisownia to *hardcore*). Oczywiście *Jestem Hardcorem* jest także wykorzystywane w wielu (liczonych w setki) memach, nawiązanie do tej frazy pojawiło się też w tytule artykułu naukowego opublikowanego w kwartalniku „Kultura Popularna” – *Czy Hitler jest hardcorem?* [Ruszer 2012].

Super partia. *Super partia* to prawdopodobnie najstarszy z frazemów rozpowszechnionych dzięki YT. Pochodzi z krótkiego wywiadu, który w październiku 2006 r. przeprowadziła dziennikarka stacji TVN. Ponieważ pojawił się tu wulgaryzm *Super partia, k...*, materiał nie był rozpowszechniany w telewizji, ale trafił do internetu. Dziś frazem *super partia* jest wykorzystywany w celu wyrażenia poparcia czyichś poglądów (niekoniecznie politycznych) lub jako sposób na przerwanie wypowiedzi drugiej osoby. Rzecz jasna, *Super partia* trafiła do memów, ale niemal zawsze w kontekście politycznym, aktualizowanym wraz z kolejnymi wyborami parlamentarnymi.

⁶³ https://www.youtube.com/watch?v=08HGN45dQmU&list=PLHbNwPS67R5p_5sR3qq0CoBNioyyEi3bh&index=12&t=803s

⁶⁴ <https://www.miejski.pl/slowo-Jestem+Hardkorem>

Paweł Jumper. To już się kameruje. Frazem *Paweł Jumper* różni się od wymienionych wyżej tym, że – jeśli idzie o pochodzenie – jest tytułem filmiku, który pojawił się na YT prawdopodobnie w 2006 r. Pada tam też fraza *To już się kameruje*, która na stałe weszła do języka polskiego internetu i często jest wykorzystywana w memach. *Pawłem Jumperem* nazywa się osobę, która w brawurowy sposób jeździ na rowerze lub zeskakuje z budynków albo drzew. Liczne memy z *Pawłem Jumperem*, a nawet przeróbki piosenek do słów, które pojawiają się w nagraniu, sprawiają, że ten frazem rozpowszechnił się w języku polskich internautów.

Można zadać pytanie o stopień rozpowszechnienia wymienionych jednostek w polszczyźnie. Niewątpliwie są znane i używane, ale nie przez wszystkich. Jest to element języka tych Polaków, którzy bardzo aktywnie korzystają z internetu w tym w celach rozrywkowych, czyli przede wszystkim młodzieży. Frazemów tych nie notują jeszcze słowniki potocznej polszczyzny, ale z pewnością ulegnie to zmianie. Nie można bowiem udawać, że internet, a w jego obrębie YT, nie przyczynia się do powstawania nowych jednostek języka. Filmiki zamieszczone na YT współtworzą współczesny e-folklor, o którym pisze się już od kilkunastu lat [por. Grochowski, Gańczarczyk 2009; Grochowski 2013; KP]. E-folklor (czy – inaczej rzecz ujmując – netlor, cyberfolklor, folklor internetowy) – podobnie jak folklor tradycyjny – jest już źródłem polskiej frazematyki, jak przekonuje niniejsza praca. Potrzeba jednak lat, aby przekonać się, co było indywidualizmem i efemerydą językową, a co ostatecznie oparło się próbie czasu i weszło do języka, współtworząc nasz zasób frazematyczny.

РУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ИСХОДНОЙ СЕМАНТИКОЙ ПИЩИ В СОВРЕМЕННОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ ТРАВЕЛОГЕ⁶⁵

Елена Андреевна Юрина
Томск, Россия

К числу активных явлений в медиадискурсе и повседневной речи носителей современного русского языка относится весьма частотное, вариативное и прагматически маркированное (экспрессивное, суггестивное) употребление образных средств языка, транслирующих метафору еды [Бойчук 2010; Ковшова 2010; Максимова 2013; Юрина, Балдова 2017; Юрина 2018]. Отметим лишь несколько причин такой активности пищевой метафоры и идиоматики в современных дискурсивных практиках. Это, с одной стороны, универсальность целого ряда когнитивных моделей метафоры с гастрономической сферой-источником: «Человек – это Еда», «Мир – это еда», «Ментальные / психические / социальные процессы – это Поглощение / приготовление пищи» и др., что делает метафору еды понятной, легко узнаваемой, убедительной. С другой стороны – это яркая культурная специфика гастрономической традиции, во многом определяющая фактор самоидентификации личности с точки зрения его социально-групповой принадлежности, что придает пищевой идиоматике особый национальный колорит, делает её выразителем этнокультурных стереотипов. Кроме того, современная культура потребления навязывает членам общества «культ еды», активно пропагандируя как здоровое и «правильное» питание, так и всевозможные пищевые излишества через рекламу продуктов питания, ресторанов, гастрономических туров, кулинарных шоу и т. д. Последний фактор ярко проявился, в частности в том, как используют-

⁶⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00194 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (2018–2020 гг.).

ся фразеологизмы и метафоры с исходной мотивирующей семантикой пищи в развлекательных программах российского телевидения.

Предметом нашего анализа являются особенности употребления устойчивых фразеологизмов и возникновение новых образных выражений в дискурсе современных телевизионных программ. Выбор объекта исследования обусловлен задачами комплексного лексикографического описания образных средств современного русского языка, транслирующих гастрономическую (пищевую) метафору [СРПМ 2015–2019], а выбор материала для анализа связан с частотным, вариативным, в высокой степени экспрессивным употреблением образных средств языка с исходной семантикой пищи в речи ведущих и героев телевизионных программ о путешествиях. В качестве материала нами были изучены фрагменты текстов из цикла телепередач о путешествиях (автор В. Познер, ведущие И. Ургант и В. Познер) из 8 многосерийных фильмов о бытовом и культурном укладе Америки, Франции, Италии, Германии, Англии, Израиля, Испании и стран Скандинавии. Полная выборка языкового материала⁶⁶ была осуществлена из фильмов: «Одноэтажная Америка» 2008 г., «Тур де Франс» 2010 г., «Еврейское счастье» 2016 г. Целью авторов данных программ является описание культурных явлений, традиций и обычаев разных стран через призму собственного инокультурного восприятия, а также выражение оценочного отношения к ним. Пищевая метафора (в когнитивном смысле этого термина), реализованная через употребление слов в переносно-образных значениях, сравнений, идиом и прецедентных высказываний, встретила в 34 текстовых фрагментах, где использовалась для описания различных феноменов культуры, религии, политического устройства, национального характера, исторических событий.

Фразеология с исходной гастрономической семантикой встречается в авторском закадровом тексте, комментариях ведущих, диалогах с героями передач или между ведущими. Можно выделить две основные функции употребления пищевой метафоры: 1) экспрессивно-образительную, которая заключается в наглядном, конкретно-чувственном способе характеристики явлений по аналогии со зримыми, осязаемыми объектами кулинарной сферы; 2) эмоционально-оценочную функцию, связанную с воздействием на адресата речи, выражением ценностного отношения автора к какому-л. феномену или процессу.

Рассмотрим особенности употребления максимально частотных фразеологизмов, несущих в авторском тексте анализируемых программ наиболее содержательно и прагматически нагруженные сквозные метафорические образы: *политическая кухня* 'пространство политической деятельности', *с чем это едят?* 'что это значит, как это используют (о явлениях, предметах)', *ап-*

⁶⁶ Материал собран А. В. Балдовой в рамках подготовки базы данных для цифрового «Полиязычного словаря метафор».

петит приходит во время еды 'стремление получить что-л. возрастает по мере удовлетворения потребности', *лакомый кусочек* 'что-л. привлекательное, заманчивое, соблазнительное, чем можно поживиться' и др.

Путешествуя по Америке, Франции и Израилю, В. Познер стремился разобраться в том, что для жителей этих стран значит быть американцем, французом, израильянином; можно ли говорить о единстве социально-культурного, бытового, идеологического укладов, объединяющих всех представителей этих государств; существует ли некий общий «национальный менталитет». Для описания социальных процессов интеграции / дезинтеграции в полиэтническом многонациональном государстве авторы и гости передач активно используют идиому *плавильный котел*, которая неоднократно повторяется в разных сериях циклов, обыгрывается в развернутых текстовых фрагментах, устойчиво ассоциируясь с пищевой метафорикой, и играет роль своеобразной тематической скрепы для отдельных сюжетов.

Образ котла, в котором все ингредиенты готовящегося блюда перемешиваются, теряют первоначальную структуру и передают друг другу свои вкусовые качества, проецируется в социально-политическую сферу, характеризует государства, в которых представители разных культур и религий приобретают общие черты в результате социального взаимодействия:

Характеры есть разные: у немцев свой, у французов свой, у ирландцев, у англичан, у евреев, русских и т. д. и вот, представьте, что все эти характеры как бы нырнули в один котел, и оттуда вышел какой-то новый. Это называется американский характер. Что это? Ну, это смесь («Одноэтажная Америка», 1 серия. Нью-Йорк).

Идиому *плавильный котел* также использует гость передачи, израильский драматург Рой Хен. Развивая идею о цельности израильской нации, он сравнивает ее с фондю, горячим блюдом однородной консистенции, состоящим из расплавленных кусочков нескольких сортов сыра:

Рой Хен: – Все это появилось. Израиль, это, что называется, плавильный котел. Люди приехали отовсюду. – И. Ургант: и как, варятся они здесь? – Рой Хен: Да, они даже оплавилась здесь. Совсем уж как фондю» («Еврейское счастье», 2 серия. Тель-Авив, или с чем это едят).

Продолжая размышлять на тему национального характера, В. Познер использует для характеристики израильского общества развернутую речевую метафору пирога, в которой его многослойная структура, состоящая из теста и начинки, образно уподобляется обществу, в котором существуют разные социальные страты:

Никакого израильского фондю нет, так мне кажется, а есть, если продолжить кулинарную тему, некий пирог, состоящий из теста и весьма сложной начинки, вкус которой в значительной степени определил при-

езд русских евреев, людей ярких и талантливых («Еврейское счастье», 2 серия. Тель-Авив, или с чем это едят).

Для характеристики национальной разобщенности, наличия в стране разрозненных этнических субкультур В. Познер использовал образ салата, в котором все кусочки, хоть и перемешаны, но существуют отдельно друг от друга, не соединяются:

*Некоторые говорят, что Америка уже не **плавильный котел**, а салат. Все **кусочки** находятся в одной емкости, но не соединяются. Это большой **салат** («Одноэтажная Америка», 3 серия. Детройт);*

*Но, рассказав об арабах, китайцах, мексиканцах, которые составляют часть этого **плавильного котла** или **салата**, было бы странно не сказать об еще одной **специи** этого **соуса**. Об иммиграции из бывшего СССР и нынешней России (16 серия. Нью-Йорк).*

Подобные рассуждения часто сопровождаются видеорядом, демонстрирующим процессы приготовления блюд национальной кухни, разговоры за столом во время трапезы. Видеоряд, аудиофон и речевое сопровождение (собственно метафорический текст) в своей целостности создавали полифонический, синергетический эффект эмоционального воздействия на телезрителя, переводя серьезные рассуждения о культуре и политике разных стран в увлекательный формат получения удовольствия от путешествия. Таким образом, фразеологизм встраивается в поликодовый текст, непосредственно воспринимаемый через аудиальный и зрительный каналы, но опосредованно активизирующий вкусовые и обонятельные ощущения.

Фразеологизм *политическая кухня* функционирует как сквозное образное средство в многосерийном фильме «Тур де Франс». В начале первой серии автор подчеркивает особый интерес французов к кулинарии и политике:

*Французы – самые свобододолюбивые люди на свете. Что, как мне кажется, имеет прямое отношение как к кулинарной **кухне**, так и к **политической** («Тур де Франс», 1 серия. В чем загадка Франции для россиян?).*

В последующих сериях этот гастрономический образ разворачивается при характеристике различных политических процессов и событий. Так, для описания исторических событий, произошедших в средневековой Франции, была использована поговорка *аппетит приходит во время еды*, которая характеризует азарт, желание, появляющееся во время совершения какого-л. процесса:

*Тулузский университет основан в 1229 году для ... учебы? Не спешите с выводами. Для борьбы с еретиками, а ими были так называемые альбигойцы, ветвь секты катаров. ... Когда альбигойцев уничтожили, взялись за ведьм и колдунов. Первую ведьму сожгли в 1275 году. **Аппетит**, как известно, **приходит во время еды**. В 1577 году здесь на одном костре одновременно сожгли 400 ведьм («Тур де Франс», 9 серия. Тулуза).*

Будучи своеобразной «семантической скрепой» в дискурсе телевизионного тревелога, метафора еды на фоне знакомства с кулинарной традицией страны сопровождает путешественников из одного города в другой. Например, поездка в город Лурд начинается со слов ведущего:

Мы уже вдоволь насытились пищей материальной, пора бы о душе подумать. Едем в город Лурд, а заканчивается словами: Как я сказал в самом начале, мы ехали сюда в поисках пищи духовной. Лично я наелся. Так, как я хотел уехать из Лурда, я мало откуда рвался («Тур де Франс», 10 серия. Лурд).

Сам процесс знакомства с новой культурой, интерес к бытовому и социально-политическому укладу страны образно именуется посредством фразеологизма *с чем это едят*. Именно так называется одна из серий фильма про Израиль: «Тель-Авив, или *с чем это едят*». Внутренняя форма названия передачи актуализируется через метафору «вкусный» в речи ведущего:

*Я скажу по-другому, Тель-Авив город **вкусный**, Тель-Авив город веселый, Тель-Авив город щедрый, открытый. Вот и все, Владимир Владимирович. И не надо требовать от Тель-Авива, чтобы тут Ватикан стоял («Еврейское счастье», 2 серия).*

В подобных употреблениях переносный смысл можно понимать двояко, метонимическое и метафорическое значения сближаются, накладываются друг на друга: 1) город, в котором вкусная еда, 2) город, привлекательный для туристов, в котором весело и интересно. Позитивные впечатления путешественников от увиденного ассоциируются с гастрономическим удовольствием, а привлекательные и экономически ценные объекты именуются по аналогии с вкусной пищей, вызывающей аппетит:

*Существуют разные теории относительно названия острова Манхэттен. Но то, что точно известно, так это то, что сам остров всегда был **лакомым кусочком** для Европы и за него шла напряженная борьба, иногда просто война («Одноэтажная Америка», 1 серия. Нью-Йорк).*

Представленный материал показал, что фразеологизмы с исходной гастрономической семантикой намеренно используются в телевизионных тревелогах для привлечения и удерживания внимания зрительской аудитории. Они выражают сквозные метафорические образы, репрезентированные в тексте серией образных единиц, составляющих текстовые лексико-фразеологические парадигмы. Суггестивный и эмоционально-воздействующий эффект поддерживается кулинарным видеорядом, на фоне которого разворачивается идеологический дискурс, связанный с обсуждением вопросов политики, истории, культуры, религии, различных социальных процессов.

**Новые фразеологизмы
в корпусах, современной
публицистике
и беллетристике**

UPLATNENIE FRAZÉM A ICH MODIFIKÁCIE V PUBLICISTICKÝCH TEXTOCH

Dana Baláková
Ružomberok, Slovensko

V zornom poli našej práce je intertextovosť – „charakterizačný znak frazémy“ [Mlaček 2007b: 322], ktorú budeme sledovať na vybranom materiáli v Slovenskom národnom korpuse, a to v reťazci pretext – text – posttext, terminologicky vychádzajúc z T. Žilku [2015: 7], t.j. *pretextom* je biblický prameň – vychádzame z jeho spracovania v našej monografii [Baláková, Kováčová 2017], *text* predstavujú frazémy zachytené v slovenských výkladových slovníkoch, ich elektronické zdroje [Krátky slovník slovenského jazyka – ďalej KSSJ; Slovník súčasného slovenského jazyka, jeho prvé tri zväzky – ďalej SSSJ, Slovník slovenského jazyka – ďalej SSJ], *posttext* reprezentujú realizačné podoby skúmaných frazém v podkorpuse publicistických textov [verzia prim-8.0-public-inf.]. Pri výbere materiálu sme sa zamerali na FJ, ktoré v rámci nášho sociolingvistického výskumu biblickej frazeológie [bližšie Baláková, Kováčová 2017a] stoja na periférii alebo patria do postcentra frazeologického úzu respondentov cezgeneračne (zhoda 3 generácií v počte 390 respondentov) či medzigeneračne (zhoda dvoch generácií v počte 260 respondentov), a to intencne vzhľadom na pozorovania lingvistov potvrdzujúcich [Baláková 2011: 260–261; Ďurčo 2001: 38], že textový úzus, frekvencia frazém v reči a lexikografické zachytenie frazém nie sú korelujúcimi veličinami.

Ak sme konštatovali, že komunikačná exponovanosť niektorých frazém v úze našich respondentských vzoriek je kontinuálne nízka (aktívna znalosť jednotlivých FJ sa pohybuje v rozpätí 2 – 25 %), pre databázu korpusu toto tvrdenie platí iba diferencovane, a preto vybranú vzorku 20 FJ možno kategorizovať na základe výskytu na tri skupiny (FJ v nich vymenúvame v zostupnom poradí):

- FJ s vysokou frekvenciou (cca 130 – 500 výskytov): *dvojsečný meč (dvojsečná zbraň), soľ zeme; zlaté tela; ako jeden muž; hlas volajúceho na púšti; duch a litera [zákona];*

- **8 FJ** so strednou frekvenciou (cca 50 – 90 výskytov): *Nikto nie je doma prokom; krívať na obe nohy; tridsať strieborných; Mnoho je povolaných, málo vyvolených; Kto seje vietor, zožne búrku; kolos (obor) na hlinených nohách; Nehádzte perly sviniam; Lahšie prejde ťava uhom ihly...;*
- **6 FJ** s nízkou frekvenciou (cca 1 – 20 výskytov): *prispieť svojou hrivnou; krv z krvi [kosť z kosti] niekoho; striasť prach zo svojich nôh; Belmo (šupiny) niekomu spadlo (spadli) z očí; posielat' niekoho (chodiť) od Pont(c)ia k Pilátovi; jerichovská trúba.*

Ako sme v úvode príspevku uviedli, svoju pozornosť koncentrujeme primárne na intertextovosť, a to v postupnosti: realizácia kompletnej triády pretext/text/posttex – FJ skupiny a) realizácia čiastkového triadického reťazca s chýbajúcim jedným článkom, a to buď 0/text/posttext – FJ skupiny b), alebo pretext/0/posttext – FJ skupiny c). Príklady realizačných podôb FJ v podkorpuse publicistických textov uvádzame v hranatých zátvorkách.

a) Do prvej skupiny patrí FJ *tridsať strieborných*, lexikograficky zachytená ako súčasť slovesnej syntagmy (*za*)*predať niekoho za 30 strieborných* (KSSJ, heslo *strieborný*), ktorá sa v posttexte uplatňuje ako spojenie menného typu, a to bez akýchkoľvek ďalších zmien. V podobe slovesnej syntagmy figuruje v slovníku aj ďalšia jednotka – FJ *zlaté teľa* (KSSJ, SSJ, heslo „*teľa*“: *klaňať sa zlatému teľatu*), ktorá sa tiež realizuje ako menné spojenie s minimálnymi modifikáciami – napr. s atributívnou špecifikáciou substantíva [Čulý ruch na pekingskom letisku ukazuje, že ani jedna veľmoc nie je ochotná vzdať sa chutného sústa zo „*zlatého čínskeho teľaťa*“.]

FJ *soľ zeme* (KSSJ, heslo „*soľ*“: *byť soľou zeme*) sa v textoch uplatňuje ako súčasť predikátov preferenčne v inštrumentálovom tvare komponentu *soľ*, sporadicky aj v nominatíve (*byť soľ zeme*). Aj pri tejto FJ sa stretávame s vkladáním atribútu do jej zloženia (napr. *byť soľou slovenskej zeme*). Subjektom predikácie v pretexte s prihliadnutím na archisému je predpokladaný životný participant, čo však neplatí absolútne [*Humor je soľ zeme, a kto je ním dobre posolený, vydrží dlho čerstvý.*] // *Dobré slovo je soľou zeme, tak aj preto tá soľ*].

Pri FJ *ako jeden muž* možno konštatovať identickú zhodu formálnej podoby pretext/text (SSSJ, heslo *muž*: [*svorne/sú*] *ako jeden muž*) a na základe pozorovania jej uplatnení v korpuse väčšinou aj s posttextom, hoci nie úplnú: popri komponente *muž* sa totiž ako variant objavuje aj rodovo nediferencované pomenovanie *človek*. Znamenali sme aj niekoľké prípady jej rozšírenia (rodového doplnenia o komponent *žena*), alebo naopak, aj skrátenu podobu FJ – *ako jeden* [V tom momente mala celá pláž *ako jeden človek* vyvrátené hlavy k Slnku. // Sociológovia už rok vytrvalo *ako jeden muž* a *žena* opakujú, že ... // Nevidím dôvod, prečo by sa ZRS malo stať nejakým hlasovacím panákom a 13 poslancov *ako jeden* by malo stále zdvíhať ruky...].

Rovnaká zhoda pretext/text je aj pri FJ *hlas volajúceho na púšti* (SSSJ, heslo *hlas*). V posttextoch sa okrem alternácie propozície (*na púšti/v púšti*) daná FJ realizuje aj bez participia (*hlas na púšti*), prípadne je participium nahradené atributívnou vedľaj-

šou vetou (hlas, *ktorý volá na púšti*) alebo je súčasťou predikátu deverbatívum (hlas niekoho je *volaním*). Lexéma *púšť* je sporadicky špecifikovaná (*legislatívna púšť*); keďže však vyvoláva asociáciu nedostatku vody či osamelosti, vyskytujú sa aj redundantné/nefunkčné atribúty (volanie *smädného* na púšti, *osamelý* hlas). Nachádzame však aj originálnejšie uplatnenie sledovanej jednotky – v prepojení s FJ *pozdvihnúť hlas proti niekomu, niečomu* s významom ‚protestovať‘ [A hoci niektorí jednotlivci alebo neformálne skupinky občas verejne *pozdvihnú svoj hlas* (ten bez relevantnej podpory učiteľskej obce obyčajne *zaniká v púšti nezájmu* kompetentných orgánov i širokej verejnosti), karavána školstva ide silou zotrvačnosti ďalej.]

FJ *Nehádzzte perly sviniam* späť s pretextom v imperatívnej podobe je v slovenských slovníkoch (KSSJ, heslo „perla“; SSSJ, heslo „hádzat“) zachytená ako jednotka slovesného konštrukčného typu *hádzat perly sviniam*, ktorá sa uplatňuje v posttextoch častejšie: v infinitívnom tvare spolu s modálnou príslovkou netreba, ale aj opačne, aktualizovane – s poukázaním na bezcennosť povedaného [Boli to *perly, ktoré treba len sviniam hádzat*.].

FJ *Beľmo (šupiny) spadlo (spadli) z očí niekomu* v biblickom pretexte zachytáva premenu Šavla na Pavla (...*mu spadli z očí akoby lupiny*...), Šavlovi sa navracia nielen jeho fyzický zrak, ale najmä nadobúda schopnosť poznať (v zmysle náboženského posolstva novozákonného textu) svetlo Božie, a teda pravdu Božiu. Slovníky slovenského jazyka ju zachytávajú v dvoch podobách: v podobe *beľmo mu spadlo z očí* (KSSJ, SSSJ, heslo „beľmo“) a v podobe *padali mu šupiny z očí* (SSJ, heslo „šupina“) so sekularizačným rozšírením jej významu: ‚poznal pravdu‘. V publicistických textoch jej výskyt je minimálny a obmedzuje sa zväčša na texty náboženského charakteru, odkazujúce na Šavlovu premenu.

Sledovanie ďalšej FJ (v korpuse spomedzi všetkých 20 FJ je najfrekventovanejšou) z aspektu pretext/text/posttext je zaujímavé v inom smere. V Biblii nachádzame spojenie *dvojsečný meč*, v slovenských výkladových slovníkoch (KSSJ, SSSJ, SSJ, heslo „dvojsečný“) je však ako FJ zachytené len spojenie *dvojsečná zbraň*. Napriek tomu sa však v pretexte figurujúce spojenie alternatívne (hoci cca v desaťnásobne menšej miere) v korpuse vyskytuje a je živé najmä (ale nielen) vďaka textom náboženského charakteru [Do budúcnosti by si však mohli uvedomiť, že predvolebný populizmus je *dvojsečný meč*.].

FJ *Kto seje vietor, žne búrku* (KSSJ, heslo siať) či *Kto seje vietor, žne dážd* (SSJ, heslo vietor) – v pretexte v podobe *Lebo vietor sejú a budú ťať víchricu*... – sa v posttextoch väčšinou uplatňuje buď v lexikograficky zaznamenatej prvej (a to úplnej) podobe, alebo v skrátenej verzii ako apoziopéza (*Kto seje vietor*...). Ojedinele sa však možno stretnúť aj so snahou o jej ozvláštnenie či aktualizácie [Kto seje vietor, *zmetie ho víchor?* // Kto seje vietor, žne búrku, *kto seje úspech, žne závišť*. // Premiér totiž pridľho *sial vietor a búrku*, bohužiaľ, *žneme všetci*.].

FJ *krv z krvi [kosť z kosti] niekoho* sa v korpuse realizuje najmä vďaka textom náboženského charakteru. Z odkazu na prameň (Vtedy Adam povedal: „Toto je teraz kosť z mojich kostí a mäso z môjho mäsa...“ Gn 2, 21–23) je zřejmé, že v pretexte

vyskytujúci sa komponent (lexéma *mäso*) v podobe FJ nefiguruje. V najnovšom slovníku sú zachytené 2 FJ: *krv z jeho krvi* (SSS), heslo *krv* s významom 'vlastné dieťa, potomok' a *kosť z jeho kostí* (SSS), heslo „kosť“ s významom 'prvá žena' (v SSJ, heslo „kosť“ s významom 'jeho dieťa'). Upriamili sme preto pozornosť na tento fakt a zistili sme, že FJ sa vyskytuje (hoci frekvenčne sporadicky) práve v rozšírenej podobe spolu s fakultatívnou časťou [*kosť z kostí*] – a to nielen v nábožensky orientovaných príspevkoch [Som *krv z krvi a kosť z kostí* Liptákov, preto som chcel fotografovať najmä súčasníkov svojho otca a starého otca.]

Ani pri ďalšej FJ nemožno konštatovať priamočiare súvislosti v sledovanej triáde. Rozdiely pretext/text nachádzame v podobe spojenia *nie litera, ale duch/duch a litera [zákona]* (adverzatívne verzum kopulatívne), resp. i v konštrukčnej podobe FJ – menná syntagma verzum slovesná syntagma slovníkového zachytenia (SSS, KSSJ, heslo „duch“): *zodpovedať duchu* a (i) *litere (zákona, zmluvy)*. Pokiaľ ide o diferenciu adverzatívnosť – kopulatívnosť, v posttextoch je frekventovanejšie vyjadrovanie zlučovacích vzťahov (*litera a/i/aj/či/ani/ako aj duch niečoho*). Zaznamenali sme však i vzťahy gradačné (*litera, ale aj duch niečoho*) a sporadicky aj disjunktívne (či – alebo: *či podľa litery, alebo podľa ducha niečoho*). K nefunkčnému textovému využitiu dochádza pri narúšaní dvojaspektivnosti – bilaterálnosť ducha a litery niečoho vyúsťuje do *ducha litery* či *litery ducha* [Riadenie a správa podnikov si vyžaduje nielen dodržiavanie *ducha litery zákonov*, pravidiel a kódexu // Nad literou CPP stojí *litera ducha* CPP.].

FJ *krívať na obe nohy* (SSS), heslo „krívať“, v pretekte v podobe *kulhať na obe strany*, sa v publicistických textoch objavuje ako pomerne obľúbený prostriedok kritického argumentačného postoja. Ako frekvenčne dominantné sa ukazuje využitie jej základnej dispozičnej podoby *krívať na obe*, príp. na *obidve nohy*, sporadicky na úrovni formy s obmenou slovesného komponentu *krívať* – *pokrivkávať*, ktorá sémanticky zasahuje rozmer intenzity (zjemňovanie), prípadne ide o realizačné uplatnenie oboch slovesných komponentov v rámci gradačného súvetia (*nielen pokrivkáva, ale kríva*). V intenciách zjemňovania/zintenzívňovania dochádza v textoch k zásahom numerického komponenta (*krívať/pokrivkávať: na jednu nohu, minimálne/prinajmenšom/aspoň/už na jednu nohu – i na druhú nohu, niekedy aj na dve – na tri/na štyri/na všetky nohy*), čo môže (napr. v kontextovom prepojení s FJ *čierny kôň* – prvý príklad), ale nemusí vyústiť do funkčnej modifikácie (druhý príklad), resp. vedie k formálno-sémantickej deštrukcii frazémy (tretí príklad) [*Čierny kôň* súťaže, za ktorého sú právom považovaní hráči MFK ZŤS Sabinov, v stretnutí v Snine akoby odrazu *kríval na všetky štyri nohy*. // Vysvetlenie, ktorému narástli za 24 hodín krídla, totiž že prokremelský Fico nemal inú voľbu, lebo inak by FBI zverejnila vlastnícke pozadie Interblue Group, je vtipné, ale *kríva na tri nohy*. // Zatiaľ čo ale premiér sa ku kauze ďalej nevyjadroval, Černák verejne obhajoval neobhájiteľné a utápal sa v argumentoch, ktoré *buď krívali, alebo ani nohy nemali*]. Okrem uvedených modifikácií sme sa v korpuse stretli aj s kontextovým atributívnym dopĺňaním, ktoré neintenzifikuje, ale tematizuje [„demokracia začína krívať na obe nohy: *vládnú i opozičnú*“ // „Slovenský finančný systém vždy *kríval na nohu kapitálového trhu*“].

b) Druhú skupinu sledovaných FJ možno charakterizovať v rámci sledovanej triády pretext/text/posttext chýbajúcim prvým článkom, t.j. ide o FJ, ktoré sa ako spojenia v pretexte nevyskytujú (ich uplatnenie v posttextoch je tiež napospol sporadické). FJ *jerichovská trúba* reflektujúca príbeh o páde Jericha vďaka ohlušujúcemu zvuku trúb (Joz 6, 1–27) v lexikografickom spracovaní figuruje v podobe *trúba jerichova* (SSSJ) či *jerichovská trúba* (SSSJ, SSJ) a obe predstavujú nadávku hlupákovi, prípadne zachytávajú aj aspekt tárajstva (SSJ: ‘nadávka tlčhubovi, hlupákovi’). Hoci sémantické vlastnosti s významom silného zvuku lexikograficky zachytené nie sú, v ojedinelých výskytoch v korpuse sa predsa len realizujú [Podarilo sa mu zmodernizovať svoju gitaru tak, že prepojená na staré rádio hučala ako trúby z Jericha.].

Pretextom v prípade druhej FJ *kolos (obor) na hlinených nohách* je podobenstvo, lexikograficky zaznamenané ako *obor na hlinených nohách* (SSJ, heslo *obor*) či *kolos na hlinených nohách* s archisémou „*velký organizačný celok, obyč. štát, ktorý nemá pevné základy a zmieta sa vo vnútorných problémoch a rozporoch*“ (SSSJ, heslo „*kolos*“). Konfrontácia text/posttext signalizuje, že variantnosť *kolos/obor* je z hľadiska frekvencie oboch podôb v publicistických textoch vzácné vyrovnaná. V posttextoch možno ojedinele zaznamenať preferenčné uplatnenie komponentu *kolos* aj pri aplikácii obrazu vratkosti na vedúce osobnosti reprezentujúce istý typ spoločenského celku, hoci lexéma *obor* so životným lexikálnym komponentom by v personálnom použití bola zrejme vhodnejšia [Nemecká kancelárka *Angela Merkelová* je po historickom debakli svojich kresťanských demokratov (CDU) v nedeľných krajiniských voľbách v Severnom Porýní-Vestfálsku *kolosom na hlinených nohách*, súdi v dnešnom komentári denník *Frankfurter Allgemeine Zeitung*].

Ďalšia z uvedenej skupiny, FJ *posielať niekoho (chodiť) od Pont(c)ia k Pilátovi*, sa vyznačuje pomerne širokou škálou propriálnej variantnosti reflektujúcou realie zainteresovaných osôb (Mt 26, 57; 27, 1–2, 11–24; Lk 23, 1–25; Jn 18, 12–24) na vypočúvaní či vynesení súdu nad Ježišom (velkňazi Annáš, Kaifáš; rímsky miestodržiteľ Pilát Pontský, galilejský tetrarcha Herodes Antipas). V aktuálnom slovníku (SSSJ, heslo „*chodiť*“) je zachytená v podobe *chodiť od Annáša ku Kaifášovi/od Kaifáša k Pilátovi/od Piláta ku Kaifášovi* s vysvetlením „(o človeku, ktorého preháňajú) chodiť od jedného úradníka k druhému, a napriek tomu nič nevybaviť, chodiť po úradoch nadarmo“, teda bez alternácie *od Pont(c)ia k Pilátovi*, v staršom slovníku (SSJ, heslo *Pilát*) aj s touto variantnosťou *chodiť, behať od Poncia (od Kaifáša) k Pilátovi*. Pri sledovaní ojedinelých korpusových výskytov sa pritom ukazuje, že tento historický lapsus či slovná hračka, doložená aj v ďalších jazykoch [Иванов, Мокиенко 2019: 27–29] žije v po/vedomí používateľov slovenského jazyka aj naďalej – zaznamenali sme ju aj v tejto podobe (variantne aj *od Herodesa k Pilátovi*).

FJ *prispieť svojou hrivnou* (SSSJ, heslo „*hrivna*“) patrí tiež do okruhu nepriamych biblických frazém, a to s filiáciou na novozákonný príbeh o obete chudobnej vdovy (Lk 21, 1–4; Mk 12, 41–44). V prácach venovaných biblickej frazeológii v medzinárodnom rozmere [Балакова, Мокиенко, Вальтер 2015: 29] sa pri jej charakteristike odkazuje na medzijazykové rozdiely – rus. FJ *вносить свою лепту* (grécke pome-

novanie mince, vyskytujúce sa v ruskom preklade Biblie). Hoci využitie tejto frazémy v súčasných publicistických textoch je minimálne (korpusový materiál dokladá preferenčné využívanie synonymnej frazémy *prispieť svojou troškou do mlyna* – cca 300 výskytov), v konkrétnom textovom uplatnení na seba upozorňuje realizovaná premenlivosť jej atributívnej zložky: prispieva sa nielen *svojou* hrivnou, ale aj hrivnou *bohatou, veľkou* či *malou*. Toto individuálne variovanie nesúce sa v opozitných reláciách *veľa (bohatou, veľkou) – málo (malou)* zaujme i v kontexte pretextu – biblického príbehu, v ktorom sa z mála stáva veľa (malý peňažný dar chudobnej vdovy prevažuje štedré príspevky boháčov dávajúcich zo svojho prebytku).

c) Poslednú kategóriu reprezentujú jednotky s chýbajúcim lexikograficky komparatívnym medzičlánkom (pretext/0/posttext), preto bolo zaujímavé sledovať ich v posttextoch. Frazeotextému *Nikto nie je doma prorokom* – bez priamočiarej línie smerom k novozákonným pretextom (Proroka si všade uctia, len nie v jeho vlasti a v jeho dome – Mt 13, 57; Mk 6, 4 // Ani jeden prorok nie je vzácny vo svojej vlasti – Lk 4, 24 // Lebo sám Ježiš sa osvedčil, že vo svojej vlasti prorok nemá úctu – Jn 4, 44) – sme práve v tejto podobe príslovia zaznamenali v cca 30 % prípadov výskytu. Zároveň však badať intencionálne autorské konštrukčné premeny tejto frazémy v snahe jej organického včlenenia do výstavby textu v podobe slovesnej syntagmy *nebyť/byť doma prorokom* (je ťažké/nie je ľahké/chcel byť doma prorokom), čo je signálom vlastnej frazeologickej derivácie, t.j. vzniku novej frazémy – frazeolexémy slovesného typu s lexikálne premenlivým ľavostranným komponentom. Okrem jej častých modifikácií typu *človek/domáci* nebýva, *málokto/nie každý* býva... sa ľavostranný komponent konkretizuje, a teda XY buď je, alebo nie je doma prorokom [Dá sa povedať, že *ste iba doma prorokom*. V cudzine ste sa nepresadili tak, ako by sa čakalo. // *Rudolf Schuster* potvrdil, že *je doma prorokom*... // *No byť doma prorokom* – to nie je naozaj sranda].

AJ pri FJ *Lahšie prejde ťava uchom ihly*...) si všímame jej podobu v Biblii (pretexte) a v korpuse (posttexte). V súčasných prekladoch Biblie je uvedená FJ v podobe *Lahšie je ťave prejsť cez ucho ihly ako boháčovi vojsť do Božieho kráľovstva* alebo *Lahšie prejde ťava uchom ihly, ako vojde boháč do Božieho kráľovstva*. V podstate sa v korpuse obe vyskytujú najmä vďaka textom náboženského charakteru. S variantnosťou sa stretáme v prípade druhej uvedenej podoby – alternácia *Lahšie/skôr prejde*... Okrem minimálnych zásahov do jej základnej podoby sme zaznamenali aj aktualizácie jej druhej časti (prvý príklad) či využitie obrazu z jej prvej časti na vykreslenie konkrétnej organizačne zle zvládnutej situácie (druhý príklad) [Skôr prejde ťava uchom ihly, ako *Ján Slota* bude čistokrvným patriotom... // Jediné faux pas koncertu napokon vyrobili jeho organizátori, ktorí sa pri vpúšťaní divákov do amfiteátra *pokúšali prepchať ťavu uchom ihly*].

Ani FJ *striasť prach zo svojich nôh*, východiskovo zviazaná s novozákonnou imperatívnou požiadavkou adresovanou učeníkom Ježiša Krista („*straste si prach z nôh na svedectvo proti nim*“ – Mt 10, 4; Mk 6, 11, Lk 9, 5), nemá v doterajších slovenských slovníkoch svoje lexikografické zachytenie a jej textové uplatnenie je výrazne mar-

ginalizované: vyskytuje sa iba v textoch náboženského charakteru so silnou väzbou na evanjeliový text a jeho poslanstvo.

Poslednou z tejto skupiny je FJ *Mnoho [je] povolaných, [ale] málo vyvolených* (Mt 22, 14). V posttextoch je pomerne často uplatňovaná – jednak v pôvodnej podobe, ale aj v aktualizovanej – derivát funguje ako slovesná syntagma s lexikálne premenlivým subjektovým komponentom (*byť vyvolaný a/i povolaný, byť nielen povolaný, ale aj vyvolený*), ktorý sa nemusí vzťahovať len na životného participanta [Na slovenskej scéne niet politika, ktorý by si nemyslel, že práve *on je tým nielen povolaným, ale aj vyvoleným...* // *Tá zem je zemou vyvolenou a zemou povolanou.* // Je známe, že *veľa krajín* bolo síce Bruselom *povolaných*, v prvom kole *bude však vyvolených len pár najšťastnejších.*]

Zvolený prístup k vybraným frazémam prezentovaný v príspevku v rámci triády pretext/text/posttext nám umožnil sledovať nielen živosť konkrétnych FJ v korpusových zdrojoch (v našom prípade v podkorpuse publicistických textov), t.j. zaznamenať diferencie v komparácii písanej verzus hovorenej (na ktoré sme upozornili vo vstupnej časti príspevku), ale aj modifikačný potenciál konkrétnych FJ – ich originálne funkčné aktualizácie či tendovanie k frazeologickým derivátom.

Z FRAZEOLOGICKÝCH PODNETOV KORPUSU SLOVENSKÝCH TEXTOV DOSTUPNÝCH NA WEBE (NA PRÍKLADE *FIGY BOROVEJ*)

Viera Kováčová
Ružomberok, Slovensko

„A čo za tú prácu dostal? Figy borovú!“ –
„Za prácu – figa borová.“

Citátové úryvky príkladovo uplatnené na začiatku textu jadrne vystihujú podstatu sledovaného frazeologického javu. Je ním otázka tvarovej (ne)premenlivosti FJ *figu borovú*,⁶⁷ presnejšie: lajtmotívom práce je otázka vzájomného vzťahu frazeologických foriem *figu borovú* – *figa borová*, s ktorými sa stretávame hlavne v nenocionálnych komunikátoch, v ktorých komunikanti zvyrazňujú hodnotiaci názorový postoj prostriedkami emocionálno-expresívneho typu. K reflexii realizačných súvislostí *figu borovú* – *figa borová* nás priviedli podnety z jazykovej praxe, ktoré sme sa rozhodli preskúmať na širšom materiálovom podklade. Túto možnosť nám poskytol Slovenský národný korpus, konkrétne jedna z jeho súčastí, a to webový korpus (web-4.0). To, že sme siahli práve po tomto zdroji, bola s ohľadom na skúmané výrazivo odôvodnená voľba. V spektre týchto textov (texty z rôznych webových portálov, blogy, komentáre, diskusie...) sa totiž dal očakávať zvýšený výskyt viac či menej expresívnych prostriedkov vyjadrujúcich záporné hodnotenie, a teda i výskyt nami sledovaných výrazov, čo excerpčia materiálu potvrdila.

Druhý zdroj tvoria slovníkové i ďalšie diela, ktoré sa k problematike vyslovujú. A hneď aj uvedme, že s registráciou *figy borovej* sa v slovenských slovníkoch stretávame⁶⁸ v rámci vyčlenenia dvoch konštrukčných typov. V prvom prípade ide o FJ *figu*

⁶⁷ V práci sa osobitne nepristavujeme pri lexikálnej variantnosti postponovaného atribútu (*figu borovú, drevenú, príp. makovú, kukuričnú*).

⁶⁸ Korpusový materiál dokladá, že rozsah frazém, v ktorých sa uplatňuje výraz *figu borovú* ako súčasť ich komponentovej stavby, je širší, než ho zachytávajú slovenské slovníky. Spomenúť môžeme napr. FJ *stáť za figu borovú* (*Ratingy stoja za figu borovú, teda hlavne tie od hentých*

*boroví*⁶⁹ – FJ so stavbou neslovesnej determinatívnej syntagmy; v druhom prípade sú to FJ so stavbou slovesnej syntagmy, v ktorých *figu borovú* vystupuje ako ich menná zložka (FJ s vyjadrením závislosti väzbou: *mať, dostať, dať figu borovú, ukázať figu borovú*; viac v ďalšej časti textu).

Ako je známe, s FJ so stavbou atributívnej syntagmy *figu borovú* sa spája istý okruh reštrikcií morfosyntaktického typu. Ide najmä o limitáciu v kategórii čísla i pádu: literatúra ju radí do okruhu FJ vyskytujúcich sa v jedinom tvare, t.j. k FJ s najvyššou mierou morfológického (paradigmatického) obmedzenia [Mlacek 2007a: 34–36; Ološtiak, Ivanová 2013: 165]. Korpus však potvrdzuje uplatnenie nielen akuzatívneho *figu borovú*, ale i nominatívneho *figa borová*: *Si možno myslíte jaký mám ja bezstarostný život ale figa borová; Púchovu sa ušla figa drevená; Vylvila som si spomedzi množstva škatuliek vždy akurát takú, v ktorej bola figa borová; Figa borová by sa vyriešila. Už prvý pohľad napovedá, že v týchto príkladoch sa za identitou formy figa borová/drevená skrývajú isté funkčno-sémantické i gramatické diferencie. Úvahy o prípadoch figa borová a ich vzťahu k lexikograficky zaznamenatej forme figu borovú preto začneme zacielením pozornosti na sémantický rozmer FJ figu borovú a na jej morfológickú a syntaktickú charakteristiku.*

FJ *figu borovú* sa predstavuje ako negátor, ako frazeologický prostriedok negácie [Smiešková 1976]. Pri jej sémantickej charakteristike slovníky zachytávajú zdôrazňovanie s významom „vôbec nie, vôbec nič“, obvykle však bez diferenciácie významovej štruktúry.⁷⁰ Rozčlenenie významovej škály nachádzame až v najnovšom *Slovníku súčasného slovenského jazyka* (2006),⁷¹ ktorý pri FJ rozlišuje medzi lexiou *nič, vôbec nič* (s príkladom *figu drevenú vieš*) a lexiou *vôbec nie* (s doplnením: *zdôrazňuje zápor, odmietanie*, s príkladom *figu drevenú sa bude starať*). Dodajme, že významová dvojaspektovosť FJ je prepojená s rozdielnosťou jej morfosyntaktických charakteristík.

Sémantický rozmer *vôbec nie* sa morfológicky spája s časticovou povahou FJ (hodnotiaca popieracia častica; *Figu borovú sa tešia; Na prvý pohľad to vyzerá jednoducho ale figu borovú, treba nájsť správny figel*), ktorá môže vystupovať i v platnosti jednočlennej mennej vety [*načo tam je (...) vraj kvôli dekorácii. Figu chorvátsku borovú! Bobkový list je tam na odpudzovanie molí a červíkov*]. V morfológických prácach sa preto pripúšťa prechodný status jednotky: „Niekoľko častíc je takých,

agentúr) či *byť na figu borovú* (*Takže petícia je hotová na doručenie, lenže politická situácia je momentálne na figu borovú a máme na krku ešte voľby*). Príslušný okruh FJ generuje výskumne zaujímavé podnety, ktoré presahujú tematický rámec nášho textu a zasluhujú si osobitné spracovanie. V intenciách cieľa tejto práce sa preto FJ obsahujúcimi vo svojej intrafrazematickej stavbe predložkový akuzatívny tvar za *figu borovú, na figu borovú* nezaobráme.

⁶⁹ Porov. *figu drevenú (borovú)* [MFS 1988: 57], *figu drevenú* [SSS] 2006: heslo „drevený“, *figu/šušku borovú* [SSS] 2006: heslo „borový“, *figu (šušku) borovú* [SS] 1956: heslo „borový“] *figu (borovú, drevenú)* [SSJ 1956: heslo „figa“], *figu, šušku borovú* [KSSJ 2003: heslo „borový“].

⁷⁰ Porov. „vôbec nie, vôbec nič (zdôraznený zápor, odmietanie)“ [MF] 1988: 57]; „nič, vôbec nie“ [SSS] 2006: heslo „borový“]; „výraz záporu“ [SSJ 1959: heslo „figa“].

⁷¹ Pozri heslo „drevený“.

o ktorých by sa dalo hovoriť ešte ako o prechodných útvaroch stojacich na hranici medzi kusou vetou a časticou. Ide o spojenia, ktorých základom je častica citovo zdôraznená prívlastkom, napr.: čerta – čerta starého, čerta rohatého (...); figu – figu borovú, figu makovú, figu drevenú...“ [MSJ 1966: 753].

V druhom prípade (sémantický rozmer *vôbec nič*) sa v kontextovom zapájaní FJ *figu borovú* zvyčajne zdôrazňuje jej vetnočlenská platnosť: FJ stojí pri tranzitívnych verbách v objektivej pozícii, čo súvisí s pôvodnou substantívnou slovnodruhovou platnosťou jednotky *figa* (borová) a jej tvarovým zmeravením v akuzatíve, v objektívom páde: *Netrénované oko tam uvidí akurát tak figu borovú; Ja ucítim figu borovú; tak ty ubrániš figu borovú; môžem očakávať figu borovú; zaplatil figu borovú.*

Tieto príklady nás privádzajú k otázke typického kontextu, v ktorom sa FJ vyskytuje. Korpusový materiál dokladá spájateľnosť najmä so slovesami patriacimi medzi verbá⁷² konverzné, recipiendi, posesívne, komunikačné, kognitívne a perцепčné. Najčastejšie sú to: *vedieť, mať, dostať, (u)vidieť, dať*.⁷³ Zvyčajnosť výskytu tak smeruje k otázke, či ide len o zvyčajnosť, ustálenosť kontextového spájania, alebo či slovesný výraz z tohto zvyčajného kontextu možno považovať za súčasť intrafrazematickej stavby FJ. Hoci lexikografická prax slovesnú záležitosť vyhodnocuje nie vždy jednotne,⁷⁴ jednotiaco sa za zložku FJ považuje slovesný komponent vyjadrujúci posesívny vzťah a jeho zmenu, t.j. okrem FJ so stavbou neslovesnej syntagmy (*figu borovú*) slovníky zaznamenávajú i FJ *mať, dať, dostať figu (borovú)*, čiže FJ so stavbou slovesnej syntagmy s vyjadrením závislosti akuzatívnu väzbou a s významom *vôbec nič*. Z konštrukčného hľadiska sa do tejto skupiny radí i FJ *ukázať niekomu figu (borovú)*, tá však má špecifické postavenie z významového hľadiska, a to ako výraz odmietnutia. To nás privádza ku gestickým súvislostiam, ktoré sa konštitučne ohlášajú v obraznom pláne tejto výrazovej štruktúry, t.j. ku gestu známemu ako figa

⁷² Pri vymedzení sémantických tried vychádzame z *Valenčného slovníka slovenských slovies na korpusovom základe* [Ivanová a kol. 2014].

⁷³ Spomedzi ďalších slovies príkladovo uvádzame napr.:

- konverzné slovesá a verbá recipiendi: *dediť, kúpiť, ponúknuť, vyhrať, nadobudnúť, platiť/zaplatiť*
- realizačné slovesá: *ukázať, robiť, riešiť, brániť, očakávať, zahrať, sľúbiť, nájsť, poslať*
- kognitívne slovesá: *rozumieť, pamätať si, ovládať, dozvedieť sa, myslieť si*
- perцепčné slovesá: *cítiť, počuť, pozrieť si, pozeráť*
- komunikačné slovesá: *povedať, písať/napísať*
- manipulačné slovesá: *nieť/doniť/odnieť/priniť*
- kreatívne slovesá: *namerať*.

⁷⁴ Nejednotnosť sa prejavuje nielen v medzislovníkovom porovnaní, ale aj v rámci toho istého diela. Napr. Slovník slovenského jazyka [SSJ 1959] spracúva FJ *figu borovú* v rámci hesla *borový* výlučne ako FJ s formou atributívnej syntagmy s uvedením dvoch príkladov reprezentujúcich jej typickú slovesnú spájateľnosť („napr. vieš, dostaneš ap.“). Pri hesle *figa* už repertoár fráz s komponentom *figa borová* rozširuje a okrem neslovesnej frázemy ako osobitné frázemy uvádza aj jednotky so stavbou slovesnej syntagmy: *mať, dať niekomu, dostať (drevenú, borovú) figu; ukázať (niekomu) figu*.

borová⁷⁵ interpretovanému ako gesto obscénnosti, potupnosti [Machek 1957: 109; Králík 2015: 162], a teda k výrazne negatívnej znakovej hodnote gesta,⁷⁶ jeho ukázania niekomu, čo sa premieta do významu odmietania, ktorý je s FJ *ukázat' niekomu figu (borovú)* spojený. Z významu odmietania, záporu viažuceho sa na latinské *figus* (→ čes. *fík*, slov. *figa*) ako sémantická interpretácia gesta sa ďalším vývojom kryštalizoval význam *nič: dať niekomu figu = nič* [pozri Machek 1957: 109].

Príslušné gramatické a funkčno-sémantické charakteristiky výrazu *figu borovú* nám umožňujú vrátiť sa k excerpovanému materiálu s výrazom *figa borová* a jeho klasifikačnej analýze. V kontexte predstaveného možno najskôr poukázať na paralelné prípady *figu borovú // figa borová* fungujúce ako prostriedok zdôrazneného záporu (*vôbec nie*):

*Tento bol na internete označený ako horčicový, ale figu borovú, je to tmavšia slnečnicovo žltá; možno mi pomôže spánok. Figu borovú, je mi horšie // Si možno myslíte jaký mám ja bezstarostný život ale figa borová; za chvíľu to bude hotové... Figa borová, notebook sa po vyše 20 rokoch rozhodol odporúčať do kremíkového neba.*⁷⁷

Ďalšie prípady sú už iného rázu: od sémantiky *vôbec nie* a časticového charakteru FJ sa dostávame k vetnočlenskej platnosti a sémantike *vôbec nič*. Už sme uviedli, že pre *figu borovú* s týmto významom je typická spájateľnosť s tranzitívnymi slovesami istých sémantických skupín v objektovej pozícii. Spájateľnosť so subjektovo-objektovými slovesami utvára v syntaktickej štruktúre vety možnosť permutácie participantov, jej výsledkom je reflexívny transformát: *pobúchame sa po hrudi, ako sme nejaký problém vyriešili, ale figu borovú vyriešime // či by sa tieto vzťahové problémy vyriešili mávnutím čarovného prútika keby ste mali tie toľkokrát omieľané peniaze. Figa borová by sa vyriešila*. Prípady, v ktorých *figa borová* figuruje v syntaktickej štruktúre vety v pozícii subjektu ako výsledok permutácie agensa a paciensa, sú pomerne zriedkavé.⁷⁸

⁷⁵ Palec vstrčený medzi ukazovák a prostredník.

⁷⁶ Gesto známe ako *figa borová* môže mať v rozličných kultúrno-jazykových spoločnostiach odlišnú znakovú hodnotu: gesto hrubej urážky – gesto odmietnutia splnenia niečoho – gesto ochrany pred zlými silami. O ambivalentnosti gesta (urážlivé gesto – gesto ochrany odháňajúce nebezpečenstvo) pozri i v štúdiu V. I. Koval'a [2013: 34].

⁷⁷ Z ďalších príkladov napr.:

Čo by sme dali za to, že sa ráno zobudíme a svieti slnko. Figa borová – prší, alebo sneží...; Figa borová drevená, milá Slovač moja, riadne s Vami tí červení vybabrávajú, to už nepoužívate ani vlastný rozum?

Figu borovú, komerčné televízie sú asi presvedčené, že ak niečo stojí za videnie, oni to na svojich obrazovkách odprezentujú dostatočne zaujímavo, kam by ste sa trepali; Nieкто tu napísal že táto vláda je odborná no tak veľkú figu borovú.

⁷⁸ Vo webovom materiáli sme okrem uvedeného príkladu zaregistrovali len nasledujúce prípady tohto typu: *Ako potom dať priester tým, ktorí by mali tvoriť a tvoriť aj v rámci tradičnej ľudovej*

Zaznamenané prípady reprezentujú i kontextovú spájatelnosť s verbami, pri ktorých väzobné doplnenie s akuzatívom nie je súčasťou ich valenčnej štruktúry, a tak uplatnenie akuzatívnej podoby FJ nie je realizovateľné. Komunikanti v týchto prípadoch siahajú po nominatívnej podobe: *Nám ostatným zostala **figa borová**; Púchovu sa ušla **figa drevená**; Vylovila som si spomedzi množstva škatuliek vždy akurát takú, v ktorej bola **figa borová**; Samozrejme, stala sa **figa borová***. Nominatívna podoba s vetnočlenskou platnosťou subjektu umožňuje jej využitie v prípade autosémantických i sysémantických slovies: *odmenou pre vašich dedičov bude **figa** aj keď iba **borová***.

Napokon spomeňme ešte jeden prípad. Dostávame sa tu k FJ s významom „niekoho (mňa, teba...) sa to netýka“, ktorej komponentovou súčasťou je i *figa borová* v jej sémantickom rozmere *nič*.⁷⁹ Ako príklady dokumentujú, *figu borovú* i *figa borová* vystupujú ako uzuálne ustálená súčasť zloženia FJ *mňa, teba... (niekoho) je do toho figu borovú/figa borová*:

- *tak Vás do toho (pardón za výraz), **figu borovú**; je to ich súkromná vec a nás, teda zvyšok Slovenska, je do toho **figu borovú***.
- *a že do môjho mena je ho **figa borová**; Teba je **figa borová** do toho, ako teta volila; ak je to láska tak je každého **figa borová** do toho aký je vekový rozdiel medzi nimi*.

Pohľad vytváraný na korpusovom materiáli možno uzavrieť konštatovaním, že v emocionálnejšie ladených textoch má uplatnenie nielen výraz *figu borovú*, ale i *figa borová*. Realizačné príklady ukazujú, že prípady *figa borová* treba posudzovať v istej funkčno-sémantickej a morfosyntaktickej diferencovanosti.

- 1) V prípade paralelných výskytov typu *Figa borová – také ľahké to nie je // Figu borovú, to sa tiež neráta* sa ako relevantný javí časticový charakter a časticové správanie FJ.⁸⁰
- 2) V ďalšej skupine je z morfosyntaktického aspektu relevantná vetnočlenská platnosť a z funkčno-sémantického aspektu význam *vôbec nič*. Touto sémantikou FJ vstupuje do synonymického vzťahu s popieracím zámenom *nič*, ktoré „negatívne vymedzuje kvantitu, popiera jestvovanie vecí al. javov v akomkoľvek množstve“ [SSS] 2006: heslo *nič*] a ktoré sa vyskytuje v záporných vetách (*nič nedosiahli, nič nevyriešili*). Na rozdiel od týchto prípadov FJ umožňuje vyjadriť negáciu kladnou formou (*dosiahnuť, vyriešiť figu borovú = nič nedosiahnuť, nevyriešiť*)

kultúry, keď však načo. Každých päť rokov im dajme súťaž nech sa porovnávajú. Potom sa bude tvoriť figa borová; odhlučnenie, ktoré bude stáť kopu peňazí a odhluční sa figa borová.

⁷⁹ Porov. i *mňa, teba, jeho... , nikoho do toho nič*; resp. *mňa, teba, jeho... nikoho do toho nič nie je*.

⁸⁰ FJ sa z funkčného hľadiska zaraďuje medzi expresívno-hodnotiace prostriedky, „pomocou ktorých podávateľ aktualizuje, subjektívne odtieňuje svoj vzťah k obsahu výpovede alebo jej časti“ [Findra 2014: 117].

a do prejavov vnáša obraznosť spojenú s istým stupňom expresívnosti. Možno tu rozlíšiť dva prípady:

- a) Prípady typu *Figa borová by sa vyriešila* súvisia s morfosyntaktickou kategóriou genus verbi: *figa borová* v subjektivej pozícii je výsledkom gramatickej transformácie východiskovej konštrukcie (*Figu borovú by vyriešili*) prostredníctvom gramatickej reflexivizácie. FJ *figu borovú* vystupujúca v intencnej a valenčnej štruktúre východiskovej konštrukcie ako paciens v objektivej pozícii deagentizáciou, depacientizáciou a pasivizáciou zaujíma pozíciu subjektu v realizačnej podobe *figa borová* (uplatnenie paradigmatickej formy FJ).
- b) V prípadoch typu *Púchovu sa ušla figa drevená* v subjektivej pozícii sa vyskytujúca *figa borová/drevená* nie je výsledkom gramatickej transformácie štruktúry vety. Príklady tohto typu dosvedčujú dispozičnosť a uzuálnu ustálenosť akuzatívnej a nominatívnej formy v reláciách ich diferencovanej vetnočlenskej platnosti v rámci vetného zapojenia objekt // subjekt. Keďže nominatívna forma má subjektovú platnosť, môže sa uplatniť v okruhu slovíes, pri ktorých objektová akuzatívna forma nie je realizovateľná: *ako predseda vlády nadobudol figu borovú // Púchovu sa ušla figa drevená*.
- 3) V poslednom okruhu prípadov vystupuje *figu borovú/figa borová* ako súčasť intrafrazematickej stavby FJ *mňa, teba... (niekoho) je do toho figu borovú/figa borová* s významom „niekoho (mňa, teba...) sa to netýka“. V tomto prípade nejde o morfosyntaktickú podmienenosť, lež o morfológickú variantnosť: ide o dve podoby FJ, ktorá vo svojom komponentovom zložení reflektuje akuzatívnu i nominatívnu dispozičnú formu sledovaného výraziva: *určíte má na to svoje dôvody a nás je do toho akurát tak figa borová // je to ich súkromná vec a nás, teda zvyšok Slovenska, je do toho figu borovú*.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ФРАЗЕМ В ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Олег Владимирович Тищенко

Трнава, Словакия

Фразеологические инновации, – отмечает польский исследователь С. Бомба, – очень тесно связаны с развитием современного политического дискурса с точки зрения происходящих в нем изменений, они дают возможность выяснить, содержатся ли последние в рамках определенной традиции и в какой мере отходят от нее или вообще противоречат определенным общепринятым нормам [Bała 2012: 7]. В. М. Мокиенко обращает внимание на такие основные способы неологизации и трансформации фразеологизмов, как контаминация, расширение или замена одной из частей фразеологизма, включение элементов паронимической аттракции или аллюзивного оборота, которые обуславливают разрушение семантики исходного оборота, употребление контекстуальных антонимов [Мокиенко 2003: 22]. Исследователи политического дискурса А. Н. Баранов и Ю. М. Караулов определяют цель политической метафоры как «речевое воздействие с целью формирования у реципиента (чаще всего – общества) положительной / отрицательной оценки или общественного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии)» [Баранов, Караулов 1991]. Это вызывает необходимость постоянной демонстрации на масс-медийном рынке свежих, оригинальных контекстов, сознательного или подсознательного пренебрежения лексической сочетаемостью, употребления окказиональных образований, предполагает обращение к метафорическим элементам театрализованной агрессии, нарушению норм и стереотипов, направленных на создание негативного образа политического противника, навязывания собственной позиции или оценки для достижения определенной цели. При этом прослеживается манипуляция массовым сознанием, а экспрессивно-оценочная и персуазивная функции языковых единиц доминируют над номинативной.

По мнению А. П. Чудинова, метафора в СМИ не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира [Чудинов 2008: 419].

В предлагаемом исследовании обращается внимание на механизмы возникновения косвенно-производных номинаций в составе социокультурных и, прежде всего, метафорических концептосфер в польском и русском публицистическом дискурсе (как правило, функционирующих в заголовках газет, аналитических обзорах и политических фельетонах, рекламных роликах как своеобразные, по убеждению В. М. Мокиенко, культурные знаки-прагмемы) [см. подробнее: Мокиенко 2016б: 8]. Материалом для исследования послужили газетные тексты 2005–2020 гг., тексты рекламы, форумов, а также газетный подкорпус «Национального корпуса русского языка» (далее – НКРЯ) и «Narodowy korpus języka polskiego» (НКJP), фразеологические словари русского и польского языков.

Прежде всего обратим внимание на некоторые социоморфные, по терминологии А. П. Чудинова, метафорические контексты и когнитивные модели, связанные с разводом, супружеской изменой, внебрачными связями и отношениями и проч. Здесь обнаруживаем разные типы метафор, а также их комбинацию.

Своеобразное обыгрывание в заголовках газет приобретает устойчивая тенденция концептуализации брака и брачных отношений. Так, фраземы, обозначающие супружескую измену, экстраполируются на политические процессы внутри коалиции или партии: смена коалиции или политической приверженности концептуализируется как неверность, измена, отказ от голосования за законы или политические должности, предложенные правящей коалицией в Правительстве, метафорически кодируется как измена, отказ, развод. Ср. укр. «При затвердженні Януковича главою уряду обійшлося без опозиціонерів – правда, Ющенко довелося забрати у своїх депутатів картки для голосування: щоб ніхто не скакнув у гречку (ПіК, 2008, №16–17); Громкий політичний розвод В. Ющенко с прем'єром Ю. Тимошенко и наиболее активной частью команды с Майдана положил конец «оранжевой революции» (Н. Вячеслав. Украина: мало поводов для радости, «Труд», 24.09.2005), «И когда сегодня газовый вопрос становится не просто коммерческим в плоскости отношений двух компаний, а становится риском для национальной безопасности, Ющенко имеет полное право вмешаться в этот процесс и его деполитизировать. То есть, перевести на платформу государственных интересов, а не политических «разводов» и конъюнктуры, что связано с предстоящими выборами и так далее» (см.: Тимошенко ощущает дыхание отставки. Новый регион 2, 27.11.2008).

Подобные параллели обнаруживаем и в польских газетных текстах: *Rozwód czy tylko skok w bok*: «Ostatnim razem, kiedy partnerzy PiS-u zaczęli stawać się niegrzeczni, pojawiły się kontrolowane przecieki o planowanym przez prezydenta rozwiązaniu Sejmu... Dziś jest jednak inaczej. To raczej premier Kazimierz Marcin-

kiewicz wydaje się być bliżej małżeństwa z platformą niż Andrzej Lepper rozvodu z PiS-em...».

Разрыв с той или иной политической силой или выход из партии или коалиции мотивируется как отрезание пуповины, например, «To wszystko na próżno – mówi w rozmowie z Tomaszem Machałą Paweł Poncyłjusz, od tygodnia właściwie skazany na wykluczenie. Przyznaje, że decyzję o wystąpieniu z partii już podjął, a pępowina powinna zostać odcięta do końca...» («Wprost», Wielka czystka, 13.11.2010). При номинации разрыва газовых контрактов и дружеских отношений с Украиной Газпромом концептуализируется несколько метафорических домен: РАЗРЫВ НАРЫВА, ГНОЙНИКА (медицинская метафора), метафора РОДСТВА и ОБРЕЗАНИЯ ПУПОВИНЫ в роли которой выступает ГАЗОВАЯ ТРУБА и ряд других эмоциональных метафорических смыслов и идиологем (*младший/старший брат, ср. метафору поводка для младшего брата*): «Нарыв созрел. Дальше так торговать было уже невозможно. Путин давно – и совершенно верно – мечтал *порвать пуповину «кузенской торговли»*, где расстояния считают *«от сердца – к сердцу»*, а не из пункта А в пункт Б, где в формулу цены на газ закладывались отношения с тем или иным президентом... изучение русского языка в киевской школе, непрозрачные схемы РосУкрЭнерго, Севастополь/Симферополь/НАТО, проблемы голодомора, ВОВ, Киевская Русь, Мазепа – Петлюра – Хмельницкий – Бендера – Саакашвили, общее ощущение *дружбы/вражды... А труба – это не пуповина, удерживающая «братьев»*, тем более не *поводок для «младших братьев»*. Это всего лишь труба – для перекачки газа, а не эмоций... (Л. Радзиховский Труба? Пуповина? Поводок? Деловая газета, 26.01.2009). Целый ряд подобных этнокультурных инновационных смыслов находим в связи с изготовлением двойников марок автомобилей в рекламе автомобиля «Тойота» в статье М. Адамука под названием *Skok w bok*, мотивированных сценарием подброшенного ребенка или найденного в капусте (08.08.2018): *Oto wyrodne dziecko Toyoty, czarna owca, odszczepieniec niepodobny do reszty stada. Tak bardzo nie pasuje do rodziny, jakby została podrzucona albo znaleźli ją w kapuście. Nie. GT86 nie została podrzucona, ani nie upuścił jej bocian. Jest owocem przelotnego związku, romansu, choć z rozsądku. Toyota jest matką, ojcem zostało Subaru... <...> Romanse nie są złe. GT86 to mały skok w bok dla Toyoty...»* Типологические сходные модели обнаруживаем в российской публицистике.

Так, А. Колесников в статье «Шестнадцатилетний бастард» (12.06.2006) метафорически именуется Декларацию о суверенитете Российской Федерации и связанный с ней праздник как незаконнорожденный. «Этот *политический бастард* родился в результате, если выразаться по-нынешнему, политтехнологической войны руководства РСФСР с Михаилом Горбачевым. <...> Хотя если в 2004 году праздником День России считали 12 процентов россиян, то в этом году таких уже 20 процентов – происходит легитимация даты в массовом сознании. *Незаконнорожденное дитя к 16-летию* обретает законные права».

Прежде чем перейти к рассмотрению процессов трансформации и семантической динамики некоторых технических терминов и терминологических словосочетаний, отметим, что проблема переноса терминологических словосочетаний на иные концептуальные сферы не нова, и возникает как результат взаимодействия «словаря науки и словаря быта: общенародный язык щедро черпает теперь из терминологической сферы, семантически адаптируя специальные слова и выражения, многие из которых в языке публицистики претерпевают процесс «генерализации значения», который и делает их фразеологизмами [Сидоренко 1978; 1979 цит. по: Мокиенко 2016б: 12].

Рассмотрим некоторые единицы, относящиеся к сфере безопасности в польском и русском газетных текстах. Переосмысленное и детерминологизированное словосочетание *wentyl/zawór bezpieczeństwa* трансформируется и переносится на сферу информационной безопасности (*Chiny zatkają wentyl bezpieczeństwa? ... Decyzję umotywowano obawą o bezpieczeństwo informatyczne. ... W przepisach nie wymieniono wprost nazw Huawei i ZTE, by nie szkodzić polepszającym się ostatnio relacjom (Wprost, 10.12.2018)*). Рассматриваемый технический термин может также употребляться во вторичном значении в сфере сглаживания остроты и опасности политических демонстраций и протестов (*Piłkarski wentyl*), приобретая элиминацию, свертывание одного из компонентов в середине оборота за счет расширения его конечной части, например: «W końcu jednak nawet taki mistrz jak Mubarak popełnił błąd i wentyl wystrzelił mu prosto w twarz – w styczniu 2011 r. kibice wyszli na ulice i dołączyli do demonstrantów»), это словосочетание может касаться и обеспечения рисков, связанных с судебными процессами: «Czyli znowu mamy do czynienia z pewnym wentylem bezpieczeństwa, tak jakby racjonalny ustawodawca przestraszył się skutków swoich powych pomysłów...». Во фразеологических словарях польского языка функционируют как синонимические обороты *wentyl, zawór, kłapa bezpieczeństwa* «о чем-то, что способствует снятию напряжения, нейтрализации, уменьшению избыточных эмоций и решению конфликтов в семье, обществе, социальной группе»: «Po paru miesiącach otworzyli klub, pozwolili grać, wręcz przymuszali do koncertów. Ktoś na wysokim szczeblu zdecydował, że rok będzie wentylem bezpieczeństwa dla rozwścieczonej młodzieży» (W. Kowalewski, Bóg) [Kłosińska 2010: 13]. Возможно, данный оборот является точной калькой с английского, где представлено практически полное соответствие: *A safety valve // for – wentyl bezpieczeństwa* (The question is how long sport can be a safety valve for permanent stress in life) [Kaznowski 2013: 345]. Это клише обозначает ситуацию отмены виз для Грузии и Украины Евросоюзом и связанными с ней рисками: «Unia Europejska znosi ostatnią barierę na drodze do zniesienia wiz dla Ukraińców i Gruzinów. Przedstawiciele unijnych rządów i Parlamentu Europejskiego porozumieli się w sprawie nadzwyczajnego mechanizmu zawieszania ruchu bezwizowego. To wentyl bezpieczeństwa dla ruchu bezwizowego...» (Rzeczpospolita, 09.12.2016). В идеографических словарях английского языка засвидетельствовано практически

дословное выражение *Safety-valve* (Harmless outlet for excitement) 'безопасный выход сильного напряжения', *Sit on the safetyvalve – Follow policy of repression* – дословно «Сидеть на предохранительном клапане» – 'быть сторонником политики репрессий' [ТЕТМ: 7]. Отметим, что в НКЯР данный оборот во вторичном значении чаще всего представлен в таких газетах, как «Polityka», «Gazeta Krakowska», «Dziennik zachodni».

Русское соответствие этому словосочетанию *предохранительный клапан* в публицистике практически не представлено, в отличие от его синонима *подушка безопасности* (автомобильного термина, которому в польском соответствует *poduszka powietrzna*), входящего в разнообразные фразеологические связи в разных стилях и жанрах текстов. Денотативная сфера первого оборота в текстах газет очень широка. Можно выделить разные профили его употребления. Исходная сфера употребления этого термина представлена в авторитетных словарях русского языка: *предохранительный клапан* 'клапан в паровом котле и т. п., через который автоматически открывается, когда давление пара доходит до предела' [ФССРЯ: 500].

Что касается термина *подушка безопасности*, то в газетном подкорпусе НКЯР обнаружено 145 документов, 152 вхождения, из которых последний во вторичном значении фигурирует в статьях на политические, экономические и финансовые темы, касающиеся, в частности, и социального обеспечения. Однако наибольшее число примеров связано с банковской сферой, кредитами, где этот термин приобретает разнообразные структурно-семантические преобразования, например, «денежная подушка безопасности уже не поможет там...», «Отказался от золота как от подушки безопасности...», «Инвест-группа осталась без подушки безопасности...»; «здесь ведомство Яковлева будет служить некой подушкой безопасности между правительством России и Президентом, с одной стороны, и региональной властью – с другой», «И никакие административные подушки безопасности уже не спасут репутацию...», «Путин поддержал Инга Воробьева, Путин поддержал Кудрина: Россия будет жить по средствам ... однако на следующий год такой подушки безопасности у нас не будет» (О. Плюснин «Подушка безопасности в крае не сдуется»). Нельзя не вспомнить в этой связи и индивидуально-авторские трансформации в идиостиле российского политикума (оппозиционных партий левого толка): «Останемся не с подушкой безопасности, а с грязной пустой наволочкой – заявил Г. Зюганов». В НКЯР обнаружен 101 документ, из которых в публицистическом стиле представлены лишь единичные трансформации: «Wysoki i szybki wzrost jest jak cudowna poduszka powietrzna» (Gazeta wyborcza, № 20–22).

В качестве перспектив настоящего исследования можно назвать, в первых, освещение новых метафорических контекстов и окказиональных образований, связанных с БРЕКЗИТОМ как метафорическим разводом, или же переосмысление символических артефактов, связанных с материальной культурой, реалий и орудий.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРЕМИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ⁸¹

Елена Валерьевна Кишина
Кемерово, Россия

Настоящая статья продолжает цикл работ, посвящённых исследованию паремий русского языка как отражения обыденного языкового сознания [Кишина 2015, 2018, 2019], неотъемлемым структурным компонентом которого является корпус идиоматичных представлений, репрезентирующих существующие языковые стереотипы. Как отмечает В. М. Мокиенко, «статус паремий разного типа и их терминологическая и классификационная интерпретация постоянно обсуждаются и будут обсуждаться..., ведь теоретически возможен самый широкий взгляд на определение паремии – от образной лексемы до законченного воспроизводимого текста» [Мокиенко 2010: 11]. Новизной данной работы является вариативно-интерпретационный аспект, способствующий реконструкции комплекса устойчивых представлений, направленных на фиксацию и оценку политических и социальных явлений. Методологической базой исследования являются работы в области фразеологии и паремиологии (Н. Ф. Алефиренко, В. М. Мокиенко, Г. Л. Пермяков, Д. Ю. Полиниченко, Л. Степанова, В. Н. Телия, Н. М. Шанский и др.), обыденного языкового сознания (Н. Д. Голев, З. И. Резанова, А. Н. Ростова и др.), политической и обыденной политической коммуникации (Н. Д. Голев, М. Б. Ворошилова, Е. И. Шейгал, А. П. Чудинов и др.).

Объектом исследования выступает категория социальной напряжённости, зафиксированная и отражённая в языковой группе идиоматичных представлений. Социальная напряжённость – многогранное явление, формируемое, помимо социальных, политических, правовых и психологических факторов, собственно языковыми причинами, которые подлежат специальному системному исследованию. В предлагаемом исследовании представлено лингвистическое изучение механизмов образования и протекания политических

⁸¹ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 20-412-420004 р_а «Лингвистический мониторинг социальной напряжённости в Кузбассе».

и социальных конфликтов, вербализированных группой устойчивых интернет-выражений. Подобный подход способствует выделению смысловых и модусных доминант, репрезентирующих характер социального взаимодействия.

Материал исследования – интернет-комментарии к публикациям губернатора Кемеровской области, расположенные в открытом доступе на официальной странице социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/tsivilev42>). «Как уже неоднократно было отмечено представителями разных сфер знаний, интернет-комментарии являются индикатором общественного настроения массового адресата. Активное использование идиом в диалогичном интернет-жанре позволяет определить их миромоделирующий и воздействующий потенциал» [Кишина 2019: 702–703]. Рассмотрение паремий, функционирующих в текстах-откликах на высказывание политического деятеля, позволяет смоделировать векторы обиденной политической и социальной картины мира.

Проведённый анализ интернет-коммуникации позволяет сделать вывод о том, что в идиоматичных формах активно репрезентируются и оцениваются социокультурные изменения, общественно-политические и экономические события. Представленное в предыдущих исследованиях автора [Кишина 2015, 2018, 2019] описание современного паремиологического корпуса на материале словарей обиденных толкований слов [Словарь 2012; 2019], доказывает коммуникативную направленность современных идиом на отражение обиденных политических и социальных представлений. Подобный процесс подтверждают и лексикографические разработки русских антипоговорок [Вальтер, Мокиенко 2005a].

Наблюдения за единицами политической афористики в интернет-коммуникации позволяют выделить основные смысловые доминанты обиденного языкового сознания, связанные с интерпретацией социальной жизни. При обсуждении вопросов социального характера рядовые носители языка акцентируют внимание именно на тех смысловых реалиях, которые наиболее актуальны для рассматриваемого отрезка времени. Обыденное языковое сознание выступает отражением «живых» реакций на самые злободневные и обсуждаемые темы. Примечательным является тот факт, что, даже если исходные статьи, расположенные в социальных сетях, имеют собственно информативное содержание и не касаются острых социально-экономических проблем, комментаторы в ходе развития своих дискуссий целенаправленно перемещают центр коммуникативного акта на обсуждение конфликтных вопросов, связанных с политической или социальной проблематикой.

Фактором, способствующим смещению содержательного и модусного векторов в сторону острых социальных вопросов, оказывается авторство исходного текста. Интернет-комментарии к текстам первого лица региона, с одной стороны, являются показателем живого диалога власти и общества, с другой стороны, интерпретируются адресатом как прямой способ выявления и представления сложных зон региона. Исследование данного материала способствует выработке лингвистических методов, направленных на системный анализ

конфликтных смысловых компонентов, зафиксированных в интернет-комментариях. Одним из языковых уровней определения социальной напряжённости является описание идиоматичных единиц, отражающих образное осмысление социального устройства конкретного субъекта государства.

Анализ единиц устойчивого характера, функционирующих в текстах-комментариях к публикациям губернатора Кемеровской области, позволил выделить ядерные смысловые доминанты, организующие социальную картину региона:

1. Уровень заработной платы и доходов населения: *А зарплата то вовсе не поднимается, как были копейки, так и остались!!!; Новые места – это хорошо, а зарплата когда начнёт расти так же, как цены на продукты?; Неплохо, да, на фоне непрекращающегося падения реальных доходов с 2014 года?*
2. Социальное неравенство: *Люди хлеб с солью последние доедают, а вы там икру чёрную на югах кушаете; Может, и нам будет счастье, и на нас обратят внимание; Стоим в Соцзащите, про нас вообще забыли, спасибо за жильё!; То программу прикроют, то приостановят, то финансирования нет. Так и мыкаемся.*
3. Обман власти: *Заводский район весь в смоге, сколько можно лапшу на уши вешать??? СМИ молчат, МЧС молчит, да, все молчат; Попытка выдать за рекорд цифры – ни о чём.*
4. Бездействие власти: *...а не создавать видимость, надувая важно щеки и протирая штаны и юбки в кабинетах за наши налоги; главы территорий не всегда расторопны и компетентны. Многие работают от пинка.*
5. Противозаконные действия власти и руководящего состава: *Данный работодатель грубо нарушает ТК РФ! Несвоевременная выплата зарплат и расчета при увольнении; Имеют проблемную задолженность перед работниками, которые уволились!; Законодательство РФ не соблюдают!*
6. Финансовые махинации власти: *...тем более что непонятно, куда ушли деньги, сэкономленные на детских городках; интересен тот факт, как «доблестные» заместители Тулеева при его отставке вовремя и очень быстро «надули трусы и улетели» в Европу с миллиардными состояниями, и не хотят возвращаться обратно, видимо, было о чём переживать.*
7. Социальный и экономический застой: *Кузбасс – просто сырьевая колония, типа африканской страны. О развитии речи нет вообще. Территория постепенно превращается в лунный ландшафт; Можно что-то с Яшкинским районом придумать? Работы нет! Совхозы развалили!*
8. Экологическая ситуация: *Губернатор, когда обратите внимание, на то, что полгорода живёт как в газовой камере, ответь на вопрос, это вас интересует?; 21 век на дворе, сколько уже можно заниматься модернизацией,*

так сказать, пока как тараканы все не передохнем в консервной банке; «Чистый уголь – зеленый Кузбасс». Невероятный лозунг, издевательский лозунг над здоровым смыслом.

9. Качество вводимого жилья: *За такое дно, как ЖК Томь от РФЖС и панельные гетто, подобные мкрн 12А от СДС, их создателям **сквозь землю от стыда бы провалиться**; Низкокачественные, безвкусные, **по кородеу аляписто крашенные** панельные кубы от СДС.*
10. Проблемы бизнеса: *Все бизнесмены **выкручиваются как могут и насколько наглости хватает**; люди **не хотят заморачиваться**, хотят вlepить плакатик и дальше **заниматься своими делами**; только нашим «бизнесменам» **всё ничоём**.*

Выделенные смысловые доминанты способствуют определению социально-значимых констант, формирующих категорию «социальная напряжённость». Векторами данного поля являются типовые ситуации, репрезентирующие проблемные и конфликтные зоны региона: отношения между властью и народом, противозаконные действия власти, уровень заработной платы, экономическая и экологическая ситуации. Модусной направленностью содержательных векторов является выражение резко отрицательного отношения к ключевым событиям социальной жизни региона. На функциональном уровне характер оценивания выражается в преобладании агональной функции, ядерной реализацией которой является семантическая категория «свой – чужой». В контексте обсуждаемых событий данная оппозиция наделяется собственно социальным характером, иллюстрирующим противопоставление разных субъектов:

- **власти** и народа: *А депутаты, наверное, **хотят подмять под себя всё**, им же **мало денег**. **Дайте людям жить спокойно**. Идите работайте тоже на заводы. **Люди хлеб с солью последние доедают, а вы там икру чёрную на югах кушаете**;*
- **бизнеса** и народа: *Для угольной олигархии, перспективы налицо, угля ещё достаточно, который **надо выкопать подчистую**, оставив безжизненную пустыню. Но для жителей **жизнь там похожа на ад**;*
- **действующей** и предыдущей власти: *Изначально, наверно, при прошлом губернаторе, хотели подарить людям лыжи, но **попилили бюджет**, и хватило только на палки – так и появились фуфлыжники, только названные красивым словосочетанием **«скандинавская ходьба»**;*
- **Кузбасса** и соседних регионов: *При этом архитектура и качество вводимого жилья в Алтайском крае **на голову выше**, а стоимость кв. метра по-прежнему ниже. А за новостройками алтайских ИСК в Новосибирске очереди стоят. Недостроев в Барнауле нет. А что же в столице*

Кузбасса? Те же три застройщика (в Барнауле более 10), тот же *примитивный кубизм*, тот же *деишманский короед* и *убогая панель*.

Результаты исследования иллюстрируют, что участники интернет-дискуссий в большинстве случаев проявляют резко негативное отношение к явлениям, формирующим социальную группу «чужое». Одним из действенных языковых приёмов, способствующих формированию и экспликации подобных представлений, является употребление устойчивых словесных оборотов трансформированного характера. Количественная представленность данных выражений (187 единиц из выделенных 215 паремий) свидетельствует о высокой продуктивности механизма преобразования для обыденного языкового сознания. Использование комментаторами трансформированных образных выражений служит эффективным средством повышения прагматического воздействия, интенционально направлено на формирование определенного отношения к сложившейся социальной ситуации и на желание вызвать нужную ответную реакцию у автора исходного текста, являющегося первым лицом региона.

Интернет-паремии, образованные по моделям закрепившихся в языке устойчивых выражений, сохраняя свою синтаксическую и логико-семантическую структуру, получают новое образное наполнение применительно к конкретным коммуникативным ситуациям. Существующие в языке модели, хранящиеся в сознании информантов, являются структурной базой для создания собственных устойчивых выражений, направленных на оценку социальных реалий. В большинстве случаев релевантным для говорящего является не содержание, а именно форма устойчивой фразы. Создание окказиональных паремий, образованных на созвучии, замене компонентного состава, образном переосмыслении и т.п., является действенным манипулятивным приёмом, направленным на привлечение внимания к социальным проблемам: *Отмените уже конский транспортный налог; Зияют пустыми глазницами окон. Страшно; ... вам похоже не понять где там дети, у вас там мухи с котлетами, как и у Кузнецова; Страшные времена и преступные по отношению к будущим поколениям; Рейтинг власти благими словами «как все замечательно» не поднимешь* и т.д.

В целом проведённое исследование иллюстрирует, что анализ паремий является одним из лингвистических приёмов, направленных на системный анализ конфликтных смысловых компонентов, зафиксированных в интернет-комментариях. Выделение смыслового и модусного наполнения устойчивых единиц способствует моделированию реальной социальной картины и определению идеологического настроения региона. Собственно прикладным характером подобных исследований является их использование в прогнозировании и профилактике социально-конфликтных ситуаций, выявленных лингвистическими методами.

РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В РЕЧИ ПОЛИТИКОВ⁸²

Яна Александровна Дударева
Кемерово, Россия

Политическая фразеология: проблема содержания понятия. Публичные выступления президентов всегда являются значимыми событиями, после которых следуют аналитические размышления о прозвучавших темах, мнениях, позиции глав государств по обсуждаемым вопросам. Лингвистам свойственно буквально до атома разбирать президентские речи, в результате чего мировая лингвистика накопила обширный круг интересных и глубоких исследований политического дискурса (В. Н. Базылев, К. В. Зданевич, Е. И. Шейгал, J. Bartošek, J. Burda, P. Charaudeau, J. E. Joseph), политической метафоры (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, Е. В. Дзюба, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, А. П. Чудинов) и политической фразеологии (Г. Я. Солганик, В. Г. Костомаров, О. Г. Ревзина, Е. И. Шейгал и др.).

В современный период развития языка политическая фразеология получила максимально широкое понимание: «понятие политической фразеологии, учитывая все ее структурно-семантическое многообразие и особенности функционирования, следует расширить максимально, включая в ее состав, помимо традиционно выделяемых фразеологизмов, афористику, тяготеющие к устойчивости обороты, а также перифразы» [Карамова 2015: 40]. С точки зрения максимально широкого подхода, в состав политических фразеологизмов входят памятные фразы, призывы, лозунги, слоганы, девизы, неустойчивые перифразы и тяготеющие к устойчивости экспрессивные обороты.

Фразеологические единицы в силу специфики своей семантики, которая «тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка, с практическим опытом личности, с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке» [Маслова 2001: 66] не существуют изолированно, а включают-

⁸² Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ №20-412-420004/20 р_а «Лингвистический мониторинг социальной напряженности в Кузбассе».

ся в многомерную ассоциативно-вербальную сеть, в результате чего понятие «фразеология» становится объемным, многомерным и многогранным.

Предпринятое нами исследование направлено на изучение восприятия гражданами использования русской фразеологии во всем ее богатстве и разнообразии, то есть как «самого культуруноносного компонента языка в действии» [Телия 2004б: 19], главами государств России и Чехии. Фразеологическая единица нас интересует как высказывание-стимул, создающее многомерное пространство интерпретаций, представляющих собой разные типы вторичных текстов (словесные тексты; изображения; комбинированные тексты). Метаязыковая рефлексия граждан в виде комментариев к высказываниям политиков представляет собой разные стратегии реагирования на стимул, отражающие их восприятие и понимание цели использования политиками русской фразеологии.

С точки зрения вариативно-интерпретационного подхода, на котором мы основываемся при анализе фразеологизмов, традиционная триада «автор – текст – адресат» разворачивается в «коммуникативную цепочку АВТОР – ТЕКСТ автора – ТЕКСТ субстанциальный – АДРЕСАТ – ТЕКСТ адресата» [Ким 2012: 186]. В рассматриваемых нами коммуникативных ситуациях автором является президент (В. В. Путин, М. Земан) как лицо, порождающее текст, названный в описываемой цепочке ТЕКСТ автора. ТЕКСТ субстанциальный – это текст как таковой, функционирующий в коммуникативном пространстве, потенциально доступный для восприятия и интерпретации. АДРЕСАТАМИ являются граждане во всем своем социальном многообразии, которые создают различного типа тексты (ТЕКСТ адресата), представляющие собой результат их собственной интерпретационной деятельности.

«Любимые» слова, прецедентные тексты и фразеология в речи президентов России и Чехии. Выступления президента России В. В. Путина и президента Чехии М. Земана являются весьма афористичными, запоминающимися, риторически интересными. Лингвисты, проанализировав их выступления, смогли составить для каждого из них списки «любимых» слов. Так, лингвист Вацлав Цврчек (Václav Cvrček) отмечает, что Милош Земан часто употребляет грамматические конструкции со словом «*кстати*», имеющим добавочное значение, вводные конструкции, выражающие уверенность, – «*бесспорно*», «*в любом случае*», а также личное местоимение «я»: «*Typické je časté používání zájmena „já“.* „*Pokud chce Miloš Zeman uvést vlastní názor, často ho traktuje jako výsledek myšlenkového procesu, který posluchačům předvádí v přímém přenosu (já myslím, jsem toho názoru, podle mého názoru)*“» (Echo24.cz). Аналогичный лингвистический рейтинг имеется и у Владимира Путина. На основе контент-анализа разных выступлений и в разные периоды было выявлено, что список его «любимых» слов стабильный и состоит из лексем «*мы*», «*наш*», «*страна*» (www.ntv.ru).

Выступления В. В. Путина и М. Земана насыщены прецедентными текстами из разных сфер жизни: политики, экономики, спорта, философии, искусства и культуры. Прецедентный текст, как правило, маркируется, в качестве дейксисов выступают имена. Как отмечает Ю. А. Сорокин, «такого рода прецеденты являются «схемой» интерпретации данного фрагмента текста и «схемой» восстановления культурного фонда» (www.philol.msu.ru).

Приведем некоторые примеры **из политической сферы**. В речи В. В. Путина весьма частотны цитирования европейских политиков (особенно У. Черчилля) и американских президентов. Как правило, тематика выступлений, содержащих известные высказывания политиков, связана с международными отношениями:

Как сказал еще в первые дни разгоравшейся Второй мировой войны Франклин Рузвельт: «Где бы ни был нарушен мир, мир повсюду оказывается в опасности и под угрозой» (www.kremlin.ru).

В составе прецедентных текстов, которые встречаются в речи М. Земана, ярко выделяются цитаты Томаша Масарика. Тематика публичных выступлений, в которых М. Земан обращается к словам первого президента Чехословацкой Республики, многообразна и может касаться, к примеру, метафорического понимания сути работы президента:

Не забываю также о том, что в этой республике живут миллионы людей, которые исполняют, скажу словами Масарика, «эту мелкую, чёрную, терпеливую и честную работу» (www.prague-express.cz).

В Рождественском обращении 26.12.2019 года М. Земан также процитировал Т. Масарика, тем самым придав своему поздравлению оригинальность и глубокий смысл:

Я не хочу желать только здоровья, счастья и долгих лет, – сказал Земан. – Я бы хотел пожелать вам боли. Но вы знаете, какой боли? Такой, о которой говорил Томаш Масарик, утверждавший, что мыслительный процесс – это больно (420op.cz).

Прецедентные тексты **из литературы** связаны с именами великих поэтов, писателей, имеющих всемирную известность:

В этом году мы будем отмечать 200-летие со дня Бородинской битвы, и как не вспомнить Лермонтова и его Чудо-богатырей? (www.kremlin.ru); *Речистые комментаторы, которые пишут обо всём и не разбираются ни в чём, напоминают мне определение литературного критика, данное Чапеком: «Критиковать – значит доказывать автору, что он не сделал этого так, как сделал бы я, если б умел»* (www.prague-express.cz).

Прецедентные тексты

- **из** религии, как правило, имеют в выступлениях президентов имплицитную маркированность:

Мне кажется, ведь только у нашего народа могла родиться известная поговорка: «На миру и смерть красна». Как это так? Смерть – это что такое? Это ужас. Нет, оказывается, на миру и смерть красна. Что такое «на миру»? Это значит, смерть за други своя, за свой народ, говоря современным языком, за Отечество (www.kremlin.ru);

Но я руководствуюсь принципом: чем проклинать темноту, лучше за- жечь хотя бы одну свечку (www.prague-express.cz);

Боже, дай мне мужество, чтобы я пытался влиять на вещи, на которые могу повлиять. Боже, дай мне смирение, чтобы я не пытался влиять на вещи, на которые не могу повлиять. И, Боже, дай мне мудрость найти разницу между первым и вторым (Молитва немецкого богослова Карла Фридриха Этингера) (www.prague-express.cz).

В выступлениях В. В. Путина и М. Земана также частотны фразеологизмы, в связи с чем названный материал нередко становится объектом исследования славистов в Чехии. Так, в дипломной работе Milena Sotolářová (руководитель doc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc.) отмечает, что национальные фразеологизмы характерны как для речи российского президента: «Pro ozvláštění textu užil také několik národních frazeologismů (в гробу перевернулся, закрывать глаза на что-то; хоть горшком назовите, главное чтобы в печку не ставили)» [Sotolářová 2016: 44], так и для речи чешского президента, к примеру, «frazologismus potřežené husy už se ozvaly» [Sotolářová 2016: 70], их употребление представляет собой нарушение лингвоэтических правил общения, но является вполне обычным и объяснимым для политической коммуникации.

Также отметим, что в выступлениях рассматриваемых президентов встречаются и традиционные фразеологизмы, которые характерны для политического дискурса вообще: *холодная война; предвыборная борьба* и т. п. Наше исследовательское внимание привлекают такие фразеологизмы и, шире, прецедентные высказывания, употребление которых является оригинальным и в выборе которых проявляется индивидуальность политика как языковой личности.

Русская фразеология и русские прецедентные тексты в речи В. В. Путина и М. Земана: интерпретационный анализ. Обратимся к свежему языковому материалу: фрагменту выступления В. В. Путина на форуме «Россия зовет!» 20 ноября 2019 года. Президент, объясняя, почему Россия не вкладывает ресурсы в добычу сланцевой нефти пояснил:

Что касается сланцевой нефти. Давайте мы подождем, когда американцы истратят деньги на новые технологии по добыче сланцевой

нефти, а потом у них – цап-царап: посмотрим, вообще мы заинтересованы в этом сегодня или нет, и задешево купим. Мы работаем над этим, мы работаем и самостоятельно, и совсем не обязательно (это я пошутил, а то сейчас раструбят на весь мир), цап-царап делать совсем не обязательно. Поэтому мы внимательно наблюдаем за этим (www.prezident.org).

При переводе на английский язык высказывание сохранило экспрессивность, но все же без русского, к сожалению, безэквивалентного выражения *цап-царап* оно потеряло былую изюминку:

If we are speaking about shale oil, let us wait for the Americans to spend their money on developing innovative technology for the production of shale oil, and then we can walk off with it. We have to see if we are interested in this technology at all and then buy it inexpensively. We are working on it ourselves as well. We really do not have to walk off with anything (I am just joking, or they will blare it out for the entire world to hear); so, we are closely following this (www.en.kremlin.ru).

Лексическая единица *цап-царап* зафиксирована во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова, имеет стилистические пометы *разговорное*, *экспрессивное* и обладает значением 'быстро и внезапно схватить кого-либо или что-либо' (www.phraseology.academic.ru). С лингвистической точки зрения слово *цап-царап* стало стимулом, вызвавшим поле разнообразных интерпретаций. В заголовках СМИ и комментариях к этой новости представлены следующие интерпретационные стратегии:

- **«технологическая»** стратегия, т.е. интерпретация слова *цап-царап* как особой технологии, которую используют в России: «РосЦарапТехнологии»: в соцсетях обсудили слова Путина про «цап-царап» (www.rosbalt.ru); *Открываю инвестиционно-консалтинговую компанию по разработке и поиску новых технологий, основанную на абсолютно прорывных методах работы. Название уже зарегистрировано и запатентовано – «Цап-Царап». Ожидаются очень серьёзные заказы от крупнейших госкомпаний*⁸³ (www.svoboda.org);
- **«идеологическая»** стратегия:
«Цап-царап» как национальная идея (www.svoboda.org);
- **«лингвистическая»** стратегия:
Филологическое: теперь у слова «украсть» есть еще один синоним – «цап-царап». Как обогатился русский язык! (www.svoboda.org); «Цап-царап» займет достойное место в словаре новояза путинской эпохи, если такой когда-нибудь будет издан (www.svoboda.org).

⁸³ Здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация исходного текста.

Кроме словесных интерпретаций, имеются и графические. Высказывание стало популярным мемом, на котором В. В. Путин представлен в образе знаменитого Фредди Крюгера: на голове – черная шляпа с широкими полями, а на руке – перчатка с длинными лезвиями.

Рассмотренный пример метаязыковой рефлексии в СМИ позволяет сделать вывод о том, что фразеологизм в политической коммуникации является сильным элементом текста, способным сгенерировать многочисленные новые тексты, авторы которых представляют собственные интерпретации воспринятого ими языкового знака.

Обратимся к выступлению президента Чехии Милоша Земана на торжественном приеме в честь Дня Победы 9 мая 2019 года. В своей речи президент сформулировал цель визита: *«Я приехал сегодня сюда, в посольство России, чтобы глубоко поклониться памяти советских солдат, погибших в боях за освобождение Чехословакии»* (www.gia.ru), высказал собственное мнение о проблеме терроризма в контексте мировой истории и завершил выступление словами: *«Никто не забыт, ничто не забыто!»* (www.gia.ru).

Фраза *«Никто не забыт, ничто не забыто!»* является прецедентной, в высокой степени значимой и ценной для русской национальной культуры. Эта строка из стихотворения О. Берггольц, выгравированного на мемориальной стеле на Пискаревском кладбище в Санкт-Петербурге, многими людьми в мире воспринимается как крылатая.

Поздравление М. Земана получило от граждан России очень теплую ответную реакцию. Так, на странице информационного агентства «РИА Новости» в социальной сети «Фейсбук» представлены многочисленные положительные комментарии, в которых можно выделить следующие интерпретативные стратегии реагирования:

- **эмоциональная** стратегия интерпретации основывается на лингвоперсонологической составляющей текста и проявляется в выражении благодарности, уважения, восхищения президентом Чехии, его отношением к роли и судьбе советских солдат в годы Великой Отечественной войны:

Господин Земан поступил так, как велит ему совесть человека, гражданина и Президента. Мудро!!!; Земан в Чехии – весьма адекватный человек; Спасибо, господин Земан, что помните ... Процветания Чехии ...; Мудрый человек; Совесть нации; Молодец!; Есть еще люди в Европе!; Мое уважение!; настоящий гигант из когорты политиков Старой Европы. Это не нынешние карлики; Президент!; Bravo, господин Президент!; Дай Бог здоровья этом мудрому политику; Земан достойный Человек! (web.facebook.com);

- **рациональная** стратегия интерпретации основывается на исторических событиях, актуализированных темой выступления: *да. Прагу спасли наши. Фашисты хотели в пыль стереть* (web.facebook.com).

Подводя итоги исследованию, отметим, что представленный подход к изучению фразеологии и, шире, прецедентных языковых феноменов, который основан на изучении стратегий интерпретаций текста, содержащего такие элементы, позволяет описать реальное многомерное функционирование фразеологии в политической коммуникации.

ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РЕЧИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ И ЧЕШСКИХ ПОЛИТИКОВ

Екатерина Алексеевна Рычева

Прага, Чехия

В современной политической коммуникации все большую роль играют эмоциональный и экспрессивный аспекты речи политика, за счет чего усиливается ее прагматический эффект. Политики не только используют новые жанры и каналы коммуникации (социальные сети, блоги, стриминговые сервисы и т. д.), но и употребляют разнообразные выразительные средства, в том числе стилистически сниженные (просторечие, сленг, арго).

Особое место в речи современных политиков занимают фразеологические единицы (ФЕ), которые наиболее ярко отражают национальные и культурные особенности носителей языка, а также обладают уникальной образностью и экспрессивностью. Политики употребляют фразеологические единицы не только в узуальном виде, но и активно «играют» с их формой и содержанием, изменяя ФЕ в соответствии с выбранной коммуникативной стратегией.

В данном исследовании под трансформацией фразеологической единицы мы, вслед за Н. Ю. Губайдуллиной, понимаем «необычное, лишенное автоматизма использование ФЕ с изменением формы и содержания, что приводит к привлечению внимания к внутренней форме ФЕ. При этом происходит приспособление фразеологизма к требованиям контекста» [Губайдулина 2016: 170]. Следовательно, трансформированные ФЕ призваны возбуждать интерес у адресата коммуникативного сообщения за счет нетривиальности формы и значения.

Трансформации ФЕ отражают стремление говорящего к языковой игре для установления контакта с аудиторией. В. М. Мокиенко отмечает, что в отношении к фразеологии «практически любое варьирование, типовые или индивидуально-авторские трансформации ФЕ можно считать языковой игрой»

[Мокиенко 2012б: 101]. По мнению А. В. Кунина, «...фразеологизмы, будучи устойчивыми и отдельно оформленными образованиями, допускают в речи разнообразные структурно-семантические изменения, в том числе и сложнейшие преобразования, невозможные в словах. Все это делает исключительно важным изучение «поведения» фразеологизмов в контексте...» [Кунин 1996: 199]. Языковая игра помогает говорящему привлечь внимание реципиента уникальностью внешней и внутренней формы ФЕ, т. к. обновленный фразеологизм используется как «средство для создания всякого рода художественно-стилистических эффектов (каламбуров, словесной игры, красочного образа и т. д.)» [Шанский 1957: 19]. В соединении с активизацией культурной и когнитивной специфики в значении ФЕ, различные преобразования устойчивых оборотов являются мощным средством прагматического воздействия в политическом дискурсе.

Те или иные изменения в форме и семантике ФЕ могут быть связаны с модификацией современного общества и культуры: «Трансформации в языке являются очередным этапом его развития, приспособляемости, ответом на запросы общества, изменяющейся картины мира, культурных ценностей и образцов. Средства массовой информации и публичные выступления крупных политиков всегда были признаком времени, впитывая не только культурно-исторический, но и лексико-фразеологический колорит эпохи» [Сопова и др. 2015: 656–657].

Говоря о разных типах индивидуально-авторских трансформаций ФЕ, А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко выделяют две основные группы преобразований: семантические (семантико-стилистические модификации, которые не затрагивают лексико-грамматическую структуру ФЕ) и структурно-семантические (смысловые преобразования, сопряженные с изменением лексического состава и/или грамматической формы ФЕ) [Мелерович, Мокиенко 1997].

Данная типология трансформаций ФЕ легла в основу классификации преобразований ФЕ на материале публицистических текстов, выделенных Н. В. Саютиной [Саютина 2012: 8–11]:

1. Семантические трансформации: двойная актуализация, изменение фразеологизма по цели высказывания, экспликация внутренней формы (образной основы) ФЕ, переосмысление ФЕ, буквализация значения ФЕ, приобретение фразеологизмом дополнительного семантического оттенка, авторская этимология.

2. Структурно-семантические трансформации: замена компонента (-ов) ФЕ, расширение компонентного состава ФЕ, эллипсис ФЕ, морфологические и синтаксические трансформации (синтаксическая инверсия, переход утвердительной формы ФЕ в отрицательную и наоборот, внутренние морфологические и синтаксические преобразования, полная деформация ФЕ, использование отдельных компонентов, выражающих элементы фразеологического значения, дистантное расположение компонентов ФЕ).

Исследуя трансформации ФЕ в политической коммуникации, Е. С. Пронина отмечает, что «более продуктивным представляется использование не самих фразеологических единиц (фразеологизмов, идиом), а их трансформаций, контекстуального преобразования, поскольку трансформированные единицы обладают большей экспрессивностью. Это вызвано, прежде всего, расхождением между традиционно и ситуативно означающим и принципом обманутого ожидания» [Пронина 2014: 135]. Одну из классификаций трансформаций ФЕ в политическом дискурсе предлагает В. А. Новоселова, которая выделяет количественную модификацию структуры фразеологизма (сокращение количества компонентов и расширение компонентного состава ФЕ), замену компонентов лексико-грамматической структуры фразеологизма, двуплановое употребление фразеологизма, фрагментарное цитирование устойчивого оборота, создание словосочетания по аналогии с фразеологическим оборотом, соединение редуцированных частей разных устойчивых конструкций, совмещение различных приемов преобразования исходной структуры [Новоселова 2019]. Итак, исследователи подчеркивают разнородность и разноплановость преобразований фразеологических единиц в политическом дискурсе, которые служат для передачи авторского замысла, усиления эмоциональности и экспрессивности речи, а, следовательно, для модификации определенного манипулятивного воздействия на аудиторию.

В результате анализа собранного материала (около 2500 единиц), было установлено, что в дискурсе российских и чешских политиков встречаются следующие трансформации ФЕ:

1. Структурно-семантические – расширение и сокращение компонентного состава ФЕ, замена компонента ФЕ и др.
2. Семантические – буквализация значения фразеологизма, контаминация ФЕ.
3. Контекстуальные – насыщение контекста и др.

Те или иные трансформации ФЕ помогают политику сделать свою речь выразительной и запоминающейся, что также служит формированию имиджа публичной личности.

Так, с помощью расширения состава ФЕ В. Путин актуализирует смысл устойчивого оборота:

Все должны жить в рамках действующего закона, а не под дамокловым мечом возможных санкций со стороны государства – нужно всё привести в соответствие с законом (<https://cutt.ly/5llgQBP>, 07.04.2016).⁸⁴

Благодаря добавлению компонента *возможных санкций* в состав ФЕ *дамоклов меч* политик придает высказыванию уникальную образность и выразительность.

⁸⁴ Здесь и далее в использованных примерах сохраняется оригинальное написание, зафиксированное в стенограммах выступлений политиков (в открытом доступе в интернете).

Д. Медведев прибегает к трансформации ФЕ для создания уникального образа, который подчеркивает смысл всего высказывания:

*Нам нужно о стране родной думать, о людях наших, которые живут в нашем государстве, а не о том, чтобы, **расталкивая всех локтями или кулаками**, пробраться на политический олимп* (<https://cutt.ly/0llgC5g>, 02.07.2016).

В данном примере наблюдается расширение значения и компонентного состава ФЕ *расталкивать локтями* ('добиваться результата, несмотря ни на что'). Благодаря добавлению слова-компонента *кулаки* происходит интенсификация образности и экспрессивности устойчивого выражения.

Кроме того, политики нередко изменяют и дополняют по своему усмотрению крылатые выражения для аргументации своей позиции. Например, М. Земан акцентирует внимание реципиента на прецедентном высказывании:

*Nechci tvrdit, že jsem měl připravené nějaké kategorické schéma, které bych Urbi et Orbi zjevil jako jasnou pravdu, a jak říkal Masaryk, **myšlení bolí, takže díky vám jsem si prodělal určitou, nikoli příliš intenzivní, bolest*** (<https://cutt.ly/0llgC5g>, 02.07.2016).

Благодаря актуализации смысла ФЕ, политик интенсифицирует значение устойчивого оборота, что помогает говорящему усилить прагматический эффект высказывания.

В речи Б. Сobotки встречается использование ФЕ в усеченном виде. Например,

*Nepatřil jsem k jeho politickým oblíbencům jako Ivan Langer nebo Stanislav Gross, se kterými byl v častém kontaktu. Mě popravdě vůbec nenapadlo, že bude **mít kostlivce ve skříni*** (<https://cutt.ly/plllkxL>, 06.05.2017) *ср. Já myslím, že voliči ocení, že se země posunula správným směrem. Není žádná krize, není žádné přešlapování. **Vytahujeme kostlivce, kteří tu zůstali po minulých vládách*** (<https://cutt.ly/OlllRrt>, 14.11.2016).

В последнем примере ФЕ *mít kostlivce ve skříni* употреблена в усеченном виде, но контекстное окружение помогает устойчивому обороту сохранить образность. Тем не менее, сокращение компонентного состава ФЕ привлекает внимание аудитории и вовлекает ее в процесс языковой игры.

Ярким примером удачной трансформации ФЕ в речи Б. Сobotки является выражение *papír a Twitter snese vše* (ср. *papír snese vše*):

*Ale předtím těch několik měsíců Trumpovi věnovala absolutní pozornost a vlastně Trumpa vytvořila. Je jasné, že **papír a Twitter snese vše**. Teď bude důležité, co bude dělat Donald Trump v okamžiku, kdy usedne v Bílém domě* (<https://cutt.ly/OlllGMg>, 12.11.2016).

Политик изменяет форму устойчивого оборота, вводя в него название социальной сети Twitter, в которой Д. Трамп ведет микроблог. Таким образом

говорящий показывает умение обновить образность ФЕ и придать ей новое, актуальное для современного человека, значение.

Преобразования фразеологических единиц помогают Б. Сobotке показать отношение к противнику в яркой и выразительной форме: «*Když se Andrej Babiš dostane s někým do polemiky, tak velmi často místo argumentů lije na dotýčného kbelíky špínu a pomluvu*» (<https://cutt.ly/tlllNI4>, 1.10.2016). В высказывании реализуется расширение компонентного состава ФЕ *lit špínu* (ср. *обливать грязью*) за счет добавления слова *kbelíky* и *pomluvu* для усиления экспрессивности речи. Политик указывает на то, что его оппонент преднамеренно публично оговаривает другое лицо, сообщая нелестные и лживые сведения о нем.

Использование устойчивых выражений, основанных на определенных жестах, открывают простор для различных форм языковой игры. В дискурсе В. Путина следующая ФЕ претерпевает изменение формы и содержания за счет расширения состава ФЕ и буквализации значения, что приводит к столкновению стилистических регистров: «*Тем более что эти деятели, они попали пальцем в небо, а может и в какое-то другое место, неожиданно для себя*» (<https://cutt.ly/RllzquA>, 14.04.2016). При помощи введения в состав оборота эвфемизма *какое-то другое место*, говорящий намеренно противопоставляет узуальный иokkaзиональный компоненты ФЕ, акцентируя внимание адресата на значении устойчивого оборота, а именно на нелепости ситуации и неправомерности действий противника.

Контаминация ФЕ служит не только для усиления образности и выразительности процесса политической коммуникации, но и для демонстрации высокого уровня владения языком, в том числе иностранным. Например, М. Земан намеренно подчеркивает знание иностранного языка с помощью контаминации элементов чешского и английского языков в ФЕ: «*Není to můj cup of tea, přesně tak*» (ср. чеш. *to není můj šálek čaje* – калька с англ. *not my cup of tea*) (<https://cutt.ly/EllzsQS>, 22.06.2017). Подобные трансформации ФЕ призваны показать высокий уровень языковой компетенции индивида.

В речи Д. Медведева также встречаются контаминированные ФЕ, которые отличаются необычностью формы и содержания:

Как только что-то происходит в мировой повестке дня, в которой Россия принимает участие, Североатлантический альянс сразу надувает щёки, губы и говорит: ну всё, мы с вами прекращаем общаться, приостанавливаем отношения (<https://cutt.ly/l1lz83>, 14.02.2016).

В данном примере происходит объединение двух ФЕ: *надувать щеки* (прост. неодобр. ‘выражать крайнее неудовольствие, раздражаться, сердиться’) и *надувать губы* (разг. ирон. ‘сердиться, обижаться, проявляя недовольство’, поведение, свойственное детям) с интегральной семей ‘сердиться, выражать недовольство’, но с отличной образностью. При помощи употребления кон-

таминированной ФЕ *надуть щеки, губы* политик сравнивает действия НАТО с поведением капризного ребенка, реализуя стратегию дискредитации.

Для речи В. Путина свойственен прием сгущения смысла высказывания, что помогает говорящему более точно донести мысль, а также повысить экспрессивность сказанного. Политик прибегает к саморефлексии в процессе коммуникации, когда он задает вопрос и сам отвечает на него, интерпретирует сложившуюся ситуацию для аудитории:

*Да ни о чём не говорили, просто общие слова, просто общие слова о том, что нам нужно подумать о том, как нам выстраивать отношения. А что, не нужно думать о том, как выстраивать отношения? Всё с кондачка делать, вообще бездумно, что ли? **Ничего конкретного, просто ноль, зеро, вообще ничего.** Удивительно просто (<https://cutt.ly/vllzAsZ>).*

Выражая своё отношение к сказанному при помощи употребления ФЕ и последующего комментирования ее значения, говорящий тем самым подчеркивает свою позицию, а также предлагает готовый ответ в качестве единственно верного.

Буквализация смысла ФЕ с негативной коннотацией используется для реализации стратегии дискредитации в речи В. Жириновского. Например, политик сравнивает действия и высказывания оппонентов с поведением душевнобольного человека:

*Навальный обнаглед – говорит, что это он нам (победу) сделал. **Со всем уже с ума сошел, ему надо к психиатру.** Он видит, что мы побеждаем там и примазался, что это он тоже помог ЛДПР (<https://cutt.ly/2llzZBm>).*

При помощи данного приема политик нивелирует статус политического противника, указав на его недееспособность и некомпетентность.

Осуждая неправильные действия партнеров, В. Путин высказывает свое недовольство при помощи употребления нескольких ФЕ с негативной коннотацией:

*А по поводу вмешательства, Вы бы посмотрели, что ваши коллеги у нас делают. Да они просто с ногами забрались в нашу внутреннюю политику, на голову нам сели, ноги свесили и жвачку жуют. **Развлекаются просто!** (<https://cutt.ly/mlz8ns>)*

Политик сравнивает деятельность представителей США с поведением невоспитанного и поверхностного человека, бездельника, который заставляет других делать его работу и не соблюдает правила приличия. Частью созданного образа является стереотипное представление об американцах, которые часто жуют жевательную резинку, не соблюдая правил этикета. Таким образом,

с помощью приема нанизывания ФЕ с негативной коннотацией в сознании адресата создается сложный, интенсифицированный образ.

Трансформированные ФЕ в речи политиков обладают наибольшим воздействующим (и манипулятивным) потенциалом, отражая намеренное изменение формы и содержания устойчивого оборота в зависимости от намерений говорящего.

Идентификация и анализ механизмов трансформирования фразеологизмов играют важную роль в определении особенностей коммуникативного поведения говорящего, которые проявляются в особых функциях трансформированных ФЕ, частотности употребления модифицированных фразеологизмов и использовании стилистически маркированных ФЕ.

При помощи употребления трансформированных ФЕ политик достигает нескольких целей: придает речи яркую образность и выразительность (в том числе за счет трансформации ФЕ и создания новых ФЕ); транслирует аудитории скрытые смыслы и манипулирует сознанием адресата; показывает высокий уровень образования, эрудиции и профессиональной компетенции; подчеркивает принадлежность к группе «своих», а также моделирует собственный имидж.

ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИИ РОМАНА ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»: СВОЕОБРАЗИЕ ДИСКУРСА – СИСТЕМА ФЕ

Татьяна Евгеньевна Аникина
Санкт-Петербург, Россия

Евгений Германович Водолазкин родился в 1964 году в Киеве. В 1986 году он окончил филологический факультет Киевского государственного университета и сразу поступил в аспирантуру Отдела древнерусской литературы Пушкинского дома. Его кандидатская диссертация была посвящена переводу византийской Хроники Георгия Амартола. В 2000 году он защитил докторскую диссертацию на тему «Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палейного повествования XI–XV вв.)». В 2009 году он опубликовал свой первый роман «Соловьёв и Ларионов», который вошёл в шорт-лист премии «Большая книга» (2010). Следующий роман писателя, «Лавр», был удостоен этой премии в 2013 году, он получил также премию «Ясная Поляна» и премию конвента «Портал».

Роман «Лавр» занимает особое место среди произведений русской литературы последних лет, в первую очередь, благодаря своему стилю. Великолепный знаток старославянского языка, автор умело сочетает старославянизмы с современным литературным языком, разговорными и даже жаргонными элементами, ср.: «Наказание ему (Прохору) отложили до выяснения судьбы Арсения. Сказали: Аще человек Божий умрет, грех сей на тебе будет. <...> Но Арсений выжил. <...> Больному требуется свежесть, крикнул Фома, а у вас здесь, как, простите, у черта в жопе. Тащите его к реке. Там течение воды и воздуха. Это поможет его излечению. <...> Сестры вынесли Арсения к реке. <...> А теперь линияйте отсюда, вертихвостки, сказал юродивый Фома сестрам. Сестры, не говоря ни слова, двинулись в сторону монастыря. Ветер трепал края их облачений <...>» [Водолазкин 2016: 192–193].

В романе встречаются фразеологизмы разных типов – от связанных словосочетаний: «Говорили врачи. Им были известны кое-какие средства против недугов, но они не упускали возможности *обратиться к болезни напрямую*» [Водолазкин 2016: 8] или: «Когда целовали его в волосы, им казалось, что они *припадают к роднику*» [Водолазкин 2016: 25], «*Блудися сия скорби, сыне*» [Водолазкин 2016: 26] до пословиц и поговорок «Василий великий глаголет, яко Адам бысть в Раи сорок дний. *Не имей дружбы с женою, да не сгориши огнем. Разнообразие сведений поражало воображение ребенка*» [Водолазкин 2016: 41], «Веруешь ли во Христа, твердо спросил его Христофор. *Живем в лесу, молимся колесу. Такая наша вера*» [Водолазкин 2016: 48].

«Лавр» – произведение современной литературы, несвободное от постмодернистских черт. Прежде всего, оно стилизовано под древнерусскую литературу, пространные жития, хроники, «Александриду», которую так любит читать герой. «Цель использования стилизации заключается в том, что читатель может окунуться в другую эпоху благодаря искусственно созданной атмосфере и обстановке, присущей предыдущим столетиям. Более того, стилизация помогает автору создать конкретный образ личности героя, ссылаясь на образ его “прототипа”. Бесспорно, благодаря данному приему жизнь Лавра кажется настоящей историей, произошедшей именно по данному сценарию с этими же персонажами» [Гукасян, Подковальников 2018]. Прототипов, судя по всему, у героя было великое множество. «По словам Водолазкина, в романе очень мало выдуманного. В своем интервью он говорит: “Там использовано несколько десятков житий, и это абсолютно реальные люди” [Токарева 2013]. И так, при чтении романа читатель погружается в житийный мир древнерусского святого врача Лавра. Одновременно он понимает, что Лавр, Амвросий, Устин остаются Арсением благодаря постоянным беседам героя со своей умершей возлюбленной Устиной. «Сани были присланы из Белозерска князем Михаилом. и присланы они были за Арсением. <...> Яви же хытрость врачебную, да почтен будеши от князя. <...> Отвернувшись в сторону, он сказал Устине: Посмотрю, любовь моя, что я смогу сделать для этих людей. Оттого, что они принадлежат к княжескому роду, болезнь не становится легче. Тяжелее, правда, тоже. С этими словами Арсений сел в расписные сани» [Водолазкин 2016: 130].

Следует заметить, что читатель не до конца погружается в древний мир. Двойственность восприятия произведения, как средневекового и современного, двойственность мышления героя, как человека Древней Руси и нашего современника проявляется, в первую очередь, в своеобразии дискурса: в постоянном переключении речевого регистра с древнерусского на современный.

Более древняя ФЕ включается в современный контекст: «<...> Юродивый Фома сказал: Я выполнил твою просьбу относительно Прохора. Если я правильно понял тебя через реку, ты не хотел, чтобы власти его наказывали. Я просто о нем молился <...>. Просил: Господи *не постави ему в грех сего, не*

ведает бо, что творит <...>. Юродивый Фома кивнул: Насчет твоей молитвы завеличские уже в курсе, я им говорил» [Водолазкин 2016: 193]. Или «<...> избранный им дом пятьдесят четыре года *пребудет* *вцелости*. Христофор понимал, что для страны с бурной историей пятьдесят четыре года – немало» [Водолазкин 2016: 15].

И, наоборот, более современная ФЕ вставляется в древний текст: «<...> в ходе жизни души нередко *черствеют*, и тогда они мало кого узнают после смерти. Если же любовь твоя, Арсение, неложна <...>, то почему же, спрашивается, вам не узнать друг друга тамо, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная» [Водолазкин 2016: 99–100].

Такое переключение может сопровождаться изменением компонентов ФЕ, ср.: «Человек сотворен из праха. И в прах обратится. Но тело, которое ему дано при жизни, прекрасно. Так говорил Христофор, бальзамируя Андрона Новгородца перед отправкой покойника на родину <...>. Сегодня Андрон готовился к своей *последней дороге* в Новгород» [Водолазкин 2016: 35]. В связанном сочетании *последний путь*, имеющем приподнятый характер, один из компонентов (*путь*) изменен на нейтральный (*дорога*), что, казалось бы, лишает словосочетание связанности. Тем не менее, свободное сочетание *последняя дорога* в данном контексте приобретает качество связанности. Становясь связанным словосочетанием, оно отсылает нас к исходному *последний путь*, из-за чего в слове *дорога* наблюдается приращение семантики, возникает, пользуясь терминологией Б. А. Ларина [Ларин 1974], дополнительный «обертон» смысла. *Дорога* начинает звучать более торжественно. Возможно, это связано с оживлением этимологического значения слова. В этимоне *путь* можно найти «Элементы древнего знач. и.-е. **pont-* “преодоление; дорога, изобилующая опасностями”, в то время как дорога в понятийном отношении связана с «продранным в лесу пространством» [ЭСРЯ 1964–2006].

Такая игра смыслами отсылает нас к выражению *путь-дорога*, которое, кроме повтора, имеет значение пожелания доброго пути, ср.: (*Путь да дорога! Путь-дорога!* Народн. То же, что В добрый путь!) [Мокиенко, Никитина 2007]). Сам же повтор *путь-дорога* образует семантическую сопряженность слов, что и обеспечивает интеграцию частей произведения. В романе «Лавр» значимая часть текста носит название «Книга пути». Такая дополнительная игра «обертонными» значений способствует формированию подтекстов романа. С *путем-дорогой* сопрягается и выражение *отправка (кого-н.) на родину*, которое, несмотря на уточнение *кого – покойника*, могущего снизить стилистическое звучание выражения, сохраняет свою приподнятость.

Наряду с торжественностью, переключение регистров, игра смыслами создают и ироничность романа. Похожее наблюдение находим у Т. Морозовой: «Старославянские и древнерусские тексты Водолазкин часто использует не только для выражения особой торжественности, неожиданно – иронично» [Морозова 2013]. Нельзя забывать, что перед нами произведение современ-

ной литературы, а иронический модус высказывания – неотъемлемая часть постмодернизма.

Следует обратить внимание еще на одну особенность дискурса романа, связанную с переключением регистров, – на его многочисленные интертекстуальные отсылки и сопряженное с данным явлением образование связанных наименований. Описывая особенности Амроджио, автор пишет: «*Смуглого отрока* посещали и другие видения» [Водолазкин 2016: 227]. Употребленное словосочетание отсылает нас к стихотворению Анны Ахматовой, посвященному А. С. Пушкину: «Смуглый отрок бродил по аллеям...». Таким образом, *смуглый отрок* – наименование Пушкина. Такая ассоциация опять создает атмосферу торжественности дискурса.

Для интертекстуальных отсылок автор чаще прибегает к крылатым выражениям: *Мы в ответе за тех, кого приручили, говорил, глядя волка, Христофор* [Водолазкин 2016: 33].

В обоих случаях происходит оживление исходного значения выражений. Итальянец Амброджио действительно был смугл, а дикий волк сам «приручился» к Арсению и его деду.

Интертекстуальные отсылки в той или иной степени ироничны. Иногда ирония становится их единственным наполнением. Они могут строиться на языковой игре. Человеку не просто ухаживать за вшивым и гноящимся. Входящий может оставить рядом с больным корочку хлеба и кружку с водой, но на настоящую ласку без брезгливости можно рассчитывать лишь со стороны коровы. Корова быстро привыкла к Арсению и считала его своим. Длинным языком она слизывала с его волос засохшие комки крови и гноя. Арсений часами наблюдал за качанием ее вымени и иногда припадал к нему губами. Корова (что в вымени тебе моем?) не имела ничего против, хотя всерьез относилась лишь к утренней и вечерней дойке [Водолазкин 2016: 170–171]. Тем не менее, конец Пушкинского стихотворения «Что в имени тебе моем?...»: «Скажи: есть память обо мне, / Есть в мире сердце, где живу я...» – дополняет смысл фрагмента романа, усиливает противопоставление между человеческим жестокосердием и лаской животного. Таким образом, в данном случае также можно говорить о смысловых приращениях.

Языковая игра может быть и менее иронична. Она может вести к созданию новых фразеологических оборотов, построенных по уже имеющимся моделям. «Почему на могилах нет имен, спросил однажды Арсений. Потому что Господу они и так известны, ответил Христофор. А потомкам имена без надобности. Через сто лет уже никто не вспомнит, кому они принадлежали. <...> А может быть, даже через тридцать. <...> Значит у наших людей *короткая память*? Можно сказать и так. Только *память* не должна быть слишком *длинной*. Это, знаешь, тоже ни к чему. Нужно ведь что-то и забывать» [Водолазкин 2016: 43–44]. Мысль о том, что лучше страдать забывчивостью, чем долго о чем-нибудь помнить, думается, важна для автора и связана с его философией времени.

«С тех пор время окончательно пошло по-другому. Точнее оно просто перестало двигаться и пребывало в покое. <...> Тут выяснилось, что события не всегда протекают во времени, сказал Арсений Устине. Порой они протекают сами по себе. Вынутые из времени. Тебе-то, любовь моя, это хорошо известно» [Водолазкин 2016: 205].

Таким, образом, своеобразие дискурса романа Евгения Водолазкина «Лавр» заключается в постоянном переключении древнерусского, даже старославянского, и современного русского, подчас разговорного и жаргонного, речевых регистров. С этим явлением связаны процессы трансформации и девиации ФЕ, создающие своеобразную систему. Во время этих процессов, как правило, происходит оживление исконного значения лексемы или ее этимона и возникает «приращение смысла», иной раз парадоксальное во фразеологическом обороте. В частности, оно может выражаться в изменении не только смысловой, но и стилистической, эмоциональной или оценочной составляющей значения слова. Возникают новые нюансы значений, в которых, используя терминологию Ларинской стилистической школы, ощущается «авторское задание». Данное «авторское задание» и сам факт переключения временных языковых регистров связан с философией времени автора. Писатель полагает, что времени нет, а все связано со всем в неразрывное целое. «Любимый парадокс Водолазкина, усвоенный от Дмитрия Лихачева – то, что, с одной стороны, времени нет – в божественном масштабе все события происходят одновременно. Но, с другой стороны, все мы, живущие в материальном мире, накрепко заперты во времени, и лишь иногда способны выходить за его границы – через озарения, духовный опыт, встречу с искусством и в нем – с Богом» [Писатель Евгений Водолазкин]. По словам автора, «Время в христианском понимании в конечном счете имеет выход в вечность – как в жизни отдельного человека, так и в рамках человечества в целом» [Панасюк 2014].

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ

Наталья Райнохова
Прага, Чехия

Данная работа посвящена анализу русских фразеологических неологизмов жаргонного происхождения в современных детективных романах и проблемам их перевода на чешский язык. Слова, пришедшие из языка криминального мира в 90-е гг. 20 в., долгое время не имели единого обозначения: чаще всего применялись термины *жаргон*, *арго* и *сленг*, которые ввиду их расплывчатости и неоднозначности иногда сопровождались дополнительными характеристиками: *открытое арго* (В. С. Елистратов), *общий жаргон* (О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина), *общий сленг* (А. Т. Липатов), *жаргонизированная разговорная речь* (В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина), *жаргонизированная лексика* (А. Г. Липатов), *сленгово-просторечные, специализированные номинативные единицы* (В. В. Химик) и др.

За прошедшие с момента вторжения этих слов три десятилетия терминология несколько устоялась, в данное время употребляются два термина: сленг и жаргон, обозначающие одно и то же явление. Л. И. Степанова в книге «Современный русский язык: праздник вербальной свободы» пишет: «Следовательно, мы наблюдаем новый подход к субстандартным явлениям в языке: в течение первых лет перестройки лингвисты лишь фиксировали новое явление проникновения жаргонизмов в язык, сейчас же многие уже отмечают, что жаргон и сленг (арго – лишь в силу влияния на жаргон) сливаются в едином языке города, где разные элементы смешиваются, образуя единый городской язык, массовый сленг – обиходный язык широких масс горожан. Так формируется современное городское просторечие» [Степанова 2011: 67]. Итак, «иерархия социальных городских подъязыков в русской речевой действительности может быть представлена, с известной долей условности, следующим рядом: арго → жаргон → сленг (интержаргон). Сленг, или общий жаргон, в свою очередь, можно рассматривать как составную часть, как особый слой функционально-стилистического просторечия» [Химик 2004: 26].

В отличие от первых употреблений в беллетристике или масс-медиа, жаргонизмы уже не поясняются в текстах, не требуют «перевода» на стандартный и общепринятый язык, они стали частью общего просторечия.

Фразеологические единицы жаргонного происхождения часто используются писателями, в частности писателями популярного и весьма распространенного ныне жанра детектива. Так, автор десятков популярных детективных романов Б. Акунин⁸⁵ в одном из своих произведений (см. его перевод на чешский язык [Akunin 2000]) вводит большое количество жаргонизмов, например: *без лажи* – честно, без обмана; *фенька* – рассказ, слухи; *бабки, бабульки* – деньги, *туфтовый* – неправдивый; *бабки отстегивать* – давать деньги; *лох, лопух, лохарь* – наивный, простодушный человек, которого можно обмануть; *заказать кого* – нанять киллеров для убийства неугодного человека; *облом устроить кому* – расстроить чьи-л. планы; *отморозок* – негодяй, преступник и многие другие.

Немало здесь и новых фразеологизмов (не только жаргонного происхождения), напр.: *чайник некияченный* – простак, ничего не понимающий в чем-л. человек; *сто пудов* – точно, на сто процентов; *повело в глюки кого* – у кого-л. галлюцинации, кто-л. сходит с ума; *ловить ухом* – слушать; *попасть мимо кассы* – ошибиться, остаться ни с чем; *гнать тарантас* – спешить, излишне суетиться, торопиться (*не гони тарантас*); *в натуре* – на самом деле; *базар-вокзал* – шум, скандал; *лажу гнать, гнать туфту; лепить горбатого* – обманывать; *делать козью морду* – выражать свое недовольство, делать сердитый вид и др.

Б. Акунин нередко использует новые выражения в целях достижения юмористического эффекта: его главный герой Николас Фандорин неоднократно попадает впросак, не понимая современной русской речи. Новые для него выражения он старательно записывает в блокнот, напр.:

Господи, просто поразительно, что он до сих пор жив – ненаблюдательный, недовинченный, недокрученный. В блокноте было какое-то выразительное определение для человека подобного склада, еще более презрительное, чем просто «*лох*». Ах да: «*чайник некияченный*».

Многочисленные неологизмы, используемые в современном русском просторечии, создают трудности в восприятии ее иностранцами, даже специалистами-филологами, прекрасно владеющими литературным русским языком. А переводчики современной русской литературы все чаще сталкиваются, наряду с традиционными трудностями (переводом реалий, фразеологизмов, игры слов и т. п.), с новой проблемой – переводом жаргонизмов, которые некоторые филологи считают «непереводимым в переводе».

Первой трудностью, с которой сталкивается переводчик, работающий с текстом, изобилующим жаргонизмами, является их распознавание в тексте.

⁸⁵ Японовед, эссеист, литературный переводчик, беллетрист Григорий Чхартишвили, род. в 1956 г., с 1998 г. пишет художественную прозу под псевдонимом Борис Акунин.

Жаргонизмы, имеющие длительную традицию употребления в текстах, как правило, переводчиками распознаются. Ср.:

– Еще бы не вовремя, – рассеянно перебила она, сосредоточенно размышляя о чем-то. – Тайминг был супер. На пару секунд позже, и **тот урод тебя точно кокнул бы**. Видел, какая у него железяка была в руке? „Aby ne,“ přerušila ho roztržitě, zahloubaná do vlastních myšlenek. „Načasování bylo super. O nákou vteřinu dýl, a **ten grázl tě sejmul**. Viděls ten knajp, co měl v ruce?“

В случаях неузнавания (или неверного отождествления) жаргонизма происходят ошибки, искажающие смысл текста:

Обнаружив, что кейс, хранилище всех ценностей, опозорен и выпотрошен <...>, обе жертвы газовой атаки бросились в купе проводника. <...> На нас напали бандиты! <...> Похищены деньги и вещи! Проводник лениво повернулся, зевнул.

– **Это запросто**, – сказал он, глядя на пассажиров безо всякого интереса. – **Пошаливают**. (Снова это непереводаемое ни на один известный Николасу язык слово!). Железная дорога за **утырненное** ответственности не несет. А то с вами, **лохами**, по миру пойдешь.

Průvodčí se k nim líně otočil a zívá.

„**To voni jen tak z hecu**,“ řekl a podíval se na pasažéry bez zájmu. „Jenom **špásujou**. (Zase to slovo, nepřeložitelné do jakéhokoli Nicholasovi známého jazyka!) **Dráha nenese odpovědnost za utrpené škody**. To bysme za chvíli kvůli vám chodili po žebrotě.“

Как известно, *пошаливать* применительно к бандитам значит ‘грабить, разбойничать’, в тексте перевода передано как *špásujou* – ‘шутят’, фраза *это запросто* передается как *To voni jen tak z hecu* – ‘это только шутки (хохмы) ради’.

Камнем преткновения часто становятся новые фразеологизмы жаргонного происхождения, которые переводчик считает свободными словосочетаниями и переводит их буквально, что считается грубейшей транслатологической ошибкой. Так, буквально был переведен жаргонный фразеологизм *отвечать за базар* ‘нести ответственность за сказанное, выполнять данное слово’, ср. в чешском переводе:

– Вы, Леонид Робертович, лицензию обещали? Обещали. Бабки скушали? Скушали. **Отвечайте за базар**, или же, выражаясь интеллигентно, исполняйте взятые на себя обязательства... <...>. и учтите, **это ваша заморочка, не моя**.

„Slíbil jste licenci, Leonide Robertoviči? Slíbil. Prachy jste vzal? Vzal. **Odpoovídáte za trh**, nebo abych se vyjádřil inteligentně, plňte svoje povinnosti... <...>. A pamatujte, **že to je vaše parketa, moje ne**.“

Переводчики переводят выражение *отвечайте за базар* как свободное словосочетание – букв. «вы отвечаете за рынок», совершенно искажая тем самым смысл сказанного.

Многозначные фразеологизмы представляют особую опасность для переводчиков. В той же сцене о краже употребляется фразеологизм *хлебало раззявить*, литературный эквивалент – *открывать / открыть (раскрывать / раскрыть, разевать / разинуть. Прост.) рот*, который может иметь несколько значений, в том числе: 1) кричать, грубо ругаться на кого-л. – *otvírat si hubu na koho*; 2) стать рассеянным, невнимательным или неосмотрительным, отвлекшись зрелищем чего-л. (рассматриванием чего-л.). – *dívat se (hledět, stát, poslouchat) s otevřenými ústy (s otevřenou pusou, hubou); mít hubu dokořán*.

В русском тексте романа читаем:

– и снова повернулся [проводник] к своему отражению, пожаловался ему. – *Хлебало раззявят, козлы*. Пиши потом *объясниловки*. Идите к дежурному милиционеру.

Переводчики понимают оборот ошибочно и приводят эквивалент другого значения полисемичного фразеологизма: ‘кричать, ругаться на кого-л.’:

Nato se znova věnoval svému odrazu ve skle a postěžoval si mu: „*Votvírají si na mě hubu, drzouni*. Abych potom sepišoval *zdůvodňovačky*. Děte za poldou, co tu má službu.“

Гипноз подлинника, стремление передать оригинал как можно более близким (часто и фонетически) соответствием может стать причиной неверного понимания оборота и, соответственно, его ошибочного перевода. Так, в приведенном выше отрывке следует отметить, как переводчики выбирают эквивалент, близкий к исходному по звучанию.

В оригинале: Железная дорога за *утыренное* ответственности не несет.

В переводе: *Dráha nenese odpovědnost za utrpěné škody*.

При этом *утыренное* – просторечное выражение со значением ‘украденное’, в переводе же мы видим прямо канцелярский оборот (букв. за понесенный ущерб дорога ответственности не несет), объявление, которое действительно можно видеть на железной дороге и в других местах.

Другой пример такого магического воздействия слова оригинала. В следующем отрывке речь идет о событиях XVII века, и употребляется слово *дыба – skřípec, подвесить на дыбу – natáhnout na skřípec*, в переводе – *повесят на дыбе*:

Оставаться с Матфеевым безумно, потому что боярин обречен. Это во-вторых. Такого большого человека, конечно, не казнят и *на дыбу не подвешат* – не при Иване Грозном живем <...>. Корнелиус содрогнулся, вспомнив палача Силантия, клещи в угольной жаровне и веревку под потолком.

Zůstat s Matfejevem by bylo šilenství, protože bojar upadl v nemilost. To za druhé. Takového velkého pána sice nepopraví a **na dubu neoběsí** – nežijeme za Ivana Hrozného <...>. Kornelius se zachvěl, když si vzpomněl na kata Silantije, na kleště v rozpáleném ohništi a provaz pod stropem.

Передача авторских трансформаций часто является неразрешимой проблемой для переводчиков. В тексте романа появляется мафиози грузинского происхождения, поэтому автор сюда вводит слова, создающие национальный колорит (в данном случае названия блюд грузинской кухни), напр., вместо фразеологизма *это не фунт изюму* ‘это не просто так, это важное дело’ употребляется выражение *это не кусок хачапури*; вместо *шиши получит* – *шиши с ткемали*:

Самого Шурика **на вас зарядил** – **это вам не кусок хачапури**. Вот как сильно господин Седой хочет вам помешать в вашем деле.

Nasadil na vás samotného Šurika – to je co říct! Tak hrozně moc vám chce pan Ilijč překazit váš úkol.

Шуши ему с ткемали, а не тендер.

A bude mít **houby s octem**, а не tendr!

Переводчики используют в переводе нетрансформированные чешские идиомы.

Итак, основной причиной таких ошибок, как нераспознавание жаргонных слов и фразеологизмов или неправильное восприятие их значения, является, конечно, недостаточное владение языком источника. Ситуация переводчиков современной русской литературы осложняется использованием в ней большого количества жаргонизмов, которые требуют очень внимательного анализа и консультаций с носителями языка, причем с носителями языка, живущими в среде и постоянно наблюдающими за обновлением языка.

Перевод текстов, насыщенных жаргонизмами, на чешский язык осложнен еще и тем, что если в России в последние годы появился целый ряд словарей жаргонизмов и исследований по субстандарту, то чешские жаргоны очень слабо разработаны. Можно назвать, пожалуй, лишь словарь П. Оуржедника „Šmírbuch jazyka českého“ (1 изд. – 1992, 4 изд. – 2016) [Ouredník 1992, 2016], далее „Slovník nespisovné češtiny. Argot, slangy a obecná mluva od nejstarších dob po současnost. Historie a původ slov“ [Hugo 2009]. Помощь в переводе на чешский язык может оказать и недавно изданный в Университете им. Палацкого «Словарь русских неологизмов» [Stěpanova, Dobrova 2018].

Мы привели лишь несколько примеров из богатой гаммы «подводных камней перевода». Цель нашего исследования заключалась в том, чтобы показать сложность и новый размер проблемы перевода современных русских текстов, насыщенных жаргонизмами и аллюзиями. Чешская переводческая школа, известная своими достижениями, несомненно, преодолет и эту трудность.

**Проблема границ
современной славянской
фразеологии**

К ВОПРОСУ О ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМАХ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЬСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Войцех Хлебда

Ополе, Польша

За выражением «фразеологическая парадигма» скрывается два не идентичных значения. Первое из них связано с грамматическим пониманием термина «парадигма» и относится к классам единиц языка, «противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака», а в более узком (и более распространенном) смысле – к «системе форм данного слова» [ЛЭС 1990: 366]. И хотя понятие «единица языка» в принципе не включает фразеологические единицы – тот же *Лингвистический энциклопедический словарь* [ЛЭС 1990: 149] толкует термин «единицы языка» очень широко: как «элементы системы языка, имеющие разные функции и значения», – на практике к фразеологическим единицам термин «парадигма» относят редко. Как правило, в грамматике выделяют морфологические, синтаксические, лексические и словообразовательные парадигмы, видя в них «таблицы форм», инвентари средств выражения грамматических категорий и/или лексических значений. Фразеологические же парадигмы не привлекают должного внимания, может быть, ввиду чрезвычайного формального, семантического и функционального разнообразия того языкового материала, который охватывается термином «фразеология», особенно в широком его понимании – от фразеологических выражений (в концепции Н. М. Шанского) по идиомы, пословицы и другие формы фольклора, в том числе и малые клишированные тексты (в концепции Г. Л. Пермякова), – которое затрудняет определение «наличия у них общего признака». Тем временем, фразеологические единицы также обладают набором форм – системных, а также допустимых и недопустимых, хотя теоретически возможных, – что позволяет относить к ним термин «фразеологическая парадигма» даже в самом простом (узком) значении слова *парадигма*.

Настоящее исследование посвящено термину «парадигма» во втором значении, поэтому об узком его понимании относительно к фразеологии я здесь

всего лишь упомяну. Тем не менее стоит отметить, что о фразеологических парадигмах (с употреблением этого слова) стали в польской лингвистике говорить с момента, когда Зигмунт Салони в статье о принципах описания фразеологических единиц заметил, что устойчивая фраза-реплика *Znam ten ból* (что можно истолковать как 'у меня такой же опыт, как у тебя, и я разделяю твоё раздражение') отличается «нулевой парадигмой»: она в текстах может употребляться только в этой форме; формы типа **Znałem ten ból*, **Znała ten ból*, **Poznałem ten ból*, **Znali tamten ból* и т.п. невозможны [Saloni 1983]. Если данная единица обладает жесткой нулевой парадигмой, т.е. не допускает никаких форм изменения, то следует предположить, что существуют и фразеологические единицы с более гибкой системой форм: с двумя-тремя допускаемыми или же с полным набором возможных (допустимых грамматикой) форм. Трудность в том, что относительно к лексике (т.е. к отдельным словам) вопрос о полноте парадигмы относится, условно говоря, только к тем параметрам, которые присущи данному слову как части речи; в случае единиц многолексеменных, состоящих из трех-четырёх компонентов (а во многих пословицах и крылатых выражениях даже из 8–10 и больше), вопрос о масштабе («радиусе») парадигмы может касаться каждого из компонентов отдельно, а тем самым относиться к ряду параметров, если компоненты данного фразеологизма представляют собой разные части речи. Особенно трудным представляется вопрос о соотношении парадигмы какого-то слова как единицы системы языка и парадигмы того же (формально) слова как компонента фразеологизма: фразеологизм, включая слово в свою структуру, налагает на его системную парадигму определенные ограничения, напр., допускает действительный залог и не допускает страдательного (или наоборот), позволяет или не позволяет образовать совершенный вид глагола и т.д. [Kosek 2013]. Что в этой области закономерно, моделируемо, системно, а что диктуется индивидуальной инвенцией говорящего – один из существенных вопросов теоретической фразеологии.

Природа названных ограничений, исключительно важных не только с чисто теоретической точки зрения, но и с прикладной, особенно в обучении иностранным языкам и в лексикографии, только начинает изучаться, хотя интерес к этому вопросу возник еще в 70-е годы прошлого века. В польской лингвистике начало изучению этого аспекта фразеологии положил Анджей М. Левицкий, которому мы обязаны разработкой общих принципов грамматики фразеологии [Lewicki 1976; 2-ое изд. 2003], оно связано с такими именами, как Анджей Богуславский, Мацей Гроховский, Зигмунт Салони, Станислав Бомба. Однако систематическим описанием собственно парадигм фразеологических единиц, особенно глагольных, занялась только в 2000-е гг. Ивона Косек, посвятившая этому вопросу как специальную монографию [Kosek 2008], так и, вместе с группой сотрудников из университета в Ольштыне, проект электронного *Словаря парадигм вербальных фразеологизмов* [Czerpowicka, Kosek, Przybyszewski 2014]. Автор этих строк, в свою очередь, предложил прин-

ципы описания текстовых парадигм польских пословиц, выделяя парадигмы малые и большие. Под малой парадигмой пословицы *П* подразумевается множество реально обнаруженных фактов употребления этой *П* в реальном корпусе текстов, т.е. набор текстовых форм данной пословицы, позволяющий высказывать предположения относительно потенциальных форм этой *П* в очередных текстовых употреблениях. Под большой парадигмой подразумевается общая модель функционирования пословицы как таковой в тексте как таковом (в данном исследовании было выделено 6 таких моделей [Chlebda, в печати]). Аналогичной демонстрацией системы малых и больших парадигм русской фразеологии (без употребления этих терминов) является, по сути дела, и замечательный словарь *Фразеологизмы в русской речи* [Мелерович, Мокиенко 1997: 17–44, особ. 41–42].

Как ни перспективны исследования таких фразеологических и паремийных парадигм для теории фразеологии (и языка вообще), как ни нужны их результаты для лингводидактики и лексикографии, одноязычной и переводной, таким пониманием термина «парадигма» по отношению к фразеологии вопрос о парадигмах не исчерпывается. Если «парадигма» в первом значении охватывает набор тех или иных форм реальной или потенциальной вербальной материи, то для второго значения мы должны перейти на уровень метафразеологической рефлексии над идентичностью фразеологии как научной дисциплины [Хлебда 2012]. Поэтому термин «парадигма» в словосочетании «фразеологическая парадигма» будет сейчас пониматься так, как его в *Структуре научных революций* понимал Томас Кун.

Напомню, что для Куна парадигмы представляли собой «модели, из которых возникают конкретные традиции научного исследования» и которые «включают закон, теорию, их практическое применение и необходимое оборудование» [Кун 1977: 29]. В понятие парадигмы входят «одни и те же правила и стандарты научной практики», «общность установок и видимая согласованность» работы ученых, обеспечивающие «преемственность в традиции того или иного направления исследования» [Там же].

Возникает вопрос, есть ли смысл относить концепцию Куна к теоретической фразеологии, а если да и если это приведет к выявлению тех или иных парадигм этой субдисциплины лингвистики – то какой это будет иметь эффект для фразеологических исследований? Само собой разумеется, что детальный ответ на этот вопрос потребовал бы объемистой монографии, и тем не менее сама постановка этого вопроса представляется мне не только интересной, но и нужной.

В польской лингвистике (которой по причине нехватки места я ограничу свой очерк) с конца 19-ого века стали появляться отдельные (весьма немногочисленные) работы и даже словари с прилагательным *фразеологический* в заглавиях, как, напр., *Słownikzek frazeologiczny. Poradnik dla piszących* А. Красновольского 1899 г., а также довоенные статьи по библейской и античной фра-

зоологии С. Шобера, С. Быстроны, Т. Синко. Как ни ценны эти разработки сами по себе, интерес к языковому материалу явно преобладает в них над его теоретическим осмыслением, концепция фразеологии как отдельной отрасли знания еще в них не вырисовывается, слово *фразеология* трактуется как само собой понимающееся; Томас Кун назвал бы эти работы достоянием «допарадигматического периода» развития науки. Только в самом конце 40-х гг. в работах Станислава Скорупки появляются (пожалуй, не без влияния трудов В. В. Виноградова) концептуальные основы фразеологии как самостоятельной отрасли языкознания с ее понятийным и терминологическим аппаратом. И хотя термина «парадигма» в куновском его понимании в научном обиходе еще не было, цельная концепция Скорупки, узаконенная его внушительным 2-томным фразеологическим словарем (изданным в 1967–1968 гг.), стала, по сути дела, первой фразеологической парадигмой польской лингвистики, породившей сотни ценных работ, зафиксированной в монографиях и учебниках, давшей основу сегодняшнему распространенному пониманию фразеологии и по сей день привлекающей исследователей. О «парадигме Скорупки» не говорилось только потому, что эта концепция была единственной, казавшейся единственно возможной (т.е. лишенной конкурентных парадигм).

В 1976 г. ситуация в корне изменилась: работа А. М. Левицкого *Wprowadzenie do frazeologii syntaktycznej*, сочетав в заглавии существительное *фразеология* с прилагательным *синтаксический* и отойдя тем самым от «фразеологии вообще», открыла пространство для «аспектных» фразеологий. Левицкий определил свою фразеологию как «интегральную часть синтактико-семантической интерпретации высказывания», или как «фразеологию получателя речи», или адресата [Lewicki 2003: 32], и предложил не только новый понятийно-терминологический аппарат фразеологии, но и новую методологию исследования языкового материала, в том числе и эксцерпции вербальных объектов синтаксической фразеологии. В некотором смысле ответом на «фразеологию получателя» Левицкого была моя книга *Elementy frazematyki* с характерным подзаголовком *Wprowadzenie do frazeologii nadawcy* («Введение во фразеологию отправителя речи», или адресанта [Chlebda 1991; 2-ое изд. 2003]). С перспективы времени видно, что обе названные монографии устанавливали, по сути дела, новые парадигмы фразеологических исследований, которые условно можно назвать «структуральной» (определение самого А. М. Левицкого) и «коммуникативно-прагматической» – каждая из них со своим понятийным аппаратом, терминологией, методологическим инструментарием и, впоследствии, со своим языковым объектом анализа. Первую из них я определяю также как «лингвостремительную» (т.е. сосредоточенную на собственно языковой материи), вторую – как «лингвобежную» (исходящую от языка и направленную на внешний по отношению к языку мир).

На каком основании здесь говорится о «новых фразеологических парадигмах»? Каковы вообще критерии, на основании которых можно говорить –

в данном случае относительно фразеологических исследований – о смене парадигм и о возникновении новой парадигмы? На обсуждение выдвигаю следующее положение: о новой парадигме можно говорить тогда, когда с опорой на новые исходные точки предлагается целостный метод анализа и описания определенного языкового материала, позволяющий выявить качественно новые его параметры, не только раньше не известные, но и выявление которых средствами и методами старой парадигмы было невозможным – и/или позволяющий вовлечь в орбиту исследования качественно новые языковые объекты, которых прежняя парадигма не охватывала или охватить не могла. Новая парадигма в принципе должна санкционироваться словарным описанием (лексикография лучше всего верифицирует верность, т.е. непротиворечивость, любой лингвистической теории), хотя известны случаи, когда одна парадигма рождает целую серию словарей разных авторов, и наоборот: когда рождение парадигмы не свершается (еще) возникновением в ее рамках соответствующего словаря. *Last but not least*, о новой парадигме можем говорить лишь тогда, когда она организует вокруг себя сообщество исследователей.

Названные две парадигмы удовлетворяют этим критериям. Синтаксическая фразеология впервые поставила на повестку дня вопрос о субъектном («получатель речи») подходе к языковому материалу исследования, последовательно применяет для его анализа категории синтаксиса в его семантическом осмыслении, создала точный инструментарий такого анализа и метаязык описания его результатов, наконец, создала образец лексикографического описания фразеологии в новых категориях [Lewicki, Pajdzińska, Rejakowa 1987]. Прагматическая фразеология (фразематика) восприняла субъектный подход прежней парадигмы, но, поставив в центре внимания нового субъекта («отправителя речи»), стала искать ответ на вопрос, как изменится образ фразеологии данного языка, если решающим критерием поиска будет воспроизводимость данной языковой формы в данной ситуации говорения и для выражения говорящим данного пучка смыслов. В результате прагматическая фразеология (которую по праву можно назвать и фразеологией релятивной, т.е. такой, в которой фразеологичность словосочетания определяется по отношению к параметрам места, времени, коммуникативной общности, жанра речи, типа дискурса и т.п.), открыла пространство для анализа сотен и сотен тысяч также таких сверхлексемных образований, которые не умещались в рамках предыдущих парадигм. Фразематика предложила также новый метаязык лексикографического описания такого языкового материала, особенно в переводном словаре, и сам словарь [Chlebda, red., 2006–2019].

Важно, наконец, и тот факт, что обе парадигмы собрали вокруг себя свои группы последователей и исследователей (неодинаковые по ряду признаков, что интересно само по себе; кстати, в центре теории парадигм Т. Кун поставил не просто образцы решения исследовательских задач, а работающие по этим образцам научные сообщества) и что в рамках каждой из них были созда-

ны – примерно в одно и то же время – многочисленные работы, в том числе и монографические.

Итак, с начала 2000-х гг. активность польских фразеологов обнаруживается, главным образом, в рамках трех названных парадигм: «общей» (стандартной), синтаксической и прагматической. Однако, как будто в подтверждение слов А. М. Левицкого, что нет одной фразеологии и что каждая фразеология предполагает иную перспективу понимания языка и ставит перед собой другие задачи, в последние годы в Польше заговорили об очередных новых фразеологиях: когнитивной, генеративной, «расширенной», корпусной и т.п., причем основатель «дескриптивной фразеологии» действительно назвал ее «парадигмой» [Peżik 2013].

С чем мы здесь имеем дело? Парадигма – термин высшего научного ранга, но и высшего научного риска, пользоваться которым следует крайне осторожно. В то же самое время парадигма – термин с исключительной способностью упорядочивать пространства научных исследований, особенно те, в которых царит терминологический и методологический разнобой. Поэтому теоретическая фразеология нуждается в самонаблюдении и самоопределении на метанаучном уровне [Хлебда 2012]. Иными словами, в польской фразеологии назрела потребность провести «фразеологический учет» и сопоставить друг с другом все «прилагательные фразеологии» в поиске ответа на вопрос, какая из них является лишь методом (даже техникой) исследования, какая концепцией, теорией, началом направления, наконец, парадигмой в куновском смысле слова. Это сопоставление должно притом проводиться не хаотично, а по определенному *tertium comparationis*, которым могла бы стать матрица из шести вопросов, предъявляемых одинаково каждой из фразеологий: 1. К каким научным, познавательным и т.п. истокам, или корням, отсылает данная фразеология в своих общих предпосылках; 2. С какими другими дисциплинами науки данная фразеология входит в (какие) отношения; 3. Что является исследовательским объектом, а что предметом данной фразеологии; 4. Какие задачи ставит в связи с этим данная фразеология перед исследователями (какова познавательная цель данной фразеологии); 5. Что образует материальную базу для исследования объектов данной фразеологии; 6. Какие методы признаются в данной фразеологии оптимальными для достижения намеченной цели.

Организирующим началом такого «переучета» могла бы стать работа над созданием польского аналога неопенимого *Словаря русской фразеологической терминологии*, изданного под редакцией проф. В. М. Мокиенко [Бирих, Волков, Никитина 1993]. Этот словарь нуждается, естественно, в актуализации данных за прошедшие почти три декады, но концептуально он ничуть не устарел, наоборот: идея не навязывать пользователю «единственно правильного» понимания тех или иных понятий современной фразеологии, а представлять их в полноте их значений и скрывающихся за ними концепций (со ссылками на их авторов), современна и прокладывает путь к восстановлению на их ос-

новании сложной картины господствующих в русской фразеологии методов, концепций, теорий, а может быть, и парадигм. Идея создать аналогичный польский «фразеологический глоссарий» была недавно одобрена Фразеологической секцией Комитета языкознания ПАН, но начало работы над ним у нас все еще впереди.

КТО У НАС ОТДЫХАЕТ? (О КАТОЛИКАХ, БОЛЬШИХ, ЧЕМ ПАПА)

Борис Юстинович Норман
Минск, Беларусь

Семантико-прагматическая категория интенсивности, или, кратко говоря, интенсив, имеет в русском языке многообразные средства для своего выражения. Среди них – местоимения (*весь, сам*), наречия (*как, так, очень, чрезвычайно*), прилагательные (*полный, целый, сплошной*) и др. П. А. Лекант, энтузиаст выделения данной категории, считал ее исключительно аналитической по своему выражению [Лекант 2011; Лекант 2012: 47; Лекант 2015 и др.]. Однако к средствам интенсива следует отнести и морфологические формы степеней сравнения у прилагательных и наречий. Обслуживают данную сферу и фразеологизмы (*выше головы, как грязи, до черта, лучше не бывает* и т.п.). В инвентаре интенсива – также использование прецедентных имен собственных – исторических личностей, писателей и художников, известных актеров и музыкантов [Ратникова 2003; Отин 2006; Ларина 2011; Рудокова, Коваленко, Стернин 2018 и др.].

Апеллятивация имен собственных – давно и хорошо описанный процесс. В основе его лежит метафора: имя реальной личности или предмета переносится на более или менее широкий круг объектов на основе наличия у них того же качества, что у исходного денотата. При этом языковое мышление (и входящая в его состав тенденция к номинации всего существенного) опирается на доминантные признаки предмета и приводит к формированию прототипов. Воробей для нас – более типичная птица, чем страус или пингвин, утюг – более типичный электроприбор, чем холодильник или калорифер. Доллар – прототип валюты, Остап Бендер – прототип проходимца и т.д.

Поскольку же в одном и том же предмете могут выделяться разные стороны, то разные семы в составе значения слова становятся в конкретном случае доминантными [Норман 2016: 170–174]. Поэтому Карл Маркс в одном случае

может оказаться символом коммунистических идей, а в другой ситуации – символом бородатости... Имя Дон Кихота закрепляется в русском языке как синоним наивного мечтателя (а не влюбленного романтика), а имя папы Карло, «отца» Буратино, – как синоним трудоголика (*пахать как папа Карло*). Имя *Брежнев*, по данным «Психолингвистического толкового словаря» воронежских исследователей, вызвало у испытуемых такие ассоциации: брови 37; поцелуй 9; застой 8; политик 3; генсек, стабильность 2 – остальные реакции носили единичный характер [Рудакова, Коваленко, Стернин 2018]. Очевидно, что случайные внешние признаки личности (брови, поцелуй) заслонили собой ее существенные черты (политик, генсек).

Приведем и две литературные цитаты. В рассказе В. Драгунского писатель Мопассан оказывается символом легкомысленности и ветрености. А сочетание *Мопассан прыгает (в глазах)* возникает, очевидно, по аналогии с *чертики (в глазах) прыгают*:

Жена чернявенькая такая, ничего, немножко на цыганку скидывает, работает в сети!... Она, что ли, моральный кодекс строить будет? Как бы не так! Она – будь здоров. Она совсем о другом думает, у ней в глазах такой, извините, **Мопассан прыгает**, с ума сойти! (В. Драгунский. Сегодня и ежедневно).

А в одном из рассказов С. Довлатова в качестве вершин журналистики называются... Шекспир и Паганини – очевидно, это просто культовые имена, подвернувшиеся под руку:

- Старик, послушай, ты – гигант! Ты – **Паганини фоторепортажа!**
- А ты, – доносится ответ, – **Шекспир экономической передовицы!** (С. Довлатов. Компромисс).

Наблюдаемая случайность в выборе доминантной семы не препятствует самому процессу апеллативации: имя, которому приписывается символическая (прототипическая) функция, как бы само по себе предрасположено к расширению объема своего значения.

В инвентарь языковых средств категории интенсива входят и фразеологизованные синтаксические модели (по-другому, синтаксические фраземы, см.: [Копотев 2008; Всеволодова, Лим Су Ён 2002 и др.]). Одной из таких моделей, появившихся в русском языке на переломе столетий, является выражение *N отдыхает*, в котором *N* – существительное: имя собственное или нарицательное в именительном падеже. Оно означает наличие у человека или предмета некоторого свойства в столь высокой степени, что с ним ни в какое сравнение не может идти даже образцовый (символический) носитель данного свойства. Это, так сказать (используя уже давно известный фразеологизм), *католик больший, чем Папа*.

Считать данный оборот фразеологизмом нельзя, потому что одна из его составляющих (именная) бесконечно варьируется. В то же время утверждать,

что он воплощает в себе полноценную синтаксическую модель, тоже нельзя, поскольку вторая составляющая – глагол *отдыхать* (как правило, в 3-м лице настоящего времени) – задан как константа. Прямой порядок этих компонентов в речи закреплен, а фразовое ударение на первом компоненте подчеркивает рематический характер последнего. Сочетание этих двух составляющих дает новое, идиоматическое значение: «образец, идеал, максимум какого-то свойства или качества».

Мотивировка данного выражения прозрачна. Если *N* – это идеальный образец, прототип некоторого свойства, то ему приходится в этом качестве потесниться, отойти в сторону в сравнении с предметом речи. Не случайно словоформа *отдыхает* в данной ситуации иногда заменяется или сопровождается перифразой: (*нервно*) *курит в сторонке*, *просто ребенок рядом с ним* и т.п.

Приведем литературные примеры.

Да уж, фантастическая ревность и сварливость Лели хорошо известны всем приятелям. В голову ей приходят такие мысли, что **Отелло отдыхает**. Бедный мавр просто ребенок по сравнению с Лелей (Д. Донцова. Три мешка хитростей).

Если писать голливудский сценарий, я бы начал с бомбежки. Заявка: это фильм о мужестве американских и английских моряков – **«Титаник» отдыхает**. Немцы бомбят деревянный Архангельск (В. Ерофеев. Хороший Сталин).

Персидская княжна улетает в волну, как из бомбомета. **Стенька отдыхает**. Японцы понимающе переглядываются, делая жесты у живота (М. Веллер. Рыбалка; под Стенькой имеется в виду Степан Разин).

Очень важно, что фразема *N отдыхает* не претендует на то, чтобы соответствовать устоявшейся языковой картине мира носителя языка; ее прерогатива – отразить сиюминутную (речевую) ситуацию и ранжировать лица или предметы, попавшие в поле зрения собеседников. Соответственно, что касается существительных, входящих в состав этой синтаксической фраземы, то нельзя принимать их список за набор прецедентных имен или, тем более, ключевых ориентиров русской культуры. Впрочем, определенное отношение к языковой картине мира носителя русского языка он имеет – во всяком случае, позволяет судить об актуальных изменениях в ее составе. Первейшее требование к такому имени – его опознаваемость собеседником. Подчеркнем: речь идет не обязательно о массовой популярности, но об актуальности в данной коммуникативной ситуации.

Приведем пример из разговорной речи. Беседа в узкой компании касается человека с неприятными свойствами: настырного, бессовестного, шагающего по трупам. А перед тем был рассказан эпизод с участием в конкурсе на пре-

мию «Ученый года» одной самовлюбленной и конфликтной особы по фамилии *Бадирова*. и следует реплика:

– Представляете, какая картина? **Бадирова отдыхает!**

За пределами данного микроколлектива (и данной темы) имя *Бадирова* ничего не значит и никому не известно. Но здесь оно, во-первых, помогает выстроить некую иерархию, шкалу лиц по определенному свойству, а, во-вторых, служит своего рода скрепой в развитии диалога.

Какие же имена попадают в позицию *N*? Это, вполне предсказуемо, – исторические и литературные персонажи (*Багратион*, *Стенька (Разин)*, *Отелло*, *Шерлок Холмс*, *Скарлетт О'Хара*, *Наташа Ростова*, *Квзимодо*, *Штирлиц* и др.), ученые и общественные деятели прошлого и современности (*Ньютон*, *Карл Маркс*, *Билл Гейтс*, *Ландау*, *Баффет* и др.), писатели, художники, артисты (*Жорж Санд*, *Кафка*, *Станиславский*, *Кастанеда*, *Шэрон Стоун*, *Памела Андерсон*, *Кио*, *Кампанелла* и др.). Один пример из [НКРЯ]:

Иван Семенович имел вид человека, разоренного вконец. **Станиславский отдыхает!** Фигурка бесследно исчезла в его цепких руках, а я обогатилась на целых сто двадцать рублей. На прощанье хитрован-перекупщик с небрежным видом закинул удочку... (И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда).

Станиславский отдыхает! – значит, что Иван Семенович смог так убедительно изобразить вконец разоренного человека, что никакая театральная школа, в том числе знаменитого Станиславского, не была бы на это способна.

А специфической чертой данной фразеологизованной синтаксической модели является включение в ее состав имен массовой культуры, в том числе названий кинофильмов, сериалов, музыкальных групп и т.п. («*Лебединое озеро*», *Рамштайн*, «*Титаник*», *Семейка Адамс*, *Олимпиада*, *шоу «Последний герой»* и др.). Встречаются в данной позиции и разовые имена нарицательные и собственные, воплощающие в себе ту или иную идею «в чистом виде»: *кобель* (агрессивность), *Византия* (интриги), *Европа* (уровень жизни), *футбольная команда* (многочисленность), *КамАЗ* (мощность), *крейсер* (величина), *Fairy* (действенность, о средстве для мытья), *пльзенское пиво* (качество) и др. Несколько примеров из НКРЯ:

Как это угораздило Олега связаться с такими монстрами, с Бизяевыми этими! **Семейка Адамс отдыхает!** Следили за зятем... и про меня узнали, и про нашу Ульяшу... (О. Новикова. Каждый убивал [НКРЯ]).

В Кремле, мой друг, такая подкованная возня, что **Византия отдыхает!** Да и за цифрами статистики страну не разглядеть, вот и возникла потребность в оценке независимого, живущего в гуще народа эксперта (Н. Дежнев. Принцип неопределенности [НКРЯ]).

И я решил взять то, что принадлежит Салтыкову-Щедрину. А принадлежит ему такая фраза, что **вся футбольная команда, хоть бы она и была английской, отдыхает на скамейке запасных и нервно курит, курит, курит...** Вот она:

Водка у нас, осмелюсь вам доложить, отличная: сразу, что называется, ожжет, а потом и пойдет ползком по суставчикам, каждый изноет-с!

Не фраза, а брильянт! (М. Бару. Записки понаехавшего [НКРЯ]).

Вспоминаю свое детское сумасшествие... **Кастанеда отдыхает...** Где я побывала, не знал, и никогда не узнает даже Дон Хуан... (Т. Соломатина. Большая собака... [НКРЯ]).

Фразема *N отдыхает* требует для своей реализации определенных дискурсивных условий. Во-первых, она предполагает наличие в сознании собеседников неявной градации какого-то качества, основанной на сравнении. Например: «максимально богатый» (*Крез, Ротшильд, олигарх* и т.п.) – «довольно богатый, зажиточный» – «среднего достатка» – «небедный» – «скромный по средствам, экономный» – «сводящий концы с концами» – «бедный» – «за чертою бедности» – «нищий» – «абсолютно нищий» (*как церковная мышь*). Массовое сознание обращает внимание прежде всего на крайние точки такой шкалы: эти полюса важны как когнитивные и коммуникативные ориентиры. «Чем превосходней, тем лучше», – вот психологический принцип повседневного сравнения и оценки [Tafel 2001: 35–36].

Во-вторых, каждая ступень в этой иерархии обладает относительной ценностью, и интересующая нас фраза допускает возможность мысленного движения по данной шкале, вплоть до выхода за ее пределы. Принципы такого креатива были наглядно и иронично продемонстрированы великими сатириками:

Происшедшее нарастание улыбок и чувств напоминало рукопись композитора Франца Листа, где на первой странице указано играть «быстро», на второй – «очень быстро», на третьей – «гораздо быстрее», на четвертой – «быстро как только возможно» и все-таки на пятой – «еще быстрее»» (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок).

В-третьих, выражение *N отдыхает* относится к числу разговорных и обладает заметной экспрессией. В НКРЯ оно часто встречается в текстах веб-форумов. Ср. пример, взятый с платформы общения владельцев собак:

Доминантная, – любой **кобель отдыхает**. При мне – золотая собака, стоит уйти из дома – терминатор (Антилай: помогает ли ошейник [НКРЯ]).

Что касается формальной структуры фраземы, то упомянутые выше ограничения – прямой порядок слов и 3-е лицо настоящего времени глагола – следовало бы дополнить изъявительным наклонением. Это правило нарушается очень редко, ср.:

Нетрудно представить, какой образ жизни она могла бы вести, будь она от природы сексапильна! **Жорж Санд отдыхала бы...** (В. Бабенко. Любовь гения).

Подчеркнем, что глагол *отдыхать* в прямом значении сочетается обычно с одушевленными существительными (обозначающими лиц и животных); в данном же случае в позиции субъекта нередко оказывается название предмета или события. Характерным признаком фраземы является также запрет на темпоральные и локальные распространители к глаголу (в то время как вне данной модели *отдыхать* легко сочетается с обстоятельствами: *подолгу, после обеда, в саду* и т.п.; здесь же это исключено).

Наконец, самая главная характеристика интересующей нас синтаксической фраземы заключается в том, что она воплощает в себе возможности актуальной аксиологии: окказионального, для данной коммуникативной ситуации, выделения предмета по какому-то его свойству. Говорящий при этом использует свой индивидуальный опыт (соотнося его, разумеется, с опытом собеседника). Создаваемый таким образом сиюминутный прототип может проецироваться в сознании и на «узаконенный» прототип (языковой), но может ограничиваться рамками конкретной речевой ситуации. Поэтому список существительных *N* не закрыт и в каком-то смысле окказионален, подвержен злобе дня: речевая ситуация может придать силу разового символа случайному, уникальному имени.

Данные Национального корпуса русского языка показывают высокую частотность данной фраземы. На первые 100 вхождений с *отдыхает* обнаружилось 20 примеров с идиоматическим сочетанием *N отдыхает* (при том, что в остальной части примеров определенное место занимает афоризм *На делях гениев природа отдыхает*). Это показывает, что категория интенсива ищет новые экспрессивные средства для выражения своих значений.

Добавим, что фразема *N отдыхает* в русском языке – сравнительно молодая, стилистически ограниченная и еще недостаточно «обкатанная». Поэтому не всегда ясна степень ее идиоматичности: употреблен ли глагол *отдыхать* в прямом или в связанном (фразеологическом) значении? Приведем соответствующую иллюстрацию.

Недавно я заскочила к своему врачу – выписать рецепт. <...> Кабинет от приемной отделяет тонкая стенка, так что **врачебная тайна отдыхает** (Д. Рубина. Больно только когда смеюсь).

По-видимому, *врачебная тайна отдыхает* здесь означает не «врачебная тайна не идет ни в какое сравнение», а «врачебная тайна отсутствует (не действует)».

Итак, материал показывает, что в русской речи появляются и получают быстрое распространение новые фразеологизованные синтаксические модели. Наличие в языке, наряду с фразеологизмами, таких единиц повышает эффективность общения, расширяет возможности речевой аксиологии и экспрес-

сии. В частности, нам сегодня более или менее ясна лингвистическая «табель о рангах»: кто чего в науке стоит – Гумбольдт, Соссюр, Виноградов... Однако никто не запретит нам предположить, что появится со временем какой-то лингвист-полиглот, о котором можно будет сказать: «Зализняк отдыхает!» Или о каком-то фразеологе можно будет сказать: «Мокиенко курит в сторонке!». Но вообще-то Валерий Михайлович Мокиенко не курит. И, кажется, не отдыхает...

USTÁLENÉ PRIROVNANIE BEZ OFICIÁLNEHO STATUSU FRAZÉMY

Mária Dobříková
Bratislava, Slovensko

Počas celého doterajšieho vývinu frazeologickej teórie sa predstavitelia jednotlivých frazeologických škôl usilovali čo najprecíznejšie definovať kategoriálne vlastnosti frazémy. Azda najdynamickejšie sa pertraktovali otázky frazeologickej parametrizácie, t.j. akým spôsobom zostaviť konfiguráciu základných znakov, resp. vlastností jednotiek patriacich do frazeológie a na základe čoho určiť kritériá ich frazeologickosti. Jednou z metodologicky aj výskumne najproduktívnejších teórií sa javí Mokienkova koncepcia asymetrie vo frazeológii, ktorá je podľa autora nielen zdrojom jej dynamickosti, ale aj východiskom interpretácie frazém prostredníctvom súboru frazeologických antinómií [Mokienko 1976, 1980 a i.]. Napriek tomuto, ako aj mnohým ďalším progresívnym prístupom k analýze frazém, v slovenskej jazykovede doposiaľ existujú isté disproporcie v ich hodnotení, a to v rovine teoretickej i praktickej.

Na Slovensku sa v súvislosti s lexikografickou praxou a korpusovou lingvistikou venovala pozornosť deskripcii ustálených slovných spojení a delimitácii ich vlastností, podľa ktorých by bolo možné určiť hranice medzi jednotlivými typmi viac-slovných pomenovaní. Obsahovú náplň pojmu *lexikalizované spojenie* i ďalších súvťažných termínov analyzovala vo viacerých prácach A. Jarošová. Za ich dominantný atribút pokladá ustálenosť a dopĺňa ešte vlastnosti: nominačnosť, reprodukovanosť, resp. dispozičnosť a kolokačnú anomálnosť. Nadväzujúc na Mokienkovu koncepciu frazeologických antinómií, konštatuje, že „obraznosť nemôže fungovať ako kritériálny príznak delenia ustálených spojení na frazémy a nefrazémy“ [Jarošová 2000: 148]. J. Dolník v súvislosti so sémantickými zmenami v rámci procesu lexikalizácie zdôrazňuje, že hranica medzi lexikalizáciou a frazeologizáciou je nezreteľná a prístupná, pričom „stupňovanie idiomatizácie znamená stupňovanie výraznosti frazeologizácie“ [Dolník 2003: 153].

Diskusia o delimitačných kritériách, podľa ktorých možno určitému slovnému spojeniu priradiť status frazémy, sa vedú aj v súčasnosti. Polarite názorov v rámci

jednotlivých frazeologických koncepcií sa nevyhli ani ustálené, resp. frazeologické prirovnania. Hoci ide o jeden z najpočetnejších a najproduktívnejších konštrukčných typov frazém, ich klasifikačné kritériá je pomerne problematické vymedziť. Pozornosť vzbudili témy týkajúce sa rozsahu a komponentového obsadenie ustálených (frazeologických) prirovnaní, v neposlednom rade to boli aj otázky ich lexicografického spracovania. Výskum sa sústredil takisto na stanovenie hranice medzi prirovnaniami, ktoré prešli procesom frazeologizácie, a voľnými slovnými spojeniami prirovnávacieho charakteru, ktoré vznikajú spontánne v priebehu rečového prehovoru. Podrobná analýza súboru komparatívnych frazém priniesla zistenie, že aj najtypickejšie prirovnania s trojčlennou schémou A + B + C, kde A = prirovnávaná časť (comparandum), B = prirovnávacia spojka (komparátor) + C prirovnávacia časť (comparatum), majú omnoho zložitejšiu stavbu, ako sa na prvý pohľad môže zdať.

Jedným zo základných znakov komparatívnej frazeológie je výrazná intenzifikácia významu komponentov v prirovnávanej, prípadne v prirovnávacej časti. V niektorých typoch prirovnaní nedochádza iba k intenzifikácii významu, ale jej prostredníctvom sa zároveň poukazuje na nejaký osobitý spôsob realizácie deja, resp. ďalšiu špecifickú vlastnosť situácie, ktorú reprezentuje comparandum, napr. *vyžmýkaný ako citrón, plávať ako motyka (sekera), ide to ako (ani) po masle* atď. Okrem toho existuje početná skupina prirovnaní, kde časť A je variabilná a má kontextový charakter, napr. *(Jana / suseda / mama...) je pekná ako obrázok*, pričom kontextové slová sa s prirovnávacím základom spájajú pomocou relátora [Ološtiak, Ivanová 2013: 199]. Navyše, každé frazeologické prirovanie musí explicitne vyjadrovať vzťah podobnosti, a to pomocou prirovnávacieho operátora (*ako, ani, akoby, ako keby, stá*), v opačnom prípade, napriek prítomnosti určitého prirovnávacieho významového prvku, ide o iný konštrukčný typ frazémy, porov. napr. *vlasý na ježka, labutia šija* atď.

Z naznačenej charakteristiky vyplýva, že frazéma *písať ako český žandár*, ktorej budeme venovať niekoľko nasledujúcich poznámok, spĺňa všetky formálne znaky frazeologického prirovnania. Ide o frekventovaný konštrukčný typ so schémou Verb + komp + Adj + Subst, kde porovnávací základ zastupuje sloveso, prirovnávacia časť je vyjadrená determinatívnou syntagmou a jej etnonymický komponent v tvare adjektíva tvorí s bezpredložkovým substantívom stály, významovo nerozložiteľný celok. Komponent *český* nemožno nahradiť žiadnym iným adjektívom súvzťažným s pomenovaním etnika, nevyskytuje sa ani v pozícii fakultatívnej zložky, preto sa jeho postavenie v stavbe prirovnania javí ako kľúčové. Kombinatorika funkčných členov je tiež konštantne daná, čiže má jedinú realizačnú podobu s výnimkou možnej morfolologickej variantnosti (napr. *písali sme ako českí žandári*), čo však nenaruša frazeologickosť prirovnania ako celku.

Nemennosť lexikálneho zloženia analyzovanej jednotky vypovedá o jej ustálenosti, sémantika „veľa, dlho písať“ o prenesení významu, popri expresívnosti, ktorá sa pokladá za univerzálnu vlastnosť frazém, je pre ňu vlastná reprodukovateľnosť, resp. dispozičnosť. Z uvedeného vyplýva, že slovné spojenie *písať ako český žandár* má všetky atribúty komparatívnej frazémy. Hoci sa vyskytuje v rečovom úze staršej,

strednej i mladšej generácie, nie je zaznamenaná ani v jednom slovenskom lexikografickom diele, čo ju stavia do pozície jednotky bez oficiálneho statusu frazémy. Jej prítomnosť v súčasnom verejnom diskurze (termín *verejný diskurz* používame v zhode s definíciou N. Cingerovej a I. Dulebovej [Cingerová, Dulebová 2019: 17]) ilustrujeme niekoľkými príkladmi, ktoré sme získali z elektronických médií a blogových stránok pomocou internetového prehliadača Google.

V r. 1921 bola v obci zriadená pošta s telegrafom a policajná stanica s piatimi četníkmi českej národnosti. Odvtedy sa na Strehovej používa prirovnanie „*píše ako český žandár*“. Vďaka nim bola v r. 1923 založená Telovýchovná jednota SOKOL a o rok neskôr už mala aj svoj stánok – Sokolovňu... (<https://www.dolnastrehova.sk/z-historie.html>).

Poznáte spojenie, že *píše ako český žandár*? Uhorský žandár, keď mu niekto nahlásil nejaký čin, najskôr toho človeka prefackal a potom sa pýtal. Český žandár mal rakúsku školu, najskôr všetko spísal a potom konal. A to bol začiatok občianskeho správania k ľuďom (<https://cutt.ly/ullbbgq>).

Okrem týchto bojových športov je ešte množstvo iných, a keby som chcel spomenúť všetky, tak *by som tu písal ako český žandár*. Ak chceš čosi urobiť pre svoje zdravie a fyzickú kondíciu, ..., možno práve variant bojových športov by mohol byť tou správnu voľbou pre teba (<https://cutt.ly/2llbYAh>).

A tak ešte koncom novembra zapínam ráno o siedmej počítač a *píšem ako český žandár*. Nie, nie som Maxim E. Matkin (pseudonym súčasného slovenského autora, pozn. M. D.), ani nikto, kto *píše len tak*, pre vlastné potešenie (<http://impresivne.blogspot.com/2006/11/>).

Ja popravde naozaj s údivom sledujem, ako človek, ktorý dva-tri mesiace dozadu si zavola predkladateľku tohto zákona na stretnutie a dve hodiny *písal ako český žandár* a väčšinu vecí, ktorú dnes prezentuje, sa dozvedel práve na tomto stretnutí, tak teraz ide kritizovať nejaké návrhy, ktoré SaS predkladá (<https://tv.nrsr.sk/videokanal/osoba/6/Polimart?id=91033>).

Na motiváciu vzniku analyzovaného prirovnania explicitne poukazujú prvé dve ukážky. Na základe uvedených skutočností možno slovné spojenie datovať do obdobia po rozpade rakúsko-uhorskej monarchie, keď sa v novokonštituovanej Československej republike (1918) prejavil deficit štátnych zamestnancov. Vzhľadom na to, že Slovensko nemalo dostatok kvalifikovaných síl, ktoré by nahradili aspoň časť zamestnancov bývalého Rakúsko-Uhorska, prichádzali tu pracovníci z českých krajín, ktorí pôsobili v rôznych oblastiach, napr. aj ako četníci a žandári. Hoci prirovnanie *písať ako český žandár* malo spočiatku ironický odtienok, nezakladá sa na percepcii negatívneho stereotypu, keďže na osi *my (naše): oni (cudzíe)* vykazuje nulový stupeň opozície. Hoci potenciál stereotypu sa vo vzťahu k iným (k cudziemu) spája najmä s negatívnymi postojmi, vyjadrenie pomocou daného komparačného vzťahu bolo iba reakciou na nepoznanú realitu súvisiacu s pracovnými postupmi

nových bezpečnostných zložiek. O akceptácii a pozitívnom pôsobení obyvateľstva českého pôvodu v slovenskom prostredí svedčí záverečná veta prvej ukážky, ktorá vyzdvihuje ich telovýchovné aktivity v obci Dolná Strehová.

Nasledujúce tri ukážky zaznamenávajú výskyt prirovnania *písať ako český žandár* vo verejnom diskurze, a to v texte newslettera, v blogovom článku a na mediálnom portáli Národnej rady Slovenskej republiky. Z ich kontextu vyplýva, že autori sémantiku prirovnania „veľa, dlho písať“ dobre poznali, do výpovede ho začlenili vedome, s primárnym cieľom intenzifikovať svoj jazykový prejav. Možno konštatovať, že počiatočná negatívna konotácia odkazujúca na konkrétnu skupinu ľudí sa v súčasnosti úplne eliminovala a prenesený význam slovného spojenia sa vzťahuje výlučne na dlhotrvajúci proces písania. Argumentom, prečo frekventované slovné spojenie doposiaľ nemá status frazémy, by mohlo byť, že je českej proveniencie, ako je to v prípade jednotiek *zlaté české ručičky* alebo *česká ulička*, lenže v českom verejnom diskurze je neznáme, používa sa iba v slovenskom prostredí.

Domnievame sa, že jednu z príčin treba hľadať v smerovaní česko-slovenských vzťahov po zániku prvej Československej republiky (1918 – 1938), ktoré boli pod vplyvom blížiaceho sa vojnového konfliktu poznamenané nielen politicko-spoločenským, ale aj etnickým napätím. Keď sa po vojne spoločný štát Čechov a Slovákov obnovil, počiatočná negatívna konotácia prirovnania *písať ako český žandár* ešte v spoločnosti pretrvávala, autori vznikajúcich slovenských lexikografických diel preto v záujme deklarovaných bratských vzťahov zvolili metódu vedomého zabudnutia. Ďalším nezanedbateľným dôvodom môže byť skutočnosť, že v slovenskej slovníkovej praxi sa ustáleným prirovnaniam spočiatku osobitná pozornosť nevenovala. Niektorí autori vyslovovali pochybnosti, či všetky tradičné prirovnania patria do frazeológie. Navrhovali napríklad striktné rozlišovať prípady, keď sa prirovnáva reálne a keď ide o obrazný, prenesený význam [Smiešková 1970: 191–192]. Keďže slovné spojenie *písať ako český žandár* v duchu tohto názoru nemá na prvý pohľad metaforický charakter, v počiatočnej etape tvorby slovníkov sa mu nevenovala primeraná pozornosť.

V čase, keď sa prostredníctvom rôznych vyhľadávacích nástrojov dá overiť výskyt lexikálnych jednotiek a spojení v slovnej zásobe používateľov jazyka, možno konštatovať, že v prípade skúmaného slovného spojenia ide o frekventovaný výraz so všetkými funkčnými, formálnymi aj obsahovými znakmi frazeologického prirovnania. Je preto iba otázkou času, keď ako stabilná súčasť slovenského frazeologického fondu získa oficiálny status frazémy reflektujúcej dôležitý úsek česko-slovenských dejín.

СТАРОЕ И НОВОЕ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ ПЬЯНСТВА

(НА ПРИМЕРАХ ВЕНГЕРСКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ)

Олег И. Федосов
Будапешт, Венгрия

На необходимость изучать не только славяно-германские, но и венгеро-славянские фразеологические взаимоотношения неоднократно указывал В. М. Мокиенко. Например, в тезисах, обращенных к участникам филологической конференции 2020 г. в Санкт-Петербурге, он писал: «Для каждого славянского языка векторы фразеологического заимствования различны и определяются историко-политическим и культурным взаимодействием с соседними странами и народами. Так, для русского языка особое значение имеют кальки с французского и немецкого языков, для чешского – с немецкого, для словацкого – с венгерского» (W1⁸⁶). Примером такого подхода являются и многие работы В. М. Мокиенко, как, например, серия статей в соавторстве с Т. Г. Никитиной о венгерско-славянских параллелях во фразеологии и паремииологии, вышедших в академическом журнале венгерской славистики *Studia Slavica* [Мокиенко, Никитина 2017, 2019]. В одной из этих работ В. М. Мокиенко, однако, указал и на то, что в этой области достаточно изучены лишь некоторые аспекты, например, это исследование русской фразеологии в Венгрии в сопоставительном (диахрония, этимология и т.д.) ключе. «Обратная же связь – интерпретация венгерской фразеологии на фоне русской или хотя бы использование достижений венгерских фразеологов почти отсутствует...» [Мокиенко, Никитина 2017: 251]. Эти отношения релевантны не только для словацкого языка: сравнение славянских фразеологий с фразеологией венгерского языка может стать полезным и по ряду других причин. Дело в том, что венгерский язык веками тесно соприкасался не только со словацким, но и с другими славянскими языками, достаточно отметить немалое количество унгаризмов в хорватской и даже чешской фразеологии (*porcvenjeti kao paprika*, *umijesiti kome gorku pogaču*, *udělat z něčeho guláš*). С другой стороны, венгерский

⁸⁶ Доступно на сайте <http://www.conference-spbu.ru/conference/42/structure/>

язык и его фразеология находились веками под сильным влиянием как латыни (официальный язык делопроизводства и юриспруденции в Венгрии вплоть до 1844 года), так и немецкого языка (что тем более понятно, учитывая трансформацию монархии Габсбургов на Австро-Венгерскую монархию).

В настоящей работе нами ставится цель провести выборочное сравнение неких «винных запасов» венгерской фразеологии на фоне уже хорошо изученной алко-фразеологии славянской. Для этой цели мы воспользуемся и методикой описания фразеологического Homo Alcoholicus, разработанной Х. Вальтером и В. М. Мокиенко. Сразу сделаем оговорку, что наш материал будет представлять лишь некое классическое ядро современной венгерской алко-фразеологии.

Так, например, одной из доминант венгерской питьевой продукции является *pálinka* /палинка, само название которой имеет славянское происхождение, поэтому тут приоритет несомненно принадлежит окружающим венгров славянам, у которых, очевидно, древние венгры и обучились этому ремеслу гнать («палить», дистиллировать – не путать с «паленой водкой»!) крепкий алкоголь почти из любых видов местных фруктов и ягод. Очевидно, поэтому в венгерском питьевом обиходе в корчме или ресторане при заказе палинки достаточно сказать официанту: *Két szilvát /barackot/körtét kérek* (букв. Мне (прошу) два/две сливы/персика = абрикоса/груши и т.д.), чтобы получить требуемое, т.е., например, две рюмки абрикосовой палинки, а не два абрикоса (прим.: абрикос и персик в венгерском – одна лексема *barack*, а различие проводится атрибутивно: желтый (*sárga*) *barack* – это абрикос, а осенний (*őszi*) *barack* – персик). Интересно, однако, что не только *gulyás/гуляш* [см. Федосов 2016], но и *pálinka/палинка* практически отсутствуют как компоненты в венгерской фразеологии. Компонент *вино (bor)*, наоборот, занимает здесь достойное место, являясь одним из ключевых.

Так, у венгерских идиом *borban keres feledést* (букв. ищет забвения в вине), *a gallérja mögé önti a bort* (букв. заливает за воротник), *a bor megoldja a nyelvét* (букв. вино развязывает кому-л. язык), *folyik a bor* (примерно: вино льется рекой) и др. найдется много схожих эквивалентов и в других языках, но вот идиома *borközi állapotban van* (букв. кто-л. находится в меж-винном состоянии) требует комментария: мы писали когда-то о венгерском происхождении фамилии бывшего французского президента Н. Саркози от прилагательного *sárközi* (*sár* = грязь/болото, *közi* = между/меж) [более подробно в: Федосов 2013]. И в «винной» идиоме мы встречаем похожее фразеологическое словосложение *bor-közi* (букв. вино-между), которое в регулярном венгерском, естественно, не существует (в отличие от стандартных прилагательных типа *международный = nemzetközi*). Интересной идиомой является и выражение *hámozva szereti a szőlőt* (букв. кто-л. любит виноград со снятой кожицей), т.е. предпочитает вино винограду (и злоупотребляет вином), хотя самого компонента *вино (bor)* здесь нет.

В целях обзора приведем вначале основную структуру анализа алко-фразем из работы [Вальтер, Мокиенко 2005б: 55–58].

- 1) Уподобление пьяницы животному (*пьян как свинья*).
- 2) Уподобление пьяницы человеку определенной профессии (*пьян как сапожник*).
- 3) Уподобление пьяницы представителю другого народа (*пьян как сто китайцев*).
- 4) Уподобление пьяницы мифологическому существу, психически ненормальному или глупому человеку (*нализаться как сатана*).
- 5) Уподобление сосуду, в котором хранится спиртное (*пить как бездонная бочка*).
- 6) Уподобление предмету, всасывающему жидкость (*напиться в стельку*).
- 7) Уподобление тяжёлому, грубому, твёрдому предмету (особенно деревянному) – (*пьян как чурбан*).
- 8) Уподобление другим предметам (*напиться как зонтик*).
- 9) Разные мотивировки (*пьяней вина / грязи, синий как изолента*).

«Не все подобные выражения, разумеется, могут быть уложены в прокрустово ложе предлагаемой классификации», – замечали авторы [Вальтер, Мокиенко 2005б: 58]. Но в нашем случае, при сопоставлении идиом венгерского языка с чешским материалом, само наличие такой классификации представляет большое подспорье, т.к. позволяет на первом этапе сравнить именно «яблоко с яблоком» (калька с венгерского выражения), а не, образно выражаясь, с арбузом. Венгерский фразеологический материал был нами взят из словаря В. Бардоши [Bárdosi 2003: 574–575].

Название животного: очевидно, фразеологической универсалией можно считать идиомы *részeg, mint a disznó / részeg disznó* (пьян как свинья) (ср. с чешскими ФЕ: *být opilý jako čuně / kanec / prase / svině*). Венгерская фразеология по причине ее близости к балканскому ареалу добавляет к этой группе ФЕ с именем животного такие выражения: *be van rúgva, mint a csacsi / berúg, mint a csacsi* (пьян как ослик, где *csacsi* – именно осленок, поэтому ФЕ имеет оттенок снисходительности), но во ФЕ *berúg, mint az albán szatár* (как албанский осел) этого смысла уже нет, а атрибут *албанский* служит скорее интенсификатором. ФЕ *iszik, mint a gödény* (букв. пьет как пеликан) большой венгерско-русский словарь [Hadrovics, Gáldi 1986/I., 876] переводит эквивалентом *пьет как бочка / пьют как лошади*, но современный словарь фразеологической этимологии [Bárdosi 2015] эту идиому не объясняет. Жаль, т.к. она интересна по той причине, что в венгерском языке есть две лексемы для обозначения *пеликана*: это интернационализм (из греческого) – *pelikán*, и старое венгерское слово (тюркского происхождения) *gödény*, значение которого (т.е. как название для пеликана) знают сегодня далеко не все венгры, но сама идиома жива и очень популярна. Мотивом же для возникновения ФЕ *пьет как пеликан* является

всем хорошо известный способ питания пеликана, который заглатывает рыбу вместе с большим количеством воды (до 10 литров сразу), сцеживая затем воду. *Собака/пес* как в венгерской, так и в чешской алко-фразеологии представлена оригинальным образом: выражение *Kutyaharapást szőrével* буквально можно перевести как *укус собаки (надо / можно) лечит собачьей шерстью*, и словарь [Hadrovics, Gáldi 1986/L.: 1466] добавляет эквивалент *клин клином вышибают* (в смысле – чем похмелиться). В чешском же языке хорошо известна явно авторская (но источник неизвестен) идиома-пропозиция *Byl tak vožralej, že říkal psovi slečno* (букв. Был так пьян, что говорил собаке «барышня»).

Название профессии: *iszik, mint a kefekötő* (букв. пьет как щёточник). Происхождению этой венгерской ФЕ посвящено немало теорий. Есть тут и популярные «народные» этимологии о том, что грязная и пыльная работа заставляла изготовителя щёток часто «споласкивать горло» и т.п. Этимологическая действительность, однако, близка к ситуации, уже давно описанной В. М. Мокиенко в известной статье *Pije jako holendr – nebo jako Holendr?* [Mokienko 1973], напечатанной 47 лет назад в журнале *Naše řeč*. Венгерская идиома – это, как и в чешском, калька с немецкого *er trinkt wie ein Bürstenbinder*, поэтому и венгерский фразеолог Габор О. Надь в оправдание за несправедливое выделение щёточников как пьяниц пишет, что виноваты тут не венгры, а сами немцы [Nagy 2005: 206]. В. М. Мокиенко приводит чешскую идиому с той же этимологией: «Srov. něm. *trinken (saufen) wie ein Bürstenbinder* ‘*pije jako štětkář, které podle slovníků L. Binoviče a K. Paffena nemá varianty s comparatem Bürste ‘štětka’*», где замечает, что вариантов с самой *щёткой* (т.е. **пьет как щётка*, а не как щёточник) в немецком словари не отмечают, а в чешском она есть: *pije jako štětka*. Заметим, что в современном чешском идиома *pije jako štětkář* уже практически забыта, зато в молодежном жаргоне появилась ФЕ *napitý (chcaný) jako záchodová štětka*, мотивированность которой – по нашему мнению – подкрепляется двумя факторами. Первый – это жаргонное значение слова *štětka* для обозначения проститутки, а второе – образная составляющая «артефакта» *туалетная щётка* как типичного концепта «грязный контейнер» [см. Буй 1995: 297].

Уподобление пьяницы представителю другого народа: к чешским «классическим» примерам *vožralej jako Dán, opilý jako cikán* добавим более современное *zdrátovaný jako slovenský hrnec*. В современном чешском жаргоне встречаются ФЕ *vožralej jako carský důstojník, ruský generál, ruský námořník* (букв. пьян как царский офицер/русский генерал/русский моряк) с похожим атрибутивным компонентом. Напрашивается вывод, что сама фразеологическая модель остается продуктивной, но новые ФЕ этого типа возникают как результат игрового варьирования.

Уподобление (тяжёлому, грубому, твёрдому) предмету: здесь в каждой национальной идиоматике могут обнаружиться и особые мотивы, связанные с предметами, например, в венгерских ФЕ: *olyan részeg, mint a csap* (букв. пьян

как кран), где имеется в виду кран (затычка) винной бочки, или *úgy eldől, mint a krumplízásák* (свалиться, как мешок с картошкой) – тут отмечена «неустойчивость» набитого мешка, а в идиоме *se kék, se hang* (ни картинки, ни звука) сам предмет – т.е. телевизор – не назван, но намек на него однозначен.

Итак, мы видим, что классификация Вальтера – Мокиенко во всех своих пунктах применима и к неславянской. т.е. и к венгерской фразеологии. В целях экономии откажемся от дальнейшей иллюстрации этих пунктов, а представим те ФЕ венгерского и чешского языков, которые отличаются либо некой спецификой, либо носят характер фразеологических неологизмов. Отметим вначале, что – как и в других языках – ФЕ с соматизмами (или сопряженными элементами – напр. разум, зрение) широко представлены и в данном семантическом поле «пьянство». Вот некоторые венгерские примеры (выделяем соматизмы): а *fejébe száll az ital* (букв. напиток ударил в голову), *borvirág fakadt / nőtt vkinek az orrán* (букв. у него на носу вырос винный цветок), а *torkát keneti* (букв. смазывает горло), *alig áll a lábán* (еле стоит на ногах), а *bor megoldja a nyelvét* (вино развяжет язык), *az orrával túrja a földet* (носом пашет землю), *duplán lát* (букв. видит надвое, т.е. двоится в глазах – без компонента глаза), а *lábába megy a bor* (букв. вино ушло в ноги), *vkinek fejlődése van / fejlődést kapott* (букв. получил выстрел в голову), *elissza az eszét* (пропил разум), *felönt a garatra* (промочить глотку), *keresztben áll a szeme* (глаза стоят накрест), *köd borul az agyára* (мозги затуманиваются), *kiszárad a gégeje* (глотка / гортань пересохла), *lecsúsztat a torkán* (скользит в горло), *ledobja az agya a gépszíjat* (букв. чей-л. мозг сбросит приводной ремень), *két lábon járó szeszakázán* (спиртовка на двух ногах), *nehezen forog a nyelve* (язык еле ворочается), *nem köt csomót a gégején* (кто-л. не завязывает узел на своей гортани). Из приблизительных переводов содержания венгерских ФЕ достаточно хорошо прослеживается богатство народной фантазии, создающей нетривиальные образы.

Языковая игра, естественно, является и здесь одним из важнейших факторов инновации. Так, фразема *Söröcske – borocska – Baracska* построена сразу на нескольких принципах: это уменьшительно-ласкательные формы для лексем *пиво / вино (sör / bor)* – нечто схожее с чешскими *pivečko/vinečko*, рифмовка всех трех компонентов и неожиданное переосмысление названия поселка недалеко от Будапешта, где находится известная тюрьма (*Baracska*), т.е. как возможный результат злоупотребления (типа *до чего пьянство доведет*). Некоторые интересные мотивы, образы приведем в следующем списке: *a sárga földig leissza magát* (букв. напиться до жёлтой земли), *(az) asztal alá iszik vkit* (свалиться под стол), *a csillagos eget is (nagy)bölgőnek nézi* (букв. ему уже и звездное небо кажется контрабасом), *a templom mellé jár* (проходит мимо церкви – т.е. идет в корчму), *akkor látott (utoljára) vizet, mikor a bába megmosdatta* (тогда видел в последний раз воду, когда его обмыла акушерка), *csak mosdásra használja a vizet* (воду он использует только для мытья), *vizet csak kereszteléskor látott* (воду он видел напоследок, когда его крестили), *olyan egyenesen megy, mint az ökörhugyozás* (так

прямо идет, как вол мочится – т.е. наоборот), *elinná a Krisztus köntösét / palástját* (пропил бы и накидку Христа), *azt sem tudja, hogy fiú-e vagy lány* (сам не знает, мальчик он или девочка), *be van nyomva, mint rajszög a falba* (так вдавлен, как кнопка в стенку = пьян, это переносное значение глагола *vdavumь*), *x literre van hitelesítve* (его калибровали на х литров), *meginná az árvák könnyét is* (он выпил бы и слезы сирот), *meggyullad vkiben a pálinka* (палинка в нем вспыхнет), *mintha kihányták volna* (выглядит, как если бы его вырвали, т.е. как результат рвоты), *egyszer rúgott be, azóta csak rátölt* (букв. всего один раз напился, а с тех пор только доливает = не просыхает).

Характерно, что венгерская молодежь предпочитает свои, нетрадиционные и нетривиальные средства выражения понятия пьянства: в сравнительных оборотах рядом с обычным *részeg, mint az állat* (срав. чешское *být opilý jako (divoké) zvíře* – букв. быть пьян как животное/зверь) появляется созвучное, но совершенно непонятное *részeg, mint az atom* (букв. пьян как атом). Поскольку в венгерском обычно нет морфологического различия между именем существительным и прилагательным одного корня (напр. *arany* = золото, золотой), то частыми являются не сравнительные, а именные конструкции типа *atom részeg* (атом-пьяный), *mat részeg* (мат-пьяный, имеется в виду мат в шахматах), *segg részeg* (жопа-пьяный), *csatak részeg* (слякоть-пьяный), *cafat/cefet részeg* (клочья-пьяный) или *totál részeg* как *тотально пьяный*. В чешском интернете можно также обнаружить такую идиоматическую реакцию на некую актуальную тему (вплетенную в тему пьянства), когда сравнительный оборот с необычным компаратором есть результат языковой игры, например: *sestřelený jako boeing nad Ukrajinou* (сбит = пьян, как боинг над Украиной), *vyřízený jako kanadské vízum* (рассмотренный, в сленге также и усталый/замученный = пьяный, как канадская виза – в реакции на отказ Канады выдавать визы цыганам из Чехии), *natisknutý jako Mickey Mouse na mikině* (отпечатанный = пьяный, как Мики Маус на свитере).

Некоторые выводы: мы видели, что в семантическом поле «пьянство» и славянских, и неславянских языков присутствуют как многие традиционные, известные многим языкам модели (ФЕ-интернационализмы), так и своеобразные идиоматические продукты с местной спецификой, касающейся как компонентного состава, так и структур и значений ФЕ. Инновации, неологизмы возникают в идиоматике постоянно, чаще всего как результат языковой игры.

MINIMÁLNE FRAZEOLOGIZOVANÉ KONŠTRUKCIE TYPU PREDLOŽKA + PODSTATNÉ MENO⁸⁷

Peter Ďurčo
Trnava, Slovensko

V centre pozornosti súčasných lingvistických výskumov je snaha o integráciu gramatických a lexikálnych javov. Jazyk sa vníma ako lexikálno-gramatické kontinuum, kde sa lexikálne jednotky navzájom spájajú v ustálených konštrukciách, a na druhej strane konštrukčné modely viažu na seba typické, uzuálne resp. až petrifikované lexikálne zloženie. Aj v rámci frazeológie treba skúmať tento bipolárny vzťah medzi konštrukčnými modelmi a lexikálnym obsadením slovných spojení.

V oblasti výskumu ustálených slovných spojení zostával typ uzuálnej kombinatorky a kolokability minimálnych frazeologických jednotiek mimo hlbšieho záujmu, resp. stál na jeho okraji. Osobitným typom minimálnych frazém v nemčine sú kombinácie predložiek so substantívami, v ktorých absentuje určitý, resp. neurčitý člen, prípadne člen je petrifikovaný. Ak v nemeckých predložkovo-menných spojeniach nie je pozícia medzi predložkou a podstatným menom obsadená členom, ide o znak lexikalizácie.

V prípade nemčiny ide napr. o spojenia (a) s temporálnym významom (*in Kürze, auf Dauer*), (b) s modálnym významom (*auf Abruf, nach Belieben, auf Anhieb*), (c) s lokálnym významom (*vor Ort, hinter Glas, im Vorfeld*), (d) s kauzálnym významom (*wegen Mordes, trotz Bedenken, wider Willen*). Pri mnohých PMS sa však takéto jednoznačné vymedzenie stiera, pretože mnohé z nich sú polyfunkčné a prechody medzi temporálnym, lokálnym a modálnym významom sú veľmi difúzne [porov. Steyer 2019].

Nóvum pri výskume týchto jednotiek spočíva v tom, že sa na pozadí kolokability daných frazém detailne skúmajú ich externé a interné variantné modely a ich kolokačný potenciál. Prvotné výskumy v tejto oblasti priniesli oveľa presnejší obraz

⁸⁷ Príspevok vznikol v rámci projektu VEGA 1/0352/20 Konfrontačný výskum lexikalizácie konštrukčných modelov v nemčine a slovenčine.

o fungovaní PMS, čo nedokázali doteraz zachytiť gramatické modely, ale ani lexikografické opisy. Opierame sa tu o najnovšie výskumy uzuálnej kombinatoriky a kolokability jazykových jednotiek v rámci konštrukčných modelov, a to najmä o koncept „Usuelle Wortverbindungen“ [Steyer 2013, 2018] a o tzv. korpusový analytický model od Steyer & Brunner 2009.

Zo syntaktického hľadiska môžu mať predložkovo-menné spojenia (ďalej PMS) v nemčine rôzne funkcie:

- a) príslovkové určenia (*nach Belieben, mit Genugtuung*)
- b) vetné príslovky (*im Prinzip, im Grunde*)
- c) viacslovné predložky (*aus Anlass, in Bezug, unter Beachtung*)
- d) nezhodné prívlastky (*Hoffnung auf Frieden, Ehe auf Distanz*)
- e) predložkové objekty so slovesnou väzbou (*[an {Plänen/Lösungen...} basteln]*)
- f) valenčne viazané atribúty prídavných mien (*reich an Erfahrungen, jung an Jahren*)
- g) menné predikáty (*am Ball sein, am Ruder sein*)
- h) súčasť slovesno-menných spojení (*aufßer Betrieb / Funktion / Kraft / Kurs / ... setzen*)
- i) menné komponenty verbálnych frazém (*aufs Herzlichste grüßen, für Recht erkennen*).

Z hľadiska autonómnosti ide na jednej strane o jednotky, ktoré majú status samostatných lexikalizovaných jednotiek (a, b), iné tvoria len súčasť širších spojení a nemôžu fungovať samostatne. Každé PMS má však špecifický status z hľadiska autonómnosti. Napr. PMS *auf Distanz* funguje ako adverbialna jednotka, ako menný atribút, ako súčasť viacslovnéj predložky, ako súčasť menného predikátu, ako súčasť rôznych multiverbizovaných spojení, ako predložkový objekt, porov.: *etwas (napr. Ehe) auf Distanz, auf Distanz von etwas, auf Distanz gehen, jm gegenüber auf Distanz gehen, zu jm /zu etwas auf Distanz gehen, jnd./etwas auf Distanz halten, auf Distanz bleiben, auf Distanz achten, auf Distanz wirken, jn auf Distanz bringen* atď.

Pri skúmaní tohto konštrukčného typu frazém vychádzame z hypotézy, že kolokabilita jazykových prvkov je zmerateľná a definovateľná aj pri synsématickách. Kolokačný profil každého slova je však jedinečný a vo svojej podstate idiosynkratický. Vo výskume vychádzame tiež z hypotézy, že aj pre minimálne konštrukčné typy ako napr. spojenia predložky a substantíva je možné empiricky zistiť nielen ich internú a externú variabilitu, ale je možné vymedziť aj ich kolokačný potenciál a stanoviť ich signifikantný kolokačný profil.

Materiálovo sa naše analýzy opierajú o databázu PREPCON⁸⁸ zameranú na PMS v nemčine. Je tu možné sledovať kombinatorický potenciál konkrétnej predložky so substantívami alebo kombinatorický potenciál substantíva s rôznymi predložkami.

⁸⁸ <http://uwv.ids-mannheim.de/prepcon/modul1/index.html>

Kombinatorický potenciál podstatného mena s predložkami je podmienený jeho extenzionálnou a intenzionálnou sémantikou. Ak môže podstatné meno spolu s predložkou označovať lokálne aj časové, alebo dokonca modálne alebo kauzálne konceptuálne domény, prejavuje sa táto vlastnosť aj v kombinatorickom potenciáli podstatného mena. Vysoký kombinatorický potenciál majú aj monosémantické substantíva, ktoré síce označujú len jednu konceptuálnu doménu, ale v rámci nej musia pokrývať všetky relácie (napr. čas). Kombinatorický potenciál substantíva a predložky sa zužuje so zužovaním rozsahu a obsahu významu substantíva. Na opačnom póle kombinatorického potenciálu sú substantíva s výrazne limitovanou, resp. až izolovanou spätosťou s predložkami, napr.: *auf Anhieb, bei Gelegenheit, aus Gewohnheit, hinter Glas, im Nu, wegen Verdachtes, mit Vehemenz*, atď.

Kombinatorický potenciál sa vždy musí skúmať vo vzťahu k príslušnej paradigmatickej forme slova. Príkladom môže byť lexéma *Grund*. Typický kombinatorický potenciál jednotného čísla s predložkami je odlišný od kombinatorického potenciálu v množnom čísle:

- a) kombinatorika v singulári:

Präp+SubDat: *von Grund, vom Grund, am Grund, mit Grund, samt Grund, im Grund, zum Grund*

Präp+SubDat/Akku: *an Grund, auf Grund, über Grund, in Grund,*

Präp+SubAkk: *ohne Grund*

- b) kombinatorický potenciál v pluráli:

Präp+SubAkk: *über Gründe, ohne Gründe, um Gründe*

Präp+SubDat: *aus Gründen, nach Gründen, von Gründen*

Distribučný potenciál predložiek závisí od vzťahov, ktoré môžu vyjadriť v kombinácii s podstatnými menami. Z pohľadu schopnosti vyjadrovať rôzne adverbálne významy (lokálny, temporálny, modálny, kauzálny) môžeme predložky v rámci PMS deliť na a) polyfunkčné, b) bifunkčné a c) monofunkčné:

- a) *bei* (l/m/t/k), *im* (l/m/t), *in* (l/m/t), *nach* (l/m/t), *unter* (l/m/t), *über* (l/m/t), *von* (l/m/t), *vom* (l/m/t), *vor* (l/m/t/k), *zu* (l/m/t), *zu*, /m/t/k)

- b) *ab* (l/t), *am* (l/t), *an* (l/t), *auf* (m/t), *aus* (k/m), *außer* (m/l), *bis* (l/t), *durch* (m/k), *gegen* (m/t), *gemäß* (m/k), *hinter* (l/m), *ins* (l/m), *je* (t/m), *laut* (m/k), *um* (l/m), *zur* (m/t)

- c) *aufs* (m), *binnen* (t), *mit* (m), *ohne* (m), *per* (m), *pro* (m), *seit* (t), *trotz* (k), *wegen* (k), *wider* (k).

Sémantika PMS môže byť v závislosti od sémantiky substantíva a funkčného potenciálu predložky veľmi ambigná (napr. *am Anfang*), alebo veľmi špecifická (*auf Anhieb*). Pri PMS je preto veľmi dôležité skúmať okrem denotatívneho významu rôzne aspekty použitia, ktoré sa prejavujú na pozadí ich kolokačného potenciálu. Štandardná polysémia je pri PMS zriedkavá, napr. *nach Belieben* (1. beliebig, 2. eigenwillig), *in Kürze* (1. umgehend; 'bald', 2. kurz gehalten) [vgl. Steyer 2017: 230].

Na adekvátny opis je preto nevyhnutná znalosť typického, uzuálneho okolia. Napr. denotatívny význam PMS *auf Anhieb* (= sofort) nepostačuje na to, aby sme sa vyhlili nesprávnemu použitiu napr. vo vete **Komme bitte auf Anhieb zu mir*. PMS *auf Anhieb* sa často používa v spojení s (ne)úspechom. Vyjadruje, že niekto (ne)dosiahne úspech okamžite alebo bez odporu, napr. v športe, vo voľbách alebo v umení.

V koncepcii Uzuálnych slovných spojení od Steyer (2013) sa kontextové prvky, ktoré regulujú, limitujú a špecifikujú význam PMS označujú ako aspekty použitia (Gebrauchsaspekte), nejde tu však o prejav polysémie PMS. Ide o rôzne významové odtienky, pragmatické funkcie, konotácie, textové špecifiká, markantné morfosyntaktické javy (napr. dominantný tempus, modus, negácia, frekventovaný výskyt istých významových skupín činnostných, priebehových alebo stavových slovies atď.), pre ktoré je však typická rekurentnosť, teda fakt, že aj tu ide o uzualizované kontextové vzorce. Na datailné skúmanie týchto vzťahov sa využíva špeciálny program *lexpan* (*Lexpan Pattern Analyser*),⁸⁹ ktorý dokáže štatisticky vyhodnocovať konkordančné zoznamy z korpusov a tiež kolokačné profily podľa cielene definovaných konštrukčných modelov.

Príkladom aspektov použitia môže byť napr. PMS *von Anbeginn*, ktoré sa používa v súvislosti s plánovaním niečoho, s rozhodnutiami a zámermi v kontextoch, ktoré zdôrazňujú, že niečo bolo od samotného počiatku dôkladne premyslené, cielene zamýšľané:

Und die nächsten Planungsschritte, sofern sie angesichts der politischen Diskussionen kommen, wolle man europaweit ausschreiben. „So war es von *Anbeginn* geplant“, betont Müller (Rhein-Zeitung, 17.05.2006; Unkorrekte Vergabe ohne Konsequenzen).

Jedno PMS sa môže samozrejme viazať na rôzne aspekty použitia. PMS *von Anbeginn* sa uzuálne vyskytuje aj v kontextoch, v ktorých ide o kritiku daného stavu, ktorý nenastal aktuálne, ale negatívny následok bol zrejmy už v počiatku:

Während Bauruinen der Moderne fehl geplant, hässlich und von *Anbeginn* zerstört wirken, bildet der Rohbau von Segesta trotz der fehlenden Cella, den fehlenden Kapitellen und dem fehlenden Tempelboden eine perfekte ästhetische Einheit (Neue Zürcher Zeitung, 11.07.2002, s. 52, Sachgebiet: Tourismus; Die Ruinenstätte von Segesta in Nordsizilien).

Dôležitou súčasťou opisu aspektov použitia PMS je skúmanie ich rekurentnej lexikálnej extenzie, tzv. lexikalische Erweiterungsmuster (porov. [Steyer 2013]). Pre typickú kolokabilitu PMS, napr. pri spojení **aus Gewohnheit** (= zo zvyku) môžeme extrahovať významné verbálne okolie základnej konštrukcie „**aus Gewohnheit + Verb**“ (V: *essen, zu etw. greifen, wählen, benutzen, handeln*, atď.).

Na rozdiel o kolokačného okolia a kontextových markerov pri aspektoch použitia ide v prípade lexikálnej variantnosti PMS o interné a externé štruktúrne rozšírenia

⁸⁹ <http://uwv.ids-mannheim.de/lexpan/>

základnej konštrukcie: **aus + ADJ + *Gewohnheit*** (intenzifikátory: *reiner, purer, lauter, bloßer, schierer*; temporálne špecifikátory: *langjähriger, jahrhundertlanger, jahrzehntelanger, täglicher*; modálne špecifikátory: *schlechter, guter, spießbürgerlicher*). Ďalšie konštrukčné modely tejto bábovej štruktúry rozširujú externú variantosť, napr. „**ADV aus *Gewohnheit***“ (*nur, noch, schon, einfach, wohl, vielleicht, oft, allein, sozusagen, lediglich, offensichtlich, wahrscheinlich*), „**aus SUB oder *Gewohnheit***“ / „**aus *Gewohnheit* oder SUB** (*Bequemlichkeit, Langeweile, Trotz, Überzeugung, Unkenntnis, ...*), „**aus SUB und *Gewohnheit***“ (*Tradition, Höflichkeit, Routine, Versehen, ...*) atď. Tieto javy majú samozrejme vplyv na mieru autonómnosti PMS a na význam PMS.***

Aplikácia uvedenej metodiky je nówum aj v oblasti konfrontačného výskumu a prináša pozoruhodné zistenie pri výskume ekvivalentnosti frazeologických jednotiek [viď. Ďurčo et al. 2019, Fraščíková 2018, Hein et al. 2018, Hornáček banášová 2018, Tabačeková 2019a, b].

Výskum PMS sa dotýka lexikológie, frazeológie, syntaxe, morfológie a tvaroslovia. Nówum z hľadiska lingvistického opisu je extrakcia a registrácia minimálnych lexikalizovaných konštrukcií a ich konštrukčných variantných modelov a detailná kookurenčná analýza okolia PMS. Výskum ukazuje, že PMS fungujú ako typické a uzualizované jednotky na pomedzí medzi gramatikou a lexikou. Spojenie systémovej lingvistického a textovolvej lingvistického prístupu odstraňuje bariéry medzi gramatickými a lexikologickými prístupmi. On-line platforma PREPCON poskytuje širokú materiállovú základňu aj na kontrastívny výskum. Z teoretického a metodologického hľadiska je dôležité, že výskum prináša exaktné, verifikovateľné výsledky, ktoré stavajú na koncíznych princípoch a integrujú lexikologické, gramatické a textovolvej lingvistické prístupy.

ТЕНДЕНЦИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Наталья Борисовна Корина
Вена, Австрия

Явление фразеологического параллелизма относится к тем языковым феноменам, существование которых очевидно, однако природа изучена недостаточно. Изучать ее сложно из-за проблематичности однозначного разграничения генетически и типологически сходных явлений, хотя под параллельными понимаются прежде всего последние. В силу указанных трудностей в разграничении мы распространяем понятие фразеологического параллелизма⁹⁰ на все виды сходства, чтобы охватить различные пути развития фразеологических параллелей (ФП) и сделать попытку их классификации.

ФП – явление на пересечении различных языковых систем, изучение которого возможно только в сопоставительном аспекте с привлечением результатов историко-этимологического анализа. Нашей целью является рассмотрение механизмов развития фразеологического параллелизма как явления независимо от определения границ фразеологии; как базовое используется понятие «фразеологическая единица» (ФЕ).

Проблемы этимологизации (славянской) фразеологии. Установление путей возникновения ФП невозможно без этимологического и сопоставительного анализа фразеологии, что осложнено отсутствием фразеологического материала в этимологических словарях славянских языков. Фразеологические этимологические словари пока единичны (ср. попытку создания подобного словаря: [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007]). Продолжается разработка объективной методики историко-этимологического анализа фразеологии, свой вклад в которую внесли Б. А. Ларин, Н. И. Толстой, А. И. Фёдоров, Ю. А. Гвоз-

⁹⁰ Более корректно было бы говорить о схождениях.

дарёв, В. М. Мокиенко, И. Я. Лепешев, А. А. Ивченко, Ю. П. Солодуб, Р. Эккерт, В. Айсмани, А. К. Бирих, Л. И. Степанова и другие учёные.

Сложность определения путей развития фразеологии состоит также в присутствии ей вариантности, особенно заметной при учёте диалектного материала – ср. [Мокиенко, Никитина 2007; Баранов, Добровольский 2008; Вальтер, Мокиенко 2019] и др.

Универсалии фразеологической образности. Важную роль во фразеологии играет метафора как результат когнитивного процесса моделирования по аналогии – ср. [Алефиренко 2004; Корина 2014: 43–44]. Эталонами для категоризации, описания и оценки действительности изначально служили строение человеческого тела и ближайшее окружение (флора и фауна, организация быта). ФЕ на этой основе универсальны и возникают параллельно в разных языках. Особенно распространены соматические, кинетические и анималистические ФЕ, напр., рус. *рукой подать* ‘близко’, *подставить плечо* ‘поддерживать’, *держат язык за зубами* ‘молчать’; словац. *čo by kameňom dohodil* ‘близко’, *ležat niekomu v žalúdku* ‘предельно раздражать’, *nesiahať niekomu ani po päty* ‘быть несравнимо хуже кого-л. в чём-л.’; хорв. *na dohvat ruke* ‘близко’; нем. *mit gleicher Elle messen* ‘применять равные критерии’, *jem. stehen die Haare zu Berge* ‘приходить в ужас’; англ. *in the twinkling of an eye* ‘мгновенно’ и т.д., ср. [Мокиенко 2007: 96–156]. Значительное место принадлежит образным сравнениям. У всех народов есть ФЕ, сравнивающие физически тяжёлый труд с работой тяглового животного – в Европе это обычно лошадь или вол: чеш. *držít jako kůň*, рус. *пахать как лошадь (ломовая)*, словац. *drieť ako vól/kôň*, нем. *arbeiten wie ein Pferd/Ochse* и т.п. Подобные образы материальны (“картинку” легко представить, внутренняя форма прозрачна). ФП этого типа относятся к фразеологическим универсалиям. По всей видимости, данная часть фразеологического фонда является древнейшей.

Ареальная обусловленность ФП. Ареальные исследования открыли новые горизонты в диахроническом изучении фразеологии. Одним из первых подчеркнул важность учёта ареальных аспектов при реконструкции древнего фразеологического фонда Н. И. Толстой. Перспективность ареального подхода учёный продемонстрировал на примере реконструкции праславянской идиомы **za čbrъnъ nogъty* [Толстой 1995: 383–404; Мокиенко 1993]. Как отмечают Х. Вальтер и В. М. Мокиенко, Н. И. Толстой показал, что диахроническая преемственность во фразеологии более динамична и полиморфна, чем в лексике, что подтвердилось позднейшими исследованиями – «именно жёсткая фиксированность формы для фразеологии, как оказалось, является одним из верных признаков заимствованного её характера, калькирования, в то время как широкая вариантность – достаточно надёжный показатель исконности» [Вальтер, Мокиенко 2019: 15].

Кроме определения заимствованного или исконного характера ФЕ, ареальная методика помогает установить географическую область языковых и культурных контактов, в которой могло происходить языковое взаимодействие,

ведущее к возникновению ФП. Его причины часто бывают внеязыковыми (социально-политическими, экономическими, культурными и т. п.) и тогда прежде всего для родственных контактирующих языков, в т. ч. славянских, встает проблема разграничения объектов разной степени близости – как генетической, так и типологической – ср. [Бромлей 2010: 391–392]. Особенно ярко это прослеживается на контактных территориях языков, входивших в общие государственные образования, – исследования показали, что польская фразеология имеет значительно больше общего с восточнославянской, чем с западнославянской, хотя сохраняет несомненную общность с другими западнославянскими языками: напр., бел. *вярзе грушы на вярбе*, укр. *наговорити на вербі груші*; рус. *наговорит на вербе грушу*, пол. *obiesicje gruszki na wierzbie* ‘о завравшемся человеке’ [ср.: Fojtů 2013; Корина 2014; Вальтер, Мокиенко 2019].

Таким образом, ФП могут быть ареально-обусловленными и проявлять черты как генетического, так и типологического сходства.

Схемы развития ФП. Применительно к славянским языкам можно говорить о следующих основных видах ФП, различаемых по схемам развития:

1) Параллельное развитие по универсальным образным схемам, которым соответствуют сходные структурно-семантические модели (**семантико-типологический параллелизм**): рус. *потирать руки*; бел. *паціраць рукі*; пол. *zacierać ręce*; словац. *mädliť si ruky*; чеш. *mnout si ruce*; серб., хорв. *trti ruke* ‘радоваться удаче’ и др.

2) Варьирование генетически общего (праславянского) фразеологического фонда, сформированного ещё до разделения славян и имеющего параллели в контактирующих языках, а также более позднее развитие на общей ареальной базе в результате контактов с другими, в т. ч. неславянскими, этносами (**ареально-генетический параллелизм**): напр., ФЕ со значением ‘вести себя безумно’, несмотря на наличие общей схемы «наесться + название галлюциногенного растения», где растения могут быть разными, в основном содержат название растений одного и того же семейства – Solanaceae (выделено): рус. *белены объелся*; укр. *блекоту/мандригулі/маку наївся*; бел. *блёкату/дурицу наеўся*; пол. *blekotu/duru się objadł*; серб., хорв. *najesti se bunike*; чеш. *najíst se blínu* (ср. словац. *bláznivé huby pojedol*), что свидетельствует в пользу общей базы.

(3) Нет однозначного ответа на вопрос, относить ли к ФП **фразеологические интернационализмы** (ФИ), представляющие собой результат фразеологического заимствования (ФЗ). «Разграничение фразеологических параллелей и заимствований далеко не простой, а часто и просто неразрешимый вопрос» [Степанова 2000: 418].

Фразеологические заимствования и интернационализмы. В силу своей сложной структуры и образной природы фразеология заимствуется не так активно, как лексика. Кроме того, в отличие от лексики, фразеология многих

языков не имеет регулярной словарной фиксации,⁹¹ что затрудняет определение заимствования. Проблемной делает идентификацию заимствований и то, что освоенные языком ФЗ начинают «жить собственной жизнью» и часто не идентифицируются носителями языка как заимствования [ср. Ёугчо 1994: 160]. Подобную судьбу имеет в русском языке европеизм *восать с молоком матери* ‘усвоить что-л. с детства’ [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: 444].

Еще сложнее определить ФИ. Они далеко не исчерпываются ФЕ из библейских и античных текстов. На основании принципов анализа происхождения ФЕ, сформулированных Н. И. Толстым [Толстой 1995: 389–390], Л. И. Степанова вывела дефиницию ФИ: «фразеологизм, существующий в славянских и западноевропейских языках и отличающийся близостью лексемного состава и семантики» [Степанова 2000: 422–423]. Но сколько языков должно быть как минимум? В силу нерешённости этого вопроса, как отмечает П. Фойту, в разряд ФИ попадают территориально ограниченные фразеологические кальки – напр., калька с немецкой ФЕ *das kann mich gestohlen bleiben* ‘меня это совершенно не волнует, мне всё равно’ бытует в чешской (*to mi může být ukradené*) и словацкой (*to mi môže byť ukradnuté*) фразеологии, однако не зафиксирована в других славянских языках, включая близкородственный польский [Fojtů 2013: 12].

ФИ можно назвать вторично универсальными ФЕ, когда единично возникшее явление, передаваясь дальше, приобретает общий характер. Они противоположны древним типологически сходным ФЕ и с этой точки зрения могут рассматриваться как вторичные ФП.

На основании сказанного можно наметить следующие тенденции хронологического соотношения различных видов ФП:

- 1) Наиболее раннюю фазу возникновения ФП, по-видимому, представляет собой параллельное развитие (семантико-типологический параллелизм), поскольку фразеологические универсалии содержат образные характеристики действительности на этапе ее первичного познания, отличающиеся «материальностью» образа и прозрачностью мотивации. Языковая дифференциация этносов (и их формирование как таковое) на этом этапе еще незначительна, а универсальность ФЕ ничем не ограничена и обусловлена универсальностью схем человеческого мышления.
- 2) Ареально-генетический параллелизм может возникать в разные периоды развития языка в зависимости от характера и интенсивности языковых

⁹¹ О словарной фиксации можно говорить только после появления и развития лексикографии и фразеологии, хотя в ней до сих пор остается много белых пятен. В частности, словацкий язык до сих пор не имеет академического фразеологического словаря. Наиболее полно словацкая фразеология представлена в новом толковом словаре (*Slovník súčasného slovenského jazyka*), но пока изданы только три первых тома по букву N включительно (2006, 2011, 2015).

контактов, однако наиболее вероятно его проявление не позднее периода формирования устойчивых региональных связей разного характера. Будучи хронологически более поздними, такие ФЕ могут обладать более сложной образностью, как в случае с ФЕ **za čьrьnъ pogьbъ* (см. выше). Данные ФП условно универсальны, поскольку область их возникновения и распространения ограничена языковым родством (ареальной общностью). Обе первых группы относительно закрыты, поскольку ФП этих видов не развиваются дальше.

3) Процессы заимствования связаны с развитием общества и по мере экономического и научно-технического прогресса интенсифицируются. ФИ – массовый и более поздний результат этих процессов. Эта группа является открытой и постоянно пополняется, хронологически она наиболее «молодая». ФИ – «вторично универсальные» ФЕ, распространяющиеся на различных языковых территориях и не ограниченные родством или типологическим сходством языков.

В чередовании собственно универсальности и вторичной универсальности проявляется естественная смена конвергентных и дивергентных тенденций в развитии языка.

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: НЕКОТОРЫЕ НЕРЕШЕННЫЕ ВОПРОСЫ

Анна Владимировна Павлова
Майнц, Германия

Речь пойдет о синтаксических фразеологизмах (СФ) – конструкциях, состоящих из устойчивых грамматических форм, отчасти заполненных «мелкими» (обычно служебными) словами, а отчасти предоставляющих возможность варьировать заполнение вакантных позиций («словот») различными лексемами. СФ идиоматичны: их смысл не выводим из суммы грамматических и лексических значений их элементов. Например, чтобы адекватно понять выражение *всем мастерам мастер* или *всем руководителям руководитель*, недостаточно знать возможные грамматические значения дательного падежа и лексические значения слов *все, мастер, руководитель*; требуется воспринимать и понимать конструкцию как нечто целое – несмотря на то, что существительные в дательном множественного и в именительном единственного числа в этой конструкции в зависимости от контекста могут меняться. Данная конструкция в общем виде означает высокую оценку, похвалу. Местоимение *всем*, повтор следующего после него существительного, употребление его сначала в дательном множественного, а затем в именительном единственного числа – величинны постоянные, так что сразу вырисовывается модель конструкции: *всем N^{д.мн} N^н*, где *N^{д.мн}* существительное в дательном мн.ч., а *N^н* то же существительное в именительном ед.ч.⁹²

Н. Ю. Шведова первая исследовала данные конструкции, дав им первоначально название «фразеологизированные построения». Десять лет спустя она предложила записывать их в виде моделей, например: *NN1 как NN1 (мальчик как мальчик)* или *NN1 не в NN4 (праздник не в праздник)* [Шведова 1970:

⁹² Общепринятых обозначений для элементов схем синтаксических фразеологизмов не существует, поэтому автор данной статьи позволяет себе выбирать обозначения, которые представляются ему наиболее удобными, т.е. семантически однозначными.

558–560].⁹³ Д. Н. Шмелев предложил называть такие фразеологизированные конструкции «фразеосхемами».

Долгие годы фразеосхемы не привлекали особого внимания лингвистов: специалисты по фразеологии их упоминали, но специально ими не занимались. Одними из первых СФ заинтересовались А. В. Величко и В. Ю. Меликян, даже издавший первый словарь СФ [Меликян 2007]. Но в целом до начала прошлого десятилетия синтаксическая фразеология была мало кому известна.

В 2010-е годы ситуация изменилась: тема, о которой здесь идет речь, переживает расцвет в связи с бурным интересом к грамматике конструкций, основы которой были заложены в конце прошлого века (Ч. Филлмор, П. Кей, А. Голдберг). СФ переместились в центр внимания многих исследователей в связи с изучением конструкций – или, по терминологии Л. Л. Иомдина, «микросинтаксиса». Но несмотря на пристальный интерес и большое число появившихся в последнее десятилетие работ, посвященных СФ, недостает обобщающих теоретических исследований. Имеются работы, посвященные проблеме отражения СФ в лексикографии (Е. Schafroth, Л. А. Золотарева), поиску СФ в текстовых корпусах (К. Steyer, К. Hein), анализу текстовых корпусов по выявлению различий в семантике и прагматике сходных по форме СФ, оказывающихся на поверку квазисинонимами (Д. О. Добровольский, Л. Пёпель), проблемам переводимости СФ (N. Funt). Но большинство авторов сосредоточено на изучении конкретных СФ – их грамматическом отображении, возможном наполнении, особенностях употребления, семантике, иллюкуциях, стилистике. Многие общетеоретические вопросы остаются нерешенными или вовсе не освещаются. В этой статье будут затронуты три таких вопроса.

1. Значение СФ

Есть ли у СФ как моделей – значение? Наличие значений у СФ не ставит под сомнение Вольфганг Флейшер, характеризующий СФ как «синтаксические модели», которые «обладают ясно выраженным значением; при наполнении модели конкретным лексическим материалом возникает группа слов, общее значение которой уже предопределено значением модели» [Fleischer 1982: 135–136; перевод мой – А.П.]. Согласно Рите Финкбайнер, у СФ нет лексических значений, но есть значения пропозициональные [Finkbeiner, в печати]. В более ранней работе [Finkbeiner 2008: 15] она отмечает, что иллюкутивные функции СФ можно описать заранее, вне контекста; в контексте они не изменяются.

То, что СФ обладают значениями, не вызывает сомнений; эти значения поддаются описанию, хотя и на абстрактном уровне. Так, СФ *из X-а в X Y (из дня в день Y, из года в год Y)* В. Ю. Апресян описывает на уровне абстрактно-логическом: «долго, на протяжении многих отрезков времени X, не меняясь, существует отрицательно оцениваемое положение вещей Y или повторяется

⁹³ Здесь и далее модели СФ приводятся в той форме, которую выбирает для них автор цитируемой работы.

отрицательно оцениваемая ситуация Y' [Апресян 2015: 100]. Некоторые СФ обладают уступительными значениями (*будь кто-л. даже...; оно, положим, ..., но...; мало ли, что...*). Другие используются для усиления эмоционального воздействия (например, конструкция с повтором негативно-оценочного существительного в именительном и творительном: *кто-л. сидит/стоит дураком, олух олухом*).

Однако у множества СФ значения практически сливаются с иллокуцией высказываний, построенных по этим схемам. Так, конструкция *только бы Adj. (Adv.)^{komp} / V^{inf} / V^{imp}* (*только бы поскорей / только бы успеть / только бы не уехал*) выражает страстное пожелание, почти заклинание и одновременно опасение, что напоминает иллокуцию. Хотя считается, что иллокуции – функции непосредственно осуществляемых в процессе коммуникации речевых актов, приходится признать, что в абстрактно-внеконтекстном облике потенциальные иллокуции могут характеризовать языковые структуры в роли значений еще до осуществления речевого акта и до наполнения схемы конкретной лексикой. Потенциальные иллокуции-значения могут быть сформулированы лишь в общем, абстрактном виде. Авторы многих работ, посвященных синтаксической идиоматике, описывают семантику изучаемых объектов именно на уровне потенциальных иллокуций. Например, анализируя СФ, начинающиеся с группы *надо же было...* (*Надо же было так случиться...; Надо же было вмешаться...*), Н. А. Пузов констатирует, что в этих конструкциях выражено «значение отрицательной оценки, сожаления, неодобрения, недовольства тем действием (событием), которое названо инфинитивом глагола» [Пузов 2013: 24].

Можно предположить, что у СФ имеются и более конкретные значения, чем их потенциальные иллокуции или чем абстрактно-логические значения типа ‚усиление‘ или ‚уступительность‘. Так, кажущиеся на первый взгляд синонимичными СФ, выражающие пожелания, страх, опасение, упрек и проч., могут различаться не только сочетаемостью, но и оттенками значения. Например, выражающие опасение синонимичные СФ *А что, если...* и *А ну как...* различаются стилистическими коннотациями, что свидетельствует о том, что их значения потенциальной иллокуцией не исчерпываются. СФ с общим логическим значением уступительности заметно различаются семантически, комбинаторно, стилистически. Фразы, построенные на разных уступительных по семантике СФ, даже имея сходные наполнители, не являются синонимами: *Смех смехом, но...; Мало ли, что они смеются...; Оно, положим, они смеются, но...; Пусть бы только смеялись, но...* В контексте значения СФ, логические или иллокутивные, конкретизируются и уточняются, приобретая полноту смысла и обогащаясь за счет иллокутивной силы живого высказывания.

Решение о том, что следовало бы рассматривать как значение СФ, релевантно для семантических типологий СФ, для обоснования подхода к их синонимии, многозначности, омонимии.

Проблематика описания значений СФ пока не обсуждалась в общетеоретическом ключе. Такое обсуждение назрело, и оно крайне важно, в частности, для составления словарей СФ.

2. Просодия СФ. Типы речевых актов различаются в первую очередь просодией. Одну и ту же цепочку слов можно произнести с разной интонацией, и их смысл окажется разным, а в итоге понимания смысла реакция адресата будет заметно варьировать. «Просодия может быть единственным маркером иллокутивной функции высказывания» [Кобозева, Захаров 2014: 29]. Вспомним статью Романа Якобсона «Лингвистика и поэтика», где он рассказывает об актере, который слова *сегодня вечером* произносит с пятьюдесятью интонационными конфигурациями, и большинство из произнесенных им фраз опознаются реципиентами адекватно. Якобсон убежден, что все эмотивные признаки речи подлежат лингвистическому анализу [Якобсон 1975: 200].

СФ лежат в основе множества речевых актов, представляя собой типы, подтипы или части речевых актов. Если принять тезис предыдущего раздела, большинство СФ изначально, уже на уровне языковой системы, вне контекста и вне заполнения, имеют значения, которые здесь предлагается обозначать как потенциальные иллокуции. Одни СФ выражают похвалу, другие осуждение, третьи служат для создания фраз, выражающих скепсис, упрек, недоверие и т.д.

В 1968 году Е. А. Брызгунова описала семь просодических контуров русского языка, тесно связанных с типами речевых актов, оформляемых этими контурами. Интонационные конструкции Брызгуновой (ИК1, ИК2 и т.д.) вошли в Академическую грамматику русского языка (раздел «Интонация») и стали широко использоваться в преподавании русского как иностранного. Примечательно, что ИК5 (*Какой сегодня день!*), ИК6 (*Какой сок вкусный!*) и ИК7 (*Какой он специалист! Только вид делает.*) в учебных пособиях иллюстрируются примерами, построенными на СФ.

Просодия СФ на русском материале неоднократно освещалась в литературе (Н. Д. Светозарова, Лим Су Ён, М. В. Архипецкая, А. П. Ушакова); наиболее подробно эта тема обсуждается в книге [Павлова, Светозарова 2017: 462–476]. Роль просодии особенно очевидна для изучения и описания СФ при необходимости семантически различать одинаковые цепочки слов типа *Какой он специалист; Послал Бог сыночка; Он научит тебя уму-разуму* и многих других. Произнесенные с одним просодическим контуром, эти фразы имеют одну иллокуцию, а произнесенные с иным просодическим оформлением – совсем другую. Члены некоторых пар построены на СФ (*Какой он специалист*); в других парах только один из противопоставляемых членов основан на СФ-модели, а другой являет собой неидиоматическое образование (*Послал Бог сыночка*). В случае, когда оба противопоставляемых по иллокуции члена дихотомии построены на СФ, такие СФ можно обозначить как интонационные омонимы.

Но и в случаях, когда, казалось бы, без учета просодии ясно, что речь идет о СФ, она играет важную роль в оформлении и репрезентации идиоматизированных конструкций. Так, в СФ *взял* и *V^I св пв / возьми (да)* и *V^{imp} св*⁹⁴ на глагол падает сильное фразовое ударение, сигнализирующее ядро ремы,⁹⁵ а первая часть обоих СФ безударна; основной тон на первой части СФ повышается, а на ударном элементе (глаголе) резко понижается: *А Колобок взял и **выскочил** из окна. / А Колобок возьми да и **укачѣсь** из дома.*

Удивляет, что во многих работах, посвященных СФ, просодия не упоминается – например, в словаре В. Ю. Меликяна и во многих исследованиях.

Просодический контур непосредственно связан с семантическим и функциональным описанием синтаксических фразеологизмов, с возможностями наполнения слотов, с иллюкутивной силой. Тема просодии неотделима от любых описаний СФ. В словаре СФ просодия должна быть обозначена обязательно, иначе информация о той или иной модели (особенно в случаях возможной омонимии) будет неполной.

3. Видо-временные глагольные формы в СФ. Этот раздел касается в первую очередь описания СФ в славянских языках. Имеется ряд работ (В. В. Гуревича, М. Я. Гловинской, Тэк-Гю Хонга, Х. Р. Мелига, М. Я. Дьмарского), посвященных связям грамматического вида с типами речевых актов, однако тема эта пока не может считаться глубоко исследованной.

СФ непосредственно участвуют в создании типов речевых актов, и есть основания полагать, что видо-временные глагольные формы для СФ-моделей безразличны.

При изучении русских СФ бросается в глаза, что многие (хотя не все) включают в состав моделей как неизменяемые элементы грамматический вид и (иногда) грамматическое время глагола. Например, в модели *Вот так Ним Vf (Вот так мастер отыскался)* глагол в финитной форме употребляется в форме СВ прошедшего времени. Следовательно, стоило бы записать формулу иначе: *Вот так Ним Vf св пв*, где *Vf св пв* финитный глагол совершенного вида прошедшего времени.

Фраза *Очень надо поговорить* (или *встретиться, поспать, позвонить*), не построенная на СФ, отличается от фраз, базирующихся на СФ с отрицательно-презрительной семантикой (*Очень надо разговаривать! Очень надо мне с ним встречаться!*) не только просодическим контуром, но и видом глагола в инфинитиве. Следовательно, СФ *очень надо Inf* дополним указанием на СВ: *Очень надо Inf св*.

⁹⁴ *V^I св пв* обозначает здесь финитный глагол совершенного вида прошедшего времени; *V^{imp} св* – глагол совершенного вида в императиве. О роли видо-временных форм глагола для схематических представлений моделей СФ см. следующий раздел.

⁹⁵ Ремой является заполненная конструкция целиком, а ядерная часть ремы характеризуется сильным акцентным выделением.

Выражение укоризны *Хорошо вам (или кому-л. другому) что-л. делать, а мне (или кому-л. другому) каково?* использует НСВ: *Хорошо тебе смеяться (улыбаться, книжки читать и проч.), а мне (ему, ей, Маше) каково?*

Фразы, основанные на СФ *Тут бы PronPers^d (и) Inf* (*Тут бы мне и догадаться; Тут бы ей уйти; Тут бы тебе вмешаться*), используют глаголы СВ, так что схему и здесь надо было бы дополнить соответствующим образом.

Предположения о видо-временных формах глаголов, участвующих в СФ, необходимо проверять по текстовым корпусам. Но есть все основания предполагать, что часть русских СФ небезразлична к глагольному виду и связанному с ним грамматическому времени и что категории вид и время должны входить в схему СФ как ее постоянные элементы.

CO ČECH, TO MUZIKANT?⁹⁶

Zdeňka Vychodilová
Olomouc, Česká republika

Frazémy a idiomy napovídají mnohé o kultuře a charakteru národa svých nositelů, obzvlášť ty, které se nějakým způsobem dotýkají individuálních a specifických složek dané kultury a společnosti. Předmětem našeho zájmu bude známé rčení *Co Čech, to muzikant*, a to především jako východisko početných aktualizací. V příspěvku se pokusíme přistoupit k rozboru tohoto rčení a jeho novodobých modifikací z polyparadigmatických pozic a vedle jeho gramatické charakteristiky poukázat i na jeho kulturologické, sociolingvistické a pragmalingvistické aspekty. Na jazykovém materiálu Českého národního korpusu (syn v8) a internetového vyhledávače Google z posledních dvou desetiletí se pokusíme o klasifikaci aktualizovaných podob tohoto rčení na základě charakteru jeho komponentů a o identifikaci motivačních impulsů, které k vybraným aktualizacím vedly. A v neposlední řadě se také pokusíme poukázat, jak se v těchto frazeologických inovacích zrcadlí stereotypní vnímání příslušníků různých národů.

Za aktualizaci (v našem pojetí je tento termín synonymní s termíny inovace, modifikace, transformace či mutace) považujeme shodně s Jozefem Mlackem „takovou formu frazému, v němž se aktuálně, subjektivně, individuálně, autorsky či jednoduše řečeno neuzuálně zasahuje do složené frazeologické jednotky, do její stavby tak, že se tímto zásahem mění, modifikuje nebo specifikuje význam frazému, nebo alespoň ustálený způsob jeho ztvárnění“ [Mlacek 2001: 135].

Absence určitého slovesného tvaru by na první pohled mohla vést k mylnému zařazení tohoto rčení do kategorie nevětných jmenných útvarů. Ve skutečnosti však jde o jednoduchou větnou konstrukci synkretického charakteru se strukturou $\text{Pron } V^0 - S^{\text{nom}} - \text{Pron } -V^0 - S^{\text{nom}}$. Ta může být chápána jako:

1. Polypropoziční souvětlná konstrukce, v níž první komponent, *Co Čech*, lze kvalifikovat jako větu vedlejší podmětovou, druhý, *to muzikant*, jako větu hlavní. Z větně členského hlediska je výraz *Čech* součástí sponově jmenného predikátu s nulovou

⁹⁶ Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky účelové podpoře na specifický vysokoškolský výzkum udělené Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR Univerzitě Palackého v Olomouci (IGA_FF_2020_013).

sponou (v interpretaci „Kdo (je) Čech, to/ten (je) muzikant“), „co = kdo, kdokoliv“), *to* je podmětem větou hlavní a *muzikant* jmennou částí predikátu verbonominálního, resp. sponově-substantivního s nulovou sponou.

2. Věta jednoduchá s vyčteným podmětem, pokud komponent *co* interpretujeme jako „každý, všechen“. V tom případě chápeme komponent *Čech* jako vyčtený podmět a komponent *to* jako tzv. druhý podmět: „(každý) Čech – to (je) muzikant“.

Ve vztahu ke kategorii temporálnosti hodnotíme toto úsloví ve všech jeho mutacích jako atemporální.

Specifikací charakteru zkoumaného frazému v rámci souboru frazeologických jednotek a vzájemným odlišením jednotlivých typů frazémů se pro nejednoznačnost náhledů na tuto problematiku nezabýváme. V pojetí samotné frazeologie se ve shodě s Marií Čechovou kloníme k jejímu širšímu chápání a za frazémy považujeme jak výrazy s funkcí nominace, tak složená spojení s funkcí komunikativní (srov. Čechová 1986). Frazém *Co Čech, to muzikant* a jeho aktualizace budeme nazývat frazémem, rčením, popř. úslovím.

Původní rčení. Vznik původního rčení *Co Čech, to muzikant* se klade do doby pobělohorské, doby „temna“, kdy v atmosféře všeobecného kulturního útlaku venkovští učitelé alespoň obraceli pozornost žáků k hudbě. Z tohoto ovzduší vzešlo neobyčejné množství venkovských muzikantů, z nichž někteří se rozprchli po světě, někteří zakládali kapely ceněné a využívané šlechtou a církví. Hudba byla důležitou součástí školní výchovy i v tereziánských dobách a za vlády Josefa II. České země se tak v poměrně krátkém čase staly téměř nevyčerpatelným zdrojem kvalitních hudebníků působících na šlechtických dvorech celé Evropy.

Motivující rčení *Co Čech, to muzikant* je v porovnání se svými transformy zastoupeno nejhojněji. V materiálu korpusu syn v8 je reprezentováno osmdesáti výskyty z celkového počtu sta třiceti konstrukcí *Co Čech to + transformovaný lexém*. Funguje jak v kontextech potvrzujících platnost tohoto výroku, tak v kontextech, které tento výrok negují, srov. např.:

Pozitivní konstatování:

...skupina pěti studentů z Havlíčkova Brodu, kteří se na tři týdny vydali až do hodně vzdáleného Irsku. Ne nadarmo se říká, **co Čech to muzikant**. Proto si vzali s sebou hudební nástroje a vydělávali si takzvané na ulici (Deníky Moravia, 1.9.2005).

Negativní konstatování: Proslulé heslo **Co Čech to muzikant** ve školách už dávno neplatí. Bohužel Turnovští rodáci svým zjištěním ve školách překvapili pracovníky Senátu i ministerstva... (Deníky Bohemia, 8.3.2016).

Nejčastěji však bývá toto úsloví uvozeno otázkou směřující buď k potvrzení jeho platnosti a oprávněnosti, nebo ke konstatování opaku, srov. např.:

Říká se: „**Co Čech to muzikant**.“ Platí to? Mají čeští muzikanti dobrý zvuk ve světě? Určitě. Pořád, i když se to postupně mění (Regionální týdeník, 17.03.2010);

Jak vnímáte Čechy jako muzikanty? Pořekadlo „Co Čech to muzikant“ už dávno neplatí (Mladá fronta DNES, 06.01.2017);

Platí ještě: Co Čech to muzikant? Nevím, jak je tomu teď, ale myslím, že chybí vzdělaná střední generace (Mladá fronta DNES, 11.09.2000).

Sporadicky je do základové struktury dodán další, nekonstitutivní člen, např.

Na JAMU jste založila cembalovou třídu. Platí o vašich studentech rčení Co Čech to dobrý muzikant? (Mladá fronta DNES, 16.12.2005).

V dalším příkladu je toto úsloví okazionálně využito ke slovní hříčce založené na shodě s přijmením slavného fotbalového brankáře:

Co Čech, to muzikant! Legenda Chelsea to opět rozjela za bicími. Bývalý fotbalový brankář Petr Čech nadále pokračuje ve své hudební kariéře. Nyní se objevil v novém videoklipu po boku britské kapely Wills & The Willing, kde skupinu doprovází na bicí, a jde mu to náramně (TV Nova sport, 04.06.2020).

Transformy. Pojednáváný typ frázemu nepřipouští transformace v rovině gramatické, aktualizace se odehrávají pouze v rovině lexikální, syntaktická konstrukce zůstává ve svém základu nezměněna.

A. Záměna personického predikátového komponentu muzikant. Verifikační materiál dokládá, že rčení *Co Čech, to muzikant* má zejména co do záměny predikátového substantiva *muzikant* takřka nevyčerpatelný derivační potenciál. Některá aktualizovaná rčení zůstávají v oblasti hudby, komponent *muzikant* je pouze zkonkretizován: *Co Čech, to zpěvák/kytarista/hudebník/skladatel/textař* atp. Často se vyskytují např. v kontextu referování o amatérských hudebních soutěžích, rozhovorech s hudebníky, jako názvy kulturních akcí atd., vesměs s pozitivními konotacemi.

Zajímavější jsou ale transformy, které pružně reagují na události a nálady ve společnosti nebo postihují typické vlastnosti národa. Jejich autoři si berou na paškál typicky české fenomény, jako je chataření, houbaření, pejskaření, fotbalové fanouškovství atd., často v humorně laděném kontextu, někdy s notnou dávkou ironie až despektu. Srov. několik náhodně vybraných příkladů:

Vtom si vzal slovo Maxipes Fík a pravil, že on teda ve světě byl taky, navíc co Čech to pejskař, a hlasitým plácnutím položil na stůl zlatou medaili mistra světa ve skoku pro něco (Sport, 14.03.2015);

...naše chata tam stojí šedesát let, tak už leccos zažila. I na ostatní staré chaty se vrací nová generace a rybník zase ožívá, prostě co Čech to chatař, který svou chatu neopustí (Deník Bohemia, 04.08.2012);

K věci Co Čech to včera fotbalový odborník. Všichni jsme věděli, co se mělo udělat jinak, kdo měl kdy a kým být vystřídán. Krásné na tom je, že jsme všichni měli tak trochu pravdu (Hodaň, B.: Sokolství a současnost. Olomouc 2003);

Co Čech, to pivař. Tedy téměř. Každopádně tomu nasvědčuje naše prvenství na žebříčku spotřeby tohoto moku (Gastro & Hotel, 05.01.2017);

Jak prodávat Čechům sport. Co Čech to lyžař, cyklista, turista... (Strategie 2/2012);

Čtenář si chce vybrat, ne čekat dvě hodiny u pultu. Šéfka městské knihovny ve Stříbře Božena Solová pro Deník Stříbro: – Co Čech to knihomol? Ne že by to platilo úplně na každého, ale v Česku se čte hodně, má hustou síť knihoven a slušná čísla výpůjček na jednoho obyvatele... (Deníky Bohemia, 08.11.2010);

V houbařské sezóně se v tisku periodicky objevuje slogan *Co Čech, to houbař*, např.: *Co Čech to houbař? V právě probíhajícím období by se pod to podepsal vlastní krví každý, kdo projížděl lesními hvozdy po celé republice. Výjimkou nebylo ani Prostějovsko* (Regionální týdeník, 04.10.2017).

V dlouhodobější perspektivě vykazuje internet jako velmi frekventované odkazy na názvy televizních nebo rozhlasových pořadů typu *Co Čech, to chovatel* (název seriálu na ČT 2 o zájmových chovech zvířat), *Co Čech, to Němcová* (název rozhlasového pořadu Haliny Pawlowské, v němž zaznívají také literární pokusy posluchačů) atd.

Reakcí na přemíru televizních pořadů o vaření je transform *Co Čech, to kuchař* srov.:

Jaký máte názor na reality show z kuchařského prostředí, kterých neustále přibývá? Pomalu to vypadá, že co Čech to kuchař. Proč ne? Ale teď vážně. Na naši malou zemi by bohatě stačily následující: Ano, šéfe, S Italem v kuchyni a Kuchařská pohotovost. Každá z nich je jiná a má co nabídnout. Další jsou podle mého názoru okopírované koncepty... (Hotel & Spa Management, č. 8/2011).

Značnou popularitu si v české veřejnosti dlouhodobě udržuje televizní taneční soutěž *Star Dance*:

Třeba Tomáš Dvořák nebo Jolana Voldánová, kterou všichni znají jen od pasu nahoru, jak s kamenným výrazem čte zprávy. LN Myslíte, že tedy soutěž ukazuje, že co Čech to tanečník? To nevím, Češi se obecně příliš bavit neumí. Ale jestliže Star Dance sledují dva miliony diváků... (Lidové noviny, 23.12.2006).

Co Čech, to tanečník figuruje i jako slogan českých tanečních studií, škol a tanečních lekcí se zcela evidentním perloučným záměrem získat pro nabízené akce účastníky:

Co Čech, to tanečník. Neseďte doma a pojdte do tanečních. Rozšířte řady těch, pro které se již tanec stal samozřejmou součástí životního stylu. Nestaňte se tím, kdo na firemním večírku, maturitním plesu či vlastní svatbě budete jen přihlížet, jak se ostatní baví tancem (Škola tance ASTRA Praha).

Zcela okazionalní ráz má transform *Co Čech, to řidič olomoucké MHD Roman Smetana*, v němž je apelativum konkretizováno propriem:

Zdá se mi dokonce, že v některých našich obytných satelitech platí heslo Co Čech, to Jánošík. Nebo alespoň Co Čech to řidič olomoucké MHD Roman

*Smetana.*⁹⁷ *Co vadí především? Směsný slohový guláš a nekontextuálnost [...] domy se velmi často nazdobí jak pouťové srdce takřka vším, aby se poněkud zakamuflovala skutečnost, že jsou mizerně postaveny...* (Dům a zahrada, č. 5/2013).

Okazionalního charakteru je například i výrok *Co Čech, to mazač cizích otázek* (anonymní příspěvek v diskusi pod článkem).

Nejnovější aktualizace rčení *Co Čech, to muzikant* je reakcí na solidární vlnu šití ochranných roušek v první vlně covidové epidemie z jara letošního roku:

Téměř všichni tady nosí roušky, je to taková přehlídka rukodělné práce, co Čech, to „švadlenka“. (soukromý blog, 19.03.2020);

Jj, co Čech to švadlenka:-) (soukromý blog, 26.07.2020).

Z genderového hlediska zůstávají téměř všechny aktualizované útvary neměnné, maskuliní. „Genderovou transformací“ jsme zaznamenali pouze v názvu turné dívčí kapely Čokovoko uskutečněném v roce 2011:

Co Češka, to muzikant Tour v konkurenci s názvem *Co Češka, to muzikantka tour*, srov.: ... *vtipné ženské rapové brněnské duo Čokovoko. V dubnu vydává album Hudba a vyjíždí na turné s názvem Co Češka, to muzikant.* (Týden, 14.03.2011);

S novým studiovým počinem vyráží kapela na koncertní šňůru nazvanou Co Češka, to muzikantka tour, během níž objede sedmnáct měst v České republice i na Slovensku. (Divadelní noviny 18/2020).

B. Záměna obou substantivních komponentů. Tyto aktualizace mají obsahově zcela jiný charakter. Klíčová je záměna etnonyma *Čech* označením příslušníka jiného národa a do hry se tak dostává protiklad „svůj – cizí“. Přestože i v charakteristikách Čecha je hojně zastoupeno negativní hodnocení, despekt a ironie, v porovnání s transformy charakterizujícími příslušníky jiných národů vyznívá aktualizace jednoznačně ve prospěch „svého“. Tyto aktualizace jsou často zabarveny politicky, v bulvárním tisku nacionalisticky až šovinisticky. Autoři nejvulgárnějších příspěvků uveřejňovaných v diskusích nejrůznějšího rázu se zpravidla skrývají za anonymizujícími přezdívkami. Aktualizace tohoto typu jasně svědčí o stereotypním vnímání příslušníků jiných národů, což ovšem nelze chápat jako objektivní názor společnosti jako celku.

⁹⁷ Jmenovaný řidič na sebe v roce 2010 upozornil tím, že na autobusech MHD pomalovával předvolební plakáty politických stran nejrůznějšími nápisy a vyobrazeným politikům přikresloval tykadla. Byl za to odsouzen k náhradě škody a obecně prospěšným pracím, ty však nenastoupil. To mělo za následek odsouzení k odnětí svobody. Trest po několika měsících průtazích Roman Smetana nastoupil; po přehodnocení ze strany státního zastupitelství mu byl trest zrušen a z vězení byl po měsíci propuštěn.

Pro ilustraci zvolíme charakteristiky našich blízkých sousedů. Uvádíme jen několik víceméně náhodně vybraných signifikantních ukázek, příspěvky vulgárního charakteru stejně jako u předchozích transformací neuvádíme.

Rus:

Vedle zcela neutrálních

Co Rus, to jiný recept (Chrudimské noviny, 26.01.2012);

Co Rus to dvojník nějakého amerického herce nebo superhrdiny (Pinterest);

Co Rus, to vlastenec. Čtyři z pěti milují svou vlast (Týden, 23.06.2016)

se bohužel nejčastěji setkáváme s inovacemi s negativní konotací, srov. např.:

Co Rus, to podnikatel: O ruských zájmech v Česku nepochybuje, i když tamním podnikatelům není vždycky vidět pod ruce, říká expert (Investiční web 29.04.2015);

Co Čech – to muzikant, co Rus – to okupant! To bylo jedno z hesel, které kluci psali štětkami latexem na cesty, po kterých jezdily kolony sovětských tanků (soukromý blog, 21.08.2018);

Co Rus to agent (Expres, 08.06.2020) a jiné.

Polák:

Vzorec co Polák, to katolík, už neplatí. Účast katolických věřících na nedělních bohoslužbách v 38,5milionovém Polsku klesla za uplynulých deset let z dvanácti na deset miliónů. Oznámil to Statistický úřad katolické církve (ISKK) (Novinky.cz, 02.08.2014) (Srov. podobně stereotypní Co Čech, to ateista);

My naopak máme zažité klišé z 90. let, že co Polák, to kšeftář. Navíc jsou mediálně dost známé kauzy nekvalitního masa či posypové soli v potravinách. Já jsem se v době mé rozhlasové kariéry snažil vysílat pozitivní věci, protože jsem sám Polsko vnímal velmi dobře (ZLIN.cz, 07.11.2020);

Dlouhá léta byli polští fanoušci v českých médiích, ale i mezi našimi funkcionáři označováni za původce všech fotbalových výtržností. Že rovnice „co Polák to výtržník“, je pouze mýtem, si již dnes snad všichni uvědomují a fanoušci GKS jsou na Bazalech snad již bráni vždy jako přátelé (Deníky Moravia, 14.01.2006);

Aby těsto na pirohy bylo pěkně kypré a náplň tak akorát, polévka hutná, ale svěží. Co Polák, to jiná chuť, co kraj, to trochu jiný boršč a pirožek (Hospodářské noviny 19.06.2006).

Němec:

Co Němec, to nudista. Rčení platilo desítky let, nyní zájem klesá (Magazín iDnes, 19.07.2014);

*Co je určitě zajímavé a čeho si všimněte, je jejich smyslu pro patriotismus: **co Němec, to německá značka auta**. A pokud narazíte náhodou na výjimku, pak jen potvrzuje pravidlo* (cestujlevne.com);

*Anebo nechceme podávat dějiny stejně černobíle, jako se to dělo v socialistických učebnicích (co **Němec to fašista**)? A není tedy naše podání „všichni byli hodní, ale museli hajlovat“ ještě černobílejší?* (Deníky Bohemia, 22.04.2013);

*Jsmo ovšem pevně přesvědčeni, že je třeba odmítnout princip kolektivní viny ve smyslu **co Němec to nepřítel, co Němec to nacista** a jsme přesvědčeni, že jedno bezprávi nemůže být nahrazeno nebo odplaceno jiným bezprávím,“ řekl na slavnostním aktu primátor města Ostravy Tomáš Macura* (Novinky.cz, 16.06.2018).

Uvedené a mnohé další stereotypy s negativní hodnotící sémantikou staví na událostech nedávné historie i na selektivních zkušenostech současnosti. Negativní konotace jsou dnes v převážné části soudobé české společnosti překonány, jak ostatně dokládají mnohé kontexty, do kterých jsou tyto výroky zasazeny, a neodpovídají skutečnému charakteru současných vztahů k uvedeným národům. Jak uvádí Harry Walter, k tomu, abychom se osvobodili od těchto nacionalisticky zabarvených stereotypů zakořeněných v jazyce, je třeba, abychom si v mezikulturních souvislostech uvědomili podstatu frazeologického univerzalizmu a správně pochopili univerzálnost a relativitu představ v takovéto frazeologii a paremiologii obsažených [srov. Вальтер 2020].

Všechny doposud zmíněné aktualizace stavěly na záměně jednoho ze substantivních komponentů tohoto úsloví, popř. obou. Jádro významového schématu při těchto transformacích zůstává nezměněno, zachovává se jakýsi sémantický invariant

Rčení *Co Čech, to muzikant* pravděpodobně mohlo být motivátorem pro vznik podobné frazeologické struktury – rčení *Já nic, já muzikant*. Inovace, při níž došlo nejen ke změně formální struktury, nýbrž především k podstatné změně sémantiky, spočívá v záměně obou gramatických podmětů shifterovým komponentem *já*. Hledisko mluvčího je obsaženo přímo v shifteru. Indexový, resp. shifterový charakter subjektivních komponentů je zřejmě také příčinou skutečnosti, že toto rčení aktualizací podléhá mnohem méně: v našich materiálech jsme našli pouze pět výskytů: *Já nic, já Mohamed*. (Název knihy Mileny Holcové o proroku Mohamedovi a vzniku islámu vydané v r. 2018); *Já nic, já vláda*. (název příspěvku na satirickém blogu kreslíře Marka Douši z r. 2012); *Já nic, já majitel*. (název jednoho z dílů pořadu Ano, šéfe! Na TV Prima z r. 2015), *Já nic, já amatér*. (název příspěvku na webu hráčů pokeru referujícího o případu, kdy jeden z hráčů odmítá zdanění výhry) a konečně *Já nic, já se starala jen o pití*. (nadpis článku v Blesku, komentujícího výsledch Jany Nagyové v červnu 2013).

Strukturální jednoduchost tohoto úsloví přispívá k jeho téměř bezmeznému derivačnímu potenciálu. Rčení funguje i v případech, dosadíme-li za první personický komponent substantivum nepersonické a neživotné, srov. např.:

Co dům, to originál / (jinej) příběh / atrakce / individuální vychytávky / jiný recept / věž / / pivovar / palác / vysvědčení / historie / originální výzdoba / kus / jiná diagnóza; Co dům to nádoba většinou o objemu 1201 / jiný majitel, jiná atmosféra / zajímavý a přemýšlivý člověk / nějaká prodejna a dílny firmy živnostníků / taverna/malá pevnůstka / recept na terinu / „souvenirs“, „original bohemian glass“, „garnets“, „puppets“

a tak bychom mohli dlouho pokračovat.

Prostudovaný dokladový materiál nás přesvědčil o tom, že základové rčení *Co Čech, to muzikant* je i několik staletí po svém vzniku stále živé a díky své strukturální jednoduchosti si zachovává enormní derivační potenciál.

Kombinatorika substantivních lexémů v jeho aktualizacích podléhá pouze malému množství omezení, nulová spona však ve všech transformech musí zůstat zachována. Tyto modifikace odrážejí typické, často stereotypně pojaté vlastnosti příslušníků národa, reagují na aktuální události a nálady ve společnosti. Mnoho aktualizovaných frazémů je užíváno ilokučně.

Postavení autostereotypů a heterostereotypů na ose kladné – záporné hodnocení, tedy opozice „naše – cizí“, vyznívá ve smyslu kritičtějšího hodnocení „cizího“ v porovnání s „naším“, což však nemůže být považováno za objektivní ukazatel vztahu českého národa k dotčeným národům. Podle očekávání se základové rčení i jeho transformy nejhojněji vyskytují v publicistice, a to jak v seriózním tisku, tak v bulváru. Rozdíl se projevuje v charakteru aktualizací – v bulváru je daleko patrnější snaha o negativní konotace.

Na úplný závěr bych ráda oběma našim jubilantům upřímně poděkovala za to, že mi otevřeli cestu a dali nahlédnout do tajemných zákoutí frazeologie a jako frazeologického učedníka mě přijali do družné, přátelské a erudované mezinárodní rodiny frazeologů.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ: ОТ СОСТАВНЫХ ТЕРМИНОВ, ЛОЗУНГОВ И ПРИЗЫВОВ К ФРАЗЕОЛОГИИ

Харри Вальтер
Грайфсвальд, Германия

Фразеологическая неологика европейских языков – одна из неизменно актуальных тем исследований и словарного описания. Источники фразеологической неологики разнообразны: от иноязычного воздействия под давлением интернационализации и глобализации до ревитализации давно уже устаревших и забытых устойчивых словосочетаний.

Этот широкий диапазон источников чётко очерчен составителями новейшего русско–чешского словаря неологизмов Л. Степановой и М. Добровой, предложивших и последовательно использующих принимаемое Петербургскими лексикографами толкование термина *неологизм*: «*Неологизмы* – это незафиксированные в словарях новые слова и фразеологизмы, а также слова и словосочетания с новыми значениями, которые появились в языке в результате заимствования, калькирования, словосложения и т.п., переноса значения (метафора и метонимия), расширения или сужения значения» [Stěpanova, Dobrova 2018: 3]. Цель нашей работы – показать, что такой «ассортимент» источников фразеологических неологизмов актуален и для немецкого языка. Причём при общности тенденций обогащения ими фразеологической системы обнаруживается и их собственно языковая и культурологическая специфика, создающая трудности при переводе на славянские языки.

Общей характеристикой лексических и фразеологических неологизмов является фактор их хронологической новизны: новые лексемы и новые устойчивые сочетания не являются в единстве их формы и содержания частью словарного состава языка до более или менее точно определённого момента времени [Мокиенко 2003: X–XI]. В то же время, лексические и фразеологические неологизмы обнаруживают ряд отличий, обусловленных функциональ-

ной и структурно-семантической спецификой последних. Так, неолексемы характеризуются преимущественно формальной новизной на фонетическом, словообразовательном и морфологическом уровнях. В семантическом плане среди новых слов преобладают лексические единицы, номинирующие новые или ранее не обозначенные в языке предметы и явления (например, *Kopftuchverbot* – букв.: запрещение носить мусульманский платок; *Steinzeitdiät* – букв.: диета каменного века). Новые ФЕ, напротив, не обладают формально выраженными признаками новизны, поскольку их форма складывается из уже функционирующих в языке единиц. Семантически неофразеологизмы тяготеют к обозначению уже номинированных сфер, «потребовавших в речи новой экспрессии» [Вальтер 2011: 18].

Покажем новые немецкие идиомы в новом словаре «Homo loquens: Языковая личность в зеркале немецкой идиоматики XXI века» [Вальтер, Никитина, Гудкова 2019]. В нем зафиксировано, напр., выражение *etwas ist für jmdn. ein inneres Blumenpflücken* (букв.: что-л. является для кого-л. внутренним собиранием цветов) – о чем-л. очень приятном, доставляющем большое наслаждение. Употребляется со второго десятилетия XXI в. И восходит к ФЕ *Es war mir ein innerer Reichsparteitag* (букв. «Это был для меня внутренний Имперский партийный съезд»), вошедшей в оборот во времена национал-социализма, примерно с 1933 г. В разговорном языке послевоенного периода образное выражение сохранило за собой положительную коннотацию, но стало также использоваться в контекстах с иронической оценкой или (часто в молодёжном жаргоне) с отрицательной коннотацией (как пародия на данные мероприятия).

Также и в современный период ФЕ *Es war mir ein innerer Reichsparteitag* часто использовалась в публикациях немецкой прессы для описания состояния глубокого удовлетворения. Вплоть до 2002 г. ФЕ фиксировалась в словаре устойчивых выражений и пословиц Duden, однако с пометой «veraltet» (устаревшее). В настоящее время, в связи с изменением исторических реалий, ключевой компонент фразеологизма – *Reichsparteitag* – заменяется простым, понятным всем образным основанием – *Blumenpflücken*, осмысляемым в контексте как состояние радости, лёгкости, красоты и счастья, которое испытывает каждый, кто собирает цветы. В разговорной речи модель описываемой идиомы активно используется с заменой основного компонента оригинальным, называющим конкретное действие, которое доставляет говорящему большое удовольствие, например: *Es war mir ein inneres Kuchenessen; Es war mir ein inneres Volksfest; Es war mir ein inneres Pokalfinale*.

Другой неологизм: *Fridays for Future; FFF*, «Пятницы ради будущего» – лозунг защитников климата. В Германии популярен ежегодный конкурс на определение слова года с самой положительной и самой отрицательной оценкой. С 2010 г. жюри выбирает также англицизм года [Ostseezeitung, 29.01.2020]. Начиная с этого периода, каждый год отмечается «положительное влияние английского языка на развитие немецкого словарного запаса». В прошлом году

к подобным понятиям и выражениям добавились гендерная звездочка (т.е. значок *) и такие термины, как *Influencer*in* (2017; лидер мнений; инфлюенсер; лицо, влияющее на принятие решения) и др. В 2019 г. на десятом месте среди самых активно используемых англицизмов оказался оборот *Fridays for Future*. Ссылаясь на иницилируемое Г. Тунберг движение по защите окружающей среды, председатель жюри А. Стефанович заявил: «То, что носительница шведского языка ввела в обиход английский лозунг, который между тем начал использоваться во всем мире и стал моделью для создания названий движений по защите климата, а в итоге используется в немецком языке уже для обозначения любых действий по защите климата, показывает, что английский язык больше не принадлежит, как традиционно принято считать, только англоязычным странам, он принадлежит нам всем». ⁹⁸ Наряду со стремительным распространением данного выражения жюри впечатлило также его огромное значение для движения по защите климата в борьбе с глобальным потеплением. Это так называемый «фразеологический шаблон» (*Phraseoschablone*) – ФЕ, элементы которой можно варьировать через ввод в структуру других слов.

Fridays for Future (нем. „Freitage für die Zukunft“; сокр. FFF, также *FridaysForFuture* или *Schulstreik für das Klima*, или *Klimastreik*, в оригинале шведск. „SKOLSTREJK FÖR KLIMATET“) – сегодня это уже глобальное общественное движение школьников и студентов за защиту климата. Термин *Klimajugend* («молодежь, выступающая за защиту климата»), связанный с данным движением, был выбран в 2019 г. одним из трех немецко-швейцарских слов года.

Движение *Fridays for Future* было поддержано большим количеством инициативных групп ученых и представителей гражданского общества, как, например, *Scientists for Future* («Ученые ради/за будущее») и *Parents for Future* («Родители ради/за будущее»). К настоящему моменту были созданы и такие инициативные движения как *Artists* (художники), *Churches* (церкви), *Entrepreneurs* (предприниматели), *Farmers* (фермеры), *Psychologists/Psychotherapists* (психологи/психотерапевты), *Writers* (писатели) *for Future*. Сторонники двигателя внутреннего сгорания использовали термин с ироническим подтекстом „*Fridays for Hubraum*“ («пятницы для объема двигателя»).

Из области защиты природы вошел и другой фразеологизм: *Ökologischer Fußabdruck*: мера воздействия человека на среду обитания (букв.: экологический отпечаток стопы, экологический след стопы); *экологический след*. Он был введён в 1992 г. М. Вакернагелем и У. Ризом. В 1995 г. они издали книгу «Наш экологический след: Снижение антропогенного воздействия на Землю» (*Unser ökologischer Fußabdruck. Wie der Mensch Einfluß auf die Umwelt nimmt*) [Wackernagel, Rees 1997: 194].

⁹⁸ <https://www.zeit.de/kultur/2020-01/anglizismus-des-jahres-2020-for-future-sprache>. 19.02.2020.

Экологический след – это метод, по которому можно приблизительно определить размер территории в гектарах, которая требуется для производства потребляемых нами ресурсов (например, тепловой энергии, моторного топлива или продуктов питания), а также для переработки, захоронения или включения в природные циклы образующихся при этом отходов. Если используется больше ресурсов, чем Земля способна вынести, то человечество, таким образом, подрывает принципы устойчивого развития.

По оценкам экологов, для воспроизводства всех ресурсов, которые потребляет человечество ежегодно, нужно примерно полторы планеты Земля.

С целью привлечения интереса к проблеме увеличения экологического следа защитниками природы организуются разные акции. В день, когда люди использовали весь объём возобновляемых ресурсов, который планета способна воспроизвести за год, активисты устраивают акцию «День экологического долга».

Термин *экологический след* интернационален, ведь сама проблема интернациональна, ср. пол. *ślad ekologiczny*; укр. *екологічний слід*; чеш. *ekologická stopa*; болг., *екологичният отпечатък*; англ. *ecological footprint*; франц. *l'empreinte écologique ou empreinte environnementale*; нидерл. *ecologische voetafdruk*; ит. *l'impronta ecologica*; исп. *la huella ecológica*; словак. *ekologická stopa*; словен. *okoljski odtis*; швед. *ekologiska fotavtrycket*; фин. *ekologinen jalanjälki*; венг. *ökológiai lábnyom*; лит. *ekologinis pėdsakas*; лат. *ekoloģiskais pēdas nospiedums* и др.

И последний пример. *Wenn du schön aufisst, scheint morgen [wieder] die Sonne* (разг.) (досл.: Если ты доешь до конца, завтра (снова) будет светить солнце): призыв к ребенку доесть еду на тарелке до конца.

Всем известна ситуация: ребенок сидит за столом, а мама просит его доесть до конца: «Доешь до конца, тогда завтра будет хорошая погода» или «... тогда завтра будет светить солнце». Зачастую это утверждение связано с тем, что на дне детских тарелок изображены рисунки, часто солнышко. и когда в тарелке пусто, можно увидеть этот рисунок, т.е. солнце. До определенного возраста всех маленьких детей можно «подкупить» этим, и многие родители пользуются такой маленькой уловкой, чтобы заставить своих чад съесть всю еду в тарелке до конца. Однако дети, конечно же, вскоре понимают, что солнце светит или не светит на следующий день, независимо от того, поели они или нет. Так почему же пустая тарелка должна вызывать хорошую погоду? Да ещё и на следующий день?

Выражение было зафиксировано в словаре немецких пословиц К. Ф. В. Вандера в форме *'S gibt gut Wetter, 's ist alles aufgeessen* [Wander 1964, 5: 1812]. Фраза означает, что будет прибавка, если на тарелке ничего не осталось. Однако, происхождение фразы – что очень вероятно, основано на языковом недоразумении. В нижненемецком диалекте такое требование означает, что повар на следующий день должен будет готовить новую еду, т.к. старую всю съели, и на стол сегодня не будут подавать вчерашнюю разогретую еду, а именно:

„Wenn du dien Teller leer ittst, dann giffst dat morgen goodes wedder.“ В стандартном немецком это означает: «Если ты съешь все целиком, то завтра будет что-то вкусное». „Goodes wedder“ в литературном варианте немецкого языка было интерпретировано как «хорошая погода», а не как «что-то опять хорошее». Эта фраза вошла в обиход достаточно быстро и используется в настоящее время на всей немецкоязычной территории, поэтому удивительно, что современные словари полностью игнорируют это популярное выражение. Конечно, в немецком языке есть выражение *einen Löffel für Mutti, für Papa, für Oma...* (досл. ложку за маму, за папу, за бабушку ...) или же различные виды угроз, как, например, *Wenn du nicht aufisst, bekommst du nichts zu Weihnachten (gibt es keinen Nachtisch...)* (досл. Если ты не доешь, ты ничего не получишь на Рождество) (никакого десерта ...). Этот способ мотивации детей съесть еду – универсален.

Особенная «диалектическая трактовка» предполагает, что невозможно найти фразы с такой же образной основой в других языках, ср., например,

рус.

*Ложечку за папу, за маму, за бабушку...;
Если не доешь, то не вырастешь;*

укр.

*А підеш зі мною до лікаря (в магазин, до бабусі тощо) – дам цукерку, морозиво і т.д.; З`їж шматочок, бо буде бігати за тобою!;
Хороші діти – завжди лишають чисті тарілки; Допоки не доїси кашу – з-за столу не встанеш*

пол.

*za matę, za tatę, za babcią, za dziadka, za siostrę, za brata...;
Musisz jeść, bo nie urośniesz!*

чеш.

*[jednou lžičku] za tatínka, za maminku, za babičku;
Když to všechno sníš, budeš velký a silný! ... budeš taaaaaakhle velký!*

Как видно из анализа языкового материала, фразеологические неологизмы немецкого языка отличаются семантическим и структурным разнообразием. Они требуют последовательной фиксации и как можно более полного лексикографического описания. Как видим, изучение структурно-семантических особенностей новых фразеологизмов позволяет не только выявить тенденции развития фразеологического фонда немецкого языка на рубеже XX – XXI вв., но и предсказать их появление в скором будущем, и не только в Оломоуце и Ополе, но и во многих фразеологических центрах Европы.

**Происхождение
современных
фразеологических
неологизмов**

ОТ ЗВЕЗДЫ ПЕРВОЙ ВЕЛИЧИНЫ К ПЕРВОЙ ЛЕДИ: СМЕНА РЕПЕРТУАРА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ

Алла Владимировна Рачковская
Минск, Беларусь

Искать особое значение в числах и их цифровых обозначениях всегда было свойственно человеку. А в нашу цифровую эпоху мистическое отношение к числу приобрело квазирелигиозный характер. По словам А. Балдина, «поклонение Цифре остается одним из характернейших поветрий нашего времени» [Балдин 2002].

Мода на числа. М. А. Кронгауз ещё в 2008 г. отметил существование «моды на числа, или по крайней мере моды на числа в названиях» [Кронгауз 2008: 450]. В качестве доказательств им был приведен неполный, но внушительный список названий романов, рассказов, сценариев, фильмов, содержащих числа. С момента написания статьи прошло более 10 лет, а числа по-прежнему в тренде. Число активно используется в нейминге фильмов, книг, заведений общепита и др. объектов. Интернет отреагировал на «числовую/цифровую» моду созданием мемов, состоящих из чисел или комбинаций чисел со словами: «42», «80 level», «100500 или стоицот», «Бойся 228!» и др. В интернет-коммуникации и смс-переписке активно используются креолизованные сообщения (цифросленг, транслит): *во1х* 'во-первых', *сАастье* 'счастье', *7я* 'семья', *Зетлуа* 'земля', *Ато* 'что', *будеб* 'будешь' и др.

«Модная» фразеология с числительными и источники её пополнения. Фразеология относится к одной из наиболее динамично развивающихся сфер языка, что «проявляется как в изменениях состава активно употребляемых идиом, так и в языковом экспериментировании с идиоматикой, широко распространенном не только в текстах художественной литературы и публицистики, но и в обыденной разговорной речи» [Баранов, Добровольский 2008: 421]. В свете сегодняшней моды на числа логично предположить, что языковое

сознание, постоянно настроенное на поиск знаков косвенно-производных номинаций, не могло не отреагировать на этот «вызов». Результаты этих поисков быстрее всего отражаются в устной речи носителей языка и публицистике (в художественной литературе чуть позже). И то и другое сегодня переместилось в интернет. Словари нового типа стараются реагировать на обновления и фиксировать их, не выжидая срок в 20 лет, как это было раньше. «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» (далее ССРИ) был создан авторским коллективом с ориентацией на современный аутентичный языковой материал, содержащийся в публицистических и художественных текстах, а также на источники русскоязычного Интернета и корпус разговорной речи.

С целью выявления новых фразеологизмов с числовым компонентом было проведено сопоставление корпусов «Фразеологического словаря русского языка» под ред. А. И. Молоткова (1967) (далее ФСРЯ), «Малого академического словаря» в 4-х т. (1981–1984) (далее МАС) со «Словарем-тезаурусом современной русской идиоматики» (2007). Исследование позволило установить совпадение 40% фразеологизмов с числительными. Видимо, значительная часть фразеологизмов с числительными «перекочевала» в современную идиоматику с некоторыми потерями. Вполне живыми и пригодными для употребления ощущаются носителями языка и составителями словаря ФО

в один голос, за один присест, одним махом, гнаться за двумя зайцами, палка о двух концах, гнать в три шеи, в четырёх стенах, без пяти минут, семь потов сошло, опять двадцать пять, на все сто, играть первую скрипку, второе дыхание, нужен как собаке пятая нога, шестое чувство, седьмая вода на киселе, девятый вал, пятое-десятое, есть за обе щеки и др.

Современный язык лишился таких ФО, как

подгонять всех под один колер, в одно слово, одна радость в глазу, на одну колодку, под одну масть, сидеть между двух слов, видеть на три аршина в землю, идти на все четыре ветра, первая марка, как по первому абиугу, вторая натура и др.

Из новых ФО следует выделить 1) группу собственно неофразеологизмов, а также 2) группу так называемых обновленных ФО, образованных по модели уже существующих ФО.

К первой группе относятся ФО

сидеть на нуле, в один прекрасный день, номер один, одна сатана, одной извилиной, дышать одним воздухом, целовать в одно место, театр одного актёра, в двух словах, два брата-акробата, ля-ля-ля три рубля, в три этажа ругаться, послать на три веселых буквы, поставить на четыре кости, порт пяти морей, шесть на девять, семь на восемь, получить девять граммов, шестьдесят девять, без ста грамм не разберешься, повернуться на сто восемьдесят градусов, тыр-пыр восемь

дыр, сто лет не нужен, первая леди, на вторых ролях, Третий Рейх, четвёртая власть, пятая колонна, восьмое чудо света и др.

Вторую группу «обновленных» ФО составляют единицы, подвергшиеся лексической модификации ФО (*ноль внимания и фунт презрения* вместо привычного *ноль внимания, за десятерых (работать)* вместо *за четверых/пятерых, видеть на три метра в землю* вместо *видеть на три аршина в землю, вцепиться обеими руками* вместо *ухватиться обеими руками, один хер/хрен* вместо *один чёрт, мерить на одну мерку* вместо *мерить на один аршин*), и грамматической трансформации (*по нулям* вместо *ноль-ноль, один в один* вместо *одно в одно, через третьи руки* вместо *из третьих рук, семь вёрст киселя хлебать* вместо *за семь вёрст киселя хлебать*). В ряде случаев изменения затрагивают как лексику, так и грамматику: *фиг(-)два и хуй(-)два* вместо *чёрта с два, на вторых ролях* вместо *играть вторую скрипку, обеими руками «за»* вместо *обеими руками подписаться*.

Многочисленность объектов оценки и разнообразие тематики ФО.

Новые фразеологизмы способны передать практические все характеристики, свойства и явления окружающего мира: скорость (*с первого взгляда*), возраст (*не первой молодости*), краткость (*в двух словах*), легкость/несложность (*как два пальца обоссать*), способ движения/перемещения (*на своих двоих*), количество (*семеро по лавкам*), расстояние/местоположение (*за сто первый километр*), положительную и отрицательную оценку (*первой марки, второго сорта*), ненужность (*двадцатая спица в колеснице*), совместность (*в одном котле вариться*), бедность (*доедать десятый хер без соли*), сходство (*два брата-акробата*), статус и положение (*первая леди*), опытность (*не первый год замужем*), характер и физический облик, ум и способности, а также психические состояния человека (*шило в одном месте, доска два соска, одна извилина, ноль внимания*) и др.

Состав числительных и их продуктивность в современной фразеологии.

Числам в культуре традиционно приписывалось (и продолжает приписываться) наличие культурно значимых смыслов. Символизация и сакрализация числа влияла и на его использование в речи. Но со временем мистические числовые коннотации потускнели или стерлись совсем, но сама форма сакрального числа для обозначения некоторых количеств («много/мало») или качеств («хорошо/плохо», «быстро/медленно», «легко/трудно») сохранилась. Частотный анализ числительных в составе ФО позволяет увидеть наличие «пиков» у названий именно тех чисел, которые являлись или являются культурно значимыми. В ССРЯ было выявлено 325 фразеологизмов с числительными. Из них 203 – с количественными, 101 – с порядковыми, 19 – с собирательными и 2 – с дробными. Из количественных числительных наибольшее представление получило *один/одна/одно/одни* – 87 ФО. Далее по убыванию идут *два/две* – 37 ФО, далее *семь* – 19 ФО, затем *три* – 15 ФО, потом *ноль/нуль* – 8 ФО, *сто* –

7 ФО и *четыре* – 6 ФО. Из простых чисел первого десятка во фразеологии представлены также числительные *пять, шесть, восемь, девять, десять*. Во фразеологии зафиксированы составные числительные *двадцать пять, тридцать три, сорок, пятьдесят, шестьдесят девять, сто восемьдесят и тысяча одна*. Из вошедших в ССРИ и ранее не представленных в ФСРЯ и МАС следует отметить числительные *шесть, восемь, девять, двенадцать, тридцать три, пятьдесят, шестьдесят девять, сто восемьдесят, тысяча и одна*.

Из порядковых лидирует по количеству числительное *первый/первая/первое/первые* – 38 ФО. Равномерно представлены *третий* (14 ФО), *второй* и *пятый* (по 12 ФО). Опеределило ожидаемое *седьмой* (5 ФО) числительное *десятый* (7 ФО). Кроме того, во фразеологию вошли (по убыванию) *девятый, шестой, восьмой, шестнадцатый, двадцатый, двадцать первый* и *сто первый*. Ранее в ФСРЯ и МАС отсутствовали ФО с числительными *восьмой, шестнадцатый, двадцатый, двадцать первый* и *сто первый*.

Из собирательных числительных во фразеологию вошли *оба/обе* (12 ФО), *семеро* (4 ФО), *двое* (2 ФО) и *десятеро* (1 ФО). Ушли из фразеологии *четверо* и *пятеро*, но появилось *десятеро*.

Механизмы создания оценочных значений и источники экспрессии ФО с числительными. Числительные, в самостоятельном употреблении реализующие свои числовые значения, в составе ФО претерпевают ряд семантических изменений и могут реализовывать не только определенно-количественные или порядковые, но и обобщенно-количественные или качественные значения. Знания об объектах счета накладывается на представления о числе как о культурно (символически) нагруженных знаках. Впрочем, часть ФО сохраняет определенно-количественное или порядковое значение числительных:

за один присест, одним махом, театр одного актера, доска два соска, на два фронта, есть за обе щеки, уставиться в обе фары, не все четыре стороны, знать как свои пять пальцев, с первого взгляда, остаться на второй год, второй звонок...

При частичной или полной десемантизации числительные в составе ФО утрачивают свои числовые значения и приобретают обобщенно-количественные, неопределенно-количественные или качественные значения. ФО с частичной десемантизацией числительного:

в двух шагах, на два слова, два с половиной инвалида, спустить три шкуры, семь потов сошло, за десятиртых работать, сто верст говном плыть, семеро по лавкам, тридцать три несчастья и др.

Так, числительное *два* приобрело обобщенно-количественное значение «мало/близко/недолго», а уже *три* и далее *семь, сто, тридцать три* «много». Полная десемантизация числительных приводит к утрате у него количественного и порядкового значения:

семи пядей во лбу, быть на седьмом небе, дело десятое, на вторых ролях, второго сорта, нуль без палочки, пятая колонна, пятое-десятое, тыр-пыр сорок дыр.

Второй используется в значении 'неглавный' или 'плохой', *седьмой* – 'прекрасный', *десятый* – 'неважный', *двадцатый* – 'лишний, ненужный' и т.д. Дополнительным доказательством десемантизации числительных является их варьирование в составе ФО:

*глаза на пять/шесть копеек, семь/сто верст говном плыть, играть первую/главную скрипку, выйти на первый/передний план, через третьи/четвертые/пятые руки, моё дело пятое/десятое/шестнадцатое, пятая/десятая/двадцатая/последняя спица в колеснице, доедать девятый/десятый/последний хрен/хер/х** без соли.*

Если в традиционных ФО наиболее регулярно в числовых компонентах отражается мифологическая символика полного периода или законченности цикла, максимально возможного предела – *три, семь, девять, сорок, сто*, то в неофразеологизмах появляются числа, не отягощенные явными сакральными коннотациями: *тридцать три, шестьдесят девять, шестой, восьмой, шестнадцатый, двадцатый, двадцать первый, сто первый*. Кроме того, для неофразеологизмов характерно использование больших чисел (по сравнению с традиционными ФО). Так, в ФСРЯ и МАС было *семь потов сошло*, а в ССРИ уже и *семь / сто потов сошло*, в МАС *из третьих рук*, а в ССРИ *через третьи/четвертые/пятые руки*, в ФСРЯ *дело десятое*, а в ССРИ *дело пятое/десятое/шестнадцатое*, в ФСРЯ *пятое колесо в телеге*, а в ССРИ *пятая/десятая/двадцатая спица в колеснице*. Видимо, создателями этих ФО двигало желание уйти от шаблонов и интенсифицировать экстремальные значения.

Анализ внутренней формы ФО, имеющих в составе десемантизированное числительное, позволил обнаружить ещё несколько источников экспрессии и интенсификации значений:

- 1) наглядный, но ирреальный образ, основанный на отклонении от нормы: *семь пятниц на неделе, пятая спица в колеснице, семь шкур спустить, нужен как собаке пятая нога, искать пятый угол, в три горла;*
- 2) непрозрачный, непонятный образ: *фиг-два, тыр-пыр восемь дыр, шестьдесят девять, семь на восемь;*
- 3) наличие стилистически сниженных или обценных слов: *ноль целых х** десятых, один хер/х**, хер с два, сто лет говном плыть, в одном поле срать не сяду, лицо в три дня не обсеришь;*
- 4) использование эвфемизмов (для бранных слов): *через одно место, поспать на три веселых буквы, засунуть в одно место, целовать в одно место;*

- 5) наличие архаизмов: *семь футов воды под килем, в три погибели, с три короба, семь вёрст до небёс, сто пудов;*
- 6) различного рода дополнения, освежающие уже существующие модели ФО: *ноль внимания и фунт презрения, семь вёрст до небес и всё лесом, одна извилина, и та на заднице, доедать девятый хрен/хер/х** без соли.*

Создание новых косвенно-производных номинаций и дальнейшая их фразеологизация – процесс непрерывный и не всегда легко и быстро считываемый лингвистами. Но в этом есть свои плюсы: не все неофразеологизмы выдерживают проверку временем и приобретают устойчивость и воспроизводимость. Только время покажет, войдут ли во фразеологический фонд русского языка появившиеся сегодня *второй шанс, второй подбородок, третья республика, четвертый класс, пятая власть, пятая колонна, шестая раса, восьмое чувство...*

НОВЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ: КАКИМ ОБРАЗОМ ЧЕРНЫЙ ЛЕБЕДЬ ПОВЛИЯЛ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ВЫБОРОВ?

Желька Финк
Загреб, Хорватия

В мае 2019 года во всех государствах-членах Европейского союза, в том числе и в Хорватии, были проведены выборы депутатов в состав Европейского парламента, а через полгода в Хорватии были организованы президентские выборы: в декабре 2019 – первый тур и в январе 2020 года – второй тур. В обоих случаях правящая партия правоконсервативного толка получила гораздо меньше голосов, чем ожидала. Это значит, что на выборах в Европарламент она получила всего четыре депутатских мандата (из ожидаемых пяти или шести), в то время как на президентских выборах победил оппозиционный кандидат, и, можно сказать, что правящая партия на обоих выборах потерпела фиаско. Чем объяснить такую неудачу? Некоторые члены партии в качестве причины назвали – эффект черного лебедя.

Что такое теория черного лебедя? Эта теория впервые упоминается в книге *Одураченные случайностью. О скрытой роли шанса в бизнесе и в жизни (Fooled by Randomness: The Hidden Role of Chance in Life and in the Markets, 2001)* американского эссеиста, писателя, статистика, бывшего трейдера и риск-менеджера ливанского происхождения Нассима Николаса Талеба.⁹⁹ В книге того же автора 2007 года *Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости (The Black Swan: The Impact of Highly Improbable)* теория более детально определяется и разрабатывается. В чем суть самой теории? Дело в том, что люди составляют прогноз на ос-

⁹⁹ Основная сфера его научных интересов – изучение влияния случайных и непредсказуемых событий на мировую экономику и биржевую торговлю, а также механизмы торговли производными финансовыми инструментами.

нове того, что знают о прошлом, и поэтому они считают, что будущее является отражением прошлого. Такие размышления могут привести к неожиданным сюрпризам. Иногда события удивляют нас не столько своей случайностью, сколько тем фактом, что наш взгляд на вещи является слишком узким. И именно такие сюрпризы называются «черными лебедями», они иногда заставляют нас пересмотреть картину мира. Эффект «черного лебедя» не одинаков для всех. Некоторые от него могут серьезно пострадать, в то время как на других он не оказывает никакого воздействия. У тех, кто имеет соответствующий доступ к информации, риск стать жертвой «черного лебедя» меньше. Понимая, что человек многого не знает, можно лучше оценивать риски. Сам Н. Н. Талеб теорию черного лебедя формулирует следующим образом: «... существуют крайне редкие явления, которые, во-первых, невозможно предсказать, а, во-вторых, при их наступлении становится невозможным прогнозирование дальнейшего развития ситуации. Это и есть эффект черного лебедя...».¹⁰⁰ Из этого следует, что *черный лебедь* определяется тремя критериями: 1) непредсказуемость, неожиданность, редкость, атипичность, 2) огромное влияние (своим появлением какое-то событие влияет на все общество и имеет значительные последствия), 3) ретроспективное объяснение (после наступления событие имеет рациональное объяснение).

Почему Н. Н. Талеб включил в название своей теории именно черного лебедя? Он сам объясняет это фактом, что до 1697 года считалось, что лебеди могут быть только белыми. Однако голландская экспедиция, которую возглавлял Виллем де Вламинк, обнаружила в Западной Австралии популяцию черных лебедей. И таким образом, по словам Талеба, «представления о лебедях оказались совершенно перевернутыми, буквально с ног на голову»,¹⁰¹ и, самое главное, никто не мог предсказать нечто подобное.

Надо подчеркнуть, что о черных лебедях пишет еще Ювенал в «Сатирах» (82 год до н. э.), его высказывание *Rara avis in terris, nigroque simillima cyano* заимствовано в разные языки, в том числе в английский (*A rare bird in the lands, and very like a black swan*; русский перевод: *Редкая птица на земле, как черный лебедь*), но черный лебедь для него существовал лишь в воображении и был метафорой чего-то несуществующего.

С другой стороны, можно предположить, что на выбор зоонима, когда формировался термин, повлияла и оппозиция *белый – черный*, т.е. разная символика белого и черного цвета. Как известно, белый цвет почти во всех культурах имеет позитивную коннотацию. Он символизирует мир, чистоту, невинность, счастье. В отличие от этого, черный цвет чаще всего связывается с пессимизмом, тьмой, трауром, смертью, а также с тяжестью, беспросветно-

¹⁰⁰ <https://ru-encyclopedia.livejournal.com/608592.html> (доступ: 07.01.2020)

¹⁰¹ <https://ru-encyclopedia.livejournal.com/608592.html> (доступ: 07.01.2020)

стью.¹⁰² Помимо этого, несмотря на факт, что для человека лебеди вообще (и белые, и черные) олицетворяют красоту, романтику, являются символом возрождения, чистоты, моногамности, они могут быть агрессивными в случае, когда защищают свою территорию. Не следует забывать и об опасном оружии, которое представляет собой лебяжий клюв. Может быть, и это было учтено Н. Н. Талебом, когда он представлял новый термин, включающий название птицы черного цвета, которая иногда отличается агрессивным поведением. И вообще считается, что неизвестность, то, что невозможно предвидеть или прогнозировать, то, что является неожиданным, весьма редким, атипичным, пугает человека больше, чем все то, что можно предвидеть, предсказать. Сам автор об этом не пишет, но, может быть, он все-таки имел данную информацию в виду.

Как уже было сказано, эффект черного лебедя упоминается в Хорватии в связи с плохим результатом, полученным правящей партией на двух выборах – на выборах депутатов в состав Европарламента в мае 2019 года и на президентских выборах, проведенных в декабре 2019 и в январе 2020 года.

После выборов в мае 2019 года советник актуального премьер-министра Андрея Пленковича заявляет: виноват «черный лебедь»:

Zna Robert Kopal, savjetnik Andreja Plenkovića i glavni dirigent HDZ-ove kampanje, što je poslo po zlu i zašto je HDZ podbacio na jučerašnjim izborima. Kriv je „crni labud“. Najavio je jednotjednu analizu zašto je „crni labud“ dolepršao baš do HDZ-a... (https://cutt.ly/zgjwwU7, доступ: 08.01.2020).

В следующем тексте советник подчеркивает, что, несмотря на прогнозы, на анкеты, проведенные до выборов, на основе которых можно было считать, что правящая партия достигнет более положительного результата, случилось то, что случается редко – и это можно назвать черным лебедем. То есть результаты не соответствуют предварительным исследованиям, они представляют собой отклонение от ожидаемого, прогнозируемого результата, ср.:

Dogodilo se ono što se rijetko događa, a to je „crni labud“. Kad se dogodi, ljudi traže kojekakva rješenja zašto se to dogodilo, s obzirom na odstupanje od istraživanja. <...> Kad se pogleda Europu, događa se puno teško predvidljivih stvari (https://cutt.ly/3gjwrdQ, доступ: 08.01.2020).

Видно, что в приведенном тексте упоминаются основные критерии, относящиеся к теории черного лебедя: непредсказуемость, неожиданность, редкость, а также обещается анализ и возможность оправдания таких результатов, что прямо связывается с ретроспективным объяснением.

На данный текст и на тексты с подобным содержанием сразу отреагировали некоторые экономисты, считая, что неудачный результат на выборах не-

¹⁰² О хорватских и русских фразеологизмах с компонентом *белый* и *черный* см. [Hrnjak 2002, Hrnjak 2005].

возможно отнести к теории или к эффекту черного лебедя, т.е. что эта теория чаще всего связывается с финансовым рынком, а не с тем, что произошло на выборах 2019 года. Экономист Т. Пруг пишет:

Crni labud se dugo koristi za izuzetno rijetke događaje koji se ne mogu predvidjeti klasičnom statističkom analizom, a koji nose ekstremno visoke rizike jer proizvode velike štete. Povijesno se u finansijskom sektoru vezivalo za padove burze i neočekivane promjene na finansijskim tržištima. U jučerašnjem kontekstu¹⁰³ ne vidim ništa što je bilo toliko iznenađujuće da bismo mogli govoriti o ičem sličnom događajima koji se nazivaju „crnim labudom“ (<https://cutt.ly/jgjwye5>, доступ: 10.01.2020).

Но несмотря на данный факт, выражение *эффект черного лебедя* продолжает употребляться в текстах, относящихся к неудачным результатам выборов в Хорватии. Когда выборное фиаско правящей партии повторилось на президентских выборах в декабре 2019 и в январе 2020 года, во многих текстах снова упоминался оборот *черный лебедь*. Причем, надо отметить, что в январе 2020 года он употребляется как политиками, так и журналистами. И еще надо добавить, что журналисты его часто используют иронично, ср.:

Crni labud opet je „pogodio“ HDZ: savršeno su izračunali broj Milanovićevih glasova, ali ne i Kolindinih (Slobodna Dalmacija, 06.01.2020. |09:31, доступ: 10.01.2020).

TRAJE POTRAGA ZA KRIVCEM: Je li Miroslav Škoro HDZ-ov Crni labud? (Autor: Dnevno Ponedjeljak, 06. siječanj 2020. u 12:37, доступ: 10.01.2020).

Интересно, что во втором тексте *черный лебедь* или его эффект отождествляется с конкретным лицом, одним из кандидатов в президенты Хорватии, а не с явлением или с событием. Дело в том, что данный кандидат, тоже представитель консервативного мышления, стал, по мнению некоторых политиков правящей партии, более подходящим кандидатом для части голосующих, недовольных политикой правящей партии.

Из всего сказанного следует, что обороты *черный лебедь* и *эффект черного лебедя* с недавнего времени начали активно употребляться в контексте политических (избирательных) событий в Хорватии и, кажется, вошли в политическую терминологию.

Но для нас, с другой стороны, более важным является вопрос, произошла ли детерминологизация данных терминов и стали ли они употребляться в качестве выражений с переносным значением. Несколько текстов убедило нас в том, что *черный лебедь* не имеет терминологического значения, ср.:

Prvo, treba stalno imati na umu da je ono što ne znamo važnije od onoga što znamo: normalno je irelevantno. Drugo, treba razvijati sposobnost zamišljanja iznimnih, nepredvidivih događaja i pripremati se za njih. Crni labudovi ne

¹⁰³ Контекст выборов в мае 2019 г.

najavljuju svoj dolazak, ali ljudi koji dobro poznaju prošlost te imaju sposobnost imaginacije i razvijanja scenarija mogu se spremiti za njihov dolazak. Takvi rijetki pojedinci i institucije mogu se zaštititi od katastrofa koje donose crni labudovi... (hrWaC: <https://cutt.ly/8gjwuXY>, доступ: 08.01.2020).

Dovoljno je da se dogodi samo jedan incident ili da se izmjeni samo jedna varijabla kako bi se sve u što smo ulagali, znali ili vjerovali promijenilo, a da toga zapravo nismo svjesni. To su crni labudovi koji nas tjeraju da ponovo učimo i adaptiramo sami sebe u svijetu konzumerizma (hrWaC: <https://cutt.ly/4gjwiNh>, доступ: 08.01.2020).

Znam, samo kukam, razmišljam samo o sebi i svojim problemima, a pored mene svakodnevno prolaze ljudi kojima nije lako, koji se pate, teško im je kao i meni, ali idu dalje, bore se umorni od surove stvarnosti. Treba mi mađioničar da pomognem drugima, da ponovno pored sebe gledam sretna lica, sretno tople poglede, ne bol i tugu. Treba dobra vila da svojim vilinskim štapićem okrene jal i pohlepu u razumijevanje, poštovanje, u poštovanje. Voljela bih da život svima bude bajka, da bude manje crnih labudova, djevojčica sa šibicama, Olivera Twista (hrWaC: <https://cutt.ly/sgjwppS>, доступ: 08.01.2020).

Из приведенных примеров видно, что выражение *черный лебедь* употреблено во множественном числе, что в определенной степени свидетельствует о детерминологизации. Кажется, что в данных контекстах наиболее важным семантическим элементом, связывающим значение выражения со значением термина, является непредсказуемость, неожиданность, атипичность какого-либо события. Таким образом, значение выражения *черный лебедь* можно было бы определить следующим образом: ‘что-либо непредсказуемое (неожиданное, атипичное)’, из чего следует, что оно имеет более узкое значение, чем термин. Если учесть приведенные (и подобные) примеры употребления, можно сделать вывод, что данное выражение имеет негативную коннотацию. И наконец, зададим вопрос: можно ли выражение *черный лебедь* считать новым хорватским фразеологизмом и надо ли его включить в будущие издания фразеологических словарей? Кажется, дать положительный ответ на заданный вопрос еще рано. Может быть, нынешнее употребление – только дань моде, и авторы текстов просто повторяют (иногда не без иронии) то, что произносят политики. С другой стороны, если выражение останется в активном употреблении, тогда его обязательно надо лексикографически зафиксировать.

ДИАЛОГИЧЕСКИЕ ИДИОМЫ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ: ВАРИАЦИИ ФОРМЫ

Шамиль Хайров
Глазго, Великобритания

Предметом настоящей работы является тип таких устойчивых микродиалогов в славянских языках,¹⁰⁴ в которых ответная реплика является реакцией на фразу (или слово)-детонатор (в иной терминологии – инициирующую реплику):

[1] чешск. А: – *Proč?* (Почему?)

 В: – *Pro slepící kvoč!* (По куриному кудахтанью!)

Ответная реплика здесь демонстративно нарушает один из главных принципов речевой коммуникации – очерченный Г. П. Грайсом [Grice 1975: 45–47] принцип кооперации. Интенции, стоящие за ответной репликой, в комбинации с эстетическими свойствами диалогических идиом (ДИ), их краткостью и богатством готового репертуара делают ДИ необыкновенно интересным объектом исследования в различных аспектах: прагматическом, формально-типологическом, с точки зрения их происхождения и бытования. В данной работе будет преобладать формально-типологический аспект: мы рассмотрим ядерную модель ДИ с точки зрения вариации её форм. Этот прагмалингвистический¹⁰⁵ ресурс имеет в славянских языках отчетливое ядро – вопросно-ответную модель рифмованной или ритмической формы. С точки зрения

¹⁰⁴ Внушительный список русских ДИ с многообразными вариантами дан в словаре [Бондаренко 2013]. Для других языков таких списков пока нет. В данной статье использован материал, полученный нами от информантов – носителей польского, словацкого, чешского, сербского и хорватского языков.

¹⁰⁵ Дж. Лич [Leech 1983: 10–11] разделяет общую прагматику, имеющую дело с общими свойствами человеческой коммуникации, социопрагматику, которая должна заниматься различиями коммуникации в разных культурах и социумах, и прагмалингвистику, т.е. практические ресурсы, которыми тот или иной язык располагает для осуществления прагматических намерений говорящих.

прагматики ключевым понятием здесь становится понятие «лица», которое соотносится с понятиями *face* и *face-threatening-act* (FTA), разработанными П. Браун и С. Левинсоном [Brown, Levinson 1987: 61–65]. Использование ДИ в конкретных речевых ситуациях часто напоминает мини-ритуал, и их можно рассматривать также как жанр карнавальской культуры.¹⁰⁶ Отсюда становится важным и учет невидимых «зрителей» или «судей». Превращение рутинного речевого общения одновременно в театрализованный фарс и в акт коммуникативного саботажа, создающего угрозу «лицу» одного из участников, происходит благодаря формальной эстетизации возникающего единства: фразы-детонатора и ответной реплики. Яркость и украшенность формы ДИ обеспечивают для второго (атакующего) участника – автора ответной реплики – своеобразную индульгенцию от обвинения в открытой агрессии, а для первого (обычно жертвы) – являются средством «спасения лица», поскольку позволяют с обеих позиций трактовать этот коммуникативный саботаж как игру.

В русистике такие микродиалоги обыкновенно изучаются именно как формы языковой игры, но при этом исследователи обращают внимание на имплицитно присутствующее в основном типе ответов-реплик отношение реагирующего к содержанию (и автору) фразы-детонатора как «негативно-неодобрительное» (несогласие, возражение, нежелание, отказ, осуждение и др.) [Бондаренко 2012; 2013: 5], что вполне вписывается в область исследования конфликтной коммуникации (*impoliteness, rudeness*) в лингвистической прагматике в ее классических канонах [Culpeper 2011; Bousfield 2008; Mohammed, Abbas 2015].

Элемент провокации, коммуникативной западни, коммуникативного саботажа присутствует уже в самых безобидных, «игровых» ответных репликах, поскольку второй участник сворачивает с комфортного кода на конфликтный и уводит первого участника от рутинной ситуации в ситуацию, угрожающую ему потерей «лица». Ответная реплика в ДИ, при всем своем шутилом оформлении, представляет собой определенный вызов для первого участника, поскольку накладывает на него дополнительное бремя выхода из ситуации.

[2] польск. А: – *Kto tam?* (реакция на звонок или на стук в дверь: *Кто там?*)

В: – *Hipopotam! (Гиннопотам!)*

Согласно комментарию нашего информанта, польская ответная реплика выражает раздражение говорящего тем, что его не узнали, несмотря на ожидаемость прихода.¹⁰⁷

¹⁰⁶ Об аспектах исследования языка с точки зрения карнавальской культуры см. посвященный этой теме сборник и обзорную работу [Федорова 2014].

¹⁰⁷ Прагматическая схема ДИ с «шутливыми» ответами «–*Как дела?* – *Как сажа бела!*» и «*Как дела?* – *Пока не родила!*» очерчена нами в работе [Хайров 2019].

Ядерная модель. Количество ступеней. Ядерная модель ДИ является двух-ступенчатой, т.е. представляет собой коммуникативное единство двух реплик. Ее подтипом можно считать редкие многоступенчатые ДИ, напоминающие речевые дуэли. В принципе, речевой дуэлью можно считать и современный рэп-баттл, однако отличие ДИ от последнего состоит в том, что они принадлежат языку, т.е. имеют фиксированную форму. Ср. детскую пикировку:

- [3] русск. А: – Да?
 В: – Два!
 А: – Три!
 В: – Нос подотри!

Не вполне ясно, можно ли относить считать подвидом ДИ одноступенчатые единицы, т.е. ответные реплики, где детонатором выступает не конкретная фраза, а действие или определенная ситуация: розыгрыш, реакция на агрессию (упрёк, угроза).

- [4] польск. В:– *Chcesz cukierka? Idź do Gierka. Gierek ma, to ci da.* (Хочешь конфетку? Иди к Гереку. У него есть, он тебе даст.)
 [5] русск. В: – Еще раз – и сразу в глаз!

Декоративность. Формы когезии. Рифма. Метр. Ритм. Одним из парадоксов, свойственных диалогическим идиомам, является сильнейший контраст между конфликтной интенцией ответной реплики и идеальным эстетическим воплощением целостной ДИ: внешне это балагурство, театр, игра, карнавал, а по прагматической сути – вторжение в личностное пространство, коммуникативное подавление, саботаж, угроза «лицу». С формальной точки зрения «идеальная» ответная реплика является рифмованным ритмическим отражением фразы-детонатора:

- [6] хорв. А: – *Kaj je?* (Что это?)
 В: – *Jaje!* (Яйцо!)
 [7] сербск. А: – *Шта се десило?* (Что случилось?)
 В: – *Прасе се обесило!* (Свинья повесилась!)
 [8] словацк. А: – *Čo budete varit?* (Что будем варить?)
 В: – *Chlpatého za rit!* (Чёрта лохматого за жопу!)
 [9] чешск. А: – *Co je k obědu?* (Что к обеду?)
 В: – *Hrneček od medu!* (Горшочек из-под мёда!)
 [10] чешск. А: – *Co je k večeři?* (Что к ужину?)
 В: – *Hrneček od peří!* (Горшочек из-под перьев!)

Но чаще ответная реплика больше по объему, а реплика первого участника, или отдельное слово в ней, служит именно детонатором, давая возможность второму участнику художественно «выстрелить» украшенным по законам поэтики провокационным залпом.

- [11] польск. A: – *Dlaczego?* (Почему?)
 B: – *Dla gówna psiego!* (По собачьему говну!)
- [12] польск. A: – *Hasło?* (Пароль?)
 B: – *W dupie trzasło!* (В жопе хлопнуло!)
- [13] сербск., хорв. A: – *Molim?* (Извини?)
 B: – *Dupe ti posolim!* (Жопу тебе посолю!)

Распространенной в нашем материале является структура, в которой диалогическая и декоративная связь между репликами участников осуществляется путем повтора слова фразы-детонатора, но при этом к нему в ответной реплике подбирается еще и рифма.

- [14] польск. A: – *Daj!* (Дай!)
 B: – *Daj to był chiński sprzedawca jaj!* (Дай был китайский продавец яиц!)
- [15] русск. A: – *Боже!*
 B: – *На «боже» плохая надежда!*

Если нет возможности срифмовать ответную реплику с фразой-детонатором напрямую, то последняя включается в ответную реплику в виде измененного повтора:

- [16] сербск., хорв. A: – *Šta radiš?* (Что ты делаешь?)
 B: – *Šta radim? Ćirat ra sadim!* (Что делаю? Дёргаю да сажаяю!)
- [17] польск. A: – *Zrób to, misisz.* (Сделай это, ты должен/должна.)
 B: – *Musi to na Rusi!* (Должен – это на Руси!) [возможное расширение: *A w Polsce to jak kto chce!* (А в Польше – кто как хочет!)]
- [18] русск. A: – *Дай!*
 B: – *Всем будешь давать – не выдержит кровать.*

Пальму первенства в аспекте эстетической организации ДИ как законченной поэтической миниатюры можно отдать следующему мини-шедевру, где возникает тройная рифма: первое слово ответной реплики выступает в форме псевдоповтора фразы-детонатора, а факультативное расширение также демонстрирует идеальную рифму и ясный метр:

- [19] польск. A: – *Po co?* (Зачем?)
 B: – *Pocą to sie nogi pocą!* (Это ноги ночью потеют!)
 [возможное расширение: *A raz w roku – i w kroku!* (А раз в году и на ходу!)]

Есть и такие ДИ, в которых нет формальной межфразовой когезии, а рифма используется только внутри ответной реплики.

- [20] хорв. A: – *Gdje ćeš?* (Ты куда?)
 B: – *Kod Indijanca da ti duple glanса.* (К индейцу, чтоб он тебе полировал жопу.)

Ответная реплика может не иметь лексической переклички с фразой-детонатором, но демонстрировать определенную декоративность благодаря наличию внутреннего ритма:

- [21] хорв. A: – *Di ćeš?* (Ты куда?)
 B: – *U gujси на реси!* (В задницу на рынок!)

Лексическая вариативность и расширения ответных реплик. Как и другие жанры фразеологии устной речи, ДИ находятся в постоянной динамике: утвердившись в языке, многие из них начинают тяготеть к вариативности – либо лексической, либо формальной. О. Блинова приводит длинный список возможных формульных ответов на вопрос «Кто?» (вариаций *деда Пихто*), в числе которых: *конь в (кожаном) пальто, слон в пальто, хер в пальто, хрен в пальто, х... в пальто, столб в пальто, гарант в пальто, хрен в авто, бык в манто, конь в манто, лорд в манто, слон в манто, хрен в манто, дед Пихто, дед Пихто и бабка Нихто, дед Пихто и баба Тарахто, дед Пихто и бабка с автоматом (с пистолетом, с трудоднями...), Агния Барто, Ив Кусто ...* Автор подмечает, что если в русском большое количество вариантов ответа на кто-вопросы, «то в польском существенно разнообразие ответов на что-вопросы. Так, на вопрос «со?» («что?») можно ответить: *drogą szło, gównno, jądro, jajco zdrójco, jajco, masło, misio w zoo, nitro, pstro, pudło, śmigło, szkło, to samo, wiadro, wiosło*» [Блинова 2014: 376–377].

Одним из примечательных признаков вариативности ДИ являются оживляющие их многочисленные расширения (в иной терминологии – наращения¹⁰⁸) ответных реплик. Они повышают в ответной реплике степень ее декоративности, а их прагматическая роль состоит в том, что формальное совершенство повышает статус второго (атакующего) участника, позволяя ему таким образом демонстрировать на публику знание репертуара, но эта же декоративность снижает возможности первого участника (жертвы) немедленно ответить на том же уровне формальной сложности. Ритмически совершенные расширения, на наш взгляд, призваны акцентировать прагматические интенции ответной реплики, например, раздражение.

- [22] словацк. A: – *Prečo?* (Почему?)
 B: – *Pre staré vresco!* (По старому мешку!) [возможное расширение: *A novú záplatú!* (И по новой заплате!)]
 [23] сербск., хорв. A: – *Kol'ko ima sati? / Koliko je sati?* (Который час?)
 B: – *Prdni па u'vati!* (Пердни и схвати!) [возможное расширение: *Pa odnesi tati!* (И нане отнеси!)]

¹⁰⁸ О наращениях в русских поговорках см. [Мокиенко 1989: 134–136].

Расширения такого рода имеются, в частности, у приведенных выше ДИ [17] и [19].

Нерифмованные ответные реплики. Театр абсурда. Большую группу составляют ДИ, в которых нет ни формальной когезии между фразой-детонатором и ответной репликой, ни внутренней рифмы, ни ритмических украшений. С точки зрения прагматики тот, кто использует такую готовую реплику, уже не маскирует свои намерения поэтической оболочкой, снимает претензию на игру и идет на неприкрытый акт коммуникативного саботажа. Единственной диалогической «формой» когезии является здесь само наличие ответа. Такие лишенные украшений ответы можно, в свою очередь, разделить на две группы: имеющие ситуативный смысл (здесь когезия чисто смысловая) и тяготеющие к абсурду. Примерами ДИ, имеющих ситуативный смысл, могут быть следующие:

- [24] хорв. А: – *Dosadno mi je!* (Мне скучно!)
 В: – *Uhvati se za uši pa skači!* (Возьмись за уши и прыгай!)

В абсурдистских ДИ угроза «лицу» возникает как раз от полного отсутствия смысла и всякой претензии на эстетичность. Такие лишенные декоративности реплики создают коммуникативный саботаж без всякой двусмысленности. Модель ДИ с абсурдистскими ответами показывает себя довольно продуктивной в сербском и хорватском языках:

- [25] сербск., хорв. А: – *Zbog čega?* (Из-за чего?)
 В: – *Zbog sira i vojne muzike.* (Из-за сыра и военной музыки.)
 В: – *Limun s kišom.* (Лимон с дождём.)

Представленность ДИ в отдельных славянских языках и культурные практики. При анализе славяноязычного материала возникают неизбежные вопросы: Чем обусловлена разница в продуктивности этой модели в славянских языках? Отражает ли эта разница различия в культурных практиках соответствующих народов? Мы можем с долей осторожности констатировать, что в количественном отношении здесь лидируют русский и польский языки, за ними следуют сербский и хорватский, и далее – далеко позади – чешский и словацкий. Впрочем, наш ограниченный материал, полученный путем опроса от носителей словацкого, чешского, польского, сербского и хорватского языков, может и не отражать реальной представленности этой модели в них. Если более объемная статистика подтвердит этот предварительный расклад на три группы – русский с польским, сербский с хорватским и чешский со словацким, то возможны социопрагматические и культурные интерпретации этих количественных различий. Одной из таких интерпретаций может быть

различие в границах суверенитета личности в различных культурах и в весе агрессивных коллективных речевых практик в них, особенно в таких средах, как школа, двор, коллективные детские формы досуга, армия, места заключения.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОЛЬСКОЙ НОВОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Елена Александровна Невзорова

Лодзь, Польша

Польско-русские языковые контакты многократно описывались в научной литературе, но этимологические разыскания в этой области не утрачивают своей популярности. Русские заимствования в польском языке стали объектом исследований Я. Белецкой-Латковской, Д. Буттлер, Б. Вальчака, Б. Вечоркечича, В. Витковского, К. Гроховской-Иваньской, В. Дорошевского, Х. Дуды, Й. Йоахимьяк-Пражановской, Х. Карась, С. Кохмана, З. Клеменевича, З. Кужовой, К. Ожуг, Л. Петровского, Г. Рыттер, М. Сарновского, Ф. Славского, Л. Чарковского, В. М. Шетэли и др. Ученые обращаются к разным эпохам, путям, видам, способам, функциям, характеру заимствований. Х. Карась производит подробный обзор проводимых исследований. Ученая выделяет следующие направления: 1) анализ лексических единиц, отмеченных в словарях польского языка; 2) изучение заимствований в рамках работ по правильности польской речи; 3) описание функций лексических заимствованных единиц на материале публицистических и литературных текстов; 4) изучение диалектной, польской речи и выявление влияния на нее заимствований (следует отметить факт, что особое значение приобретают работы по изучению разговорной польской речи и определению влияния на нее русского языка); 5) исследование хронологии, области распространения и типов русизмов в польском языке. Несмотря на многочисленные работы, тема русизмов¹⁰⁹ не представлена исчерпывающе [Karaś 2018: 185]. Трудности, с которыми сталкиваются ученые, касаются диахронических разысканий, их причины связаны с недостаточным вниманием к языковым контактам польского языка с белорусским и украинским, что, в частности, не позволяет однозначно этимологизировать русизм.

¹⁰⁹ Русизм – языковые элементы разных уровней, которые вошли в другой язык непосредственно из русского языка или через его посредство. Русизм – то же, что и русизм.

Мы в настоящей работе ставим целью не разрешить эту проблему, а представить, как выглядит ситуация с заимствованиями из русского языка в настоящее время в новой польской фразеологии (польской фразеологической неологии).¹¹⁰

Обращаясь к хронологии русизмов в польском языке Х. Карась выделяет три основных периода: 1. до разделов Польши, с XVII до середины XVIII в.; 2. период разделов Польши (1795–1918); 3. период после Второй мировой войны, т.е. 1945–1989 гг. [Karaś 2018: 200]. К новейшим можно отнести те, которые появились после 90-х гг. XX в. Последнее десятилетие прошлого столетия можно назвать переломным этапом в области польско-русских языковых и культурных контактов под влиянием произошедших политических и экономических изменений. Поляки, освободившись от советской доминации, поддались влиянию стереотипов массовой культуры и англо-американской моде [Sarnowski 2008: 311–312]. Это одна (безусловно, не единственная и главная) из причин того, что английский язык стал основным источником пополнения и обновления лексико-фразеологического состава польского языка (не исключение и другие славянские языки). Посредство русского языка при этом не наблюдается, в отличие, например, от советского периода [см. Wójtowicz 1973]. На первый взгляд, и активное прямое заимствование лексико-фразеологических единиц относится к нечастным явлениям в последние годы, иначе обстоит дело с экзотизмами¹¹¹ и варваризмами,¹¹² которые можно отнести к нестабильным неологизмам. Более внимательного подхода требуют неологизмы, образованные путем трансформации известных единиц под влиянием русского языка или уже освоенные польским языком русизмы, которые приобрели новую форму, значение, стилистическую окраску. Последние сложнее выявить, поскольку движение заимствования в исторической эпохе определяется неоднозначно (см. R. Eckert, A. К. Бирих, В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович, Л. И. Степанова, Е. К. Николаева и др.) в силу родства польского и русского языков.

¹¹⁰ При определении термина *фразеологический неологизм* мы следуем за В. М. Мокиенко: «Фразеологические неологизмы – это незарегистрированные толковыми словарями современных литературных языков устойчивые экспрессивные обороты, которые созданы заново, либо актуализированы в новых социальных условиях, либо образованные трансформацией известных прежде всего паремий, крылатых слов и фразем, а также сочетания, заимствованные из других языков» [Мокиенко 2002: 66].

¹¹¹ Экзотизм (или пассивное заимствование) – это иноязычное слово или выражение, называющее предметы (явления) чужой культуры, не имеющее эквивалента в языке-реципиенте (см. [Маринова 2014]).

¹¹² Варваризм – «это иноязычное по происхождению слово, обозначающее неспециальное, бытовое понятие и эквивалентное слову *я з ы к а - р е ц и п и е н т а*. Поскольку варваризм – это вторичное наименование обычного, обыденного и далеко не нового предмета (реалии), его *э к в и в а л е н т о м* выступает общеупотребительное слово» [Маринова 2014: 39].

Настоящие заключения являются лишь вступительными и гипотетическими и требуют «материального» доказательства. В. Хлебда с 1980-х гг. собирает картотеку русских «фразеологических имплантов» [Chlebda 2005a], которая сейчас состоит из нескольких тысяч единиц. Наш материал более чем скромнен. Обращаясь к классическим примерам русизмов в польском языке (см. ссылки в: [Marszałek 2019: 74–89]), уже отмеченных словарями, можно выделить:

1. Обороты из фразеологических словарей: *toczka w toczkę* pot. 'a) z zachowaniem najdrobniejszych szczegółów, detali, identycznie dokładnie; jota w jotę; b) taki sam, identyczny' [WSFP: 560] от рус. – *в точку, точь-в-точь; podłożyć świnię* pot. 'intrygując spowodować, że ktoś znajdzie się w sytuacji, która mu zaszkodzi, skompromituje go' [WSFP: 552]. В НКРП оборот указывается в форме *świnę komuś podłożyć* [III: 494], с датой 1957 г. Этимологии, приведенные в РФИЭС (628–629), не однозначны, хотя большинство лингвистов склоняются к тому, что *подложить свинью* – это исконное русское выражение. *Wsio ryba* pot. 'wszystko jedno, bez znaczenia' [WSFP: 633] – рус. *все равно*. В НКРП указывается на половицу *Wszystko ryba, co w wodzie, i żaba ryba* (III, 111) с комментарием „1875 *Wsio jedno: rak ryba i żaba ryba* (Kolberg, VIII, 270) [...]”. Среди других примеров: *wlec się w ogonie* a) *nie dotrzymywać kroku innym, zostawać w tyle*, b) *nie nadążać za rozwojem sytuacji, nie brać w czymś udziału* [WSFP: 312] – рус. *плестись (тащиться) в хвосте* (хотя скорее это интернационализм, напр., англ. *to be at the tail-end*); *posłać/ puścić kogoś w odstawkę* pot. 'zwolnić kogoś z pracy, odsunąć od zajmowanego stanowiska, urzędu, pełnionych funkcji' [WSFP: 308]; *pójść w żołdaty* przest. 'zostać żołnierzem, zostać wziętym do wojska' [WSFP: 492].

Приложение в WSFP отводится экзотизмам, среди которых из русских называются:

Choźdzenie potukam (757); *człowiek – eto zwucit gordo* (763); *czemu smiejoties'? nad soboju smiejoties'!* (763); *czieriez zołoto slozy ljuisia* (763); *gieroj nie mojewo romana* (775); *jazyk do Kijewa dowiediot* (789); *miecztam i godam niet wozwrata* (800); *mietil w woronu, a popal w korowu* (800); *Miortwyje duszy* (800); *molczanie znak soglasija* (801); *ni k siełu, ni k gorodu* (805); *ruki pa szwam* (821); *um choroszo, a dwa luczsze* (834); *wiek żywi – wiek uczis' (a umri durakom)* (839).

Подробнее эту тему развили, напр., М. Сарновский, В. Хлебда и др.

2. Обороты из словарей разговорной речи: *na abarot* pot. 'na odwrót' [SPPCz: 181; SPP: 196]; *paszoł won* pot. grub. 'wykrzyknienie nakazujące natychmiastowe odejście, oddalenie' [SPP: 45]; *skolko ugodno* 'bardzo dużo, dowoli, w maksymalnym stopniu' [SPP: 306]; *mieć zagwozdkę* (только *zagwozodka* – 'żart. problem, trudność, komplikacja, przeszkoda') [SPP: 226]; *na wsiakij sluczaj* 'na wszelki wypadek' [SPP: 231]; *i wsio!* 'wykrzyknienie o znaczeniu „i koniec, już po wszystkim, skończyło się”' [SPP: 216]; *wsio rawno* 'wszystko jedno' [SPP: 275]; *aluzju poniał* 'zrozumiał tekst wypowiedzi', *bez wodki nie rozbierosz, bladź chudaja, bolsze ryło; dać w ryło; było*

splyło, car kołokoł, cziot/ciort znajet, eto wsio, kuda komu-to do kogo-to, kulturnyj czielawiek, w pizdu, bez pół litra nie rozbieriesz, drugi sort, kazionny napój, lać slozy, ktoś ma pierepalkę/ pierepalki, koniec filma (SPLP по статье: [Marszałek 2019]) и др.

3. В словарях жаргона: *w drebiezgi* ‘bardzo pijany’ [STGP: 110]; *wdrobiazgi poszło, w trymiga* ‘bardzo szybko, błyskawicznie’ [STGP: 596], *dać komuś wygawor* (только *wygawor* ‘bicie, pobicie’) [STGP: 649];

4. В словаре (*Słowniczek najpowszechniejszych rusycyzmów*) Л. Чарковского (1909 г.) (<http://rusycyzmy-1908.blogspot.com/>) зафиксированы ФЕ: *za wyjątkiem, kto by to nie był, gdzie by nie pójść, pod rząd, nie patrząc na coś, okazać potoc, okazać usługę, jak raz, rzecz w tym i др.* Эти единицы также найдем в современных текстах СМИ (см. NKJP).

Отметим, что проверка при помощи анкетирования (20 человек в возрасте от 17 до 60 лет (учащиеся лица, студенты, преподаватели (филологи, математики), водители, продавцы, работники фабрик)) на знание оборотов показала, что лишь 14 % единиц известны, употребляется 7%. Некоторые респонденты говорили, что помнят некоторые единицы по известным фильмам.

Далее мы постараемся сосредоточиться на фразеологическом материале, который появился в польском языке, как нам представляется, не так давно. Собирался он с 2014 по 2019 год из Интернет-СМИ, из постов, мемов, демотиваторов, блогов, комментариев, находящихся в социальных сетях. Тематический характер текстов касался внутренней и международной политики, экономики, социально-общественной и культурной жизни в России.

Одно из наиболее частых выражений, закреплённое в сознании носителей – *zielone ludziki* – рус. *зеленые человечки* (иначе называемые *вежливыми людьми*) разг. эвф. ‘служащие Вооруженных сил России, носящие зеленый камуфляж без знаков отличия’. Оборот в русском языке появился во время присоединения Крыма к России, а распространение и популярность получил после 2014 года благодаря мемам и последующему оформлению выражения при разработке товарного знака «Вежливые люди» («Зеленые человечки»). Перенос произошел от оборота со значением ‘инопланетянин’. Представителей чужих цивилизаций обычно изображали как существ со светло-зеленой кожей, черными глазами без очков и без выраженных половых признаков. Такой образ был создан в англо-американской культуре в 50-е гг. XX в. и получил название *little green man* (*green alien*). В польском и в русском языке эта единица калькировалась. Трансформация и закрепление ее с другим значением (‘военные’) произошло на русскоязычной почве после событий в Киеве, Донецке и Крыму. Выражение было подхвачено польскими СМИ, ср., напр.: «Najbardziej niebezpieczna wydaje się właśnie sytuacja, w której działania *zielonych ludzików*, w tym blokowanie baz wojskowych oraz przejmowanie kontroli nad budynkami rządowymi czy elementami infrastruktury miałyby miejsce się w czasie niepokoїв społecznych [...]» (J. Pałowski: <https://cutt.ly/agjwYfQ>, 18/08/2014). Задав в поисковой строке „zielone ludziki”, найдем множество статей на сайте wp.pl и др.

До сих пор оборот чаще записывается либо в кавычках, либо курсивом, что свидетельствует о его статусе варваризма в польском языке.

Как экзотизм, известен оборот *Крым Хау!* – *Krym nasz!* (напр., пост *Газеты Выборчей* на FB от 14.03.2016 – „*Krym nasz, czas na Kaukaz! Cień Putina w Karabachu!*” (<https://cutt.ly/GgjwIxK>). Фраза используется главным образом с иронично-негативным оттенком, напр.: «Przecież większość Rosjan jest pewna, że „Krym – nasz”, a więc dlaczego nie uwierzyć, że na głowie Putina zachowały się wyrostki, jako atawизмы, anteny mieszkańców obcej planety. Rosjanie nie uwierzą? Wymyśli się inną historię». (<https://cutt.ly/OgjwOrz>). Частотность его употребления начала снижаться с 2017 года.

В связи с событиями на Украине в этот период в польских СМИ также участилось использование выражения *wojna hybrydowa* (рус. – *гибридная война*), которое является термином, заимствованным из английского *hybrid warfare*. Кроме этого оборота, с компонентом *wojna* (*wojna*) как в российских, так и в польских СМИ, часто появляются: *wojna pamiętników* – *wojna potnikowa*, *gazowa wojna* – *wojna gazowa*.

Следующая тематическая группа – это политики. Самой популярной фигурой в Польше является В. В. Путин, о котором часто пишут, что он *Car Wszechrusi* (рус. *Царь Вся Руща*): «Jego Wysokość Demokratyczny Car Wszechrusi i Całej Syberii, Książę Krymski, Doniecki, Ługański, Gospodar Naddniestrzański, Suweren Abchazji i Osetii, Hegemon Prus Wschodnich i Wysp Kurylskich, Trzeciego Rzymu Zwierzchnik Najwyższy, Archanioł Pokoju, Władimir Władimirowicz w miejscu. [...]» (<https://cutt.ly/OgjwPx8>, 08.09.2019)); *wódz narodu* (рус. *вождь народа* – ассоциация с И. В. Сталиным): «Powrót do Imperium Rosyjskiego, a Putin na „Wodza Narodu”. To propozycja» (<https://cutt.ly/FgjwSaJ>, 20.08.2014); *przywódca narodu* (рус. *предводитель народа*): «Siedem godzin, które wstrząsnęły Rosją. Czyli jak Putin zostaje dożywotnim „przywódcą narodu”» (TVP Tygodnik: <https://cutt.ly/cgjwS9Q>, 17.01.2020). Последние два примера не относятся к прямым заимствованиям из русского языка, но контексты статей указывают на ассоциативное соотношение этих единиц с советскими метафорами. В. В. Путин – герой мемов, его цитаты также переводятся на польский язык (мемы – *Człoby ch.. stojał, i diengi były* (тост с изображением В. В. Путина); *Nasz człowiek; Z kim graniczy Rosja? Z kim chce!* (см. joyreactor.cc).

Упоминается и Е. В. Пригожин – известный российский предприниматель, о котором говорят *повар Путина* – пол. *kucharz Putina*.

Популярная цитата А. А. Навального о Д. А. Медведеве также получила свое отражение в польских СМИ: „*On wam nie Dimon*” (рус. «Он Вам не Димон»).

Из оборотов политической сферы можно назвать: *rosyjska agentura* (рус. *российская агентура*), *polityczne mordobicie* (рус. *политический мордобой*), *wtrącać się w wybory* (рус. *вмешательство в выборы*), *Ostatni Adres* (рус. *последний адрес*), *fabryka trolli* (рус. *фабрика троллей* ‘агентство интернет-ис-

следований. Структура, которая занимается дезинформацией, формирующей общественное мнение), *kremłowska propaganda* (рус. *кремлевская пропаганда*). Не фразеологизировалось в польском языке выражение *мальчик из Уренгоя*, хотя польские интернет-газеты писали о событии, которое произошло в этом городе.

Следующие обороты касаются России в целом: *rosyjski mir* (русский мир); *Takie rzeczy tylko w Rosji* (Такое только в России); *Tym czasem w Rosji* (Тем временем в России); *poziom Rosja* (уровень – Россия). Это интернационализмы, которые являются характерными для текстов демотиваторов, популярных в Интернете. Точное движение калькирования определить невозможно, но можно предположить, что источник – английский язык.

Как видно, польские фразеологические обороты, которые связаны с русским языком, относятся прежде всего к сфере политики. Тема системы «путинского» правления относится к наиболее востребованным среди журналистов разных взглядов. Для отражения же происходящих событий, связанных с Россией, сотрудники медиа прибегают к выражениям, устоявшимся в русскоязычных СМИ, т.е. к калькам. К уже названным оборотам можно добавить: *czarna kasa* (рус. *черный нал* ‘нелегальная зарплата’); *renta administracyjna* (рус. *административная рента* ‘взятка’), *walka z korupcją* (рус. *борьба с коррупцией*); *żyć na odkatach* (рус. *жить на откатах* ‘жить за счет взятки, полученной за гарантию выигрыша тендера’) и др. Но случаи их употребления единичны.

Активность в живой речи польской молодежи приобрели за последний год выражения с компонентами *kozacki* ‘отличный, превосходный, подходящий’ (рус. *казацкий*) (из преступного аргоса ‘воровской’, фраз. *kozacki wygląd* ‘старый опытный вор’) и *prawilny* ‘заслуживающий доверия, порядочный, оригинальный’ (рус. *правильный*). Как и первое, второе из упомянутых, вошло из доверенного преступного аргоса (в котором *prawilny człowiek* ‘1) говорящий правду; 2) истинный, 3) человек, живущий по закону’; *prawilny świr* ‘сумасшедший’; *prawilne miejsce* ‘*kryjówka złodziejska*’ [STGP: 439], и в 2016 году было признано молодежным словом года (см. <https://cutt.ly/LgjjwGR7>). К калькам из русского преступного жаргона, которые встречаются в польском языке, относится *wor w zakonie* (рус. *вор в законе*). Активизация единиц преступного жаргона в польском языке – это процесс, схожий с таковым же, который проходил в русском языке в конце XX века.

Представляется, что дальнейшие наблюдения за материалом, собранным из различных источников, и его анализ поможет в выявлении тенденции закрепления тех или иных иностранных единиц в заимствующем языке.

VLIV ANGLIČTINY NA UTVÁŘENÍ NOVÝCH ČESKÝCH FRAZÉMŮ

Marie Kopřivová
Praha, Česká republika

V tomto příspěvku chceme sledovat frazémy, které se v posledních letech začaly v češtině používat vlivem angličtiny. Pojem frazém vymezujeme v souladu s Čermákem¹¹³ [Čermák 2010: 31] velmi široce a s ohledem na povahu korpusového materiálu, ze kterého budeme především čerpat, se zaměříme na kolokační stránku frazémů.

Jednou z vlastností frazeologických jednotek je i ustálenost formy a významu, které úzce souvisejí s jejich reprodukovatelností a známostí. V případě nových více-slovných kolokací, které frazémy představují, je proces ustalování pozvolnějši. Důležitou roli v něm hraje variabilita [Janovec 2005: 152]. Jazykové korpusy dokládají, že vysoká variabilita je typická i pro mnohé etablované frazémy [srov. Jelínek a kol. 2018]. Vysoká variabilita a nízká počáteční frekvence potencionálních frazémů komplikují jejich identifikaci v korpusech. Navíc se data se do korpusů dostávají s určitým zpožděním a rozsah mluvených dat je pro vyhledávání nových frazémů nedostatečný.

K ověřování potencionálních frazémů použijeme především korpusy psaného jazyka (syn_v8) a mluveného jazyka (ORAL), v některých případech i další internetové zdroje. Některé z příkladů byly sledovány v korpusových textech 90. let už dříve [srov. např. Janovec 2005, Kopřivová 2005; Klímová, Jílková 2012].

Nové frazémy ovlivněné angličtinou. Vliv angličtiny na češtinu je lingvisty mapován již od 90. let [srov. např. Kučera 1995; Bozděchová 1997; Mareš 1996]. Užívání anglicismů v různých komunikačních prostředích věnuje Svobodová [Svobodová 2009], v terminologii Kocourek [Kocourek 2002]. Důsledky ovlivnění češtiny angličtinou přehledně shrnuje Adam, který mimo jiné upozorňuje na tendenci přebírat v anglické podobě i slova do češtiny už přijatá z jiných jazyků a upozorňuje, že užívání anglických výrazů je v mnohých prostředích otázkou prestiže a má vytvořit

¹¹³ Idiom a frazém je jedinečné spojení minimálně dvou prvků, z nichž některý (popř. žádný) nefunguje stejným způsobem v jiném spojení (resp. více spojeních), popř. se vyskytuje pouze ve výrazu jediném (resp. několika málo) [Čermák 2010: 31].

dojem vyšší odbornosti komunikátů [Adam 2012: 24]. Otázku, zda jde o nezbytnost nebo módnost, se pokouší na základě výslovnosti řešit také Havlík [Havlík 2019].

Kalky. Z angličtiny jsou přejímány některé kolokace s původní anglickou formou, např. *by the way*. Poněkud vzácnější v oblasti frazeologie jsou nová hybridní spojení jako např. *být free*, *být cool*.¹¹⁴

Méně zřejmý vztah k angličtině představují kalky (*tak určitě*, *můj šálek čaje*, *černý jako inkoust*, *být v červených/černých číslech*). Kalky jsou časté i v oblasti kvazifrazémů (*vyslat signál*, *být/zůstat v kontaktu*, *klást důraz*). V některých případech jde o změnu valence (*dát něco*, *mějte hezký den*). V publicistice jsou užívány výrazy, které kromě určité novosti umožňují i dostatečnou vágnost vyjádření (*být ve hře*, *umět si představit*, *mít pod kontrolou*, *o tom to není*) [srov. Junková 2010].

Typickou přejímku z angličtiny představuje frazém s variabilním přivlastňovacím zájmenem (*to je/není něčí*) *můj šálek čaje* (*my cup of tea*). V češtině patrně pod vlivem větší oblíbenosti kávy, než čaje je frekventovanější podoba *můj šálek kávy*. Varianty *můj šálek čaje* (412 výskytů, korpus syn_v8) i *můj šálek kávy* (706 výskytů, korpus syn_v8) se pouze v jednotkách výskytů objevují v překladech, převažují tedy v původních českých textech. Frekvence užívání roste především po roce 2010. Převážná většina výskytů pochází z publicistických rozhovorů a internetových textů. Varianty s dalším přivlastňovacím zájmenem jsou méně časté: *jeho* 67, *její* 67, *váš* 59, *jejich* 21, *náš* 18. Zřídka se objevují i jiné aktualizace, např. *můj šálek čokolády*. Frekvence tedy ukazuje, že tento frazém je preferenčně užíván v 1. os. sg., tedy při přímém hodnocení dané skutečnosti samotným mluvčím a vzhledem k jeho frekvenci a užívání rodilými mluvčími ho lze hodnotit jako frazém v češtině zdomácnělý.

Další typ kalků patří zároveň k frazémům i termínům, jde o pojmenování nové skutečnosti. Český výraz *modrá smrt* je překladem anglického *blue screen of death*, (ve zkratce BSoD) a označuje nestandardní ukončení provozu počítače se systémem Windows. V psaných textech se nejčastěji objevuje v letech 2010–2015. Pokles výskytu souvisí s užíváním novějšího typu softwaru, u něhož se tato chyba neobjevuje tak často. U následujícího příkladu z pozdější doby jsou použity uvozovky, což svědčí o tom, že výraz autor nevnímá jako běžný:

V poslední době se mi – častěji než dříve – stává, že systém Windows zahlásí nějakou chybu nebo zamrzne, zatím jsem se našťestí nasetkal s „modrou smrtí“ (časopis Computer, 7/2018).

Přirovnání. Vliv angličtiny se překvapivě může projevit i v přirovnání. Ta bývají obvykle jazykově závislá a vycházejí ze zkušeností a často i společenských podmínek jednotlivých národů. V přirovnáních s černou barvou se na 7. místě podle frekvence objevuje *černý jako inkoust*, přitom v češtině donedávna byla jako prototypická barva inkoustu chápána modrá. Při bližším pohledu zjistíme, že se jedná především o překlady z angličtiny vznikající od 2. poloviny 90. let do současnosti, kde je běžné

¹¹⁴ Spolu s dříve přejatým *být in* bylo z těchto spojení ve webové komunikaci vytvořeno slovo charakterizující životní styl mladých *frikulín* [Jílková 2004].

přirovnání *black as ink*. Podobně spojení *inkoustově černý* (84 výskytů) pochází také převážně z překladů z angličtiny, ale dosahuje už frekvence *inkoustově modrý* (86 výskytů).

Akronymy. V souvislosti s internetovou komunikací se nově objevuje užívání akronymů. Ty v internetových diskuzích a chatech šetří čas při psaní (např. *IMHO in my humble opinion; BTW by the way, OMG oh my God*). Podobně jako emotikony se stávají součástí i další písemné komunikace:

Zpomalili jsme, zklidnili se, soustředili se vlastně jen na to, aby si to užila hlavně naše dcera, která si btw dlouho myslela, že Lipno je moře: – (časopis Maminka 5/2018).

Zkratky tohoto typu vznikají i z českých slov, ale nejsou tak hojně využívány (*NJN no jo no, NZ není zač*). Většinou se jedná o zkracování určitých konverzačních obrátů, které se v písemné komunikaci obvykle nevyskytují, ty se pak zpětně ve formě zkratk mohou znovu objevit i v mluveném projevu, jak je třeba reflektováno v následující nahrávce z roku 2003 z mluveného korpusu ORAL¹¹⁵:

Radomír: *a víš co je úplně nejhorší? dyž v obecný řeči já to nikdy neřikam jo ale prosť když tě v hlavě napadá použít slovo bwt jo tak to jako je krize*

Dalibor: *no ale to já dělám normálně.*

Změna valence. Nejen pod vlivem angličtiny se objevují nové typy valence u některých sloves. To je mnohými mluvčími vnímáno velmi negativně¹¹⁶ jako narušení gramatického systému češtiny.¹¹⁷ Zároveň ale frekvence spojení rychle narůstá a jejich uživatelů přibývá. Spojení s jiným typem valence jsou nápadná, a proto se jejich užívání stává módní. Výhodou jejich novosti a neustálenosti je určitá vágnost, které lze v hovoru využít pro získání času při formulování odpovědi nebo jako obecnou nezávaznou reakci, pokud se mluvčí nechce vyjádřit přesněji. Tyto nové typy nahrazují synonymní vyjádření, která jsou formulačně náročnější, protože obsahují méně frekventovaná slovesa, někdy se složitější valencí. Tato slovesa se pak užívají při přesnějším vyjadřování, např. *jedná se o to, jde o to x je to o tom; dát to – dokázat to, zvládnout to, zvítězit*.

¹¹⁵ Jména mluvčích jsou při transkripci anonymizována a náhodně nahrazena. Jedná se o dva vysokoškoláky ze středních Čech.

¹¹⁶ Nesouhlasné reakce se objevují i v samotné publicistice, např.: *Také říkáte: O tom to není? Já se spojení „být o něčem“ vyhýbám, tahá mě za uši, ale často nad tím musím chvilku přemýšlet. Ten obrat je tak krátký a svůdný.* (Tomáš Feřtek, Reflex 2007). Nebo vyjádření vedoucí katedry žurnalistiky FSV UK ze dne 12.10. 2004: *Chvíli se zdálo, že nás žargon policejních protokolů a svodek opustí, že to mlácení prázdné slámy přestane a kdo vysloví, že „tato otázka není na stole“ a „o tom to není“, dostane velké černé bezvýznamné minus.* Tato autorka se také odvolává na Eisnera. Naproti tomu jsem si u svých studentů (narozených kolem roku 2000) ověřila, že nevnímají tato vyjádření ani jako nová ani jako v běžném hovoru nepatřičná.

¹¹⁷ Na jiném příkladu podrobně uvádí [Rosen 2006].

Přestože se tento typ nových spojení objevuje především v neformální konverzaci, proniká i do psaného jazyka, nejdříve prostřednictvím rozhovorů zaznamenaných v publicistice. Z frazeologického hlediska jsou zajímavé zejména kolokace, které představují určitý typ reakce a mohou fungovat jako konverzační rutiny. Slovesné kolokace mívají obvykle větší množství variant (srov. označení frazeologické hnízdo [Janovec 2005: 156]). Korpusová data pak mohou ukázat, které varianty jsou frekventované a mají tedy větší pravděpodobnost stát se novými frazémy. Pro ilustraci byly vybrány dvě následující kolokace, které se mohou objevovat jako samostatné větné reakce: *o tom to není,, to dáš*.

O tom to není. Vazba slovesa být s lokálem se začala v češtině hojněji objevovat v polovině 90. let minulého století. V dřívějších textech se nachází sporadicky ve významu „vypovídá, vypráví o tom“ např. *Je o tom jedno takové přísloví* (Jirotko, Saturnin 1942). Sama struktura tedy není úplně nová, což také mohlo přispět k jejímu rozšíření. Nové je její užívání v zobecňujícím významu, který umožňuje vyhnout se přesnějšímu vyjádření. Důležitou roli zde hraje také jednoduchost konstrukce.

Není to jen o rouškách, ale i o garážových party (citace ministra vnitra Jana Hamáčka ze sněmovny, seznamzpravy.cz, 9.4.2020).

V psaných korpusech lze tyto kolokace najít především ve sportovních rubrikách a časopisech pro volný čas jako součást rozhovorů, objevují se však také v překladech beletrie. Kolokace *o tom to není* (455 výskytů, syn_v8) se obvykle užívá jako reakce na konkrétní otázku:

Jestli mě to mrzí? O tom to není. Zkrátka když jsem angažmá ve Finsku ukončil, nabídku z Komety jsem neměl (Deníky Moravia, 18.11.2016).

To dáš. K další nápadné změně valence došlo u slovesa dát, které je v češtině nejfrekventovanějším slovesem s dativní valencí (*dát komu co*). Nová vazba pouze s předmětem v akuzativu: *dát něco* znamená „zvládnout něco, úspěšně to dokončit“. Vybraná varianta: *To dáš* (515 výskytů, syn_v8) má funkci povzbuzení, vyjádření podpory.

Pojď! Pojď! Musíš! To dáš! Přesně takové výkřiky povzbuzovaly většinu hasičů z řad dobrovolníků i profesionálů (Deníky Moravia, 03.06.2008).

Kolokace se slovesem *dát* proniká do češtiny později než předchozí uvedená kolokace, významnější výskyt v psaném korpusu pochází z roku 2008. Vzrůstající frekvence naznačuje, že šíří rychleji než nová valence se slovesem *být*. Ve zhruba 40% výskytů však jde o slogan, název televizního pořadu nebo projektu k dárcovství krve, které tak využívají toho, že je vnímána jako expresivní a neformální.¹¹⁸

Angličtina ovlivňuje češtinu v mnoha podobách, některé nové frazémy se objevují vlivem překladů, jiné pocházejí z internetových chatů či filmů. V článku jsme představili příklady frazémů, které se začlenily do češtiny a přes počáteční odpor nejsou již vnímány jako cizí, ale i příklady, které z důvodů změny reality v češtině

¹¹⁸ Viz např. <https://plzen.rozhlas.cz/dat-neco-ujizdet-na-necem-6718964>

nezdomácněly. Korpusové texty nám pomáhají určit, kdy určitý výraz do češtiny pronikl (v psaném textu to může být komplikované korekturami) a zda vešel do užívání. Ukazuje se, že přes počáteční odbor jsou velmi úspěšné kolokace obsahující frekventovaná slovesa, která jsou mnohdy sémanticky značně vyprázdněná. Odlišnost a novost těchto kolokací může být velmi přitažlivá pro mladou generaci a pro publicistiku a je využívána i v reklamě.

FRAZEOLÓGIA AKO ZRKADLO DOBY. REFLEXIA SPOLOČENSKEJ SITUÁCIE V SLOVENSKEJ A SLOVINSKEJ FRAZEOLÓGII

Svetlana Kmecová
Bratislava, Slovensko

Frazeologické jednotky, ako píše V. Telija [Telija 1999: 9], „sa javia byť jazykovými prostriedkami najpriaznivejšie stvárnňujúcimi koncepty «jazyka» kultúry“.¹¹⁹ Ak kultúru vnímame ako „súhrn duchovných a materiálnych hodnôt vytvorených a vytváraných ľudstvom v celej jeho histórii [...]“ [SSSJ 2011: 849], možno konštatovať, že frazémy odzrkadľujú práve tieto duchovné hodnoty, ako aj normy jednotlivých jazykových spoločností. Takisto ako iné jednotky jazyka, aj frazeologické jednotky podliehajú jazykovej evolúcii, pričom aj vo frazeológii možno pozorovať všetky tri časové fázy: vymieranie, modifikovanie a vznik nových jednotiek, v niektorých prípadoch môže prísť i k revitalizácii starších frazém [Jakop 2013: 157]. O vlastnostiach frazeologických jednotiek sa mnoho diskutovalo a diskutuje, avšak za univerzálnu možno okrem ustálenosti lexikálnej štruktúry (s určitou mierou variantnosti) a desémantizácie komponentov, resp. sémantickej nepredvídateľnosti nepochybne pokladať expresívnosť [Mlacek 2007a: 126]. Podľa E. Kržišnik [Kržišnik 1999: 90] vyjadrujú frazeologické jednotky subjektívny vzťah hovoriaceho k danému javu, pričom tento vzťah je výsledkom jeho kolektívneho vnímania. Hovoriaci teda použitím frazémy vyjadrujú svoj postoj, hodnotenie daného javu, či už pozitívne, alebo negatívne, v ktorom sa do veľkej miery zrkadlia spoločnosťou akceptované hodnoty a normy. S novými spoločenskými trendmi vznikajú i nové frazémy, ktorými na ne jazykové spoločenstvo reaguje. Nové jednotky môžu vzniknúť alebo byť prevzaté z iného jazyka i v prípade, že ide o jav dlhšie existujúci, avšak stále hodnotený ako neštandardný. Na opačnom póle nachádzame situácie, keď sa verejná mienka v súvislosti s istým spoločenským fenoménom zmenila a nehodnotí ho už ako vybočenie z normy. V ja-

¹¹⁹ Preklad S. Kmecová.

zyku sa to môže reflektovať dvojako – buď využíva na pomenovanie daného javu frazémy staršieho dáta, pričom možno konštatovať, že stupeň ich expresivity klesá, alebo ich frazeologickými, teda expresívnymi jazykovými prostriedkami takmer celkom prestane pomenúvať. Opísané tendencie budeme ilustrovať konkrétnymi prípadmi, ktoré súvisia so zmenami spoločenského života.

V súčasnosti prevláda v spoločnosti trend, že mladí ľudia, najmä synovia, ostávajú dlho bývať v spoločnej domácnosti s rodičmi a osamostatňujú sa v oveľa vyššom veku ako kedysi, pričom nezanedbateľnou príčinou sú ekonomické dôvody, ale aj fakt, že je to pohodlnejšie. Táto skutočnosť sa v oboch jazykoch odrazila v posledných rokoch často používanom, predtým neznámom frazeologickom spojení *mama hotel* (*hotel mama*, *hotel Mama*) v slovenčine a *hotel mama* (*hotel Mama*, *mama hotel*, *mamahotel*) v slovinčine. Fakt, že ide o neologizmus, je zrejmy aj z lexikografických zdrojov, tie staršie jednotku vôbec nezaznamenávajú a jej podoba ešte nie je u používateľov celkom ustálená. *Slovník súčasného slovenského jazyka M – N* [SSS] 2015: 69] ju už zachytáva, a to vo forme *mama hotel*, pričom ju definuje ako slangovú frazému s významom „označenie stavu, keď sa mladý človek vo veku 20–30 rokov s vlastným príjmom neosamostatní, ale žije v spoločnej domácnosti s rodičmi, a pritom sa nepodieľa výrazne na chode domácnosti“. V slovníku *Slovar slovenskega knjižnega jezika* [SSK] 1994] frazému nenájde, je však uvedená v slovníku *Sprotni slovar slovenskega jezika* [Krvina 2014], a to v tvare *hotel mama*. Definovaná je podobne, líši sa iba vek, uvádza sa tu, že ide najmä o mladých ľudí po 30. roku života, ktorí zneužívajú rodičovskú lásku a ochotu. Otvorený slovník živej slovinčiny *Razvezani jezik* k tejto definícii dodáva, že za vznikom jednotky treba hľadať nedostatok pracovných miest a vysoké ceny bytov. Napriek tomu, že materstvo či vzťah matky a dieťaťa sa všeobecne vníma pozitívne, čo sa do veľkej miery odzrkadľuje aj vo frazeológii, komponenty *matka*, *mama* a ich deriváty nie vždy vystupujú ako pozitívny prvok, ale práve ako symbol závislosti a neochoty či neschopnosti dospieť. Podobne je tomu napr. aj vo frazémach *držať sa matinej* (*materinej*) *sukne*, *držať sa mamy* (*matere*) *za sukňu* v slovenčine a *držati se materinega krila* v slovinčine. Nelichotivo závislosť na rodičoch, konkrétne synov na matke, vyjadrujú aj jednotky <byt> *mamičkin synček* (*miláčik*, *maznáčik*, *vojačik*) v slovenčine a *mamin sinček* (*ljubljenček*) v slovinčine. Jednotka *mama hotel* má v hovorom jazyku, ale aj v publicistických textoch vysokú frekvenciu výskytu, ako je zrejme z vyhľadávania na internete i z jazykových korpusov, z ktorých uvádzame nasledovné príklady jej použitia:

Lenže teraz syndróm prázdného hniezda prebija iný syndróm, nazývaný *mama hotel*. Čitateľky sa novinám sťažujú na potomkov, najčastejšie na syna, ktorý má viac ako 25 rokov, doštudoval, ale naďalej spokojne býva doma, dáva si matke prať svoje veci, necháva si ráno predložiť raňajky, po návrate z práce (z telocvične, od frajerky) večeru a vôbec mu neprekáža, keď mu mama pravidelne upratuje izbu, ukladá veci do skrinky a ustieľa

postel. Prosto, kompletný servis v luxusnom *mama hoteli*, kde sa platí milým úsmevom, občas ani tým nie. [SNK]

Glede na rozlika po spolu pa je za vse države značilen tudi pojav, ki smo ga omenili zgoraj – sinovi raje živijo v *hotelu mama* kot pa hčere. [KGF]

Podobnú, avšak ešte oveľa výraznejšiu závislosť detí na rodičoch vyjadruje hovorová frazéma, ktorú vo forme absolútnych ekvivalentov poznajú oba skúmané jazyky, a to *povolanie syn* v slovenčine a *poklic sin* v slovinčine. Menej častý, no nie neznámy, je jej variant s feminatívnym komponentom, v slovenčine *povolanie dcéra*, v slovinčine *poklic hčerka*. Na rozdiel od predchádzajúceho príkladu túto jednotku nezachytávajú zatiaľ žiadne slovenské ani slovinské lexikografické zdroje, pomerne početne je však zastúpená v jazykových korpusoch. Frazéma je negatívnym hodnotením dieťaťa bohatých a vplyvných rodičov, ktoré nepracuje, žije za ich peniaze, spolieha sa na ich vplyv a na to, že v prípade potreby vyriešia všetky jeho problémy, daňou za to však môže byť vopred vytýčená životná cesta a predsudky. Jej význam sa sémanticky čiastočne prekrýva so starším frazeologickým internacionalizmom *zlatá mládež* v slovenčine a *zlata mladina* v slovinčine s významom „rozmaznaní mladí ľudia, najmä z bohatších rodín“ [Keber 2011: 535]. Napriek tomu, že tento jav v spoločnosti vždy jestvoval, je zrejme, že je jazykovým spoločenstvom stále hodnotený ako odklon od normy, preto existuje potreba pomenovať ho novšími frazeologickými prostriedkami. V oboch skúmaných jazykoch sa jednotka začala používať najmä v súvislosti s deťmi zbohatlíkov, ktorí vzišli zo spoločenských zmien koncom minulého storočia. Pre ilustráciu uvádzame príklady jej použitia:

[...], vyjasní hneď na začiatok svoje postoje najmladší, dvadsaťtriročný syn bývalého ministra vnútra Vladimíra Palka. Povolanie herec a *povolanie syn*. Najčastejšie si ho ľudia zaradia podľa toho druhého. Keď nemusí, priezvisko nespomína. Nálepka: Andrej Palko. Syn Vladimíra Palka. [SNK]

Kot četrti se je sprehodil sin Juda Lawa, Rafferty Law, ki niti slučajno ni videti kot model – grozno je hodil, malce zabuhel je v obraz, a je bil tam, ker je *po poklicu sin*. [KGF]

Pozoruhodne reaguje jazyk aj na situácie a javy, ktoré síce v spoločnosti vždy existovali, no kedysi boli odmietané a neakceptované, zatiaľ čo dnes sú bežnou súčasťou života. Ako príklad možno uviesť krízu manželstva ako inštitúcie, ktorá sa na Slovensku i v Slovinsku prejavuje napr. vysokou mierou rozvodovosti. Táto skutočnosť spolu s ďalšími, najmä ekonomickými faktormi, vedie k tomu, že mnoho párov sa rozhodne manželstvo neuzatvárať, ale žiť spolu ako druh a družka, a takto si aj zakladať rodinu. Možno konštatovať, že v oboch krajinách sa dnes takýto typ spolunažívania, respektíve rodiny, nepovažuje za odklon od normy, ale za štandard, preto sa vytráca i potreba pomenúvať ho frazeologickými jednotkami. Napriek novému trendu v spoločnosti nové jednotky na jeho pomenovanie nevznikajú, namiesto toho sa siahajú po starších frazémach, alebo sa frazeologické jednotky nepoužívajú vôbec. Slovenčina pozná vo význame „žiť spolu bez uzatvorenia

manželstva“ frazémy so stavbou slovesnej syntagmy *žiť spolu iba tak, žiť na kope (hromádke), žiť <spolu> nadivoko*, ktoré sú stále frekventované, napr.:

Po dlhšom zvažovaní sme sa rozhodli to spolu skúsiť napriek tomu, že priateľka je veriaca a *žiť na hromádke* sa prieči jej viere aj matke. [SNK]

Daj do jej programu niečo šokujúce: lásku bez zákazov, obmedzení, zákonov. *Môžeš žiť nadivoko*. Rodina? To je obohraná platňa. [SNK]

Parciálnym slovinským ekvivalentom poslednej z nich je frazéma *živeti v divjem zakonu*. Slovinským špecifikom tejto tematickej skupiny je hovorová frazéma *živeti na koruzi (koruznici, v koruznem zakonu)*. Podľa J. Kebra [2011: 374] ide o pôvodnú slovinskú frazému pochádzajúcu z obdobia, keď takéto spolunažívanie komunita a najmä cirkev neschvaľovali, preto sa páry schovávali a stretávali sa napr. na kukuričnom poli alebo v rôznych hospodárskych budovách, kde im namiesto lôžka slúžila kukuričná slama. S frazémou významovo súvisia i deriváty *koruzništvo*, teda „spolužitie bez uzavretia manželstva“, *koruznik* s významom „muž, ktorý žije so ženou bez uzavretia manželstva“ a lexéma *koruznica* označujúca takto žijúcu ženu.¹²⁰ Napriek tomu, že ide o jednotku staršieho dáta, s obľubou a často sa používa aj dnes, napr.:

Čeprav dokument ne postavlja pod vprašaj krščanskega modela družine, v kateri sta mož in žena cerkveno poročena, pa v njem piše, da je treba iskati konstruktivne elemente tudi pri nepopolnih parih, torej pri tistih, ki so poročeni samo civilno, potem tistih, ki *živijo na koruzi*, pa tudi pri homoseksualnih parih. Tudi v takih skupnostih pač obstaja medsebojna ljubezen in odgovornost do otrok. [KGF]

S týmto fenoménom priamo súvisí i ďalší príklad. V minulosti sa väčšina detí rodila v manželskom zväzku. Prípady odklonu od tejto normy sa pokladali za neželateľné a odsúdeniahodné. Hanba a následky padali na hlavu matky a jej dieťaťa, za následky predmanželských a mimomanželských vzťahov bola morálne zodpovedná žena [SEL 2011: 379]. Postavenie slobodnej matky v spoločnosti bolo zlé, nemanželské deti boli považované za druhotriednych ľudí, o čom svedčia i hanlivé pomenovania pankhart: pankrt či bastard používané v oboch jazykoch, v slovinčine i kukavica či kukavičji otrok, kukaviče jajce. Parciálne ekvivalentné spojenie kukučie mláďa, teda prenesene „cudzie dieťa“, pozná i slovenčina. V slovenskom jazyku existujú viaceré staršie jednotky s významom „otehotnieť mimo manželského zväzku či pred jeho uzavretím“, napr. prv krštenie ako veselie, dostať sa pod čepiec bez svadby, rybkú (vtáčka) zjedla, v slovinčine napr. krava še ni bila vojena pa že skače v hlevu teliček alebo koza še ni bila vojena pa že teka kozlič po polju. Citované frazémy, ako aj ďalšie jednotky tejto tematickej skupiny,¹²¹ patria do starších frazeologických fondov oboch jazykov a dnes, v zmenených spoločenských pomeroch zrejme nevznikla potreba nahradiť ich frazeologickými neologizmami.

¹²⁰ Bližšie pozri [Kmecová 2016a].

¹²¹ Bližšie pozri [Kmecová 2016b].

J. Bartmiński [2016: 14] píše, že jazyk ako komunikačný systém patrí medzi štruktúry dlhého trvania, no v poslednej dobe sa mení v zrýchlenom tempe, čím reflektuje dynamické zmeny v živote spoločnosti. Frazeológia na ne reaguje na jednej strane vznikom či preberaním nových jednotiek, na strane druhej ich absenciou, ktorá môže signalizovať štandardizáciu javu, predtým pokladaného za odklon od normy, pričom kľúčovú rolu zohráva expresívnosť ako univerzálna vlastnosť frazeologických jednotiek.

'NOVIJI' FRAZEMI SA SASTAVNICOM 'GRBA' I 'GRBAV' U HRVATSKOM JEZIKU

Neda Pintarić
Zagreb, Croatia

Značenja i etimologija leksema i sinonima *grba* i *grbav*. *Grba* je u čovjeka mana iskrivljene kralješnice, dok je npr. u deve prednost jer se u njoj čuva zalih vode i hrane. *Grba* na leđima uspoređuje se s uzvisinom terena, gorom ili kvrgom, što je odraz oblika iz prirode, a Boryś [2005: 155] ju izvodi iz korijena **ger-* (usp. *gora*, polj. *góra*). Slično je i s *hrbatom* jer **hrībъ* označuje 'brdo', 'vrh', 'uzvisinu', što slični konjskim leđima [Gluhak 1993: 266]. Sličnu sliku imaju *grudi* (usp. **grōdbъ* 'gruda zemlje' i 'brežuljak', [Gluhak 1993: 251]) kao i zadnjica (hrv. *guza*) ili čvoruga (polj. *guz*) jer se radi o izbočinama [Boryś 2005: 188/189]. Praslavenski oblik **zрѣъ* nastao je iz ranijega *gūrbo-*, u značenju 'izbočina na tijelu ili terenu', 'kvrga' ili 'uzvisina, gora' [Boryś 2005: 155].

Grba je vrlo slična po obliku i značenju u 7 živih slavenskih jezika [Pintarić et al. – u tisku], no razlikuje se u rodu (u hrvatskome jeziku je ženskoga roda, polj., u ostalim jezicima muškoga roda). Razlike se vide zatim po samoglasniku u korijenu (u hrvatskome, slovačkom i češkome je to vokalno *r* (*r*), dok se u bugarskom na tom mjestu nalazi poluvokal *-ъ-*: *zрѣъ*). Manje razlike postoje u značenju u bugarskom jeziku, gdje *zрѣъ* znači 'leđa'.

Hrbat ima sinonimno značenje izbočenih (grbavih, neravnih) dijelova kralješnice (kičme) u čovjeka i životinje te u imenica za neživo, s neutralnim pragmatičnim značenjem. U *Velikom rječniku hrvatskoga jezika* navodi se tako više sinonimnih značenja za leksem *hrbat*: 1. leđa, hrptenica, hrptenjača; 2. *grbina*, *hrbat*, istaknut duguljast dio planine, brda ili gorja; 3. ono što je na zadnjoj, leđnoj strani, na poleđini: *hrbat knjige*, *hrbat vodenoga vala* [Anić 2003: 416]. Prvo značenje odnosi se na somatizam u čovjeka i životinje, a druga dva značenja prenesena su prema obliku na nežive imenice. Sva tri značenja *hrbata* neutralna su, tj. nemaju ni pozitivnoga ni negativnoga pragmatičnoga značenja.

Tomislav Sabljak u *Rječniku hrvatskoga žargona* [Sabljak 2010: 74] navodi više žargonskih, prenesenih značenja leksema *grba*: 'trbuh'; 'nos'; 'stariji čovjek, starac'; 'problem, teškoća'; 'dug u birtiji'. *Grbaču* stavlja samo kao sastavnicu u frazemu „*imati nekoga na grbači*“ [ibid.]. Iz navedenoga se vidi da više značenja *grbe* u hrvatskom žargonu nose imenice za neživo (somatizmi *trbuh* i *nos* kao izbočine na tijelu, zatim su tu značenja *problem* i *poteškoća* te *dug za piće u birtiji*, povezana s porastom zabrinutosti koja se može usporediti s rastom otekline ili čira). Slika starca koji hoda pogrbljen u žargonu se izjednačuje s metonimijom *grbe*. Sinonimi žargonskoga značenja *grba* prema T. Sabljaku su: *goba* (prama tal. *gobba*) i kajkavski lik *puklja*.

Pridjevnu izvedenicu *grbav* T. Sabljak izjednačuje sa sinonimima *gobav*, *gobo*, *gurav*, *pukljiv*. Imenicu *pukliš* smatra sinonimom leksema *grbavac* [Sabljak 2010: 288]. Žargonska imenica *pukljo* u Sabljaka opisuje 'nespretnu, nesposobnu osobu' te 'beskičmenjaka' i 'ulizicu'. Ovdje *puklja* nije povezana sa slikom grbave osobe, ali je svakako negativno obilježen pragmem [Pintarić 2002, 2010, 2016]. T. G. Nikitina [Никитина 2003: 114] navodi da *горб* u ruskom žargonu ima preneseno značenje *šale* i *tudre primjedbe*, a V. S. Elistratov [Елистратов 2005: 92] spominje da se u žargonu Dom kulture u Moskvi naziva *Gorb* prema Gorbunovu, dok pridjev *горбатый* u Elistratova označuje imenicu *obmanjivač*, *lažac* te *način obraćanja* [Елистратов 2005: 92]. H. Valter et al. spominju da *gorb* u ruskom žargonu znači 'školsku torbu', 'ranac' i 'novčarku' [Вальтер, Мокиенко, Никитина 2005: 69].

Kao što vidimo, frazemska sastavnica *grba* može imati različite sinonimne oblike u navedenim slavenskim jezicima: hrv. *grbača*, *hrbat*, *krk*, *kičma*, *leđa*, *pleća*; češ. *hrb*, *hrbat*, *krk*, *zad*; polj. *kregosłup*, *kark*, *grzbiet*, *plecy*; ukr. *hrebet*; rus. *spina*, *hrebet*, *gorb*; bug. *gъrb*. Osim imeničkih oblika postoje i pridjevni (*grbav*, polj. *skulony*, *garbaty*) te supstantiv (pridjev u funkciji imenice), npr. češ. *hrbaty*.

Grba kao frazeološka sastavnica u odabranim slavenskim jezicima. U još neobjavljenoj knjizi *Slavenske korijenske univerzalije* N. Pintarić je obradila 30 tematskih članaka s tablicama sličnih korijenskih leksema u hrvatskom, poljskom, ruskom, slovačkom, češkom, ukrajinskom i bugarskom jeziku s koautoricama za pojedine slavenske jezike (Ewa Komorowska za ruski, Eva Tibenská za slovački, Eva Pallasová za češki, Oksana Timko Đitko za ukrajinski i Ana Vasung za bugarski). Iz toga rada spominju se i frazemi navedenih slavenskih jezika sa sastavnicom *grba* koji se nalaze u članku o eksternim somatizmima, gdje opisuje vanjski izgled čovjeka ili životinje. No kako u rječnicima standardnih slavenskih jezika nema frazema *nabaciti grbu* ili *praviti se grbav*, u pomoć su mi priskočili izvorni govornici pa sam te frazeme pronašla u rječnicima žargona.

Hrvatski žargonski frazem, tj. pragmafrazem [v. Pintarić 2002 i 2016] *nabaciti grbu* ima dva značenja: *biti lud* i *biti ohol*, a oba označuju da osoba ignorira okolinu, pravi se nevješta ili diže nos, tj. glumi, pretvara se da ju ne zanima okružje (prema internetskom portalu *zargonaut.com*). Na spomenutoj internetskoj stranici *www.zargonaut.com* navodi se zagrebački primjer *Daj ga čuj kak je nabacio grbu* – sa značenjem 'Vidi ga kako je bahat'. Hrvatski žargonski frazem *nabaciti grbu* ima prema

zapisanome u 'žargonautu' čak 3 značenja: *praviti se lud (glup)*; *praviti se da tko ne čuje ili ne vidi*; *biti ohol (nadmen, napuhan, umišljen)*.

Bugarski pragmafrazem *имам здрав зърб* označuje 'imati dobro zaleđe, protekciju, zaštitu', što odgovara bugarskomu značenju leksema *зърб* = 'pleća, 'zaleđe' (usp. polj. *mieć plecty, zaplecze*, hrv. *imati <dobro> zaleđe*).

Dok 'pleća' imaju u pragmafrazemima pozitivno preneseno značenje zaleđa, čuvanja leđa, augmentativ *grbača* u hrvatskim pragmafrazemima nosi negativno značenje: *imati koga na grbači* 'uzdržavati koga' ili *nakopati (natovariti, navaliti) si koga*, što *na grbaču* 'opteretiti se s kim, čime'. U slovačkom jeziku potonji frazem prevodi se sa sastavnicom *hrb* ('grba'): *vziať si niečoho vela na hrb (na chrbát, na krk)*. Isto tako hrvatski pragmafrazem *raditi* što komu *iza leđa* 'tajno raditi protiv koga', u slovačkome se prevodi kao *robiť* niečo niekomu *poza chrbát*, a u češkome *dělat* něco někomu *za zády*, dok u bugarskome to glasi *зад зърба ми*.

Negativno obilježen pragmem *beskičmenjak* ('osoba bez karaktera, preneseno: *bez kičme*') na slovačkome se iskazuje frazemom *byť bez chrbtovej kosti*, a bugarska usporedba takve beskarakterne osobe izriče se priložnim dijelom usporedbe *като беззърбначно*. U poljskom jeziku frazem *biti beskičmenjak* 'nemati karaktera, biti svakomu podređen, nemati svoga mišljenja' glasi: *być bez kręgosłupa* ili *nie mieć kręgosłupa*. Negativno obilježen je poljski pragmafrazem *mieć kogoś na karku* (biti komu na teret). *Dostać po grzbiecie* ('dobiti po leđima') ukazuje na udarce po kičmi; a u ukrajinskom pragmafrazemu nalazi se slika grbljenja, svijanja kičme, što se vidi u glagolu: *згинати /зигнути хребет* ('pognuti leđa'), tj. 'prilagoditi se lošim prilikama, podrediti se jačemu'.

Grbav kao sastavnica hrvatskoga frazema. Tomislav Sabljak u *Rječniku hrvatskoga žargona* [2010: 74] spominje leksem *grbav* sa značenjem: 'kriv'; 'odgovoran'; 'grešan'; 'star'. Sva su navedena značenja negativno obilježena. Sabljak spominje dva frazema s leksemom *grbav*: *biti grbav* 'biti glup' i *praviti se grbav* 'praviti se glup' [ibid.]. Nema primjera s imenskom sastavnicom *grba*.

Izvorna govornica češkoga jezika, prof. dr. sc. Eva Pallasová, citirala mi je dijalektni šleski frazem s pograničnoga poljsko-češkoga područja grada Ostrave: „*Směje se jak když se hrбаты kula (kouli) po schodech*“ – 'glasno i napadno se smijati'. U slici ovoga frazema nalazi se *grbavac* koji se kotrlja po stubama pa kosti njegove grbe udaraju o kamene stube, te se čuje zvuk tih udaraca koji je sličan onomatopeji smijeha *ha-ha-ha*.

Žargonski izvor vidljiv je na internetskoj adresi www.zargonaut.com, gdje se nalazi frazem na zagrebačkom kajkavskom idiomu: *Kaj se praviš grbav?*, u značenju 'što se praviš kao da ne razumiješ, ne vidiš ili ne čuješ?'; tj. 'praviti se lud' ili 'biti bahat'. Sinonimna značenja *praviti se Englez, Kinez; Tošo* te *praviti se lud (glup, blesav, bedast, blentav, šašav, luckast, nevješt)* mogu zajedno s frazemima sa sastavnicom *grba* i *grbav* tvoriti *frazeomodel* ili *frazeoshemu* [usp. Шведова 1960; Солганик 1976; Телия 1981; Vidović Bolt i Pintarić 2017] sa zajedničkom definicijom: 'glumiti, pretvarati se, praviti se nevješt radi izbjegavanja neugodnosti'. U knjizi *Hrvatska frazeologija*,

A. Menac frazeme s međusobno zamjenjivim dijelovima temelji na *sinonimiji zamjenjivih riječi* [Menac 2007: 19]. Ovakva sinonimija kao frazeomodel može imati različite imeničke ili pridjevne sastavnice (npr. *spavati kao top (puh, klada; zaklan)*, što pokazuju i sastavnice *grba* i *grbav* u pragmafrazemima. Naime, imeničke sastavnice mogu biti tvorene od različitih etnonima ili osobnih imena (*Englez, Kinezi; Tošo*), a pridjevni oblici izvođeni su od imenice *grba* ili od imenica *glupan, blesavac, blentavac* (obilježje osobe) te od apstraktnih imenica *bedastoća, šašavost, luckastost* izvedenih od navedenih pridjeva.

Augmentativ *grbača* sastavnica je više negativno obilježenih pragmafrazema povezanih s glagolima *biti (živjeti), imati (nositi) i pasti /padati (svaliti se /svaljivati se): biti (živjeti) na* čijoj *grbači; imati (nositi) na grbači* koga, što; *pasti/padati (svaliti se /svaljivati se) na grbaču (leđa, pleća)* komu [Menac et al 2014: 159–160]. Međutim, *grbača* u pragmafrazemima nema značenja koje nosi *grba* u hrvatskom i srpskom žargonu (usp. *nabaciti grbu* – praviti se lud, nevješt; gluh, slijep ili ohol).

Zanimljivo je da se sastavnica *grbav* češće rabi u muškome rodu i u bezličnom obliku glagola (s povratnom zamjenicom *se*), npr. *glupo je praviti se grbav*. Međutim, u primjeru koji se nalazi u M. A. Gračeva vidljivo je da i subjekt ženske osobe koristi frazem u muškom rodu: „Ганка **начала** лепить **горбатого** ходикам, что она и не она, что ее родаки за тридевять земель живут.“ [Грачев 2003: 483]. Još bolji dokaz za različitu primjenu gramatičkih kategorija u navedenom hrvatskom pragmafrazemu nalazimo u korpusu hrWacC, gdje je zabilježena uporaba sastavnice *grbav* u ženskom rodu za žensku osobu ‘Ne pravi se *grbava!*’ [hrWacC, 08.01.2020. u 12.10], kao i u množini „/.../ dobar dio svoje filozofije nasljeđuju od židova i katolika, a **prave se grbavima** /.../“ [hrWacC, 08.01.2020. u 13 h]. To znači da frazem *praviti se grbav* ima kanonski oblik koji dopušta zamjene pridjevne i glagolske sastavnice u rodu i broju, za potrebe primjene u različitim situacijama.

Podrijetlo hrvatskoga frazema *nabaciti grbu* i *praviti se grbav*. Iako se u internetskom žargonu i kod T. Sabljaka može pretpostaviti da je podrijetlo navedenih dvaju frazema (žargonskih pragmafrazema) zagrebačko, Nika Družić u neobjavljenom diplomskom radu smatra da je frazem *praviti se grbav* dio osječčkoga idioma [Družić 2016: 46]. Kako su ovakvi frazemi navedeni i na internetskom portalu www.vukajlija.com, mogu se također pripisati i žargonu srpskoga jezika. Na internetskoj stranici www.vukajlija.com pokazuje se način uporabe frazema *ispasti grbav* u sljedećim slučajevima srpskoga jezika:

- a) „situacija u kojoj se lako nađeš zbog iskrenoga pokušaja da pomiriš dvije osobe (70%); („Kad već sereš, da ti kažem da me i on zvao istog jutra kad si otišao na posao i pokazao se kao teška vrdalama! Jebite se ti i on! Poslednji put sam ispao grbav“);
- b) iz kurtoazije kad se nađeš u pogrešnom društvu u pogrešno vreme (20%); (parafrazirano: *Sanja optužuje Vladu za prijevaru, on se brani da nije to učinio s Marijom, a 'grbavko', koji ih želi pomiriti, kaže da je Marija dobra i nevina djevojka.*);

- c) ako si baš toliki mamlaz da ne propuštaš priliku ispasti *grbav* (budala) (10%) („*I opet sam ispao grbav. Ili u prevodu: Ko me tukao po ušima da izigravam pametnjakovića.*“).

U rječniku srpskoga žargona spominje se i uzrok primjene frazema *praviti se grbav*, a to je „*tehnika kojom su ljudi nekad izbegavali obavezni vojni rok*“ [www.vukalija.com, 06.01.2020 u 20.45 h].

U ruskom žargonu postoji frazem *ленишь горбатого* koji je proizišao iz zavtoreničkoga žargona i znači *neuvjerljivo lagati; praviti se da što ne znaš* (nije zabilježen u rusko-poljskom rječniku iz 1980., kao ni u poljsko-ruskom rječniku iz 1979., vjerojatno zato što navedeni frazem pripada žargonu, a ne književnomu jeziku). Proširen pragmafrazem *ленишь (мочить, замачивать) горбатого (горбуху)* bilježi T. G. Nikitina [Никитина 2009: 156] sa značenjem *iveseljavati publiku*. V. S. Elistratov [Елистратов 2005: 92] navodi oblik frazema s imeničkom sastavnicom u množini: *горбухи заленишь (замочить, отмочить)*, u značenju ‘napraviti što smiješnoga’. Ovo se značenje možda može povezati s pojmom *dvorske lude* (polj. *blažen, Stańczyk* [Kopaliński 1988: 104]), a to je bila osoba koja ima neku tjelesnu manu, pa i grbu ili se grbi od silnoga klanjanja caru kojega je morala zabavljati i nasmijavati.

Sada se malo jasnije vidi put podrijetla ovoga frazema sa sastavnicom *grba*; naime, izgleda da je iz ruskoga jezika frazem stigao u srpski, a otuda preko Slavonije (Osijek) u Zagreb i u hrvatski žargon. Međutim, hrvatsko i srpsko značenje ovoga pragmafrazema razlikuje se od ruskih oblika i značenja, zajedničke su im sastavnice *grba* i *grbav*, kao i značenje *lagati*.

Iz analize pragmafrazema *nabaciti grbu* i *praviti se grbav* proizlazi da oni nisu noviji u hrvatskom jeziku (potvrđeni su u nekim hrvatskim seoskim govorima, npr. u Međimurju, i kod starijih kazivača, npr. Emilija Matun). Nema ih ni u drugim rječnicima slavenskih jezika, vjerojatno stoga što proizlaze iz žargona tih jezika, na što me uputila izvorna govornica dr.sc. Katarzyna Konczewska. I na internetu se navedeni frazemi bilježe samo kao žargonizmi. Leksem *grba* imaju oba rječnika hrvatskoga jezika [Anić 2003, Šonje 2000], ali oni ne bilježe njegovo žargonsko značenje, kao ni pragmafrazem s navedenom sastavnicom. Vrijeme i čestotnost uporabe pokazat će hoće li ovi žargonizmi sa svojim značenjima prijeći u pojedine književne jezike.

Analizirani primjeri pokazuju da rijetka uporaba ne znači i činjenicu da takav frazem mora biti noviji, stoga smo u naslovu rada stavili polunavodnike za pojam ‘noviji’. Navedeni imenički i pridjevni oblici *grba* i *grbav*, te s njima tvoreni pragmafrazemi, pokazuju da se radi o velikoj starosti tih frazema, nastalih u doba kada su se ljudi prisilno morali boriti kao ‘topovsko meso’ pod tuđinskim državnim zastavama, pa su nastojali na svaki način izbjegavati odlazak u vojsku.

Zabilježena su tri osnovna, slična značenja ovih pragmafrazema s pridjevnom sastavnicom – *praviti se grbav*: a) *praviti se lud, izigravati, glumiti*; b) *praviti se gluh i/*

ili slijep; c) praviti se nevješt, nevješto lagati. Četvrto značenje vidljivo je s imenskom sastavnicom *grba*, u značenju 'biti ohol': *nabaciti grbu*. Od žargonskih frazema sa sastavnicom *grba* prepoznajemo samo jedno značenje zajedničko s ruskim, povezano s laganjem i lašćem [usp. Елистратов].

РУССКИЕ И УКРАИНСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ В ЯЗЫКЕ СПОРТИВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ КАК ПРИМЕР МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОНВЕРГЕНЦИИ БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Александр Викторович Савченко
Тайбэй, Тайвань

Хорошо известно, что язык, как лакмусовая бумажка, отражает процессы, происходящие в определенный исторический период в данном государстве, обществе [Мокиенко 2002, 2007]. Наиболее показательным в этой связи представляется язык ведущих средств массовой информации [Степанова 2008а].

Одним из показательных с лингвистической точки зрения феноменов сегодня является сфера спорта. Язык спорта весьма специфичен: это и система спортивной терминологии, и «профессиональный язык», жаргон спортсменов (и тех, кто профессионально связан с данной сферой: тренеры, судьи и т.д.). Это также и язык болельщиков в самом широком смысле (включая фанатский сленг как язык особой субкультуры). Своеобразным связующим звеном между профессиональными спортсменами и специалистами, работающими в сфере спорта, и болельщиками является спортивная журналистика. Ее задача – не только информативное освещение различных спортивных мероприятий, но и по возможности более глубокое погружение читателя, слушателя, зрителя в атмосферу происходящего во время спортивного состязания.

В языке спортивной журналистики спорт отражается в наиболее полной мере: от терминологии и профессионализмов (в т.ч. и жаргонизмов) спортсменов до фанатского сленга. Именно язык спортивной журналистики в последние десятилетия развивается наиболее активно – в языковой обиход, помимо

общепринятой терминологической лексики, проникает значительное число различных спортивных выражений: специфических оборотов, которые используются в сфере спортивной коммуникации, в профессиональном речевом обиходе. Подобные выражения нередко становятся расхожими как в языке средств массовой информации, так и языке повседневного общения. Таким образом, лексические и фразеологические единицы (ФЕ) спортивного дискурса являются одним из источников пополнения общего лексического состава языка и активно используются в других дискурсах (например, в сферах бизнеса и политики, военной сфере, сфере живой разговорной речи и т.п.).

Роль спортивной журналистики сегодня также заключается в том, что во многом благодаря ей возникают новые понятия и сочетания, имеющие полутерминологический характер, а в ряде случаев уже ставшие официальными терминами.

Именно «фразеологизированная словесная пара» нередко может становиться фактически (полу-)официальным термином, например: рус. *группа смерти* – укр. *група смерті* ('группа, где собрались приблизительно равные по силе команды-гранды'; ср. англ. *group of death*) и по той же модели образованные рус. *группа жизни* – укр. *група життя* ('группа, где есть один-два явных фаворита, которые без особого труда могут выиграть у более слабых соперников и пройти в следующий раунд турнира'), рус. «золотой гол» – укр. *золотий гол* ('победный гол, забитый в дополнительное время'; ср. англ. *golden goal*) или рус. «мгновенная смерть» – укр. *миттєва смерть* (ср. англ. *sudden death*) и др. Многие выражения по своему происхождению могут быть отнесены к сфере профессионального спортивного жаргона, но, благодаря роли спортивных СМИ, широко использующих их в своем языке, они фактически стали общепринятыми выражениями, имеющими терминологический характер: рус. *сухой матч* (ср. англ. *clean sheet, shutout*) – укр. *сухий матч*. В числе таких фразеологизмов и фразеологизированных выражений (включая клише, расхожие журналистские штампы), имеющих спортивный характер, нередко встречаются и фразеологизмы-жаргонизмы, свойственные языку самих спортсменов и нередко тиражирующиеся журналистами. В частности, в сфере спортивной журналистики получили широкое распространение образные разговорные слова, отражающие отдельные спортивные реалии и, как правило, выполняющие определенные стилистико-прагматические функции (в частности, выражение иронии, насмешки, сарказма; нередко такие ФЕ употребляются для создания ярких образов, стилистических контрастов), например, рус. *горчичник: показать / получить* и укр. *гірчичник: показати / отримати* (*горчичник* – 'жёлтая карточка'), рус. *показать / указать на точку* – укр. *вказати (вказати) на точку* ('назначить 11-метровый штрафной удар (пенальти)'), рус. *пробить с «точки»* – укр. *пробити з точки* ('пробить пенальти'), рус. *деревянная медаль* – укр. *дерев'яна медаль* (иронично 'медаль за четвертое (уже не призовое) место'), рус. «мёртвый» мяч – укр. «мертвий» м'яч

(‘неберущийся удар’). По схожей модели созданы выражения: рус. *мёртвый игрок* – укр. *мертвий гравець* (‘плохо играющий игрок’), а также: рус. *одноногий игрок* – укр. *одноногий гравець* (‘футболист, умеющий хорошо бить только одной ногой’), а игрок, одинаково хорошо владеющий обеими ногами – рус. *двуногий игрок* и укр. *двоногий гравець*. Из разговорного обихода спортсменов командных игровых видов спорта (в первую очередь, хоккеистов) в язык вошло шутливо-ироничное выражение со значением ‘забросить много шайб, забить много голов (забросить много мячей) сопернику’: рус. *накидать полную кошёлку / авоську*, где *кошёлка* рус. – разг. плетеная сумка, корзина; *авоська* – разг. (хозяйственная) сумка, сетка); таким образом, метафорический образ выражения прозрачен: и кошелка, и авоська по внешнему виду напоминают сетку хоккейных ворот (а также в более широком смысле – футбольных ворот, баскетбольного кольца). В украинском – *накидати повну торбу / корзину* (укр. *торба* – сумка). Из русского в украинский пришло шутливое жаргонное выражение из обихода футболистов – рус. *играть в дыр-дыр* (‘1. тип упражнения: игра с мячом на тренировках, когда мяч нужно забить в маленькие по размеру ворота; 2. перен. игра в футбол для удовольствия, как правило на небольшие, часто самодельные ворота; образн., экспр. О бестолковой, неинтересной игре, в которой больше суеты и мало техничных действий игроков’) – укр. *грати в дир-дир*. Русскоязычную кальку в этом выражении выдает «русская» форма с гласным «и», хотя по правилам украинского языка должен быть «мяткий» «і»: русское «дыр-дыр» образовано от слова *дыра*, укр. *діра*.

Значительный пласт образной, стилистически «эффектной» лексики спортивной журналистики составляет перифрастика и журналистские штампы в сфере спорта, оказывающиеся общими по образности и фразеологической модели в русском и украинском языках. Сравним, к примеру, наиболее частотные выражения, типа: рус. *королева спорта* – укр. *королева спорту* (‘легкая атлетика’), аналогичная модель: рус. *королева автоспорта* – укр. *королева автоспорту* (‘автогонки «Формула-1»’), рус. *ледовая баталия* – укр. *льодова баталія* (‘хоккейный матч’), рус. *снежный снайпер* – укр. *сніговий снайпер* (‘биатлонист’); о биатлонисте также можно сказать рус. *стреляющий лыжник* – укр. *стріляючий лижник* и по той же модели: рус. *летающий лыжник* – укр. *літаючий лижник* (‘спортсмен по прыжкам на лыжах с трамплина’) и т.п. Традиционный цвет формы футбольных судей – черный – лег в основу их перифрастической номинации, часто употребляемой в языке спортивных СМИ: рус. *люди в чёрном* – укр. *люди в чорному*.

Благодаря спортивной журналистике в языковой обиход вошли такие популярные и общепринятые сегодня разговорные слова и выражения из спортивного дискурса, имеющие перифрастический характер, как, например, рус. *зажечь красный / жёлтый свет (перед игроком)* – укр. *запалити жовте / червоне світло (перед гравцем)* (‘показать игроку желтую / красную карточку’), рус. *двенадцатый игрок* (ср. англ. *12-th man*) и аналогичное укр. *дванадця-*

тий *гравець* (образное, собирают. ‘болельщики’), рус. *пожар у (своих) ворот* – укр. *пожежа біля (своїх) воріт* (‘опасная ситуация у собственных ворот’), рус. *сохранить ворота на замке* – укр. *зберегти ворота на замку* (‘отстоять свои ворота; не пропустить гол’), рус. *второй этаж* – укр. *другий поверх* (‘игра головой’), рус. *борьба за выживание* – укр. *боротьба за виживання* (‘бороться за право продолжить участие в турнире’), рус. *холодный душ* – укр. *холодний душ* (‘неожиданно пропущенный гол’), *защищать цвета (команды, клуба)* – укр. *захистити кольори* (‘выступать за определенный спортивный клуб’), рус. *сохранить ворота на замке* – укр. *зберегти ворота на замку* (‘не пропустить гол в игре’), рус. *мариновать на лавке* – укр. *маринувати на лавці* (‘держать игрока в запасе, не выпуская его на поле’) и др.

Ярким образным зарядом в русском и украинском спортивном дискурсе обладает метафорическая фразеологическая модель с базовым компонентом *валидол* – ‘успокаивающее лекарственное средство’. На её основе образован целый ряд расхожих разговорных выражений, свойственных для языка всех основных участников спортивного дискурса, в первую очередь, болельщиков, журналистов и самих спортсменов. Ключевой компонент подобных единиц – прилагательное *валидольный* в значении ‘очень нервный, заставляющий до последнего находиться в напряжении’: рус. *валидольный матч, валидольная игра, валидольная команда* – укр. *валідольний матч, валідольна гра, валідольна команда*. Нередко в разговорном языке (в частности, в языке устного репортажа) эти выражения «свертываются» до исходной метафорической модели – *валидол*; значение данной лексемы фактически покрывает каждое из выражений, построенных по синтаксической структуре *прилагательное + существительное*. В некоторых случаях прилагательное придает спортивное значение исходной лексеме, конкретизируя ее (спортивное) значение, например: рус. *футбольная потеря* – укр. *футбольна потеря* (‘серия послематчевых 11-метровых ударов (пенальти)’).

Ярким «национальным» журналистским образом в языке спортивной журналистики еще с советского периода стало выражение *весенний футбол*, сегодня прочно вошедшее в языковой обиход. Показателен фрагмент из статьи одного из спортивных журналистов, так охарактеризовавшего данное явление: «В Советском Союзе в свое время в сознании футболистов и их болельщиков прочно укоренилось выражение «весенний футбол». Оно подразумевало: во-первых, игры на безобразных полях, во-вторых, неважное судейство, в-третьих, низкое качество самой игры» (В. Манин «И снова футбол весенний», <http://vechorka.ru/article/i-snova-futbol-vesenniy>, 05.03.2018). В современной украинской спортивной журналистике выражение *весняний футбол* также достаточно частотно в том же значении – ‘малоинтересный футбол низкого качества исполнения; часто – на плохих полях’.

Общими и в русском, и в украинском языке также оказываются и выражения из профессионального (разговорного, жаргонного) обихода спорт-

сменов. Приведем несколько примеров из футбола: рус. *выиграть воздух* ('выиграть борьбу за мяч головой') – укр. *віграти повітря*, рус. *отклеиться от оппонента* ('уйти от опеки соперника') – укр. *відклеїться від опонента*, рус. *играть / игра в одни ворота* – укр. *грати / гра в одні ворота* (в спорте: 'иметь подавляющее преимущество над соперником'), рус. *посадить игру на свисток* – укр. *посадити гру на свисток* ('постоянно останавливать игру за любое, даже незначительное нарушение правил'), рус. *гол в раздевалку* – укр. *гол у роздягальню* ('гол, забитый или пропущенный незадолго до перерыва') и выражение с противоположным значением: рус. *гол из раздевалки* – укр. *гол з роздягальні* ('гол, забитый сразу после перерыва') и др.

Подчеркнем, что СМИ не только тиражируют и популяризируют выражения подобного типа, но часто сами порождают ФЕ спортивного характера по моделям уже существующих ФЕ или в виде «фразеологических трансформаций» типа: рус. *гвоздь тура* – укр. *цвях туру* ('центральный матч тура'; *цвях* – *гвоздь*). Ср. исходное: *гвоздь программы*), рус. *шапкозакидательское настроение* – укр. *шапкозакидальний настрій* (ср. исходное: *закидать шапками кого-л.*) и т. п. Часто ФЕ с новым спортивным значением формируется на базе определенной фразеологической модели: рус. *скрестить шпаги* – укр. *схрестити шпаги* (в спортивном контексте: 'встретиться в спортивном поединке'). По этой же модели в русском и украинском языках используются выражения *скрестить бутсы (бутси)*, *клюшки (ключки)*, *перчатки (рукавички)*, *ракетки (ракетки)* и т. п.

Фразеологическая модель *повесить что-л. на гвоздь* (ср. исходное: *повесить зубы на гвоздь*) также актуализировалась в спортивном контексте, благодаря чему в языке спортивной журналистике возник ряд новых ФЕ с общим значением 'завершить спортивную карьеру в определенном виде спорта', где в основе метафорической модели находится наименование главного, «знакового» для данного вида спорта атрибута игры: *повесить на гвоздь: бутсы, клюшку, коньки, лыжи, перчатки, ракетку, свисток* и т. д., ср. также в украинском: *повісити на цвях: бутси, ключку, ковзани, лижі, перчатки, ракетку, свисток*. Л. И. Степанова отмечает, что актуализации данной универсальной фразеологической модели способствует тот факт, что «постепенно компонент, обозначающий предмет обуви, заменяется другими атрибутами спортивной жизни: мы читаем, что конькобежец повесил коньки на гвоздь, боксер повесил перчатки на гвоздь, теннисист – ракетку на гвоздь, чемпион мира по биатлону повесил винтовку на гвоздь» [Степанова 2008b: 20].

От фразеологизма *стрелять из пушки по воробьям* ('затрачивать неоправданно много сил, средств на что-либо') в языке спортивного дискурса было образовано шутивное выражение *стрелять по воробьям* (*ирон. или неодобр.* 'бить намного выше ворот') и аналогичный украинский фразеологизм – *стріляти по горобцях*. От данной ФЕ образовано и выражение со значением 'очень не-

точный удар, удар намного выше ворот': рус. *удар по воробьям* – укр. *удар по горобцях*.

И в русском, и в украинском языке частотны устойчивые сравнения в новом, спортивном значении, например, рус. *как нож сквозь масло (пройти)* – укр. *як / наче / мов ніж крізь масло (пройти)* ('легко пройти сквозь оборону соперника'), рус. *как из пушки (удар)* – укр. *як / немов з гармати* ('об очень сильном ударе в футбольной игре' [БСРНС 2008: 554]), рус. *как / словно проходной двор (оборона)* – укр. *як / мов / наче прохідний двір* ('очень ненадежная оборона'), рус. *как на блюдечке* – укр. *як на блюдечку* (об удобной для партнёра передаче) и мн. др. Одним из наиболее расхожих и широкоупотребительных в спортивном дискурсе оказывается устойчивое сравнение *как по нотам (разыграть)* – укр. *як по нотах (розіграти)*. 'о чём-л. исполненном чётко, без затруднений, по заранее подготовленному плану' [БСРНС 2008: 443]). Вероятно, его популярности способствует и сходство образной внутренней формы: и музыкальная сфера, откуда пришло данное выражение, и сфера спорта связаны общим характером основного действия, выраженного глаголом *играть* («играть на музыкальном инструменте» и «играть в (спортивную) игру»).

Примечательна история возникновения УС *как электричка мимо нищего (пронестись)* ('очень быстро обогнать соперника'). Выражение вошло в активный обиход спортивной сферы благодаря фразе популярного спортивного комментатора В. Маслаченко (бывшего футболиста, украинца по национальности, комментировавшего матчи по-русски). Данное, «цитатное», УС вошло и в современный украиноязычный спортивный дискурс – *як поїзд повз жебрака*.

Проведённый анализ позволяет сделать первичные выводы о том, что язык современной украинской спортивной журналистики является иллюстрацией межславянской языковой конвергенции, когда схожесть лексики и отдельных фразеологических моделей, метафорических образов, синтаксических конструкций в сочетании с генетической близостью двух восточнославянских языков, способствуют тому, что русский язык выполняет роль образца для создания устойчивых выражений (журналистских штампов, новых фразеологических единиц) и «полуофициальных» терминов, необходимых в журналистике для «оживления» текста, придания ему различных стилистических эффектов, выполнения определённых прагматических функций, увеличения степени экспрессии, воссоздания «атмосферы аутентичности» происходящего во время спортивного состязания.

Образное, структурное и компонентное сходство фразеологизмов-неологизмов в русском и украинском языках, помимо указанного родства обоих языков, обусловлено также их многолетним сосуществованием в общем языковом и общекультурном пространстве. Другим важным фактором можно считать то, что русский был (и остаётся вплоть до сегодняшнего времени) основным языком общения не только в российском, но и в украинском спортивном дискурсе. Что касается сферы спортивной журналистики, то и тут

можно говорить об общей «журналистской школе», возникшей на базе русского языка в XX веке. Если система официальной спортивной терминологии еще в советский период развивалась и на украинском языке, то спортивный жаргон, разговорная спортивная лексика и фразеология, характерные журналистские образные обороты (включая клише и штампы), в основном, рождались в русскоязычном сегменте спортивных масс-медиа.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современный украиноязычный спортивный дискурс (включая жанр спортивной журналистики и спортивного репортажа), с одной стороны, основан на богатом предшествующем опыте русскоязычной спортивной журналистики, с другой стороны – близость словообразовательной, лексической и фразеологической систем двух родственных языков способствует возникновению новых образных лексических и фразеологических единиц в украинском языке, характерных для спортивного дискурса. Необходимо также учитывать факты русскоязычия большей части украинских спортсменов, а также совместного участия российских и украинских спортсменов во внутренних и международных соревнованиях, что способствует (взаимо)обмену лексическими и фразеологическими единицами, свойственными русскому и украинскому спортивному дискурсу.

Вероятно, в будущем следует ожидать пополнения количества статей (вокабул) фразеологических словарей русского и украинского языков и расширения их содержания путём включения в них пока незафиксированных ФЕ, получивших за счет новых, спортивных, коннотаций новые прагматические значения. Перспективным нам видится и создание двуязычных русско-украинского и украинско-русского фразеологических словарей.

ŠPORTOVÉ FRAZÉMY V SLOVENSKÝCH MÉDIÁCH

Milada Jankovičová
Bratislava, Slovensko

Texty uverejňované v rôznych druhoch médií, či už printových (tlač), auditívnych (rozhlas), audiovizuálnych (televízia) alebo elektronických (internet), sa vyznačujú častým výskytom frazém, ktoré majú pôvod v športovej činnosti ľudí. Vznikli na báze výrazov, ktoré používajú športovci pri športovaní, novinoví, rozhlasoví a televízni redaktori pri komentovaní športových udalostí a výkonov športovcov, ako aj výrazy vyskytujúce sa v odborných textoch o športe (v knižných teoretických príručkách a učebniciach, v pravidlách hry jednotlivých druhov športu a pod.), t.j. na báze výrazov používaných v ústnych aj písomných textoch týkajúcich sa športu, ktoré nazývame *športové komunikáty*.

Výrazy používané v športových komunikátoch súvisia s rôznymi druhmi športu. Sú medzi nimi výrazy, ktoré sa vyskytujú iba v jednom konkrétnom športe alebo športovej disciplíne (*byť na čele peletónu* – cyklistika, *dostať sa do vývrvky* – letecká akrobacia, *zásah do čierneho* – streľba), s inými sa stretávame v dvoch alebo viacerých druhoch športu (*mať rovnakú štartovaciu čiaru* – bežecké atletické a lyžiarske disciplíny, *strela na bránu* – futbal, hokej, hádzaná a pod.), resp. sú to výrazy, ktoré sú spoločné pre komunikáciu vo všetkých druhoch športu (*dodržovať pravidlá hry, hrať čistú hru, udeliť niekomu dištanc, prekonať rekord, stáť na stupni víťazov*). Z týchto výrazov vznikajú športové frazémy v procese frazeologizácie, ktorá spočíva v tom, že výrazy strácajú zviazanosť so situáciou, v ktorej sa používali, a prenášajú sa z pôvodnej oblasti výskytu, t.j. športu, do inej oblasti, a to hodnotenia človeka, vecí, dejov a situácií.¹²²

V práci sa zameriame na skúmanie sémantickej stránky športových frazém, t.j. na nimi vyjadrované významy, a na špecifiká ich uplatňovania v jazyku médií.

¹²² Jednotlivé typy výrazov používaných v športových komunikátoch a spôsoby ich frazeologizácie, ako aj príklady uplatňovania športových frazém v konkrétnych textoch, sa uvádzajú v práci [Jankovičová 2010].

Z počtu približne osemtisíc slovenských frazém uvedených v Rusko-česko-slovenskom slovníku frazeologických synonym [Stěpanova, Fojtů, Jankovičová 2014], ktoré boli získané excerpciou slovenských frazeologických a výkladových slovníkov, ako aj excerpciou frazém z textov rôznych druhov médií, najmä printových a elektronických, k športovým frazémam môžeme priradiť asi štyristo slovenských frazém.

V Krátkom slovníku slovenského jazyka sa *šport* definuje ako „(organizovaná) záujmová činnosť vykonávaná na posilnenie telesnej kondície, často spojená so súťažením; pren. hovor. záľuba“ [KSSJ 2003: 747]. Zdôrazňuje sa teda rekreačný, oddychový charakter športu, čo zodpovedá aj etymológii tohto slova, porov.: „šport z angl. *sport*, pôvodne ‘prijemné strávenie času; zábava, oddych’. Forma *sport* vznikla skrátením staršieho *disport*, prevzatého zo stfr. *desport* (doslova ‘odnesenie’, v zmysle odvrátenia pozornosti od povinností, starostí ap.), od slovesa *desporter* ‘odniesť’“ [Králik 2015: 590]. Takémuto chápaniu športu zodpovedá tzv. rekreačný šport, pri ktorom ide predovšetkým o zlepšovanie fyzickej kondície prostredníctvom obľúbených športových aktivít a o radosť z pohybu. V slovenskej frazeológii sme zistili len jednu frazému, ktorá má súvis s rekreačným športom, a to (robiť niečo) *zo športu* s významom „robiť niečo zo záľuby, pre potešenie“, porov.: Robí to len *zo športu*, nie pre peniaze alebo nejaký osobný prospech.

Iná situácia je vo vrcholovom športe, ktorého cieľom je dosahovanie maximálnych športových výkonov, ako to hlása olympijské heslo *Citius, Altius, Fortius* – Rýchlejšie, vyššie, silnejšie. Vo vrcholovom športe sú také znaky športu ako zábava a potešenie z pohybu zatláčané do úzadia, a do popredia sa dostáva prvok súťaživosti. Vyexcerpované slovenské športové frazémy vznikli frazeologizáciou výrazov používaných práve vo vrcholovom športe.

Skúmanie sémantiky športových frazém ukazuje, že rovnako ako ostatné frazémy vyjadrujú predovšetkým hodnotenie človeka (jeho charakterových vlastností, rozumových schopností, sociálneho postavenia, vzťahu k iným ľuďom, situácií, do ktorých sa dostáva a pod.), čo súvisí s antropocentrizmom frazeológie. V mediálnych textoch však športové frazémy fungujú nielen ako hodnotiace pomenovania človeka ako jednotlivca, ale aj skupiny ľudí spojených spoločným znakom do jedného celku, ktorým môže byť pracovisko, inštitúcia, firma, štát a pod., porov.: – Hotel Danube *urobil dobrý ťah* s otvorením výstavy vo vstupných priestoroch na prízemí. Robí tak reklamu nielen sebe, ale aj umeniu. – Ak sa vracajú slovenskí absolventi zahraničných univerzít, potom je to len dobré na „osvieženie“ miestnej konkurencie. *Loptička je na strane* univerzít. – Slovensko je stále *v hre* o 49% akcií Transpetrolu.

Na druhej strane športové frazémy nehodnotia fyzický vzhľad človeka, jeho vystupovanie, spôsob reči, vzťah k práci, jeho emócie, zrakové a sluchové vnímanie okolitého sveta alebo telesné pocity.

Na základe sémantiky, t.j. vyjadrovaných významov, možno v súbore športových frazém vyčleniť dve skupiny.

Prvú skupinu tvoria športové frazémy, ktoré vyjadrujú významy majúce už v slovenskej frazeológii svoje frazeologické vyjadrenie, frazeologické pomenova-

nia, a vstupujú s týmito pomenovaniami do synonymických radov. Spája ich s nimi rovnaký opis, interpretácia významu vyjadrovaného frazémami buď v podobe slova alebo (častejšie) voľného slovného spojenia, ale odlišujú sa od nich svojou obraznosťou. Ak pripustíme, že obraznosť je dôležitý významotvorný prvok v celkovej sémantike frazémy, môžeme ich pokladať za ideografické synonymá. Frazémy tejto skupiny hodnotia:

- a) charakterové vlastnosti človeka: ‘pocitívý, čestný človek’ – *hrať fair (fér), hrať čistú hru, dodržiavať pravidlá hry*; ‘nečestný, nepocitívý človek’ – *porušovať (nedodržiavať) pravidlá hry, klamať telom*; ‘namyslený, samolúby človek’ – *myslí si o sebe, že je majster sveta*; ‘prchký, impulzívny človek’ – *dostávať sa do vývrtky*; ‘závislý, nesamostatný, ľahko manipulovateľný človek’ – *nastrčená figúra (figúrka)*; ‘človek náročný k sebe’ – *vysoko si postaviť latku*; ‘človek meniaci svoje názory, presvedčenie’ – *meniť dres*;
- b) vzťah človeka k iným ľuďom: ‘dostať sa do sporu s niekým pre protichodné názory’ – *skrížiť [si] s niekým kordy*; ‘prestať pokladať niekoho za potrebného’ – *poslať niekoho na striedačku*; ‘prepustiť niekoho z práce’ – *dať niekomu kopačky*; ‘privádzať niekoho do ťažkej, bezvýhodiskovej situácie’ – *dostávať niekoho do patovej situácie*; ‘brániť niekomu vo vykonávaní nejakej činnosti’ – *držať niekoho v šachu*; ‘vyradiť niekoho z nejakej činnosti, obyčajne za trest’ – *vyľúčiť niekoho z hry, vyšachovať niekoho z hry, ukázať niekomu červenú kartu, posadiť niekoho na trestnú lavicu*; ‘zakázať niekomu nejakú činnosť’ – *udelieť niekomu dištanc*; ‘vyhrať nad niekým, poraziť niekoho’ – *vyhrať partiu, položiť (dostať) niekoho na lopatky, dať niekomu mat, zasadiť (uštedriť) niekomu knockaut, dostať (zraziť) niekoho na kolená*; ‘nečakane a zákerne niekomu uškodiť’ – *zasadiť niekomu úder pod pás, dať niekomu podpásovku*; ‘prejavovať záujem o niekoho’ – *mať niekoho na muške, brať si niekoho na mušku, držať niekoho na muške, zaostriť si mušku na niekoho*;
- c) postavenie človeka v spoločnosti: ‘významný človek’ – *ťažká váha*; ‘bezvýznamný človek’ – *šachová figúrka, pešiak na šachovnici, musia váha*; ‘stratiť význam, dôležitosť’ – *vypadnúť z hry*; ‘človek s vynikajúcimi schopnosťami’ – *byť prvá liga, hrať prvú ligu, kopať prvú ligu, byť ligový, byť prvá (extra) trieda*; ‘človek s priemernými schopnosťami’ – *kopať druhú ligu*; ‘byť lepší ako iný’ – *byť iná liga, byť iná váhová kategória, byť o váhovú kategóriu vyššie*; ‘byť horší ako iný’ – *byť o váhovú kategóriu nižšie*; ‘byť rovnaký ako iný’ – *hrať rovnakú ligu*;
- d) rozumové schopnosti človeka: ‘veľmi hlúpy človek’ – *sprostý ako tágo*; ‘konať múdro, správne’ – *urobiť dobrý (správny) ťah*; ‘konať hlúpo, urobiť chybu / robiť chyby’ – *urobiť kotrmelec (robiť kotrmelce), robiť vývrtky, stúpiť (šliapnut) vedľa, urobiť prešlap*; ‘konať nepremyslene, na vlastnú škodu’ – *dať si vlastný gól, streliť gól do vlastnej bránky*; ‘vedieť vystihnúť podstatu vecí’ – *trafiť do čierneho*; ‘nevedieť vystihnúť podstatu vecí’ – *streliť vedľa*; ‘nevyznať sa v niečom’ – *mať v niečom hokej*;

- e) životné situácie človeka: 'dostať sa do zúfalej, bezvýchodiskovej situácie' – *dostať sa do pátovej situácie*; 'byť v zúfalej, bezvýchodiskovej situácii' – *byť v pate*.

Druhú skupinu tvoria športové frazémy, ktoré sú jediným frazeologickým vyjadrením nejakého významu, jediným frazeologickým pomenovaním nejakého javu. Kým športové frazémy prvej skupiny obohacovali slovenskú frazeológiu o nové spôsoby obrazného vyjadrovania rovnakého významu, frazémy druhej skupiny ju obohacujú o nové významy. Len zriedkavo sa uvádzajú v slovníkoch, takže ich významy je možné zistiť len na základe ich používania v konkrétnych textoch. Pretože ich sémantická štruktúra je často zložitá, aj ich význam je možné interpretovať len pomocou viacslovných, niekedy zložitých opisov. Frazémy tejto skupiny hodnotia:

- a) charakterové vlastnosti človeka a jeho konanie: 'človek idúci vytrvalo, neúnavne za svojím cieľom' – *bežec na dlhé trate*; 'človek, ktorý ide za svojím cieľom osamotene, bez spolupráce s inými' – *osamelý bežec*; 'človek nachádzajúci sa na poprednom mieste, ktorý vedie' – *byť na čele peletónu*; 'mať číselnú prevahu, byť silnejší' – *hrať presilovú hru, hrať presilovku*; 'obhajovať svoje názory v nejakej oblasti' – *biť sa v ringu, stretnúť sa s niekým v ringu*; 'priznať blížiacu sa porážku' – *byť zrelý na uterák*; 'priznať porážku' – *hodiť uterák do ringu*; 'urobiť vzájomnú zámenu ľudí na ich miestach' – *urobiť rošádu*; 'dať niekomu príležitosť na vhodnú reakciu a tak mu pomôcť' – *nahrať niekomu na smeč*; 'mať rovnaké podmienky na začatie nejakej činnosti' – *mať rovnakú štartovaciu čiaru*; 'stáť pred urobením (očakávaného) kroku' – *byť na ťahu*; 'blížiť sa k úspešnému završeniu nejakej činnosti' – *dobehať do cieľa, vbiehať do cieľovej rovinky*; 'úspešne završiť nejakú činnosť' – *dobehnúť do cieľa, pretrhnúť cieľovú pásku*; 'byť stúpencom nejakej názorovej alebo politickej skupiny' – *kopať v drese niekoho, obliekať si dres niekoho*; 'nepriúpustne narúšať dohodnutý postup' – *meniť pravidlá počas hry*; 'zapojiť sa do vykonávania nejakej činnosti' – *vstúpiť do hry*; 'byť v nevýhodnom postavení oproti ostatným' – *ťahať za kratší koniec*;
- b) činnosť, prácu, konanie: 'dlhotrvajúca činnosť alebo práca' – *beh na dlhé trate*; 'činnosť alebo práca spojená s prekonávaním ťažkostí' – *beh cez prekážky, prekážkový beh*; 'cieľavedomé, priamočiare konanie' – *ťah na bránu*; 'čestné konanie' – *čistá hra, fair play*; 'nečestné, zákerné konanie' – *úder pod pás*; 'vzájomná zámena ľudí' – *veľká rošáda*; 'východisko na začatie nejakej činnosti' – *odrazový mostík k niečomu, na niečo*;
- c) rôzne situácie: 'situácia, v ktorej je zakázané vykonávať činnosť' – *postavenie mimo hry*; 'situácia, kedy sa očakáva reakcia druhej strany' – *loptička je na strane niekoho, niečej*.

Športové frazémy niekedy vytvárajú synonymické rady, pričom synonymné frazémy vznikajú tak na báze výrazov používaných v jednom druhu športu (*dobehnúť do cieľa, pretrhnúť cieľovú pásku*), ako aj v rôznych druhoch športu (*položiť niekoho na lopatky, dať niekomu mat*). Častejšie však vstupujú do antonymických vzťahov,

porov.: *ťažká váha* – *pešiak na šachovnici*, *byť na čele peletónu* – *byť na chvoste peletónu*, *trafiť do čierneho* – *streliť vedľa*, pričom je pre ne typický vysoký výskyt konverzných frazeologických antonym, porov.: *vyhrať partiu* – *prehrať partiu*, *položiť niekoho na lopatky* – *byť na lopatkách*, *zasadiť niekomu úder pod pás* – *dostať úder pod pás*, *udelieť niekomu červenú kartu* – *dostať červenú kartu*, *dostať niekoho do patovej situácie* – *byť v patovej situácii*, *udelieť niekomu dištanc* – *dostať dištanc*, *dať niekomu kopačky* – *dostať kopačky*. V súbore športových frazém sme zaznamenali aj niekoľko prípadov polysémie, porov.: *zahrať niečo do autu* – 1. vyhnúť sa riešeniu problému, 2. zahovoriť nepríjemnú tému; *dať niekomu kopačky* – 1. 'prepustiť niekoho z práce', 2. 'roziť sa s partnerom z vlastnej vôle'; *napínať svaly* – 1. 'dávať najavo svoju silu, hroziť', 2. 'správať sa vystatovačne, chvastúnsky'; *byť [iba] figúrkou [na šachovnici]* – 1. 'byť bezvýznamný', 2. 'byť manipulovateľný'.

Obe uvedené skupiny športových frazém sú obohatením frazeologického fondu slovenčiny. Kým frazémy prvej skupiny vnášajú do slovenskej frazeológie nové typy obraznosti, druhá skupina frazém rozširuje register frazeologicky vyjadrovaných významov. Väčšina športových frazém vznikla v posledných rokoch, patria teda medzi frazeologické neologizmy. Typickou oblasťou ich uplatňovania sú printové a elektronické médiá, v ktorých sa obvykle zaznamenáva ich prvý výskyt a prostredníctvom ktorých následne prenikajú do iných oblastí používania jazyka.

СЕМАНТИКА СТРАХА В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ: ОБРАЗЫ И РЕАКЦИИ¹²³

Мария Львовна Ковшова
Москва, Россия

Семантическое поле «страх» в русской фразеологии включает в себя не менее 70-ти единиц. Это коллокации с лексемами *страх, ужас, боязнь, испуг, трепет, жуть* и др. (*страх берёт; ужас охватывает*); идиомы (*душа в пятки ушла; мороз по коже*); компаративы (*как огня бояться; как дьявол крёстного знаменья*); фразеологические междометия (*жуть во мраке; страх господень*); суеверные формулы (*не к ночи будь помянут*) и др. [Бирих, Мокиенко, Степанова 1997]. Нецензурные варианты фиксируются редко; ср. [Мокиенко, Никитина 2007, 2008].

Фразеологизмы поля «страх» описывают:

- 1) состояние субъекта эмоции, данное во внешних симптомах или внутренних ощущениях (*волосы дыбом становятся; волосы на голове шевелятся; в сердце <в груди; внутри> что-то оборвалось <оторвалось>; дрожать <трястись> как осиновый лист; дрожать <трястись> как овечий <заячий> хвост <хвостик>; душа в пятки уходит <ушла>; кровь стынет <леденеет; холодеет>/ застыла в жилах; кровь отлила от лица; лица нет; мороз по коже дерёт; мурашки по спине <по телу; по коже> бегают <ползают>; небо с овчинку кажется; не смейдохнуть <пикнуть>; ни жив ни мёртв; ни кровинки в лице; ноги подкашиваются/подкосились; обливаться холодным потом; поджилки трясутся; родимчик приключился; язык отнялся и др.);*

¹²³ Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 18-012-00736-а) в Институте языкознания РАН.

- 2) непосредственное выражение эмоций в восклицаниях (*страхи господни; мать божья; ужас что такое <страх что делается>; ёклмн; твою мать; мама дорогая* и др.);
- 3) мера/степень проявления эмоции (*до жути; как огня; как самого чёрта; как смертельного удара; как чёрт ладана; как чумы; страшно аж жуть* и др.);
- 4) действия агрессивного каузатора (*внушать <наводит> страх <трепет>; вогнать в страх; внушать ужас; вызвать испуг; наводить ужас* и др.);
- 5) трусливость как свойство характера (*заячья душа; из робкого десятка; как заяц; как лань; как ягнёнок* и др.);
- 6) трусливое поведение (*праздновать труса; медвежья болезнь; наложить в штаны; намочить штаны; поджать хвост; прятаться <уходить> в кусты* и др.);
- 7) превентивные речевые действия (*не к ночи будь сказано* и др.).

Для изучения процессов концептуализации эмоций во фразеологии во взаимосвязи с исследованием рефлексии эмоций в языковом сознании было проведено два эксперимента. Первый эксперимент «от вербальных знаков – к сознанию» проводился на основе техники семантического дифференциала (СД), разработанной группой американских психологов для исследования синестезии [Osgood, Tannenbaum 1955]. Главной задачей метода СД считается построение семантического пространства, структура которого служит объяснительной моделью того, как индивид воспринимает, классифицирует, сравнивает, оценивает заданные объекты [Новиков, Новикова 2011]. Под психосемантическим пространством понимается модель категориальной системы индивидуального сознания, иерархизированный набор глобальных категорий, определяющих построение и содержание значений в сознании респондента [Петренко 2005]. Психосемантическое пространство – это пространство реакций; на его основе возможно определить смысловую значимость объектов для респондентов, или семантическую дифференциацию [Артемьева 2007]. При проведении настоящего эксперимента была осуществлена модификация метода семантического дифференциала для исследования того, как современными носителями русского языка воспринимается концепт страха, запечатленный во фразеологизмах. Респондентам – 280-ти студентам высших учебных заведений г. Москвы – предлагалось квалифицировать фразеологизмы поля «страх» по заданному набору качеств. Предлагалось оценить, в какой мере семантика того или иного фразеологизма соотносится с семантикой парных признаков: 1. неприятный/приятный, 2. тёмный/светлый, 3. безобразный/красивый, 4. пассивный/активный, 5. медленный/быстрый, 6. хаотичный/упорядоченный, 7. изменчивый/устойчивый, 8. неподвижный/движущийся, 9. сложный/простой, 10. таинственный/обычный, 11. маленький/большой, 12. слабый/сильный, 13. лёгкий/тяжёлый, 14. опасный/безопасный, 15. мягкий/твёрдый,

16. грубый/нежный, 17. чужой/родной, 18. глупый/умный, 19. тупой/острый, 20. несчастный/счастливыи, 21. печальный/радостный.

Использование семантически разных признаков дало определенную степень свободы в проекции когнитивных структур испытуемых на воспринимаемый ими фразеологизм. Респонденты устанавливали связь между, н-р, фразеологическим компаративом *как заяц* и такими признаками, как: «приятный/неприятный», «тёмный/светлый», «маленький/большой», «чужой/родной» и др. По значимости связи с тем или иным признаком фразеологизм оценивался по шкале от 0 до 5 (0 означает отсутствие качества, 5 – его максимальную выраженность). Важно отметить, что всем респондентам были известны значения фразеологизмов. Полученные протоколы собирались в общегрупповую матрицу данных, которая обрабатывалась методом факторного или кластерного анализа. Эксперимент позволил выявить определенные связи между семантикой фразеологизмов и семантикой того или иного признака; н-р, для компаратива труслив *как заяц* фиксировались оценки: «приятный», «безопасный», «родной» и т.п. Оказалось, что знание значения фразеологизма не мешает респонденту проецировать восприятие образа на себя; в фокус внимания попадал тот или иной компонент образа и оценивался в плане того, страшный объект или не страшный, представляет опасность или не представляет. Семантика фразеологизма в каких-то случаях «переворачивалась», в фокусе восприятия оказывался образный компонент значения, который стимулировал те или иные реакции, иногда независимо от денотативного компонента значения фразеологизма.

Эксперимент также выявил понятийные дифференциалы, по которым респондентами распределялись фразеологизмы с семантикой страха: 1. «оценка»; 2. «сила»; 3. «активность»; 4. «упорядоченность»; 5. «естественность»; 6. «рациональность». В результате сложилось психосемантическое пространство, параметры которого не во всем коррелируют с параметрами лингвистического описания фразеологизмов. Так, в психосемантическом пространстве фразеологизмы с семантикой трусости, н-р: *как заяц; заячья душа; прятаться в кусты* и т.д. обнаружили по критерию 1. «оценка» хорошо выраженные позитивные коннотации. При описании языковой семантики данных фразеологизмов подобная позитивная оценочность не фиксируется, напротив, боязливость, трусость осуждается, что фиксируется в словарной помете «неодобр.» (неодобрительно) и подтверждается при употреблении. Ср.: «Дрожать, бояться, трусить *как заяц*. Неодобр. О дрожащем от страха или сильной робости человеке. – А ты всего боишься как заяц, – пожурил сына Прокоп, но против обычного как будто беззлобно. – Скоро и от мухи будешь шархаться. Ф. Певнев. Осенние костры» [Лебедева 2003: 66]. Тем не менее, фразеологизмы с семантикой боязни или трусости получили высокие баллы по критерию 5. «естественность». Эксперимент показал: образы испуга, сильной боязни, страха и трусости в глубине обыденного сознания воспринимаются

как нормальная реакция на то, что представляет опасность; в результате чего пугающийся человек и трусливый человек равно получили одобрительную оценку. Выяснилось также, что «психотерапевтическое» действие на наивное сознание оказывают фразеологизмы с меронимическими образами (как *самого чёрта бояться; небо с овчинку показалось* и др.): они получили высокие баллы по критериям 4. «упорядоченность» и 6. «рациональность». Данные фразеологизмы коррелируют с таким параметром, как способность оценивать опасность, и воздействуют на наивное сознание положительно.

Итак, первый эксперимент обнаружил схождения и расхождения языковой семантики фразеологизмов, которая известна носителям языка, с тем видением страха, которое существует глубоко в сознании человека.

Второй эксперимент «от сознания – к вербальным знакам» был направлен на то, чтобы выявить активные фразеологизмы «страха», хранящиеся в современном языковом сознании. В эксперименте участвовало 48 человек, мужчин и женщин, от 18-ти до 25-ти лет, студентов и людей с высшим образованием. Респондентам предлагалось привести слова и выражения с семантикой страха, которые они знают или употребляют. Вопросы были даны в свободной манере, располагающей к искренности: 1) Что вы говорите/пишете, какие картинки и эмоджи кидаете, чтобы выразить, что вам страшно? 2) Какие выражения сейчас связаны со страхом? 3) Как говорят про трусливого человека?

Опрос проводился в Твиттере и ВКонтакте; тем самым, ответы в большей степени соответствовали тому, какие вербальные и невербальные знаки используют респонденты в неформальной сетевой коммуникации – активной поликодовой среде бытования языка. Несмотря на то, что респонденты владеют литературным языком (об этом говорят пояснения к ответам), употребляемые ими слова и выражения откровенно грубые. Это матизмы и обцензизмы с их примитивной «отгонной» функцией; по замечанию самих респондентов, «обычно это нецензурная лексика», «маты»; «выражения, связанные с физическими испражнениями», а также эмотивные междометия и полуэвфемизмы. Респонденты часто давали пояснения своим знакам и формам, н-р: «использую скобочки))))))) как защитную реакцию, сопровождаемую матерными выражениями»; «пишу блин))) или мат, но именно с такими скобками»; «пишу «блять» и ставлю точку в конце предложения»; «всегда пишу «пиздец..» обязательно с многоточием зачем-то». Во многом написание отвечало устной речи; ср.: «аааа (АААА)»; «страшна»; «страшна вырубай!»; «что это такое тооо». Приведем ответы одного респондента полностью:

- 1) Что вы говорите/пишете, какие картинки и эмоджи кидаете, чтобы выразить, что вам страшно? – Эмоджи очень редко использую. Обычно пишу что-то вроде: «Что-то стрёмно мне» или «сйжу ТРЕВОЖНО», ну или уже матом вроде «пиздец страшно».

- 2) Какие выражения сейчас связаны со страхом? – Сыкотно, стремно, «чуть сердечный приступ не словил» (сорри я не очень шарю, что другие говорят и это тоже в основном то, что сама юзаю).
- 3) Как говорят про трусливого человека? – Редко кто кого-то называет трусом. Поэтому осталось только словечко из школьного лексикона «сыкло».

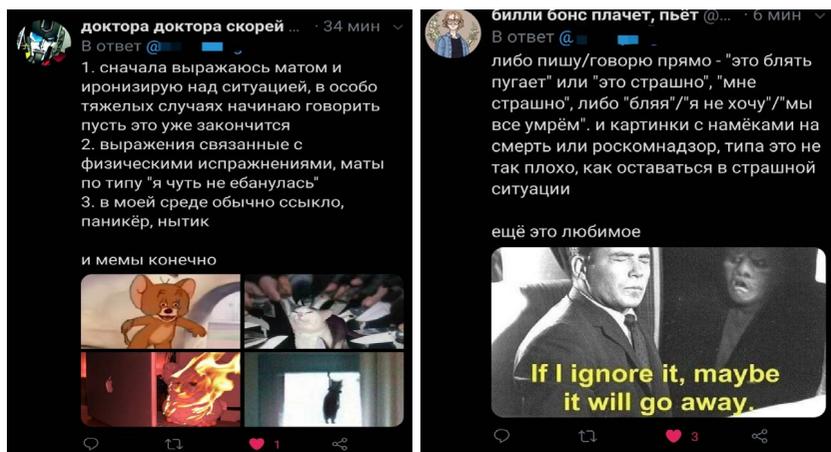
Приведем другие типичные ответы:

- 1) «жуть/жуть какая/боже/пиздец и прочие маты»; «для меня – простые матерные (пиздец, например)»; «это/ мне пиздец, пиздос, высираю кирпичи, мне стрёмно, меня трясет»; «мне пизда, что делать, помогите»; «мне кранты/крышка»; «это конец/п*здец»; «пусть это уже закончится»; «страшно вырубай»; «я так пересралась»; «чуть не умерла»; «я чуть не ебанулась» и под.;
- 2) «ссыкую и подобное, также пиздец и другие однокоренные»; «всё, что связано со словом «ссать», типа ссу, ссыкую, сыкотно, ну и опять такие нецензурщина типа пиздец/.../ готовим жопы»; «до усрачки»; «стрёмно/ крипота [от англ. creep, жутко, пугающе – М.К.], если более серьёзная степень страха, то опять же маты или «с ума сойти», «боже мой»; «крипово»; «жёстко»; «нейронично»; «аж в холод бросило»; «чуть сердце не вывалилось»; «мы все умрём и прочее в этом духе»;
- 3) «также ссыкун, ссыкливый»; «ссыкло»; «ссыкуха, пуська»; «трусюшка (если хорошо отношусь или нейтрально), ссыкло (если человек мне лично неприятен)»; «беззубый, бесхребетный, ссыкло (если именно про трусливого с негативной оценкой)»; «очень редко говорят, но ссыкло»; «нытик»; «паникёрша», «параноичка», «нервная», «не знаю даже, в моем окружении никто не шеймит страх» [от англ. shame, стыдить – М.К.].

Ранее было выявлено неосознаваемое сочувствие к проявлению трусости, идущее вразрез с тем, как описывается оценочная семантика фразеологизмов в словаре. Во втором эксперименте была заявлена прямая рефлексия; ср.: «Каких-то конкретных выражений не используется, в окружении все понимают страх и говорят я б тоже испугался»; «Заметила, что общество постепенно отходит от культа бесстрашия, и я редко слышу какие-либо обозначения для трусливого человека. Но если и слышу, то про скромность, нерешительность, личную неуверенность как синонимы». Тем самым, можно говорить о тенденции к лакунизации в означивании данной темы.

В некоторых ответах есть эмоджи, или изображения эмоций: смайлики, сердечки, яблоки и т.п., также используются стикеры, среди которых респонденты выделяют: «восклицания, выпученные глаза, отражения телесных вибраций». Есть несколько ответов, в которых используются только картинки, но другие респонденты отмечают, что «если реально пугаюсь, то тут уже не до картинок или эмоджи».

В ответах встретились единичные примеры крылатых выражений и поговорок с частичной модификацией; ср.: «Всё это было бы смешно, когда бы не было так страшно»; «пизда котёнку, хоронить не будем». Отсутствие в ответах пословиц и афоризмов говорит о том, что семантика страха в сознании людей осознается прежде всего в аспекте личного переживания. С осторожностью можно предположить, что обобщающие сентенции и художественно-литературные иллюстрации современные носители языка находят в новых поликодовых единицах – мемах, которые могут рассматриваться как неофразеологизмы.

Сделаем выводы. Фразеологизмы участвуют в формализации негативного материала; позволяют «снимать» чувство страха путем его «воплощения» в языковые образы. В целом, восприятие фразеологизмов в ходе экспериментов показало, что в языковом сознании ведется активная работа защитных механизмов от возможных рисков; что человек отождествляет себя с субъектом страха, становится на позицию того, кто боится. Личные реакции индивида входят в определенное противоречие с установками общества, зафиксированными при описании фразеологизмов в словаре. Также установлено, что в непринужденном сетевом общении в ответ на понятие «страх» активизируются, прежде всего, матизмы и обсценизмы; основные метафоры, при их некоторой модификации, остаются прежними. Место крылатых выражений, пословиц и афоризмов заняли мемы – современные поликодовые знаки, близкие фразеологизмам по образности и смысловой насыщенности.

**Трансформации
фразеологических единиц
в современной русской
и славянской фразеологии**

FRAZEOLOGICKÉ BIBLIZMY V SÚČASNEJ RUSKEJ A SLOVENSKEJ REČI¹²⁴

Alla Arkhanhelska
Viktoriya Machek
Olomouc, Česká republika

Využívanie stálych výrazov biblického pôvodu v súčasnej reči, zvláštnosti fungovania v porovnaní s ich prototypmi a povaha vzťahu medzi nimi dnes priťahuje osobitnú pozornosť bádateľov (V. Mokienko, A. Melerovič, K. Dubrovina, Je. Reunova, I. Tretjaková, A. Bierich, J. Matešič, J. Naboka, J. Mlacek, D. Baláková, V. Kovačová, J. Skladaná a mnohí ďalší). Frazeologické biblizmy (FB), vychádzajúce z textov Biblie a zaradené do úložísk lingvokultúrnej pamäti ruskej a slovenskej jazykovej komunity ako obrazne prehodnotené štruktúrno-sémantické nerozložiteľné idiomatické jednotky, si napriek všetkému zachovávali svoju prítomnosť v jazyku a jeho priestore a teraz si nadobúdajú nový život. Spolu s frazeologickými neologizmami, ktoré vznikli v dôsledku potreby nominácie nového aktuálneho javu, sa „staré“ frazeologické jednotky – biblizmy, aktivované v nových podmienkach, čoraz viac stávajú „frazeologickými markermi doby“ [Доброва 2019: 234].

Biblické výrazy, ktoré sú základom FB, nielenže sa nezmenili na petrifikovanú masu zastaraných jednotiek, ale naopak sa stali zdrojom početných transformácií a okazionálnych aktualizácií, odhaľujúcich špecifiká adaptácie biblických námetov v rôznych jazykoch [Skladaná 2010; Набока 2018; Мелерович, Мокиенко 2014; Архангельська, Мерзова 2018]. Jeden z takýchto výrazov *волк в овечьей шкуре* // *vlk v barančom (ovčom) rúchu*, presnejšie – jeho transformačná paradigma v súhrne rôznorodých transformácií v ruských a slovenských umeleckých a mediálnych textoch, sa aj stala predmetom analýzy v tomto článku. Komparatívna stránka štúdie je zameraná na zistenie podstaty a charakteristík rôznych druhov transformácií FB

¹²⁴ Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky účelové podpoře na specifický vysokoškolský výzkum udělené Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR Univerzitě Palackého v Olomouci (IGA_FF_2020_013).

v dvoch jazykoch a na odhalenie možného vplyvu širokého spoločensko-politického kontextu na použitie a transformáciu tohto frazeologického biblizmu v modernom diskurze.

V prípade FB ako intertextuálnych reprezentantov tzv. „kultúrnej frazeológie“ práve biblický prototext odhaľuje informácie, ktoré určujú možnosti použitia FB ako okazionalizmu. FB, ustálený v ruskej frazeológii ako *волк в овечьей шкуре*, v slovenskej – *vlk v barančom (ovčom) rúchu*,¹²⁵ pochádza z Evanjelia podľa Matúša. Tento obraz Ježiš Kristus používa v Kázni na vrchu na varovanie svojich súčasníkov pred falošnými učiteľmi a prorokmi:

*Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные (Матф., 7, 15) // Dajte si pozor na falošných prorokov, ktorí prichádzajú k vám v ovčom rúchu, no vnútri sú to draví vlci (Mt 7,15).*¹²⁶

Treba podotknúť, že výraz *волк в овечьей шкуре* vo forme, na ktorú sme zvyknutí, nie je priamo explikovaný v prototexte varovania, hoci už v Biblii nadobúda prenesený význam. Vznikol určitou „kompresiou“ a preusporiadaním formálnych dominant pri zachovaní významu a axiologickej konotácie prototextu s aktualizáciou pôvodne implikovanej v ňom zložky *в шкуре* (pôvodne – *в одежде*, slov. v *rúchu*).

Osobitnú úlohu v zložení FB *волк в овечьей шкуре // vlk v barančom (ovčom) rúchu* zohráva metafora prezliekania do „falošného prevleku“¹²⁷ ako aj symboly-zoosemizmy, axiologicko-hodnotiacej povahy *волк – овца (овечий) // vlk – ovca (baran), ovčí (barančí)*, ktoré sa aktualizujú vo vnútornej forme a odrážajú negatívne hodnotenie celej proto-situácie. Tu môžeme hovoriť o širokom prejave biblickej symboliky: symbolický je nielen samotný text vyslovený Ježišom, ale aj subjekty prototextu – *волк // vlk a овца // ovca, baran*. Kontrastná dvojica vlk ↔ ovca je kvázi antonymická opozícia, ktorá prekročila „rodičovský diskurz“, jej zložky sa stali slovami, ktoré jednak pri svojom samostatnom použití, jednak ako súčasť ustálených slovných spojení vyvolávajú v mysliach rodených hovoriacich ustálené, uzuálne zafixované asociácie charakteristické pre mnohé jazykovo-kultúrne spoločenstvá: *zlý, krvilačný, agresívny, domínujúci ↔ milý, mierumilovný, pokorný, podriadený (obeť)*. V súčasnosti výraz *волк в овечьей шкуре // vlk v barančom (ovčom) rúchu* označuje v oboch jazykoch pokrytca, ktorý maskuje svoj zlý úmysel imaginárnou zbožnosťou, maskou cnosti a mátie dôverčivého človeka.

¹²⁵ Tu máme príklad národnej identity FB, skutočnosti, že „vo frazeológii biblického pôvodu existujú čisto formálne rozdiely pri zachovaní rovnakého obrazu a podobnosti v sémantike frazeologických jednotiek“ [Степанова 2004: 46–48].

¹²⁶ <https://biblia.sk/vyhľadavanie?q=v%20r%C3%BAchu>

¹²⁷ Podstata metafory prezliekania spočíva vo vonkajšom maskovaní vlastnej (vnútornej) prírody, podstaty, zámerov. Samotné prezliekanie sa do „nesvojho oblečenia“ je formou klamstva, ktorá udržuje ilúziu pravdy. Jeho cieľom je zamaskovať sa, zmeniť sa na nepoznanie spôsobom oblečenia sa do neobvyklého odevu [Неклюдова 2017].

Súhrn početných transformácií frazeologizmu *волк в овечьей шкуре* // *vlk v barančot (ovčot) rúchu* v modernej ruskej a slovenskej reči svedčí o jeho silnom transformačnom potenciáli a prítomnosti transformačnej paradigmy daného FB.

Medzi štruktúrno-semantickými transformáciami uzuálneho FB *волк в овечьей шкуре* // *vlk v barančot (ovčot) rúchu* patrí významné miesto **amplifikácii** – rozšíreniu zloženého frazeologizmu o rôznorodé doplnenia s účelom konkretizácie, sústredené okolo symbolických komponentov základných pre vnútornú formu *волк – овца (овечий)* // *vlk – овца, баран (овči, баранчи)*. Sémanticky „silný“ komponent **волк** // **vlk** sa v textoch aktualizuje vďaka asociatívnym podobrazom-atribútom ako *клыки, (крепкие) зубы, оскал, волчья шерсть, щетина* // *štetiny, vlčie tesáky*, ktoré zradia jeho zlé úmysly:

Волчий оскал под овечьей шкурой (Военно-промышленный курьер, 04.07.2007);

Dnešní otevření katolíci nadšene mávají pekne vyzerajúcou vlajkou dialógu. Keď im však niekto pripomenie katolícku pravdu, okamžite spod ovčej kože yuceria vlčie tesáky (Christianitas.sk, 31.03.2020).

V niektorých prípadoch tento podobraz je jeho jediným reprezentantom:

Прежде чем обнажить клыки и пролить кровь, враг годами носил овечью шкуру (К. Олсон. Империя из песка).

Komponent *vlk* v reči nadobúda aj atributívne konkretizátory:

Библейские «волки» сбрасывают овечьи шкуры (А. Бладин);

Такие выдающиеся волки в овечьей шкуре, попадающие на первые полосы газет, привлекают наше внимание (Дж. Саймон. Кто в овечьей шкуре?);

Японский «волк в овечьей шкуре» нам угрожает (Regnum.ru, 26.02.2020);

Keď sa nacionalistický vlk oblečie do modrej (farba slobodných) ovčej kože, zmení sa len jeho vzhľad, nie charakter (Dennikn.sk, 17.12.2017),

najmä s upresnením osoby

«Волк» **Каддафи** сбросил овечью шкуру (Glavred.info, 20.01.2018);

Обама je vlkom v ovčot rúchu! (Topkz.sk, 08.11.2012).

Stretneme sa v reči aj s dvojitou aktualizáciou komponenta *vlk*:

Волки бывают разные. Бывают и двуногие, в овечьей шкуре. Эти, говорят, и есть самые голодные и опасные (Дж. Уайт-Мелвилл. Волчица).

V transformačných formách analyzovaného FB je široko zastúpená taktiež **substitúcia** – náhrada komponentu *vlk* pri zachovaní syntaktického modelu „КТО“ в овечьей шкуре // v ovčot rúchu a sémantiky „кто скрывает свое злое úmysly“

pod maskou pobožnosti“ a „dravec“. V niektorých prípadoch komponentom – substitútom môže byť skupina jednotiek vitálnej sémantiky:

Революционеры в овечьих шкурах Афонских монахов (Proza.ru, 23.11.2017);

Вспомним иммигрантов в «овечьих шкурах» К. Сифтона из Восточной Европы (А. Соков. О канадской политической культуре).

Inokedy pri náhrade komponentu sa zapojí mechanizmus jazykovej hry:

Волхв в овечьей шкуре (Antimodern.ru, 04.09.2019);

Волков в овечьей шкуре (Kz.media, 03.12.2019).

Komponent – substitút je však často obsiahnutý v syntaktickom modeli „ČO“ v *овечьей шкуре // в овчот рúчу*, čo je pre FB neobvyklé:

*Волк в овечьей шкуре: как **коронавирус** влияет на сердечно-сосудистую систему* (Baltnews.ee, 05.07.2020);

*Моя волба je jasná a od nej sa odvíja dôvod, prečo nepodporím človeka a stráni, ktorých **myšlienky** sú v овчот рúчу spojené s proti ľudskými* (News.sk, 16.01.2020),

inokedy so sémantickým posunom «КТО» → «ČO» v *овечьей шкуре // в овчот рúчу*:

Точнее, они построили скелет самого хищного зверя, которого мы будем одевать в овечью шкуру. Имя ему – контроллер ESP8266 (Хакер.ru, 11.02.2020);

Бýвалého šéfa Bieleho domu Assange prirovnal k „vlkovi v овчот рúчу“ a dodal, že súčasná administratíva je „vlk v koži vlka“ a nič nepredstiera. „Je jednoduchšie vyrovnat sa s vlkom, ktorý nie je v prestrojení,“ dodal (Parlamentnelisty.sk, 09.02.2017).

Pozoruhodné sú aj **morfológické transformácie** komponentu *vlk* na *vlčica*, ktoré zdôrazňujú nielen ženské pohlavie subjektu, ale aj posilňujú sémantiku „prefikovaný“, „nebezpečný“:

Она не просто волчица, а волчица с мощными челюстями, завернутая в овечью шкуру (Л. Графф. Стафф);

Можно je to vlčica v овчот кожу́шку, no teraz sa potrebuje vrátiť k svojmu ста́ду (OpenSubtitles2018, 13.09.2020).

V rade prípadov takéto transformácie obsahujú špeciálny atribút – aktualizátor s poukázaním na určitú osobu:

Ксения Собчак – волчица в овечьей шкуре (Rd.-rb.de, 31.08.2012);

Вед je viceprezidentkou kalergiho paneuroпы, cize je to satanistka – bestia v овчот козучу ... /О političke Anne Zahorskej/ (Gloria.tv, 25.04.2020).

Osobitné nebezpečenstvo *волчицы* v ruštine sa posilňuje jej vzťahom k *волчаре*:

Она не волчара, а капитолийская волчица в овечьей шкуре (Inosmi, 16.07.2016).

Komponent **шкура** // **рúcho** aj v ruských aj v slovenských mediálnych textoch môže byť nahradený v rámci tematickej skupiny „názov vrchného odevu“, najmä vyrobeného zo zvieracej kože: *накидка, одеяние, шуба, прикид жарг. // ко́жа, ко́зуч, oblečenie, rúno*:

Овечий прикид волка-лицемера (Xlex.ru, 14.09.2020);

Je zodpovednosťou nás, reprezentantov kresťanských inštitúcií, brániť tomu, aby kresťania volili „vlka v ovčom rúne“ (Zkss.sk, 13.03.2019).

Komponent **овечья шкура** // *ovčia koža* prechádza transformáciami trochu iného druhu. Na jednej strane sa tiež stretávame s príkladmi **amplifikácie**:

Ждут своего часа, чтобы сбросить овечью шкуру мирных беженцев и показать свой волчий оскал (New.rambler.ru, 13.02.2016);

Мафия просыпается. В политической овечьей шкуре (Youtube.com, 26.05.2016);

...vlk zostane vlkom, nech sa zahalí hoci do najkrajšej baranej kože (Pravda.sk, 14.05.2020).

V slovenskom mediálnom diskurze tiež nachádzame amplifikované „farebné“ verzum politické charakteristiky ovčej kože:

Keď sa nacionalistický vlk oblečie do modrej (farba slobodných – Slobodná strana Rakúska) ovčej kože, zmení sa len jeho vzhľad, nie charakter“ povedal ešte pred uzavretím koalíciej dohody líder rakúskej židovskej obce Oskar Deutsch (Dennikn.sk, 17.12.2017)

alebo náhrady ovčej kože inou, tak isto nebezpečnou: *медвежей, шакальей, собачьей // baraňou, medbvedou* a pod.:

Скандинавы: овцы в шакальих накидках (Inosmi.ru, 17.03.2016); *Там будут сидеть баранковия а овечку. Будú то дравце, раз во влчом одежени, раз в медведом козучи* (Waboviny.Blogspot.Com, 03.08.2009)

alebo naopak, kožou falošnej dobroprajnosti:

Позор на овчье рúcho шлachtetных зáмеров! (Waboviny.Blogspot.Com, 03.08.2009).

Zároveň početné transformácie FB svedčia o **implikácii**, o skutočnosti, keď komponent *кожа* ako symbol dvojtvárnosti preberá úlohu sémanticky silného a sebestačného komponentu a používa sa mimo spojenia s jeho „nositeľom“ vlkom:

Мнение ничего не стоит, в какой бы обёртке мнимой идентификации оно не подавалось. Надевать овечью шкуру здесь не прокатит (Twitter.com, 11.04.2020);

Овечья шкура прятала чудовищную истинную натуру (П. Чернецов. Спящая пустота);

Svoju propagandu nebezpečne podsúvajú v ovčom rúchu. ... Preto – protagonistov nehodno podceňovať, vedia byť predvídavi (Lk 16,8) a veľmi starostlivo dbajú o to, aby ovčie rúcho splnilo svoj účel (Zastolom.sk, 03.04.2019).

Podobne implikácie prinášajú aj významové posuny – sémantika ovčieho odevu sa mení na symbol pokory: Apel na demonštrantov: *Сбросьте овечьи шкуры!* Пора <...> *показать кремлевской волчьей стае собственные крепкие зубы* (Chitalna.ru, 18.07.2017) alebo naopak, na symbol protestu: *Вуһнаніе Srbov боло прvým signálom toho, že obeť si oblieka vlčie rúcho* (Sme.sk, 20.03.2001). Inokedy je implikácia sprevádzaná atributívnymi konkretizátormi: *Овечьи шкуры с крепкими зубами* (Religruss.info, 21.01.2019).

V ruštine nachádzame aj prípady **dvojitej aktualizácie** významu komponentu *овечья шкура*: Z inzerátu: *Куплю овечью шкуру. Волк* (Inpearls.ru, 17.03.2014). Ovčia koža ako oblečenie sa upravuje podľa jej nositeľa: *Рядился волк в овечью шкуру – и снизу мерил, и с боков. Подрезал хвост, сменил фактуру плешивой шерсти и зубов* (В. Ивашковец. Рядился Волк в овечью шкуру), z nadmerného používania sa opotrebováva, chátra a vyžaduje opravu:

Пришлось и этим волкам примерять овечьи шкуры. Но все бы ничего, но шкура давно сгнила и в ее дырах отчетливо виден волчий оскал, как бы эту шкуру не пытались натягивать. Чтобы волк не проглядывал (Topwar.ru, 21.05.2014),

niekedy ovčia koža sklzáne v najnevhodnejšom čase a odhalí skutočnú podstatu:

Власть щедро раздавала обещания, старалась быть дружелюбной, с трудом удерживая постоянно съезжающие овечьи шкуры (Mossovet.tv, 02.08.2013).

V slovenských mediálnych textoch z nej čistia rokmi zhromažďovaný prach:

Keď vlkovi Francúz a Holanďan v referende vyprášil kožuch, rozhodol sa stavať na iný marketing (Novota.blog.sme.sk, 11.04.2008).

Je pozoruhodné, že pri mnohých transformáciách frazeologického biblizmu v oboch jazykoch je explikovaný celkom predpokladaný, ale nie formálne vyjadrený slovesný komponent so všeobecnou sémantikou „obliecť“: [na seba] *obliecť si, skúšať si, natiahnuť si, navliecť si, nasadiť si, „obliecť si na účely maskovania“: zamaskovať sa, schovať sa* [do kože], *skrývať sa, utajiť sa* [pod kožou]: *Каким бы овечьими шкурами эти волки не маскировались...* (PVS.ru, 17.12.2013); *Máte tu však jednu vlčicu, ktorá je v ovčej koži natiahnutá...* (Oravské noviny, č.13, 1920) ↔ «vyzliecť»: [vyzliecť si alebo vyzliecť [niekoho] *odhodiť, vyzliecť, vyliecť* [z kože], „za účelom odhalenia“: *strhnúť* [z niekoho] *ovčiu kožu, vyzliecť, vytriahnuť* [niekoho] *z ovčej kože: Я уже начал привыкать к злomu маскараду, на котором мы все вре-*

мя вертятся с Жегловым, приподнимая на людях маску, чтобы выволочь волков из овечьих шкур (А. Вайнер, Б. Вайнер. Мерона Давыдовна с Малой Бронной); *Ovčie rúcho treba teda čo najskôr strhnúť a Dohovor podrobiť dôkladnej verejnej diskusii, inak vlk môže vyžrať celý ovčinec* (Postoj.sk, 22.02.2018); *Protagonisti kultúry smrti navliekli moderné ovčie rúcho aj mnohým svetovým organizáciám* (Zastolom.sk, 03.04.2019).

Osobitné miesto v transformačnej paradigme FB *волк в овечьей шкуре* // *vlk v barančom (ovčom) rúchu* patrí inverzii rolí kontextových antonym *волк, овца* // *vlk, baran, ovca* a ich výmena „falošným oblečením“. V modernej ruskej a slovenskej reči sú početné príklady transformačných foriem *ovca (ovečka, jahňa) во vlčej koži* so sémantikou „niekto preberá na seba falošné varovanie o svojom nebezpečenstve, ktoré nie je ničím potvrdené“:

Порошенко – овца в волчьей шкуре (Kolokolrussia.ru, 05.02.2015); *Путин – волк в овечьей шкуре. А Клинтон – овца в собачьей...* (Inosmi, 17.06.2017);

...barančeky a ovečky už pekny kožíšok z vlka majú (Ebranitodshimatnoke.blog.pravda.sk, 17.09.2011);

To však nakoniec nevyjde, lebo urazený samolúby šéf, tentokrát v rúchu baránkovom a nie vlčom, už nemá o ovečku záujem (Operaplus.cz, 20.12.2015).

V rade prípadov *ovca во vlčom rúchu* je subjekt s nevitálnou sémantikou:

Высокотокковые аккумуляторы – овцы в волчьей шкуре (Cz.pinterest.com);

TEST: Ford Focus kombi – ovečka во vlčom rúchu (Autogratia.sk, 12.01.2014).

Nachádzame aj prípady **alúzie** – narážky na pôvodnú postavu, ktorá je ľahko rozpoznateľná a identifikovateľná jazykovou komunitou:

Всё же вылез из-под овечьей шкуры оскал (Vk.com, 06.08.2017);

Но вот беда: истинное нутро этой дамы так и прет из-под овечьей шкуры (7days.ru, 15.07.2015);

Je to ako vlk zamaskovaný za ovcu (OpenSubtitles2018).

V tejto súvislosti je zaujímavý slovenský okazionalizmus *vlko-baranoovca* (Sme.sk/diskusia, 24.05.2005) – určitá kompresia celého frazeologického biblizmu so zohľadnením variability jeho komponentov.

Vyskytujú sa tiež početné **frazeologické konfigurácie**, v ktorých sa vďaka juxtapozícii viacerých frazeologických jednotiek v jednom kontexte posilňuje sémantika a „pragmemická podstata“ analyzovaného FB:

Новый министр: «троянский конь» или «волк в овечьей шкуре»? (bportal.ru, 04.12.2019) (ср. *троянский конь* и *волк в овечьей шкуре*); *А потом этот волк, сколько его ни кормили, сбросил овечью шкуру и вовсе стал поглядывать в сторону леса, то есть Европы – в на-*

дежде на новые кредиты и инвестиции (об А. Лукашенко – Известия. ru, 09.07.2010) (ср. *Сколько волка ни корми, все в лес смотрит*);

„*Кот в мешке*“ *оказался „волком в овечьей шкуре“*. *Какие провалы Порошенко Зеленский так и не исправил* (112.ua, 07.08.2020) (por. *покупать кота в мешке*).

Podobné príklady nachádzame aj v slovenských mediálnych textoch:

Nebezpečný klam svetskej okázalosti vyžaduje každým dňom nanovo, stále viac a viac cibrit' svoj vnútorný „orlí zrak“, ktorým človek citlivo zaregistruje „ovčie rúcho“ a rozlíši dobro od zla... (Zastolom.sk, 03.04.2019) (por. *orlí zrak a ovčie rúcho*).

Stretávame sa tiež s aforizmami vytvorenými podľa modelu a obsahujúcimi alúziu na tento obraz:

Ослам в львиной шкуре мерещатся волки в овечьих (Inosmi.ru, 17.03.2016);

В овечью шкуру кто рядится, в друзья нам точно не годится (А. Козин. В овечью шкуру кто рядится?) (ср. *А вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь* (И. А. Крылов));

Je lepšie mať ovcu vo vlčej koži ako vlka v ovčej (Topky.sk, 08.11.2012).

V modernej ruskej a slovenskej reči je prezentované aj **tvorenie fráz podľa modelu** pochádzajúce od Ezopa: (*Осла в львиной шкуре по крику узнаешь*): *Ангел в шкуре демона* (Wattpad.com, 08.06.2017), *Юлия Тимошенко в шкуре Лисы Алисы*; ... *tzv. baran lebo ovečka vo vlčom rúchu, aneb ĎÁBEL s ANDĚLEM v TĚLE* (Pravda.sk, 17.09.2011). Avšak, napriek širokému rozsahu zámernej „slobody“ uvedených okazionálnych použití FB *волк в овечьей шкуре // vlk v barančom (ovčom) rúchu*, zvrát je ľahko rozpoznateľný. Garantom zachovania celistvosti výrazu je jeho štruktúrno-sémantický a obrazný model [Мокиенко и др. 2015: 15].

Transformačná paradigma FB *волк в овечьей шкуре // vlk v barančom (ovčom) rúchu* je mimoriadne rozmanitá z hľadiska kvality a významná z hľadiska množstva. Pri dostatočnej miere systematickosti okazionálnych variantov, predvídateľnosti a „očkávanosti“ mnohých z nich sa vyskytujú aj prípady prekročenia „očkávaného“, odklonu od biblického modelu prototypu a jeho sémantiky do sféry jazykovej tvorivosti, jazykovej expresie s cieľom maximalizovať využitie „pragmémovej podstaty“ FB v modernej reči. Prístup k analýze všetkých transformácií biblického frazeologizmu „horizontálne“ umožní nájsť odpovede na otázku o systémovosti transformačnej paradigmy, o stupni „otvorenosti“ FB transformáciám a určiť stimulačné a obmedzujúce faktory ich frazeologických aktualizácií, ako aj ich porovnanie v dvoch skúmaných jazykoch – identifikovať podobné a odlišné v konkrétnych ich autorských aktualizáciách v textových konfiguráciách, s prihliadnutím na sociálno-politický a kultúrny kontext.

VNÍMÁNÍ BIBLICKÉ FRAZEOLOGIE V ČECHÁCH A NA MORAVĚ V SOUČASNOSTI¹²⁸

Jaromíra Šindelářová
Ústí nad Labem, Česká republika

Vzhledem k dynamickým proměnám ve frazeologii je možné sledovat prostřednictvím výzkumných sond výskyt frazeologických jednotek (dále jen FJ) v přirozených jazycích nejen z hlediska diachronního, ale i synchronního. Závěry takových šetření nám umožňují registrovat jak aktuální změny a pohyb FJ ve frazeologických fondech různých národů, proměny a vývojové tendence v konkrétních jazycích, tak i odhalovat duchovní stav společnosti a jejích uživatelů v dnešní moderní době. I když biblická frazeologie (zahrnující v širším pojetí motivace Biblií a křesťanskými dějiny) představuje jednu z nejstarších vrstev frazeologie, vyskytují se FJ biblického původu (dále jen BP) i v současnosti ve všech evropských jazycích, přičemž mnohé z nich mají shodné nebo velmi podobné vlastnosti, jiné se od sebe u různých národů odlišují vlastními specifickými rysy. Ty se projevují např. v jejich rozdílné struktuře, odlišných komponentech apod.

Narůstající zájem o FJ motivované Biblií a křesťanstvím, který se začal projevovat v důsledku nedávných geopolitických změn a integračních procesů v Evropě, postupující světové globalizace a zejména pod vlivem zesilujícího celosvětového pohybu obyvatelstva, lze pozorovat i dnes především v zemích východního bloku. Důkazem toho, že v poslední době je toto téma nejen mezi kulturology, ale i mezi lingvisty stále velmi živé, je i řada nedávno realizovaných šetření, jejichž výsledky byly publikovány u nás či v zahraničí, srov. např. [Балакова, Вальтер, Мокиенко 2012, 2015; Балакова, Ковачова, Мокиенко 2013; Baláková, Kováčová 2017; Šindelářová 2012: 604–611, 2017b: 187–205]. Výsledky a závěry nejen těchto výzkumných sond, ale i řady dalších frazeologických šetření pak potvrzují, že v biblických frazémeh se kontinuálně odrážejí především změny společenské a politické [Baláková 2015: 196–207].

¹²⁸ Tento text byl podpořen grantem Studentské grantové soutěže UJEP v Ústí n. L. pod č. UJEP-SGS-2018-43-005-2.

Ve svém výzkumu jsme navázali na několik šetření orientovaných na frazeologickou kompetenci u dětí, mládeže i dospělých, jež byla realizována od konce minulého století až do současné doby jak v domácím českém prostředí, srov. např. [Štěpanova 2009; Šindelářová 2007, 2011, 2012, 2013, 2016a, 2016b, 2017a, 2017b, 2018a, 2018b; Polívková 2017: 447–455], tak i v zahraničí [Baláková, Walter, Mokienko 2015], a to na základě společného německo-rusko-slovenského vědeckého projektu s názvem *Bible and Christianity in Phraseology* (Greifswald, Petrohrad, Ružomberok 2010–2012), včetně posledního mezigeneračního výzkumu ze slovenského a českého prostředí [Baláková, Kováčová 2017].

Cílem našeho šetření bylo zjistit, jak některé internacionalismy BP v současnosti žijí a využívají se při komunikaci mezi obyvateli v Čechách a na Moravě podle jejich dosaženého vzdělání. V návaznosti pak na již výše zmíněný německo-rusko-slovenský vědecký projekt a na nejaktuálnější šetření ze slovenského a českého prostředí [Baláková 2017; Kováčová 2017a, Kováčová 2017b; Baláková, Kováčová 2017a; Šindelářová, Baláková 2018], tak i na výzkumné sondy orientované na frazeologickou kompetenci vysokoškolských studentů či učitelů [Šindelářová 2012, 2016a, 2017a, 2017b], nebo i na paremiologickou kompetenci u mladé a střední české generace [Šindelářová 2012] či na frazeologická přirovnání v současném řečovém úzu mladého ruského pokolení v českém prostředí [Šindelářová 2018a], jsme na obdobném principu realizovali i toto naše šetření v České republice (dále jen ČR), a to v českých a moravských regionech.

Naším záměrem bylo zjistit úroveň frazeologické kompetence u dnešních obyvatel trvale žijících v českých a moravských krajích ČR s ohledem na jejich dosažené vzdělání (v rozsahu aktivní součást úzu – pasivní znalost – neznalost) a usouvztažnit ji v širším smyslu s frazeologickou kompetencí v užším smyslu, tedy s frazeosémantickou interpretací (tj. schopností vyložit frazém, a to definičně, opisem, event. na základě jiného ekvivalentního výrazu), a dále zaregistrovat schopnost identifikovat původ předložené FJ [Baláková 2013: 23]. Za tímto účelem bylo zapotřebí vyjít i v naší sondě z totožného materiálu (80 FJ BP existujících v německém, ruském, slovenském a českém jazyce) i ze stejného počtu zkoumaných osob (130 respondentů z každé skupiny). Na rozdíl od zahraničního projektu *Bible and Christianity in Phraseology*, jehož cílovou skupinou byli studenti filologických oborů – rusistiky, germanistiky a slovakistiky, byli našimi respondenty občané ČR trvale žijící na českém a moravském území ve věku 25–85 let s různou úrovní dosaženého vzdělání.

Do naší sondy byly rovnoměrně zapojeny osoby ČR ze všech čtrnácti krajů ČR, a to z deseti českých (Hlavní město Praha, Jihočeský kraj, Karlovarský kraj, Kraj Vysočina, Královéhradecký kraj, Liberecký kraj, Pardubický kraj, Plzeňský kraj, Středočeský kraj a Ústecký kraj) a čtyř moravských (Moravskoslezský kraj, Olomoucký kraj, Zlínský kraj a Jihomoravský kraj).

Respondenti byli předem vytipováni tak, aby posuzovaný vzorek obsahoval proporční zastoupení jak městských, tak i venkovských obyvatel v příslušném regionu.

Tato sonda do frazeologické kompetence podle dosaženého stupně vzdělání českého a moravského obyvatelstva byla realizována v průběhu dvou let (2018–2019) formou didaktického testu a zúčastnilo se jí celkem 5 460 občanů z celé ČR (vždy 390 osob z každého kraje), takže 3 900 respondentů z Čech a 1 560 respondentů z Moravy. Tyto osoby byly vždy rozděleny do tří skupin (130 respondentů z každé skupiny obyvatel), a to: a) se základním vzděláním či bez vzdělání, b) se středním vzděláním s výučním listem či maturitní zkouškou, c) s vysokoškolským vzděláním ukončeným titulem Bc., Mgr., Ing., Ing. arch., MUDr, MDDr., MVDr. apod.

Rozložení respondentů mužského a ženského pohlaví bylo rovnoměrné – rovnoměrnost byla ověřena chí-kvadrát testem dobré shody a významné odchylky od rovnoměrného rozložení prokázány nebyly ($p = 0,518$). V celkovém složení 51 % žen a 49 % mužů pak tito čeští a moravští respondenti posuzovali soubor 80 FJ v češtině jako ve svém mateřském jazyce z hlediska jeho užívání (aktivní znalost – pasivní znalost – neznalost) a s ohledem na jeho BP (identifikace FJ BP).

Prostřednictvím didaktického testu obsahujícího 80 FJ (biblických internacionalismů) jsme ověřovali, zda jsou osoby z našeho výzkumného vzorku v Čechách a na Moravě schopny na základě své vlastní zkušenosti posoudit příslušný vzorek FJ BP z hlediska jeho užívání. Respondenti vybírali jednu z pěti možností na třech úrovních: 1A – znám, používám, umím vysvětlit význam (museli uvést přesný význam FJ), 1B – znám, používám, neumím vysvětlit, 2A – znám, nepoužívám, umím vysvětlit (opět museli přesně vyložit význam FJ), 2B – znám, nepoužívám, neumím vysvětlit, 3 – neznám.

U všech tří skupin obyvatelstva rozděleného podle dosaženého vzdělání jsme pak v každém českém či moravském kraji ČR sledovali jednak frazeologickou kompetenci v širším smyslu, tedy z hlediska aktivního užívání FJ BP v úzu (včetně pasivní znalosti), avšak bez posouzení její správné sémantické interpretace (první fáze sondy), jednak frazeologickou kompetenci v užším smyslu, tedy tzv. frazeosémantickou kompetenci, jež představuje vyšší stupeň frazeologické kompetence a odráží hlubší úroveň znalosti zahrnující adekvátní sémantickou interpretaci FJ BP (druhá fáze sondy). Metody matematicko-statistické, které úzce souvisejí s experimentálními, nám umožnily kvantifikovat zjištěná data, a tak přispět k objektivizaci poznání a vyvozených závěrů.

Celkové výsledky našeho šetření se záměrem porovnat živost FJ BP a zjistit jejich preferenční využitelnost v současné češtině, a to na základě frazeologické kompetence všech tří skupin obyvatel trvale žijících v různých regionech ČR podle jejich dosaženého vzdělání viz v násl. tab. 1 (v pořadí od nejméně úspěšných).

Tab. č. 1 Frazelogické kompetence obyvatelstva podle dosaženého vzdělání ve všech krajích v ČR

	1 AB (aktiv. znalost)	2 AB (pasiv. znalost)	3 (neznalost)
Osoby se zákl. vzděláním či bez vzdělání	15 %	21 %	64 %
Osoby se střed. vzděláním (výuč. list či MZ)	23 %	28 %	49 %
Osoby s vysokošk. vzděláním (Bc., Mgr., Ing. apod.)	33 %	44 %	23 %

Porovnáme-li frazeologickou kompetenci všech oslovených respondentů žijících v různých krajích ČR (viz tab. č. 1), lze konstatovat, že celkově nejlepších výsledků dosáhla ve všech krajích poslední skupina osob s vysokoškolským vzděláním (Bc., Mgr., Ing.), což jsme také předpokládali. Na základě konfrontace těchto dat můžeme konstatovat, že získané hodnoty svědčí o poměrně dobré znalosti posuzovaného souboru FJ BP u třetí skupiny našich respondentů ze všech krajů ČR, neboť u nich celkově převažuje pasivní znalost nad aktivním užíváním i nad neznalostí, což jsme také předpokládali. To však celkově neplatí u 1. skupiny obyvatel (se základním vzděláním či bez vzdělání) a u 2. skupiny respondentů (středoškolsky vzdělaných), neboť jejich neznalost souboru 80 FJ BP je natolik vysoká, že u 1. skupiny zcela převažuje (o 28 %) nad jejich aktivní i pasivní znalostí a u 2. skupiny je jen o 2 % nižší než jejich aktivní i pasivní znalost, což jsme nepředpokládali.

Výsledky našeho šetření s cílem posoudit u jednotlivých skupin v českých a moravských regionech frazeologickou kompetenci v širším smyslu prokázaly na jedné straně poměrně velké rozdíly mezi obyvateli v jednotlivých krajích s ohledem na jejich dosažené vzdělání a na straně druhé fakt, že vysokoškolsky vzdělané osoby předčí ve všech českých i moravských krajích nejen občany se základním vzděláním či bez jakéhokoliv vzdělání, ale i všechny námi oslovené středoškoláky. Lze tedy konstatovat, že ve frazeologické kompetenci všech občanů ČR se ve všech krajích velmi výrazně odráží jejich vzdělanost.

Nejlépe se umístili respondenti z Prahy a nejhůře obyvatelé z Kraje Vysočiny. Zatímco celkově 35 % obyvatel hl. města a jen 13 % osob z Kraje Vysočiny užívá tematicky vymezené FJ BP aktivně (FJ BP označené na úrovni 1A a 1B), necelých 43 % Pražanů se ve srovnání s 19 % respondentů z Vysočiny hlásí k pasivní znalosti (FJ BP označené na úrovni 2A a 2B) a o něco více než pětina občanů žijících v hlavním městě (22 %) na rozdíl od téměř 68 % osob z Vysočiny označila posuzované FJ BP jako neznámé, tedy jako úroveň 3.

Přesto, že se v naší sondě ocitli pražští respondenti na nejvyšším místě v rámci všech krajů, což se dalo předpokládat i vzhledem k tomu, že Praha se jako hlavní město poměrně výrazně odlišuje od ostatních krajů v ČR svou vzdělanostní strukturou, neboť představuje nejvýznamnější centrum vysokého školství a sídlo mnoha dalších vzdělávacích institucí, lze konstatovat, že až tak markantní rozdíly mezi ní a dalšími dvěma českými kraji, a to Středočeským a Jihočeským, prokázány nebyly.

Druhé pořadí totiž patří Středočechům, kteří se od pražských respondentů lišili jen v aktivní znalosti souboru FJ BP o 1–3 %, v pasivní znalosti pak o 2–5 % a v neznalosti o 5 %. Obdobně i na třetím místě Jihočeši se od prvního v pořadí pohybovali v rámci aktivní znalosti příslušného souboru s rozdílem 3–5 %, v rámci pasivní znalosti pak s 5–8 %. Větší rozdíl, a to o 10 % horší výsledek, se pak projevil až při posuzování neznalosti předloženého vzorku FJ BP. Ani rozdíly mezi 4. až 12. pořadím jednotlivých krajů (Plzeňský, Karlovarský, Ústecký, Liberecký, Kralovéhradecký, Pardubický, Jihomoravský, Olomoucký a Zlínský) nejsou příliš velké, stejně jako mezi dvěma kraji v ČR umístěnými na příčce předposlední (13. Moravskoslezský kraj) a poslední (14. Kraj Vysočina). Ačkoliv by se dalo předpokládat, že obyvatelé z Moravy budou v naší sondě úspěšnější, neboť jsou více svázáni s náboženským životem než osoby dnes trvale žijící v českých regionech, přesto se Češi umístili celkově lépe (1. až 9. pořadí a 14. místo) než Moravané, kteří obsadili 10. až 13. místo. Nejlépe z moravského obyvatelstva si vedli respondenti z kraje Jihomoravského (10. pořadí), pak z Olomouckého (11. pořadí), Zlínského (12. pořadí) a nejhůře z moravských regionů dopadly osoby žijící v kraji Moravskoslezském (13. pořadí).

Pro konkrétní představu uvedeme deset nejužívanějších FJ BP z posuzovaného souboru s procentuálně vyjádřenou hodnotou (řazeno sestupně od nejvyšších hodnot) u všech tří sledovaných skupin ze všech krajů v ČR.

Tab. č. 2 Nejčastěji užívané FJ BP všemi skupinami respondentů ve všech krajích ČR

1.	42. <i>(jako) v sedmém nebi (být, cítit se)</i>	99,4 %
2.	51. <i>Zakázané ovoce nejlíc chutná.</i>	98,4 %
3.	13. <i>otevřít oči komu</i>	97,1 %
4.	26. <i>Kdo hledá, najde.</i>	96,8 %
5.	46. <i>Oko za oko, zub za zub.</i>	94,0 %
6.	25. <i>skřípat zuby</i>	91,3 %
7.	11. <i>rvát/trhat si vlasy</i>	89,5 %
8.	03. <i>Neházejte perly sviním.</i>	87,8 %
9.	80. <i>Kdo druhému jamu kopá, sám do ní padá.</i>	83,1 %
10.	01. <i>od Adama</i>	81,6 %

Porovnáme-li prvních deset nejužívanějších FJ BP u všech tří skupin obyvatel ze všech krajů v ČR, je patrné, že pouze tři FJ BP se opakují (č. 42 *(jako) v sedmém nebi (být, cítit se)*, č. 51 *Zakázané ovoce nejlíc chutná*, 80. *Kdo druhému jamu kopá, sám do ní padá*), zatímco pět FJ BP (46. *Oko za oko, zub za zub*, č. 3 *Neházejte perly sviním*, č. 26 *Kdo hledá, najde*, č. 11 *rvát/trhat si vlasy*, č. 25 *skřípat zuby*) využívají jen respondenti se středoškolským a vysokoškolským vzděláním. Dvě FJ BP (č. 1 *od Adama* a č. 46 *Oko za oko, zub za zub*) pak aktivně uplatňují při komunikaci pouze

vysokoškolsky vzdělaní respondenti. U skupiny středoškoláků a vysokoškoláků se pak velmi často vyskytují stejné FJ BP a rozdíl je jen v jejich pořadí.

Soubor konkrétních FJ BP internacionálního charakteru nacházejících se u všech tří vybraných skupin českého obyvatelstva ve všech krajích (viz tab. 2) jsou pak důkazem toho, že tyto FJ BP jsou i v současné komunikaci na našem území stále živé.

Věříme, že stručný podaný přehled o výsledcích frazeologické kompetence se zaměřením na biblickou frazeologii jejich obyvatel podle dosaženého vzdělání ve všech českých a moravských krajích poslouží nejen ke konfrontaci sledovaných jevů na území ČR, nýbrž povede i k vytvoření představy v nadnárodním měřítku o současném společném jádru nebo periférii biblických FJ internacionálního charakteru z hlediska jejich živosti a i k obecnějším závěrům v souvislosti se sledováním frazeologické kompetence a fondu biblických internacionalismů v povědomí celé evropské populace. Výsledky našeho šetření totiž zcela jasně prokázaly, že znalost a chápání konkrétních FJ BP (biblických internacionalismů) a na tomto fondu sledovaná frazeologická a frazeosémantická kompetence dnešních obyvatel ČR ve všech krajích je značnou měrou ovlivněna dosaženým stupněm jejich vzdělání. Jsme přesvědčeni o tom, že nejen tato sonda, ale i další obdobné výzkumy potvrdí, že dynamika frazeologického fondu je i v současnosti stále natolik proměnlivá, že je zapotřebí věnovat jejímu synchronnímu zkoumání z různých aspektů stále větší pozornost nejen v národním, ale i mezinárodním měřítku.

НОВОЕ – КАРНАВАЛИЗИРОВАННОЕ СТАРОЕ (В ОБЛАСТИ УСТОЙЧИВЫХ ФРАЗ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ)

Людмила Петровна Дядечко

Киев, Украина

*Карнавал все же – лишь видимость
обновления, ибо он отталкивается
от известного (от старых мехов!),
но пытается переосмыслить,
переоценить, высмеять его (т. е.
вливать в них молодое кислое вино).*

В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова

Обновление формы и / или содержания составляющих отдельные речевые высказывания и в целом дискурсивные практики вербальных единиц – константа функционирования каждого живого языка, носители которого, во-первых, действуют в меняющейся общественной реальности и вследствие этого вынуждены соотноситься с ней, во-вторых, участвуют в игре (в ее широком толковании: игра как творчество), давно признанной в науке одной из основополагающих черт человеческой культуры. Закономерно поэтому, что тема неологизации лексико-фразеологического состава национальных языков под влиянием объективных и субъективных факторов стала традиционной в лингвистических работах, высвечивающих те или иные грани данного процесса по мере смены научных парадигм.

Во фразеологии весьма активным стало изучение трансформации существующих в языке фразеологических единиц как способа образования новых, окказиональных или узуальных по своему характеру. В период распространения идей функциональной лингвистики и массового обращения к описанию языка и стиля писателей внимание ученых фокусировалось на установлении общих или индивидуально-авторских типов преобразования устойчивых оборотов в художественной и публицистической речи. Обобщающая труды

исследователей в этом направлении и, что особенно важно, непротиворечивая и детализированная классификация фразеологических трансформов на материале русского языка была составлена А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко [Мелерович, Мокиенко 2001: 17–32].

Интерес к явлению, терминированному Л. Витгенштейном еще в 1945 году [Витгенштейн 1985] как языковая игра, и предложения ученых в конце XX – начале XXI века по ее лингвистически более определенному толкованию вновь активизировали исследования по рассматриваемой теме, о чем свидетельствует, например, проблематика проведенной под эгидой Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов в Симферополе в 2012 г. конференции, так и названной «Фразеология и языковая игра». В своем выступлении, ориентируясь на подходе, согласно которому языковая игра обозначает нарушение нормы, нечто необычное, нестандартное (см. дефиниции в: [Санников 2002: 13] и др.), В. М. Мокиенко говорил: «...поскольку одним из категориальных свойств ФЕ является именно экспрессивность, то эта единица как нельзя лучше соответствует парадоксальности языковой игры. Собственно, фразеология по своей функциональной природе также является языковым парадоксом. Парадоксом иного рода, чем языковая игра, но во многом обеспечивающим эффект, создаваемой последней» [Мокиенко 2012б: 102]. Последнее положение ученый убедительно подтвердил устойчивыми выражениями русского языка из поля «Безденежье»: *ветер свистит в кармане; в одном кармане смеркается, а в другом заря занимается* и др.

Известен и более узкий взгляд на языковую игру, когда учитываются и адресант, и адресат речи: первый специально нарушает норму, а второй распознает (точнее – должен распознать) намеренность такого нарушения. Данная трактовка напрямую связывает языковую игру в сфере фразеологических единиц с их трансформацией, если под последней понимать не всякое изменение выражения с его закрепленными в узусе параметрами, а сознательное преобразование формы и / или содержания с целью создания стилистического эффекта (ср. в связи с этим принятое в словаре [Мелерович, Мокиенко 2001] выделение стандартных преобразований фразеологизмов, таких как синтаксическая инверсия (*изобретать велосипед – велосипед изобретать*), переход утвердительной формы в отрицательную (*не изобретать велосипед*) и др.). Фразеологизм-трансформ выступает в роли языковой игрушки [Дядечко 2012: 309], брошенной адресату, который должен пройти своеобразный тест: распознать устойчивый оборот, мысленно восстановив его в закрепленными в узусе виде и смысле – фразеологическую норму, чтобы по достоинству оценить отступления от нее.

Резкая смена моральных ценностей в постсоветском обществе, современное постмодернистское сознание, переустройство самого образа человеческого существования, прежде всего связанного с глобальной коммуникативизаци-

ей, – все это послужило причиной травестирования окружающей действительности и, как следствие, карнавализации восточнославянских языков.

Известно, что «в карнавале сама жизнь играет, а игра на время становится самой жизнью» [Бахтин 1990: 13]. В современной речевой практике это проявилось в том, что «страсть к искривленному цитированию, обостренное внимание к языковым искажениям и насилиям», а также «общий дух игрового, пародийного отстранения – отчуждения господствующего языка» [Айзенберг 1997: 127] стали ее характерными чертами. Отсюда – и активизация трансформационных процессов в сфере применения устойчивых оборотов, и усиление внимания к фразеологической игре, которая на новом этапе должна быть осмыслена с позиции карнавальской культуры, отличающейся, по М. М. Бахтину, логикой «обратности», «наоборот», «наизнанку» [Бахтин 1990: 16]. Перечисленные далее ученым особенности пародии внекарнавальской жизни: перемещения верха и низа, лица и зада, шутовские увенчания и развенчания – прямо указывают на то, что в основе создания мира-перевертыша лежит принцип контраста, в лингвокреативной деятельности реализуемый посредством разнообразных антонимических средств языка, как в интернет-игре в антифразы (см. анализ такой игры в статье [Бочина 2012]).

Из этого следует, что карнавализация устойчивых оборотов представляет собой частный случай их трансформации и что в отличие от последней она базируется на принципе контраста, который прежде всего находит свое выражение в лексической субституции (точнее – в разнообразной антонимической замене компонентов) по линии высокое / серьезное – низменное / смеховое.

Возможны и другие способы создания карнавализованного выражения, в которых задействованы единицы разных языковых уровней. «Братья А. Н. и Б. Н. Стругацкие в «Сказке о тройке» покушаются даже на грамматику: “*Мы верной дорогой идете, товарищи*”» [Костомаров, Бурвикова 2001: 10]. Еще ранее нарушение синтаксических связей обнаруживается в хрестоматийной повести В. Катаева «Хуторок в степи»: «Уезжаю и проклинаю любезное отечество со всеми его социал-демократиями, фракциями, революциями, стачками, маевками и *пролетариями всех стран соединяйтесь!*». Приведенные примеры, кстати сказать, показывают, что явление фразеологического карнавала было распространено и в советский период, а насколько широко, можно судить по сборнику [Вальтер, Мокиенко 2005а] и другим изданиям этих авторов. Оно получило отражение и в научных изысканиях, см.: [Зыкова 1995] и др.

Введение понятия карнавализованного фразеологизма – понятия, опирающегося на бахтинское разъяснение сути карнавала, – предполагает новый подход к изучению фразеотрансформации в целом, а именно – ономаσιологический или лингвокультурологический. Такой подход уже был применен при анализе преобразований популярных в современных восточнославянских языках советских слоганов, который, если ограничиться только наиболее подверженным пародированию главным коммунистическим лозунгом, выявил

при изменении структуры такие модели карнавализации: а) человек > человек (по наименованию представителей разных партий, людей с разными физическими данными и т. д.): *Брунетки ўсіх країн, яднайся!* (1gatta-felice.livejournal, 2011); *Ротшильдів* всех стран, об'єднайтесь! («Експерт», 2012, № 15), *Обдурені всіх країн, єднайтесь!* (название сб. Г. Зварич, 2017); б) человек > звери, птицы и др.: *Мішки ўсіх країн, яднайся!* (facebook.com, 2018); *Олені всіх країн, єднаймося!* (Kurs.if.ua, 21.07.2014); в) человек > артефакты: *Амигуруми* всех стран, соединяйтесь: лучшие идеи игрушек (Sdelala-sama.ru, 2018); Гасло акції – *«Запорожці всіх країн – єднайтесь»* (Today.ua, 10.11.2019 – об автомобилях Запорожского автозавода); г) человек > телесный низ, экскременты и под.: *Геніталії* всех стран, соединяйтесь! («Бульвар Гордона», 2005, № 26 – о спектакле «Давайте займемся сексом»), *Геніталії* всіх країн, єднайтесь! (сайт «Всемржатьнемочь») [Дядечко 2018: 49–50].

Представленная типология в силу ее обращенности к одной фразе и к переменному компоненту, занимающему в ней одну позицию, в большей мере ориентирована на пародирующие объекты, на диапазон областей, которые в мире наоборот вследствие карнавализации перемещаются вверх. Пролетарии – носители определенных социально-политических идеалов – в советское время как основная созидательная сила общества, как строители коммунизма были поставлены в ценностной иерархии людей на высшую ступень, которую, по М. Шелеру, занимает святой, поэтому при карнавализации становится очевидной резкая противопоставленность пролетариата обычным людям, наименованным по тому или иному признаку, включая и классовых антагонистов («*Капиталисты* всех стран – об'єднайтесь! («Правда Востока», 26.08.2019 – о конференции Sbonds на тему рынка капитала). В свете антропоцентризма как доминирующего ныне мировоззренческого течения, в христианской интерпретации представляющего человека образом и подобием божим, еще более контрастны замены, обозначающие не имеющих божественной души представителей фауны или тем более утилитарные предметы, вообще лишенные какой-либо души. Наконец, в последней модели замещающие компоненты называют то, что в том же христианстве относится к низменно-плотскому, которое человеку надлежит изжить в себе, обуздать ради величественной души.

Подмена ценностей, когда утилитарное вытесняет духовное, нередко сопутствует карнавализации слоганов, и не только советских, напр.: *Каждому свое: миру – мир, голому – рубашка, «Каждому – свое», сказал продавец, пряча под прилавок кусок мяса* [Вальтер, Мокиенко 2005а: 206]; *Бороться и искать, найти и перепрятать, Боротись і шукати, знайти і переховати*. Первая фраза *Каждому свое* восходит к латинскому *Suum cuique*, и является популярным в мире девизом, в частности, юридических факультетов университетов – двух шведских, польского и бразильского. Строго говоря, не является собственно советской по своему происхождению и функционированию строка из поэмы А. Теннисона «Улисс» (1842) *To strive, to seek, to find, and not to yield*, вырезанная

в 1913 г. на кресте в память английского полярного путешественника Р. Скотта и лишь популяризованная романом В. Каверина «Два капитана» [Берков и др. 2009: 119]. Получив широчайшее хождение в восточнославянских языках, она и в трансформированном виде в двух из них приобрела узувальный статус (бел. *Змагацца і шукаць, знайсці і прыдушыць* обнаружено только в одном интернет-тексте).

Собственно сакральная область, явленная оборотами из церковно-библейских текстов, в современной речевой практике, если оценивать приблизительно, не так массивно подвергается карнализации, однако не менее бесстыдно, чем это можно было наблюдать в случае с лозунгами коммунистического толка, попирая нормы общепринятой морали, фактически кощунственно. Ср. надпись *Не членом единым* к фотоснимку, изображающему завернутые конвертом блины с начинкой, и комментарий человека, которому трудно поверить в такое святотатство и который пытается как-то приблизить содержание этой надписи к черте дозволенного: «Может, там 4 ошибки и хотели БЛИН написать?» (Сайт «Пикабу», 2018).

Если рассматривать фразеологизмы с компонентом *бог / Бог*, то обращает на себя внимание отсутствие трансформаций с наименованием антипода («Итак покоритесь Богу; противостаньте *дьяволу*, и убежит от вас» – Иак. 4: 7). Условно к исключениям можно отнести синонимизировавшиеся во всех трех восточнославянских языках пары: бел. *бог яго ведае – чорт яго ведае*, рус. *бог его знает – черт (бес / дьявол) его знает*, укр. *бог його знає – дідько (дьявол) його знає*, – где вторые члены были образованы, несомненно, по образцу первых, известных еще с языческих времен (см.: [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 57]). С принятием христианства под влиянием текстов Библии («...Бог богов Господь, Он знает...» – Иис. 22: 22 и др.) компонент *бог* был переосмыслен и развил вариантность, например, в русском: *Бог / Господь / Господь Бог*. Ср. также обороты со значением согласия, прощения, уступки: бел. *бог з ім – чорт з ім*, рус. *бог с ним – черт (бес / дьявол) с ним*, укр. *бог з ним – дідько (дьявол) з ним*.

В настоящее время в русском языке широко представлена модель, согласующаяся с традициями карнализированной массовой культуры: святой > обычный человек. Например, в названии российского иронического детектива «Рая знает» и его ремейка-продолжения «Рая знает всё» обыгрывается упоминавшийся фразеологизм (и его вариант) в том его значении, которое пока не зафиксировано словарями, но подтверждается примерами из классической и новой литературы: ‘что-либо (обычно скрытое ото всех) существует в реальности, происходит на самом деле; все наши дела, помыслы, наша судьба, то, что непонятно нам самим, известны высшим силам’: «*Господь знает*, почему и зачем он не дает ни единому человеческому замыслу осуществиться до конца, ни хорошему, ни, к счастью, дурному...». (А. Кабаков. Последний герой). Во фразе *Кесарю – кесарево, Богу – Богово* типичным является замещение наи-

менованием человека по профессии, социальному статусу: «Если за реально необходимую реформу отечественной армии нужно заплатить ничтожно малую цену, глупо сопротивляться, упрямствовать. Отдайте *кесарю кесарево, пенсионеру пенсионерово, ветерану ветераново*» (А. Архангельский. Кавалеры Красной Звезды, 2002); «Не надо переделывать мир. Но можно изменить свое отношение к этому миру – тогда все пойдет на лад. А каждому свое – *кесарю кесарево, слесарю слесарево, директору директорово*» (Aquaforum.ua, 2012). Последний пример примечателен тем, что фиксирует оборот *Кесарю – кесарево, слесарю – слесарево*, превратившийся в русском языке в антипоговорку. Ее карнавальное начало усиливается за счет того, что слесарь (дядя Вася), став лингвокультурным типажом, не воспринимаемым вне отрыва от многочисленных анекдотов о нем, выступает в роли шута.

Так же прочно, как данная антипоговорка, но уже во всех трех языках закрепилось пожелание успеха в поисковой деятельности: рус. *Гугл (Google) в помощь!*, укр. *Гугл (Google) у поміч!*, бел. *Гугл (Google) у помач!*, – пришедшее на смену устаревшему выражению с более абстрактным значением, ср. соответственно *Бог в помощь!*, *Бог у (на) поміч!*, *Бог у помач!* В новом фразеологизме реализована уникальная модель «святой > технический артефакт», которая стала возможной благодаря господствующим ныне представлениям о всемогуществе американской поисковой системы.

Кроме рассмотренных мировоззренческих систем, создавших собственную риторику, для каждой лингвокультуры важное значение имеет творчество писателей, которые в сознании носителей того или иного языка воплощают их национальную самоидентификацию (ср.: «Пушкин – это наше всё»). Благоговейное отношение к поэтам распространяется и на их тексты, приобретающие сакральный характер в официальной культуре. Однако и здесь встречаем перелицовки, например, патриотическое высказывание Якуба Коласа *Мой родны кут, як ты мне мілы!.. Забыць цябе не маю сілы* превращается у М. Горьцкого в ироническое *Мой родны край, як ты мне мілы, ўцяміць цябе не маю сілы*. В русской и украинской народно-смеховых культурах, где карнавализация осуществлялась в сторону низкого, натуралистического, сексуального, стали узуальными измененные фразы Пушкина и Шевченко. Ср. пушкинизмы о высоком чувстве любви *Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей* и *Я вас любил так искренно, так нежно...* и их трансформы *Чем больше женщину мы меньше, тем больше меньше она нас* и *Я вас любил, деревья гнулись* (последняя фраза, например, используется в посте haydamak.livejournal.com, 09. 2014; в стихах А. Кельмуца «Мы были похожи немножко...»: «И всё же вы к нему вернулись, Не в силах был я вас согреть; *Я вас любил – деревья гнулись*, Дрожал в малиннике медведь»). Шевченковское, исполненное драматизма *Якби ви знали, паничі, Де люде плачуть живучи* преобразовано в *Якби ви знали, паничі, що люди роблять уночі*; это трансформированное выражение настолько освоено, что, кроме своего основного значения (например,

в названии эротического сайта), развило и более абстрагированное ‘о любых ночных занятиях’: «Якби ви знали, паничі, Що люди роблять уночі, Чомусь сидять ув Інтернеті Шукають, що там на планеті» (blogspot.com, 2013): «Гран-при Сингапура: Якби ви знали, паничі, що люди роблять уночі...» (о ночных гонках – www.ghoulein.livejournal.com, 2010).

Итак, три области, в сознании носителей восточнославянских языков причисляемые к высокому, сакральному в прошлом – коммунистическая идеология, репрезентированная лозунгами (1), и в настоящем – религия в ее фразеологическом церковно-библейском воплощении (2) и золотой фонд национальной литературы, представленный высказываниями авторитетных писателей – выразителей народного духа (3), наиболее подвержены карнавализации (в бахтинском понимании). Ее лингвистическим итогом выступает появление новых образований, окказиональных и узуальных. Последние, если восходят ко второй и третьей областям, наглядно подчеркивают зыбкость кода национальной идентичности, о чем ученые справедливо пишут с тревогой.

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ В ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЯХ ИДИОМ: ПАМЯТЬ ФОРМЫ ИДИОМЫ И ЕЕ УТРАТА¹²⁹

Павел Сергеевич Дронов
Москва, Россия

Работа посвящена лексико-грамматическим изменениям идиом – иначе говоря, варьированию, модификациям (например, сужению или расширению компонентного состава) и трансформациям (прежде всего, залоговым преобразованиям, топикализации). Эта проблема исследуется в течение долгого времени – см., в частности, [Диброва 1979; Добровольский 2007; Телия 1972]. Как показывает практика и анализ разноязычного фразеологического материала (см., например, наши работы [Дронов 2019; Дронов, Полян 2015]), вне зависимости от языка можно говорить о периодических изменениях и наличии грамматической парадигмы идиом – но не о «грамматике идиом» в строгом смысле, а о связи лексико-грамматических изменений с грамматическим строем языка. В данной работе рассматривается взаимосвязь различных лексико-грамматических изменений одной идиомы. В качестве иллюстрации положений приводятся русские фразеологические единицы и контексты их употребления в Национальном корпусе русского языка [НКРЯ].

Рассмотрим особенности изменений идиом на примере рус. *класть зубы на полку*, *положить зубы на полку*, прост. экспрес. – испытывая острую нужду, недоедать, голодать [ФСРЛЯ: 295]. Идиома допускает трансформации типа *зубы на полку класть/положить* (топикализация или эмфатическая инверсия), а также варьирование глагольного компонента. Найден всего один пример замены именного компонента – цитата из А. Твардовского (1а): здесь вместо литературного *полка* употреблено просторечное *полок*. В то же время фиксируются случаи сужения компонентного состава идиомы с одновременной

¹²⁹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ (Проект № 18-012-00335А).

морфологической трансформацией (1b, c). Действие воспринимается как состояние: *сидеть, зубы на полке; у вас что, зубы на полке?*

(1) а. Бывало так, что опускались руки, Когда осенний подведен итог: Казалось бы – Ни шагу без науки, А в зиму снова *зубы на полку* (А. Т. Твардовский. Рабочие тетради (1965). «Знамя», 2001 | 2002; НКРЯ). б. И вся обстановка моего скудного завтрака – что вот и последнюю свою, со слонем, пачку чая я опустошаю, что сахарницу, тщательно обколов присохший к стенкам песок, ставлю под горячую струю, а единственную насельницу холодильника, банку окаменевшей аджики, кинул, понюхав, в пакет с мусором – сложилась словно в чин прощания, будила добрую грусть. С тем хорошо бы и уйти – но мне-то еще целый день *сидеть, зубы на полке...* (Михаил Бутов. Свобода. «Новый Мир», 1999; НКРЯ). с. Провели несколько удачных эксов, – небрежно ответил паренек. – Вчера извозопромышленника Дядьева потрепали. А *у вас что, зубы на полке?* Илья еле заметно усмехнулся. «Интересно, что бы сказал Никитич, если бы узнал, что мы тратим экспроприированные деньги на деликатесы от Елисеева?» (Василий Аксенов. Любовь к электричеству (1969); НКРЯ).

Во всех этих примерах идиома остается узнаваемой при сужении компонентного состава до одной лишь именной группы (или имени), глагольной группы (или глагола): рус. *класть зубы на полку > зубы на полке*.

У идиомы есть некий шаблон, позволяющий ее, с одной стороны, модифицировать, а с другой стороны, – узнавать после этих модификаций. Ср. лексикализацию и фразеологизацию по И. А. Мельчуку: «в языке **L** некоторый комплекс **Z** знаков **X** и **Y** обладает некоторыми свойствами – семантическими, фонетическими или сочетаемостными, – не вытекающими по стандартным правилам языка **L** из соответствующих свойств знаков-компонентов. В таком случае выражение **Z** называется фразеологизованным комплексом знаков. Хотя комплекс знаков **Z** не вполне композиционален и не может быть представлен в терминах знаков **X** и **Y**, но все же квазипредставим через эти знаки» [Мельчук 2001: 447].

Мы можем провести аналогию с явлением, известным в физике как «эффект памяти формы». Этот эффект заключается в том, что предметы из определенных сплавов (прежде всего, никелида титана), если их подвергнуть деформации, в дальнейшем при нагревании возвращают себе исходную форму. Точно таким же образом, несмотря на лексико-грамматические изменения идиомы, ее исходная форма может быть восстановлена. Этот эффект можно проследить на примере не только идиом, но и их контаминаций. Например, на базе устойчивых сравнений *молчать как рыба* и *биться как рыба об лед* (с общим именным компонентом *рыба*) возникает контаминация *молчать как рыба об лед*.

Это словосочетание появляется сравнительно недавно, однако широко известно как прецедентный текст (ср. реплику Попандопуло: *Что ты молчишь, как рыба об лед?* – из фильма «Свадьба в Малиновке»). В то же самое время оно

довольно слабо представлено в Национальном корпусе русского языка. *Молчать как рыба* встречается в 190 документах [НКРЯ] (150 в основном корпусе, сорок в журналистском). *Биться как рыба об лёд* зафиксирована в 112 контекстах (96 в основном корпусе, шестнадцать в журналистском). Контаминация *молчать как рыба об лёд* встречается 9 раз (соответственно, шесть в основном корпусе и три раза в журналистском). Впервые она появляется в начале XX в.: первое употребление датируется 1932 г., однако, как видно по контексту (2а), в нем описан более ранний период. Активно употребляться это контаминированное словосочетание начинает в 60-х гг. XX в. (вышеупомянутый фильм вышел в 1967 г.), однако в основном корпусе половина контекстов относится к периоду уже после 2000 г. (2 с).

(2) а. Комиссар отмяк, расчувствовался и велел мне передать, что «искусство действительно имеет за собой» и что я могу провезти все, что мне нужно, – он будет «*молчать, как рыба об лёд*». Больше я комиссара не видала (Н. А. Тэффи. Воспоминания (1932); НКРЯ). б. – Дней пять мы сидели с ним в камере вдвоём. *Молчит, как рыба об лёд* (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960); НКРЯ). с. Он что-то знает или подозревает. Но *молчит, как рыба об лёд!* Или у него самого рыло в пуху, или его запугали до полубомбочного состояния, но что-то тут есть! (Марианна Баконина. Школа двойников (2000); НКРЯ).

В большинстве контекстов, как и в приведенных выше, *молчать как рыба об лёд* является комически переосмысленным дериватом фразеологической единицы *молчать как рыба*, т.е. представляет собой интенсификатор значения глагола *молчать*. Очевидно, что на основе этого выражения может быть реконструирована форма по крайней мере одного из двух словосочетаний (*молчать как рыба*)

Подобно тому, как после многократного нагревания и охлаждения (обратимой памяти формы) у материалов из определенных сплавов может происходить утрата памяти формы, у фразеологических единиц исходная форма может уже не восприниматься как таковая, и ее место занимает измененная форма – ср. идиому библейского происхождения *страха ради иудейска*, книжн. экспрес. ‘из угодничества, из-за боязни перед кем-либо’ [ФСРЛЯ: 665]. Из ста восьми контекстов в НКРЯ пятьдесят содержат усечение компонентного состава до *страха ради*, в 8 примерах устаревшая краткая форма *иудейска* заменяется на полную форму *иудейского* (3б). Кроме того, появляется атрибутивная валентность *страха ради (чего/какого)* (3с). В определенной степени это можно назвать возвращением к исходному значению, поскольку церковнославянское *страха ради иудейска* переводится как ‘из страха перед иудеями’ (ср. в Синодальном переводе Евангелия от Иоанна: *из страха от иудеев* [Ин. 19:48]).

(3) а. «Ничему не верите, а – чего ради не верите? Боятесь верить, страха ради не верите! Осмеяли всё, оголились, оборвались, как пьяные нищие...» Этот ночной парад воспоминаний превратился в тяжелый кошмар (Максим

Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 3 (1928); НКРЯ). **б.** Голоса их прерывались от волнения. Стоявший со мной на кормовой башне Никифор Ксифий шепнул: – Слышишь, какого петуха пускают *страха ради иудейского?* – Молчи, грешник, – ответил я (А. П. Ладинский. Голубь над Понтом (1937); НКРЯ). **с.** Вошел Клюев: он в огромной соломенной шляпе, в поддевке, но уж без своего серебряного креста: «*Страха ради революции*». У нас стоит инструмент: не то это арфа, не то гусли, – и никак не подойдешь. «Не арфа и не гусли, – объясняет Клюев, – а самопишущее перо Adler, без чернил пишет!» (А. М. Ремизов. Взвихренная Русь (1917–1924); НКРЯ).

Подобно тому, как после многократного нагревания и охлаждения (образимой памяти формы) у материалов из определенных сплавов может происходить утрата памяти формы, фразеологические единицы могут подвергаться изменениям, в ходе которых у них теряется связь с исходной формой и/или метафорой. Форма может изменяться одновременно с переосмыслением образной составляющей и фразеологического значения как такового, ср. изменение значения *страха ради* в (5): здесь словосочетание прочитывается буквально и означает не ‘из страха перед кем-л.’, а ‘для запугивания, для внушения страха’. Фактически, в (4) от обычной коллокации *страха ради* отличает только нестандартное для современного русского языка употребление *ради* в качестве послелога.

(4) Видимо, потому что избитые дубинками оппозиционеры уже сидели в камерах, а еще неизбитые скрывались в подвалах у родственников. Видимо, потому что некоторые журналисты после «массажа» дубинками (спецназовцы *страха ради* арестовывали дикторов прямо во время прямого эфира) тоже вышвырнуты из города. (Владимир Ворсобин, Андрей Баранов, Артем Аниськин, Галина Сапожникова. Саакашвили пошел ва-банк. Комсомольская правда, 2007.11.09; НКРЯ).

При первых употреблениях, материализации метафоры, утере фоновых знаний могут теряться и исходные компоненты идиомы, а ее словоизменительная парадигма может становиться дефектной. Если идиома содержит компоненты в устаревшей грамматической форме или иноязычные заимствования, анализ лексико-грамматических изменений показывает тенденцию к изменению компонентного состава, в том числе к осовремениванию.

Идиома существует в синхронии, и диахронические особенности ее функционирования представляют интерес, прежде всего, для образованного носителя языка или для исследователя. При этом она опирается на концептуальные метафоры, в том числе, основанные на культурных противопоставлениях.

Б. А. Серебренников писал: «Язык не только исторически изменяется. Он одновременно оказывает сопротивление какому бы то ни было изменению, стремится сохранить существующее состояние» [Серебренников 1968: 82]. Проявлением этого стремления и является эффект памяти формы во фразеологии.

Что же касается утраты памяти формы, ее не всегда возможно предсказать точно, однако подобные лексико-грамматические процессы ни в коем случае нельзя отнести к случайным. Здесь мы можем воспользоваться тройным противопоставлением «предсказуемость – непредсказуемость – случайность» по Ю. М. Лотману: «Непредсказуемость в понимании Лотмана, в отличие от абсолютно непрогнозируемой (и, следовательно, неопишуемой) случайности, – явление более устойчивое и в определенном смысле структурное» [Кузовкина, Пильщиков, Поселягин, Трунин 2013: 24]. Как отмечает сам Лотман, «Всякий раз, когда мы говорим о непредсказуемости, мы имеем в виду определенный набор равновероятных возможностей, из которых реализуется только одна. При этом каждая структурная позиция представляет собой набор вариантов. До определенной точки они выступают как неразличимые синонимы. <...> Наконец, наступает момент, когда они становятся носителями смысловой разницы. В результате общий набор смысловых различий все время обогащается за счет новых и новых смысловых оттенков» [Лотман 2000: 108]. В другой своей работе Ю. М. Лотман указывает: «Реализованный путь есть потеря в то же время других путей» [Лотман 1994: 433]. Впрочем, применительно к изменениям идиом мы не можем говорить о полной и однозначной потере других путей: во-первых, действует эффект памяти формы идиомы; во-вторых, утрата памяти формы идиомы не бывает окончательной, т.е. возможна хотя бы частичная реконструкция.

ФЕНОМЕН ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Людмила Петровна Амири
Ростов-на-Дону, Россия

Широкое использование фразеологических единиц (далее ФЕ) русским лингвокультурным сообществом в разговорной речи и художественном тексте является одной из причин креативного фразеотворчества в рекламной коммуникации, которая находится в бесконечном поиске эффективных средств и способов привлечения внимания. ФЕ часто становятся базой для создания рекламного текста (далее РТ) [Амири 2012, Куликова 2009 и т.д.].

Об исключительной популярности креативного фразеотворчества в РТ свидетельствует ставший давно привычным факт тиражируемости одной и той же ФЕ в рекламе разных товаров, например: *Peugeot Любовь с первого взгляда* (реклама официального дилера «Пежо» «Орбита»), *Это была любовь с первой ложки!* (реклама продукции «Galina Blanca»), *Новая Škoda Fabia. Любовь с первой поездки* (реклама автомобиля), ср.: *Любовь с первого взгляда; Береги здоровье смолоду!* (реклама матрасов Дикюля), *Берегите слух смолоду* (реклама комплекса антиоксидантов, витаминов и микроэлементов «АКУСТИК» для профилактики снижения слуха), *Береги свой Zухel смолоду!* (реклама модема «Zухel»); ср.: *Береги платье снову, а честь смолоду.*

В рамках данной работы мы придерживаемся широкого понимания ФЕ и понимаем их как собственно фразеологизмы, так и прецедентные высказывания, положив в основу тот факт, что все они воспринимаются реципиентами как единое смысловое целое, обладая при этом целостной номинативной

функцией, ср.: «фразеологизмы – семантически несвободные словосочетания, которые, как правило, воспроизводятся в речи в закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-грамматического состава» [ЛЭС 1990: 559]. Таким образом, мы понимаем под ФЕ *идиомы, речевые штампы, поговорки и поговорки, крылатые выражения.*

Креативное фразеотворчество в РТ имеет ряд характерных особенностей.

Во-первых, в качестве модели создания РТ при помощи ФЕ всегда выступает общеизвестная или широкоизвестная представителям русского лингвокультурного сообщества узуальная ФЕ, например: *Бассейны под ключ за 7 дней* (реклама фирмы «Росланд»); *Кнорр Крошка Лук. Мал да удал!* (реклама продукции «Кнорр»), ср.: *Мал да удал; Хлеба и зрелища на выставке Юга России 2006* (реклама сельскохозяйственной выставки), ср.: *Хлеба и зрелищ!* (строка из произведения Ювенала «Критик»). В целом простота, лёгкость и скорость декодирования РТ на базе ФЕ – это необходимые условия успеха и эффективности рекламной коммуникации.

Во-вторых, в новой окказиональной ФЕ должна легко опознаваться узуальная базовая модель ФЕ даже в трансформированном виде, ср.: *Big Von приходит во время еды* (реклама лапши «Big Von»), ср.: *Аппетит приходит во время еды; Делайте деньги не отходя от монитора* (реклама курсов обучения биржевой торговле «ForexClub»), ср.: *Считайте деньги, не отходя от кассы; Говорит и показывает «Мегафон»* (реклама компании мобильной связи), ср.: *Говорит и показывает Москва; Скидки товарища Роста с Вами! Покупатели окон всех стран – присоединяйтесь!* (реклама группы компаний «Рост»), ср.: *Пролетарии всех стран соединяйтесь!* Проблема экспликации актуального значения ФЕ является очень важной для правильного «сотворения» любого РТ, дешифровка которого для реципиента должна быть минимально затратной в рамках реального времени, в обратном случае – при попытке осмысления РТ реципиентом произойдет коммуникативная неудача.

В-третьих, обыгрывание положительной коннотации ФЕ является важным для когнитивно-прагматической оценки эффективности использования ФЕ в рекламном дискурсе. Изменение эмоционально-оценочного плана не должно идти вразрез с принципами создания РТ, окказиональная ФЕ должна иметь положительную коннотацию (однако мы не исключаем факт удачного фразеотворчества на базе негативной коннотации, что однозначно встречается достаточно редко), которая сохраняется или «наследуется» при трансформации узуальной ФЕ, или исходная негативная коннотация узуального ФЕ трансформируется в положительную, ср.:

– **обыгрывание** исходной положительной коннотации: *Маленький да удаленький. Компьютер для работы вне дома и офиса* (реклама магазина «Computer-city»), ср.: *Мал да удал.* Положительная мотивация заключается

также и в том, что данная ФЕ хорошо знакома реципиенту и её использование соответствует смыслу РТ;

– **снятие** исходной негативной коннотации через замену компонентного состава: *От подарка не убежишь* (реклама мобильной связи «Билайн»), ср.: *От судьбы не уйдешь*, т.е. за счет лексической трансформации – через внедрение нового компонента – *подарок*;

– **снятие** исходной негативной коннотации через буквализацию значения ФЕ: *Крошки Sorti выведут грязь на чистую воду* (реклама моющего средства «Sorti»), ср.: *выводить на чистую воду*. Буквальная интерпретация значения ФЕ *выводить грязь на чистую воду* происходит при помощи видеоряда с изображением персонажей – крошек Sorti, в буквальном смысле старательно вычищающих пятна грязи из ткани.

Изучение способов креативного фразеотворчества показывает, что независимо от того, является ли цитирование ФЕ полным или трансформированным, любая ФЕ приобретает новый смысл за счет изменения вербального и ситуативного контекста ФЕ. Более того, «в результате столкновения с новым языковым контекстом происходит сдвиг смысловой и, что важно, стилистической направленности цитаты, которая семантически подчиняется контексту» [Гузь 1997: 105]. Поэтому даже при использовании узуальной ФЕ в ее оригинальной форме в новом контексте происходит изменение ее внутренней семантики.

Анализ РТ, построенных на базе ФЕ, показывает, что узуальные ФЕ используются в РТ как в своей оригинальной форме, незатронутой изменениями, так в расширенной и усеченной, что подразумевает трансформацию внешней формы, которая при определенных обстоятельствах влечет за собой трансформацию внутренней формы:

в оригинальной форме: *Старый друг – лучше новых двух!* (реклама интернет-услуг компании «Comstar»), *Долго выбирать – женатым не бывать! Окна от фирмы «Стоик»* (реклама ООО «Стоик»);

в трансформированной форме:

– **через** расширение компонентного состава ФЕ: *Окна Тантроникс. Зима не за горами, она за окнами!* (реклама компании «РотЯг»), *Подпишись на Комсомолку, с ней найдешь в стогу иголку!* (реклама подписки на газету «Комсомолка»), ср.: *найти иголку в стогу сена*. Причем в первом предложении расширение формы реализуется через уточнение, а во втором случае – через дополнительное условие;

– **через** сокращение компонентного состава ФЕ: *А чё тянуть?! Дают – Бери! СКБ – БАНК. 100000 за 15 минут, кредит на потребительские нужды* (реклама «СКБ-Банк»), ср.: *Дают – бери, бьют – беги!*, *Любишь кататься? Любишь Real?* (реклама магазина «Real»), ср.: *Любишь кататься, люби и саночки возить!* В первом РТ изменение внешней формы практически не затра-

гивает содержание ФЕ, а во втором РТ имеет изменение внутренней формы ФЕ, что в большей степени обусловлено использованием приема обманутого ожидания;

– **через** замену компонентного состава ФЕ: *Хлебной... и зрелищ!* (реклама водки «Хлебная»), ср.: *Хлеба и зрелищ!* (строка из произведения Ювенала «Критик»); *Каждой паре ... по Полету! Летайте от 300 руб.* (реклама «Skyexpress»), ср.: *каждой твари по паре; Ашан – двойной удар по ценам! Один Ашан хорошо – а два лучше!* (реклама гипермаркета «Ашан»), ср.: *Одна голова хорошо, а две лучше!* Как мы видим, ФЕ может пережить полную замену компонентного состава, но сохранить свою грамматическую структуру, которая обладает апелляцией к исходной узуальной ФЕ, что обеспечивает ее узнаваемость.

В рамках изучения креативного фразеотворчества можно выделить следующие способы моделирования семантики узуальной ФЕ через трансформацию ее модели за счет изменений как в ее компонентном составе, так и в самой структуре ФЕ, ср.:

- **за счет** изменения компонентного состава:

- **через** замену одного из компонентов: *Блог в помощь!* (реклама сайта «Sensor.ru»), ср.: *Бог в помощь!*; *Связь оправдывает средства* (реклама компании «Евросетъ»), ср.: *Цель оправдывает средства; В моем мобильном все должно быть прекрасно. Сделаем! Зайди на наш WAP-сайт!* (реклама компании «Мегафон»), ср.: *В человеке все должно быть прекрасно;*

- **через** замену двух и более компонентов: *Окна за окном!* (реклама фабрики окон), ср.: *Око за око!*;

- **через** изменения в структуре: *Весна красна диванами* (реклама салона мебели), ср.: *Не красна изба углами, а красна пирогами;*

- **за счет** отдельного предложения, в качестве которого может выступать:

- **повествовательное** предложение-уточнение в роли комментария, вносящее свою «корректировку» в смысл всего РТ: *Утро добрым не бывает! Завтрак в Макдональдс помогает!* (реклама «Макдональдс»), ср.: *Утро добрым не бывает;*

- **вопросительное** предложение, сопровождаемое усечением компонентного состава и грамматической структуры ФЕ, ср.: *Человек красит место. А чем?* (реклама краски «Profi avi»), ср.: *Не место красит человека, а человек красит место.*

В вышеприведенных примерах перефразирование ФЕ и расширение его внутренней семантики реализуется за счет дополнительных предложений.

В РТ встречаются трансформации ФЕ, основанные как на изменении внешней грамматической структуры, так и варьировании внутренней семантики ФЕ. Трансформация как внешней формы, так и внутренней структуры ФЕ вле-

чет за собой семантические преобразования. *Семантические преобразования* можно разделить на собственно *семантические* и *структурно-семантические трансформации*. Все трансформационные процессы моделирования креативного фразеотворчества можно обозначить как семантические преобразования, поскольку любая трансформация как лексическая, так и грамматико-синтаксическая неизбежно влечет за собой изменение внутренней семантики ФЕ.

Можно выделить несколько уровней трансформации ФЕ в РТ:

морфологическая трансформация: *Крошки Sorti выведут грязь на чистую воду* (реклама моющего средства «Sorti»), ср.: *выводить что-то на чистую воду* вместо *выводить кого-то на чистую воду*. Здесь имеет изменение морфологической парадигмы, изначально закрепленной за данной ФЕ;

грамматико-синтаксическая трансформация: *Мы сделаем из слона муху* (реклама «Альфа-Банк»), ср.: *делать из мухи слона* – перен. раздувать проблему из ничего. Следует отметить, за счет изменения грамматической структуры ФЕ также снимается негативная коннотация: *Масло кашей не испортишь* (реклама сливочного масла), ср.: *Кашу маслом не испортишь*. В данных примерах субъект и объект поменяли местами;

лексическая трансформация, основанная на изменении компонентного состава:

– **за** счет замены одного слова в ФЕ: *А мама сказала: Иммуитета много не бывает!* (реклама продукта «Aktivia»), ср.: *Денег много не бывает!*;

– **нескольких** слов: *Толстому ломтику и рот радуется* (реклама продукции «Царицынские колбасы»), ср.: *Большому куску и рот радуется!*;

– **за** счет замены одного слова в одной из частей ФЕ: *Держи пиво в холоде, а ноги в тепле* (реклама пива «Бочкарев»), ср.: *Держи голову в холоде, а ноги в тепле*;

семантическая трансформация, при которой авторский перифраз ФЕ может повлечь:

– **частичное** переосмысление, не затрагивающее основную идею ФЕ: *Два подарка лучше, чем один* (реклама компании «Билайн»), ср.: *Одна голова хорошо, а две лучше*;

– **полное** переосмысление ФЕ: *Красота не требует жертв. Красота требует ухода* (реклама косметической продукции «Черный жемчуг»), ср.: *Красота требует жертв*.

Отдельно следует отметить способы и приемы семантической трансформации ФЕ:

– **полный** авторский перифраз, когда в зависимости от той или иной рекламной идеи ФЕ подвергается деформации и в РТ имеет место авторское «возрождение» внутренней семантики ФЕ: *ОСТАЛОСЬ РОДИТЬ СЫНА. Дом –*

в кредит, дерево – в подарок. Ипотека от 10% (реклама «Абсолютбанка»), ср.: *Каждый мужчина в своей жизни должен родить сына, построить дом и посадить дерево*;

– **обыгрывание** прецедентной ситуации, то есть происходит наложение семантики прецедентной ситуации (наступление года свиньи по китайскому календарю) на ПВ: *Новогодняя интрига. Ход свиньей!* (реклама магазина «Красный куб»), ср.: *ход конем*;

– **обманутое** ожидание: *Пришел, увидел и купил* (реклама магазина «М-видео»), ср.: *Пришёл, увидел, победил* (лат. *Veni, vidi, vici*) – крылатое выражение, слова Юлия Цезаря;

– **буквализация**, или активизация буквального значения компонентов ФЕ: *Отдай последнюю рубашку и купи новую в Savage* (реклама магазина «Savage»), ср. *отдать последнюю рубашку* – об отзывчивом человеке, готовом поделиться с кем-л. тем единственным, значительным, что только у него и осталось. Мы видим молодого человека, в прямом смысле срывающего с себя рубашку, чтобы отдать ее; *Когда простуда берет за горло, примите Strepsils* (реклама сосательных леденцов «Strepsils»), ср.: *брать за горло* – принуждать кого-л. к чему-л., заставлять поступать определённым образом. Мы видим человека в приступе боли, приложившего руки к горлу, за которое его схватила так называемая простуда. Сочетание приемов обманутого ожидания и буквализации значения может быть удачным способом обыгрывания внутренней семантики ФЕ;

– **обратная** актуализация, ср.: *Распространим. Дойдет даже до жирафа* (реклама газеты «Реклама-Юг»), ср.: *Дойдет и до жирафа!* В последнем случае имеет место обратная актуализация и превалирование внешней формы идиомы над ее внутренней семантикой. За счет графического изображения жирафа, сопровождающего РТ, то есть через буквализацию значения ФЕ снимается негативная коннотация исходного значения ФЕ – *тугодум*;

– **графо-семантическая** трансформация ФЕ, при которой графическое средство может активизировать внедрение в текст нового смысла. Так, в следующем примере многоточие, фиксируя паузу, предвосхищает использование приема обманутого ожидания и вносит в текст новый смысл: *Важен не подарок... а хороший подарок!* (реклама сайта по покупке подарков, <http://abc.ru>), ср.: *Важен не подарок, а внимание; Не надо изобретать ... Velas вся музыка для авто* (реклама фирмы «Velas»), ср.: *Не надо изобретать велосипед*;

– **совмещение** разноуровневых трансформаций: *Кто раньше встал, тот первый подписался!* (реклама подписки на газету «Южная столица»), ср.: *Кто рано встает, тому Бог подает!* Здесь ФЕ претерпевает сразу лексическую и грамматическую трансформацию.

Использование ФЕ придает РТ тексту яркую стилистическую окраску и новизну восприятия за счет срабатывания механизма актуализации общего смысла ФЕ, базирующегося на культурной памяти лингвокультурного сообщества. Окказиональные ФЕ в РТ «наследуют» афористичность узуальной ФЕ, на когнитивном уровне реципиент подсознательно воспринимает ее как удачную, и сам РТ имеет больше шансов на успех, именно благодаря тому, что такой РТ апеллирует к лингвокультуре реципиента.

Популярность креативного фразеотворчества в РТ объясняется не только большой степенью узнаваемости ФЕ консьюмеристским сообществом в РТ как в ее оригинальной, так и трансформированной форме, но и смысловой насыщенностью. Эффективность использования ФЕ в РТ также зависит от того, как семантически сочетаются узуальная и окказиональная ФЕ. Окказиональная ФЕ уже сама по себе уникальна тем, что обладает двойным планом содержания, в ее форме прослеживается семантика базовой ФЕ, которая придает «новой» окказиональной ФЕ определенную коннотацию. Использование ФЕ в трансформированном виде объясняется тем, что оно позволяет придать ФЕ необходимое контекстуальное значение для продвижения рекламируемого товара или услуги и создать необходимую (чаще всего) положительную коннотацию.

В РТ встречаются трансформации ФЕ, основанные как на изменении внешней грамматической структуры, так и варьировании внутренней семантики. Однако любые преобразования узуальной ФЕ можно обозначить как семантические преобразования, несмотря на то, что они реализуются трансформациями на разных языковых уровнях. Семантика ФЕ всегда обладает первичной ценностью для создания рекламного текста, ведь в основе игры с потребителем всегда лежит смысл, даже если привлечение внимания достигается именно через преобразование внешней формы ФЕ. Трансформация ФЕ является одним из самых эффективных способов насыщения РТ не только смыслом, но определенной эмоционально-оценочной ценностью, что во многом объясняется глубинным культурным кодом фразеологии.

АВТОРСКИ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ФРАЗЕМИТЕ ВО МАКЕДОНСКИОТ ЈАЗИК

(ВРЗ МАТЕРИЈАЛ ОД СОЦИЈАЛНИТЕ МРЕЖИ)

Катерина Велјановска
Биљана Мирчевска-Бошева
Скопје, Македонија

Јазичната демократизација, интернационализација, неологизација, жаргонизација својствени за современата фаза од развојот на повеќето јазици наоѓаат свој одраз во различни дискурси и функционални сфери. Овие процеси особено се чувствуваат во Интернет-дискурсот препознатлив по тенденцијата за трансформација на традиционалните жанрови, бришењето на границите меѓу усната и писмената форма на јазикот, хипертекстуалноста, анонимноста, експресивноста, глобалноста, креативноста, субјективноста и др. [Доброва 2019: 228]. Виртуалниот дискурс од една страна ги фиксира резултатите од динамичните процеси и овозможува нивно широко распространување, а од друга страна има огромно влијание во создавањето на јазичните иновации.

Сите јазични средства во интернет – просторот се подложни на семантички и /или структурни промени при нивната честа употреба во најразнообразни текстови. Ваквите процеси не ја одминуваат ни фразеологијата. Промените во политичката, економската, социјалната сфера, појавата на нови реалии кои бараат експресивно именување кое во себе ќе ги обедини и номинацијата и оценката, потребата од именување на најактуелните општествени појави се причина за бројни иновации со кои фразеолошкиот материјал се адаптира на промените во социокултурниот простор.

Имајќи го предвид севе ова, решивме нашето истражување да го насочиме кон македонскиот фразеолошки материјал во Интернет-дискурсот, посебно фокусирајќи се на материјал од објави на приватниот профил на Тања Аждаја (Т.А.) на социјалната мрежа Facebook кои подоцна во девет прилози се објавени и на порталот Окно во рубриката Книжевност, како и на статусите

на Милан Дамјановски (М.Д.), повторно на социјалната мрежа Facebook кои потоа се објавени во посебна книга под наслов „Статуси на нашето време“.

И двајцата автори се одликуваат со жив, експресивен јазик, инвентивност и креативност, духовитост и досетливост. Во своите зборовни игри многу често вметнуваат фразеолошки материјал со потекло од грчката митологија, од латинскиот јазик, од Библијата, како и од српски и англиски јазик. На пр.

*Прав Водител. Само **оправааш криви Дрини**; Не вирее јаблоко у **банана држава**; Македонски **Танталови маки**: на секоја страна пари ти должат, обиди се да ги земеш, веднаш ги снемува; Може се **раѓае табула раза**, но најлошо е што политичарите сакаат да нè направат табула омраза; Не е ни чудо што младите сè помалку се романтични, сте се обиделе ли да направите „**љубим руке**“ на тастатура; **Со срцето во петици** можеш да бегаш само од љубов и др.*

Во дел од нив вметнати се фразеолошки калки (*банана држава*), додека во дел употребени се фраземи од друг јазик во оригиналната форма (*љубим руке*).

Покрај во основната форма која е забележана во речниците, авторите често сакаат да ја променат семантиката на фраземата или да внесат дополнително значење, да ја променат оценката на настанот, лицата и појавата на кои се однесува фраземата, стилистичката маркираност или да ја зголемат експресивноста инспирирани од политичките, економските или еколошките состојби во Македонија. Овие цели најчесто ги реализираат со помош на замена на компоненти во изразот.

По дефиниција замената на компонентите е структурно обновување на фраземите преку замена на узуалната компонента со окационална. Таа е најчеста трансформација бидејќи помага во брзо приспособување на фраземата во текстот, помага во нејзина конкретизација, експликација. Овој тип на трансформации дозволува да се задржи структурата и формата на фраземата со што таа останува лесно препознатлива за читателот [Доброва 2019: 75].

Во дел од своите објави авторите прават замена на компоненти вешто вметнувајќи малапропизам т.е. употребувајќи неточен збор што звучи многу слично со точниот збор за соодветниот контекст. На пример во изразот *Сè е **трав на договор*** (Т.А.) направена е замена на зборот *ствар* со зборот *трав* во оригиналниот израз *ствар на договор*. Слична е ситуацијата и со: *Сè што е **убаво кротко трае*** (Т.А.) во кој наместо *кратко* стои *кротко* што значи мирно и *Една слика, **илјада заборава*** (Т.А.) каде во оригиналниот израз *Една слика илјада зборови* направена е замена на *зборови* со *заборава*, а во *Тоа се само **жабини деветини*** (Т.А.) мотивиран од изразот *бабини деветини* направена е замена врз основа на блискоста баба-жаба.

Во изразот *Викај ура!* со значење добро е последната компонента по звучната блискост се заменува со називот на геолошкиот период Јура и како резултат на тоа го добиваме следниот резултат: – *Како иде брат? – Абе викај Јура.* (Т.А.)

Мора да мрднеме од овој статус ква! (Т.А.) е мотивиран од латинскиот израз *статус кво* во кој се заменува последната компонента со оноματοпејскиот извик *ква!*

Мојата двоколка стигна прва, а Ахиловата петта е пример дека со додавање на само еден консонант кој во изговорот скоро и да не се забележува добиваме сосема друго значење. Лексемата која означува дел од човечкото тело се заменува со редниот број 5.

Во примерот *Курбан бјрм* (Т.А.) (мотивирано од Курбан Бајрам – муслимански празник на кој се принесува жртва) направена е замената со привремената референца Бивша Југословенска Република Македонија (БЈРМ). Актуелната политичка ситуација во земјата наоѓа свој одраз во оваа замена со која се проширува и менува семантиката на изразот и тој сега добива значење: името е принесено како жртва (курбан).

Познатата изрека *Зар и ти сине Бруте?* (Т.А.) била мотивација за појавата на *Зар и ти плато бруто?* Замената е направена според блискоста во звучењето на *Бруте* и *бруто*, а авторот алудира на незадоволството, разочараноста од износот на платата.

Наредниот пример е мотивиран од литературата. Во примерот *Свонарот во Богородичната црква во Париз е облечен по последна квазимода* (Т.А.) забележуваме замена на *мода* со *квазимода*, при што не само што се остварува комичен ефект (квазимода – лажна мода), туку се заокружува алузијата со романот „Свонарот на Богородичната црква во Париз“ со вметнување на името на неговиот главен лик – Квазимодо/квазимода.

Што се однесува до изразот *Хаику историја на нашата транзиција: и по Тито, мито* може да се каже дека во изреката *и по Тито, Тито* актуелна по смртта на претседателот на СФРЈ направена е замена со *мито* мотивирана од два аспекта: фонетската блискост и актуелната состојба на мито и корупција во државата.

Во изразот *Нешто ко да не ти се сите ребра на број, Адаме?* (Т.А.) врз основа на моделот на познатиот израз *не му се сите овци на број* направена е трансформација со библиска инспирација повикувајќи се на приказната за настанокот на жената од реброто на Адам.

Појдовна точка за настанувањето на *Мижџи кроасан да те лапам* е фразема *Мижџи Асан да ти баам* со значење неверување кон кажаното. Таа е комплетно променета со замената на повеќе компоненти со што се добива и сосема друго, буквално значење.

Актуелната политичка, социјална, еколошка состојба претставува неизмерна инспирација за трансформации на постоечките фраземи и нивно поврзување со дадениот контекст. На пример, енормната загаденост на воздухот е мотив

за преработка на српскиот израз *ко преживи, причаће* во: *Скопје – кој преживее, ќе каиша*. (М.Д.) Истиот израз го среќаваме и во друга варијанта: *Стара балканска максима – кој преживее, ќе лаже за своето време* (М.Д.) алудирајќи на неискреност, лажно прикажување на состојбите на Балканот.

Критичкиот однос кон некои појави и состојби се гледа и во примерите:

Денес владее принципот – зошто да биде просто кога може простачко мотивиран од изразот *зошто да биде просто кога може да биде сложено*;

Во Македонија крајот секогаш го касни делото со замената на компонентот потполно се менува значењето на целиот израз. Имено, *крајот секогаш го краси делото* кој послужил како мотивација за овој израз има значење дека крајот претставува убаво и позитивно заокружување на завршената работа. Во трансформираниот израз се алудира на доцнењето или ненавременото решавање на прашањата и проблемите во Македонија.

Глоби локално, троши глобално – буџетско хауку (М.Д.) потекнува од фразата *мисли локално, делувај глобално* и е преработена во контекст на казните кои им се наметнуваат на граѓаните и трошењето на средствата од нив.

Држава – некому мајка, некому инспекција (М.Д.) ја допрецизирана фраземата *некому мајка, некому макеа* со замената на *инспекција* наместо *макеа* алудирајќи на нееднаквиот однос на државата кон сите фирми.

Ако некогаш има роман за последниот Македонец, ми се чини дека ќе се вика „Последниот жирант“. (М.Д.) Фраземата *последниот Мохиканец* е заменета со *последниот жирант* и е поврзана со задолженоста на граѓаните и гаранцијата за враќање на кредити преку обезбедување жиранти.

Модерна поговорка – шири се колку ти е долг кредитот (М.Д.) е преработка на *шири се, колку ти е долга чергата* во која *кредит* се јавува на местото на чергата повторно повикувајќи се на фактот дека граѓаните се задолжени и живеат на кредит.

Луѓе сме, правиме политичари (М.Д.) е направена според моделот на *луѓе сме, грешки правиме* поистоветувајќи ги политичарите со грешките.

Во изразот *Батали го него, тој ти е фолк во металска кожа* (М.Д.) имаме замена на две компоненти во однос на оригиналниот *волк во овча кожа*. Новите компоненти *фолк* и *металска* се однесуваат на музички правци, но значењето останува исто – лажно претставување.

Посебно интересни се примерите во кои авторите си играат со употребата на кирилично и латинично писмо. Во напишан текст ваквата игра доведува до промена на значењето или до бесмислени изрази, додека изговорот им е ист. (пр. маани- money)

Тури му PayPal (Т.А.) е образувана според *Тури му пепел* со значење заборава што било, остави го во минатото. Лексемата *пепел* според звучноста е заменета со *PayPal* која означува име на систем за електронско плаќање. Новиот израз има значење – плати!

Те сакам со сите доблести и money. (Т.А.) Во појдовниот израз *со сите доблести и маани* заменет е *маани* во значење недостатоци со *money* (анг.) со значење пари. Вака трансформирана оваа фразема добива ново значење: со сите доблести и пари и упатува на љубов која финансиски мотивирана, а тоа е сосема спротивно од значењето на појдовниот израз.

Македонска кинематографија: Гајле синета. (Т.А.) Во основната фразема *Гајле си нема* со значење: не му е грижа направено е спојување на повратната замена си и помошниот глагол нема во една лексема *синета* со значење кино, кинематографија.)

Што ќе си SEAT, тоа ќе си PASSAT. (Т.А.) Овој израз е направен според моделот на *што ќе си seat, тоа ќе си жнеат* во кој според звучноста се заменети и внесени називи на производители или модели на автомобили. Напишаниот текст со латиница нема логично објаснување/значење, но при звуково восприемање се доближува до значењето на основната фразема.

Следни два изрази се поврзани со основниот *Нит се води, нит се тера* со значење: не можеш да излезеш на крај со некого. Кога вториот дел од изразот е заменет со *Netcetera* – назив на фирма за софтверски услуги и се добива *Нит се води Netcetera*, а кога се аменува со *terra* со значење земја на која е додадена наставка за второ лице единина добиваме *Нит се водиш – нит се terraиш*. (Т.А.) Звуково нема разлика со основната фразема, но примерот *terraиш* нема никакво значење.

ЗНАЧИ ДА СЕ НЕМАЛО ОСЕТ ЗА PRAENJE SALATA. (Т.А.) Кирилично прочитано значи чувство, а латинично – киселина. Зборовите пред „осет“ се испишани на кирилица, по него – на латиница. Ако зборот се прочита кирилично со првиот дел од реченицата добиваме асоцијација за бесчувствителен човек; ако се прочита латинично со вториот дел – значењето комплетно се менува и значи дека недостасува состојка за подготовка на салата.

Покрај игра со писмата, во дел од примерите е регистрирани и игра со белините, односно слеано пишување на две или повеќе лексеми кои така споени прераснуваат во лични имиња и презимиња. Ефектот се постигнува без никаква интервенција, дури ни во една единствена графема, туку само со прегрупирање на видливиот графемски материјал со помош на невидливото ништо – „работата со празното“, со белинките помеѓу зборовите. [Ќорвезировска 2018] Ова го забележуваме во *Циганката што ме фали се вика Семие Цабе* (Т.А.) во која слеано е напишан делот *сè ми е цабе* со значење сè е залудно и во *Како беше: ни солзи Лијам Нисон ме фака?* (Т.А.) каде изразот ни солзи лијам, *ни сон ме фака* (со значење несоница) е слеано во името и презимето на познат актер.

Врз основа на сево ова може да заклучиме дека станува збор за надарени индивидуалци кои од постоечките јазични средства успешно создаваат нови, актуелни изрази кои се тесно поврзани со дадениот општествен, по-

литички и социјален контекст. Преку наведените примери, исто така, се стекнува претстава за продуктивноста на еден од најактивните механизми за трансформација на фраземите – замена на компонентите. Согласнојќи се со Мелерович и Мокиенко [Мелерович, Мокиенко 2005: 4] дека повторливоста на трансформациите, совпаѓањето со дијалектните варијанти, како и придржувањето до основните востановени модели укажуваат на фактот дека индивидуалноста и авторството се преувеличени, сепак сметаме дека овие изрази кои не се регистрираат во речниците, често се ограничени во простор и во времетраење, треба да се регистрираат и опишат како доказ за една фаза од развојот на македонската фразеологија.

ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-МИФОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-АНТРОПОНИМОМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ирина Юрьевна Третьякова
Кострома, Россия

В современной фразеологии изучение окказиональных трансформаций фразеологических единиц (далее ФЕ) «разворачивается» от описания процессов преобразования фразеологизмов в произведениях отдельных авторов художественных и публицистических стилей в сторону исследования факторов, механизмов, системности трансформационных процессов. Фразеологи вскрывают широкие возможности окказиональной фразеологической деривации, которая «...обладает своими закономерностями, проявляющимися в свойственных ей деривационных шагах и порождаемых в этом процессе окказиональных фразообразовательных гнездах, микросистемах, открытых для постоянного пополнения новыми единицами, создаваемыми по продуктивным моделям» [Мелерович, Мокиенко 2011: 284]. Не теряет своей актуальности вопрос, связанный с определением трансформационной активности фразеологических единиц отдельных групп и классов, с выявлением лингвистических особенностей и экстралингвистических причин, влияющих на саму возможность осуществления преобразований фразеологизмов. Проблеме определения трансформационной активности одной из групп фразеологизмов, функционирующих в современном русском языке, а именно фразеологизмов-мифологизмов с антропонимическим компонентом, посвящено данное исследование.

Трансформационная активность / неактивность ФЕ обуславливается целым рядом факторов: особенностью семантики, грамматической модели ФЕ, образности, изоморфизма формы и содержания и др. Совокупность особенностей внутреннего и внешнего планов фразеологизма, таких как трёх- и более компонентный состав, синтаксическая модель – глагольное словосочетание, изоморфизм значения и формы, наличие образности, мотивированности зна-

чения, обуславливают существование и появление большого количества окказиональных трансформов языковых фразеологических единиц (к примеру, ФЕ *вставлять палки в колёса, держать камень за пазухой* и под. [см.: Третьякова 2011: 170–202]). Однако помимо факторов, актуализирующих трансформационные процессы, выявляются также факторы, приводящие к их (процессов) сдерживанию.

Для фразеологизмов-мифологизмов с антропонимическим компонентом (далее ФМА) важными качествами, влияющими на окказиональное преобразование знаков, определяются (1) прецедентность и (2) особенности грамматической структуры.

(1) Отличительной чертой фразеологизмов данной группы является их статус прецедентных единиц; именные компоненты – имена существительные собственные и образованные от них прилагательные – обеспечивают прецедентный характер ФЕ. Каждый фразеологизм-мифологизм с компонентом-антропонимом связан со своим литературным источником, именно эта связь актуализирует как образную основу, так и семантику фразеологизма в условиях его функционирования. Прецедентность является маркированным свойством ФМА, влияющим на трансформационные процессы, причём это влияние оказывается двойственным.

Компоненты-антропонимы характеризуются высокой степенью устойчивости и обуславливают стабильность компонентного состава фразеологизмов, то есть препятствуют окказиональным изменениям ФЕ данной группы. Прецедентное имя является фактором, затрудняющим использование одного из самых частотных приёмов окказионального преобразования ФЕ – замены компонента языковой единицы. Следует учесть, что замена языковых компонентов фразеологизмов чаще всего происходит на основе системных парадигматических связей фразеологических компонентов, при этом коррелятами становятся синонимы, антонимы, паронимы, слова одной тематической группы, реже – одного семантического поля, омонимы. Однако компоненты ФЕ – прецедентные имена – не имеют традиционных коррелятов, так как они индивидуальны по своей сути, связаны с какой-либо индивидуальной ситуацией, описанной в тексте-источнике. Именно компоненты – имена существительные собственные или отыменные прилагательные – апеллируют к мифу, отсылая носителей языка к мифологическому герою, к мифологической ситуации, именно посредством прецедентных имён поддерживается связь ФМА с текстом-источником. Также прецедентное имя становится смысловой доминантой ФМА. Например, во ФЕ *гордиев узел* ('трудно разрешимое, запутанное дело, задача, всякое запутанное стечение обстоятельств') прецедентное имя формирует большую часть общего значения ФЕ, мотивированного мифическим предметом – чрезвычайно сложным узлом, завязанным царём Гордием и символизирующим нечто сложно распутываемое, сложноразрешимое, то есть всё то, что требует очень больших усилий для выхода из сложной ситуа-

ции, для решения проблемы. Поэтому во всех фразеологических трансформах, за редким исключением, прецедентное имя не подлежит замене. Замена прецедентного имени может быть произведена при использовании перифрастического выражения при условии характеристики типизированной ситуации. См., например, ФМА и его трансформ: *ахиллесова пята – пята известного греческого героя; стрелы Амура – стрелы бога любви*. В отдельных случаях окказиональные замены осуществляются на основе ассоциативных связей при условии характеристики типизированной ситуации. Например, ФМА *пиррова победа – «Трампова победа»* (о сомнительных достижениях США, которые президент Трамп ставит себе в заслуги) (Pravdoryb.info, 14.12.2017), где трансформация становится возможной при корреляции прилагательных, стоящих в устаревшей грамматической форме.

Компонент-прецедентное имя, оставаясь стабильным элементом грамматической структуры ФЕ, тем не менее, одновременно является фактором, актуализирующим трансформационные процессы. При замене компонента, выраженного нарицательным существительным, именно компонент-прецедентное имя, при его семантической и мотивирующей нагруженности, сохраняет деривационную связь с языковой ФЕ, репрезентирует общее значение фразеологизма, что позволяет авторам текстов относительно свободно производить замены нарицательного компонента. В качестве коррелятов компонента-нарицательного существительного могут использоваться слова, находящиеся в системных парадигматических отношениях. См., например, ряд компонентов – слов одной тематической группы «Ёмкость для хранения чего-либо», являющихся окказиональными компонентами ФЕ *ящик Пандоры: ящик – шкатулка – сундук – ларец – коробка – чемодан – гроб*. См.: «*Шкатулка Пандоры*» (название фантастического рассказа о человеке, появившемся среди богов и принёсшем несчастья) (<http://fantlab.ru/work2283>); «*Сундук Пандоры*» (название статьи о странном сундуке, приносящем несчастья там, где он находился) (<https://www.eg.ru/tech/science/41418/>); «*Ларец Пандоры*» (название стихотворения, в котором лирический герой таким образом характеризует то, что происходит в его душе в отсутствие любви) (<https://poembook.ru/poem/1205614>); «*Пандорина коробочка*» (название песни исполнителя СадЪ о ценных для певца предметах, хранящихся в коробке) (<https://music.yandex.ru/album/2042797/track/1838>); «*Пандорин чемодан*» (название странички Д. Капитонова в «Живом Журнале», где автор делится разными мыслями, трагическим восприятием жизни) (Kapitonov-di.livejournal.com); «*Гроб Пандоры*» (название четверостишия, в тексте которого представители враждующих этносов – серб и албанец – пытаются найти мир, прекратить губительную войну, закрыв крышку «гроба» Пандоры) (Proza.ru, 28.02.2008) и др.

В круг окказиональных коррелятов при замене нарицательного существительного также могут входить любые существительные, именующие предметы, процессы, не имеющие каких-либо парадигматических связей с языковым

компонентом-лексемой. См., например, ряд окказиональных заместителей компонента *меч*, называющих предметы, явления, связанные с ФМА *дамоклов меч* по характеру ситуаций, которым свойственны запутанность, неразрешимость, проблемность: *дамоклов меч – матч – газ – тополь – крестовый поход – дело – труба* и др. См. фразеологические трансформы в названиях газетных статей: «*Дамоклов матч*» – о возможной дисквалификации игрока футбольной команды сборной Германии и угрозе остаться без форварда (Мк. ru, 04.07.2006); «*Дамоклов газ*» – о проблеме повышения закупочных цен на российский газ в Молдавии, что угрожает президенту Молдавии отставкой (<https://dd5500.ru/050919-damoklov-gaz/>); «*Дамоклов тополь*» – о проблеме жителей города Наро-Фоминска, на одной из улиц которого старый тополь угрожал рухнуть на линию электропередач (<https://apn-nn.com/analytic/damoklovo-delo/>); «*Дамоклово дело*» – об уголовном деле на Булавинова, который являлся соперником действующего губернатора на выборах, а значит, представлял для него угрозу (<http://babr24.com/baik/?IDE=26485>); «*Дамоклова труба над Байкалом*» – о прокладке труб нефтепровода в непосредственной близости к Байкалу и угрозе его загрязнения (<https://army-news.ru/2011/10/nato-otkryl-livijskij-yashhik-pandory/>).

(2) ФМА (за незначительным исключением) представляют собой субстантивные словосочетания, образованные по модели «прилагательное + существительное» (*авгиевы конюшни, дамоклов меч, пиррова победа*), «существительное + существительное» (*дары Данаи, стрелы Амура, ящик Пандоры*). Такая двухкомпонентная модель может быть подвергнута количественному изменению – расширению компонентного состава. (Противоположная количественная трансформация – уменьшение компонентов в результате использования приёма сокращения компонентного состава – применительно к ФМА не рассматривается, так как сокращение состава двухкомпонентной фразеологической единицы до одного компонента приводит к исчезновению фразеологической единицы как таковой).

При трансформации фразеологической модели «существительное + существительное» к субстантивным компонентам могут быть присоединены адъективные компоненты. См., к примеру, окказиональные расширители – конкретизаторы значения: *ливийский ящик Пандоры* (о пропаже 20 тысяч передвижных зенитно-ракетных комплексов, находящихся на вооружении Ливийской армии) (<https://cutt.ly/Egirc7L>), *каспийский ящик Пандоры* (о проблемах стран каспийского региона) (Ng.ru, 01.09.2005); компоненты-экспликатеры, репрезентирующие элементы значения МФА: *уязвимая ахиллесова пята* (о проблеме безработицы в Польше) (<https://deadbyfashion.wordpress.com/2011/08/11/>); компоненты-экспрессивы, вносящие в значение ФЕ дополнительную экспрессию, добавочные смысловые элементы: *сладкий меч Дамокла* (стихи, в которых герой признаётся в сладости убивающего его любовного чувства) (<https://juste-rus.livejournal.com/727264.html>); компоненты-интенси-

фикаторы со значением количества: *две ахиллесовых пяты России* (о проблемах, существующих в России) (Ulpresa.ru, 11.10.2005); в состав ФМА может быть введено несколько компонентов: *ржавые весы ульяновской Фемиды* (об отсутствии правосудия в Ульяновске, <https://juste-rus.livejournal.com/727264.html>).

Модель «прилагательное + существительное» с прецедентным отыменным компонентом подвергается трансформации менее активно. Компоненты *дамоклов, ахиллесова, ариаднина, пиррова* и др., относясь к разряду притяжательных прилагательных, уже характеризуют предметы и ситуации (*меч, пята, нить, победа*) по признаку принадлежности. При расширении компонентного состава окказиональный расширитель может быть представлен вторым именем прилагательным, конкретизирующим предмет, передающим экспрессию, интенсифицирующим признак: *злбный гомерический смех* (<https://juste-rus.livejournal.com/727264.html>), *американская ахиллесова пята* (Pravdoryb.info, 27.08.2018).

Трансформации ФМА посредством использования приёма расширения компонентного состава являются стандартными, сходными с расширением компонентного состава фразеологизмов других групп (например, с компонентом-зоонимом – *травленный волк*, с компонентом-соматизмом – *голубая кровь* и др.). Особенностью трансформаций ФМА в этом аспекте является наличие прецедентного имени, которое передаёт характеристику индивидуального мифологического героя, индивидуального предмета, индивидуальной ситуации и далеко не всегда допускает иные характеристики – экспликацию значения, интенсификацию признака, буквализацию образа и значения ФМА – и является фактором, сдерживающим процессы трансформации ФМА.

Следует заметить, что в настоящем разделе представлено исследование преобразований ФМА лишь двумя наиболее простыми, а потому часто используемыми способами. За рамками остались сложные трансформации ФЕ, осуществляемые в художественных, чаще стихотворных текстах, характеризующиеся яркой окказиональной семантикой, развёрнутыми образами, необычной коннотацией.

К внешним факторам, влияющим на преобразовательную активность ФМА, относится фактор частотности функционирования фразеологических единиц в речи. Источником языкового материала послужили тексты публицистического и художественного стилей, а также посты, комментарии в блогах, на интернет-форумах; количественные показатели употребления ФМА позволили сделать следующие выводы.

Разные фразеологизмы-мифологизмы с компонентом-антропонимом имеют различную частотность употребления и – как следствие – трансформирования. Анализ языкового материала позволил выявить ФМА, активно используемые в традиционном облике и активно изменяемые в речи: *авгиевы конюшни, ахиллесова пята, дамоклов меч, пиррова победа, гордиев узел, про-*

крустово ложе, ящик Пандоры. Частотность употребления данных ФЕ в языковом и окказиональном виде, на наш взгляд, обусловлена их семантикой: ФМА входят в фразеотематические группы, содержащие ФЕ с отрицательной характеристикой процессов, состояний: «Сложности, проблемы» – *гордиев узел, ахиллесова пята, дамоклов меч*; «Беспорядок» – *авгиевы конюшни*; «Опасность» – *ящик Пандоры*; «Неудача, поражение» – *пиррова победа*; характеризуются общей чертой – негативной оценочностью явлений, процессов и участников этих процессов. Такие фразеологизмы широко используются, в первую очередь, в текстах СМИ для отрицательной характеристики значимых для общества событий, а также деятельности политических лидеров различного ранга, общественных активистов, работников правовой, социальной сферы.

Устаревшие ФМА (*сардонический смех, бочка Данаид*), а также ФЕ, нечастотные в речи (*узы Гименея, весы Фемиды, жрецы Фемиды, объятия Морфея, колесо Фортуны, стрелы Амура* и др.), редко функционируют в преобразованном виде.

В целом, фразеологизмы-мифологизмы, содержащие в своём составе компонент-антропоним, не проявляют высокого уровня трансформационной активности и употребляются чаще в языковом виде.

MODIFIKACE ČESKÝCH FRAZÉMŮ ZAPOJENÍM ATRIBUTIVNÍHO ADJEKTIVA (PŘÍPAD *PŘÍSLOVEČNÝ/POVĚSTNÝ*)

Štefan Uhriňák
Budapešť, Maďarsko

Čeština patří k těm jazykům, které se vyvíjely nikoli v izolaci, nýbrž naopak ve stálých kontaktech s jinými jazyky, a tento proces pokračuje i dnes. Otázka, jestli v češtině (event. v maďarštině) i dnes vznikají nové frazémy a jestli prameny těchto inovací jsou ryze domácí nebo zda jejich inspirace pochází i odjinud, nemůže být zodpovězena jednoznačně. K tomu by byla potřeba řada dalších dílčích výzkumů na větší materiálové bázi. Jedním z největších problémů je tu samotná identifikace nových nebo modifikovaných frazeologických jednotek (dále FJ) v textech.

V naší práci se budeme věnovat možnostem zachycení a sledování variability, eventuálně analýze modifikačních postupů v užití českých frazémů v současné české publicistice. Tato práce je součástí širšího výzkumu, jenž je zaměřen na otázky frazeologické variability, kde vedle analýzy zapojení atributivního adjektiva do struktury FJ budeme studovat i možnost / nemožnost pasivizace a negace. Studium frazeologie pomocí korpusů s podrobnějším zaměřením na frazeologii srovnávací (v našem případě jde o frazeologii českou a maďarskou) má v perspektivě za úkol hledání univerzálií ve frazeologii dvou typologicky odlišných jazyků.

Cílem úvodní části je ukázat, jaké místo zaujímá variabilita v užití frazémů a idiomů obecně. Východiskem zde bude přehled názorů frazeologů, kteří se zabývali otázkami variability a transformací v různých aspektech. V ústřední části práce se budeme věnovat analýze konkrétních případů různých modifikačních postupů zapojením do struktury FJ adjektiv *příslopečný / pověstný*.

P. Dronov se ve svých pracích opírá o hypotézu D. O. Dobrovolského, podle něhož je modifikace standardní, když: a) je možné FJ sémanticky rozložit a analyzovat, b) pokud modifikátor koreluje s aktuálním významem a základní metaforou, vnitřní formou FJ [Dobrovolskij 2007:18–47]. P. Dronov dodává: na základě korpusového výzkumu je možné konstatovat, že nejfrekventovanější modifikace v angličtině, němčině a ruštině jsou kontextové, např. v angličtině FJ *to earn **political** brownie points*

(doslova česky: sbírat **politické** body) [Dronov 2011:149]. Velmi frekventované jsou aktualizace, při kterých se nahrazuje ustálený komponent jiným, neustáleným, nebo se vkládá nový komponent do ustálené podoby, jako např. v případě *Mýlit se je prezidentské* namísto *Mýlit se je lidské* [Mlacek 2001]. Aktualizace někdy vyjadřují opačný význam, než jaký má původní FJ. Je potřeba se také zmínit o tzv. *antiproverbiích* jako např. *Kdo si počká, ten se nedočká* namísto původní formy *Kdo si počká, ten se dočká*. Frazémy, které jsou frazeologickými internacionalismy, tj. jejich původem jsou texty nebo události ze světových dějin, antiky, Bible či starší světové literatury, tvoří jistou specifickou skupinu FJ v různých jazycích. Tyto frazémy se vyskytují většinou v nezměněné formě, např. *Pyrrhovo vítězství* [Baláková 2007].

Autoři slovenského slovníku *Frazeologická terminológia* upozorňují, že v případě derivace frazému může být frazeologická jednotka modifikovaná derivační změnou komponentu (např. *andělská trpělivost – andělsky trpělivý*) paradigmatickou změnou ve struktuře frazému (*dlouhá chvíle – z dlouhé chvíle*) nebo rozšířením spojení o další, funkčně odlišný komponent, přičemž dochází ke změně její syntaktické funkce (např. *Scylla a Charybda – proplout mezi Scyllou a Charybdou*). Někdy se derivace označuje termínem transformace [Mlacek, Ďurčo a kol. 1995: 19]. Podle těchto autorů je syntaktická variantnost frazému ustálená proměnlivost syntaktické stavby frazému, která nenarušuje věcný ani kategoriální význam frazému. Je třeba ji odlišit od proměnlivosti, která mění denotativní význam (zde již jde o syntaktickou aktualizaci), i od proměn kategoriálního významu – zde jde o frazeologické deriváty [Mlacek, Ďurčo a kol. 1995: 117]. Frazeologická kontaminace je jedním z aktualizáčních zásahů do frazému, který spočívá v zkřížení formální nebo významové výstavby frazému s jiným frazémem nebo volným kontextem. Pokud se kříží jisté vlastnosti frazému s vlastnostmi slov z jeho kontextu, jde o meziúrovňovou kontaminaci. Patří sem i všechny případy nenáležitého zapojení frazému do kontextu, např. *držet jazyk za svými porouchanými zuby* [Mlacek, Ďurčo a kol. 1995: 35–36]. V krajních případech může kontaminace narušovat významové a jiné kvality frazému a tehdy jde o chybnou kontaminaci (příklad z tisku: *jablko úrazu* z frazémů *jablko sváru* a *kámen úrazu*).

Otázkami variability se zabývají i maďarští frazeologové. Podle T. Forgács se variabilita FJ zakotvena v jazykovém úzu a představuje pravidelně se opakující jev; na druhé straně jsou modifikace příležitostným zkrácením frazeologické jednotky použité v konkrétním textu. V reklamních sloganech, titulcích novin nebo vtipech je příležitostná modifikace FJ záměrným dílem autora pro upoutání pozornosti [Forgács 2007: 39–40]. Modifikace se mohou vztahovat nejenom na formu FJ, ale také může – při zachování původní formy – nastat modifikace významu, tzv. remotivace. Jako ilustraci uvádí T. Forgács uvádí případ maďarského přísloví *Jó pap holtig tanul* (doslovný překlad: *Dobrý kněz se učí až do smrti*). Původní význam 'člověk se učí celý život' (ekvivalent v angličtině: *You live and learn.*) se např. aktualizuje v maďarské anekdotě následujícím způsobem:

- *Mi van a jó pap sírjára írva?*
- ???
- *Tanulmányait befejezte.* (← *Jó pap holtig tanul.*)
- *Což ve volném překladu do češtiny znamená:*
- *Co je napsáno na hrobě dobrého kněze?*
- ???
- *Ukončil studium.* (← *Dobry kněz se učí až do smrti.* ← *Člověk se učí celý život.*)

Na začátku uvedeme základní slovníkovou definici námi zkoumaných adjektiv (dále ADJ): příslovečný příd. *k přísloví, vešlý v přísloví; pověstný, známý*: p-á štedrost, muž p-é píle; pověstný příd. *mající pověst dobrou n. špatnou, obecně n. velmi známý; slavný, vyhlášený, proslulý*: p. řečník; daleko široko p. lékař; p. rváč, šarlatán; (W1–2–3).

Stojí za povšimnutí, že ADJ *pověstný* může mít i význam negativní.

Analýza frazeologického materiálu (příklady jsme čerpali z verze SYN2015 ČNK (W4):

- (1) Budeš jako *příslovečný* slon v porcelánu.
- (2) Pokojem se rozlehl zvuk, jako když *příslovečný* býk vpadne do *příslovečného* obchodu s porcelánem.

V příkladu (1) modifikovaná FJ *být / motat se / počínat si (v něčem) jako slon (v porcelánu)*, event. *chodit jako slon mezi porcelánem* [SČFI /I. 1983: 320] je užitá prakticky v klasické podobě přirovnání s verbálním komponentem *být se* zapojením ADJ *příslovečný*. Příklad (2) je však ukázkou velmi nestandardní modifikace FJ, kde autor zachoval z původního frazému jediný substantivní komponent, a to *porcelán*. Je ovšem otázkou, jestli podobnou modifikaci je možné ještě pokládat za „tvůrčí“ autorské užití klasického frazému, nebo je to spíše výsledek nedbalosti nebo dokonce neznalosti české frazeologie. Česká frazeologie totiž disponuje frazémem *řvát jako bejk* [SČFI /I. 1983: 39], a tak můžeme jen tušit, že v kontextu *Pokojem se rozlehl zvuk, jako když příslovečný býk vpadne do obchodu s porcelánem*. šlo nejspíše o velký hluk, a tak se místo slona dostal k porcelánu býk. Faktem také zůstává, že nehledě na velkou míru nestandardnosti v případě (2) obyčejný čtenář nejen pochopí smysl modifikovaného frazému, ale dokonce je schopen identifikovat i samotný původní frazém díky jedinému klíčovému komponentu.

- (3) O počátek kapitulace komunistů, kapitulace spojené s *příslovečným máváním šavlí na ústupu*.

V příkladu (3) vidíme zapojení ADJ *příslovečný* do struktury slovního spojení, které však žádný současný český slovník nepopisuje jako frazém. Nemůžeme ovšem vyloučit známost tohoto obrazu (*mávat šavlí na ústupu* ve významu „podnikat zbytečné pokusy o záchranu nějaké situace, provázené navenek aktivní, dokonce výhrůžnou činností“). Lze předpokládat, že užití tohoto zdánlivého frazému je

kalkem cizojazyčného výrazu, v němž tento motiv funguje třeba i jako standardní frazém (např. v ruštině nefrazeologický výraz *размахивать саблей* může mít záporný význam nefunkční, zbytečné výhrůžky).

(4) *Narodila se v příslovečné bavlnce.*

Příklad (4) je zase typickou kontaminací známých frazémů *umět se narodit a mít někoho jako v bavlnce*, *žít si jako v bavlnce* [SČFI /I1983: 38–39]. Deminutivum *bavlnka* je zde (jako v případě s *porcelánem*) tím klíčovým komponentem, který sám o sobě je schopen vyvolat obraz, jenž slouží jako motivace původního frazému, srovnejme např. název článku: *V bavlnce od Diora aneb Jak se žije dětem hvězd*. Zřejmě proto i zapojení ADJ *příslovečný* do struktury výrazu jde cestou bezprostředního připojení ke klíčovému substantivu. Obdobně je tomu v příkladu (5):

(5) *Osudy, jež měly zanedlouho zahýbat světovou ekonomikou, visely na příslovečném vlásku.*

Situace je odlišná v případě zapojení ADJ *příslovečný* v následujících kontextech:

(6) *Ambice se zhroutily jako ten příslovečný domeček z karet.*

(7) *Plány litomyšlských hokejistů se rozsypaly ještě rychleji než pověstný domeček z karet.*

(8) *Příslovečnému zubu času však „Krysař“ odolal obdivuhodně.*

(9) *Pak vyrazila vpřed jako příslovečný čertík z krabičky.*

V příkladech (6–8) má atribut standardní postavení ADJ-FJ v pozici před neslovesnou strukturou, která funguje jako frazeologický celek. U (6, 7) si všimněme možnosti zapojení obou ADJ (*příslovečný* a *pověstný*) do struktury frazému. Zůstává zde ovšem otázkou, co rozhoduje v případě volby, zda ADJ *příslovečný* nebo *pověstný* mají synonymní charakter, nebo si autor je vědom sémantických rozdílů. Kontexty (10–12) nám snad pomohou situaci ujasnit:

(10) ..., která ještě nebyla zařazena do žádného výboru či zveřejněna ve sbírce autorových děl, je téměř stejně těžké jako najít *příslovečnou jehlu v kupce sena*.

(11) V některých zemích ... se ale tyto kvalitní nízkopodlažní obytné soubory stávají místy skoro pravidlem. U nás jsou zatím onou *pověstnou jehlou v kupce sena*.

(12) *Pátrání probíhalo jako ono pověstné hledání jehly v kupce sena.*

(13) *Pověstné jehly v kupce sena.*

V příkladu (10) jde o neutrální konotaci atributivního adjektiva. Zajímavostí je, že v příkladech (11, 12) jde o spíše negativní, kritický podtón textu s použitím ADJ *pověstný*. V příkladu (12) dochází k transformaci FJ tím, že zde figuruje verbální substantivum (*hledání*) místo verba; v příkladu (13) se zase vyskytuje netypické substantivum v plurálu, tedy můžeme konstatovat nestandardní gramatické modifikace.

Zvláštní případy:

(14) Jen *pověstná třešnička na dortu* v podobě splněného olympijského limitu 80,50 metru v hodu oštěpem.

(15) Také proto se dočkal po vítězství v obou barážových zápasech, ve kterých neobdržel Start ani jedinou branku, té *pověstné třešničky na dortu* – postupu mezi elitu kraje.

Zajímavostí je, že FJ *třešnička na dortu* se nevyskytuje v SČFI, a proto je možné, že se jedná o novější kalk, o překlad z cizího jazyka (angl. *the icing on the cake*, dosl. *cukrová poleva na dortu*). V ČNK se objevila i forma v plurálu.

(16) Ne, nechci být politicky korektní a pokrytecký tam, kde přirozeně *přetéká onen pověstný džbán trpělivosti*.

Příklad (16) vzniká pravděpodobně kontaminací původního přísloví *Číše trpělivosti přetekla*, a přísloví *Tak dlouho se chodí se džbánem pro vodu, až se ucho utrhne*. Důvodem kontaminace může být jak autorova neznalost frazeologie, tak i snaha o originalitu.

(17) ... *světlo* na konci *pověstného tunelu*.

(18) Ono *pověstné světélko* na konci tunelu se ještě ani nezablýsklo.

V těchto příkladech jde o pověstně známý *tunel*. V (17) vidíme klasickou formu, v (18) však modifikace FJ je zcela autorská: autor používá deminutivum *světélko*, verbum se v původní FJ *světlo na konci tunelu* nevyskytuje. V obou příkladech volba ADJ asi není nahodilá: negativní konotace zřejmě souvisí s moderním (a nejen) českým jevem *tunelování* (např. v bankovníctví – o tom podrobně např. v: [Федосов 2000: 407–412]).

V rámci našeho výzkumu jsme shromáždili jen omezený počet dat, ale všimli jsme si několika důležitých aspektů. Většina materiálu, pocházejícího z korpusu SYN2015, ve kterém jsme si všimli zapojení atributivních adjektiv *pověstný/příslowečný* do struktury FJ, není standardní. Zjistili jsme, že v případě modifikací FJ se v určitých případech zachová jenom jeden klíčový komponent, většinou substantivum, jako např. ve FJ *příslowečný býk vpadne do příslowečného obchodu porcelánem* substantivum *porcelán*. Autor textu jako by počítá s tím, že čtenář zná FJ a porozumí jí, čímž možnost jisté originality porozumění neovlivní. Je důležité poznamenat, že samotný počet modifikovaných FJ je relativně omezen, jde o jakési „novinářské frazeologické minimum“.

Z databáze SYN2015 ČNK jsme také zjistili, že adjektivum *pověstný* má frekvenci 1065 výskytů. Adjektivum *příslowečný* má ve stejném korpusu frekvenci výskytu 258. Zajímavostí je, že více než čtyřnásobný výskyt adjektiva neznamená paralelně čtyřnásobní výskyt FJ. Adjektivum *pověstný* v databázi korpusu signalizuje 76, adjektivum *příslowečný* 59 frazeologických jednotek; tedy u ADJ *příslowečný* jde o FJ v 22,8 procentech, u ADJ *pověstný* jde o FJ jenom o 7,1 procentech.

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Жаныл Ныгизбаевна Жунусова

Нур-Султан, Казахстан

Одним из главных видов современной публицистики выступает газета, которая отражает текущую историю социума в разных ее проявлениях. Одна из особенностей этого жанра – ориентация на широкий круг читателей, а также широта и разнообразие тем, требующие особых выразительных средств, к которым относятся преобразованные фразеологизмы, встречающиеся в газетно-публицистическом тексте.

В лингвистической науке последних десятилетий наблюдается повышенный интерес к исследованиям в области фразеологии, и это не случайно. В силу своей динамичности и подвижности фразеология позволяет выявить всевозможные стремительные изменения в русском языке конца прошлого столетия и начала нового века, которые приковывают к себе внимание исследователей.

Есть несколько причин, обуславливающих наблюдаемый процесс и оказывающих существенное влияние на состояние лексической системы современного русского языка. Эти причины вызваны, во-первых, коренными изменениями в социальной, экономической, политической и культурной жизни общества. Во-вторых, изменился «языковой вкус эпохи» и условия функционирования языка, а также наблюдается «стремление к обновлению примелькавшихся средств и приемов выражения» [Костомаров 1994]. В-третьих, на наших глазах происходит демократизация самого языка, наблюдается его ярко выраженный коммуникативно-прагматический характер.

Во многом этим изменениям в лексической системе русского языка способствуют все средства массовой информации с постоянным поиском более демократичных языковых средств для передачи мысли, настроения, эмоционального состояния т.д.

На протяжении многих лет ведущие лингвисты советского и постсоветского пространства изучали разные аспекты проблем фразеологии: В. В. Виноградов, А. А. Шахматов, Е. Д. Поливанов, Н. М. Шанский, Л. В. Щерба, В. П. и А. В. Жуковы, В. Н. Телия, В. М. Мокиенко, В. В. Колесов, М. И. Михельсон, А. И. Молотков, А. И. Федоров, А. М. и Т. А. Бушуй и др. Трансформации фразеологизмов рассматривались в трудах Н. М. Шанского, Л. К. Байрамовой, Н. Г. Бабенко, С. Г. Шулежковой, Т. С. Гусейновой, О. В. Ломакиной, Э. Д. Головиной и др.

Следует отметить, что казахстанские ученые тоже внесли свой вклад в изучение фразеологизмов (М. М. Копыленко, С. К. Кенесбаев, З. Д. Попова, М. Т. Сабитова, К. Досмухаметова, Р. Е. Жайсакова, Р. О. Кожаметова, Г. К. Ихсангалиева и др.). Они обращались к художественному стилю речи, фольклорному богатству казахского народа, в устной форме передаваемым сказаниям, легендам степного края, доносящим до нас мировидение и мироощущение прежних эпох. Они использовали выразительные средства языка, которые были показателем богатства языковой и речевой культуры нации, помогали передать мудрость и величие народа, определенное историческое время. Фразеологический фонд всегда «наиболее культурно-национален» и связан с материальной, социальной, духовной культурой данного народа, передает опыт и традиции [Телия 1996].

В лингвистике последних лет появилось выражение «новая фразеология», основным ее источником выступают тексты газет, в которых в полной мере проявляется своеобразие фразеологии. Употребление трансформированных фразеологизмов в качестве художественно-изобразительного средства обогащает, образно и интересно строит газетный текст, уточняет ситуацию, конкретизирует ее. Это позволяет быстрее донести до читателя факты, которые убеждают, призывают, что очень актуально для газетного текста. Например, *сесть в калошу (лужу)* и аналогичное *попасть впросак* передает большую экспрессивность по сравнению с выражением *попасть в неудобное (трудное, нелепое) положение*.

Для достижения экспрессивности авторы публикаций прибегают в газетно-публицистическом дискурсе к изменениям структуры и значения устойчивых сочетаний слов, с помощью которых передают эмоциональное состояние, выражают свое отношение к сообщаемому, создают особую языковую картину мира.

Большинство газетных текстов использует экспрессивы, выраженные языковыми единицами, часто в их качестве выступают фразеологизмы, придающие колорит тексту и отражающие взгляд человека «на природу, время, пространство, его оценки событий и фактов» [Георгиева 2011а: 7].

В современном газетном тексте встречаются трансформированные фразеологизмы, которые отражают время, повышают качество речи, делают ее более яркой, образной, выразительной и более эмоциональной.

В последние десятилетия появилось выражение *газетная фразеология*, которая активно изучается в современной лингвистике как «многомерная фразеологическая картина мира, отраженная в современной газетной публицистике», по которой можно судить о «характерных особенностях общества и личности» [Жуков, Жукова 2009: 4]. Текст, организованный как основная единица коммуникации, максимально воздействует на читателя с целью «не только передать содержание, разъяснить его, но и побудить к определенным чувствам, поступкам, воздействовать на волю и чувства» [Костомаров 1971: 19].

Проблема газетного преобразования фразеологической единицы, авторской их переработки, трансформации, под которой понимают «любое отклонение от общепринятой нормы, закрепленной в лингвистической литературе, а также импровизированное изменение в экспрессивно-стилистических целях», стала в исследованиях ученых весьма актуальной [Гусейнова 1997: 7].

Вопросы классификации трансформированных фразеологизмов в лингвистической науке еще до конца не решены: Н. М. Шанский выделяет восемь разновидностей классификации, В. В. Горлов рассматривает пять типов преобразований, у Т. С. Гусейновой описывается структурная и семантическая классификация, а у А. И. Молоткова выделяется три классификации. Как видно, количество классификаций различается у разных ученых: отличаются по количественному составу, нет единого взгляда на способы трансформации фразеологических единиц.

В газетно-публицистическом стиле фразеологизмы чаще всего подвергаются изменениям, несмотря на то, что они традиционны и устойчивы. Трансформированные фразеологизмы приносят в текст новое звучание, содержание становится более ёмким, насыщенным, интересным. Журналисты намеренно вводят фразеологические варианты для создания определённого экспрессивно-стилистического эффекта. Преобразованная, индивидуально-авторская импровизированная фразеологическая единица несет «основную эмоциональную и экспрессивную нагрузку» [Внук 2008: 80].

Богатый языковой материал с большим «арсеналом индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц» представлен во всех жанрах средств массовой коммуникации [Жуков, Жукова 2009: 6].

В газетно-публицистическом дискурсе фразеологические единицы подвергаются трансформациям, это обуславливается не только спецификой языка, их функционирование зависит от особенностей контекстного окружения, в котором они получают новое актуальное значение.

В газетном тексте часто наблюдается трансформация фразеологизмов через переосмысление, изменение семантики, сокращение, отсечение, усечение его состава, приводящая к изменению содержания по принципу свёрнутого фразеологического выражения [Голуб 2005: 122]. Также можно видеть и обратное действие: расширение состава фразеологизмов за счёт введения уточ-

няющих слов, чаще согласованных определений. Подобные авторские вставки в публикациях позволяют конкретизировать, уточнять ту или иную ситуацию, при этом заметна их усилительная роль, которая развивает «образ, содержащийся в устойчивых выражениях» [Рахманова, Суздальцева 1997: 259].

Иногда авторы публикаций с помощью трансформированных устойчивых сочетаний достигают не только обновления семантики фразеологических единиц, но и создают дополнительный эффект. Например, в статье с заголовком «*Что тебе снится, Аврора?*» в газете «Экспресс К» (ЭК) говорится о постановке балета «Спящая красавица» на сцене столичного театра оперы и балета, где главную героиню зовут Аврора. Здесь идет сокращение названия известной песни, так как речь идет не о знаменитом крейсере «Аврора» (ЭК, 14.12.2016). В этой же газете дан заголовок «*Одежда – наш компас земной*», где говорится о том, что в Уральске шутники посредством мессенджеров распространили фейк о том, что в местном автокомплексе будут бесплатно раздавать одежду; в статье с заголовком «*Нам снизу видно все, ты так и знай!*» говорится о том, что качество ремонта дороги в Восточном Казахстане контролируют общественники (ЭК, 24.01.2020). В газете «Казахстанская правда» (КП) была статья об открытии бесплатного катка для детей под названием «*Любишь кататься? Катайся!*», где синтаксическая трансформация пословицы *любишь кататься, люби и саночки возить* означает «любишь отдыхать, люби и работать» (КП, 01.01.2015). В следующем заголовке «*Икра стоит свеч*» трансформировали известную пословицу *игра стоит свеч* (ЭК, 13.01.2015). В статье с броским заголовком «*Зритель в корень*» говорится о том, что зрители не посещают игры казахстанских футболистов: заменили в заголовке *зри* на *зритель*, ср. *зри в корень, смотреть в корень* («Мегаполис», 16.03.2015). В газетной статье «*Мина немедленного действия*» говорилось о чрезвычайном происшествии в городе Шымкент, где в жилом доме произошел взрыв природного газа, это трансформация известного выражения *мина замедленного действия*, которое означает большие неприятности, появляющиеся не сразу, исподволь (ЭК, 07.01.2015). В газетном заголовке «*И дольше века длится жизнь*» было использовано трансформированное название романа Ч. Айтматова «И дольше века длится день», где рассказывалось о поздравлении со столетним юбилеем долгожителей областного центра («Казахстанская правда», 05.01.2015) и т. д. Подобные газетные заголовки привлекают внимание читателей, увеличивают рейтинг автора, и газета становится популярной и узнаваемой.

Казахстанские журналисты в русскоязычных СМИ активно используют в заголовках газетных статей трансформированные фразеологические единицы, создавая особую выразительность и образность печатного текста для передачи авторского замысла, а дистантное речевое общение в сфере публичной коммуникации позволяет не только передавать информацию, но и воздействует через текст на читателя.

Фразеологическая насыщенность, вторичное использование фразеологизмов в заголовках газетно-публицистических текстов содержат «минимум формы и максимум содержания». Они характеризуются разнообразием форм и представлены изменениями в структуре и семантике, их переосмыслением. Так, например, в заголовке газеты «*И старшим сестрам по серьгам*» («Литер», 14.04.2015) наблюдаем переосмысление значения и замену лексического состава известного выражения *всем сестрам по серьгам*; в заголовке «*Далеко гляжу*» («Вечерний Алматы», 12.02.2015) – замена компонентов фразеологизма и дополнение новыми лексемами; в заголовках, как, например, «*Лечение и труд божжа к жизни вернут?*» («Время», 12.03.2015) и «*Вооружен и очень умен ... а также опасен*» (ЭК, 12.06.2015); заголовок «*Умный в гору пойдет. и дойдет*» – об активном использовании места у предгорья Алматы для развития спорта и физкультуры («Аргументы и Факты. Казахстан».10.07.2019); «*Шире шаг в Болашак*» – о необходимости молодежной организации, здесь наблюдаем переосмысление фразеологизма и расширение состава ФЕ («Аргументы и Факты. Казахстан». 09.01.2019).

В этих заголовках трансформированные фразеологизмы придают тексту новое звучание и смысл, выразительность, создают образность благодаря интерпретационному потенциалу фразеологических единиц. Обновленные варианты фразеологизмов становятся популярными и узнаваемыми в обществе, так, например: *Весна нечаянно нагрянет* («Литер», 03.03.2015); *Первый – комом* («Новое поколение», 13.01. 2015); *Семь раз позвони, один раз прими* («Время», 25.12.2014); *Стволы на стол!* («Вечерняя Астана», 06.01.2015); *Утром – статистика, вечером – деньги* («Время», 24.12.2014) и т.д.

Многообразие возможностей публицистического стиля позволяет наблюдать процесс трансформации на страницах средств массовой коммуникации. Современные публицисты в газетном тексте все чаще прибегают «к сложным или комплексным приемам трансформации», создавая на страницах СМИ новую фразеологию [Макарова 2013: 380]. Фразеологизмы легко трансформируются, в языке они предстают как готовые речевые экспрессивные образные обороты с особой выразительностью, потому журналисты так часто их вводят в сам материал текста и в газетные заголовки.

Фразеология в языке современной публицистике, особенно в газетных текстах, – это очень востребованный материал для создания новых экспрессивных образов, привлекающий внимание читателей, он отражает «все инновации фразеологического характера» [Григораш 2002: 136]. Трансформация, преобразование устойчивых единиц на страницах печатного текста не теряет своей актуальности из-за «чрезвычайной активизации синхронической динамики нашего времени» [Алексеевко 2003: 5]. В условиях глобализации под влиянием электронно-информационного пространства, всемирной паутины данный процесс расширяет свои возможности. Необходим новый подход

к анализу языкового феномена фразеологических единиц, особенностей их трансформирования в средствах массовой информации.

В различных жанрах газетного стиля фразеологические единицы проявляют все свои стилистические качества, возможности и чаще всего выступают в трансформированном виде, поэтому они интересны для исследования лингвистами. Язык современного газетного материала – это особая сфера для углубленного научного исследования всех уровней (фразеологического, лексического, грамматического, словообразовательного), которая позволяет увидеть и описать тенденции употребления и изменения формы устойчивых выражений в тексте и в заголовках современных публицистических текстов.

Системное описание языка газеты, газетной фразеологии, трансформированных фразеологизмов в перспективе потребуют серьезного исследовательского подхода с разных точек зрения и направлений: коммуникативно-контенсивного, коммуникативно-прагматического, лексико-семантического, дискурсивно-когнитивного, социолингвистического, лингвокультурологического и т.д. Это связано с тем, что наиболее заметны динамичные изменения в современном языке средств массовой коммуникации, занимающей важное место в языковой системе.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Татьяна Евгеньевна Недашковская
Ольга Феликсовна Загородняя
Житомир – Киев, Украина

Роль и значение фразеологизмов для культуры, ментальности и языка не нуждаются в дефинициях, толкованиях, пояснениях и интерпретациях, поскольку определены давно и практически не дискутируются. Фрагмент картины мира, сформированный системой фразеологизмов, является стабильным, он непосредственно выполняет культурологическую функцию, поскольку устойчивые словосочетания, особенно включающие устаревшие компоненты, сохраняют в языковом сознании своего рода культурные артефакты и становятся скрепами для многих поколений носителей языка.

Однако процесс развития языка не может не затрагивать фразеологическую подсистему, которая является частью языковой системы. Естественно, что идиомы тоже находятся в динамике, претерпевают изменения, в первую очередь семантические. Отраслевые словари фиксируют значения фразеологизмов для языка, но что происходит с ними в речи, как говорящие воспринимают эти единицы в узусе, как каждое новое поколение воспринимает их, пока не является предметом широкого интереса лингвистов.

Между тем стремление современных носителей языка к сокращению длины высказываний приводит к тому, что употребление фразеологических единиц тоже сокращается, ведь в соответствии с законами удобства и экономии языковых средств употребление слова вместо устойчивого словосочетания позволяет сжать предложение, чтобы уменьшить время коммуникации. Неудивительно, что в таких условиях молодые носители языка все менее активно используют фразеологизмы, что в свою очередь приводит к переосмысле-

нию их значений. Эта ситуация актуализирует потребность в определении и фиксации семантических сдвигов, которые происходят в структуре значения фразеологизмов.

Представляется наиболее показательным получение результатов изучения семантических изменений у фразеологизмов с соматическими компонентами, поскольку они (фразеологизмы) обычно лучше других известны и понятны, редко содержат архаичные слова, могут интерпретироваться вербально и невербально, как например, *сложить руки*, *задрать нос* и др.

Наша цель – сравнительный анализ ассоциативного и фразеологического значений фразеологизмов с соматическими компонентами *рука* и *голова* и определение возможных семантических изменений.

Как и в предыдущих наших работах [Недашковская 2018, 2019], для установления семантических изменений фразеологизмов использована система методов исследования: анкетирование со шкалированием для формирования стимульного списка; свободный ассоциативный эксперимент для получения ассоциативных полей стимулов; элементы статистической методики для определения частотности реакций и процентных показателей для разных параметров; ассоциативный анализ для характеристики ассоциативных полей; моделирование структуры ассоциативных полей; компонентный анализ для выделения ядерных сем фразеологического значения; сопоставление фразеологического и ассоциативного значений фразеологизмов-стимулов для определения семантического сдвига.

Формирование стимульного списка для получения адекватных данных в ходе свободного ассоциативного эксперимента всегда является проблемой, поскольку избежать субъективной позиции исследователю трудно. Условия проведения эксперимента не позволяют работать с большим списком (для одной сессии продуктивно работать не более чем с 30–35 стимулами, так как реципиенты утомляются и не дают реакций), поэтому выборка ограничена, как правило, самим экспериментатором. Вот почему использование предварительного эксперимента позволяет объективировать подход к определению материала работы.

Предложенная методика предварительного эксперимента предполагает такой алгоритм работы: 1) выборка фразеологизмов с соматическими компонентами *рука* и *голова* из фразеологического словаря [Федоров 2008]; 2) анкетирование группы носителей русского языка, которые оценивали свое восприятие фразеологизмов по шкале + / 0 / –, соответственно: знаю, использую / знаю, но не использую / не знаю, не использую; 3) формирование стимульного списка по максимальным плюсовым показателям.

Таким образом, в результате предварительного эксперимента после опроса 89 носителей русского языка и обработки по описанной шкале в стимульный список включены следующие фразеологизмы:

голова варит, голова на плечах, в голове не помещается, держать себя в руках, брать себя в руки, ветер в голове, забивать голову, золотые руки, махнуть рукой, морочить голову, ломать голову, мастер на все руки, выбросить из головы, сильная рука, не покладая рук, сходить с рук, носить на руках, брать в руки, карты в руки, попадать в руки, подвернуться под руку, легкая рука, из первых рук, рука не налегает (подымается), вбивать в голову, как снег на голову, светлая голова, окунуться с головой, приложить руку, разводиться руками.

Свободный ассоциативный эксперимент был проведен со 156 носителями русского языка в возрасте 17–45 лет, преимущественно со студентами, а также с людьми, получившими высшее образование и профессионально связанными со сферами экономики, юриспруденции, банковского дела и др. На результаты свободного ассоциативного эксперимента специфика деятельности человека существенно не влияет. Принято считать, что наиболее информативными и надежными являются сведения, полученные от молодых носителей языка, обычно студенческого возраста, поскольку это люди с уже сформированной языковой картиной мира, которая будет относительно стабильной в течение трех–пяти десятилетий [Бутенко 1979]. Это позволяет получать достоверные экспериментальные результаты и делать обоснованные выводы о семантической структуре стимулов.

В результате проведенного эксперимента получены более 4500 реакций, установлены их ассоциативные связи со стимулами и воссозданы ассоциативные поля.

В анализе и моделировании ассоциативных полей использованы как традиционный подход – выделение ассоциативного значения, или ядра, и периферии, – так и авторский подход – моделирование семантических сфер в ассоциативном поле с выделением денотативного и коннотативного фрагментов.

Методику обработки результатов эксперимента можно продемонстрировать с помощью алгоритма: 1) обработка анкет информантов; 2) определение диапазона коэффициентов ассоциаций и показателя ядерной реакции; 3) определение способов грамматического выражения реакций; 4) структурирование семантических сфер денотативного и коннотативного фрагментов; 5) определение ассоциативного значения; 6) выделение ядерных сем фразеологического значения; 6) сравнение ассоциативного и фразеологического значений и выявление семантических изменений.

Продemonстрируем это на примере анализа фразеологизма *голова варит*.

По результатам предварительного эксперимента, фразеологизм *голова варит* получил максимальный коэффициент, так как все без исключения опрошенные отметили его знаком + (знаю, использую), что позволяет предположить, что семантика устойчивого словосочетания вполне понятна носителям языка.

В структуре ассоциативного поля все реакции представлены вербально, 53% из них выражены именами существительными, 36% – глаголами, 8% – именами прилагательными, и по 1% – причастиями, наречиями и словосочетаниями.

Денотативный фрагмент представлен группой семантических сфер, которые в ассоциативном поле можно рассматривать в качестве аналога сем как минимальных фрагментов лексического значения слова.

Реакции с наивысшей частотностью объединяются в семантической сфере «действие / деятельность»: ‘думать’ 29 (здесь и далее цифрами обозначены коэффициенты частотности реакции), ‘соображать’ 15, ‘мыслить’ 10, ‘понимать’ 10, ‘знать’ 8, ‘разбираться’ 7, ‘ведать’, ‘читать’ и др. (каждая по 1). Показательно, что все реакции здесь выражены глаголами, то есть участники эксперимента воспринимают значение фразеологизма-предложения как процессуальное.

Наиболее многочисленно представлена семантическая сфера «объект проявления действия / деятельности»: ‘ум’ 12, ‘идеи’ 5, ‘знания’ 4, ‘разум’ 4, ‘интеллект’ 2, ‘свет’, ‘труд’, ‘книга’, ‘решение’ и др. (каждая по 1). Здесь сосредоточены реакции-существительные.

Немногочисленной и с низкой частотностью реакций-существительных оказалась семантическая сфера «субъект проявления действия / деятельности»: ‘знаток’ 5, ‘ученый’ 2, ‘интеллектуал’ 1. Это своего рода аргумент в пользу того, что значение анализируемого фразеологизма воспринимается как процессуальное.

Сфера «качественной характеристики» понятия сосредоточила реакции с невысокой частотностью, выраженные именами прилагательными, причастиями и наречиями: ‘смысленный’ 5, ‘умный’ 5, ‘сообразительный’ 4, ‘мудрый’ 3, ‘мыслящий’ 3, ‘всегда’ 1 и др.

Хотя стимул включает глагол со сниженной стилистической окрашенностью, что, казалось бы, должно было вызывать эмоционально-оценочные ассоциации, денотативная сфера весьма скромно выражена: ‘ботан’, ‘босс’, ‘котелок’, ‘соображалка’, ‘здравый смысл’ (каждая по 1). Как показывает наш опыт, в отличие от стимулов из разных лексико-семантических групп (социально-политическая, экономическая, рекламная, морально-этическая лексика, термины государственного управления и др.), у стимулов-фразеологизмов коннотативный фрагмент узок и недостаточно выразителен, хотя семантика фразеологизмов содержит эмоциональный компонент.

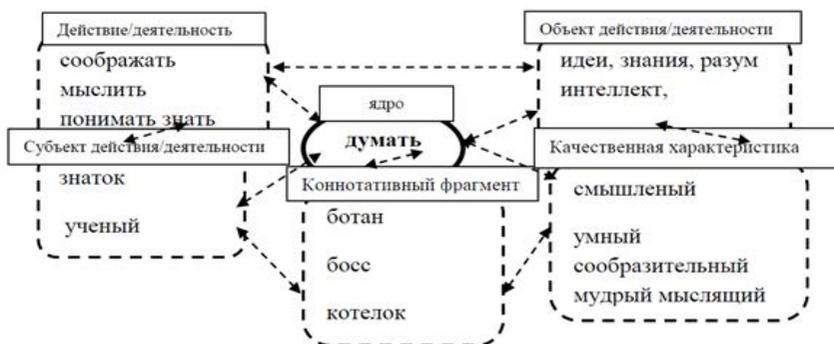
В этой группе стимулов-фразеологизмов диапазон частотности 1–31. Для расчета ядра определяется частное от суммы коэффициентов самых частотных реакций на каждый стимул, разделенной на количество стимулов. Так определен ядерный коэффициент 18. Это значит, что о сформированном ассоциативном значении (ядре) стимула можно говорить, если отмечена реакция с коэффициентом не ниже 18.

Ассоциативное значение фразеологизма *голова варит* выражено единственной реакцией 'думать' 29.

Фразеологическое значение этой поговорки толкуется так: 'кто-либо догадлив, сообразителен' (здесь и далее [Федоров 2008]). Во фразеологическом значении сема 'догадлив, сообразителен' определяет субъекта с этими характеристиками, что принципиально расходится с ассоциативным значением, которое отражает процессуальность. Таким образом, выявлена значительная семантическая трансформация, произошедшая в значении фразеологизма *голова варит*.

Безусловно, каждая плоскостная модель с графическими и текстовыми элементами ущербна, поскольку не может отобразить многомерное пространство ассоциативного поля (трудно не согласиться с В. З. Демьянковым, предлагающим термин «семантическая деревня» [Демьянков 1999], чтобы точнее отразить сложность конструкции). Стереоскопическая модель значительно выразительнее, однако в тексте представить ее невозможно. Четкая линия ядра отражает его закрытость, поскольку никакая другая реакция пока не приближается к нему. Незамкнутые линии для обозначения семантических сфер демонстрируют возможность проникновения других ассоциаций. Стрелки показывают взаимосвязи и взаимозависимость между структурными элементами ассоциативного поля.

Рис. 1.

Модель ассоциативного поля стимула *голова варит* позволяет «увидеть» те семантические изменения, которые с ними происходят. Несомненно, для получения полной картины необходимы дальнейшие исследования с опросом большего количества информантов. Но более 4500 проанализированных ассоциативных связей позволяют говорить по крайней мере о промежуточных выводах.

В таблице систематизированы сведения о семантических изменениях во фразеологическом значении всех проанализированных стимулов.

таблица 1.

Стимул	Ассоциативное значение	Ядерные семы фразеологического значения	Расхождение
<i>голова варит</i>	‘думать’	догадлив, сообразителен	частичное
<i>голова на плечах</i>	‘умный’	достаточно умён, сообразителен	нет
<i>в голове не помещается</i>	‘непонятно’	вызывает недоумение	частичное
<i>держат себя в руках</i>	‘терпеть’	сдерживаться; сохранять самообладание	частичное
<i>брать себя в руки</i>	‘собраться’	преодолевая свои чувства, настроения, достигать самообладания	нет
<i>ветер в голове</i>	‘легкомысленность’	о легкомысленном, ветреном, несерьёзном человеке	нет
<i>забивать голову</i>	‘думать’	перегружать сознание, память; обременять себя заботами, думами	частичное
<i>золотые руки</i>	‘мастер’	мастер, искусный в своём деле; может сделать всё; мастерство, умение	нет
<i>махнуть рукой</i>	‘забить’	испытывая досаду, перестать что-либо делать или обращать внимание	нет
<i>морочить голову</i>	‘дурачить’	намеренно вводить в заблуждение, дурачить; надоедать глупостями; думать, размышлять, тревожась и беспокоясь.	нет
<i>ломать голову</i>	‘думать’	усиленно думать, придумывать; усиленно, напряжённо думать, стараясь понять, разрешить что-нибудь трудное, сложное.	нет
<i>мастер на все руки</i>	‘специалист’	умеющий всё делать	нет
<i>выбросить из головы</i>	‘забыть’	забыть, не думать	нет
<i>сильная рука</i>	‘сильный’	влиятельный покровитель	полное
<i>не покладая рук</i>	‘работать’	усердно	полное
<i>сходить с рук</i>	‘безнаказанность’	продаваться, раскупаться; оставаться безнаказанным; проходить, оканчиваться	частичное
<i>носить на руках</i>	‘боготворить’	предупреждать все желания; проявлять большое внимание	частичное
<i>брать в руки</i>	–	подчинять себе, заставлять повиноваться	полное
<i>карты в руки</i>	‘удача’	есть все возможности для успеха	частичное
<i>попадать в руки</i>	‘ловушка’	оказываться в чьём-либо владении, распоряжении; быть пойманным	частичное
<i>подвернуться под руку</i>	‘случай’	случайно оказываться, так что легко взять, воспользоваться	частичное
<i>лёгкая рука</i>	‘везунчик’	удачлив в своих делах, начинаниях	нет
<i>из первых рук</i>	‘первоисточник’	без посредников	частичное
<i>рука не налегает</i>	‘не могу’	не хватает смелости, решительности	частичное
<i>вбивать в голову</i>	–	заставлять запомнить, усвоить; убеждать	полное
<i>как снег на голову</i>	‘неожиданность’	неожиданно, внезапно; неожиданный, внезапный	нет
<i>светлая голова</i>	‘ум’	ясно, логично мыслящий человек; ясный и логичный ум	частичное
<i>окунается с головой</i>	–	полностью, безраздельно отдаваться делу	полное
<i>приложить руку</i>	‘помощь’	быть причастным, иметь отношение; проявлять усердие; избивать кого-либо	полное
<i>разводить руками</i>	‘не знать’	не знать, как поступить или сказать от удивления	нет

Таким образом, экспериментальное исследование по авторской методике показало, что фразеологизмы с соматическими компонентами *рука* и *голова* в современном русском языке испытывают процесс семантической трансформации. Восприятие носителей языка отличается от словарных дефиниций: полное совпадение между ассоциативными и фразеологическими значениями стимулов составляет 40%, частичное совпадение – 40%, полное расхождение – 20%. Значит, фрагмент языковой картины мира, представленный фразеологизмами с соматическими компонентами *рука* и *голова*, активно трансформируется, что требует тщательного экспериментального исследования и серьезной лексикографической обработки.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Ольга Викторовна Сахарова

Киев, Украина

Драматургический дискурс является многоплановым феноменом, объединяющем литературу и театральное искусство. Текст драматического произведения, оказывающийся в фокусе филологического исследования, представляется и литературным произведением, максимально приближенным к реальной жизни и реальному общению, на что указывала, в частности, М. А. Голованева [Голованева 2013], и основой для театральной постановки.

Центральными фигурами произведения драматургии являются действующие лица, интерпретируемые нами как языковые личности персонажей. Такое толкование основывается на концепции В. В. Красных, которая рассматривает языковую личность как такую, которая проявляет себя «в речевой деятельности, обладающая совокупностью знаний и представлений», противопоставленная человеку говорящему, а также речевой и коммуникативной личностям, реализующих себя в непосредственной коммуникации [Красных 2013: 44]. Такое понимание обуславливает интерпретацию языковых личностей персонажей как инвариантов, создаваемых драматургом.

В современной украинской драматургии представлена яркая и многоплановая панорама языковых личностей действующих лиц, в которой особое место занимают игровые, креативные персонажи. Их коммуникативное (как и ситуативное) поведение представляет собой разрушение стереотипов, условностей, нарушение конвенций, принятых в определенном социуме. Данный феномен обосновал Й. Хейзинга, рассматривая homo ludens как способ бытия, всякий раз преобразующий сформированную картину мира [Хейзинга 2004]. Противопоставляя рутинное и креативное общение, В. И. Карасик отмечает, что «креативность логически предполагает наличие некоторого стандарта, по отношению к которому нечто можно квалифицировать как новое и необыч-

ное» [Карасик 2010: 9]. Интерпретация игры как сознательной лингвокреативной деятельности говорящего, которая основывается на его способности к актуализации и переключению ассоциативных стереотипов порождения, восприятия, употребления языковых знаков, представлена в исследовании Т. А. Гридиной [Гридина 2008].

Игровой потенциал языковой личности персонажа наиболее ярко проявляется в коммуникативном процессе, в оригинальном использовании языковых средств, в частности, фразеологизмов, прецедентных высказываний.

В обыгрывании идиом преобладают явления их трансформации, среди которых распространены приёмы (1) расширения семантики фразеологизмов за счет контекста и (2) замена компонентов фразеологических оборотов. Первый случай обыгрывания интерпретируем как контекстуальную трансформацию, а второй – как структурную.

При контекстуальной трансформации семантика фразеологизма *расставить точки над «И»* (внести ясность) может изначально употребляться в своём исконном значении:

Андрій. Тобі в прокуратурі не місце. Як і мені. Хоча ще треба дочекатись наступної середи, щоб розставити всі крапки над «і».

Ліна. Крапки тільки по середах?

Андрій. На середу мене викликає Олександр Олександрович (А. Наумов «Допит у родинному колі»).

Языковая игра фактически связана с сирконстантом *среда*, однако в процессе коммуникации выхваченный компонент фразеологического оборота представляет новое игровое смысловое поле.

Фразеологизм *замолвить словечко* также изначально употребляется в своём привычном значении (попросить содействия, похотатайствовать), однако дальнейшая языковая игра участников коммуникативной ситуации наделяет его новыми коннотациями:

Клавдія Михайлівна (в роздумі). Звичайно, звичайно... Чи, може, запросити Олександра Олександровича начебто пом'янути Павлушу? А там вже замовити слівце і за Андрія?

Андрій. Чому слівце, а не складносурядне речення, наприклад?

Ада. Тобі поки що й слівця вистачить (А. Наумов «Допит у родинному колі»).

В пьесе отражена достаточно распространенная ситуация, когда собеседник подхватывает компонент фразы (в данном случае – фразеологического оборота) и трансформирует его в ином контексте.

Подобный игровой приём наблюдаем и в таком фрагменте:

Петро Михайлович. Сподіваюся, разом із моїх племінником ви гори звернете.

Ада. Карпати хоч пожалійте, шерлоки холмси. А то клімат зовсім споганиться (А. Наумов «Допит у родинному колі»).

Другой разновидностью контекстуальной трансформации представляется синтаксическое и семантическое расширение фразеологизма в речи самого говорящего:

Березовець. Я більше, ніж оптиміст. Я нахаба. (Знову зацікавлено дивиться на Яну.) Моя формула: ніколи не говори ніколи, краще говори коли. Це як в деякому сенсі спонукати (А. Наумов «Кава для чудовиська»).

Идиома *Никогда не говори никогда* обретает новые темпоральные смыслы.

Структурная трансформация идиом предполагает, как отмечалось, замену компонентов фразеологизмов, когда исконный оборот лишь угадывается.

В высказывании «*Не поспішай поперед хірурга в реабілітацію*» (А. Наумов «Ліки від Майї») угадывается известная идиома *Не спеши поперед батька в пекло* при сохранении ее значения.

Ироничная многоплановая игра представлена драматургом в фразе «*Из арії речитатива не викинеш*» (А. Наумов «Допит у родинному колі»). Тут наблюдаем не только трансформацию фразеологизма *из песни слова не выкинешь*, но и сатиру на безграмотность говорящего, что также представляется элементом игры (апелляция до большего вокального жанра (ария вместо песни) может быть адекватной, но речитатив никак не может быть аналогом слова, ибо является другим музыкальным оперным жанром).

Трансформация фразеологизма наряду со словообразовательными неологизмами создают также яркий и многоплановый образ:

Микола (розбурханий) Ти підглядаєш в мої думки?

Янгол Я твій Янгол, я знаю як облуплені твої думки, думоньки та думища! Ти ж декілька років закоханий до безпам'ятства (ЛанаРа «Невчасно»).

Подобные семантические трансформации наблюдаем и в обыгрывании пословиц и поговорок:

Галя. Інші часи, інші пісні, Маргошо. Козаків боятись – заміж не ходити (А. Наумов «Мій улюблений Роббі»).

Соединение образных средств придают высказыванию убедительность и ироничность.

Распространенным приемом языковой игры в речи персонажей является также использование прецедентных текстов, известных высказываний.

Бо не нарада спасе світ, а жіноча краса, особливо під вечір (А. Наумов «Кава для чудовиська»).

Вкрапление высказывания писателя в речь персонажа, противопоставление с сирконстантом (*nid večir*) придают описанию деловых отношений новые коннотации.

Синтаксическая конструкция противопоставления является распространенной в языковой игре с использованием прецедентных высказываний:

Ярослав. Це щоб ми тут языка розв'язали? Але номер не прокотить! Як там у вашій багатосерійній індустрії – стислість не сестра, а мачуха таланту? (А. Наумов «Плач Ярослава»).

Среди трансформированных прецедентных высказываний предметом обыгрывания становятся не только литературные высказывания, но и некоторые политические:

Ярослав. Серіал, значить, про громадянську війну в окремо взятій квартирі, я правильно зрозумів?

Гість. Десь так, якщо прийняти таку алегорію (А. Наумов «Плач Ярослава»).

Распознаваемость прецедентного высказывания представляется залогом реализации коммуникативной удачи.

В некоторых контекстах наблюдаем коммуникативную полисемию, предполагающую и «узнавание» прецедентного высказывания, и профессионального дискурса (в данном случае, прокурорского):

Ольга. Був би Альберт, а стаття знайдеться (А. Наумов «Жінки в мантиях»).

Следовательно, в многообразии типов языковых личностей персонажей особое место занимает игровая, креативная. Разрушение привычных конвенциональных смыслов, их трансформация в новые, необычные, неожиданные реалии предстают неотъемлемой частью реализации игровой языковой личности. Осуществление игровой трансформации предполагает адекватность коммуникативного контекста реализации креативного говорящего, что обуславливает, соответственно, коммуникативную удачу.

Трансформация фразеологизмов является наиболее распространенным приемом реализации игровой языковой личности персонажа. В многообразии приёмов использования идиом и прецедентных текстов наблюдается две тенденции. Первая предполагает использование фразеологизмов без изменений, но с дальнейшим дополнением или обыгрыванием определенных компонентов, благодаря чему происходит расширение семантики высказывания. Данный прием получил название контекстуальной трансформации. Во втором случае – при структурной трансформации – происходит внутренняя замена компонентов фразеологизмов. Подобные тенденции отмечены также в использовании пословиц, поговорок и прецедентных высказываниях.

ПРОБЛЕМИ ЗІСТАВНОГО ВИВЧЕННЯ ФРАЗЕОЛОГІЧНОЇ ІНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТІ¹³⁰

Володимир Олександрович Мешков

Оломоуць, Чехія

Сучасні тексти оновленого медіапростору фіксують активне оновлення фразеологічних одиниць, тож зіставний аналіз трансформаційних процесів та їх результатів стає вагомим сегментом такого роду досліджень. Тож метою статті стане окреслення підходів та векторів дослідження спільного та національно-специфічного в актуальних okazіональних перетвореннях фразеологічних інтертекстем. В українському і російському мовознавстві зіставному аналізу інтертекстуальних фразеологічних одиниць приділена значна увага. Так, О. М. Галинська аналізує лінгвокультурну інформацію англійських та українських інтертекстуальних фразеологізмів [Галинська 2013]. В. І. Дерев'янку досліджує субституцію компонентів як один із видів трансформації фразеологізмів на матеріалі чеської та української мов [Дерев'янку 2012]. А. В. Марковська приділяє увагу фразеологізмам як засобу реалізації авторських інтенцій у сучасній німецькомовній та україномовній пресі [Марковська 2012].

Представлений також в україністиці і русистиці лінгвокультурологічний аспект дослідження фразеологічної інтертекстуальності. С. О. Гурбанська досліджує інтертекстуальні фразеологізми з погляду лінгвокультурології [Гурбанська 2013]. О. М. Галинська пропонує типологію кодів культури в українській і англійській інтертекстуальній фразеології [Галинська 2013]. У рамках такого підходу приділяється увага джерелам, з яких походять фразеологізми, що використовуються у мові ЗМІ [Серебрянська, Мариноха, 2018]; Ю. В. Буцько аналізує міжтекстові зв'язки в лінгвокультурологічному аспекті і контексті демократизації мовних процесів, ставлячи завдання розглянути

¹³⁰ Zpracování a vydání publikace bylo umožněno díky účelové podpoře na specifický vysokoškolský výzkum udělené Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR Univerzité Palackého v Olomouci (IGA_FF_2020_013).

трансформованні паремії як спосіб репрезентації фрагментів мовної картини світу в динаміці [Бутько 2009: 3–4]; М. А. Морозов – стійкі словесні комплекси в сучасній російській публіцистиці [Морозов 2017]; А. С. Макарова – особливості інтертекстуальності крилатих висловів французького походження [Макарова 2018]; С. Ф. Домінікова – лінгвокультурологічний потенціал античних крилатих висловів [Домінікова 2019] тощо. Говорячи про прецедентні феномени, О. Селіванова вказує, що вони можуть мати універсальний і національно-специфічний статус (прикладом першого є світові війни, політичні події, катаклізми; відомі усьому світові люди й герої творів, кінофільмів; твори скарбниці світової літератури» [Селіванова 2006: 493].

А. Н. Баранов та Д. О. Добровольський вважають, що існує два принципово різні підходи у розумінні національної специфіки фразеологізмів: 1) порівняльний підхід (порівнюються явища двох мов); за такого підходу виокремлюються випадки, коли фразеологізми стають культурними стереотипами (*девичья память, женский ум*), і випадки, коли в їхній образній складовій є компонент, який відсилає до категорій культури (*при царе Горохе*) [Баранов, Добровольський, 2008: 263]; 2) інтроспективний підхід, за якого фіксуються уявлення мовців про національну маркованість одиниць своєї мови без їх порівняння з одиницями інших мов [Баранов, Добровольський 2008: 67]. Власне на вплив мови ЗМІ на національну мову звертає увагу Г. Я. Солганик: «Маючи величезну аудиторію, різноманітні засоби інформування і впливу, мова ЗМІ стає центром національної мови» [Солганик 2008: 8].

Важливим аспектом аналізу інтертекстуальності різномовних дискурсів вважаємо дослідження джерел інтертекстуальності у кожній із мов. Такими джерелами інтертекстуальності можуть бути різні галузі культурної діяльності людини. Наприклад, для сучасних англomовної і російськомовної глянцевої преси А. В. Терещенко вказує на такі джерела інтертекстем, як кінематограф (фільми, мультфільми, серіали), література, фольклор, мистецтво, музика [Терещенко 2017: 121]. Аналізуючи англomовну і російськомовну версії журналу «Cosmopolitan», автор зауважила, що російські редактори журналу використовують у текстах статей інтертекстеми, які знайомі російському читачу [Терещенко 2017: 120–126], оскільки, незважаючи на процеси глобалізації, які відбуваються у сучасному суспільстві, мовцям краще знайома рідна культура, їм легше буде відтворити вертикальний контекст у межах рідної мови.

Однак зрозуміло, що українські і російські медіатексти матимуть спільні «інтертекстуальні ділянки». До таких спільних ділянок, безперечно, належать фразеологічні одиниці біблійного походження. А. А. Ворожбитова, М. Б. Зуев пропонують результати цікавого дослідження, пов'язаного з функціонуванням біблеїзмів в російському гіпертексті [Ворожбитова, Зуев 2007: 39–50]. Для проведення дослідження автори створили список біблеїзмів (97 одиниць) та перевірили частотність їх функціонування у сучасних текстах; найчастотнішими виявилися одиниці *святая святых, плоть от плоти, суета*

сует, в поте лица, власть тьмы, внести свою лепту, во главе угла, злоба дня, смертный грех, камень преткновения [Ворожбитова, Зуев 2007: 43]. Окрім одиниць біблійного походження, спільним є культурні «надбання» радянського періоду (художня література, публіцистика, кіно тощо).

В україністиці значну увагу приділяють російськомовним «вкрапленням» в українських текстах. Натомість розвідок, присвячених українським фразеологічним інтертекстам в російських текстах РФ, не знайдено.

Р. А. Трифонов та О. В. Логвінова, аналізуючи російськомовні елементи в дискурсі сучасної української преси як інтертекстуальні одиниці, приходять до такого висновку: «Проаналізований матеріал показує, що функціональні русизми переважно так чи інакше пов'язані з інтертекстуальністю, є її своєрідним виявом. Вони функціонують тільки на рівні мовлення, не переходячи до лексичної чи фразеологічної мовної системи, хоч, наприклад, слово *общепонятный*, як і низка подібних, є явно прецедентним для сучасного дискурсу ЗМІ. Таким чином, якщо нефункціональні русизми – це вияви інтерференції, то функціональні – інтертекстуальності. Тут відбувається своєрідна трансляція історичного та культурного досвіду...» [Трифонов, Логвінова 2006: 84].

Вищезгадані автори стверджують, що «усі російськомовні інтертекстуальні одиниці можна поділити на дві великі групи: ті, для яких складно або неможливо визначити конкретний текст-попередник (вони відсилають загалом до дискурсу певного типу), і ті, для яких такий конкретний текст-попередник легко визначається й усвідомлюється реципієнтом на основі контексту (пряма атрибуція) [Трифонов, Логвінова 2006: 81]. Р. А. Трифонов та О. В. Логвінова пропонують виділяти чотири типи дискурсів, до яких апелюють російські елементи з неконкретизованим текстом-попередником: імперський (до якого належить і радянський дискурс); канцелярський, релігійний, кримінальний [Трифонов, Логвінова 2006: 81–82]. Щодо ситуації, коли текст-попередник визначити легко, то автори подають класифікацію таких текстів з погляду їх походження та характеру: 1. Мовлення тих, про кого йдеться в матеріалі засобу масової інформації (конкретних осіб, інколи груп осіб). 2. Мовлення «узагальненого» персонажа. Російська мова тут є доповненням до характеристики-номінації, а оскільки остання узагальнена, російськомовність подається як питома риса певного класу осіб. Часто це особи зі світу «чужих». 3. Цитати, що належать історичним особам. 4. Інтертекстуальні одиниці літературного походження зустрічаються як у власне літературознавчому дискурсі, так і політичному. 5. Різні графічні коди використовуються й у російськомовних цитатах з офіційних документів. 6. Прецедентні фольклорні тексти – здебільшого прислів'я – вводяться не лише через відсутність відповідника, адекватного семантично й експресивно, але існує сучасна тенденція україномовних авторів пов'язувати такі одиниці з російського паремійного фонду з дискурсом і образом росіян у конкретних ситуаціях. 7. Відомі рядки

з пісень, щодо яких перекодування в журналістському тексті практично неможливе – можлива лише трансформація [Трифонов, Логвінова 2006: 82–84].

Ґрунтовні розвідки цьому питанню присвятив О. О. Тараненко [Тараненко 2019: 7, 8]. О. О. Тараненко виділяє ряд типів російських «вкраплень» в українському тексті: «Вкраплення з основною номінативною функцією: а) для власне номінативних потреб (у разі відсутності української назви або незнання її мовцем), що нерідко супроводжується метамовними коментарями на зразок «як кажуть росіяни», «те, що в російській мові називається... і под.»; б) «для передавання інформації національно-етнографічного характеру» [Тараненко 2019: 7, 8]; «вкраплення з функцією мовного реалізму – як прагнення мовця (автора) максимально повно відтворити особливості мовлення кого-небудь» [Тараненко 2019: 8]; «вкраплення, що свідчать про невміння або небажання перемикати мовний код. Найвиразніше вони виявляються, очевидно, у випадках цитування російською мовою фрагментів текстів, створених іншими мовами або взагалі таких, що прямо не асоціюються з російською мовою, російською культурою» [Тараненко 2019: 9]; вкраплення з основними експресивно-образними та прагматичними функціями: «а) російські фразеологізми, крилаті слова, назви літературних творів і кінофільмів, уривки з творів художньої літератури, пісень, переважно радянського періоду...; б) у розмовному мовленні – ті чи інші російські слова й звороти з жартівливими або іронічними конотаціями...; в) окремі експресивні вкраплення, що поширюються в розмовному мовленні та через українські ЗМІ, – «влучні», «дотепні» словечка з російської мови...; г) одиниці російської мови з передаванням їх засобами української графіки – для підкреслення стороннього щодо України характеру як російської дійсності, так і російської мови...» [Тараненко 2019: 10, 11].

Окрім того, дослідники приділяють увагу вивченню російськомовного медіа-дискурсу України [Газинская 2013]. Ю. В. Газинська прийшла до низки висновків: «Прецедентні феномени політичного медіадискурсу є «репрезентантами» національної культури як механізм представлення політичної дійсності. З одного боку, вони інтерпретуються інформаційним порядком дня (наприклад, марковані діяльністю політичних суб'єктів), з іншого – зберігають у собі когнітивну базу (знання і уявлення нації). Високий рівень продукування національних реалій в медіатекстах зумовлений ситуацією й культурно-мовного стику (політична реальність України аналізується кризь призму російської мови), а також потенціалом впливу» [Газинская 2013: 71]. Хоча Ю. В. Газинська аналізувала «прецедентні феномени» загалом, висновки стосуються й фразеологічних інтертекстем зокрема: трансформації навіть тих інтертекстем, що належать до «спільного» фонду, відбуваються відповідно до політичної і культурної реальності носіїв мови.

Зіставний аналіз інтертекстуальності відкриває ряд можливостей для встановлення тенденцій у поповненні фразеологічних фондів української та російської мов; дає підстави охарактеризувати ряд параметрів (розбу-

дова певних тематичних груп фразеологізмів, джерела фразеологізації, типові трансформаційні процеси у кожній із мов). Фразеологічні фонди досліджуваних української та російської мов поповнюються новими одиницями як із спільних джерел, так і мають власні національно-специфічні витoki. Зокрема, соціально-політична ситуація в досліджуваних мовних спільнотах суттєво відрізняється, тож розбудовуються різні групи фразеологічних інтертекстем, активізуються знання, пов'язані з національними літературами, кінематографом, фольклором, пісенною творчістю тощо. Особливо цікавим бачиться у зіставному контексті вивчення міжмовних і міжкультурних інтертекстуальних інтеракцій.

**Современная
паремиология,
крылатика и афористика**

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ИСТОЧНИК НОВЫХ ИДИОМ¹³¹

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян
Санкт-Петербург, Россия

Повседневная речь интересна для исследования с самых разных точек зрения. Она плохо поддается фиксации и анализу в силу своей диффузности, «текучести»;¹³² она полна единиц, которые не укладываются в рамки привычных классификаций (фонетических, лексических, синтаксических); грамматика речи существенно отличается от грамматики языка и только еще ждет своего последовательного и всестороннего описания; а порождение речи в ходе естественной коммуникации регулируется не только языковой системой, но и такими экстралингвистическими факторами, как социальные и психологические характеристики говорящего, социальные роли и взаимоотношения между коммуникантами и просто сама коммуникативная ситуация (где, когда, с кем, о чем происходит разговор). Может быть, поэтому не существует пока исчерпывающего описания специфики такой речи, так мало даже речевых корпусов, которые только и могут дать реальный материал для подобного описания. Это делает актуальным и значимым практически любое исследование, выполненное в рамках коллоквиалистики.

Среди единиц, активно функционирующих в нашем повседневном общении, особое место занимают те, что принято называть *прецедентными*

¹³¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Диагностические признаки социолингвистической вариативности повседневной русской речи (на материале звукового корпуса)» (проект № 17-29-09175).

¹³² Ср.: «устное повествование <...> примитивно с точки зрения грамматического строя, полно избыточных выражений и неоправданных отклонений» [Томпсон 2003: 277]. Однако подобная «непричесанность» такого повествования может служить дополнительным источником информации для историка повседневности, поскольку позволяет выявить «часто полуосознанные, скрытые значения, которые выдает сама речь» [там же]. Именно этим интересна для лингвиста повседневная устная речь, анализ которой позволяет не только описать ее несомненную специфику, но и увидеть перспективы развития языка.

текстами (ПТ). К ним относят «осознанные или неосознанные, точные или преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам» [Костомаров, Бурвикова 1996: 297]. Лингвисты давно осознали, что практически всякий текст «создается в виде цитатной мозаики» [Kristeva 1980: 66], «наша речь <...> полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности» [Бахтин 1986: 460], а «наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток “цитации”, черпаемой из конгломерата нашей языковой памяти» [Гаспаров 1996: 14]. Такого рода материал не только интересен с исследовательской точки зрения, но представляет некоторую проблему для понимания даже и носителями русского языка, не говоря уж об иностранцах, носителях других языков, которые «по определению» не способны узнавать такого рода лингвистические явления, выделять их в речевом потоке.

Спектр направлений анализа ПТ достаточно широк: их можно описывать, например, с точки зрения того социума, которому они понятны (и в этом случае выделяют *национально-прецедентные тексты*, понятные всем (или большинству) носителям языка, и *социумно-прецедентные тексты*, понятные лишь членам определенного социума – гендерного, возрастного, профессионального и т. д. [Должикова 2011]), с учетом языка-источника (родной он для говорящего или иностранный) и текста-источника (кинофильм, книга, анекдот, стихи, песни и т. п.), характера произведенных с текстом модификаций (чаще ПТ функционируют в речи именно в модифицированном виде) и степени его цельности/идиоматичности, а также способа введения ПТ в дискурс и реакции на него обоих коммуникантов – как говорящего, так и слушающего (см. об этом подробнее: [Богданова-Бегларян 2018]).

Особый интерес представляет языковой статус ПТ: является ли он обычной цитатой, лежащей за рамками структуры базового текста, или встроенной в текст цельной единицей, которую можно поставить в один ряд с фразеологизмами и расценивать как некоторый идиоматический потенциал языка, осознанно или неосознанно создаваемый в устной речи участниками коммуникации. Думается, что если «цитатный» характер бесспорен для любого ПТ, то на статус цельной языковой единицы могут претендовать далеко не все из них.

Рассмотрим разные варианты ПТ, извлеченных из корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД). Данный корпус представляет собой один из наиболее представительных на сегодняшний день ресурсов для анализа русской устной речи. Он включает записи речи 130 информантов и более 1000 их собеседников-коммуникантов, насчитывает более 1250 часов звучания, 2800 макроэпизодов речевой коммуникации и более 1 млн. словоформ в расшифровках (транскриптах) (см. о нем подробнее: [Asinovsky et al. 2009; Русский язык... 2016]).

Надо сказать, что некоторые ПТ, употребленные в устном общении, так и остаются лишь цитатами, которые, конечно, активизируют общую у собеседников языковую картину мира, приводя говорящих к «общему языку», но не претендуют при этом на статус самостоятельных единиц, ср.:

- 1) *никто не звонил // почти никто // # а с этого места поподробней // # сейчас скажу* (Ж1 # И45, муж., 65 л.) (из к/ф «Место встречи изменить нельзя» (1979 г.) и мн. др.);¹³³
- 2) *бокалы ... # где бокалы? # *П бокалы / сервант открой / # а подать сюда бутылку!* (ср.: *А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!* (И4, жен., 34 г.) (из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор» (1835 г.);)
- 3) *сметану? *П а лук к чему? *П лук / его просто в селедку *Н // а / в селедку // *П я думал просто со сметаной его замешать с солью // # а кетчуп у тебя есть? *П не помню / возьму // *П а какой ты предпочитаешь / *П в это время суток ?* (И36, муж., 40 л.) (ср.: *Вино какой страны вы предпочитаете в это время дня?* (из романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1929–1940 гг.)).

Видно, что ПТ могут использоваться в общении дословно, в своем исходном виде (1), а могут тем или иным образом модифицироваться (2), (3), оставаясь вполне узнаваемыми для носителей языка.¹³⁴ Зачастую использование в диалоге ПТ оказывается «заразительным» и перерастает в затяжное цитирование, в обмен цитатами или даже в языковую игру, ср.:

- 4) *вот это дом // *П и тут я понимаю / что я больше никакой информации не помню об этом // # который построил Джек // # это дом / в нём живёт много людей // *П так / а мы не туда пошли // @ а это синица // *П # ну // которая / (...) тихо ворует пшеницу // *П в доме / который построил Джек // *П # блин / правда не сюда* (И1, жен., 33 г. # М1, муж., 32 г.) (англ. детский стишок в переводе С. Маршака (1923 г.);)

¹³³ Знак # означает меню говорящих, о других специальных обозначениях в расшифровках ОРД см.: [Русский язык... 2016: 242–243]. Атрибуция текста включает номер информанта (И1, И2...), его пол и возраст, а также номер его коммуникантов: Ж1, Ж2... (женщины) или М1, М2... (мужчины). Для всех приводимых в статье прецедентных текстов в квадратных скобках дается указание на их источник, а в тех случаях, где это возможно, – и их новое значение.

¹³⁴ Можно, впрочем, говорить «о своеобразных “загадках” прецедентных текстов, когда, интуитивно ощущая прецедентность (“знакомость”) того или иного выражения, порой одного только слова или словоформы, носитель языка вынужден задуматься над его (ее) источником и потом либо радуется верной “разгадке”, либо удивляется собственной ошибке. Хорошим подспорьем в разгадывании подобных “загадок” является в настоящее время Всемирная сеть Интернет, обращение к которой позволяет получить ответы практически на все вопросы, в том числе о прецедентности и происхождении того или иного текста» [Богданова-Бегларян 2018: 19].

- 5) *нет / они отрезали всё что можно было (э-э) ... @ ага / @ до # до () до основания / а затем / *С а () затем! # а затем всё пришлили мне* (И1, жен., 33 г. # М1, муж., 32 г.) (строка из пролетарского гимна «Интернационал», автор текста Э. Потье (1871), русский перевод: А. Я. Коц (1902)).

Другие ПТ вполне можно рассматривать как цельные единицы, обладающие характером фразеологизма и способные заменяться словом/единицей-идентификатором, то есть обладающие некоторым переносным значением, ср.:

- 6) *ты хочешь кофе? *П их есть у меня!* (И1, жен., 33 г.) (строка из одесской песни, начинающейся словами: *Вы хотите песен? – Их есть у меня!* и пародирующей известный романс Саши Макарова «Вы просите песен, их нет у меня» (1912 г.)) = ‘с этим нет проблем’;
- 7) *отлично // *П отлично / *П хорошо пришёл // *П // # да(:) // *П ты удачно пришёл // *П // # ну ладно / скачивай у меня!* (И1, жен., 33 г. # М1, муж., 32 г.) (из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию» (1973 г.)) = ‘тебе повезло’;
- 8) *Саша безусловно учится он ещё не волшебник* (И19, жен., 41 г.) (из к/ф «Золушка» (1947)) = ‘пока еще не все получается, но это временно’;
- 9) *кто девушку танцует / (...) ой / ужинает / тот её танцует // кто платит / тот и заказывает музыку блин* (И36, муж., 40 л.) (из к/ф «Вокзал для двоих» (1982 г.) и мн. др.) = ‘хозяином положения является тот, кто платит’.

В примере (9) говорящий, употребив ПТ (*кто девушку ужинает / тот её танцует*), тут же добавляет и его литературный «синоним» (*кто платит / тот и заказывает музыку*), словно «переводя», растолковывая необычное выражение, помогая слушателю-собеседнику и фактически вовлекая использованную единицу в системные отношения на уровне лексики.

Видно, что таким единицам свойственна своего рода *перинтерпретация*, выражающаяся в актуализации двух слоев плана содержания [Баранов, Добровольский 2014: 50]. Именно такие прецедентные тексты можно считать идиоматическим потенциалом языка, источником новых идиом, что делает их богатейшим материалом для лингвистического исследования.¹³⁵

¹³⁵ О других составляющих идиоматического потенциала русского языка, заложенного в нашей повседневной речи (модификации или контаминации известных фразеологизмов (*с одним полотенцем наперевес; обыденное корыто с сухарями*), окказиональные выражения (*голову захламлять негативами*), речевые формулы (*с ума сошёл/спятил что ли? серьёзно/правда что ли? не видишь/слышишь что ли?*), формы-идиомы (*без никаких, не вопрос, по барабану*), грамматикализованные конструкции-коллокации (*трудно что ли? понял нет?*) и некот. др., см. подробнее: [Богданова-Бегларян 2020].

Наличие метаданных всех информантов (и отчасти коммуникантов) корпуса ОРД делает возможным получить наблюдения, пусть даже пока предварительные, об употребительности в устной речи идиом разного типа, в том числе прецедентных текстов, в речи информантов разного пола и возраста, разного образования и профессиональной принадлежности. Так, оказалось, например, что в целом женщины употребляют разные типы устойчивых выражений чаще, чем мужчины; наиболее «идиомоориентированными» являются младшие женщины и старшие мужчины, а количество фразеологических единиц тем больше, чем теснее связь между коммуникантами [Лю Даян 2020: 109–110]. Подобного рода наблюдения крайне важны для социолингвистики и требуют дальнейшего планомерного изучения и анализа.

Уже по приведенным выше примерам видно, «сколько интересным может стать такой анализ, который способен, вне всякого сомнения, выйти на уровень когнитивистики, психо- и социолингвистики, оказаться полезным во многих прикладных аспектах, таких как лингводидактика, практика перевода, речевое портретирование, лингвистическая экспертиза и т. п.» [Богданова-Бегларян 2018: 23]. Корпусный материал наглядно показывает процесс рождения идиомы, «момент взрыва», после которого уже можно ставить вопрос о возникновении в языке новой фразеологической единицы.

ФИЛЬМОНИМЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ НОВОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Мария Моцаж-Клейндиенст

Люблин, Польша

Аудиовизуальный поворот, происходящий в настоящее время, реализуется при большом участии киноиндустрии. Все время возрастает количество новых кинолент, а вместе с ними их названий, т.е. фильмонимов. Они, исполняя репрезентативную, идентифицирующую и маркетинговую функции, очень активны в современном кинодискурсе. Фильмоним как визитная карта любого фильма легко воспроизводится в речи и сначала сохраняет свое референтное значение, соотносящееся с содержанием кинопродукции, положившей начало его существованию. По мере того как укрепляется статус фильмонима в качестве номинативной единицы, открываются возможности его дальнейшего использования, с выходом за пределы кинодискурса. Кроме полифункциональности фильмонимов можно отметить еще один фактор, способствующий частому их использованию вне киноконтекста. Киноискусство, совмещающее в себе изображение, звук, слово, в последние десятилетия стало одним из любимых видов искусства, оно со всем богатством его жанровых предложений помогает кинолюбителям открыть для себя что-то новое. Новые технологии способствуют просмотру фильмов в любое для зрителя время, предоставляют возможность несколько раз возвращаться к любимым кинокартинам. Эти факторы позитивно влияют на процессы усваивания кинотекста (кинодиалогов, названий фильмов), а затем и их цитирования. Многие цитаты становятся фразеологизмами [Mocarz-Kleindienst 2018: 79–81; Kosek 2015].

В настоящей статье я исхожу из предпосылки, что фильмонимы обладают самым высоким фразеологическим потенциалом среди всех составляющих кинотекста как креолизованного текста, сочетающего вербальные и иконические средства [Бугаева 2011: 71]. Этот потенциал строится при наличии упомянутых функциональных характеристик любого кинофильма и ряда

формально-семантических признаков (как детерминант функциональности такого названия), среди которых можно назвать: сжатость, лаконичность изложения, содержательность, иногда также и некоторую заложенную в нем метафоричность. Все эти факторы сначала влияют на повторяемость данного фильмонима в его основной номинативной функции как названия конкретного фильма. Повторяемость в кинодискурсе данного фильмонима – условие его запечатления в сознании зрителей, а затем и его воспроизводимости в новых речевых контекстах.

В связи с вышесказанным целесообразно, во-первых, попытаться определить способы реализации фразеологического потенциала фильмонимов, во-вторых, указать на возможности его определения и, в-третьих, выдвинуть некоторые предложения для дальнейших исследований.

Методом проверки способов реализации фразеологического потенциала фильмонимов можно считать попытки обнаружения их полного первичного состава (с идентичным набором компонентов), вместе с некоторыми его модификациями в новых речевых ситуациях, относящимся как к устным (как правило, диалогическим, насыщенным экспрессивностью выражениям), так и к некоторым письменным формам коммуникации. Для наших исследований в качестве исследуемого материала мы используем медиатексты в печатной и интернет-версиях. Основным критерий подбора текстов для поисков фразеологического материала – смежность данного текста по тематике и функциям с кинотекстами. Именно медиатексты обладают рядом содержательно-прагматических признаков, в достижении которых могут помочь фразеологические конструкции, образованные на основе фильмонимов. Предполагается, что фильмонимы (употребляемые вне их основного киноконтекста) способны помогать реализовать общую прагматическую, в том числе фатическую функцию, а также информативную функции медиатекстов [Majkowska 2015]. Используя материал фильмонимов, авторы начинают языковую игру с читателями, представляются знатоками киноискусства. Услышанные или прочитанные, а затем запечатленные в памяти названия фильмов являются одним из действенных способов поддержания контакта с интерлокутором, привлечения его внимания или даже вовлечения в дискуссию.

Залогом успешного использования фразеологического потенциала фильмонима является привлекательность и вместе с ней общественная распознаваемость его источника, на что, в свою очередь, имеют влияние: киножанр с его сюжетной линией, диалогическая речь (как ценный материал для киноцитат), игра актеров, степень доступности кинокартины общественному восприятию и др. В общем можно предполагать, что чем популярнее фильм, тем более употребительные кинофразы и само его название. Источниками фильмонимов для фразеологических целей являются, как правило, киноленты отечественного производства (среди них преобладают классические фильмы),

а также – хотя с более низкой частотностью употребления – зарубежный кинематограф, в том числе оскароносные киноленты.

В дальнейшем я сосредоточу свое внимание на нескольких примерах фильмонимов в избранных медиатекстах, руководствуясь критерием частотности их употребления и дифференциации аналитического материала с точки зрения его происхождения, т.е. проанализирую примеры российского и зарубежного производства. Начну с фильмонима *Семнадцать мгновений весны*, легендарного телесериала Т. Лиозновой, снятого по одноименному роману Ю. Семёнова.¹³⁶ Как замечает Г. Слышкин, «кинотекст *Семнадцать мгновений весны* воспроизводится по центральным каналам приблизительно раз в три месяца» [Слышкин 2004: 52]. Телесериал закрепился в сознании россиян, вследствие чего сам фильмоним часто используется в заголовках статей медиатекстов, чаще всего не в канонической, а в модифицированной форме:

- 1) *Очередной фестиваль «Амурская осень» пройдет под девизом «17 мгновений осени»* – в тексте говорится о 17-ом фестивале кино и театра, проходящем в сентябре (осень) (Очередной фестиваль «Амурская осень» пройдет под девизом «17 мгновений осени», www.asn24.ru);
- 2) *17 мгновений зимы: главные герои Олимпиады* – подведение итогов 17 дней Олимпийских игр в Пхенчхане (17 мгновений зимы: главные герои Олимпиады, www.mir24.tv/news);
- 3) *«Семнадцать мгновений зимы»: в Сочи стартует уникальный проект* – речь идет об открытии в дворце спорта «Айсберг» экспозиции 17 ледяных фигур спортсменов, выполненных из пластика с подсветкой и напечатанных на 3D-принтерах («Семнадцать мгновений зимы»: в Сочи стартует уникальный проект, www.eadaily.com/ru/news/);
- 4) *Семнадцать мгновений 2018-го* – название проекта, цель которого совершить поездку по следам легендарного Штирлица на машине «Газель NEXT» (Семнадцать мгновений 2018-го, www.kommersant.ru);
- 5) *16 мгновений лета* – статья, посвященная важнейшим моментам чемпионата Евро-2012, представленным 16 спортивными корреспондентами (16 мгновений лета, www.ru.uefa.com);
- 6) *«Семнадцать мгновений апреля»* – заглавие песенки Марики Рёкк, о которой упоминается в статье о поездке по следам Штирлица («Семнадцать мгновений апреля», www.kommersant.ru).¹³⁷

¹³⁶ Хотя сериал снят по роману, но успех фразе *Семнадцать мгновений весны* обеспечил именно телесериал.

¹³⁷ О других примерах использования заглавия фильма в заглавиях других произведений пишет М. Трендович [Trendowicz 2019: 164–165], рассматривая их как прецедентные высказывания.

Перечисленные примеры показывают большую активность фильмонима, мотивированную, во-первых, популярностью самого телесериала, во-вторых структурно-языковыми показателями самого заглавия, т. е. его трехкомпонентной формой, дающей относительную большую (по сравнению с двухкомпонентной) возможность варьирования компонентов при одновременном сохранении ассоциативных связей с источником. Все приведенные примеры содержат модификации лексического состава исходной фразы фильмонима. В нем, как правило, сохраняется имя числительное 17 (за исключением примера 5) как стержневое слово, подчиняющее себе абстрактное существительное *мгновений* в Род. п. (это стабильный компонент во всех примерах), открывающее – в силу абстрактности значения – новые коннотативные оттенки значений, которые актуализируются в последнем, подвергающемся заменам слове (в приведенных примерах видим все остальные названия времен года, а также другие абстрактные существительные (*апреля, судьбы, 2018-го*).¹³⁸ Таким образом, в данном случае воспроизводится структурная схема и часть состава, наблюдается семантическая модификация.

Приведенные примеры модификаций имеют своей целью потерять прямую референтную связь с фильмом, а сохранить лишь ассоциативную связь с источником. Фильмоним *Семнадцать мгновений весны* настолько укоренился в российской культуре, что всякие попытки использовать его в форме, полностью совпадающей с исходной, могли бы вызвать прямые ассоциации с фильмом (тем более, если он приводится в заголовке статьи), в то время как от медиатекста ожидается какой-то новый, игровой компонент, который поможет остановить внимание читателя именно на этом, а не на другом названии.

В контексте этих рассуждений оправданным кажется анализ примеров русскоязычных фильмонимов заграничного кинематографа, чтобы дать ответ на вопрос, употребляются ли такие фильмонимы в их исходной форме, с полным составом идентичных компонентов или тоже в них отмечаются модификации структуры или замены компонентов. В качестве примера приведем название оскароносного американского триллера *Старикам тут не место* (анг. *No Country for Old Men*) реж. братьев Коэн.

- 7) Павел Казарин: ***Старикам тут не место*** – речь идет о неудачной реформе государственного ТВ (Павел Казарин: Старикам тут не место, www.ru.krymr.com);
- 8) ***Старикам тут не место? Соннен против Мачиды уже в эти выходные в Bellator*** – о бое звёздных ветеранов ММА (Старикам тут не место? Соннен против Мачиды уже в эти выходные в Bellator, www.life.ru);

¹³⁸ М. Трендвич перечисляет несколько семантических групп текстов, использующих данный фильмоним в большинстве случаев в функции заголовка. Автор рассматривает его как прецедентное высказывание [Trendowicz 2019: 164–166].

- 9) **Старикам здесь не место:** почему Skype проиграл войну мессенджеров – о проблемах Skype, теряющего своих клиентов (Старикам здесь не место: почему Skype проиграл войну мессенджеров, www.ria.ru);
- 10) **Старикам здесь не место:** чем удивил обновленный Land Rover Defender (Старикам здесь не место: чем удивил обновленный Land Rover Defender, www.mind.ua/ru);
- 11) **Старикам здесь не место:** названы российские регионы, где пенсионеры живут меньше всего (Старикам здесь не место: названы российские регионы, где пенсионеры живут меньше всего, www.magadanmedia.ru);
- 12) **Новоделам здесь не место.** Какая судьба ждет «Шахматный дом» (Новоделам здесь не место. Какая судьба ждет «Шахматный дом», www.pravda-nn.ru).

В случае этого фильмонима замечаем, во-первых, частые случаи использования его в исходном варианте (с возможностью замены синонимических *тут* и *здесь*). Предположительно, этот факт обусловлен относительной новизной самого заглавия (по сравнению с предыдущим примером), фильм был снят лишь в 2007 г. Структурным и семантическим ядром считается безличная фраза *здесь (тут) не место*, открывающая позицию для объекта в Дат. п. Заполнение ее словом *старикам* в медиатекстах отражает актуальность концепта старости, быстро меняющегося темпа жизни общества и развития новейших технологий, приводящих к быстрому процессу старения изобретений, считавшихся до недавнего времени вполне новыми.

Подводя итоги, следует отметить, что фильмонимы, используемые как средство пополнения ресурсов новой фразеологии в русском языке, как правило, сохраняют позицию заглавия в новых текстах. Анализ показал регулярную воспроизводимость исконно русского фильмонима *Семнадцать мгновений весны* при сохранении его структурной отличительной формы и введении некоторых трансформаций в виде лексических (семантических) замен. Проведенный анализ подтвердил выводы существовавших ранее исследований в этой области на материале польских фильмонимов, например, *pogoda dla bogaczy* [Chlebda 1996: 2005]. Постоянное использование в новых заголовках канонической формы фильмонима (даже с дополнительным метафорическим значением) снижало бы привлекательность нового медиатекста, рассчитанного на привлечение общественного внимания. Можно осмелиться сделать вывод, что чем виднее и сильнее процесс модификации первичного заглавия фильма, тем заметнее усиливается фатическая функция такого заглавия и одновременно снижается информативность заголовка медиатекста. Этим можно объяснить частые случаи присутствия дополнительной информации, следующей за трансформированным названием фильма. Проведенный анализ фразеологического потенциала двух разных по происхождению фильмонимов открывает новые возможности исследований в этом направлении. Я имею

в виду сопоставительный анализ исконно русских и переведенных на русский язык фильмонимов с точки зрения регулярной полной или частичной воспроизводимости, определение, в какой мере та или иная воспроизводимость обуславливается новизной данного фильмонима и его происхождением.

МЕТОДОЛОГИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТРАНСФЕРА КАК НОВЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПАРЕМИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Ольга Вячеславовна Радчук
Харьков, Украина

Современные лингвисты-когнитологи свободны в выборе и использовании методологического инструментария. Понимание методологии как применения к процессам познания философских принципов мировосприятия подтверждает то, что вербальная идентификация носителей языка несет на себе отпечаток культуры, традиций и форм существования конкретного этноса. В языке и культуре происходит постоянный синтез знаков и смыслов, языковые знаки становятся носителями культурной значимости, и, наоборот, культура этноса материализуется в знаках языка.

Методология культурного трансфера предусматривает изучение передачи опыта, накопленных знаний от поколения к поколению, в том числе и закрепления в языке значимых абстрактных понятий с их конкретной реализацией в дискурсивной практике. Идея разграничения внутрикультурного и межкультурного трансфера принадлежит французским лингвистам, в частности В. Мозеру [Moser 2014: 62–64]. Внутрикультурный трансфер предполагает рассмотрение какой-либо культуры в ее внутренней динамике и гетерогенности, имеющих проявление в различных дискурсах.

Лингвокультурный трансфер представляется как синхронная и диахроническая передача информации в континууме, осуществляемая различными способами коммуникации. Одним из таких средств является язык, с помощью которого достигается понимание как в конкретный исторический момент, так и передача информации последующим поколениям. «Функция передачи, будучи функцией языка и когнитивной системы, увековечивает «некую базовую идентичность», общую для всех тех людей, кто использует родной язык, и позволяющую потомкам почувствовать принадлеж-

ность к предкам, накапливая при этом коллективную память той или иной исторической группы» [Фещенко, Бочавер 2016: 28–29]. Поскольку язык и культура складываются в конкретном социуме, языковые знаки становятся носителями этнической значимости.

Целью статьи является попытка найти новый аспект в изучении паремий русского языка на основе методологии культурного трансфера, а именно: выявить и продемонстрировать некоторые лингвоспецифические и идионациональные особенности репрезентации абстрактного понятия «отсутствие» в пословицах и поговорах русского языка.

Уточним, что понятие «отсутствие» является значимым и для других этносов, поскольку относится к кванторным понятиям и является важным для человеческого мышления вообще. Для лингвокультурологии актуальными на сегодняшний день являются исследования языковых единиц, в которых вербализируется определенная понятийная сфера как показатель ценностных ориентиров этнокультурной общности. Поэтому рассмотрение паремий, репрезентирующих лингвокультурные особенности понятия «отсутствие», представляет интерес в ментальном формате, отражающем прототипы конкретного этноса.

Немаловажную роль в создании языковой картины мира играют паремиологические единицы, так как их семантика тесно связана с фоновыми знаниями носителя языка. Пословицы относятся к тем культурным символам, которые хранятся в коллективной памяти и передаются последующим поколениям – так реализуется так называемый внутрикультурный трансфер. В течение веков сложился национальный паремиологический фонд, включающий такие народные изречения, как пословицы. Во многих из них вербализовано понятие «отсутствие», которое в сознании людей ассоциативно связывалось с отсутствием конкретного предмета или явления и фиксировалось непроизвольно в конкретной форме.

Поскольку пословицы представлены суждением как логико-грамматической единицей, то понятие «отсутствие» может передаваться субъектом, предикатом или субъектом и предикатом одновременно. Третий вариант, как исключение, представлен паремией *На нет и суда нет*. Наверное, это единственный зафиксированный нами пример, в котором наблюдается отсутствие и субъекта, и предиката.

Интересными нам представляются замечания лингвиста В. Б. Касевича относительно паремии *Нет дыма без огня*, которая является одной из древнейших и встречается у многих народов, напоминая так называемые «сквозные мифы» (по В. Н. Топорову) [Топоров 2010]. Исследователь В. Б. Касевич в статье «Заметки о “когниции”» пишет: «Не всякое наличие значения ведет к конституированию знака. Знаковость по своей сути *интенциональна*. В проverbsиальном примере наподобие сентенции *Нет дыма без огня* нет субъекта интенции – нет того, кто намеренно «сигнализирует» о чем-то кому-то: дым не

«подает знака» тому, кто его (дым) наблюдает, о наличии огня. Наблюдатель на основании имеющегося у него опыта (базы знаний) и умения устанавливать причинно-следственные отношения трактует определенным образом материалы наблюдения» [Касевич 2015: 178]. Это рассуждение приводит к мысли о том, что причинно-следственные отношения являются основой противопоставления понятий «отсутствие» и «наличие» и позволяют рассматривать понятие «отсутствие» как феномен, имеющий материальное выражение в вербальных знаках, к которым относятся паремии.

Русские пословицы наполнены ярким метафорическим содержанием, которое формируется на основе культурно-национального восприятия и обобщения материальной, социальной и духовной жизни русского народа. Образные народные изречения, известные широкому кругу людей, позволяют неоднократно обращаться к ним каждой языковой личности. В устойчивой синтаксической конструкции *Без пословицы речь не молвится* подчеркивается значимость пословицы в передаче информации, опыта, знаний человека человеку. В данной паремии лексемы выстраиваются в синонимический ряд с доминантной лексемой *слово* (*пословица, речь, молва*). В пословицах с помощью точных формулировок понятий передается мудрость народа, осуществляется лингвокультурный трансфер, основанный на жизненных наблюдениях и коллективном опыте. В паремиологических выражениях кратко, просто и лаконично сконцентрирована и зафиксирована мысль человека как представителя определенного социума.

В исследуемых языковых единицах отражено образное мышление, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой носителей русского языка. В пословицах не всегда конкретно может быть определено, что именно отсутствует. Чаще это неопределенный человек (кто-либо) или необозначенный предмет (что-либо): *На безрыбье и рак – рыба, На нет и суда нет, Как в воду канул*. Объект отсутствия может быть выражен отрицательным местоимением: *Ничем не рисковать – значит, ничего не иметь*. Практически не встречаются паремии с конкретным обозначением объекта, все они отличаются образностью, наличием меткой метафоры или точной метонимии. Например, обнаруживаются в пословицах указания на отсутствие предмета или человека в определенном месте – *Хорошо там, где нас нет*, отсутствие незаменимости человека – *Свято место пусто не бывает*, отсутствие действия и / или результата – *Звону много, толку мало*. Хотя существуют такие паремии, в которых отрицание свидетельствует, напротив, о наличии чего-либо. Например, в уже приводимой паремии *Нет дыма без огня* подтверждается наличие причинно-следственных связей. Исследователь А. В. Кравченко в статье «О предметной области языкознания» также обращается к данной паремии, говоря о языке как естественной вербальной системе, в которой все элементы не просто связаны, а взаимодействуют и не существуют изолированно: «... за верой в то, что вербальные структуры – это знаки или свидетельство суще-

ствования языка, кроется мысль о том, что вербальные структуры и язык суть две вещи, которые мы всегда находим вместе, подобно огню и дыму (ср.: *Нет дыма без огня*), при этом вербальные структуры это не язык, так же как дым это не огонь» [Кравченко 2015: 165]. Еще раз подчеркнем, что пословица *Нет дыма без огня* используется представителями разных этносов, переводима на все языки и используется в качестве примера в междисциплинарном дискурсе, поскольку связана с описанием быта всех древних людей.

Национальная специфика понятия «отсутствие» в анализируемых устойчивых оборотах чаще реализуется на лексико-семантическом уровне посредством лексем (например, *худые, канул*), а на уровне грамматики – двойным отрицанием или безличной синтаксической конструкцией. Например, в паремии *Худые вести не лежат на месте* встречается лексема *худые*, которая имеет отрицательную коннотацию и этимологически восходит к древнерусскому слову *невзрачный*, т.е. «плохой». В пословице *Без труда нет плода* «отсутствие» выражено предлогом *без*, выступающим в качестве синонима предиката *нет*, и непосредственно предикатом *нет* (*Нет труда – нет плода*). Особенностью экспликации понятия «отсутствие» в русском языке является двойное отрицание. Например, *Ничем не рисковать – значит, ничего не иметь*. Наличие двойного отрицания для передачи понятия «отсутствие» связано с тем, что префиксы *не-* и *ни-* и отрицательные частицы *не* и *ни* становятся фонетически «недостаточным» для четкого выражения семантики. Прототип *нет* сохраняется частично, утрачивает конечный согласный, тем самым ослабляя свое звучание в номинации и снижает фонетическую и семантическую значимость, которые становятся взаимосвязанными.

Наблюдения показали, что понятие «отсутствие» репрезентируется с помощью лексем, содержащих сему 'отсутствие' (*канул, мало, безрыбье*); отрицательных частиц *не* и *ни*, предиката *нет*, префиксов *не-*, *ни-*, *без-/бес-* и предлога *без*, а также односоставными синтаксическими конструкциями. Необходимо указать, что в одной паремии наблюдается использование нескольких языковых средств, передающих понятие «отсутствие». Синтаксические модели односоставных глагольных предложений (определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные) усиливают понятие «отсутствие», поскольку такие модели характеризуются отсутствием второго главного члена предложения. Отсутствие обозначенного подлежащего создает неполноту предложения.

Заметим, что синтаксическая модель, благодаря лексическому наполнению и морфологическим типам, входящим в ее состав, усиливает и подчеркивает понятие «отсутствие» в паремиях. Хотя семантика таких предложений накладывает ограничения на структуру, грамматических признаков оказывается недостаточно для выделения односоставных предложений разных типов для экспликации понятия «отсутствие».

Исследуя такой фрагмент синтаксиса, как односоставные предложения, В. М. Брицын указывает на то, что в рамках семантико-синтаксического направления данный тип предикативных единиц может рассматриваться и как семантически полный, несмотря на наличие только одного главного члена предложения. Ученый уточняет, что «из всех односоставных неопределенно-, обобщенно-личных и безличных предложений главный член сам по себе является достаточным для информативной полноты только в предложениях, обозначающих природные явления» (Перевод – О.Р.) [Брицын 2004: 274]. Лингвист, ссылаясь на синтаксическую теорию А. С. Мельничука, указывает и на то, что односоставные предложения относятся к первичным грамматически неоформленным синтаксическим конструкциям [Мельничук 1966: 114]. Необходимо указать, что в основе многих паремий, обозначающих понятие «отсутствие», лежит метафора, в которой перенос абстрактного значения осуществляется путем уподобления миру природы и животных. Поскольку паремии представляют собой устойчивые сочетания, сохраняющие свою структуру с древнейших времен, мы допускаем мысль о том, что именно эти предикативные конструкции могут быть первичными и грамматически незавершенными.

Указанные средства языковой репрезентации понятия «отсутствие» являются в русском языке исконными и древними, они не подверглись ощутимым изменениям и в современном состоянии интенсивно используются в коммуникации. Анализ представленных в качестве иллюстративного материала устойчивых фольклорных выражений свидетельствует о том, что в паремиях отражается национальное представление русского народа о понятии «отсутствие». Поскольку семантика паремиологических единиц тесно связана с культурно-историческими традициями народа, который создает и использует определенный язык, то в паремиях русского языка данное понятие не только вербализируется, но и демонстрирует связь между языком и мышлением человека.

В русских пословицах, репрезентирующих понятие «отсутствие», наблюдается отражение национального характера и менталитета народа, системы его духовно-нравственных ценностей. Изучение понятия «отсутствие» на материале паремий позволяет выявить наиболее значимые моральные ценности, сложившиеся в коллективном сознании носителей русского языка и закрепленные в их национальной ментальности, отражающие философию, психологию и этику всех славян, и русскоязычного народа, в частности. Это еще раз подчеркивает, что пословицы, существуя в едином этнокультурном пространстве и в пределах ментальной сферы русскоговорящего человека, аккумулируют национально-культурные стереотипы языкового сознания и передают их с помощью внутреннего лингвокультурного трансфера.

Изучение паремий, репрезентирующих понятие «отсутствие», позволяет утверждать, что генерирование их значения происходит за счет объединения некоего множества идей, отражающих, в частности, первичное восприятие,

основанное на бинарной оппозиции наличие vs отсутствие конкретных реалий окружающего мира. Составляющие элементы пословиц и поговорок русского языка представляют собой метафорические проекции абстракта «отсутствие» на реальные бытовые предметы и явления природы. Особого внимания заслуживает тот факт, что в паремиях синтезирование содержания понятия «отсутствие» строится на проведении аналогии, используемой внутрикультурным трансфером при формировании и передачи семантики абстракта.

«РУССКИЙ СТАНДАРТ», ИЛИ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПЕКТР КРЫЛАТОЙ ФРАЗЫ: ТЮТЧЕВ И СОВРЕМЕННЫЕ СМИ

Елена Ивановна Селиверстова
Санкт-Петербург, Россия

Представления о параметральной (метрической) составляющей окружающего мира входят в базовый культурный пласт, который является «неотъемлемой частью структуры любого человека говорящего» [Красных 2001: 5]. Людям свойственно проводить самые разные бытовые измерения – определять протяженность расстояния (*под боком, у черта на куличках*), вес предметов (*Мал золотник, да дорог; пуд соли съесть*), временные интервалы (*с младых ногтей, на веки вечные* и др.)¹³⁹ и количественные параметры (*как сельдей в бочке, с гулькин нос, глаза разбегаются*), оценивать рост (*метр с кепкой, коломенская верста*) и т.д.

Универсальные по своей природе, коды культуры национально детерминированы в своих проявлениях и различаются у носителей разных языков по удельному весу, по характеру реализующих их метафор и т. п. [там же]. Они являются ключом к пониманию определенного типа культуры и позволяют «установить соответствие между номинацией (обозначаемым) и значением – расшифровать глубинные смыслы культурных явлений и феноменов» [Меркулова 2015].

Необходимое структурирование и описание пространства и расположенных в нем предметов осуществляется за счет актуализации различных кодов культуры – соматического (*рукой подать*), квантитативного (*в двух шагах*), метрического (*не ближний свет, за семь верст киселя хлебать*) и др. Таким образом, язык, располагая арсеналом средств, отличающихся «интерпретативной устойчивостью» и предназначенных для выражения культурно значимых

¹³⁹ См. также: [Логический анализ языка 1997; Глазанова, Ерофеева 2017 и др.].

понятий и отношений [Фрумкина 2001: 87], активно пользуется набором эталонов – парных, образующих бинарные структуры (*Жена от мужа на пядень, а муж от жены на сажень; Болезнь входит пудами, а выходит золотниками*), и непарных, участвующих в реализации метрического кода. Эталон предстает как некое объективно-отстраненное начало, которое, будучи уникальным и строго фиксированным, «работает» на содержание, это «мера», «мерило», в параметрах которых оцениваются отдельные феномены. По мнению В. Н. Телии, эталон служит измерению свойств вещей, событий, пространственных и временных объектов, а возведенные в ранг эталонов предметы окружающего мира становятся носителями информации об «окультуренном мировидении» [Телия 1996: 242].

Слово *аршин* активно использовалось в русском языке в качестве названия старинной меры длины (0,7112 м) и мерной линейки с нанесенными делениями, используемой для измерения мануфактуры. Словари приводят устойчивые выражения с компонентом *аршин*, в которых реализуется разное его восприятие говорящими. Сравнение <словно> *аршин проглотил* фиксирует ассоциацию прямо и неподвижно стоящего человека с аршином как длинным прямым предметом, который, проглоти его человек, мог бы мешать ему «принять естественное положение тела» (ср. «неметрический» образный стержень в ФЕ как *палку проглотил* [РФ: 33]). Аршин как деревянный инструмент используется и по иному назначению – как палка для битья; ср. оборот *на аршин смерть* кого-л. – ‘побить, поколотить кого-л. палкой’ [там же].

В основном же компонент *аршин* реализует в составе ФЕ семантику протяженности – в длину, глубину, высоту: *аршин с шапкой* – ‘маленького роста, видеть на три аршина в землю – шутливая гипербола, характеризующая прощательного человека, *семь аршин говядины и три фунта лент* – ‘об абсолютной чепухе’; семантика здесь формируется сочетанием несочетаемого [РФ: 33]. Ср.: *пить водку аршинами* – о распитии горячительных напитков, при котором аршином измерялся ряд наполненных рюмок.

Использование *аршина* как «простейшего приспособления» для измерения (наряду с сантиметром, мерилом, правилом, отвесом, линейкой и др. [РСС: 136]) привело к осмыслению действия – *измерения аршином* – как оценки объекта, определения неких его качеств, но не в единицах измерения, а в соответствии со шкалой, основанной на определенной системе представлений и имеющей зоны позитивного и негативного; ср. *мерить на свой аршин (своим аршином)* – ‘неодобр. судить о чем-л., оценивать что-л. в соответствии со своими представлениями’ [РФ: 33] и близкое – *мерить на свою мерку*. Слово *аршин* в устойчивых выражениях мы находим в XIX в., ср.: *На Гоголя (критики) смотрели как на автора «Вечеров на хуторе», меряя все следующие его произведения аршином, который годен был только для этих первых опытов, <...> и видя признаки падения таланта во всем, что в последующих сочинениях не было похоже на «Вечера»* (Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода

русской литературы (1856)) – мерилом служит уровень, заданный ранним произведением писателя и принятый за эталон. И сегодня оборот *мерить аршином чего-л. (каким)*, выступая в значении ‘соотносить с имеющимся образцом, считаемым кем-л. эталонным’, отмечен высокой частотностью. Сопровождаясь конкретизатором, оборот может служить для указания на принципиальную несоотнесенность оцениваемых объектов и применяемой системы измерений. Так, к автомобилю высокого класса *«нельзя подходить с жигулевским аршином»* (Андрей Кочетов. Три в одном. «За рулем», 15.06.2004).

Указание на ошибочность вынесения суждения о чем-л., оценки чего-л. с позиций привычного, распространенного подхода часто осуществляется за счет использования оборота *мерить одним <общим> аршином*: *Типы сверхновых звезд нельзя «мерить одним аршином»*. *За несхожестью спектров кроются фундаментальные различия* (Александр Волков. Бомбы темного неба. «Знание – сила», 2009). Говорящие указывают на невозможность уравнивания рассматриваемых явлений: *Хоть он и был недоволен, но все равно бы приехал. Ты никак не можешь понять, что мерить его общим аршином нельзя*. *Пока я тут с комфортом «страдаю», он же как проклятый вкалывает* (Давид Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000–2002)). Не стоит подходить с одинаковой меркой – федерального закона! – к разным регионам России: *Он будет преломляться через призму региональных, местных, корпоративных особенностей. Россия огромна, одним аршином ее не измерить* (Три ступени вверх. «Сельская новь», 16.12.2003).

Используемая носителями языка система социальных, нравственных и др. координат применяется в разных сферах жизни и также является этномаркированной – на ее национальное своеобразие указывают как исследования в области межкультурной коммуникации [Тер-Минасова 2000, Корнилов 2003, Радбиль 2017 и др.], так и семантический вектор, реализуемый при использовании современниками в речи яркого метрического эталона. Не случайно суждение с позиции системы прагматических и аксиологических оценок, типичных для ментальности одного этноса, – о некоем инокультурном «объекте», квалифицируется нередко как ошибочный шаг, поскольку не являются универсальными иерархии ценностей ни отдельных индивидуумов, ни различных социальных групп и этносов [Карасик 2013: 17]: *Дело здесь не только в различии национальных терминологий, сколько в различии термоядерных историй. Советскую термоядерную историю американским аршином не измерить. В США не делали ничего подобного* (Геннадий Горелик. Андрей Сахаров. Наука и свобода (2004)).¹⁴⁰

Семантика и структура многих отмеченных нами высказываний – ритмическое оформление, порядок слов, контекстуальная антонимия и т. д. – выдают

¹⁴⁰ Ср. еще у А. А. Бестужева-Марлинского: «меряя Азию европейским аршином» [Мулла-Нур (1836)].

в них реминисценции тютчевских строк (1866 г.), следы неявного цитирования, даже если их автор не упоминается. Отсылка в Тютчеву становится более очевидной, если она поддерживается двучастностью приводимой цитаты: *Обломов – цельная личность, все прочие персонажи представляют собой нечто дробное и человечески менее ценное: за этим встает давняя, недоброжелательная по отношению к гешефтмахерам штольцам идея. Умом Россию не понять, а личность нельзя измерить общим аршином* (Алексей Филиппов. Возможны варианты. «Известия», 22.04.2002).

Делаются разные попытки трактовки ставшей крылатой фразы из стихотворения Ф. И. Тютчева. Н. Журавлев, отмечая в строках поэта «восхитительную непоследовательность, нелогичность и полную подчиненность сиюминутному чувству», характеризует их как изложение «совершенно туманной и никоим образом рационально не объяснимой идеи (мысли поэта – Е.С.)» (Николай Журавлев. Поэт и вертикаль. Суэта вокруг юбилея. «Вестник США», 17.09.2003), которую, однако, многие видят иначе. Вероятно, именно этой «туманностью» объясняется широкий семантический спектр, который придается этому прецедентному феномену в текстах масс-медиа.

Так, некоторые рассматривают констатацию поэтом национальной иррациональности как признание величия страны, не укладывающейся в прокрустово ложе привычных канонов. «Тютчев сказал про свою Россию: “Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить <...>”, и поистине можно сказать, что Россия непостижима для ума и **не измерима никакими аршинами доктрин и учений**» (Душа России. «Жизнь национальностей», 05.06.2002). Основанием для такого вывода служат отмечаемые исторические «противоречия бытия России» – удивительно прогрессивные реформы на фоне нищеты, неграмотности, бездорожья. «Неизмеримость» России в привычных параметрах нередко объясняется несоответствием общим законам развития: *Число готовых голосовать за него <...> выросло до рекордных 56%. <...> Аналитики вольны гадать: это оттого, что на самом деле не все так плохо, или оттого, что в России иные, **не измеряемые общим аршином** законы зависимости имиджа от бытия* (Г. Бовт, С. Бабаева. Две страны одного президента. «Известия», 15.12.2002).

Неизмеримость «общим аршином» нередко номинирует особое духовное, морально-нравственное начало в русском человеке: «*Бумер*» обошел в 2003 году самый дорогой среди отечественных фильмов «Антикиллер-2: Антитеррор». <...> *Вот уж поистине, умом Россию не понять, аршином общим не измерить*, – загадочна русская душа (События. «Бизнес-журнал», 30.01.2003). Ср.: *Правильно сказано про русскую душу – «аршином общим не измерить»* (В. В. Овчинников. Калейдоскоп жизни (2003)).

Не имея возможности остановиться на всех возможностях прочтения цитируемых строк, обнаруживаемых нами в текстах СМИ, отметим некоторые наблюдаемые тенденции.

1. Идея признания «особости» и возведения российской иррациональности, нелогичности в ранг несомненного достоинства, имеющего как следствие невозможность измерения, сиречь понимания согласно привычным трафаретам, востребована потому, что этот тезис не требует выявления реальных причинно-следственных связей в происходящем и исключает необходимость пояснений – достаточно прямой или косвенной отсылки к Тютчеву; ср. комментарий к прецедентному тексту: *неохота объяснять, растолковывать, разжевывать, раскладывать по полочкам самое важное, кто из России – сам знает* (В. Д. Алейников. Тадзимас (2002)).

2. Реализуемая в тексте интенция может меняться «с точностью до наоборот»: от гордой акцентации уникальности – *(И худенькая чукчанка <...> мелом выводит на старой школьной доске слова, а дети <...> читают вслух: «Умом Россию не понять, Аршином общим не измерить...» и попробуй скажи что-нибудь дурное о России, заикнись о том, что в мире есть страны красивее* (Валерий Писигин. Письма с Чукотки. «Октябрь», 2001) – до ироничной, негативной трактовки, далекой по своему прагматическому содержанию от тютчевского намерения. В таком случае фраза становится псевдопрецедентной на коннотативном уровне: поясняющий комментарий может звучать с интонацией сокрушенности, неодобрения, сожаления о том, что мы не подпадаем ни под какие общепринятые нормативы, и, следовательно, происходит смена полюсов в системе ценностей, «дискредитация чужого слова» [Радбиль 2017: 152].

3. В результате контаминации поэтических строк с существовавшими ранее оборотами *мерить на свой аршин, мерить общим аршином* сформировался фразеологизм с инфинитивом в негативной форме [никаким] *аршином не измерить* – именно с таким порядком слов, реализующий семантику интенсивности проявления определенного признака: *Стране, <...> в которой на выборах не из кого выбирать, где **никаким аршином не измерить** глубину заготовленной ей пропасти, рационально мыслящие люди не нужны* (Герман Садулаев. Таблетка (2008)).

Значимый для носителей языка прецедентный текст варьируется, таким образом, по многим параметрам: полноте цитирования и конструктивной сложности, наличию/ отсутствию знаков формальной прецедентности (отсылки к автору, кавычек), аксиологической характеристике, определяемой авторской «игрой коннотаций» (Т. Б. Радбиль).

KDO JINÉMU JÁMU KOPÁ... TRANSFORMACE PŘÍSLOVÍ VE SLOVANSKÝCH JAZYCÍCH, NĚMČINĚ A MAĎARŠTINĚ

Tamás Tölgyesi
Viedeň, Rakousko

V knize Přísloví 26,27 Šalamoun, král jednotného Izraelského království, říká: „Kdo jámu kopá, do ní upadá, a kdo valí kámen, na něj se obrací“. Tato moudrost je známá v mnoha jazycích:

č. *Kdo jinému jámu kopá, sám do ní padá* [Čelakovský 1852: 19],
slk. *Kto druhému jamu kope, sám do nej spadne*, pol. *Kto pod kim dołki kopie, sam w nie wpada*, sln. *Kdor drugemu jamo koplje, sam vanjo pade*,
chor. *Tko drugome jamu kopa, pada sam u nju*,
rus. *He poŭ drugomu jamu, sam v neŭ ponaděšyŭ*,
něm. *Wer anderen eine Grube gräbt, fällt selbst hinein*, maď. *Aki másznak vermet ás, maga esik bele*.

Přísloví popisuje zkušenost, že ten, kdo jiným úmyslně škodí, časem pocítí negativní důsledky svého konání [viz SprichWort-Plattform].

V angličtině a francouzštině existují jen sémantické ekvivalenty výše zmíněného frazému: angl. *What goes around comes around*, doslova ‘to, co jde kolem, přichází znovu’, angl. *Curses, like chickens, come home to roost. / The chickens come home to roost*, doslova ‘kuřata se vrací domů na hřad’, fr. *Tel est pris qui croyait prendre*, doslova ‘je chycen ten, kdo se domníval, že sám chytá’.

Lexikální a syntaktická modifikace přísloví. Kromě původní podoby uvádí Slovník české frazeologie a idiomatiky i žertovné varianty *Kdo jinému jámu kopá, ten je nádeník / se nadře / dělá díru do země* [SČFI/VV 2009: 343], srov. také maď. *Aki másznak vermet ás, az napszámos / kubikus* ‘kdo jinému jámu kopá, ten je nádeník’. Maď. *napszámos* je utvořeno ze slov *nap* ‘den’ a *szám* ‘počet’, ‘číslo’, zatímco maď.

kubikus pochází z něm. *Kubikmeter* ‘kubický metr, metr krychlový’. Nádeníci byli pomocní dělníci, popř. dělníci najímaní k pomocné práci na jeden den nebo placení za jednotlivé pracovní dny [SSJČ 1964, 18].

V práci je věnována pozornost právě takovým modifikovaným příslovím, která se dnes šíří na internetu, jako např.

č. *Kdo jinému jámu kopá, (ten) je hrobník(em) / hrobař,*

slk. *Kto druhému jamu kope, (ten) je hrobár(om),*

pol. *Kto pod kim dołki kopie, ten jest grabarz(em),*

sln. *Kdor drugemu jamo koplje, je grobar / totngrobar,*

chor. *Tko drugom jamu kopa, je grobar,*

něm. *Wer anderen eine Grube gräbt, ist Totengräber / Bestatter / Leichenbestatter,*

maď. *Aki másnak vermet ás, az sírásó* [viz k tomu Vargha, Litovkina 2007: 179, Kuzmova 2017: 172, Meterc 2017: 139].

První část ruského přísloví tvoří rozkazovací věta *He poiŭ drugomu jamy...* ‘nekopej jinému jámu’, a asi proto nemá takovou tvarovou variabilitu jako č., slk., pol., sln., chor., něm. a maď. frazém.

Č. *Kdo jinému jámu kopá, (ten) je u něho / něj na brigádě. / Kdo jinému jámu kopá, (ten) je brigádník* má svou obdobu ve slovenštině: *Kto druhému jamu kope, (ten) je uňho / u neho na brigáde. / Kto druhému jamu kope, (ten) uňho / u neho brigáduje.* Č./slk. *brigáda*, pol. *brygada*, sln./chor. *brigada*, maď. *brigád* a něm. *Brigade* ‘vojenská jednotka’ jsou přes fr. *brigade* z it. *brigata* ‘bojová skupina’ od *briga* ‘boj, potyčka’ [Kluge 2002: 150, TESz 1984: 369, Rejzek 2001: 90–91]. V Československu, Polsku, Jugoslávii, Východním Německu a Maďarsku se dané slovo pod vlivem ruského výrazu *бpугада* začalo používat i ve smyslu ‘pracovní skupina’. Č./slk. *brigáda* má ještě další význam ‘krátkodobá pracovní činnost’.

Kdo jinému jámu kopá, ten je bagrista se používá nejen v češtině a slovenštině (slk. *Kto druhému jamu kope, ten je bagrista.*), ale i v slovinštině a němčině (sln. *Kdor drugemu jamo koplje je bagerist*, něm. *Wer anderen eine Grube gräbt, der ist ein Baggerfahrer.*).

Č. *Kdo jinému jámu kopá, je stavební dělník* má své ekvivalenty v polštině, slovinštině, chorvatštině a němčině: pol. *Kto pod kim dołki kopie, ten jest robotnikiem budowlanym*, sln. *Kdor drugemu jamo koplje, ta je fizični delavec*, chor. *Tko drugome jamu kopa, on / taj je fizički radnik*, něm. *Wer anderen eine Grube gräbt, (der) ist (ein) Bauarbeiter.*

Těžkou fyzickou prací často vykonávají pracovníci z nižších společenských vrstev, popř. z východních zemí, č. *Kdo jinému jámu kopá, je cikán*, č. *Kdo jinému jámu kopá, je pracovitá cikorka*. Č. *cikorka* je ‘náhražka kávy z kořene čekanky’, ale užívá se i jako hanlivé označení Romů. V posledních desetiletích se kvůli lepším životním podmínkám mnoho Ukrajinců přestěhovalo do Česka nebo na Slovensko, č. *Kdo*

jinému jámu kopá, (ten) je Ukrajinec, slk. Kto druhému jamu kope, (ten) je Ukrajinec. Na slovenských webových stránkách se kupodivu vyskytuje i varianta *Kto druhému jamu kope, je Slovák.* Autor asi měl na mysli, že mnoho jeho krajanů pracuje v zahraničí, např. v Rakousku, Německu nebo Anglii. Něm. *Wer anderen eine Grube gräbt, ist allerdings meist im Tiefbau beschäftigt – oder polnischer Schwarzarbeiter* 'kdo jinému jámu kopá, je zaměstnán ve stavebnictví nebo je nelegálním pracovníkem z Polska', něm. *Schwarzarbeiter* 'nelegální pracovník', doslova 'černý pracovník', srov. č. *černý pasažér*, něm. *Schwarzfahrer* 'cestující bez platného lístku'.

Kdo jinému skutečně kopá jámu, ten a) za to chce finanční odměnu, b) je laskavý nebo c) je často považován za blázna.

a) Č. *Kdo jinému jámu kopá, ten si přijde na docela slušné peníze*, něm. *Wer anderen eine Grube gräbt, der möchte natürlich auch ein wenig Geld damit verdienen* 'kdo jinému jámu kopá, chce vydělávat peníze', něm. *Wer anderen eine Grube gräbt, der will für seine Leistung auch bezahlt werden* 'kdo jinému jámu kopá, chce být zaplacen za svůj výkon', maď. *Aki másnak vermet ás, pénzt kap érte* 'kdo jinému jámu kopá, dostane za to peníze'.

b) Něm. *Wer anderen eine Grube gräbt, ist hilfsbereit* 'kdo jinému jámu kopá, je nápomocný', sln. *Kdor drugemu jamo koplje, je zelo prijazen* 'kdo jinému jámu kopá, je velmi přátelský'.

c) Č. *Kdo jinému jámu kopá, je mentálně postižený*, slk. *Kto druhému jamu kope je blázon, lebo si nevie na to nájsť ľudí*, něm. *Wer anderen eine Grube gräbt, ist ein Arschloch*, zde 'debil, idiot, kretén', doslova vulg. 'prdel, řiť', maď. *Aki másnak vermet ás, az hülye* 'kdo jinému jámu kopá, je blbec', sln. *Kdor drugemu jamo koplje, je bedak* 'kdo jinému jámu kopá, je hlupák / blázen', pol. *Kto pod kim dołki kopie, ten jest głupi* 'kdo jinému jámu kopá, je hlupák', pol. *Kto pod kim dołki kopie, ten jest zwykły frajer*. Č./pol./chor. *frajer* je z něm. *Freier* 'nápadník', pej. 'zákazník prostitutky' [Wahrig 2002: 498, Tölgyesi 2009: 97]. Naproti citově kladně zbarvenému č. *frajer* 'vyzývavý muž', 'nápadník', a citově neutrálnímu chor. *frajer* 'chlap, chlápek, kluk' má pol. *frajer* pejorativní význam 'blbec, hlupák, lůzr ap.'.

Kontaminace přísloví. Různá přísloví se často kombinují, např.

č. *Kdo jinému jámu kopá, ten se směje nejlépe* (srov. *Kdo se směje naposled, ten se směje nejlépe.*),

slk. *Kto druhému jamu kope, ten sa smeje najlepšie* (srov. *Kto sa smeje naposledy, ten sa smeje najlepšie.*),

pol. *Kto pod kim dołki kopie, ten się śmieje ostatni* (srov. *Kto się śmieje, ten się śmieje ostatni.*),

něm. *Wer anderen eine Grube gräbt, lacht am besten* (srov. *Wer zuletzt lacht, lacht am besten.*),

maď. *Aki másnak vermet ás, az nevet a legjobban* (srov. *Aki utoljára nevet, az nevet a legjobban.*).

Č. *Ranní ptáče dál doskáče* odpovídá maď. *Ki korán kel, aranyat lel*, doslova 'kdo ráno vstane, najde zlato'. Kontaminace *Aki másnak vermet ás, aranyat lel* 'kdo jinému jámu kopá, najde zlato' dává smysl. Zajímavé jsou chor. a pol. varianty *Tko drugome jamu kopa, dvije sreće grabi* ('kdo jinému jámu kopá, má dvakrát štěstí', srov. *Tko rano rani, dvije sreće grabi*, doslova 'kdo ráno vstane, má dvakrát štěstí'), *Kto pod kim dolki kopie, temu Pan Bóg daje* ('kdo jinému jámu kopá, tomu Pán Bůh dá', srov. *Kto rano wstaje, temu Pan Bóg daje*, též rus. *Кто рано встаёт, тому бог (но)даёт*, doslova 'kdo ráno vstane, tomu Pán Bůh dá'). Těžko se dá vysvětlit význam č. *Kdo jinému jámu kopá, dál doskáče*, něm. *Wer anderen eine Grube gräbt, hat Gold im Mund* ('kdo jinému jámu kopá, má zlato v ústech', srov. *Morgenstund hat Gold im Mund*, doslova 'ranní hodina má zlato v ústech', podle lat. *Aurora habet aurum in ore* 'ráno má zlato v ústech'), sln. *Kdor drugemu jamo koplje, je rana ura* ('kdo jinému jámu kopá, je ranní hodina', srov. *Rana ura, zlata ura*, doslova 'ranní hodina, zlatá hodina').

Přísloví *Kdo jinému jámu kopá... a Jablko nepadá daleko od stromu* jsou spojena ve více jazycích: č. *Kdo jinému jámu kopá, nepadá daleko od stromu*, slk. *Kto druhému jamu kope, nepadá daleko od stromu* (srov. *Jablko nepadá daleko od stromu.*), sln. *Kdor drugemu jamo koplje, ne pade daleč od drevesa* (srov. *Jabolko ne pade daleč od drevesa*), něm. *Wer anderen eine Grube gräbt, fällt nicht weit vom Stamm* (srov. *Der Apfel fällt nicht weit vom Stamm.*).

Na polských a slovinských internetových stránkách se nachází kombinace přísloví *Kdo jinému jámu kopá... a Každý je strůjcem svého štěstí*: pol. *Kto pod kim dolki kopie, jest kowalem swego losu* (srov. *Každy jest kowalem swojego losu / szczęścia*, doslova 'každý je kovářem svého štěstí'), sln. *Kdor drugemu jamo koplje, je sam svoje sreče kovač* (srov. *Vsak je svoje sreče kovač*, doslova 'každý je kovářem svého štěstí').

Další příklady jsou č. *Kdo jinému jámu kopá, toho píseň zpívej* (srov. *Koho chleba jíš, toho píseň zpívej.*), slk. *Kto druhému jamu kope, zistí, kde je pes zakopaný*, slk. *Kto druhému jamu kope, ten sa z hory ozýva* (srov. *Ako sa do hory volá, tak sa z hory ozýva*), něm. *Wer anderen eine Grube gräbt, der sollte nicht mit Steinen werfen* ('kdo jinému jámu kopá, by neměl házet kameny', srov. *Wer im Glashaus sitzt, soll nicht mit Steinen werfen*, doslova 'ten, kdo sedí ve skleníku, by neměl házet kameny'), maď. *Aki másnak vermet ás, az vihart arat* ('kdo jinému jámu kopá, sklízí bouři', srov. *(A) ki szelet vet, vihart arat* 'Kdo seje vítr, sklízí bouři.').

V poslední době bylo v různých zemích uskutečněno několik sociolingvistických výzkumů u respondentů tří generací [viz např. Kováčová 20176]. Kolegové se především soustředili na nejmladší generaci a zeptali se žáků základních a středních škol, popř. vysokoškolských studentů, které frazémy používají. Ukázalo se, že mladí lidé dokonce ani neslyšeli většinu zmíněných idiomů, nebo pokud je slyšeli, často neznají jejich význam. Měl jsem stejné zkušenosti, když jsem mluvil o frazeologizmech v jazycích střední Evropy na Masarykově univerzitě v Brně, na Vídeňské univerzitě a na Univerzitě v Segedině. Původní přísloví jsou na ústupu. Zachránit je mohou právě jejich vtipné modifikace a hravé kombinace na sociálních sítích. Kromě toho se v dnešní době vyrábějí i módní trička, která mají takové nápisy, jako např. č. *Kdo*

jinému jámu kopá, ten je bagrista, slk. *Kto druhému jamu kope, zarobí a potom slope*¹⁴¹ 'kdo jinému jámu kopá, vydělá a potom chlastá', sln. *Kdor drugemu jamo koplje, potrebuje kramp in lopato* 'kdo jinému jámu kopá, potřebuje krumpáč a lopatu', něm. *Wer anderen eine Grube gräbt, ist Bauarbeiter* 'kdo jinému jámu kopá, je stavební dělník', maď. *Aki másnak vermet ás, sírásó vagy útmunkás* 'kdo jinému jámu kopá, je hrobník nebo silničář'. Jejich nositelé fungují jako živé reklamy na frazeologismy.

¹⁴¹ Etymologické slovníky maďarštiny neuvádějí slangové sloveso *szlopál* [slopa:l] 'rychle pít', 'chlastat', které pravděpodobně pochází z l-ového tvaru slk. *slopat* 'pít', 'chlastat'.

ИНТЕРНЕТ-ЛОЗУНГИ КАК ЭФФЕКТИВНОЕ ЯЗЫКОВОЕ СРЕДСТВО РУССКОЙ СЕТЕВОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Елена Игоревна Зыкова
Санкт-Петербург, Россия

Влияние Интернета на современное общество сложно переоценить: Сеть стала неотъемлемой частью человеческой жизни, и сейчас невозможно представить себе сферу общественных и личных взаимоотношений, которая бы не испытала на себе влияние «интернет-глобализации». Речевое общение не исключение. Специфика интернет-коммуникации, такие ее черты, как дистантность, анонимность, ведущая к свободе общения, интерактивность, гипертекстуальность, большая скорость распространения информации, позволяют говорить о формировании сетевого или интернет-языка, обладающего своими особенностями на каждом уровне, в том числе и на фразеологическом.

Изучение особенностей русского интернет-языка началось относительно недавно. Первыми серьезными научными работами в этой области стали исследования проф. М. А. Кронгауза [Кронгауз 2013]. А 2 года назад исследования сетевого русского языка получили лексикографическое описание в «Словаре языка интернета.ru», в который авторы включили слова, речевые клише, подписи к рисункам, характерные для сетевого общения [Кронгауз 2019]. Под сетевыми фразеологизмами обычно понимаются устойчивые обороты, обладающие основными категориальными признаками фразеологических единиц (идиоматичность, устойчивость, воспроизводимость), возникшие в Интернете и используемые преимущественно в этой сфере. По мнению Я. Тарсы, «сетевые фразеологизмы – это устойчивые словосочетания, источником которых является Интернет (мемы, демотиваторы, любительские видеоролики, жаргон падонков и т.п.), а также выражения, происходящие из речи известных лиц, популярных фильмов, литературных произведений, фразеологизовавшиеся в Интернете» [Тарса 2018: 44].

С одной стороны, нельзя утверждать, что интернет-фразеологизмы чем-то кардинально отличаются от традиционной фразеологии. Однако последние исследования единодушны в утверждении, что определенной спецификой они все же обладают. Во-первых, сетевые фразеологизмы сближаются с так называемыми интернет-мемами – прецедентными феноменами часто креолизованного характера, получившими спонтанное широкое распространение в Сети.

Во-вторых, интернет-фразеологизмы в большей степени, чем традиционные обороты, соотносятся с понятием моды, меняющейся достаточно быстро, поэтому жизнь многих таких выражений яркая, но довольно короткая. Так, лишь немногие из когда-то популярных «падонковских» устойчивых фраз «дожили» до сегодняшнего дня, как например, *аффттар жжот*.

В-третьих, сетевые фразеологизмы часто основаны на языковой игре, на нарушении языковых, особенно орфографических (*аффттар жжот*, *ржу нимагу*) и лексико-стилистических норм (использование нецензурной или грубой лексики).

В процессе рассуждения о русской сетевой фразеологии как явлении Интернет-культуры, на заседаниях Международного конгресса славистов в Белграде 2018 г. были определены следующие особенности сетевых фразеологизмов: воспроизводимость, относительная устойчивость формы, недолговечность, злободневность, «волнообразность»

В качестве иллюстрирования вышеизложенных особенностей сетевых фразеологизмов хотелось бы сосредоточиться на фразеологической характеристике современных лозунгов и устойчивых сочетаний лозунгового типа, которыми изобилует современное интернет-пространство.

Лозунги являются, на наш взгляд, одним из важнейших фразеологических средств отражения политической жизни в силу своей главной функции, которая сводится к «лаконичному обращению к адресату, выражая при этом руководящую идею, требование того, кто призывает к чему-л» [Вальтер, Мокиенко 2015: 290]

Однако анализ речевого пространства Рунета позволяет констатировать появление новой разновидности лозунговых образований, не имеющих четко обозначенного авторства. К таким выражениям можно отнести хэштеги, вид устойчивых сочетаний, имеющих явно лозунговую основу, который получил широкое распространение в Интернете в последнее время.

Хэштег – это метка, которая используется для распределения сообщений по темам в социальных сетях и блогах. В последнее время в качестве такой метки-хэштега активно используются устойчивые выражения явно политического содержания, которые собирают под своим специальным значком # комментарии, мнения, оценки пользователей Интернета по злободневным проблемам современной российской жизни.

Одним из самых распространенных и устойчивых хэштегов последнего периода является #*Я Шарли*. Это выражение – точный перевод французского

лозунга *Je suis Charlie*, с которым европейцы вышли на демонстрации в знак протеста против теракта, совершенного террористической организацией ИГИЛ в редакции французского сатирического еженедельника *Charlie Hebdo*. Так в этом лозунге европейцы выразили свою политическую позицию, а русский эквивалент, ставший хэштегом в российских социальных сетях, собрал под своим значком # огромную аудиторию россиян, присоединившихся к европейскому протесту.

Вскоре выражение *Я Шарли* было подхвачено СМИ и стало использоваться для обозначения идеи единения, солидарности, дружеской поддержки. Например:

Уже в день теракта во Франции прошли митинги, собравшие более 100 тысяч человек, а затем, как по сигналу, начинаются хорошо срежиссированные акции «Я Шарли» (слоган, придуманный французом украинско-еврейского происхождения Жоакином Ронцином), участники которых вышли с одинаковыми плакатами и в одинаковых футболках... (http://communitarian.ru).

Фразеологизированность этого хэштега подтверждается появлением его трансформы *Я не Шарли*. С помощью этой трансформации официальный представитель МИД РФ М. Захарова выразила мнение по поводу карикатур, опубликованных *Charlie Hebdo* после авиакатастрофы российского самолета в Египте, в которой погибло 224 человека. Это выражение быстро распространилось в новом хэштеге в русскоязычных сетях, потом переключалось на страницы он-лайн газет и журналов, приобретая значение 'отсутствие солидарности, поддержки, выражение протеста, категоричного несогласия':

Знаете, почему я не «Шарли»? Потому что, на мой взгляд, они обманывают и нас и себя, утверждая, что для их юмора нет запретных тем (http://politrussia.com).

Говоря о «волнообразности» этого выражения, можно утверждать о некотором спаде функционирования этого фразеологизма. Если в 2015 году, когда появился лозунг, с хэштегом *Я Шарли* были миллионы записей в сетевых ресурсах, то в 2020 году их значительно меньше. Например: запись в Twitter от 11 сент. 2019:

Только НАШИ люди могут проявить сочувствие по отношению к чужой беде искренне. Без этих тупых #яшарли. Сегодня 11 сентября. США далеко... (https://twitter.com).

Не менее популярным лозунгом-хэштегом стало выражение *Крым наш*. Под этим хэштегом в Рунете в 2014 году шла активная бурная полемика по вопросу присоединения Республики Крым к РФ. Кроме того, в сети появилась и трансформы *Сирия не наш, Асад не наш, Трамп не наш*:

И вот результат – новая разрядка двух лидеров постпорядка отменяется (как уже почти отменился постпорядок, потому что Трамп

вынужден действовать так, как если бы он был самым банальным, классическим президентом ведущей мировой державы). Трамп уже «не наш» (<http://www.rbc.ru>).

Судьба этого выражения более длительна и фразеологична. Появившись в 2014 г. в сетевых ресурсах в функции хэштега, к 2020 г. оно приобретает статус ФЕ и активно используется Интернет-СМИ:

Зеленский: война окончена, Крым наш (заголовок статьи 2020 г.) (<https://www.mk.ru>).

Специфичность рассматриваемых фразеологизированных хэштегов-лозунгов выражается, на наш взгляд, в их злободневности и недолговечности. Как показал анализ медийного пространства Рунета, каждое мало-мальски значимое событие в жизни России или выступление публичных политических деятелей находится под прицелом российской блогосферы. И на полях Рунета появляются гроздь мемов-лозунгов, в формировании которых принципы фразеологизации играют не последнюю роль.

Как уже упоминалось выше, сетевая фразеология непосредственно связана с двумя понятиями современного языкового Интернет-пространства.

1. Креолизированный текст – это «феномен, в котором вербальные и изобразительные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, обеспечивающее его комплексное воздействие на адресата» [Ворошилова 2013: 23]. То есть, креолизированный текст можно определить как текст, в структурировании которого наряду с вербальными применяются средства других знаковых систем (невербальные, неязыковые). К невербальным средствам, активно используемым в креолизированных текстах, относятся, прежде всего, цифры, символы, рисунки и т. д.

2. Мем (англ. meme) – в мететике единица культурной информации, распространяемая от одного человека к другому посредством имитации, научения. С точки зрения науки мететики мемами считаются идеи, верования, поведенческие шаблоны и т.д., заключённые в сознании людей и способные воспроизводить себя.

Интернет-мемы, конечно, не тождественны фразеологизмам хотя бы потому, что включают в себя единицы разной природы: слова, часто окказиональные, эрративные (*интернетты; превед; проффесор*); устойчивые сочетания (*капитан очевидность*); цитаты и их модификации (*мопед не мой; ломай меня полностью; партия жуликов и воров*); изображения, аудио, видео и пр. Тем не менее многие устойчивые интернет-выражения имеют мемовую природу и связаны с ситуацией, событием или человеком, популярным в Интернете в определенное время.

Однако в Рунете под мемом стала пониматься одна из разновидностей медиавируса, некая картинка с меткой фразой, в которой автор этого мема выражает свою реакцию по поводу какого-либо, чаще всего политического, со-

бытия. По сути, речь идет о смешении двух понятий в довольно устоявшемся термине *мем*, который представляет собой креолизованный текст и который активнейшим образом используется как средство выражения и отношения его автора к определенному общественному явлению или популярной личности.

Например, хитом мемного сезона 2016 г. стало выражение *Денег нет, но вы держитесь*, которое появилось после посещения Крыма премьер-министром РФ Д. А. Медведевым летом 2015 года. По данным аналитического центра «Диалогия», мем *Денег нет, но вы держитесь* по числу упоминаний в российских СМИ и блогосфере стал самым популярным за год (с июня 2016 г. по июль 2017г.).

Имя премьера Медведева на протяжении года сопровождалось этим мемом, который принимал самые разнообразные формы, как визуализированные, так и чисто текстовые. На сегодняшний день популярность этого выражения резко снизилась, оно ушло из блогосферы и лишь иногда появляется на страницах Интернет-сми, что, на наш взгляд, подтверждает факт недолговечности подобного рода фразеологизированных образований.

Еще один пример сетевого фразеологизма связан со строительством стадиона «Зенит-арена» на Крестовском острове в Санкт-Петербурге. К июню 2017 г. стадион, который строили более 10 лет, был все-таки сдан, но с большими недоделками, что привело к срыву матчей из-за протечки крыши. После интервью вице-губернатора Санкт-Петербурга (в 2017 г.) Игоря Албина, обвинившего в постоянных протечках крыши стадиона бакланов, которые протыкают клювами светоотражающую пленку крыши, в Сети появилось новое название стадиона – *Баклан-арена*. Неистовое словотворчество петербургских блогеров вылилось в традиционное трансформирование КВ. Например: *Я проснулся утром рано – Крышу долбят мне бакланы; Если бы вице-губернатора Питера не было, его следовало бы выдумать* (<https://www.interessant.ru>).

Интернет-лозунги могут не иметь политического содержания. Таким вариантом, на наш взгляд является выражение *Иди в хайп*. Очевидно, что функцию призыва к действию неологизм сохранил, а вот политическая коннотация заменилась иронической и сатирической.

Интернет-лозунг *иди в хайп* появился на волне гиперчастотного неологизма *хайп*, имеющего значение ‘шумиха, поднятая в Интернете по какому-л., как правило, незначительному поводу’, т. е. *хайп* – это раздувание ажиотажа вокруг кого-либо или чего-либо.

По мнению А. Архангельского, члена экспертного совета «Слово года», это слово стало абсолютным лидером 2017 г. Успех его «объясним звуковым подобием: за ним угадываются старинные *хват* и *хвать*, *хапнуть* [Архангельский 2017: 5].

Тогда же появилось и выражение *иди в хайп*, которое долго пыталось найти свое фразеологизированное значение как литературно-нормативное ‘призыв посетить какое-л. шумное, модное место’, так и стилистически сниженное –

по аналогии с бранным *иди в ж...у*. Так, например, выражение используется в качестве креализованного текста в афише концерта певицы Натали или стало мемом, сопровождающим изображение В. В. Жириновского на трибуне Госдумы.

«Волнообразность» этого фразеологического неологизма не очень велика. Как показывают наблюдения, пик его использования в сети приходился на 2017–2018 гг. Сейчас, в 2020 г., оно почти исчезло из Рунета, при том что сам компонент *хайп* по-прежнему существует и активно используется, а его дериватов становится еще больше (*хайп-проект, хайпушник, хайпушница* и др.).

Как мы видим, устойчивые сочетания лозунгового типа представлены в Рунете в разных ипостасях и являются важным фразеологическим средством современной коммуникации, т.к. они не только аккумулируют в своем значении основную идею, призыв или обращение говорящего, но и являются мощным сатирическим средством, способом выражения общественного мнения.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Айзенберг, М. (1997): *Взгляд на свободного художника*. Москва.
- Алексеева, М. Л. (2007): *Русские реалии в разновременных немецких переводах романов Ф. М. Достоевского: словарь-справочник*. Екатеринбург.
- Алексеева, М. Л. (2008): *Русские реалии в зеркале немецкого языка. Электронный словарь-справочник*. Екатеринбург. (Издан и доступен на CD).
- Алексеева, М. Л. (2016): *Диахронический переводной словарь-справочник русских реалий. По материалам разновременных немецких переводов романов Ф. М. Достоевского*. Екатеринбург.
- Алексеева, М. Л. (2020): *Диахронический переводной словарь-справочник фразеологизмов. По материалам немецких переводов романа Ф. М. Достоевского „Братья Карамазовы“*. Екатеринбург.
- Алексеев, М. А., Белоусова, Т. П., Литвинникова О. И. (2003): *Словарь отфразеологической лексики современного русского языка*. Москва.
- Алефиренко, Н. Ф. (2004): *Фразеология и когнитивистика*. Белгород.
- Алефиренко, М. Ф. (2007): Фразеологізм. In: *Українська мова. Енциклопедія*. Київ, с. 801–802.
- Алефиренко, Н. Ф. (2011): Фразеологическое значение в свете фреймовой семантики. *Учёные записки ЗабГГПУ. Сер. Филология, история, востоковедение*, 2011, № 2, с. 11–17.
- Альбрехт, Ф. Б. (2019): К проблеме лингвистической интерпретации образований яжемать, онжеребенок. *Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология*, 2019, Вып. 60, с. 11–28.
- Амири, Л. П. (2012): «Фразеологизация» рекламного пространства, или игра с лингвокультурным сознанием потребителей рекламы. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*, 2012, Т. 12, Вып. 3, с. 19–25.
- Аничков, И. Е. (1997): Идиоматика в кругу лингвистических наук. In: *Труды по языкознанию*, Санкт-Петербург, с. 101–145.
- Апресян, В. Ю. (2015): *Уступительность. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке*. Москва.
- Армянов, Г. (2011): Социалният опит в изграждането и развитието на социолектите. In: *Езикът и социалният опит*. София, с. 128–132.
- Артемьева, Е. Ю. (2007): *Психология субъективной семантики*. Ленинград.
- Архангельська, А., Мерзова, Р. (2019): Біблійний інтертекст в українському мовопросторі. In: *У просторі культури мови і стилю. Світлані Яківні Єрмоленко*. Київ, с. 200–212.

- Архангельский, А. (2017): Слово года. *Новая газета*, 2017, № 142, с. 5–7.
- Атлас української мови*: в 3-х т. (1988). Київ. Т. 1. Т. 2.
- Бабенко, Л. (2002): Л. Бабенко (общ. ред.) *Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь*. Москва.
- Балакова, Д., Ковачова, В. Мокиенко, В. (2013): *Наследие библии во фразеологии*. Грайфсвальд.
- Балакова, Д., Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. (2012): *Лепта библейской мудрости. Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов*. Ружомберок – Грайфсвальд – Санкт-Петербург.
- Балакова, Д., Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. (2015): *Из библейской мудрости*. Грайфсвальд.
- Балдин, А. (2002): Чистые числа. In: *НЛО*: magazines.russ.ru/october/2002/1/bal.html (01.10.2010).
- Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. (2008): *Аспекты теории фразеологии*. Москва.
- Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. (2009): *Фразеологический объяснительный словарь русского языка*. Москва.
- Баранов, А. Н., Караулов, Ю. Н. (1991): *Русская политическая метафора (материалы к словарю)*. Москва.
- Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. (2014): *Основы фразеологии (краткий курс)*: Учеб. пособие. 2-е изд., стер. Москва.
- Баркович, А. А. (2016): *Интернет-дискурс. Компьютерно-опосредованная коммуникация*. Москва.
- Баско, Н. В. (2016): *Фразеологизмы в языке современных российских СМИ: лексикографическое описание*. Москва.
- Бахтин, М. М. (1990): *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. 2-е изд. Москва.
- Бахтин, М. М. (1986): Проблема речевых жанров. In: *Литературно-критические статьи*. Москва, с. 428–472.
- Башкирцева, О. А., Дедковская, Д. М. (2019): Синтезированные лексические единицы в языке соцсетей. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 2019, Том 12. Вып. 10, с. 132–137.
- Бевзенко, С. П. (1974): Актуальність вивчення української діалектної фразеології. *Мовознавство*, 1974, № 2, с. 15–19.
- Белюсова, Г. Г. (1992): *Словарь русских говоров северных районов Красноярского края*. Красноярск.
- Березович, Е. Л. (2007): *Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования*. Москва.
- Берков, В. П., Мокиенко, В. М., Шулежкова, С. Г. (2008–2009): *Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка*. Т. 2. Магнитогорск – Greifswald.
- Берков, В. П., Мокиенко, В. М., Шулежкова, С. Г. (2009): *Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка*. Т. 1. Магнитогорск – Greifswald.

- Бирих, А. К., Волков, С. С., Никитина, Т. Г. (1993): *Словарь русской фразеологической терминологии* (под ред. проф. В. М. Мокиенко). München.
- Бирих, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И. (1997): *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. Ростов-на-Дону.
- Бирих, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И. (1998): *Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник*. Санкт-Петербург.
- Бирих, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И. (2005): *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов*. Москва.
- Бирих, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И. (2007): *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. 3-е изд., испр. и доп. Москва.
- Благоева, Д. (2005): Синонимия в компьютерном жаргоне русского и болгарского языков. In: *Электронно списание LiterNet*, 16.01.2005. № 1 (62): <https://cutt.ly/0gJkk31>.
- Благоева, Д. (2008): Нови фразеологични калки в българския език (в съпоставка с други славянски езици). In: *Изследвания по фразеология, лексикология и лексикография. В памет на проф. д-р Кети Анкова-Ничева*. София, с. 149–153.
- Блинова, О. В. (2014): Диалогический пинг-понг: русские, украинские, польские рифмованные формулы ответа. In: О. В. Блинова (eds.): *Сознание и речевая деятельность: социо- и лингвокультурные аспекты*. Материалы международной научной конференции памяти проф. В. Я. Шабеса. Санкт-Петербург, с. 113–119.
- Богданова-Бегларян, Н. В. (ред.) (2016): *Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах*. Санкт-Петербург.
- Богданова-Бегларян, Н. В. (2018): Прецедентный текст в устной повседневной речи: возможности лингвистического описания. *Вестник Бурятского государственного университета. Филология*, 2018, № 2, том 2, с. 19–25.
- Богданова-Бегларян, Н. В. (2020): ОТКУДА ЧТО БЕРЕТСЯ: об идиоматическом потенциале русской разговорной речи. In: *Proceedings of the 46th International Philological Conference (IPC 2018)*. Series: Advances in Social Science Education and Humanities Research, (ASSEHR) (в печати).
- Бойчук, А. С. (2010): Гастрономическая метафора в современном русском языке. *Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. Серия Филол. науки*, 2010, № 7 (61), с. 75–79.
- Бондаренко В. П. (2012): Ответные реплики как источник языковой игры. *Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації*, 2012, Т. 25 (64), № 2 (1), с. 286–289.
- Бондаренко, В. П. (2013): *Ответные реплики в русской диалогической речи: словарь*. Тула.
- Бонджолова, В. (2015): *Особенности на рекламния език и стил. Лексикален аспект*. Велико Търново.
- Бочина, Т. (2012): Русская паремика в зеркале интернет-игры. *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации*, 2012, 25 (64), № 2 (1), с. 174–179.

- Бріцин, В. М. (2004): Односкладні речення в працях О. О. Потебні і питання методології їх дослідження. In: *О. О. Потебня й актуальні питання мови та культури*. Київ, с. 273–281.
- Бромлей, С. В. (2010): *Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка*. Москва.
- Бугаева, Л. Д. (2011): *Кинотекст: прояснение значения*: <https://cutt.ly/ngJkmyi> (15.01.2020).
- Буй, В., Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. (1995): *Русская заветная идиоматика*. Москва.
- Бутенко, Н. П. (1979): *Словник асоціативних норм української мови*. Львів.
- Бутенко, В. З. (1999): *Лингвopsихология*: infolex.ru/LINPSY.html#_edn1 (10.01.2020).
- Бутько, Ю. В. (2009). *Лингвокультурологическая характеристика межтекстовых связей в условиях демократизации языковых процессов (на материале лингвокультурологического анализа паремий)*. Ярославль.
- Бурькин, А. А. (2016): Лексический материал словарей «Новые слова и значения» в контексте новых лексикографических источников. In: *Неология и неография: современное состояние и перспективы. К 50-летию научного направления*. Санкт-Петербург, с. 13–15.
- Вальтер, Х. (2008): Процессы неологизации в современной русской и славянской фразеологии. *Przegląd Rusycystyczny*, 2008, Nr 4 (124), s. 27–40.
- Вальтер, Х. (2011): Лексические и фразеологические неологизмы: общее и различное. *Мир русского слова*, 2011, № 2, с. 11–19.
- Вальтер, Х. (2020): Поляк и Польша в немецких пословицах и поговорках. In: Mokijenko, W., Tarsa, J. (eds.): *Język i pamięć*. Opole, s. 655 – 664.
- Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. (2005а): Антипословицы в живой русской речи. In: *Антипословицы русского народа*. Санкт-Петербург, с. 3–17.
- Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. (2005б): Homo Alcoholicus в русской языковой картине мира. In: *Slovo. Tekst. Czas VIII*. Szczecin, с. 48–64.
- Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. (2015): Структура лозунга и его дефиниции. In: *На крыльях слова*. Магнитогорск, с. 289–300.
- Вальтер, Х., Мокиенко, В. М. (2019): Праславянская фразеология: миф или реальность? *Jazykovedný časopis*, 2019, № 70/1, с. 5–32.
- Вальтер, Х., Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2005): *Толковый словарь русского школьного и студенческого жаргона*. Москва.
- Вальтер, Х., Никитина, А., Гудкова, А. (2019): *Ното loquens: Языковая личность в зеркале немецкой идиоматики XXI века*. Грайфсвальд.
- Васильева, С. П. (2013): Лингвокультурологический аспект семантики глагольных фразеологизмов. *Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева*, 2013, № 1 (23), с. 161–165.
- Величко, А. В. (2015): Предложения фразеологизированной структуры как языковой и коммуникативный феномен. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*, 2015, № 4, с. 7–15.

- Вепрева, И. Т. (2007): Шоколад как актуальное слово в современном российском контексте. In: H. Walter (eds.): *Nomen est Nomen est omen. Zeichen und An-Zeichen in den slawischen Sprachen*. Festschrift für Manfred Niemeyer zum 60. Geburtstag. Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, Institut für Slawistik. Greifswald, s. 76–79.
- Виноградова, Т. Ю. (2004): Специфика общения в Интернете. In: Н. А. Андромонова (eds.): *Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект*. Казань, с. 63–67.
- Витгенштейн, Л. (1985): Философские исследования. *Новое в зарубежной лингвистике XVI*. Москва, с. 79–128.
- Владимирова, Т. Е. (2018): *Русский дискурс в межкультурной коммуникации. Экзистенциально-онтологический подход*. Москва.
- Внук, Т. В. (2008): Особенности окказиональных модификаций фразеологизмов в текстах немецкой коммерческой рекламы. *Вестник МГЛУ*, № 3 (34), с. 74–84.
- Водолазкин, Е. (2016): *Лавр*. Москва.
- Волков, С. С., Сенько, Е. В. (1983): Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития. In: Н. З. Котелова (eds.): *Новые слова и словари новых слов*. Ленинград, с. 43–57.
- Ворожбитова А. А., Зуев М. Б. (2007): Библизмы как интертекстуальный оператор в коммуникативном пространстве Интернет. In: *Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты*, № 10, с. 39–50.
- Ворошилова, М. Б. (2013): *Политический креолизованный текст: ключи к прочтению*. Екатеринбург.
- Всеголодова, М. В., Лим, С. Ё. (2002): *Принципы лингвистического описания синтаксических фразеологизмов: на материале синтаксических фразеологизмов со значением оценки*. Москва.
- Галуза, О. Ю. (2013): Диалектная лексикография Приамурья: становление и современное состояние. *Вопросы лексикографии*, 2013, № 2(4), с. 41–47.
- Газинская, Ю. В. (2013): Прецедентные феномены как способ представления действительности в русскоязычном политическом медиа-дискурсе Украины. *Вестник Череповецкого государственного университета*, № 3 (50), Т. 2, с. 68–71.
- Галинська, О. М. (2011): Джерела походження інтертекстуальної фразеології. In: *Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація*. Харків, с. 44–45.
- Галинська, О. М. (2013): *Лінгвокультурна інформація англійських та українських інтертекстуальних фразеологізмів*. Кіровоград.
- Гаспаров, Б. М. (1996): *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Москва.
- Гаярски, Л., Степанова, Л. (2019): Характеристика материального положения человека в русской и словацкой фразеологии. In: *Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры: сборник научных трудов по итогам Междунар. науч. конф.*, Белгород, с. 56–60.
- Георгиева, С. (2006): Актуализация внутренней формы фразеологизма в процессе его функционирования. In: *Slavenska frazeologija i pragmatika*, Rab/Zagreb, с. 295–299.

- Георгиева, С. (2011а): *Русская фразеология в зеркале болгарского языка*. София.
- Георгиева, С. (2011б): За характера на фразеологичните неологизми в българския език. In: Ст. Калдиева-Захариева (eds.): *Езиковедски изследвания в чест на проф. Сийка Спасова-Михайлова*. София, с. 163–170.
- Герд, А. С. (1995): Из размышлений на пути к новому академическому словарю современного русского языка. In: Ю. С. Степанов – Е. А. Земская – А. М. Молдован (eds.): *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность*. Сб. статей, посв. 60-летию Ю. Н. Караулова. Москва, с. 72–80.
- Глазанова, Е. В., Ерофеева, Е. В. (2017): Временные интервалы в русских фразеологизмах: психолингвистическое исследование. *Социо- и психолингвистические исследования*, 2017. Вып. 5, с. 138–145.
- Глазкова, С. Н., Родина, А. А. (2016): Неофраземы с лексемой «душа» (на материале социальной сети «Инстаграм»). *Омский научный вестник «Общество. История. Современность»*, 2016, № 3, с. 44–48.
- Голев, Н. Д., Ким, Л. Г. (2014): Обыденные политические интернет-комментарии как проявление вариативности интерпретации (оппозиции «эксплицитное – имплицитное», «проявленное – ожидаемое»). In: А. П. Чудинов, Э. В. Будаев (eds.): *Имплицитные и эксплицитные стратегии в восточноевропейском политическом дискурсе*. Екатеринбург, с. 47–71.
- Голованева, М. А. (2013): *Коммуникативно-когнитивное пространство русской драмы конца XX века*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград.
- Голуб, И. Б. (2005): *Русский язык и культура речи*: учебник. 2-е изд. Москва.
- Григораш, А. М. (2002): Индивидуально-авторское новаторство во фразеологической сфере в современной публицистике (на материале современной русскоязычной прессы Украины). In: *Слово. Фраза. Текст. Сборник научных трудов к 60-летию проф. М. А. Алексеенко*. Москва, с. 125–137.
- Григоренко, О. В. (2009): Неофраземы с агентивной семантикой в русском языке новейшего периода. *Вестник Челябинского государственного университета*, Сер. Филология. Искусствоведение, 2009, № 27 (165), Вып. 34, с. 21–28.
- Гридина, Т. А. (2008): *Языковая игра в художественном тексте*. Екатеринбург.
- Губайдуллина, Н. Ю. (2016): Трансформационные процессы в современной фразеологии на материале художественных текстов Александра Попова. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*, № 2, с. 170–173.
- Гузь, М. Н. (1997): *Интертекстуальные связи базисного текста и текста пародии (на материале немецкой прозаической пародии)*: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург.
- Гукасян, А. Е., Подковальникова А. С. (2018): *К вопросу о жанровой принадлежности романа Е. Водолазкина «Лавр»*: [https:// izron.ru](https://izron.ru) (20.1 2020).
- Гурбанська, С. О. (2013): Концепція інтертекстуальності у фразеологічному контексті. In: *Лінгвістичні дослідження*, 2013, № 35, с. 22–25.

- Гусейнова, Т. С. (1997): *Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии: на материале центр. газет 1990–1996 гг.*: автореф... канд. дис. Махачкала.
- Гуцуляк, Т. Є. (2014): Зооморфні метафори в «Словарі української мови» за редакцією Бориса Грінченка. *Лексикографічний бюлетень*, 2014, вип. 23, с. 45–54.
- Даль, В. И. (2000): *Пословицы и поговорки русского народа*. Москва.
- Даниленко, Л. І. (2019): *Чеська пареміологія в генетичному, лінгвокогнітивному і дискурсивному висвітленні: Монографія*. Київ.
- Дерев'янок, В. (2012): Субституція компонентів як один із видів трансформації фразеологізмів (на матеріалі чеської та української мов). In: *Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур. Пам'яті академіка Леоніда Булаховського*, № 18, с. 43–50.
- Дехтярьова, О. В. (2011): *Діалектна фразеологія в художньому тексті (на матеріалі творчості письменників Покуття і Гуцульщини кінця ХІХ – початку ХХ ст.)*. Сімферополь.
- Диброва, Е. И. (1979): *Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке*. Ростов-на-Дону.
- Доброва, М. (2019): *Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект*. Оломоуц.
- Добровольский, Д., Пёпшель, Л. (2016): Конструкции то-то и п, в том-то и п, в том-то и весь <весь и> п: корпусное исследование. *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*, № 2 (30), с. 61–70.
- Добровольский, Д. (2007): Лексико-синтаксическое разнообразие во фразеологии: от определения в структуре идиомы. *Русский язык в научном освещении*, № 2 (14), с. 18–47.
- Должикова, С. Н. (2011): Прецедентные феномены в английском языке. *Сфера услуг: инновации и качество*. Вып. 2, с. 18–27.
- Доминикова, С. Ф. (2019): Лингвокультурологический потенциал античных крылатых выражений. In: *Романовские чтения-13*, с. 147–148.
- Дронов, П. С. (2019): «Грамматика фразеологизмов»: история термина и границы применимости. In: М. Л. Ковшова (eds.): *Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVI: Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование: сборник научных трудов в честь 70-летия В. З. Демьянкова*. Тамбов, с. 443–453.
- Дронов, П. С., Полян, А. Л. (2015): Пространственная концептуализация ментального и эмоционального воздействия: модель ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК ПОВЕРХНОСТЬ во фразеологии. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, № 6 (38), с. 5–18.
- Дускаева, Л. Р. (2013): Новостной гипертекст сетевых СМИ: трансформационные стилистико-речевые процессы. *Экология языка и коммуникативная практика*, 2013, № 1, с. 45–53.
- Дядечко, Л. П. (2012): Языковые игрушки для детей и взрослых. *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации*, 2012, 25 (64), № 2 (1), с. 308–314.

Дядечко, Л. П. (2018): Варіювання – трансформація – карнавалізація у фразеології східнослов'янських мов. *Слов'янські обрії*, № 9, 2018, с. 43–53.

Дядечко, Л. П. (2019): *Словарь крылатых слов и выражений нашего времени*. Москва.

Елистратов, В. С. (2005): *Толковый словарь русского сленга*, Москва.

Ефремова, Т. Ф. (2000): *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: <http://ru-dict.ru/slovar-efremovoy.html>

Євтушина, Т. О. (2005): *Лінгвостилістичний потенціал фразеології у творах В. Стефаника*. Одеса.

Жан, Я. (2006): *Скандалы Рунета. Превед, медвед!*: <https://cutt.ly/9gJki4C>

Жуков, А. В., Жукова, М. Е. (2009): *Современный фразеологический словарь русского языка*. Москва.

Захаров, В. П., Богданова С. Ю. (2011): *Корпусная лингвистика*. Иркутск.

Здиховська, Т. (2010): Роль фразеологічних одиниць у художніх текстах. *Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки*, 2010, № 2, с. 39–43.

Зимин, В. И. (2020): *Словарь-Тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений*. Москва.

Зыкова, Е. И. (1995): «Краснокожая паспортина» В. Войновича (об употреблении крылатых слов в художественном тексте). In: *Функционирование фразеологии в тексте в периоды кризиса идеологии и культуры*. Оломоуц, с. 28–29.

Иванов Е. Е., Мокиенко В. М. (ред.) (2019): *Лепта библейской мудрости. Русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках*. Р – Я. [Том 2]. Могилев.

Иванова, Н. А. (2013): Применение метода свободных ассоциаций в эмпирических социологических исследованиях. *Вестник СПбГУ*, Сер. 12, Социология, 2013, вып. 3, с. 116–122.

История «Покерфейса»: как покерное лицо неожиданно вышло за пределы покера (2019), <https://poker.ru/pokerface/>

Калдиева-Захариева, С. (2013): *Българска лексикология и фразеология. Т. 2. Българска фразеология*. София.

Канашина, С. В. (2013): Мем как единица передачи культурной информации языковыми и неязыковыми средствами. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, 2013, № 20 (680), с. 243–249.

Карамова, А. А. (2015): Политическая фразеология: определение понятия и типология. *Евразийский Союз ученых ЕСУ*, 2015, № 7–5 (16), с. 38–41.

Карасик, В. И. (2010): *Языковая кристаллизация смысла*. Москва.

Карасик, В. И. (2013): *Языковая матрица культуры*. Москва.

Касевич, В. Б. (2015): Заметки о «когниции». In: А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, А. В. Кравченко и др. (eds.): *Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика*. Москва, с. 173–185.

- Ким, Л. Г. (2012): Единицы описания интерпретационного функционирования текста в пространстве адресата. *Вестник КемГУ*, 2012, № 1 (49), с. 186–190.
- Ким, Л. Г. (2013): *Вариативно-интерпретационное функционирование текста*. Москва.
- Кирпикова, Л. В., Шенкевец, Н. П. (2009): *Фразеологический словарь русских говоров Приамурья*. Благовещенск.
- Кишина, Е. В. (2015): Русская паремиология в аспекте отражения обыденного языкового сознания. *Rusin Journal Library. Библиотека журнала «Русин»*, 2015, №3, с.183–200.
- Кишина, Е. В. (2018): Русские поговорки как отражение обыденного языкового сознания: *Исследования русской и славянской фразеологии в диахронии и синхронии*. Оломоуц, с. 80–85.
- Кишина, Е. В. (2019): Коммуникативная направленность идиом в аспекте отражения обыденных политических представлений: *Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ*. СПб, с. 702–707.
- Клушина, Н. И., Смирнова, Н. В. и др. (2018): Сетевые жанры: новость и комментарий в пространстве Интернета. *Верхневолжский филологический вестник*, 2018, № 3, с. 50–54.
- Кобелева, И. А. (2012): *Современная русская диалектная фразеология: лексико-грамматический и лексикографический аспекты*: дис. ... д-ра филол. наук. Сыктывкар.
- Кобозева, И. М., Захаров Л. М. (2014): Просодия как ключ к пониманию смысла и ее искажение в «кривом зеркале» пунктуации. *Филология и культура*, № 2 (36), с. 27–31.
- Коваленко, Н. Д. (2005): *Фраземіка говірок Західного Поділля*. Київ.
- Коваль В. И. (2013): Славянская этнофразеология: и этнография, и лингвистика. In: Н. Walter, V. M. Mokienko (eds): *Nationales und Internationales in der slawischen Phrasologie*. Greifswald, 2013, s. 32–36.
- Коваль, А. П. (2001): *Спочатку було Слово*. Київ.
- Ковшова, М. Л. (2010): Лингвокультурологический анализ и ассоциативный эксперимент во взаимодействии: на примере фразеологизмов со словом-компонентом хлеб. *Вопросы психолингвистики*, 2010, № 2 (12), с. 165–175.
- Ковшова, М. Л. (2013): *Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры*. Изд. 2. Москва.
- Колокольцова, Т. Н., Лутовинова, О. В. (2016): *Интернет-коммуникация как новая речевая формация*. Москва.
- Комова, Д. Д., Ломакина, О. В. (2019): Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка). *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*, 2019 № 3 (103), ч. 1, с. 78–86.
- Кононенко, В. (2000): Етнологічні засади вивчення української мови. In: *Українська мова в освіті*. Івано-Франківськ, с. 43–56.
- Копотев, М. (2008): *Принципы синтаксической идиоматизации*. Хельсинки.
- Копотев, М., Стексова, Т. (2016): *Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре*. Москва.

- Копыленко, М., Попова З. (1978): *Очерки по общей фразеологии*. Воронеж.
- Корвезировская, О. (2018): *Змејска дарба (Како Тања Аждаја го победи Фејсбук)*: <https://okno.mk/node/73300> (24.08.2018).
- Корина, Н. Б. (2014): Дендрологическая метафора в славянской фразеологии. In: Л. Степанова и др. *Фразеология и культура*. изд 1. Оломоуц, с. 43–49.
- Корнилов, О. А. (2003): *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*. Москва.
- Костомаров, В. Г. (1971): *Русский язык на газетной полосе*. Москва.
- Костомаров, В. Г., Бурвикова, Н. Д. (2001): *Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века*. Санкт-Петербург.
- Костомаров, В. Г., Бурвикова, Н. Д. (1996): Прецедентный текст как редуцированный дискурс. In: *Язык как творчество: сб. статей к 70-летию В. П. Григорьева*. Москва, с. 297–302.
- Котелова, Н. З. (1988): Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов. In: Ю. Н. Караулов: *Советская лексикография*. Москва, с. 46–63.
- Кравченко, А. В. (2015): О предметной области языкознания. In: А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, А. В. Кравченко и др. (eds.): *Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика*. Москва, с. 155–172.
- Красных, В. В. (1997): Коммуникативный акт и его структура. *Функциональные исследования*: сб. ст. по лингвистике. Вып. 4., с. 34–49.
- Красных, В. В. (2001): Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору). In: *Язык, сознание, коммуникация* 19. Москва, с. 5–19.
- Кронгауз, М. А. (2008): Число в названиях. In: Р. И. Розина, Г. И. Кустова (eds.): *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст*, Москва, с. 450–457.
- Кронгауз, М. (2013): *Самоучитель Олбанского*. Москва.
- Кронгауз, М. А. (2019): Что стоит за новой лексикой в русском языке: *MYSLO новости*, 2019, с. 6–9.
- Кротова, А. Г. (2017): Сетевые фразеологизмы и интернет-мемы в медиатекстах: особенности функционирования. In: *Медиалингвистика*. Материалы II Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, с. 265–267.
- Крысин, Л. П. (2002): Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий. *Вопросы языкознания*, 2002, № 6, с. 27–34.
- Кузнецов, С. А. (1998): *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт-Петербург.
- Кузовкина, Т. Д., Пильщиков, И. А., Поселягин, Н. В., и др. (2013): *Случайность и непредсказуемость в истории культуры*. Материалы Вторых Лотмановских дней в Таллинском университете (4–6 июня 2010 г.) Таллинн, 2013, с. 9–27.
- Куликова, Е. В. (2009): Рекламный текст: лингвистические приемы выразительности. *Лингвистика. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 2009, № 6 (2), с. 276–282.
- Кун, Т. (1977): *Структура научных революций*. Москва.

- Кунин А. В. (1996): *Курс фразеологии современного английского языка*. Москва.
- Кювлиева-Мишайкова, В. (2005): За някои нови фразеологизми в българския език в годините на прехода (1990–2005). *Slavica Slovaca* XL, 2005, № 2, с. 140–143.
- Лаптева, М. Л. (2019): «Чужое» в «своем» фразеологическом пространстве. Астрахань.
- Ларин, Б. А. (1974): *Эстетика слова и язык писателя*. Ленинград.
- Ларина, Т. И. (2011): *Ономастические тропы: семантика и функционирование*. Минск.
- Лебедева, Л. А. (2003): *Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь*. Краснодар.
- Лебедева, Н. (2016): *Кто и зачем портит русский язык*: <https://godliteratury.ru/events/maksim-krongauz-predstavil-proekt-s> (11.09.2016).
- Лекант, П. А. (2011): Субъективная аналитическая категория интенсива в русском языке. In: П. А. Лекант (eds.): *Аналитизм в лексико-грамматической системе русского языка*. Москва, с. 130–136.
- Лекант, П. А. (2012): Категории рационального и эмоционального в русском языке и русской речи. *Вестник МГОУ. Серия «Русская филология»*, 2012, № 5, с. 44–48.
- Лекант, П. А. (2015): Формы интенсива в поэтическом языке А. С. Пушкина. *Вестник МГОУ. Серия «Русская филология»*, 2015, № 6, с. 32–36.
- Лепешаў, І. (1993): *Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы*: в 2 т., Т 1. Минск.
- Логический анализ языка* (1997): Арутюнова, Н. Д., Янко, Т. Е (eds.). *Язык и время*. Москва.
- Лотман, Ю. М. (1994): О природе искусства. In: А. Д. Кошелев (eds.). *Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа*. Москва, с. 432–438.
- Лотман, Ю. М. (2000): *Семисфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки*. Санкт-Петербург.
- Лю, Д. (2020): *Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование*. Дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург.
- Макарова, А. С. (2013): Особенности трансформации крылатого выражения *буря в стакане воды – c'est une tempete dans un verre d'eau* в современной российской и французской публицистике. In: В. М. Мокиенко – Х. Вальтер – А. Золтан, и др.: *«Вода» в славянской фразеологии и паремииологии*. Ч.2, Будапешт, с. 376–383.
- Макарова, А. С. (2018): Особенности интертекстуальности крылатых выражений французского происхождения. In: *Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы*. Вып. 2, с. 145–149.
- Максимова, Т. В. (2013): Гастрономическая метафора в разных типах дискурса. *Вестник Ленинградского гос. ун-та им. Пушкина*, 2013, № 1(4), с. 176–180.
- Маринова, Е. В. (2014): *Теория заимствования в основных понятиях и терминах*. Москва.
- Марковська, А. В. (2012): Фразеологізми як засіб реалізації авторських інтенцій у сучасній німецькомовній та україномовній пресі. *Новітня філологія*, 2012, № 41, с. 79–88.

- Маслова, В. А. (2001): *Лингвокультурология*. Москва.
- Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М. (1997): *Фразеологизмы в русской речи. Словарь*. Москва.
- Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М. (2001): *Фразеологизмы в русской речи*. 2-е изд., стереотип. Москва.
- Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М. (2005): *Фразеологизмы в русской речи: Словарь*. Москва.
- Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М. (2011): *Современная русская фразеология (семантика – структура – текст)*. Кострома.
- Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М. (2014): О специфике адаптации библейских сюжетов в европейских языках (*блудный сын* и его модификации). *Studia Rossica Gedanensia*, 2014, №1, с. 76–88.
- Меликян, В. Ю. (2007): *Словарь русской синтаксической фразеологии*. Ростов-на-Дону.
- Мельничук, О. С. (1966): *Розвиток структури слов'янського речення*. Київ.
- Мельчук, И. А. (2001): *Курс общей морфологии*. Т. IV. Москва – Вена.
- Меркулова, Н. Г. (2015): Менталитет – культурный код – язык культуры: к вопросу о корреляции понятий. *Регионология Regionology*, № 2: <https://regionsar.ru/ru/> (08.01.2020).
- Мечковская, Н. Б. (2006): Естественный язык и метаязыковая рефлексия в Интернете. *Русский язык в научном освещении* № 2 (12), 2006, с. 165–185.
- Митягина, В. А. (2012): Интернет-комментарий как коммуникативное действие. In: А. Г. Пастухов (eds.): *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе*. Орел, с. 188–197.
- Мілева, І. В. (2005): *Евфемізація і дисфемізація у фразеотворенні говірок сходу України*. Луганськ.
- Модные-слова.рф (2019): *Совесть грызет*: <https://модные-слова.рф/1659-sovest-gryzet-chto-znachit.html>
- Мокиенко, В. М. (1980): *Славянская фразеология*. Москва.
- Мокиенко В. М. (1983): Из истории фразеологических германизмов в славянских языках. In: Л. А. Гиндин, Г. П. Клепикова, Л. Г. Невская (eds.): *Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии*, с. 101–111.
- Мокиенко, В. М. (1993): Принципы этимологического анализа фразеологии. In: В. Н. Топоров (eds.): *Philologia Slavica. К 70-летию академика Н. И. Толстого*. Москва, с. 346–353.
- Мокиенко, В. М. (1998): *От Авосья до Ятя*. Санкт-Петербург.
- Мокиенко, В. М. (1999): Принцип лексикографической полноты и славянская фразеография. *Славянская филология*. Вып. VIII. Санкт-Петербург, с. 56–70.
- Мокиенко, В. М. (2000): Фразеологические неологизмы в славянских языках. In: *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. Opole, с. 133–156.

- Мокиенко, В. М. (2001): Проблемы европейской фразеологической неологии. In: M. Aleksienko, V. Mokienko, H. Walter (eds.): *Słowo. Text. Czas – VI. Nowa frazeologia в новой Европе*. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 6–7 września 2001 r. Greifswald, 8–9 września 2001 r.). Szczecin – Greifswald, s. 22–25.
- Мокиенко, В. (2002): Проблемы европейской фразеологической неологии. In: M. Aleksienko, V. Mokienko, H. Walter (eds.): *Słowo. Text. Czas – VI. Nowa frazeologia в новой Европе*. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 6–7 września 2001 r. Greifswald, 8–9 września 2001 r.). Szczecin – Greifswald, s. 63–76.
- Мокиенко, В. М. (2003): *Новая русская фразеология*. Ополе.
- Мокиенко, В. М. (2004): Перспективы историко-этимологического описания русской фразеологии. *Rossica Olomucensia XLII*, 2003, 2, с. 571–582.
- Мокиенко, В. М. (2007): Frazeologia/ Konnotacja. Komparacja systemow i funkcjonowania współczesnych językow słowiańskich 2. In: V. Mokienko, H. Walter. (eds.): *Komparacja współczesnych języków słowiańskich*. Ополе.
- Мокиенко, В. М. (2007): *Загадки русской фразеологии*. 2-е изд. Санкт-Петербург.
- Мокиенко, В. М. (2010): Современная паремиология (лингвистические аспекты). *Мир русского слова*, 2010, № 3, с. 6–20.
- Мокиенко, В. М. (2012a): Жизнь русской фразеологии в современной речи. *Вестник КемГУ. Сер. Филология*, 2012, № 4 (52), Т. 4, с. 59–62.
- Мокиенко, В. М. (2012b): Фразеология и языковая игра: динамика формы и смысла. *Учені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації*. Т. 25 (64), 2 (1), с. 100–109.
- Мокиенко, В. М. (2016a): Русские лихие девяностые в лексикографическом зеркале. In: Д. Благоева, С. Колковска (eds.): *Лексикографията в началото на XXI в.: доклади от Седмата международна конференция по лексикография и лексикология (София, 15–16 октомври 2015 г.)*. София, с. 498–515.
- Мокиенко, В. М. (2016b): Функции фразем в современных СМИ. *Медиалингвистика*, 2016, № 3 (13), с. 7–19.
- Мокиенко, В. М. (2018): Фразеологическая неология 1990-х гг.: новое и старое. In: *Неология и неография: современное состояние и перспективы (к 50-летию научного направления)*. Сборник научных статей / Отв. ред. Т. Н. Буцева. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., с. 134–139.
- Мокиенко, В. М. (2019): Современная славянская неофразеология: сходства и различия. In: Е. В. Ничипорчик, и др. (eds.): *Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме*. Гомель, с. 137–146.
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2000): *Большой словарь русского жаргона*. Санкт-Петербург.
- Мокиенко, В., Никитина Т. Г. (2007): *Большой словарь русских поговорок*. Москва.
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2008): *Большой словарь русских народных сравнений*. Москва.

- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2011): *Народная мудрость*. Москва.
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2017): Венгерско-славянские фразеологические параллели (диахронический аспект). *Studia Slavica Hung*, 62/2, с. 247–275.
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2018): К концепции полного словаря народной фразеологии: проблемы макроструктурирования. *Вопросы лексикографии*, 2018, 4, с. 80–106.
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2019а): *Русская диалектная фразеология: дифференциальные и полные словари*. Санкт-Петербург – Грайвсвальд.
- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2019б): Русско-венгерские паремиологические параллели (в поисках национальной специфики). *Studia Slavica Hung*, 64/1, с. 85–102.
- Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И., Малинский, Т., Вальтер, Х. (2015): *Русская фразеология для немцев*. Москва.
- Морараш, Г. В. (2011): Фразеологічне багатство мови творів Євгенії Ярошинської. *Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Філологічні науки*, 2011, Випуск 28, с. 312–315.
- Морозов, М. А. (2017): *Устойчивые словесные комплексы в современной русской публицистике (лингвокультурологический аспект)*. Санкт-Петербург.
- Морозова, Т. (2013): *Евгений Водолазкин. Лавр*: <https://magazines.gorky.media> (20.01.2020).
- Набока, Е. Н. (2018): Семантические трансформации библейских протосообщений в современном английском политическом дискурсе. *Записки з романо-германської філології*, 2018, вип. 1(40), с. 152–158.
- Неклюдова, М. (2017): «Лживые одежды»: концептуализация травести во французской литературе XVII века. *Новое литературное обозрение*, 2017, №43, Т. 1, с. 235–255.
- Нелюбова, Н. Ю. (2019а): Семья как общечеловеческая ценность во французской и русской пословишной картине мира. *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*, № 6, с. 50–59.
- Нелюбова, Н. Ю. (2019б): Проблема выявления ценностных ориентиров этноса на основе изучения их языковой репрезентации средствами паремиологии (на материале французского и русского языков). In: *IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках*. Москва, с. 154–161.
- Нелюбова, Н. Ю. (2019в): Любовь как ценность и ее отражение во французской и русской национальной картине мира (на материале пословиц). In: *Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты*. Материалы XIX-й Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В. И. Кудухова. Москва, с. 92–93.
- Недашковская, Т. (2018): Фразеологизмы с компонентами *сердце* и *глаз* в наивной картине мира украинцев. In: *Slavofraz 2016: Phrazeologie und (naive) Psychologie*. Hamburg, s. 275–286.
- Недашковская, Т. (2019): Фразеологизмы с компонентами *глаз* и *сердце* в русской и украинской картинах мира (к проблеме адекватного перевода). In: *Slavofraz 2018: Frazеologija, isćenje i roučavanje*. Rijeka, s. 235–251.
- Никитина, Т. Г. (2003): *Толковый словарь молодежного сленга*, Москва.

- Никитина, Т. Г. (2009): *Молодежный сленг*, Москва.
- Николаева, Е. К. (2006): Фразеологический аспект языка современной российской рекламы. *Вестник факультета русского языка и литературы*. Выпуск 9. Университет китайской культуры, с. 65–41.
- Николаева, Е. К. (2016): Растущая роль ноля в русской фразеологии. *Филология и культура*, 2016, № 2 (44), с. 110–115.
- Николаева, Е. К. (2019): Мёд в русской и польской фразеологии. *West-East*, 2019, Vol 2/2, N1. Tbilisi, s. 51–55.
- Никулина, Е. А. (2004): *Взаимодействие и взаимовлияние терминологии и фразеологии современного английского языка*. Москва.
- Ничипорчик, Е. (2019): Анималистическое начало в метафорических реализациях слова *грызть*. In: Н. Walter, V. Mokienko (eds.): *Animalistische Phraseologie in den slawischen Sprachen (Linguistische und linguokulturelle Aspekte)*. Greifswald, с. 70–77.
- Новиков, А. Л., Новикова, И. А. (2011): Метод семантического дифференциала: теоретические основы и практика применения в лингвистических и психологических исследованиях. *Вестник РУДН. Серия Теория языка, семиотика, семантика*, 2011, № 3, с. 63–70.
- Новоселова, В. А. (2019): Трансформация фразеологических оборотов как средство речевой экспрессии в политическом дискурсе. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. № 5 (182), с. 61–69.
- Норман, Б. Ю. (2016): От семы – через доминантный признак – к прототипу. In: Т. М. Воронина и др. (eds.): *Новая Россия: традиции и инновации в языке и в науке о языке*. Материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею Л. Г. Бабенко. 28–30 сентября 2016 г. Москва – Екатеринбург, с. 167–178.
- Otvet.mail.ru (2010): *Что значит фразеологизм грызть землю?* <https://otvet.mail.ru/question/32665565>.
- Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. (2006): *Толковый словарь русского языка*. Москва.
- Олійник, М. Я. (2002): *Фразеологія гуцульських говірок*. Львів.
- Отин, Е. (2006): *Словарь коннотативных собственных имен*. Москва–Донецк.
- Павлова, А. В., Светозарова, Н. Д. (2017): *Фразовое ударение в фонетическом, функциональном и семантическом аспектах*. Москва.
- Панасюк, О. (2014): *Евгений Водолазкин «Сейчас, наступает время возвращения литературы»*: [https:// evgenyvodolazkin.ru](https://evgenyvodolazkin.ru) (20.1 2020).
- Папіш, В. А. (2004): *Семантико-функціональна природа фразеологізмів в художній прозі закарпатоукраїнських письменників (40–90 рр. ХХ ст.)*. Ужгород.
- Парзулова, М. (2015): За езиковата игра в българските медии. In: Л. Перчеклийски (eds.): *Лингвистиката: история, предизвикателства, перспективи*. Благоевград, с. 291–297.
- Передриенко, Т. Ю. (2015): Категория оценки в заголовках медиатекстов: специфика передачи. *Языки. Культура. Перевод*, 2015, № 1, с. 204–201.
- Петренко, В. Ф. (2005): *Основы психосемантики*. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург.
- Петренко, В. Ф., Митина, О. В. (1997): *Анализ динамики общественного сознания*. Смоленск.

Пивоев, В. М. (1997): «Своё» и «Чужое» в культуре. In: В. М. Пивоев (eds.): «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск, с. 5–7.

Писатель Евгений Водолазкин «В книгах бытие более осмыслено»: [https:// azbyka.ru](https://azbyka.ru) (20.1.2020).

Плунгян, В. А. (2009): Почему современная лингвистика должна быть лингвистикой корпусов: <https://polit.ru/article/2009/10/23/corpus/> (23.10.2009).

Пронина, Е. С. (2014): *Языковые средства формирования образа женщины-политика в англоязычной прессе*. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. Москва.

ПРОФЕССОР ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ МОКИЕНКО (к 80-летию автора) (2020): Библиографический указатель научных трудов. Санкт-Петербург.

Пузов, Н. А. (2013): Своеобразие идиоматических конструкций с утраченными лексическими значениями компонентов. *Вестник РУДН, серия Лингвистика*, 2013, № 1, с. 21–27.

Радбиль, Т. Б. (2017): *Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения*. 2-е изд. Москва.

Рак, М. (2018): Фразеология и словесный фольклор (на материале польского языка). In: Н. Walter, V. Mokienko (eds.): *Phraseologie und Folklore Ihre linguokulturelle und linguistische Beschreibung*, Greifswald–Sankt Petersburg, с. 99–105.

Ратникова, И. Э. (2003): *Имя собственное: от культурной семантики к языковой*. Минск.

Рахманова, Л. И., Суздальцева, В. Н. (1997): *Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология*. Москва.

Романюк, Н. В. (2002): *Фразеологія верхньонадністрянських говірок нижньої течії річки Бистриці*. Запоріжжя.

Рудакова, А. В., Коваленко, С. В., Стернин, И. А. (2018): *Психолингвистический толковый словарь русского языка*. Выпуск 1. Антропонимы; Выпуск 2. Антропонимы; Выпуск 3. Антропонимы. Воронеж.

Савенкова, Л. Б. (2002): *Русская паремология: семантический и лингвокультурологический аспекты*. Ростов-на-Дону.

Савченко, Л. В. (2013): *Феномен етнокодів духовної культури у фразеології української мови: етимологічний та етнолінгвістичний аспекти*. Сімферополь.

СадЪ (2014): Пандорина коробочка: <https://music.yandex.ru/album/2042797/track/1838>

Санников, В. З. (2002): *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва.

Саютина, Н. В. (2012): *Трансформация фразеологизмов: общее и национально-характерное в русских и немецких публицистических текстах*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук. Саратов.

Селіванова, О. (2006): *Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія*. Полтава.

Серебренников, Б. А. (1968): *Об относительной самостоятельности развития системы языка*. Москва.

Серебряк, М. В. (2018): Современные фразеологические новообразования: к вопросу о появлении и функционировании. In: *Гуманитарные исследования*, № 3, с. 92–95.

- Серебрянская, И. М.; Мариноха, Н. М. (2011): Фразеологизмы античности в мове сучасної преси. *Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации»*, 2011, № 4–1, с. 182–187.
- Сидоренко, К. П. (1979): *Фразеологические единицы терминологического происхождения*. Автореферат канд. дисс. ... филол. наук. Ленинград.
- Сидоренко, К. П. (1978): Фразеологизмы терминологического происхождения. *Русская речь*, 1978, № 3, с. 84–88.
- Склярёвская, Г. Н. (ред.) (2019): *Словарь русского языка XXI века*. тт. 1–2. Санкт-Петербург.
- Склярёвская, Г. Н. (2004): *Современный толковый словарь живого русского языка: Обновление концепции. Пробные словарные статьи*. Санкт-Петербург.
- Скрипник, Л. Г. (1973): *Фразеологія української мови*. Київ.
- Словарь обыденных толкований политических терминов (2019): *Словарь обыденных толкований политических терминов. Лексикографический опыт: 50 слов-стимулов*. Кемерово.
- Словарь обыденных толкований русских слов (2012): *Словарь обыденных толкований русских слов. Лексика природы*. Кемерово.
- Слышкин, Г. Г. (2004): *Концепт фильма «Семнадцать мгновений весны» в русской лингвокультуре*: <https://cutt.ly/4gQ1tQf> (12.01.2020).
- Солганик, Г. Ю. (1976): Фразеологические модели в современном русском языке. *Русский язык в школе*, 1976, №5, с. 73–78.
- Солганик, Г. Я. (2008): О структуре и важнейших параметрах публицистической речи (языка СМИ). In: *Язык современной публицистики*. Москва, с. 13–31.
- Сопова, И. В., Мишанова Ю. В., Долуденко О. С. (2015): Трансформации фразеологизмов в русском политическом дискурсе и риски национальной культуры. In: Ю. А. Зубок (eds.): *Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления*. Воронеж, с. 652–657.
- Степанова, Л. И. (2000): Проблема фразеологических заимствований. *Rossica Olomucensia XXXVIII*, № 2/2000, с. 415–426.
- Степанова, Л. И. (2001): Эволюция фразеологических единиц и неологизмы. In: M. Aleksienko, V. Mokienko, H. Walter (eds.): *Słowo. Text. Czas – VI. Новая фразеология в новой Европе. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 6–7 września 2001 r. Greifswald, 8 – 9 września 2001 r.)*. Szczecin – Greifswald., с. 115–116.
- Степанова, Л. И. (2008a): Русская фразеология сегодня. *Przegląd rusycystyczny*. R. XXX, 2008, № 4 (124), с. 40–49.
- Степанова, Л. И. (2008b): Динамические процессы в интернациональной фразеологии. *Rossica Olomucensia XLVI-II*. Olomouc, 2008, s. 17–21.
- Степанова, Л. И. (eds.) (2011): *Словарь новой русской лексики и фразеологии*. Оломоуц.
- Ступінська, Г. Ф. (2000): *Фразеологія лемківського говору української мови*. Тернопіль.
- Сундук Пандоры: <https://www.eg.ru/tech/science/41418/> (13.01.2014).

Тараненко, О. О. (2019): Нові тенденції в поширенні елементів російської мови в корпусі й текстах української літературної мови. *Мовознавство*, № 3, с. 3–32.

Тарса, Я. (2018): Русская и польская сетевая фразеология. In: *Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке*: Тула, с. 43–49.

Телия, В. Н. (1972): Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов. In: *Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц*. Материалы межвузовского симпозиума (1968). Тула, с. 30–69.

Телия, В. Н. (1981): *Типы языковых значений*. Москва.

Телия, В. Н. (1996): *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва.

Телия, В. Н. (1999а): Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. In: В. Н. Телия (eds.): *Языки русской культуры*, с. 13–24.

Телия, В. (1999б): От редактора. In: В. Н. Телия (eds.): *Фразеология в контексте культуры*. Москва, с. 8–10.

Телия, В. Н. (2004а): Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов знаково-микротекстов. In: Ю. Д. Апресян (eds.): *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура*. Москва, с. 674–684.

Телия, В. Н. (2004б): Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка. In: *Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках*. Москва, с. 19–31.

Тер-Минасова, С. Г. (2000): *Язык и межкультурная коммуникация*. Москва.

Терещенко, А. В. (2017): К вопросу о семантике и особенностях функционирования прецедентных высказываний в современной глянцево-прессе (на материале английского и русского языков). *Вестник Томского государственного педагогического университета*, №11 (188), с. 120–128.

Токарева, М. (2013): Евгений Водолазкин: «История человека важнее истории человечества»: <https://novayagazeta.ru> (20.01.2019).

Толстой, Н. И. (1983): О предмете этнолингвистики и ее роли в изучении языка и этноса. In: *Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос)*. Москва, с. 181–190.

Толстой, Н. И. (1995): *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. Москва.

Толстой, Н. И., Толстая, С. М. (1993): *Слово в обрядовом тексте (культурная семантика слав. vessel-)*. *Славянское языкознание*. XI Международный съезд славистов. Москва.

Томпсон, П. (2003): *Голос прошлого. Устная история*. Пер. с англ. Москва.

Топоров, В. Н. (2010): *Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы*. Москва.

Точилин, В. (2017): *Теория черного лебедя*: <https://aftershock.news/?q=node/573160&full> (доступ: 08.01.2020).

Третьякова, И. Ю. (2011): *Окказиональная фразеология*. Кострома.

- Трифонов, Р. А., Логвінова, О. В. (2006): Російськомовні елементи в дискурсі сучасної української преси як інтертекстуальні одиниці. *Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна*, 2006, 727 (47), с. 81–84.
- Трофимова, Г. Н. (2009): *Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты*. Москва.
- Ужченко, В. Д. (2004): Історичні зміни у фразеології. *Лінгвістика: зб. наук. праць*, 2004, №2 (3), с. 114–123.
- Ужченко, В. Д., Ужченко Д. В. (2007): *Фразеологія сучасної української мови*. Київ.
- Ужченко, В. Д. (2003): *Східноукраїнська фразеологія*. Луганськ.
- Успенский, Б. А. (1982): *Филологические разыскания в области славянских древностей*. Москва.
- Федоров, А. И. (1980): *Сибирская диалектная фразеология*. Новосибирск.
- Федоров, А. И. (1983): *Фразеологический словарь русских говоров Сибири*. Новосибирск.
- Федоров, А. (2008): *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва.
- Федорова, Л. Л. (ред.) (2016): *Карнавал в языке и коммуникации*. Москва.
- Федосов, О. (2000): Десять лет «бархатных революций» в зеркале идиом и метафор. In: *Слово во времени и в пространстве. К 60-летию профессора В. М. Мокиенко*. Санкт-Петербург, с. 407–412.
- Федосов, О. И. (2013): Вода, человек, «проклятые вопросы» фразеологии и пражская школа (гидро-фразеологическая экскурсия по Будапешту и Венгрии). In: В. М. Мокиенко, Х. Вальтер, А. Золтан, и др. (eds.): *«Вода» в славянской фразеологии и паремиологии*. Будапешт, с. 35–63.
- Федосов, О. И. (2016): Гуляш, Трианон и венгерская фразеология. In: М. Л. Ковшова (eds.): *Лингвокультурологические исследования: Язык лингвокультурологии: теория vs. эмпирия*. Москва, с. 106–109.
- Фещенко, В. В. Бочавер, С. Ю. (2016): Введение. Теория культурных трансферов: от переводоведения – через cultural studies – к теоретической лингвистике. In: В. В. Фещенко (eds.): *Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии*. Москва, с. 5–36.
- Фрумкина, Р. М. (2001): *Психолингвистика*. Москва.
- Хайров Ш. В. (2019): – Кто? – Конь в пальто! Диалогические идиомы в славянских языках: языковая игра и речевая агрессия. In: *Сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония*. Материалы международной конференции. Москва, с. 241–247.
- Хайруллина, Р. Х., Рахимова, Э. Ф., Сагитова, А. Ф. (2018): Категория квантитативности в аспекте национального кода культуры. *Вестник Башкирского университета*, 2018, 23, № 3, с. 888–892.
- Хейзинга, Й. (2004): *Ното Ludens. В тени завтрашнего дня*. Москва.
- Химик, В. В. (2004): *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. Санкт-Петербург.
- Хлебда, В. (2012): Идентичность фразеологии. *Университетский научный журнал*. СПб, № 2, с. 130–139.

Чабаненко, В. А. (1978): Фразеологія говірок Нижньої Наддніпряни. *Проблеми дослідження діалектної лексики й фразеології української мови: тези доповідей*. Ужгород, с. 105–106.

Часовский, Н. В. (2015): Мем как особый жанр коммуникации. *Ученые записки Забайкальского государственного университета*, 2015, № 2(61), с. 124–127.

Черен петък (2018): Черен петък: www.aiko-bg.com, 21.–25.11.2018.

Черная пятница (2018): Википедия. Черная пятница: <https://ru.wikipedia.org/> (11.11.2018).

Чудинов, А. П. (2008): Когнитивно-дискурсивное исследование метафоры в текстах СМИ. In: М. Н. Володина (eds.): *Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов*. Москва, с. 419–435.

Шагалова, Е. Н. (2011): *Самый новейший толковый словарь русского языка XXI века*. Москва.

Шанский, Н. М. (1957): *Лексика и фразеология русского языка*. Москва.

Шведова, Н. Ю. (1960): *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. Москва.

Шведова, Н. Ю. (1970): *Грамматика современного русского языка*. Москва.

Шулежкова, С. Г. (2002): От сладкой жизни к сладкой парочке (крылатые выражения-неологизмы с компонентом *сладкий* в современном русском языке. In: М. Aleksienko, V. Mokienko, H. Walter (eds.): *Słowo. Text. Czas – VI. Новая фразеология в новой Европе*. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 6–7 września 2001 r. Greifswald, 8–9 września 2001 r.). Szczecin – Greifswalds, с. 328–338.

Шулежкова, С. Г. (2003): *Словарь крылатых выражений из области искусства*. Москва.

Шулежкова, С. Г. (2011): «И жизнь, и слёзы, и любовь...» *Происхождение, значение, 1500 крылатых слов и выражений русского языка*. Москва.

Шулежкова, С. Г. (2015): Отражение оранжевой революции и гражданской войны на Украине в российских СМИ (концепты «Революция» и «Война»). In: Х. Вальтер, и др. (eds.): *Публицистический арсенал общественных движений России и Германии*. Магнитогорск – Greifswald, с. 174–199.

Шулежкова, С. Г. (2017): Образ России на фоне цветных революций и крымской весны в информационной войне начала XXI в. In: *Образ России в условиях информационной войны конца XX – начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса: материалы международной конференции* (Магнитогорск, 23–25 ноября 2017 г.). Магнитогорск, с. 254–266.

Щигарева, М. (2019): *Какие мемы были самыми первыми и как они изменились. Окунаемся в историю самого живучего тренда в интернете*: <https://medialeaks.ru/2401amv-memes-evolution/amp/> (24.01.2019).

Щусев, П. В. (1952): *Каменные мосты Кавказа и средней Азии XI–XVI веков. Мосты и их архитектура*. Москва.

Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера (1964–2006): <https://lexicoqraphy.online> (20.01.2019).

- Юрина, Е. А. (2013): *Вкусные метафоры: пищевая традиция в зеркале языковых образов*. Кокшетау.
- Юрина, Е. А. (2018): Метафора приготовления пищи в русском языке и лингвокогнитивные аспекты её исследования (на материале образных слов и выражений, мотивированных глаголом варить). *Езиков свят*, 2018, № 16–1 (1), с. 35–44.
- Юрина, Е. А., Балдова, А. В. (2017): Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 2017, № 48, с. 98–115.
- Якобсон, Р. (1975): Лингвистика и поэтика. Е. Я. Басин, М. Я. Поляков (ред.) *Структурализм: «за» и «против»*. Москва, с. 193–230. (Впервые: Roman Jakobson, *Linguistics and Poetics*, опубликовано в сб. «Style in Language», ed. by Th. A. Sebeol., Cambridge 1960).
- 5 мемов, которые помнят только олдфаги: <https://cutt.ly/JgQM1kS>
- Adam, R. (2012): Anglicizace češtiny a českého komunikačního prostoru. In: Hasil, J. (ed.): *Přednášky z 55. běhu LŠSS*, s. 21–36.
- Akunin, B. (2002): *Tajemství zlatého tolobasu / Přel. Vlasta Tafelová a Ema Rozgonyiová*. Praha.
- Anić, V. (2003): *Veliki rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb.
- Asinovsky, A., Bogdanova, N., Rusakova, et al. (2009): The ORD Speech Corpus of Russian Everyday Communication “One Speaker’s Day”: Creation Principles and Annotation. *TSD 2009. LNAI*, vol. 57292009. Berlin-Heidelberg, s. 250–257.
- Bąba, S. (2012): *Komentarze frazeologiczne*. Poznań.
- Baláková, D. (2011): *Dynamika súčasnej slovenskej frazeológie (fond somatických frazém)*. Greifswald.
- Baláková, D. (2013): Biblická frazeológia v po/vedomí slovenskej, ruskej a nemeckej mladej generácie. In: H. Walter – V. M. Mokienko – D. Baláková (eds.): *Die slawische Phraseologie und die Bibel*. Greifswald 2013, s. 22–30.
- Baláková, D. (2015): Dynamika biblickej frazeológie. In: Z. Kováčová (eds.): *Slovenčina v kontexte slovanských a neslovanských jazykov*. Nitra, s. 196–207.
- Baláková, D. (2017): Biblická frazeológia v intra-/interjazykovom slovenskom a českom kontexte I. *Jazykovedný časopis*, roč. 68, č. 3, s. 459–472.
- Baláková, D., Kováčová, V. (2017): *K výskumu biblickej frazeológie*. Ružomberok.
- Baláková, D., Kováčová, V. (2019): Biblické frazémy v ústnych a písaných komunikátoch. In: P. Kravčák (eds.): *Komunikačné paradigmy v lingvistike a žurnalistike (v tlači)*.
- Bárdosi, V. (2003): *Magyar szólástár*. Budapest.
- Bárdosi, V. (2015): *Szólások, közmondások eredete*. Budapest.
- Bartmiński, J. (2016): *Jazyk v kontextu kultury. Dvanáct statí z lublinské kognitivní etnolingvistiky*. Praha.
- Blumenthal-Dramé, A. (2012): *Entrenchment in usage-based theories. What corpus data do and do not reveal about the mind*. Berlin.
- Boryś, W. (2005): *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Kraków.

- Bousfield, D. (2008): *Impoliteness in Interaction*. Amsterdam.
- Bzděchová, I. (1997): Vliv angličtiny na češtinu. In Daneš, F. a kol., *Český jazyk na přelomu tisíciletí*, s. 271–279.
- Brajković, A., Radman Peša, A. (2015): Bihevioralne financije i teorija „Crnog labuda“. *Oeconomica Jadertina* 1/2015, s. 65–93.
- Brehm, A. E. (1966): *Kako žive životinje*. Rijeka.
- Brown, P., Levinson, S. C. (1987): *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge, New York, New Rochelle, Melbourne, Sydney.
- Bubrowiecki, A. (2010): *Ale urwa! Techniki błyskawicznego przyswajania wiedzy*. Gliwice.
- Bystron, J. S. (1921): Przysłowia utworzone z fragmentów pieśni ludowych. *Prace i Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne II*, 1921, č. 1–2, s. 29–54.
- Bystron, J. S. (1933): *Przysłowia polskie*. Kraków.
- Čechová, M. (1986): Dynamika frazeologie. *Naše řeč* LIX, 1986, č. 4, s. 178–186.
- Čelakovský, F. L. (1852): *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích*. Praha.
- Čelakovský, F. L. (1949): *Mudrosloví národu slovanského ve příslovích*. Praha.
- Čermák, F. (2002): Frazém propoziční a polypropoziční monosubjektový. Frazeologie a idiomatika. In: *Encyklopedický slovník češtiny*, Praha, s. 142–144.
- Čermák, F., et al. (2009): *Slovník české frazeologie a idiomatiky* 1–4. Praha: LEDA.
- Čermák, F. (2010): *Frazeologie a idiomatika češtiny*. Karolinum. Praha.
- Chlebda, W. (1991): *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Opole.
- Chlebda, W. (1996): Frazeologia potocznych gatunków mowy. In: A. M. Lewicki (eds.): *Problemy frazeologii europejskiej*. Warszawa, s. 15–28.
- Chlebda, W. (2005a): Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne. Opole.
- Chlebda, W. (2005b): Pogoda dla bogaczy. O inwariancie i wariantach frazeologicznych raz jeszcze. In: W. Chlebda (eds.): *Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne*. Opole, s. 253–263.
- Chlebda, W. (2017): *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*; pod red. W. Chlebdy. Zeszyt 9. Opole.
- Chlebda, W. (в печати): Tekstowe paradygmaty przysłów w nowszej publicystyce polskiej. In: J. Liberek (eds.). *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej*. T. 7. Poznań.
- Chlebda, W., ed. (2006–2019): *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*. Z. 1–10. Opole.
- Cingerová, N., Dulebová, I. (2019): *Jazyk a konflikt. My a tí druhí v ruskom verejnom diskurze*. Bratislava.
- Croft, W. (2002): *Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective*. Oxford.
- Culpeper, J. (2011): *Impoliteness: Using language to cause offence. (Studies in Interactional Sociolinguistics)*. Cambridge.
- Czerepowicka, M., Kosek, I., Przybyszewski, S. (2014): O projekcie elektronicznego słownika odmiany frazeologizmów czasownikowych. *Polonica* XXXIV, 2014, s. 115–123.

- Dolník, J. (2003): *Lexikológia*. Bratislava.
- Dronov, P. (2011): Idiom modifications in bilingual dictionaries of idioms. *Jezikoslovlje* 12.02.2011, s. 147–163.
- Družić, N. (2016): *Osječki i zagrebački žargoni – usporedba*, neobjavljen diplomski.
- Duden (2006): *Deutsches Universalwörterbuch*. 6. Aufl., Mannheim. CD-ROM.
- Đurčo, P. (1994): *Probleme der allgemeinen und kontrastiven Phraseologie. Am Beispiel Deutsch und Slowakisch*. Heidelberg.
- Đurčo, P. (2001): Paremiografia a paremioididaktika. In: E. Krošláková – L. Kralčák (eds.): *K aktuálnym otázkam frazeológie*. Nitra, s. 29–48.
- Đurčo, P., Hornáček-Banášová, M., Fraštková, S., Tabačeková, J. (2019): Zur Äquivalenz der minimalen lexikalisch geprägten Muster „Präposition + Substantiv“ im deutsch-slowakischen Kontrast. *Yearbook of Phraseology*, 2019, Vol. 10, No. 1–2, s. 41–172.
- Dziamska-Lenart, G., Fliciński, P. (2016): Nowa frazeologia publicystyczna. *Poznańskie Spotkania Językoznawcze*. 2016, XXXI, s. 11–25.
- Fillmore, Ch., Kay, P. (1993): *Construction Grammar Coursebook*. Berkeley.
- Fillmore, Ch., Kay, P. (1999): Grammatical Constructions and Linguistic Generalizations: The What's X doing Y? construction. *Language*, 1999, Vol. 75, No. 1, s. 1–33.
- Findra, J. (2014): *Štylistika súčasnej slovenčiny*. Martin.
- Fink-Arsovski, Ž., Kržišnik, E. (2006): *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Zagreb.
- Finkbeiner, R. (2008): Idiomatiche Sätze im Deutschen. Stockholm: *Acta Universitatis Stockholmiensis* (Stockholmer Germanistische Forschungen 72).
- Finkbeiner, R. (im Druck): „Kein ZDF-Film ohne Küsse im Heu.“ Kein X ohne Y zwischen Lexikon, Grammatik und Pragmatik. In: Mellado Blanco, Carmen / Mollica, Fabio / Schafroth, Elmar (Hg.). *Konstruktionen zwischen Lexikon und Grammatik: Phrasemkonstruktionen im Deutschen, Italienischen und Spanischen*. Berlin, New York: de Gruyter.
- Fleischer, W. (1982): *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*. Leipzig.
- Fojtů, P. (2013): *Фраzeологические интернационализмы в русском языке*. Autoreferát disertační práce. Olomouc.
- Forgács, T. (2007): *Bevezetés a frazeológiába, A szólás- és közmondáskutatás alapjai*. Budapest.
- Fraštková, S. (2018): Die korpusbasierte Untersuchung der „lokalen“ Präposition-Substantiv-Verbindung am Telefon aus kontrastiver Sicht. In: M. Hornáček-Banášová, S. Fraštková, (eds.): *Aktuelle Fragen und Trends der Forschung in der slowakischen Germanistik 3*. Nümbrecht, pp. 60–106.
- Frazeologia (2008): *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. 3. Frazeologia*. Greifswald, Opole.
- Gigafida 2.0 (2020): viri.cjvt.si/gigafida/
- Gluhak, A. (1993): *Hrvatski etimološki rječnik*. Zagreb.
- Godyń, J. (1995): *Od Adama i Ewy zaczynać. Mały słownik biblistów języka polskiego*. Kraków.
- Godzic, W. (2000): Język w Internecie: Czy piszemy to, co myślimy? In: J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska (eds.): *Język w mediach masowych*. Warszawa, s. 176–185.

- Golus, B. (2004): Fenomen rozmów internetowych i ich języka. In: M. Kita, J. Grzenia (eds.): *Dialog a nowe media*. Katowice, s. 33–41.
- Grice, H. P. (1975): Logic and conversation. In: P. Cole, J. Morgan (eds.). *Syntax and semantics*. 3: *Speech acts*. New York, p. 41–58.
- Grochowski, P. (eds.) (2013): *Netflor. Wiedza cyfrowych tubylców*. Toruń.
- Grochowski, P., Gańczarczyk, G. (eds.) (2009): *Folklor w dobie Internetu*. Toruń.
- Grzenia, J. (2006): *Komunikacja językowa w Internecie*. Warszawa.
- Hadrovics, L., Gáldi, L. (1986): *Magyar-orosz szótár*. Budapest.
- Havlík, M. (2019): Módní a nezbytné anglicismy ve vztahu k sociálním oblastem a k jejich výslovnosti a pravopisu. *Časopis pro moderní filologii*, 2019, 101, č. 2, s. 135–149.
- Hein, K., Ďurčo, P., Mellado, B., et al. (2018): Am Anfang – na začiatku – al principio. Eine musterbasierte Fallstudie im Sprachvergleich. In: K. Steyer (eds.): *Sprachliche Verfestigung. Wortverbindungen, Muster, Phrasem-Konstruktionen*. (= Studien zur Deutschen Sprache 79). Tübingen, s. 307–339.
- Hornáček-Banášová, M. (2018): Präpositionale Wortverbindungen mit modaler Bedeutung. In: M. Hornáček-Banášová, S. Fraščíková (eds.): *Aktuelle Fragen und Trends der Forschung in der slowakischen Germanistik* 3. Nümbrecht, s. 147–171.
- Hrnjak, A. (2002): Crno-bijeli svijet frazeologije. In: D. Stolac, N. Ivanetić, B. Pritchard (eds.): *Primijenjena lingvistika u Hrvatskoj – izazovi na početku XXI. stoljeća*. Zagreb – Rijeka, s. 203–210.
- Hrnjak, A. (2005): *Frazemi s bojom kao komponentom (na materijalu hrvatskih i ruskih frazema)*. Zagreb.
- Hugo, J., et al. (2006, 2009): *Slovník nespisovné češtiny: Argot, slangy a obecná mluva od nejstarších dob po současnost. Historie a původ slov*. Praha.
- Ivanová, M. et al. (2014): *Valenčný slovník slovenských slovies na korpusovom základe*. Prešov.
- Jakop, N. (2013): Frazeološki neologizmi v slovenščini. In: N. Jakop, M. Jemec Tomazin (eds.): *Frazeološka simfonija: Sodobni pogledi na frazeologijo*. Ljubljana, s. 157–166.
- Jankovičová, M. (2010): Slovenské frazémy športového pôvodu. In: V. Severa, W. Hrubá (eds.): *Parémie národů slovanských V*. Ostrava, s. 51–58.
- Janovec, L. (2005): Nevětné frazémy v nové slovní zásobě. In: Martincová, O. a kol. *Neologizmy v dnešní češtině*. ÚJČ AV ČR, Praha, s. 147–158.
- Jarošová, A. (2000): Lexikalizované spojenia v kontexte ustálených spojení. In: J. Dolník (eds.): *Princípy jazyka a textu*. Bratislava, s. 138–153.
- Jelínek, T., Kopřivová, M., Petkevič, V., Skoumalová, H. (2018): Variabilita českých frazémů v úzu. *Časopis pro moderní filologii* 100, č. 2, s. 151–175.
- Jílková, L. (2004): Víte, kdo je frikulín? *Naše řeč* 87, č. 2, s. 110–111.
- Junková, B. (2010): *Jazyková dynamika současné publicistiky*. Praha.
- Jurančič, J. (1972): *Srbskohrvatsko-slovenski slovar*. Ljubljana.
- Just, V. (2003): *Slovník floskulí*. Praha.

- Karaś, H. (2018): Wpływy języka rosyjskiego na polszczyznę – stan i problemy badań. *Rozprawy Komisji Językowej ŁTN*. 66. 2018, s. 185–218.
- Kaznowski, A. (2013): *5000 English idioms*. Warszawa.
- Keber, J. (2011): *Slovar slovenskih frazemov*. Ljubljana: <https://fran.si/>
- Klímová, J., Jílková, L. (2012): Tahání z kapes daňových poplatníků nejen v korpusu DIALOG. *Jazykovědné aktuality*, 49 (1–2), s. 5–18.
- Kłosińska, A. (2010): *Słownik frazeologiczny*. Warszawa.
- Kluge, F. (2002): *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin – New York.
- Kmecová, S. (2016a): Podpira žena tri vogale hiše? In: P. Krejčí, E. Krejčová (eds.): *Jihoslovan-ská frazeologie kontrastivne*. Brno, s. 45–58.
- Kmecová, S. (2016b): Peč se je podrla. In: R. Anders, L. Reznick, M. Rožič, N. Zavašnik (eds.): *Slovanski jeziki na stičišču kultur*. Lublana, s. 61–74.
- Kocourek, R. (2002): Terminologické anglicismy: příčiny jejich vzniku, jejich lingvistická povaha a místo v slovní zásobě. In: Žemlička, M. (ed.), *Termina 2000*, s. 196–203.
- Komornicka, A. M. (1994): *Słownik zwrotów i aluzji biblijnych*. Łódź.
- Kopaliński, W. (1988): *Słownik mitów i tradycji kultury*. Warszawa.
- Kopřivová, M. (2005): Vznikají v češtině nové frazémy? In.: *Frazeologické štúdie*. Bratislava, s. 157–163.
- Kosek, I. (2008): *Fleksja i składnia nieciągłych imiennych jednostek leksykalnych*. Olsztyn.
- Kosek, I. (2013): Paradygmaty zwrotów frazeologicznych – problemy opisu leksykograficznego. In: G. Dziamska-Lenart, J. Liberek (eds.): *Perspektywy współczesnej frazeologii polskiej. Między teorią a praktyką leksykograficzną*. Poznań, s. 51–61.
- Kosek, I. (2015): Frazeologizm czy cytat? O problemach opisu pewnego filmowego zwrotu. In: I. Kosek, R. Makarewicz, K. Zawilska (eds.): *Nowe zjawiska w języku tekście i komunikacji V. Frazeologizmy*. Olsztyn, s. 148–167.
- Kováčová, V. (2017a): Biblická frazeológia v intra-/interjazykovom slovenskom a českom kontexte II. *Jazykovedný časopis*, 2017, roč. 68, č. 3, s. 473–490.
- Kováčová, V. (2017b): Sonda do poznania biblickej frazeológie v medzigeneračnom pohľade. In: L. Janovec. (eds.): *Svět v obrazech a ve frazeologii / World in Pictures and in Phraseology*. Praha, s. 51–63.
- Koziara, S. (2001): *Frazeologia biblijna w języku polskim*. Kraków.
- Koziara, S. (2009): *Tradycyjne biblizmy a nowe polskie przekłady Pisma Świętego (ujęcie filologiczno-normatywne)*. Kraków.
- Králik, E. (2015): *Stručný etymologický slovník slovenčiny*. Bratislava.
- Kristeva, J. (1980): Word, Dialogue, and Novel. *Desire in Language. A Semiotic Approach to Literature and Art*. New York, pp. 64–91.
- Krvina, D. (2014): *Sprotni slovar slovenskega jezika 2014*: <https://cutt.ly/RgljTw1> (07.01.2020).
- Kržišnik, E., Jakop, N. (в печати): Samostalniške manjšalnice kot sestavine frazeoloških enot. In: M. Kranjc, A. Žele (eds.): *Pogled v jezik in iz jezika (Adi Vidovič Muha ob jubileju)*. Zora 133.

- Kržišnik, E., Smolić, M. (1999): Metafore, v katerih živimo tukaj in zdaj. In: E. Kržišnik, M. Bešter (eds.): *Zbornik predavanj 35. seminarja slovenskega jezika, literature in kulture*. Ljubljana, s. 61–80.
- Krzyżanowski, J. (1947): *Polska bajka ludowa w układzie systematycznym*, t. I: *Bajka zwierzęca*, cz. II: *Baśń magiczna*. Warszawa.
- Krzyżanowski, J. (1975): *Mądrzej głowie dość dwie słowie. Pięć stulety przysłów polskich i diabelski tuzin*, t. I–III. Warszawa.
- Krzyżanowski, J. (1980): *Szkice folklorystyczne*, t. II: *W kręgu pieśni. W krainie bajki*, t. III: *Wokół legendy i zagadki. Z zagadnień przysłowioznawstwa*. Kraków.
- Krzyżanowski, J. (eds.) (1969–1978): *Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich*, w oparciu o dzieło Samuela Adalberga oprac. zesp. red. pod kier. Juliana Krzyżanowskiego, t. 1–4. Warszawa.
- Kučera, K. (1995): K nejnovějším vlivům angličtiny na český jazyk. In: Kuklík, J. (ed.), *Přednášky z 34. a 35. běhu LŠSS*, s. 77–82.
- Kuras, B. (1999): *Češi na vlásku: příručka národního přežívání*. Praha.
- Kuzmova, M. (2017): Antipříслови, také přísloví... (Tradiční česká přísloví a jejich proměny). In: E. Rusinová (eds.): *Přednášky a besedy z L. (jubilejního) ročníku Letní školy slovanských (bohemistických) studií*. Brno, s. 172–182.
- Langacker, R. (1987): *Foundations of cognitive grammar. Vol. 1. Theoretical prerequisites*. Stanford.
- Leech, G. (1983): *The Principles of Pragmatics*. London – New York.
- Lewicki, A. M. (1976): *Wprowadzenie do frazeologii syntaktycznej. Teoria zwrotu frazeologicznego*. Katowice.
- Lewicki, A. M. (2003): *Studia z teorii frazeologii*. Łask.
- Lewicki, A. M., Pajdzińska, A. (2010): Frazeologia. In: J. Bartmiński (eds.): *Współczesny język polski*. Lublin, s. 315–333.
- Lewicki, A. M., Pajdzińska, A., Rejakowa, B. (1987): *Z zagadnień frazeologii. Problemy leksykograficzne*. Warszawa.
- Machek, V. (1957): *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha.
- Majkowska, G. (2015): Źródła nowej polskiej frazeologii. In: I. Kosek, R. Makarewicz, K. Zawilska (eds.): *Nowe zjawiska w języku tekście i komunikacji V. Frazeologizmy*. Olsztyn, s. 148–167.
- Mareš, P. (1996): Code-mixing – míšení (směšování) kódů: Angličtina v češtině. In: *Čeština doma a ve světě* 4, s. 242–245.
- Marszałek, M. (2019): *Rusycyzmy leksykalne w potocznej odmianie współczesnej polszczyzny*: <https://cutt.ly/jgJjn86> (12.12.2019).
- Martincová, O. et al. (1998): *Nová slova v češtině 1: slovník neologizmů*. Praha.
- Martincová, O. et al. (2004): *Nová slova v češtině 2: slovník neologizmů*. Praha.
- Menac, A. (2007): *Hrvatska frazeologija*. Zagreb.
- Menac, A., Ž. Fink Arsovski, R. Venturin (2014): *Hrvatski frazeološki rječnik*. Zagreb.

- Meterc, M. (2017): *Paremiološki optimum. Najbolj poznani in pogosti pregovori ter sorodne paremije v slovenščini* (= Lingua Slovenica 10). Ljubljana.
- Mlacek, J. (1978): Hľadanie dialektických zákonitostí vo frazeológii (Charakteristika frazeologickej koncepcie V. M. Mokijenka). *Jazykovedný časopis*, 1978, 29, s. 165–173.
- Mlacek, J. (1984): *Slovenská frazeológia*. Bratislava.
- Mlacek, J. (2001): *Tvary a tváre frazém v slovenčine*. Bratislava.
- Mlacek, J. (2007a): *Tvary a tváre frazém v slovenčine*. 2., upravené vyd. Bratislava.
- Mlacek, J. (2007b): *Štúdie a state o frazeológii*. Ružomberok.
- Mlacek, J. (2013): Cez poznávanie k používaniu biblických frazém v súčasnej komunikácii. In: Walter, H., Mokienko V., Baláková D. *Die slawische Phraseologie und die Bibel*. Greifswald, s. 138–144.
- Mlacek, J., Baláková, D. (2007): Pragmatika ako podnet transformácií v súčasnej slovenskej frazeológii. In: *Slavenska frazeologija i pragmatika*. Zagreb.
- Mlacek, J., Ďurčo, P., et al. (1995): *Frazeologická terminológia*. Bratislava.
- Moczarz-Kleindienst, M. (2018): Z ekranu do słownika – o frazeologizmach filmowych we współczesnym języku rosyjskim. In: A. Pstyga, T. Kananowicz, M. Buchowska (eds.): *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*, t. VII. Gdańsk, s. 79–87.
- Mohammed, H., Abbas, N. (2015): Pragmatics of Impoliteness and Rudeness. *American International Journal of Social Science*, 2015, Vol. 4, No. 6, s. 195–205.
- Mokienko, V. (1973): Pije jako holendr – nebo jako Holendr? *Naše řeč*, 56, č. 2, s. 63–71.
- Mokienko, V. M. (1976): Dialektický vztah „implicitnost: explicitnost“ a vývoj frazeologie. *Slovo a slovesnost* 37, 1976, č. 1, s. 4–13.
- Mokienko, V. M., Stěpanova, L. (2008): *Ruská frazeologie pro Čechy: Русская фразеология для чехов*. Olomouc.
- Mokijenko, W., Walter, H. (2008) (Red.): *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. Frazeologia*. Opole.
- Moser, W. (2014): Pour une grammaire du concept de “transfert” appliqué au culturel. *Transfert. Exploration d'un champ conceptuel*. Ottawa, p. 49–77.
- Nagy Gábor, O. (2005): *Mi fán terem? Magyar szólásmondások eredete*. Budapest.
- Nie je fitko pre teba to pravé orechové? Objav bojové športy! In: *Megatrener*: <https://cutt.ly/RgJjhAb> (26.10.2019).
- Ološtiak, M., Ivanová, M. (2013): *Kapitoly z lexikológie. (Lexikálna syntagmatika a viacslovné pomenovania)*. Prešov.
- Ondruš, Š., Sabol, J. (1981): *Úvod do štúdia jazykov*. Bratislava.
- Osgood, Ch. E., Tannendaum, P. H. (1955): The Principle of Congruity in the Prediction of Attitude Change. *Psychological Review*, 1955, Vol. 62, p. 42–55.
- Ouředník, P. (1992; 2016): *Šmírbuch jazyka českého*. Praha.
- Panek, A. (2016): Język w przestrzeni internetu. *Przestrzeń społeczna*, nr 1 (11): <https://cutt.ly/rgJjkhP>
- Pavlica, J. (1960): *Frazeološki slovar v petih jezikih*. Ljubljana.

- Pęzik, P. (2013): Paradygmat dystrybucyjny w badaniach frazeologicznych. Powtarzalność, reprodukcja i idiomatyzacja. In: P. Stelmaszczyk (eds.): *Metodologie językoznawstwa I. Ewolucja języka. Ewolucja teorii językoznawczych*. Łódź.
- Piela, A. (2016): *Pozorna tożsamość. Polskie tradycjonalizmy z semantycznym archaizmem*. Katowice.
- Piela, A. (2018): *Słownik frazeologizmów z archaizmami. Pamiątki przeszłości*. Warszawa.
- Pintarić, N. (2002): *Pragmemi u komunikaciji*. Zagreb.
- Pintarić, N. et al: *Slavenske korijenske univerzalije*. Zagreb, in tisku.
- Polívková, J. (2017): Vliv znalosti bible na percepci a recepci frazeologických biblistů. *Svět v obrazech a ve frazeologii I*. Praha: PedF UK, s. 447–455.
- Popławski, E. (2014): *Frazemy z biblijnymi nazwami osobowymi w gwarach polskich*. Kraków.
- Puda-Blokesz, M. (2014): *Mitologizmy frazeologiczne w języku polskim (na materiale leksykografii XX i XXI wieku)*. Kraków.
- Puda-Blokesz, M. (2015): *Po nitce do kłębka. Mały słownik mitologizmów frazeologicznych języka polskiego*. Kraków.
- Rak, M. (2008): Pieśniowość gwarowej frazeologii Podtatrza. In: S. Iachimovschi (ed.): *We wspólnocie narodów i kultur. W kręgu relacji polsko-rumuńskich*. Suceava, s. 280–288.
- Razvezani jezik, prosti slovar žive slovenščine*: razvezanijezik.org
- Rejzek, J. (2001): *Český etymologický slovník*. Praha.
- Rosen, A. (2006): O čem vypovídá pád doplnku infinitivu. In: Čermák, F., Blatná, R., eds., *Korpusová lingvistika: Stav a modelové přístupy*, Praha, s. 254–284.
- Ruszer, A. (2012): Czy Hitler jest hardcorem? E-folklor jako komentarz. *Kultura Popularna*, 2012, nr 3 (33), s. 70–84.
- Sabljak, T. (2010): *Rječnik hrvatskoga žargona*. Zagreb.
- Saloni, Z. (1983): Bardzo wstępne uwagi do słownikowego opisu polskich frazeologizmów. In: T. Dobrzyńska, E. Janus (eds.): *Tekst i zdanie. Zbiór studiów*. Warszawa, s. 353–363.
- Sarnowski, M. (2019): O jednym ze sposobów bytowania rossików w języku i kulturze polskiej. *Acta Polono-Ruthenica XVI*, 2009, s. 488–496.
- Seminarske in diplomske naloge študentov na Oddelku za slovenistiko Filozofske fakultete Univerze v Ljubljani (mentorica Smole, V.).
- Skladaná, J. (2013): Fenomén Biblie v slovenskej frazeológii. In: H. Walter, V. Mokienko, D. Baláková (eds.). *Die slawische Phraseologie und die Bibel*. Greifswald, s. 178–182.
- Svobodová, D. (1996): Anglické výrazy v českém publicistickém tisku. *Naše řeč*, 79, 1996, s. 99–102.
- Svobodová, D. (2009): *Aspekty hodnocení cizojazyčných přejímek: mezi módností a standardem*. Ostrava.
- Šindelářová, J. (2007): Znalost a chápání frazémů u cizinců. In: D. Baláková, P. Ďurčo (eds.): *Frazeologické štúdie V*. Ružomberok, s. 343–357.

Šindelářová, J. (2011): Фразеология при обучении чешскому языку как родному и иностранному. In: V. Mokienko – A. Savčenko (eds): *Фразеология и языковая динамика*. Greifswald, s. 173–185.

Šindelářová, J. (2012): Paremiologická kompetence mladé a střední generace (na materiálu přísloví biblického původu). In: M. Hordy – V. Mokienko – T. Szutkowski – H. Walter (eds.): *Słowo. Tekst. Czas XI. Szczecin* – Greifswald: ZAPOL, s. 604–611.

Šindelářová, J. (2013): Фразеологические библеизмы в чешской речи (результаты проектного исследования). In: H. Walter – V. M. Mokienko – D. Baláková (eds.): *Die slawische Phraseologie und die Bibel*. Greifswald, s. 171–178.

Šindelářová, J. (2016a): Сравнения как фразеологическая компетенция студентов педагогического профиля начального этапа обучения (результаты исследования). In: V. Mokienko, T. Volodina, I. Kuznecova, A. Savčenko (eds.): *Устойчивые сравнения в системе фразеологии*. Greifswald, s. 266–272.

Šindelářová, J. (2016b): Фразеологические библеизмы в чешской речи (результаты проектного исследования между двумя поколениями в студенческой аудитории). In: V. Mokienko, I. Tretjakova, M. Fokina (eds.): *Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах*. Кострома, s. 70–72.

Šindelářová, J. (2017a): Frazeologická kompetence pedagogů v české primární škole (mezigenerační výzkum). *Didaktické studie*, roč. 9, č. 2, s. 117–133.

Šindelářová, J. (2017b): Biblická frazeologie v povědomí mladé a střední generace učitelů primárních škol. In: L. Janovec (ed.): *Svět v obrazech a ve frazeologii I*. Praha, s. 187–205.

Šindelářová, J. (2018a): Фразеологические сравнения в современном речевом узусе молодого русского поколения в чешской среде. *Rossica Olomucensia*, roč. 57, č. 1, s. 59–72.

Šindelářová, J. (2018b): Символ змеи в фольклоре и его отражение в фольклоре и фразеологии (в аспекте преподавания в чешской начальной школе). In: H. Walter, V. Mokienko (eds.): *Slawische Phraseologie und Folklore: Ihre linguokulturelle und lexikografische Beschreibung*. Greifswald, s. 110–117.

Šindelářová, J., Baláková, D. (2018): Bible phraseology in future teacher training. In: N. Jasko (ed.): *Society and Languages in the Third Millennium. Communication. Education. Translation*. Moskva, s. 224–238.

Skladaná, J. (2005): Diachronia a synchronia vo frazeológii. In: *Verba et historia*. Praha.

Skrzydłowska-Kalukin, K. (2019): Koniec imprezy. *Wprost* 46/2019 <https://www.wprost.pl/tygodnik/10268561/koniec-imprezy.html>

Smiešková, E. (1970): Ustálené prirovnania vo frazeológii (so zreteľom na lexikografické spracovanie). *Jazykovedný časopis* 21, 1970, č. 2, s. 189–201.

Smiešková, E. (1976): Vyjadrenie nesúhlasu, odmietania frazeologickými prostriedkami. *Kultúra slova* 10, 1976, č. 8, s. 260–263.

Sochová, Z., Poštolková, B. (1994): *Co v slovnících nenajdete: novinky v současné slovní zásobě*. Praha.

Šonje, J. (red.) (2000): *Rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb.

- Sotolářová, M. (2016): *Porušování a dodržování zdvořilostního principu v politickém diskursu (na materiálu projevů Vladimíra Putina a Miloše Zemana)*, <https://theses.cz/id/yvdtwf/17810823>.
- SprichWort-Plattform* (2008–2010): <http://www.sprichwort-plattform.org/>
- Stěpanova, L. (2004): *Česká a ruská frazeologie. Diachronní aspekty*. Olomouc.
- Stěpanova, L. (2009): Frazémy biblického původu (na materiálu slovenštiny, češtiny a ruštiny). In: V. Kováčová, D. Baláková, J. Šindelářová (eds.): *Aspekty literárnovedné a jazykovedné II*. Ružomberok, s. 107–119.
- Stěpanova, L. (2011): *Современный русский язык: праздник вербальной свободы*. Olomouc.
- Stepanova, L., Dobrova, M. (2018): *Slovník ruských neologismů*. Olomouc.
- Stěpanova, L., Fojtů, P., Jankovičová, M. (2014): *Rusko-česko-slovenský slovník frazeologických synonym*. Olomouc.
- Steyer, K. (2013): *Usuelle Wortverbindungen. Zentrale Muster des Sprachgebrauchs aus korpusanalytischer Sicht*. Tübingen.
- Steyer, K. (2018): Lexikalisch geprägte Muster – Modell, Methoden und Formen der Onlinepräsentation. In: K. Steyer: *Sprachliche Verfestigung. Wortverbindungen, Muster, Phrasem-Konstruktionen*. Tübingen, s. 227–264.
- Steyer, K. (2019): Für Jahre vom Tisch sein. Temporale Präposition-Nomen-Verbindungen zwischen Zeitreferenz und modal-diskursivem Gebrauch. In: P. Ďurčo, J. Tabačková (eds.): *Präposition-Nomen-Verbindungen: Korpusstudien zu Gebrauch und Musterhaftigkeit phraseologischer Minimaleinheiten*. Berlin, s. 9–48.
- Steyer, K., Brunner, A. (2009): *Das UWV Analysemodell. Eine korpusgesteuerte Methode zur linguistischen Systematisierung von Wortverbindungen*. Mannheim. <https://cutt.ly/XgJjD3T> (10.02.2020).
- Svobodová, D. (1996): Anglické výrazy v českém publicistickém tisku. *Naše řeč*, 79, 1996, s. 99–102.
- Tabáčková, J. (2019a): Die Problematik der Äquivalenz der präpositionalen Wortverbindungen als phraseologischen Einheiten. In: R. Kvapil, et al. (eds.): *Cudzie jazyky v premenách času 9*. Bratislava, s. 96–108.
- Tabáčková, J. (2019b): *Präpositionale Wortverbindungen. Eine kontrastive Fallstudie*. Berlin.
- Tafel, K. (2001): Zum Wesen von Graduierung und deren Bedeutung für die menschliche Gemeinschaft. In: H. Jachnow, et al. (eds.). *Quantität und Graduierung als kognitiv-semantische Kategorien*. Wiesbaden, s. 20–38.
- Tölgyesi, T. (2009): *Lexikální germanismy v dnešní češtině. Studie kontaktovělingvistická*. Piliscsaba.
- Trendowicz, M. (2019): *Феномен Штирлица. Образ советского разведчика в русском языке и культуре современной России*. Gdańsk.
- Vargha, K., T. Litovkina, A. (2007): „Hallgatni Arany, beszélni Petőfi”. A magyar antiproverbiumok ferdítési módjai (formai változatok és nyelvi humor). *Magyar Nyelv* 103, 2007, č. 2, s. 179–199.

Vidović Bolt, I., Pintarić, N. (2017): *Ihtionimi u Rječniku hrvatskih animalističkih frazema – frazeomodeli i poljski ekvivalenti*, Słowińskie przyjemności 3, Kraków (v tisku).

Vukajlija: www.vukajlija.com (06.01.2020).

Wackernagel, M., Rees, W. (1997): *Unser ökologischer Fußabdruck. Wie der Mensch Einfluß auf die Umwelt nimmt*. Basel.

Wahrig, G. (et al.) (2002): *Deutsches Wörterbuch. Mit einem „Lexikon der deutschen Sprachlehre“*. Gütersloh – München.

Wander, K. F. W. (1964): *Deutsches Sprichwörterlexikon. Ein Hausschatz für das deutsche Volk*. Vol. 1–5. Nachdruck. Darmstadt.

Wójtowicz, M. (1973): O rzeczownikach zapożyczonych z języka angielskiego przez rosyjski język literacki w epoce radzieckiej. *Studia Rossica Posnaniensia*, 1973, 5, s. 61–75.

Zargonaut: www.zargonaut.com (02.01.2020).

Žilka, T. (2015): *Dobrodružstvo teórie tvorby*. Nitra.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АУМ: *Атлас української мови*: в 3-х т. Т. 1. Т. 2. Київ 1988.
- БАС-3: Горбачевич, К. С., Герд, А. С.: *Большой академический словарь русского языка*. Санкт-Петербург 2004–2019.
- БСКСВ 2000: Берков, В. П., Мокиенко, В. М., Шулежкова, С. Г.: *Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка*. Москва 2000.
- БСКСВ 2008–2009: Берков, В. П., Мокиенко, В. М., Шулежкова, С. Г. (2008–2009): *Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка*; ред. С. Г. Шулежкова: в 2 т. Магнитогорск-Greifswald 2008–2009.
- БСРЖ 2000: Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г.: *Большой словарь русского жаргона. 25 000 слов и 7 000 устойчивых сочетаний*. Санкт-Петербург 2000.
- БСРНС 2008: Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г.: *Большой словарь русских народных сравнений*. Москва 2008.
- БСРП 2007: Мокиенко В., Никитина Т.: *Большой словарь русских поговорок*. Москва 2007.
- ЛЭС 1990: *Лингвистический энциклопедический словарь*. Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва 1990.
- МАС 1981–1984: Евгеньева, А. П.: *Словарь русского языка*. В 4 т. Москва 1981–1984.
- МАС 1984: *Словарь русского языка в четырех томах*. Т. IV: Москва 1984.
- НРЛ-78: *Новое в русской лексике: Словарные материалы-78*. Москва 1981.
- НРЛ-80: *Новое в русской лексике: Словарные материалы-80*. Москва 1984.
- НРЛ-88: *Новое в русской лексике. Словарные материалы 1988*. Санкт-Петербург 1996.
- НСЗ-80: *Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов*. Санкт-Петербург 1997.
- НСЗ-90: *Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века*. Под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.), Е. А. Левашова: в 3 т. Т. 1. Санкт-Петербург 2014.
- ПОС: *Псковский областной словарь с историческими данными*. Вып. 1–28. Л. СПб 1967–2019.
- РНД: *Речник на новите думи и значения в българския език (от края на XX и първото на десетилетие на XXI в.* Е. Пернишка, Д. Благоева, С. Колковска. София 2010.
- РСС: *Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений*. Москва 2002.
- РФ/ИЭС: Бирих, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И. (2005): *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. Москва 2005.
- РФ: *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь* словарь: ок. 6000 фразеологизмов: А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова (eds.). Москва 2005.
- РЯ/Э 1997: *Русский язык. Энциклопедия*. Москва 1997.

- СНС 50–80: *Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов)*. Санкт-Петербург 1995.
- СПРЯ-04: Новиков, А. Б.: *Словарь перифраз русского языка*. Москва 2004.
- СРН 2018: Stěpanova, L., Dobrova, M.: *Словарь русских неологизмов. Slovník ruských neologismů*. Olomouc 2018.
- СРНГ: *Словарь русских народных говоров*. Вып. 1–51. Ленинград, Санкт-Петербург 1995–2019.
- СРПМ: *Словарь русской пищевой метафоры в 3-х тт.* Е. А. Юрина (ред.). Томск 2015–2019.
- СРПМ-2017: *Словарь русской пищевой метафоры*. Том 1: *Блюда и продукты питания*. Том 2. *Гастрономическая деятельность* (2017). Ред. Е. А. Юрина. Томск 2017.
- СРФ/ИЭС 1998: Бирих, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова, Л. И.: *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*. Санкт-Петербург 1998.
- ССРИ: Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О.: *Словарь-тезаурус современной русской идиоматики*. Москва 2007.
- СУМ-12: *Словник української мови в 11 томах. Додатковий том: у 2 кн.* Київ 2017.
- СФР: *Словарь устойчивых выражений*, <http://www.frazeologiya.ru>
- СФУМ: *Словник фразеологізмів української мови*. Київ 2003.
- ФСРЛЯ: Федоров А. И.: *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва 2008.
- ФСРЯ: Молотков, А. И.: *Фразеологический словарь русского языка*. Москва 1967.
- ФССРЯ: *Фразеологический словарь современного русского литературного языка* /под ред. А. Н. Тихонова. В 2-х т. Т. 1. Москва 2004.
- ЭСРЯ: *Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера*. Т. 1–4. Москва 1964–2006: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>
- EJ 1993: *Encyklopédia jazykovedy*: Bratislava 1993.
- ESČ 2002: *Encyklopedický slovník češtiny*. Praha 2002.
- GF: *Gigafida 2.0* (15.01.2020), viri.cjvt.si/gigafida/
- HRFR 2011: Menac, A., Fink Arsovski, Ž., Mironova Blažina I., Venturin R.: *Hrvatsko-ruski frazeološki rječnik*. Zagreb 2011.
- HRGRPF 2006: Fink Arsovski Ž. et al.: *Hrvatsko-romansko-germanski rječnik poredbenih frazema*. Zagreb 2006.
- HSRPF 2006: Fink Arsovski Ž. et al.: *Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema*. Zagreb 2006.
- HSSJ 1991–2008: *Historický slovník slovenského jazyka* (1991, 1992, 1994, 1995, 2000, 2005, 2008). I. – VII. zv. Bratislava 1991–2008.
- KP: „*Kultura Popularna*” 2012, nr 3 (33).
- KSSJ 2003: *Krátky slovník slovenského jazyka* (2003). 4. vyd. J. Kačala, M. Pisárčiková, M. Považaj (eds.). Bratislava 2003.

- MFS 1988: Smiešková, E.: *Malý frazeologický slovník*. Bratislava 1988.
- NKPP (1969): *Nowa księga przysłów i wyrażen przysłowiowych polskich*. J. Krzyżanowski (eds.), Warszawa 1969.
- SEL: *Slovenski etnološki leksikon*, A. Baš et al. (eds.). Lublana 2011.
- SČFI 2009: Čermák, F. a kol.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. D. 1– 4. Praha 2009.
- SČFI/P 1983: *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. 1. *Přirovnání*. Praha 1983.
- SČFI/VN 1988: Čermák, F. a kol.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky* 2. *Výrazy neslovesné*. Praha 1988.
- SČFI/VS1 1994: *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. *Výrazy slovesné* / F. Čermák, J. Hronek a kol. Část 1.: A – P. Praha 1994.
- SČFI/VS2 1994: *Slovník české frazeologie*. *Výrazy slovesné* / F. Čermák, J. Hronek a kol. Část 2.: R – Z. Praha 1994.
- SČFI/VV (2009): Čermák, F. (et al.) (2009): *Slovník české frazeologie a idiomatiky* 4. *Výrazy větné*. Praha 2009.
- SPLP (2001–2006): *Słownik polskich leksemów potocznych*. W. Lubaś, K. Skowronek (eds.). Kraków, 2001–2016.
- SPP 1996: Anusiewicz, J., Skawiński, J. (1996): *Słownik polszczyzny potocznej*. Warszawa – Wrocław 1996.
- SPPCz 2006: Czeszewski, M.: *Słownik polszczyzny potocznej*. Warszawa 2006.
- SSF 2011: Keber, J.: *Slovar slovenskih frazemov*. Ljubljana 2011: <https://fran.si/>
- SSJ 1959: *Slovník slovenského jazyka*. I. A – K. Peciar, Š. (red.). Bratislava 1959.
- SSJ 1959–1968: *Slovník slovenského jazyka*. Š. Peciar (red.). I. – VI. Bratislava 1959 –1968.
- SSJČ 1964: Havránek, B. (et al.): *Slovník spisovného jazyka českého II*. Praha 1964.
- SSJČ 1971: *Slovník spisovného jazyka českého* / Zprac. lexikograf. kol. Ústavu pro jazyk český ČSAV pod ved. Boh. Havránka ... et. al. D. I – IV. Praha 1971.
- SSKJ 1970–1991: *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Ljubljana 1970–1991.
- SSKJ 1994: *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. A. Bajec et al. (eds.). Lublana 1994.
- SSKJ2 2004: *Slovar slovenskega knjižnega jezika*. Lublana 2004.
- SSSJ 2006: *Slovník súčasného slovenského jazyka*. A – G. L. Buzássyová, A. Jarošová (red.). Bratislava 2006.
- SSSJ 2011: *Slovník súčasného slovenského jazyka H – L*. A. Jarošová, K. Buzássyová (eds.). Bratislava 2011.
- SSSJ 2015: *Slovník súčasného slovenského jazyka M – N*: A. Jarošová (ed.). Bratislava 2015.
- STGP 1993: Stępnik, K.: *Słownik tajemnych gwar przestępczych*. London 1993.
- TESz: Benkő, L. (ed.): *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára* 1. Budapest 1967.
- WSFP 2005: Kłosińska, A., Sobol, E., Stankiewicz, A.: *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłowiami*. Warszawa 2005.

КОРПУСА ТЕКСТОВ

- SNK: *Slovenský národný korpus*:
prim-8.0-public-inf (2018), korpus.sk/prim(2d)8(2e)0.html
Web-4.0: korpus.sk/web.html
- NKSJ: *Slovenski narodni korpus*
<https://www.clarin.si/noske/>
- НКРЯ: *Национальный корпус русского языка*: <http://ruscorpora.ru/>
- ČNK: *Český národní korpus*: <https://korpus.cz>
SYN 2000: <https://kontext.korpus.cz/corpora/corplist?requestable=1>
SYN 2015: <https://kontext.korpus.cz/corpora/corplist?requestable=1>
SYN v8: <https://kontext.korpus.cz/corpora/corplist?requestable=1>
Oral 2006: <https://kontext.korpus.cz/corpora/corplist?requestable=1>
Oral v1: <https://kontext.korpus.cz/corpora/corplist?requestable=1>
W1–2–3: <https://cutt.ly/XgP7OL1>
W4: <https://www.korpus.cz/>
- Křen, M. a kol. *Korpus SYN*, verze 8 z 12. 2019. Ústav Českého národního korpusu FF UK, Praha 2019. Dostupný z WWW: <https://www.korpus.cz>
- Kopřivová, M. a kol.: *ORAL: korpus neformální mluvené češtiny*, verze 1 z 2.6.2017. Ústav Českého národního korpusu FF.
- GHJK: *Hrvatski jezični korpus*:
hrWaC <http://nlp.ffzg.hr/resources/corpora/hrwac/>
- NKJP: *Narodowy korpus języka polskiego*: www.nkjp.pl

АННОТАЦИЯ

Сборник научных трудов «**НОВОЕ В РУССКОЙ и СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ**» посвящен многообразию проявлений фразеологической динамики славянских языков новейшего времени. Новое понималось его авторами как возникновение новых фразеологических единиц, как различного рода обновления инвариантов фразеологизмов и паремий с учетом фразеологического моделирования, как реактуализация элементов фразеологического фонда славянских языков в новых социальных условиях. Новые процессы во фразеологии новейшего времени изучены на материале русского, украинского, белорусского, польского, чешского, словацкого, словенского, болгарского и македонского языков с привлечением фактов других языков европейского ареала.

Первая глава «**Новые процессы в современной русской и славянской фразеологии**» посвящена вопросам связи фразеологической неологизации с важнейшими изменениями в жизни носителей языка и общества, общим тенденциям развития фразеологического состава славянских языков и фразеосемантики, проблемам воспроизводимости и идиоматичности «новых» вариантов «старых» фразеологизмов, тематическим и семантическим сферам, в которых новая фразеология проявляет себя особенно активно, интеракциям «своего» и «чужого», «старого» и «нового», культурного и инокультурного (транскультурного) в форме, семантике и прагматике фразеологических неологизмов новейшего времени, проблемам отражения инокультурных реалий в зеркале фразеологии, восприятия и интерпретации фразеологизмов славянским языковым сообществом в соотношении «традиционных» и «новых» стереотипов современного поколения носителей языков, а также соотношению синхронии и диахронии в исследовании соотношения «старого» и «нового» в новой славянской фразеологии и паремиологии.

Вторая глава «**Новое в русской и славянской фразеологии в зеркале лексикографии**» представляет актуальные проблемы, опыт лексикографического описания и фиксации фразеологизмов в аспектных и толковых словарях русского и других славянских языков. В центре внимания ее авторов оказываются ключевые вопросы фразеологической неографии: что считать новым фразеологизмом? с какого хронологического рубежа следует начинать его описание? Особое внимание уделено лингвистической интерпретации термина *фразеологический неологизм* с учетом хронологического и функционального планов;

«жизненному» потенциалу фразеологических неологизмов начала нового тысячелетия в проекции на современность, причинам и стимулам активности и последующей стабилизации одних из них и маргинализации других; связи фразеологического потенциала новых устойчивых сочетаний слов с социальным спросом на их употребление; фиксации новой фразеологии в словарях неологизмов, а в случае ее стабилизации – закреплению в лексикографических и фразеографических источниках.

Третья глава сборника **«Новые фразеологизмы в современном медиадискурсе»** обращена к сфере медиапространства и медиатекстов как мощнейшему источнику возникновения и бытия новой фразеологии. На материале медиадискурса рассмотрены тенденции фразеологического параллелизма в славянских языках в совокупности конвергентных и дивергентных процессов; фразеологизация языковых единиц, стимулы их порождения в интернет-пространстве, в сетевой коммуникации, в интернет-комментариях пользователей соцсетей, в киберкультуре, сервисе YouTube, в телевизионных тревелогах; творческая интерпретация инварианта фразеологизма индивидуальными пользователями и социальными группировками.

Четвертая глава **«Новые фразеологизмы в корпусах, современной публицистике и беллетристике»** представляет различные подходы соавторов к исследованию частотности употребления определенных типов фразеологических обновлений на материале корпусов текстов, к изучению семантической динамики фразем в публицистическом дискурсе; к определению совокупности идиоматических представлений, репрезентирующих языковые стереотипы; к изучению вариативно-интерпретационного аспекта фразеологизмов, способствующего реконструкции комплекса устойчивых представлений, направленных на фиксацию оценки политических и социальных явлений; к исследованию механизма возникновения косвенно-производных номинаций в составе различных концептосфер. На материале художественных текстов и беллетристики рассмотрены своеобразие фразеологии авторского дискурса и проблемы перевода неологических фразеологизмов жаргонного характера на другие языки.

Авторы пятой главы **«Проблемы границ современной славянской фразеологии»** сосредоточили свое внимание на необходимости уточнения основных терминопонятий фразеологии в новых условиях; проблемах семантики, прагматики, функционирования фразеологических единиц и соразмеримых с ними по предназначению и воспроизводимости лексических метафорических образований; определения resp. уточнения фразеологического статуса устойчивых сравнений, минимальных фразеологических конструкций «предлог + существительное», синтаксических фразеологизмов, составных терминов, лозунгов, призывов и под.

Шестая глава **«Происхождение современных фразеологических неологизмов»** посвящена вопросам межъязыковой конвергенции близкородствен-

ных /неблизкородственных славянских и неславянских языков, интеракции их фразеологического состава, в частности заимствованиям в новой славянской фразеологии, фразеобразовательному потенциалу образных выражений с определенным компонентом, диалогических идиом. В центре внимания – восприятие семантики фразеологизмов современным языковым сознанием с учетом общественной ситуации, духовных констант и культурных ориентиров современного общества.

Седьмая глава **«Трансформации фразеологических единиц в пространстве современных славянских языков»** представляет широкую палитру исследований семантических, структурно-семантических и контекстуальных обновлений фразеологизмов, фактов фразеологического моделирования, выполненных в вертикальном и горизонтальном направлении анализа с учетом трансформационного потенциала различных структурно-семантических типов фразеологических единиц. В центре внимания авторов оказались интерпретационный потенциал и актуальные обновления фразеологических библеизмов и их восприятие современным культурно-языковым сообществом; фразеологизмов с мифологическим, антропонимическим и соматическим компонентом. Особое внимание уделено изучению трансформаций как лингвокреативной деятельности носителей языка, проявлениям карнавализации «старого», фактам языковой игры. В центре внимания оказались и проблемы сопоставительного изучения трансформационного потенциала фразеологических единиц в близкородственных славянских языках.

Восьмая глава **«Современная паремиология, крылатика и афористика»** посвящена изучению трансформационного потенциала паремий, крылатых выражений, афоризмов, лозунгов и фактам конкретных его реализаций. Здесь рассмотрены проблемы прецедентности, активности и преобразовательный потенциал структурно-семантической модели, взаимодействие внутренних и внешних стимулов прецедентного текста к порождению новых аксиологически информативных идиом. В центре внимания – семантический и формальный аспект трансформаций паремий, крылатых выражений, афоризмов, лозунгов в контексте социальной востребованности подобного рода неологии. Лингвокультурный трансфер определен как новый подход к изучению современных обновлений славянских паремий.

SUMMARY

The multi-author book *New Russian and Slavic Phraseology* examines the diversity of the phraseological dynamics in modern Slavic languages. The authors analysed new processes, such as the emergence of new phraseological units, various changes in invariants of phrasemes and paroemias with reference to phraseological modelling, reactualization of the phraseological corpus elements in Slavic languages in new social climate. The authors studied new processes in modern phraseology in Russian, Ukrainian, Belarusian, Polish, Czech, Slovak, Slovenian, Bulgarian and Macedonian languages, and also used facts from other European languages to complement their analyses.

The first chapter of the book entitled “**New processes in modern Russian and Slavic phraseology**” examines the connection of phraseological neologization with the most significant changes in the lives of native speakers and their society. It focuses on general trends in the development of the phraseological composition in Slavic languages and phraseosemantic aspects, and discusses problems of reproducibility and idiomaticity of ‘new’ variants of ‘old’ phraseological units. The chapter provides an overview of thematic and semantic fields in which the manifestation of new phraseology is particularly active. Other topics discussed include the interactions of ‘us’ and ‘them’, ‘old’ and ‘new’, domestic and foreign cultural (transcultural) elements in the form, semantics and pragmatics of modern phraseological neologisms, the problems of reflection of foreign cultural realia in phraseology, the perception and interpretation of phraseological units by the Slavic speech community with the comparison of the ‘traditional’ and ‘new’ stereotypes of the current generation of native speakers, as well as the correlation of synchrony and diachrony in the study of the relation between ‘old’ and ‘new’ in the modern Slavic phraseology and paremiology.

The second chapter “**New in Russian and Slavic phraseology in the mirror of lexicography**” presents current and topical problems based on the experience of lexicographic description and recording of phraseological units in the aspect and explanatory dictionaries of Russian and other Slavic languages. The authors focus on the key issues of phraseological neography—what should be considered a new phraseological unit, and what chronological point should become the starting point for its description. Special attention is paid to the linguistic interpretation of the term ‘*phraseological neologism*’ with its chronological and functional aspects, the life potential of phraseological neologisms that emerged in beginning of the new millennium projected on the present-day use, the reasons and incentives for an initial activ-

ity of neologisms followed by the subsequent stabilization of some of the phrasemes, while the other ones are marginalized. The phraseological potential of new stable collocations with the social demand for their use, recording new phraseology in dictionaries of neologisms, and, in the case of their stabilization, in lexicographical and phraseographic sources are also discussed in the chapter.

The third chapter entitled **“New phraseological units in the modern media discourse”** addresses the sphere of media landscape and media texts as the most powerful source of new phraseology. Based on the material excerpted from the media discourse, the authors consider the trends of phraseological parallelism in Slavic languages in the complexity of convergent and divergent processes, phraseologization of language units and incentives for their generation in the Internet space, network communication and cyberculture, and creative interpretation of a phraseological invariant by individual users and social groups.

The fourth chapter **“New phraseological units in language corpora, modern journalism and fiction”** presents different approaches of the co-authors to studying the frequency of the use of certain types of phraseological novelties recorded in the corpora. The approaches also differ in the study of the semantic dynamics of phrasemes in journalistic discourse and in defining the complex idiomatic manifestations representing linguistic stereotypes. The chapter discusses approaches to the study of the variational and interpretive aspect of phraseology, which contributes to the reconstruction of the complex stable beliefs representing the assessment of the political and social phenomena, and to the study of the mechanism of indirectly derived nominations in various conceptospheres. Using literary texts and fiction as sources, the author considers the idiosyncrasy of the phraseology in the authors’ discourse and the problems of translating neological phraseological units of a slang nature into other languages.

The authors of the fifth chapter entitled **“Problems of the boundaries of modern Slavic phraseology”** focused on the need to clarify the basic concepts of phraseology with respect to new conditions. They address the problems of semantics, pragmatics, functioning of phraseological units and lexical metaphorical formations that can be compared to phrasemes in their purpose and reproducibility. The chapter provides a definition, or rather a certain clarification of the phraseological status of stable comparisons, minimal phraseological constructions as ‘preposition + noun’, syntactic phraseological units, compound terms, slogans, appeals, etc.

The sixth chapter **“The origin of modern phraseological neologisms”** is devoted to the issues of interlingual convergence of closely related / non-closely related Slavic and non-Slavic languages, and the interaction of their phraseology. In particular, it studies borrowings in the new Slavic phraseology, the phraseological potential of figurative expressions with a certain component, dialogical idioms. The authors focus on the perception of the semantics of phraseological units by the modern language consciousness, taking into account the social situation, spiritual constants and cultural reference points of modern society.

The seventh chapter entitled “**Transformation of phraseological units in the modern Slavic languages**” presents a wide range of research in semantic, structural-semantic and contextual novelties in phraseological units, phraseological modelling performed in vertical and horizontal analyses with respect to the transformational potential of various structural-semantic types of phraseological units. The authors focused on the interpretative potential and current new phenomena in biblical phraseological expressions as well as in phraseological units with mythological, anthroponymic and somatic components, and their perception by the modern cultural and linguistic community. A particular attention is paid to the study of transformations as a creative linguistic activity of native speakers, the manifestations of carnivalization of the ‘old’ units, and to examples of a language game. The problems of a comparative study of the transformational potential of phraseological units in closely related Slavic languages were also subjected to detailed analysis.

The eighth chapter “**Modern paremiology, proverbiology and aphoristics**” studies the transformative potential of paroemias, proverbial expressions, aphorisms, slogans and the examples of their specific implementations. The authors consider the problems of precedence, the activity and transformative potential of the structural-semantic model, the interaction of internal and external incentives of the precedent texts which lead to generating new axiologically informative idioms. The semantic and formal aspects of transformations of paroemias, proverbial expressions, aphorisms and slogans in the context of social relevance of this kind of neology are analysed in the chapter. Linguistic and cultural transfer is defined as a new approach to the study of modern changes in Slavic paroemias.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ШУЛЕЖКОВА СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор
Магнитогорский государственный технический
университет им. Г. И. Носова
г. Магнитогорск, Россия
shulezkova@gmail.com

БИРИХ АЛЕКСАНДР КАРЛОВИЧ

доктор филологических наук, профессор
Трирский университет (Universität Trier)
г. Трир, Германия
bierich@uni-trier.de

ГЕОРГИЕВА СТЕФКА ИВАНОВА

профессор, доктор филологии
Пловдивский университет им. Паисия Хилендарского
(Пловдивски Университет «Паисий Хилендарски»)
г. Пловдив, Болгария
stefka3@abv.bg

ВЕНЖИНОВИЧ НАТАЛИЯ ФЕДОРОВНА

доктор филологических наук, профессор
Ужгородский национальный университет
г. Ужгород, Украина
vennata2017@gmail.com

НИЧИПОРЧИК ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

доктор филологических наук, доцент
Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины
г. Гомель, Беларусь
evnich@gmail.com

НИКОЛАЕВА ЕЛЕНА КАИРОВНА

кандидат филологических наук, доцент
Российский государственный гидрометеорологический университет
г. Санкт-Петербург, Россия
elena_kairovna@mail.ru

ПОЛЮЖИН ИВАН МИХАЙЛОВИЧ

магистр
Ужгородский национальный университет
г. Ужгород, Украина
poluzhyn.ivan@gmail.com

SMOLE VERA

Red. prof. dr.
Люблянский университет (Univerza v Ljubljani)
г. Любляна, Словения
vera.smole@guest.arnes.si

МИХАЙЛОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЯНОВИЧ

кандидат филологических наук, доцент
Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева
г. Красноярск, Россия
avm_2006_64@mail.ru

МИХАЙЛОВА ТАТЬЯНА ВИТАЛЬЕВНА

кандидат филологических наук, доцент
Сибирский государственный университет им. М. Ф. Решетнева
г. Красноярск, Россия
ta.rada@mail.ru

SKLADANÁ JANA

doc. PhDr., CSc.
Университет Кирила и Мефодия в Трнаве
(Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave)
г. Трнава, Словакия
jankas123@gmail.com

КРЖИШНИК ЭРИКА

доктор филологии, профессор
Люблянский университет (Univerza v Ljubljani)
г. Любляна, Словения
krzisnike@ff.uni-lj.si

ДЕЛОВА-СИЛЈАНОВА ЈАСМИНКА

Assoc. Prof. Dr. sc.
Университет святых Кирилла и Мефодия
(Универзитет «Св. Кирил и Методиј»)
г. Скопье, Македония
jasmin.del@flf.ukim.edu.mk

МОКИЕНКО ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ

доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
mokienko40@mail.ru

ГЕОРГИЕВА БЛАГОЕВА ДИАНА

доктор филологии, профессор
Институт болгарского языка им. проф. Андрейчина Болгарской
академии наук (Институт за български език «Проф. Л. Андрейчин» –
Българска академия на науките)
г. София, Болгария
d.blagoeva@ibl.bas.bg

ДАНИЛЕНКО ЛЮДМИЛА ИВАНОВНА

доктор филологических наук, доцент
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко
г. Киев, Украина
dankoua@ukr.net

ГЕНЕРАЛОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
elena-generalova@yandex.ru

ГНАТЮК ИРИНА СВЯТОСЛАВОВНА

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник
Институт языкознания им. А. А. Потебни
Национальной академии наук Украины
г. Киев, Украина
iryna.gnatyuk@gmail.com

ФАЛОМКИНА ИРИНА ПАВЛОВНА

кандидат филологических наук, старший преподаватель
Кемеровский государственный университет
г. Кемерово, Россия
falomkina@list.ru

КИМ ЛИДИЯ ГУСТОВНА

доктор филологических наук, доцент
Кемеровский государственный университет
г. Кемерово, Россия
kimli09@mail.ru

ТАРСА ЯДВИГА

кандидат филологических наук, доцент
Опольский университет (Uniwersytet Opolski)
г. Ополе, Польша
jagoda@uni.opole.pl

РАК МАЦИЕЈ

prof. Dr hab.
Ягеллонский университет (Uniwersytet Jagielloński)
г. Краков, Польша
maciej.rak@uj.edu.pl

ЮРИНА ЕЛЕНА АНДРЕЕВНА

доктор филологических наук, профессор
Национальный исследовательский Томский
государственный университет
г. Томск, Россия
yourina2007@yandex.ru

BALÁKOVÁ DANA

doc. PhDr. PhD.

Католический университет в Ружомберке
(Katólicka univerzita v Ružomberku)

г. Ружомберк, Словакия

dana.balakova@ku.sk

VIERA KOVÁČOVÁ

doc. PhDr. PhD.

Католический университет в Ружомберке
(Katólicka univerzita v Ružomberku)

г. Ружомберк, Словакия

viera.kovacova@ku.sk

СЕМЕНЕНКО НАТАЛИЯ НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, доцент

Старооскольский филиал Белгородского государственного
национального исследовательского университета

г. Старый Оскол, Россия

nsemenenko@yandex.ru

ТИЩЕНКО ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор

Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве
(Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave)

г. Трнава, Словакия

olkotiszczenko@gmail.com

КИШИНА ЕЛЕНА ВАЛЕРЬЕВНА

кандидат филологических наук, доцент

Кемеровский государственный университет

г. Кемерово, Россия

kishina@mail.ru

ДУДАРЕВА ЯНА АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат филологических наук, доцент

Кемеровский государственный университет

г. Кемерово, Россия

dudareva-yana@yandex.ru

РЫЧЕВА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСЕЕВНА

кандидат филологических наук
Карлов университет в Праге
(Univerzita Karlova v Praze)
г. Прага, Чехия
ekaterina.rycheva@ff.cuni.cz

АНИКИНА ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА

кандидат филологических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
anikina.tatiana@mail.ru

РАЙНОХОВА НАТАЛЬЯ

кандидат филологических наук, старший преподаватель
Карлов университет в Праге
(Univerzita Karlova v Praze)
г. Прага, Чехия
rajnnaff@ff.cuni.cz

ХЛЕБДА ВОЙЦЕХ

доктор филологических наук, профессор
Опольский университет
(Uniwersytet Opolski)
г. Ополе, Польша
womich4@wp.pl

НОРМАН БОРИС ЮСТИНОВИЧ

доктор филологических наук, профессор
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь
boris.norman@gmail.com

ФЕДОСОВ ОЛЕГ ИВАНОВИЧ

доктор филологических наук, доцент
Будапештский Университет им. Л. Этвеша
(Eötvös Loránd Tudományegyetem, ELTE)
г. Будапешт, Венгрия
fedoszov@gmail.com

DOBRIKOVÁ MÁRIA

prof. PhDr. CSc.

Университет им. Я. Коменского в Братиславе
(Univerzita Komenského v Bratislave)

г. Братислава, Словакия

maria.dobrikova@uniba.sk

ĎURČO PETER

prof. CSc.

Университет Кирила и Мефодия в Трнаве
(Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave)

г. Трнава, Словакия

durco@vronk.net

КОРИНА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА

кандидат филологических наук, профессор
Венский университет, Институт славистики
(Institut für Slawistik der Universität Wien)

г. Вена, Австрия

natkis2007@yandex.ru

ПАВЛОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук
Майнцкий университет им. И. Гутенберга
(Johannes Gutenberg-Universität Mainz)

г. Майнц, Германия

pavloan@uni-mainz.de

VYCHODILOVÁ ZDEŇKA

doc. PhDr. CSc.

Университет им. Ф. Палацкого в Оломоуце (Univerzita Palackého v Olomouci)

г. Оломоуц, Чехия

zdenka.vychodilova@upol.cz

ВАЛЬТЕР ХАРРИ

Prof. Dr. Dr. h. c.

Университет имени Эрнста Морица Арндта в Грайфсвальде
(Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald)

г. Грайфсвальд, Германия

walter@uni-greifswald.de

РАЧКОВСКАЯ АЛЛА ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический университет
г. Минск, Беларусь
alla.ra@mail.ru

ФИНК ЖЕЛЬКА

доктор филологических наук, профессор
Загребский университет
(Sveučilište u Zagrebu)
г. Загреб, Хорватия
zfink@ffzg.hr

ХАЙРОВ ШАМИЛЬ ВЯЛИУЛЛОВИЧ

кандидат филологических наук
Университет Глазго
(University of Glasgow)
г. Глазго, Великобритания
shamil.khairov@glasgow.ac.uk

НЕВЗОРОВА-КМЕЧ ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА

кандидат филологических наук, адъюнкт
Лодзинский университет
(Uniwersytet Łódzki)
г. Лодзь, Польша
lena_kmiec@hotmail.com

KOPŘÍVOVÁ MARIE

PhDr., Ph.D.
Институт Чешского национального корпуса философского факультета
Карлового университета в Праге (Ústav českého národního korpusu FF UK)
г. Прага, Чехия
marie.koprovova@ff.cuni.cz

KMECOVÁ SVETLANA

PhD.
Университет Я. А. Коменского в Братиславе
(Univerzita Komenského v Bratislave)
г. Братислава, Словакия
kmecova35@uniba.sk

PINTARIĆ NEDA

prof. Dr.Sc.
Загребский университет
(Sveučilište u Zagrebu)
г. Загреб, Хорватия
npintari@ffzg.hr

САВЧЕНКО АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ

кандидат филологических наук
Государственный политический университет (Чжэнчжи)
(National Chengchi University)
г. Тайбэй, Тайвань
savchenko75@mail.ru

JANKOVIČOVÁ MILADA

PhDr. CSc.
г. Братислава, Словакия
janmila1948@gmail.com

КОВШОВА МАРИЯ ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт языкознания РАН
г. Москва, Россия
kovshova_maria@list.ru

ARKHANHELKA ALLA

prof. DrSc.
Университет им. Ф. Палацкого в Оломоуце
(Univerzita Palackého v Olomouci)
г. Оломоуц, Чехия
alla_arkhanhelska@yahoo.com

МАСНЕК VIKTORIYA

Mgr.
Университет им. Ф. Палацкого в Оломоуце
(Univerzita Palackého v Olomouci)
г. Оломоуц, Чехия
viktoriya.machek01@upol.cz

ŠINDELÁŘOVÁ JAROMÍRA

doc. PaedDr. CSc.

Университет Яна Евангелисты Пуркине в Усти-над-Лабем
(Univerzita Jana Evangelisty Purkyně v Ústí nad Labem)

г. Усти-над-Лабем, Чехия

jaromira.sindelarova@gmail.com

ДЯДЕЧКО ЛЮДМИЛА ПЕТРОВНА

доктор филологических наук, профессор

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

г. Киев, Украина

eptonim@ukr.net

ДРОНОВ ПАВЕЛ СЕРГЕЕВИЧ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт языкознания Российской академии наук

г. Москва, Россия

nord.dronov@mail.ru

АМИРИ ЛЮДМИЛА ПЕТРОВНА

кандидат филологических наук, доцент

Южный федеральный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

liudmila.amiri@gmail.com

ВЕЛЈАНОВСКА КАТЕРИНА

доктор на филолошки науки, редовен професор

Универзитет святих Кирила и Мефодия

(Универзитет Св. Кирил и Методиј во Скопје)

г. Скопје, Македонија

k.veljanovska@gmail.com

МИРЧЕВСКА-БОШЕВА БИЉАНА

доктор на филолошки науки, вонреден професор

Универзитет святих Кирила и Мефодия

(Универзитет Св. Кирил и Методиј во Скопје)

г. Скопје, Македонија

biljana.mirchevska@gmail.com

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА

доктор филологических наук, профессор
Костромской государственной университет
г. Кострома, Россия
trirfr@mail.ru

UHRIŇÁK ŠTEFAN

Mgr.
Будапештский Университет им. Л. Этвеша
(Eötvös Loránd Tudományegyetem, ELTE)
г. Будапешт, Венгрия
stefan.uhrinak@gmail.com

ЖУНУСОВА ЖАНЫЛ НЫГИЗБАЕВНА

доктор филологических наук, профессор
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева
г. Нур-Султан, Казахстан
zhanyl08@mail.ru

НЕДАШКОВСКАЯ ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА

кандидат филологических наук, доцент
Житомирский национальный университет им. И. Франко
г. Житомир, Украина
meganed777@gmail.com

ЗАГОРОДНЯЯ ОЛЬГА ФЕЛИКСОВНА

кандидат филологических наук, доцент
Национальная академия статистики, учета и аудита
г. Киев, Украина
olgagorna@ukr.net

САХАРОВА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА

кандидат филологических наук, доцент
Национальная музыкальная академия Украины им. П. И. Чайковского
г. Киев, Украина
olsakh@ukr.net

МЕШКОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Mgr.

Университет им. Ф. Палацкого в Оломоуце

(Univerzita Palackého v Olomouci)

г. Оломоуц, Чехия

volodymyr.mieshkov@upol.cz

БОГДАНОВА-БЕГЛЯРН НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА

доктор филологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

n.bogdanova@spbu.ru

МОЦАЖ-КЛЕЙНДИЕНСТ МАРИЯ

доктор филологических наук, профессор

Люблинский католический университет Иоанна Павла II

(Katolicki Uniwersytet Lubelski Jana Pawła II)

г. Люблин, Польша

tomar@kul.pl

РАДЧУК ОЛЬГА ВЯЧЕСЛАВОВНА

доктор филологических наук, доцент

Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды

г. Харьков, Украина

radchuk.o.v@ukr.net

СЕЛИВЕРСТОВА ЕЛЕНА ИВАНОВНА

доктор филологических наук, профессор

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

selena754@inbox.ru

TÖLGYESI TAMÁS

Mgr. et Mgr. Ph.D.

Венский университет

(Universität Wien)

г. Вена, Австрия

tamas.toelgyesi@univie.ac.at

ЗЫКОВА ЕЛЕНА ИГОРЕВНА

кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

г. Санкт-Петербург, Россия

zykova@mail.ru

Новое в русской и славянской фразеологии

Hlavní editorka: prof. Alla Arkhanhelska, DrSc.

Výkonná redaktorka Jana Zapletalová
Odpovědný redaktor Jiří Slavík
Technická redakce Michaela Dadáková
Návrh a grafické zpracování obálky Jiřina Václavová

Publikace ve vydavatelství neprošla redakční ani jazykovou úpravou.

Vydala Univerzita Palackého v Olomouci
Křížkovského 8, 771 47 Olomouc
www.vydavatelstvi.upol.cz

Edice – Sborník

1. vydání

Olomouc 2020

DOI: 10.5507/ff.20.24458892
ISBN 978-80-244-5889-2 (print)
ISBN 978-80-244-5890-8 (iPDF)

VUP 2020-0353 (print)
VUP 2020-0354 (iPDF)

Коллективная монография **«Новое в русской и славянской фразеологии»**, соавторами которой стали участникам международной конференции Slavofraz_2020, посвящена не только проблемам «живого как жизнь» и развивающегося в пространстве и времени языка, его «лавинообразной» и «многоликой» новой фразеологии, паремиологии, афористике, которая черпает «строительный материал» для своих многочисленных интерпретаций и обновлений из недр родного языка и активно осваивает иноязычные средства, стремительно развиваясь под влиянием языковых и неязыковых стимулов. Тема «Новое в русской и славянской фразеологии» вызвала огромный интерес фразеологов со всего мира.

